

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный университет
Юридический факультет

Молодежная юридическая наука Alma Mater – 2023

Материалы международной научной конференции студентов,
магистрантов и аспирантов
Минск, 16 ноября 2023 г.

Минск
2024

Решение о депонировании вынес:
Совет юридического факультета 21 июня 2024 г., протокол № 9

Редакционная коллегия:

А. В. Шидловский (отв. ред.), кандидат юридических наук, доцент;
Н. А. Антанович, доктор юридических наук, профессор;
Н. Л. Бондаренко, доктор юридических наук, профессор;
Г. А. Василевич, доктор юридических наук, профессор;
Л. Л. Голубева, кандидат юридических наук, доцент;
С. А. Калинин, кандидат юридических наук, доцент;
В. С. Михайловский, кандидат политических наук, доцент;
Т. И. Макарова, доктор юридических наук, профессор;
К. А. Матвеева, преподаватель;
М. В. Мещанова, доктор юридических наук, доцент;
Т. В. Наумович, старший преподаватель;
О. Н. Романова, кандидат юридических наук, доцент;
А. Л. Савенок, доктор юридических наук, профессор;
Е. А. Свадковская, кандидат юридических наук, доцент.

Рецензенты:

Киселева Т. М., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета;
Ярмоц Е. Н., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина.

Молодежная юридическая наука Alma Mater – 2023 : материалы междунар. науч. конференции студентов, магистрантов и аспирантов, Минск, 16 ноября 2023 г. / БГУ, Юридический фак. ; [редкол.: А. В. Шидловский (отв. ред.) и др.]. – Минск : БГУ, 2024. – 639 с.

В сборнике помещены тезисы докладов и сообщений студентов, магистрантов и аспирантов юридического факультета БГУ и других высших учебных заведений Республики Беларусь и зарубежных стран, представленные на международной научной конференции «Молодежная юридическая наука Alma Mater – 2023».

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Омельянюк К. В.

К ВОПРОСУ О ПРЕЮДИЦИАЛЬНОЙ СИЛЕ АРБИТРАЖНОГО РЕШЕНИЯ

Омельянюк Кирилл Валерьевич, магистрант 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, kirillus0015@gmail.com

Научный руководитель: доцент Сысуев Т. В.

Одним из свойств законной силы судебного решения является преюдициальность. Указанное свойство предполагает, что факты, установленные решением суда по другому делу, не подлежат повторному доказыванию и не могут быть опровергнуты. Преюдициальность гарантирует правовую определенность, обеспечивает процессуальную экономию.

Дискуссионным выступает вопрос о том, обладает ли преюдициальной силой арбитражное решение. Выделяется три основных подхода.

1. Арбитражное решение преюдициального значения не имеет.

Сторонники данного подхода ссылаются на договорную теорию правовой природы арбитража, указывая, что арбитраж в судебную систему не входит, правосудия не осуществляет. Как следствие, решению арбитража не присущи те же свойства, что и решению государственного суда.

Данный довод подтверждается в том числе различиями в целях доказывания. Арбитражное разбирательство не требует установления истины по делу. Основной целью ставится разрешение конкретного спора, что предоставляет сторонам возможность, например, заключить соглашение о фактах, отсутствовавших в действительности. Признание таких фактов преюдициальными представляется недопустимым.

Отечественными авторами указывается также на формальное отсутствие в процессуальном законодательстве норм, закрепляющих преюдициальное значение решения арбитража. Предлагается рассматривать его как обладающее доказательственным значением наряду с иными материалами по делу.

2. Арбитражное решение имеет преюдициальное значение с момента вынесения.

Специалисты, придерживающиеся данной точки зрения, утверждают, что преюдициальность является неотъемлемым свойством обязательности арбитражного решения. Решение арбитража и государственного суда обладают равной юридической силой. Следовательно, факты, установленные арбитражем, необходимо считать установленными.

Обратная ситуация, в свою очередь, влечет возможность существования нескольких противоречащих друг другу решений, что нарушает принцип обязательности судебных актов.

Сторонники этого подхода указывают на его общераспространенность, приводя в качестве примера практику ряда государственных судов (Германия, РФ, США), а также Европейского суда по правам человека.

3. Арбитражное решение приобретает преюдициальное значение только после признания государственным судом.

Согласно мнению ряда авторов, пока арбитражное решение не экзекватурировано, оно представляет собой лишь частный акт и образует не более чем опровержимую презумпцию.

Критики данного подхода отмечают, что требование о признании и приведении арбитражного решения в исполнение в рассматриваемом контексте излишне. Соответствующая процедура не предполагает исследования государственным судом установленных арбитражем обстоятельств, что вытекает из Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г. Решение арбитража вступает в силу с момента вынесения и подлежит признанию именно ввиду своей обязательности. Процедура признания именно подтверждает юридическую силу решения, но не устанавливает ее.

В Республике Беларусь вопрос о преюдициальности арбитражного решения нормативного урегулирования не нашел. Судебной практике известны единичные случаи, в которых данный вопрос становился предметом оценки судами и арбитрами. Так, по одному из дел государственный суд отменил решение арбитража как противоречащее публичному порядку ввиду того, что его выводы не соответствовали другому арбитражному решению по делу между теми же сторонами, то есть была допущена переоценка одних и тех же фактических обстоятельств. Однако однозначного подхода не сформировано.

В целях устранения правовой неопределенности нами предлагается внести в законодательство об арбитраже изменения, предусматривающие придание арбитражным решениям преюдициального значения с момента:

1) их признания государственным судом в порядке, установленном процессуальным законодательством – для иностранных арбитражных решений;

2) их вступления в силу согласно ч. 3 ст. 41 Закона от 09.07.1999 № 279-З «О международном арбитражном (третейском) суде» – для арбитражных решений, выносимых на территории Республики Беларусь.

Тишалович К. Д.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ

Тишалович Карина Дмитриевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, tishalovichk@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шаблинская Д. В.

Психологическое насилие является одной из форм насилия, наряду с физическим, которые в той или иной мере криминализированы в действующем Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК). При этом уголовное законодательство не использует термин «психологическое

насилие», а с учетом буквального толкования положений УК под насилием подразумевается только физическая его форма.

В белорусской юридической литературе используется термин *психическое насилие* как воздействие на психическую неприкосновенность человека. В контексте данного исследования термины «психическое насилие» и «психологическое насилие» предлагается считать равнозначными.

Закон Республики Беларусь от 04.01.2014 г. № 122-З (ред. от 06.01.2022) «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» оперирует понятием *«действия психологического характера»*, под которыми понимается воздействие на психику гражданина посредством угрозы, унижения чести и достоинства, совершения иных аморальных действий, которые объективно дают основания гражданину опасаться за свою безопасность или безопасность близких ему лиц.

Психологическое насилие криминализировано в ст. 145 и 146 УК, которые являются достаточно специфическими, поскольку деяния преступника направлены на конкретный результат в виде самоубийства. В качестве психологического насилия можно рассматривать также составы принуждения и угрозы убийством и причинением тяжких телесных повреждений (ст. 185 и 186 УК), иные составы, включающие элементы шантажа, угрозы.

Как можно заметить, деяния, являющиеся психологическим насилием (жесткий контроль со стороны агрессора за личной жизнью жертвы; игнорирование, молчание; унижение и оскорбление достоинства личности; насильственная алкоголизация или наркотизация лица, достигшего 18 лет; попытки полного подчинения воли жертвы и т. д.), в большинстве своем не носят характер уголовно противоправных, в связи с чем, на наш взгляд, уголовное законодательство имеет существенный пробел. Кроме того, законодательное определение использует термин «действия», тогда как не возникает сомнений, что бездействие также может оказывать негативное психологическое воздействие (например, игнорирование, непредоставление средств на содержание и др.)

Однако последствия психологического насилия не менее опасны, чем уголовно наказуемое физическое насилие. Психологическое насилие может привести к физическому насилию или смерти. Во многих случаях жертва психологического насилия даже не осознает характер и опасность действий насильника и то, что он переходит дозволенные границы. Люди, к которым применяется такое насилие, ощущают вину за случившиеся и впоследствии имеют низкую самооценку. Они подстраивают свое поведение под требования насильника, не имеют своего мнения и находятся в состоянии тревоги и глубокой депрессии. У жертв психологического насилия нередко случаются попытки самоубийства.

В данном случае последствия такого насилия определяются гораздо шире, в том числе включая вред психическому здоровью. Подобный вред невозможно определить без помощи специалиста, а потому для правильной

квалификации деяний лица необходимо назначать соответствующую экспертизу в отношении потерпевшего.

Исходя из вышеизложенного, предлагается сформулировать определение психологического насилия в Законе Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» следующим образом:

Психологическое насилие – умышленные противоправные деяния, включая словесные оскорбления, угрозы, в том числе в отношении третьих лиц, унижение, преследование, запугивание, другие действия, направленные на ограничение волеизъявления лица, если такие действия или бездействие вызвали у пострадавшего обоснованные опасения за свою безопасность или безопасность третьих лиц или повлекли возникновение психического расстройства (заболевания).

Формулировка единого определения создаст необходимый базис для дальнейшего совершенствования законодательства, в том числе и уголовного, например, для введения уголовной ответственности за домашнее насилие, одной из форм которого может выступать психологическое насилие.

Томильчик Е. О.

ПРОБЛЕМЫ НАРУШЕНИЯ АВТОРСКОГО ПРАВА НА НАБОРЫ ДАННЫХ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Томильчик Егор Олегович, студент 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, tomilchikegor@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Ядревский О. О.

С использованием технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) возникает ряд правовых проблем, в частности в сфере авторского права. Одной из таких проблем является нарушение прав субъектов, на данных которых были обучены системы ИИ. При этом мы можем наблюдать ряд судебных дел, которые свидетельствует об этой проблеме: Getty Images (US), Inc. v. Stability AI, DOE 1 v. GitHub, Inc, Andersen v. Stability AI Ltd.

Исходя из анализа исследовательских работ в сфере машинного обучения (И. Саркер, Х. Салехи), оно включает 3 этапа: подготовка данных, обучение модели на собранных данных, тестирование модели.

Способ получения данных из веб-страниц является на данный момент самым распространенным и вызывающим наибольшее количество вопросов. Чаще всего данную процедуру называют «скрейпинг».

Профессор Р. Митчел делит процесс скрейпинга на 3 этапа: анализ сайта (website analysis), краулинг сайта (website crawling), организация данных (data organization).

В целях последующей квалификации правоотношений в сфере сбора данных для обучения ИИ необходимо определиться с юридической квалификацией сайта и скрейпинга.

В науке и юридической практике Российской Федерации в настоящее время наиболее распространены два взаимосвязанных подхода к гражданско-правовой квалификации веб-сайта: сложный объект (Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 апреля 2008 г. № 255/08) или база данных как разновидность составного произведения (Постановление Суда по интеллектуальным правам РФ от 07 марта 2014 г. по делу № А56-58781/2012).

По нашему мнению, если субъект имеет целью извлечь данные из веб-сайта, которые дают комплексное представление о системе сущностей данных в данном веб-сайте, то это должно считаться косвенным запросом в базу данных. Сайт, таким образом, вполне можно признать базой данных.

Это, например, подтверждается Постановлением Суда по интеллектуальным правам РФ от 08.02.2016 по делу № А79-3190/2014.

Таким образом, мы пришли к выводу, что извлечение данных для обучения ИИ должно рассматриваться как извлечение данных из базы данных, поэтому рассмотрим подходы к охране таких объектов и их использование в контексте ИИ.

В Законе Республики Беларусь от 17.05.2011 № 262-3 «Об авторском праве и смежных правах» указано, что база данных – это совокупность данных или другой информации, выраженная в любой объективной форме, представляющая собой по подбору или расположению этих данных или другой информации результат творческого труда.

Можно заметить, что охраняется только структура базы данных, но не ее содержание. По нашему мнению, это большой минус отечественного законодательства. При использовании алгоритмов машинного обучения наибольшую роль играет именно содержание базы данных. По сути, защита структуры является в данном случае бесполезной.

Тезис о необходимости охраны содержания баз данных также подтверждается юридической литературой (Е. А. Боровская, С. Л. Ермакович, В. И. Кудашов).

Постепенно расширяется количество стран, где вводится охрана и в отношении содержания базы данных: ЕС (Директива № 96/9/), РФ (ст. 1344 Гражданского кодекса Российской Федерации), Великобритания (Инструкции об авторском праве на базы данных).

Полагаем, в Республике Беларусь необходимо ввести охрану содержания баз данных по аналогичному критерию.

В зарубежной практике получил также распространение подход к установлению изъятий получения данных для целей машинного обучения ИИ. Наиболее заметным шагом в этом отношении в последние годы стало принятие Директивы ЕС № 2019/790 «Об авторском праве и смежных правах на Едином цифровом рынке и о внесении изменений в Директивы № 96/9/ЕС и 2001/29/ЕС».

Так, в ст. 3 Директивы устанавливается возможность свободного проведения машинного анализа текстов и данных (text and data mining). Кроме того, ст. 4 этой Директивы разрешает осуществление воспроизведения

и извлечения произведений, к которым открыт правомерный доступ, и иных охраняемых объектов для целей глубинного анализа текстов и данных, которые могут сохраняться для достижения этой цели.

Такое исключение имеет двоякое значение: с одной стороны, оно обеспечивает право доступа к охраняемым материалам (в том числе находящимся в чужих базах данных), а с другой – создает возможность формирования научных баз данных и их последующее использование.

Данные положения, по сути, позволяют сформировать в ЕС унифицированную правовую основу для проведения майнинга данных. Похожие изъятия также установлены в законодательстве Японии и Сингапура.

Данные положения положительно оцениваются также в юридической литературе в плане перспектив внедрения в других юрисдикциях (В. О. Калятин, Дж. Кристофф, Дж. Ли)

Исходя из этого, следует предусмотреть следующий алгоритм для исключений в Республике Беларусь. Исключения действует:

если данные извлекались: в процессе интеллектуального анализа данных или для подготовки к интеллектуальному анализу данных;

если цель интеллектуального анализа данных включает одно из следующих положений: научное исследование; некоммерческая деятельность; образовательная деятельность; личные цели.

Таким образом, по нашему мнению, отечественному законодателю необходимо предпринять следующие шаги:

1) расширить правовую охрану баз данных, которая включала бы охрану содержания баз данных;

2) ввести специальную оговорку о разрешении свободного использования данных в целях обучения ИИ, которая включала бы вышеуказанные общественно-значимые направления.

Бабенко Н. А.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БИОМЕТРИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

*Бабенко Надежда Андреевна, студентка 4 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
nadzeyababenka@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Калинин С. А.

К идее использования устойчивых физических черт человеческого тела для идентификации люди пришли еще в V в. до н. э. Один из самых ранних зарегистрированных примеров биометрической идентификации происходит из древнего Китая, во времена династии Цинь, которая правила с 221 по 206 г. до н. э. Согласно историческим данным правительство династии Цинь использовало отпечатки рук как метод идентификации документов и контрактов.

В XXI в. вопрос регулирования обработки персональных данных занял центральное положение среди ключевых правовых дилемм. В 1980–1990 гг., с ратификацией Советом Европы Конвенции № 108 «О защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных», а странами Европейского союза – Директивы 95/46/ЕС «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных», в зависимости от степени чувствительности персональные данные стали разделяться на обычные и специальные. Однако уже тогда в мировом сообществе возник ряд вопросов, не разрешенных однозначно до сих пор.

В связи с этим рассмотрим базовую дилемму о необходимости специального регулирования обработки биометрических данных. Отнесение или неотнесение биометрических данных к категории специальных определяет порядок обращения с такими данными.

М. С. Кривогин выделяет следующие особенности биометрических персональных данных: во-первых, их уникальность: в большинстве случаев такие данные присущи лишь одному человеку; во-вторых, такая информация доступна для сбора и анализа другим лицам в процессе повседневной активности субъекта, независимо от его воли, что позволяет «производить накопление и обработку таких сведений скрытно, без уведомления субъекта»; в-третьих, биометрические характеристики практически неизменны.

Именно указанные особенности придают биометрическим данным особый характер чувствительности, который по-разному отражен в регулировании разных стран. Так, абз. 11 ч. 1 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 07.05.2021 «О защите персональных данных» относит биометрические персональные данные к категории специальных данных (наряду с данными о расе, национальности, политических взглядах, религиозных убеждениях и др.) и запрещает их обработку без согласия лица,

чьи данные обрабатываются, кроме предусмотренных законодательством случаев, когда такое согласие не требуется. Отдельно урегулирован лишь вопрос получения идентификационных карт и биометрических паспортов (Указ Президента Республики Беларусь от 16.03.2021 № 107).

Схожее регулирование содержит и п. 1 ст. 9 Регламента Европейского парламента и Совета о защите физических лиц в отношении обработки персональных данных и о свободном перемещении таких данных (далее – GDPR). Однако российский Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 06.02.2023) не включает биометрические данные в специальные персональные данные, выделяя их в отдельную категорию. Такой подход подтверждает и принятие в 2022 г. Закона № 572-ФЗ, закрепляющего правила идентификации и аутентификации лиц с использованием биометрических данных. В Республике Казахстан отдельное регулирование обработки биометрических данных пользователей осуществляется в рамках Закона «О дактилоскопической и геномной регистрации», Закона «О государственных услугах», в соответствии с которым уполномоченный орган в сфере оказания государственных услуг (НАО «Государственная корпорация “Правительство для граждан”») наделен правом осуществлять сбор, обработку и хранение биометрических данных физических лиц в сфере оказания государственных услуг, а также правом ведения биометрической базы данных физических лиц, используемой для биометрической аутентификации в рамках оказания государственных услуг, в банковском законодательстве.

В результате складывается две позиции: с одной стороны, выделение биометрических данных является нерациональным, поскольку действующее регулирование достаточно эффективно (N. Y. Liu, Е. Покаместова), с другой – категория биометрических данных имеет большое количество особенностей, в связи с чем общее регулирование невозможно (Е. J. Kindt, И. Вельдер, А. А. Юхник).

В связи с активным внедрением технологий, основанных на обработке биометрических данных населения, законодательство многих государств, в том числе и Республики Беларусь, однозначно нуждается в развитии. Представляется, что только в случае уделения большего внимания указанным аспектам удастся достичь впечатляющих результатов в обеспечении защиты персональных данных населения.

Белкова Д. Г.

МОРАЛЬНО-ПРАВСТВЕННЫЕ НОРМЫ В ЗАКОНЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ «О ЗДРАВООХРАНЕНИИ»

Белкова Дарья Геннадьевна, студент 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, darya.belkova.96@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Калинин С. А.

Право и мораль оказывают взаимное влияние друг на друга. Мораль – социальный регулятор, представляющий собой совокупность норм и

принципов и воплощающий в них абсолютные ценности, в силу чего эти нормы являются высшим критерием поведения. По этой причине мораль оценивает право с точки зрения его соответствия требованиям справедливости и моральным ожиданиям. Право же регламентирует наиболее важные внешние общественные отношения, возникающие между носителями формальных статусов. У морали нет специализированных проводников ее норм и принципов, она воспроизводится силой убеждений, привычек, нравственного долга и т.п. Право же применяется путем государственного принуждения. Влияние морали распространяется на все или почти все сферы деятельности человека. Право же действует избирательно и не затрагивает ряд социальных сфер.

Их взаимодействие проявляется в следующем: мораль не должна требовать нарушения закона; в сфере правового регулирования авторитет за правом; право не должно закреплять в своих нормах безнравственных поступков; право применяет определенные механизмы разрешения моральных конфликтов. Вместе они формируют основу для справедливого и этичного функционирования общества. Право может регулировать морально-окрашенные отношения, включая и установление ответственности за аморальное поведение. В частности, одной из морально-окрашенных сфер, требующих правового регулирования является здравоохранение, что актуализирует важность анализа соответствующих норм Закона Республики Беларусь от 18.06.1993 «О здравоохранении», рассмотренных ниже.

1. Искусственное прерывание беременности. Статья 3 указывает, что при наличии социальных показаний, включающих беременность в результате изнасилования и решение суда о лишении родительских прав, и согласия женщины, проведение искусственного прерывания беременности допускается при сроке беременности не более 22 недель в государственных организациях здравоохранения.

Однако искусственное прерывание беременности имеет множество измерений, касающихся статуса зарождающейся жизни, а именно личность ли она или нет. По этой причине искусственное прерывание беременности, заключает в себе две противоположные позиции: убийство еще не рожденного ребенка и право женщины на распоряжение своим телом.

2. Эвтаназия (ст. 31). Эвтаназия осуждается традиционными конфессиями и рассматривается как умышленное лишение жизни человека, который является высшей ценностью и имеет право на жизнь. В связи с этим Закон «О здравоохранении» запрещает эвтаназию.

Однако кроме активной эвтаназии (совершение специальных действий, которые приведут к смерти), выделяется и пассивная (неприменение никаких мер по сохранению жизни), возможность реализовать которую может и сам пациент путем отказа от оказания медицинской помощи, в том числе медицинского вмешательства (абз. 8 ч. 1 ст. 41).

3. Патологоанатомическое исследование, в котором происходит конфликт права на достойное обращение с телом человека и важности медицинских исследований тел (аутопсия), что порождает сложное

взаимодействие этики, морали, религии, этнографии и юриспруденции. С позиций медицины, аутопсия имеет огромное значение, позволяя развивать медицину. С другой стороны, даже при соблюдении всех правовых требований об уважительном отношении к телу умершего этическая, религиозная и моральная проблемы остаются.

4. Трансплантация и донорство органов. С одной стороны, это спасает жизни других людей, но с моральной и этической точки зрения противоречиво. В соответствии с Законом Республики Беларусь от 04.03.1997 «О трансплантации органов и тканей человека» согласие на забор органов у родных умершего донора не требуется, если сам умерший еще при жизни или его родственники заранее не заявили об этом. Это порождает еще одну проблему механизма фиксации своего возражения.

Вышеизложенное указывает на наличие в Законе «О здравоохранении» правовых норм, имеющих морально-религиозную окраску и в силу этого охватываемых категорией «биоэтика».

Гончарова С. В.

ЦЕННОСТНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРАВА

*Гончарова Софья Владимировна, студент 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
sofochka_goncharova1197@gmail.com*

Научный руководитель: старший преподаватель Фиронов А. Н.

В настоящее время мы являемся свидетелями глобального ценностного кризиса, а значит, и сфера права ощутила на себе влияние различных деструктивных явлений.

Аксиологическое изучение права имеет очень важное практическое значение, поскольку позволяет изучить не только экономическую и социальную обусловленность права, его свойства, признаки, функции, но и проанализировать его ценностные идеалы, тем самым оценив роль в культурном и общественном развитии.

Право выступает не только регулятором наиболее важных общественных отношений. Это прежде всего общепризнанная человеческая ценность.

Ценность, по мнению Канта, представляет собой то, что имеет значение, значимость в нравственном мире долженствования и свободы. В современной же аксиологии «ценность» трактуется с различных точек зрения. В обычном осмыслении ценность – это все то, что ценят представителя общества, а для большей части членов любого общества ценно то, что приносит им пользу. Ценность представляет собой все то, что может служить средством реализации материальных и духовных потребностей.

Ценности – неотъемлемый атрибут всей человеческой жизни. Проблема ценностей актуальна и будет актуальной в современных науках, изучающих человека, поскольку именно они выступают интегративным началом не только для каждого индивида, но и для социальных групп и общества в целом.

В философском понимании ценность характеризуется через взаимоотношение человека и определенных явлений духовной и материальной действительности, т. е. ценностью выступает не сама вещь, а ее значение для субъекта.

Ценностные ориентации включают в свой состав широкий круг не только социальных, духовных, культурных ценностей, но и правовых.

Возникновение права стало важнейшим этапом человеческого развития. Оно дарует субъекту определенную свободу действий, но при этом ограничивая его, тем самым предупреждая антисоциальные и негативные явления, которые могут возникнуть в обществе и в государстве. Основная ценность права в том, что оно должно выступать сдерживающим фактором беззакония и произвола. Право выступает в качестве интегративного элемента, поскольку включает в себя взаимосвязанные элементы. Те самые элементы представляют собой правовые ценности, которые вместе образуют право как главную общепризнанную ценность.

Нет единого понятия для данной правовой категории. Правовые ценности могут выступать в качестве правовых целей и правовых средств их достижения, выполняющих роли правовых норм. Правовые ценности – это основные принципы, посредством которых можно определить отношение индивида, социальной группы или общества к праву. Это определенные правовые идеалы, которые характеризуют то или иное общество, а также являются фундаментом для построения сильного правового государства. Правовые ценности – это то, что формирует правовую культуру общества. Данная правовая категория есть форма выражения ценности права, посредством которой право находит себя в практическом применении.

Правовые ценности можно разбить на две группы. Категории справедливости, равноправия, свободы, законности, демократизма – абсолютные ценности, без которых право не может функционировать. Отдельную группу составляет человек и ценности, непосредственно связанные с ним, а именно права и свободы, закрепленные на законодательном уровне. Правовые ценности существуют в синтезе, и только вместе они являются сердцевиной права как общепризнанной и главной ценностной категории.

Правовые ценности являются характеристикой государства, в котором они функционируют. Именно поэтому важной правовой категорией, на наш взгляд, выступает ценностный суверенитет государства. Сам суверенитет, как важнейший элемент государства, есть независимость во внутренней и внешней политике. А что же есть ценностный суверенитет? В каждом государстве существует своя национальная система ценностей, которая должна быть защищена от любого внешнего воздействия, чтобы впоследствии избежать ценностного конфликта. Навязывание чуждых для нашего общества и правовой системы идеалов приведет к отрицанию традиционных ценностей и потере нашей правовой сердцевины.

Правовые ценности являются базой для формирования высокой правовой культуры среди населения. Опровержение или непринятие правовых ценностей может стать результатом действия правовой антикультуры, что впоследствии может привести к правовому хаосу.

Грачёва А. А.
ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

*Грачёва Анна Александровна, студентка 1 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь, law.grachevaAA@bsu.by*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Лагун Д. А.

Введение и использование современных цифровых технологий породило процессы трансформации в современном обществе – цифровую трансформацию общественных отношений, которая выражается в использовании современных цифровых технологий в различных сферах человеческой деятельности.

Цифровая революция как фактор динамичного развития привела к созданию цифровой экономики, разработке основ цифрового права, новой конфигурации общественных отношений, основанной на использовании Интернета, социальных сетей и других информационно-коммуникационных технологий.

Цифровая трансформация оказывает непосредственное влияние на реализацию основных прав человека. Результаты цифровизации требуют понимания и адекватной формулировки правового механизма регулирования, реализации, защиты уже существующих и формирующихся прав человека в целях устойчивого социально-экономического развития, обеспечения реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Эпоха цифровых технологий предоставляет новые, более широкие возможности для осуществления прав и свобод человека и гражданина, но в то же время создает новые вызовы и угрозы обеспечению этих прав и свобод. Цифровизация практически всех сфер жизни также приводит в некоторых случаях к негативному воздействию в первую очередь на обеспечение естественных, неотъемлемых прав человека, особенно когда речь заходит о неприкосновенности частной жизни.

В большинстве случаев пользователи цифровых технологий и Всемирной паутины защищают личную информацию индивидуально, используя самые разнообразные технологии. Но это не всегда эффективно как по объективным, так и по субъективным причинам, а это означает, что существует прямая угроза многим фундаментальным естественным правам и свободам человека и гражданина.

Широкое использование цифровых технологий не только обеспечивает осуществление прав и свобод человека и гражданина, но и во многих случаях нарушает их. Это объективно ставит перед государствами мира и международным сообществом сложные задачи по решению существующих проблем в этой сфере для обеспечения баланса прав и законных интересов личности, общества и государства.

Цифровизация стимулирует стирание границ между традиционными отраслями права. Информация и технологии уже присутствуют в каждой отрасли, они становятся общим знаменателем и способны определять единую логику права, что неизбежно влияет на теорию права. Категория цифровых

прав постепенно признается в глобальном, региональном и национальном контекстах. Иногда это происходит в процедуре регулирования конкретных прав человека, которые обычно называются цифровыми или коммуникационными правами, иногда на более всеобъемлющей основе – при определении подробного перечня таких прав.

Если судить по современной практике развития права, то в концептуальный и правовой оборот постепенно вводится категория «цифровые права», которая получила широкое распространение как существенный элемент описания правового статуса человека в интернете. В то же время она только начинает получать всеобщее признание в законодательстве и исследоваться в доктрине. Очевидно, это обусловлено тем фактом, что проблема поиска и определения специфических особенностей основных прав человека в цифровой среде возникла относительно недавно.

В общем понимании цифровые права следует интерпретировать как расширение универсальных прав человека с учетом потребностей информационного общества. Цифровые права могут включать в себя широкий спектр основных прав, которые реализуются в цифровой среде и требуют исследований с точки зрения свойств этой среды. При этом фундаментальные цифровые права в первую очередь вытекают из информационных прав, но не сводятся к ним. К цифровым правам относят право на доступ в интернет, право на поиск, получение и передачу информации, право на использование, создание и публикацию цифровых произведений, право на приватность в интернете, право на анонимность и др.

Появление и широкое развитие цифровой среды не должно негативно воздействовать на реализацию фундаментальных прав человека. Очевидно, что развитие цифрового пространства, наоборот, во многом трансформирует, дополняет и расширяет возможности человека по реализации своих прав. Вместе с тем в цифровом мире защита прав человека выходит на новый уровень, что объективно требует формирования и разработки концепции цифровых прав человека.

Денисенко Н. В.

**РАЗЛИЧИЕ ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ КАК ПРЕПЯТСТВИЕ К БРАКУ
ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(XIX – НАЧАЛО XX в.)**

Денисенко Надежда Вячеславовна, аспирант кафедры теории и истории государства и права Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины, г. Гомель, Беларусь, nadyusha.denisenko2016@tut.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Грахоцкий А. П.

В соответствии с законодательством Российской империи принадлежность лиц к различным вероисповеданиям являлась одним из препятствий к заключению брака. Это объяснялось тем, что различие

религии не согласовывалось с понятием о браке как о полном «общении» между супругами «божественного права».

Согласно ст. 85 «Свода законов гражданских» запрещалось заключение брака православных и католиков с лицами нехристианских исповеданий. Такие браки признавались недействительными по п. 7 ст. 37 «Свода законов гражданских». Кроме того, запрещался брачный союз протестантов с ламаитами и язычниками. Запрет православным и католикам вступать в брак с нехристианами был основан на канонических постановлениях и подтвержден гражданскими законами в 1827 г. Брачные союзы лютеран с евреями и мусульманами были возможны с предварительного разрешения консистории. При этом от супруга-нехристианина бралась подписка о том, что дети будут крещены в евангелическо-лютеранской или православной вере и что лицо, не исповедующее христианскую веру, не будет склонять супруга-христианина и детей к принятию своей веры. Кроме того, супруг-нехристианин должен был отказаться от многоженства (ст. 328 Устава духовных дел иностранных исповеданий 1896 г.).

За вступление в брак с нехристианами православные подлежали наказанию в виде заключения в тюрьме на 4 месяца и церковному покаянию. Для католиков, вступивших в брак с нехристианами, устанавливалось наказание в виде заключения в тюрьме на 2 месяца и 20 дней.

Важно отметить, что смешанные браки христиан с нехристианами были возможны. Так, если один из супругов – нехристиан принимал православие, то его брак оставался в силе, венчания при этом не требовалось.

Кроме того, по учению Православной церкви запрещался брак православных с представителями других христианских конфессий. В 1721 г. был издан синодский указ о разрешении таких браков. Это было вызвано тем, что пленные шведы, направленные для добычи и обработки железной руды в Сибирь, не могли найти себе невест своего вероисповедания.

В результате в ст. 67 «Свода законов гражданских» содержалось правило, в соответствии с которым заключение браков православных с представителями иных христианских конфессий было возможно при наличии следующих условий: такой брак должен был совершать православный священник, в православной церкви, по обрядам православия. При этом перед венчанием лицо, принадлежавшее к инославной конфессии, должно было дать подписку о том, что не будет укорять своего супруга за исповедание православия и склонять к принятию своей веры путем угроз или иными способами и что рожденные в браке дети будут крещены и воспитаны в правилах православной веры.

Начало XX в. было ознаменовано появлением либеральных проектов, направленных на сокращение препятствий к браку. Так, в 1906 г. Правительство П. А. Столыпина разработало законопроект «О семейственных правах», которым разрешались браки христиан с нехристианами, совершенные по христианскому обряду. При этом указывалось, что если один из молодоженов исповедовал православие, то венчание производилось по православному обряду, во всех остальных случаях (кроме браков

с сектантами) венчание происходило по правилам конфессии жениха или невесты по их соглашению. Кроме того, отменялось условие о предоставлении подписки о крещении детей, рожденных в смешанных браках. Этот законопроект вносился на рассмотрение II и III Государственной Думы, но так и не был принят. Проект Столыпина подвергся резкой критике Святейшего Синода, которая была отражена в определениях от 28 февраля – 15 марта 1907 г. и от 28 ноября – 8 декабря 1907 г.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что принадлежность к определенному вероисповеданию являлась важным условием заключения брака. Это было связано с тем, что в Российской империи брак являлся религиозным институтом, представлял собой таинство и регулировался церковными нормами. В начале XX в. была предпринята попытка реформирования законодательства. В частности, рассматривался вопрос о допущении смешанных браков христиан с нехристианами. Однако изменений по данному вопросу не последовало. В связи с этим можно констатировать, что и в начале XX в. брак продолжал оставаться религиозным институтом. Вероисповедание по-прежнему играло важную роль при определении условий заключения брака российскими подданными.

Долгопалец А. Н.

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ LEGALTECH ЮРИДИЧЕСКИМИ ФИРМАМИ

*Долгопалец Анастасия Николаевна, студентка 1 курса Витебского государственного университета, г. Витебск, Беларусь,
anastasiadolgopalec146@gmail.com*

Научный руководитель: канд. ист. наук, доцент Борботько П. В.

Являясь средством коммуникации между государством, гражданами и бизнесом, так называемое электронное государство в значительной степени зависит от уровня развития правовых технологий (LegalTech).

Юридические технологии, или LegalTech (реже lawtech), – это программное обеспечение и технологии, которые помогают юридическим фирмам оптимизировать основные процессы, такие как практика и управление документами, выставление счетов и бухгалтерский учет, а также электронное раскрытие информации.

Эволюция термина «LegalTech», относящегося к общему использованию технологий в юридической сфере, началась с технологического продукта, который предлагал помощь юристам в их повседневных задачах, таких как исследования, выставление счетов и управление клиентами. В настоящее время LegalTech включает в себя передовые технологии, в том числе искусственный интеллект, которые значительно повышают эффективность и возможности адвокатов. Юридические фирмы используют технологии для повышения точности выставления счетов, облегчения повторяющейся

работы для адвокатов и предоставления расширенного анализа для предстоящих дел.

Несмотря на явные перспективы развития LegalTech, эта сфера все же имеет и слабые стороны и недостатки. Инновации в области юридических технологий создадут не только множество возможностей, но и сложностей для юриспруденции и ее заинтересованных сторон, особенно для индивидуальных потребителей, корпоративных юридических отделов и юридических фирм.

В настоящее время в юридических фирмах существует масса технического беспорядка, от платформ для видеоконференций до систем онлайн-биллинга и порталов приема клиентов. Каждый инструмент хорошо выполняет одну задачу, но есть серые области перекрывающихся функций, что приводит к беспорядочным процессам юридических фирм. Другими словами, юридические фирмы создали запутанную сеть технологических решений, которые решают одну проблему, но не могут бесшовно связать и автоматизировать весь юридический процесс.

Несмотря на то, что охват всех баз – это хорошо, проблема в том, что эти отдельные технологические платформы не взаимодействуют друг с другом. Сотрудники юридических фирм становятся ручным посредником между системами, а это значит, что технологии не делают их жизнь проще.

Еще один пробел во внедрении LegalTech заключается в том, что юридические фирмы должным образом не показывают своим сотрудникам, как использовать новые инвестиции. Технология хороша настолько, насколько хороши ее пользователи, и активы юридической фирмы пропадают впустую, если они не обучают своих сотрудников примерам использования и передовым практикам.

Основной проблемой LegalTech, является медленное внедрение юридической автоматизации. Есть много причин, по которым юридическая отрасль отстает от других отраслей, когда дело доходит до внедрения автоматизации:

- нынешние бизнес-модели сосредоточены на «оплачиваемых часах» и «полностью вовлеченных» командах. В этих бизнес-моделях часто мало кто заинтересован в том, чтобы стать более эффективными за счет юридической автоматизации;
- многие юристы до сих пор не знают, как может выглядеть автоматизация рабочих процессов в их соответствующих областях и как она может быть реализована. Юристы быстро навешивают ярлыки на свою работу как «сделанную на заказ» или «слишком сложную»;
- на рынке не так много инструментов для юридических операций, которые удовлетворяют специфические потребности юридических фирм и/или юридических департаментов;
- часто бывает непросто определить области, рабочие процессы и процессы, которые подходят для автоматизации.

Большинство юристов думают, что они точно знают, как делать все правильно, и поэтому им не нужен компьютер, чтобы сделать что-то за них.

Основным преимуществом юридической автоматизации является повышение производительности труда и значительная экономия времени. Нет необходимости, например, составлять одно и то же соглашение о неразглашении изо дня в день – как только оно автоматизировано, его можно мгновенно сгенерировать из шаблона. Автоматизация такого процесса, как создание контракта, может означать, что команде не нужно нанимать дополнительный персонал. Это позволяет юридическому отделу поддержки бизнеса масштабироваться, даже если его команда этого не делает. Все описанное, а также ряд других преимуществ, не могут реализоваться по причине медленного внедрения юридической автоматизации, что усложняет работу юридических фирм и индивидуальных предпринимателей, и не дает толчка к расширенному развитию LegalTech.

Дубровская Р. В.

**ВЛИЯНИЕ СУДОВ НА ПРОЦЕСС ПРАВООБРАЗОВАНИЯ
В РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬЕ (НА ПРИМЕРЕ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)**

Дубровская Руслана Владимировна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, dubrovskrv@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Лагун Д. А.

Основное отличие англосаксонской правовой системы от романо-германской заключается в том, что основным источником права в странах англосаксонской правовой семьи выступает судебный прецедент, а значит, главным правотворческим органом выступают именно суды.

В странах романо-германской правовой семьи главную роль в системе права играют нормативные правовые акты, как результат деятельности органов законодательной и исполнительной ветвей власти. При этом у судов прямых полномочий на принятие данных актов нет (кроме постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь об обобщении судебной практики), но они имеют некоторые другие компетенции в сфере правотворчества.

Полномочия судов, касающиеся правотворческой деятельности, можно определить исходя из содержания норм Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей от 29.06.2006 № 139-З (в редакции от 17.07.2023). Так, нами были отмечены следующие полномочия судов общей юрисдикции:

1) районные, специализированные, областные суды и экономические суды областей в пределах своих компетенций изучают и обобщают судебную практику, ведут судебную статистику. Судебные коллегии судов реализуют данное полномочие в рамках направления своей деятельности. Верховный Суд Республики Беларусь (далее – Верховный Суд) изучает и обобщает судебную практику, ведет и анализирует судебную статистику судов общей юрисдикции;

2) областные суды и Верховный Суд оказывают помощь судьям нижестоящих судов общей юрисдикции по применению законодательства;

3) Верховный Суд дает разъяснения по вопросам применения законодательства. При этом Пленум Верховного Суда дает разъяснения по вопросам применения законодательства в порядке судебного толкования;

4) экономические суды областей и Верховный Суд разрабатывают предложения о совершенствовании законодательства.

Обобщая вышеперечисленные полномочия, можно выстроить определенную схему реализации правотворческих функций судами общей юрисдикции. Так, суды общей юрисдикции изучают и обобщают судебную практику, практику применения законодательства. Далее нижестоящие суды передают данные о судебной практике и судебную статистику для изучения вышестоящим судам. Верховный Суд изучает и обобщает практику всех судов общей юрисдикции как высшее звено системы судов общей юрисдикции.

Вышестоящие суды, в свою очередь, на основе анализа предложенных им материалов, оказывают помощь нижестоящим судам по применению законодательства, а Верховный Суд дает также разъяснение по вопросам применения законодательства, т. е. в некотором смысле вышестоящие суды «инструктируют» нижестоящие относительно применения законодательства.

Изучив материалы судебной практики и судебной статистики, Верховный Суд (и экономические суды областей по направлению своей деятельности) выявляет проблемы «работы» норм права на практике и разрабатывает предложения по совершенствованию законодательства для правотворческого органа. Так, председатель Верховного Суда вносит Президенту Республики Беларусь, в Совет Министров Республики Беларусь и другие государственные органы предложения о совершенствовании законодательства, а также об устранении нарушений законодательства.

Таким образом, проблемы в сфере применения норм права проходят путь от низших звеньев системы судов общей юрисдикции к высшему звену и органам, уполномоченным принимать акты, где данная проблема может законодательно получить свое разрешение. Суды исследуют «живое» право, возможность реальной реализации норм права и некоторые проблемы их применения, которые законодатель, в силу специфики своей деятельности (правотворчество, а не правоприменение), не может выявить. Иными словами, суды играют большую роль в процессе правообразования, оказывая влияние на законодателя путем выявления проблемы реализации норм права и внесения предложений их изменения в целях совершенствования системы норм права.

Можно ли в таком случае говорить о том, что деятельность судов в некоторой форме тоже выступает в качестве источника права? На наш взгляд, данную концепцию можно назвать своеобразным «модифицированным» судебным прецедентом, когда суды опосредованно принимают участие в правотворчестве. Таким образом, в романо-германской правовой семье ветви власти взаимодополняют и уравнивают друг друга, в частности, судебная ветвь власти оказывает влияние на правотворческие процессы

органов законодательной ветви власти. Деятельность судов вместе с деятельностью законодательной ветви власти создают единую систему правотворческого процесса, которая при изъятии одного из компонентов не будет работать в полном объеме.

Жоголь П. В.
СВЕТСКИЙ СТАТУС ГОСУДАРСТВА

Жоголь Полина Владимировна, студентка 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минска, Беларусь, polinazogol@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Лагун Д. А.

Взаимодействие религиозных норм с правом определяется прежде всего законодательством, которое устанавливает правовой статус и деятельность религиозных организаций на территории определенного государства. Так, в Конституции Республики Беларусь (ст. 16) признается равенство религий и вероисповеданий перед законом, т. е. взаимоотношения между государством и религиями также регулируются законом («О свободе совести и религиозных организациях»). При этом в ч. 2 ст. 4 Конституции сказано, что идеология религиозных объединений не может устанавливаться в качестве обязательной для граждан. Следовательно, это предполагает светский характер Республики Беларусь, при котором церковь отделена от государственной власти и регулируется на основе гражданских норм, при этом решения государственных органов могут иметь религиозное обоснование. Характер светскости подтверждается также разделом IV Конституции Республики Беларусь, где не говорится ни про один церковный орган.

Идея светского государства возникла в XVI в. Она связана с деятельностью Мартина Лютера и процессом Реформации, который представлял собой движение за обновление церкви, охватившее почти всю Европу.

Первым в истории государством, которое обрело светский статус, стала Франция. В частности, в п. 10 Декларации прав человека и гражданина (1789) провозглашалось: «Никто не должен быть беспокоим за свои мнения, хотя бы религиозные, если только обнаружение их не нарушает общественного порядка, установленного Законом». В дальнейшем принципы и характерные черты светского государства утвердились в большинстве стран Европы.

Светское государство по праву связывается с демократическим, так как в нем религия является частным делом каждого человека: за индивидом сохраняется свобода выбора.

Существуют и ошибочные мнения, которые приравнивают светское государство к атеистическому, однако светское государство не поддерживает ни религию, ни атеизм, сохраняя тем самым нейтралитет.

К основным характеристикам светского государства относятся: отсутствие официально установленной государственной религии; ни одно из вероисповеданий не признается обязательным, государство лишь может

устанавливать конституционный статус церкви; религиозные организации отделены от государства; провозглашение равенства религиозных организаций перед законом; провозглашение свободы совести и вероисповедания; гарантированные права и свободы гражданина в независимости от его отношения к религии, человек не может преследоваться из-за своих взглядов и убеждений по отношению к религии; деятельность государственных органов не сопровождается религиозными церемониями, однако не во всех странах данный принцип соблюдается всегда, например, в США при инаугурации Президента присутствует клятва на Библии.

В зависимости от взаимоотношений государства и церкви выделяют типы светских государств:

1) преференциальный характеризует «мягкий» режим отделения религиозных объединений от государства. Предпочтительное отношение государства обусловлено тесной исторической связью. Статус многих предпочтительных религиозных объединений в подобных странах часто был государственным в прошлом, примером может выступать Римская католическая церковь (Италия). Такие религиозные объединения частично наделяются государственными функциями;

2) эквипотенциальный тип выражается в стремлении государства изолироваться от церкви и религиозных институтов;

3) контаминационный тип размывает границы между светской и религиозной системами. Религиозное право может оказывать влияние на правовую систему государства;

4) идентификационный тип расширяет взаимодействие государства с религиозными объединениями на основе партнерства.

Таким образом, при светском государстве возникает два автономных образования – само государство и церковь. Они отделены и относительно независимы друг от друга, к тому же гарантируются демократические права и свободы граждан и организаций в духовной сфере. Несмотря на разнообразие типов светских государств, во всех из них установлен принцип отделения церкви от государственной власти, который и выступает основополагающим для определения светского государства.

Карачун Ю. В.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

*Карачун Юлия Владимировна, учащаяся 2 курса Юридического колледжа
Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
jkvmnd@mail.ru*

Научный руководитель: магистр полит. наук Судниченко Д. С.

Построение правового белорусского государства невозможно без формирования высокого уровня правовой культуры граждан. Без него в

Республике Беларусь не могут в полной мере быть реализованы права и свободы граждан. В настоящее время мы наблюдаем необходимость создания в нашей стране концепций в области повышения уровня правовой культуры, правового воспитания, правосознания, и как результат, повышение активности населения в реализации проводимой правовой политики государства.

Правовая культура представляет собой сложную, неоднородную систему, в состав которой входят позитивное право, правосознание, правовые отношения, совокупность разного рода ценностей, норм, институтов.

Представляет интерес мнение Г. И. Балюк, которая считает, что правовая культура – совокупность всех ценностей, которые создаются людьми в области права. Основываясь на тесной связи правовой культуры с правосознанием, можно сказать, что правовая культура – правосознание, выражающееся в жизни общества. Однако в отличие от правосознания правовая культура не может быть искаженной, уместно говорить лишь о динамике ее изменения.

В настоящее время в Республике Беларусь наблюдается снижение значимости таких социальных регуляторов, как мораль и нравственность, что в свою очередь приводит к повышению равнодушия населения к противоправному поведению. На процесс формирования правовой культуры в нашем государстве оказывает влияние уровень правовой базы, правовая пассивность населения.

Значимым фактором развития правовой культуры белорусских граждан является правовое просвещение, которое может осуществляться соединением эмоционального воздействия с информационной насыщенностью. Поэтому видится необходимым вызвать интерес к законодательству. Важно, чтобы каждый гражданин Республики Беларусь владел правовой информацией в должной мере. Правовое просвещение необходимо начинать с раннего возраста, а правовой опыт граждан должен накапливаться годами.

Препятствием на пути формирования правовой культуры является правовой нигилизм. Важно устранить его путем массового правового просвещения и пропаганды правовых знаний. Безусловными предпосылками укоренения правового порядка выступают представления граждан о своих правах и обязанностях в качестве членов правового государства, что является основой правовой культуры. Ключевую роль в процессе модернизации основ правового просвещения следует отдать литературе, СМИ, искусству. Через данные источники необходимо распространять материалы, статьи на правовую тематику. Видится необходимым организовывать встречи сотрудников государственных юридических структур с различными категориями населения.

Без соответствующего правового воспитания невозможно развитие белорусской правовой культуры, поэтому следует разработать комплексную систему мер правового воспитания для построения уважения к существующему правопорядку, начиная с дошкольных учреждений образования и заканчивая послевузовскими учреждениями.

Таким образом, правовая культура имеет большую значимость для построения правового белорусского государства. Основными проблемами в процессе становления правовой культуры являются низкий уровень правовых знаний у граждан, правовая пассивность населения, правовой нигилизм. На пути формирования правовой культуры предстоит проводить длительную работу с гражданами Республики Беларусь, устраняя пробелы в законодательстве, совершенствуя нормативную правовую базу, развивая уровень профессиональной юридической деятельности, стимулируя научные правовые исследования, развивая правовое образование в соответствии с международными стандартами, разрабатывая меры правового воспитания.

Козляковский В. Ю.

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

*Козляковский Владислав Юрьевич, курсант 1 курса Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь,
kozlakovskiylad@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук Стабровский Е. И.

Современные социальные процессы, происходящие в различных государствах, обозначают актуальные направления научных правовых исследований в сфере взаимодействия государства и общества. Одним из таких направлений является теория правового государства.

Идея построения такого государства, в котором будут оптимально учтены и гарантированы интересы человека и общества, в котором принятые законы будут справедливыми и действующими, обнаруживается еще в эпоху Античности (представления о правильных и неправильных формах правления, возникновение и развитие идеи демократии и т. п.).

Предметным образом теория правового государства была сформулирована в эпоху Нового времени благодаря трудам таких мыслителей, как Дж. Локк, Ш. Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо. Переход от средневекового феодального уклада жизни к буржуазному новоевропейскому сопровождался следующими идеями: ограничения власти монарха как олицетворения государства; общественного договора как основы возникновения государства; естественного права как совокупности неотъемлемых прав и свобод каждого человека, которыми он наделен в силу рождения природой или Богом; построения правового государства и ограничивающего его гражданского общества.

Как указывает В. Н. Хропанюк, правовое государство – «такая форма организации и деятельности государственной власти, которая строится во взаимоотношениях с индивидами и их различными объединениями на основе норм права». По мнению С. Г. Дробязко, следует вести речь о социальном правовом государстве.

К признакам правового государства могут быть отнесены:

1. *Существование гражданского общества.* Гражданское общество выступает в качестве противовеса государству и имеет своим главным назначением наблюдение за законностью деятельности государства, а также принятие необходимых мер для восстановления нарушенных прав. Это обуславливает создание механизмов общественного контроля над деятельностью органов государственной власти, предупреждение и пресечение коррупции, обеспечение гласности и открытости власти.

2. *Разделение властей.* Государственная власть должна быть разделена на самостоятельные и взаимодействующие ветви –законодательную, исполнительную и судебную. При этом такое деление не исключает наличия иных органов народного представительства.

3. *Верховенство правового закона.* Данный признак означает, что ни один государственный орган, должностное лицо, государственная или общественная организация, ни один человек не освобождается от обязанности подчиняться закону, отвечающему идее права.

4. *Реальность прав и свобод граждан.* В правовом государстве права и свободы граждан должны быть обеспечены государством.

5. *Взаимная ответственность государства и личности.* В правовом государстве граждане несут ответственность перед государством, но также и государство в лице своих органов и должностных лиц несет ответственность перед гражданами, что требует высокого уровня правового сознания и правовой культуры гражданина и общества в целом.

6. *Политический и идеологический плюрализм.* Функционируя в условиях многообразия и равных возможностей, различные социальные силы ведут конструктивную борьбу за власть законными (конституционными) способами, имеют возможность свободно излагать свое видение общественного и государственного развития, олицетворяя тем самым демократизм общества.

В научной литературе встречается указание на приоритет отдельного признака для отнесения государства к правовому: верховенство закона, государственный суверенитет народа, основные права человека, отношение власти с индивидами на основе права. Полагаем, что приоритет того или иного признака правового государства не позволит в полной мере раскрыть содержание и назначение данного явления.

Таким образом, правовое государство представляет собой форму организации власти, которая в своей деятельности ограничена правом. Развитие правового государства является следствием длительных исторических процессов. Деятельность правового государства направлена на обеспечение и защиту прав и свобод человека. В Республике Беларусь человек, его права и свободы, гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства.

Костюков М. А.

ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ И ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ ОХРАНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

*Костюков Матвей Александрович, студент 4 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
matveykostyukov@gmail.com*

Научный руководитель: старший преподаватель Маркевич Д. С.

Общечеловеческие ценности составляют наш образ жизни, мышления, на их основе построены те социальные институты, правилами которых руководствуются субъекты права. И, конечно же, мировоззренческая составляющая не могла не найти своего отражения в правовой сфере общества. Наиболее тесной, как нам видится, является связь общечеловеческих ценностей и охранительного права, поскольку на их основе должно происходить развитие, совершенствование норм уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного, административно-деликтного и административно-процессуального права.

Так как охранительное право включает в себя нормы, которые защищают социальные институты от неправомерных посягательств в обществе, подчиняют своим правилам поведение и интересы людей в целях необходимости обеспечения правопорядка, то можно сделать вывод, что оно является условием устойчивого правомерного социального поведения. Как и общечеловеческие ценности, такие как справедливость, милосердие, солидарность, благо, гуманизм, которые являются своего рода индикатором «правильного» и «неправильного» поведения, так и охранительное право обозначает запреты на те или иные действия, которые являются противоправными – с точки зрения нравственности «неправильными» в обществе. Исходя из этого следует обозначить, что абсолютно любая норма, существующая в срезе охранительного права, должна в первую очередь сопоставляться с ценностными ориентирами, устоявшимися с исторической и религиозной точки зрения. Следовательно, и любое совершенствование законодательства также должно иметь неразрывную связь с общечеловеческими ценностями. Ключевым аспектом здесь является глубокий анализ значимости тех или иных ценностей со стороны личности и общества. Так, важнейшие социальные ценности закреплены в ст. 1.2 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, где защита жизни, здоровья, прав, свобод определена как одна из задач Кодекса. В той же статье выражены и те ценности, из которых формируются основополагающие принципы административно-деликтного права, а именно законность, справедливость, гуманизм и т. д. Помимо этого, примерами проявлений гуманизма и милосердия в уголовной практике являются такие значимые институты, как институт амнистии, помилования, условно-досрочного освобождения от наказания. Институты необходимой обороны и крайней необходимости также являются примерами выражения разумности и солидарности по отношению к личности, что необходимо для обеспечения

соответствия нормам закона нормам нравственности, справедливости, а также адекватности правоприменения. Такая модель правотворчества отражает тесную взаимосвязь между нормативными правовыми актами и теми ценностями, которые закон призван охранять, реализуя присущие ему принципы.

Подытоживая, можно сказать, что любое правотворчество должно исходить из общепризнанных и важных для каждой личности социально-значимых ценностей, ибо закон является отражением общественно-нравственных приоритетов. Разработка любого нормативного правового акта должна рассматриваться с точки зрения разумности, адекватности и целесообразности тех или иных норм. Рассматривая вопросы дополнения отдельных отраслей охранительного права новыми нормами, необходимо помнить, что санкция является своего рода порицанием со стороны гражданского общества и основывается на нравственных правилах, которые это самое гражданское общество считает важными для собственного благополучия, в то время как закон, является необходимым средством обеспечения этого благополучия и безопасности. В соответствии с этим любое наказание должно быть определено теми рамками, которые общество сочло бы нравственно допустимыми, приемлемыми и соразмерными.

Кохович А. А.

ПРАВО И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Кохович Анастасия Андреевна, студентка 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, kohovich75@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Фиронов А. Н.

Дискуссии по поводу справедливости и ее соотношения с правом существуют еще с древних времен.

Что такое справедливость? Понятие справедливости у различных народов в разные времена отличаются, поэтому единой «формулы» справедливости нет. Например, по Аристотелю «понятие справедливости связано с представлениями о государстве, так как право, служащее мерилom справедливости, является регулирующей нормой политического общения». Он выделял также 2 вида справедливости: распределительная («каждому свое») и уравнительная («равным – за равное»). У Сократа справедливость – «следование мудрости, истинном знанию, порядку вещей, законам», у Гоббса «справедливость, т. е. соблюдение соглашений, есть правило разума, запрещающего нам делать что-либо, что пагубно для нашей жизни, из чего следует, что справедливость есть естественный закон», у Джона Ролза – принцип честности и т. д. Справедливость лежит в основе, сущности права, поэтому и понятие права в разные времена изменялось.

Существуют 2 точки зрения по поводу соотношения права и справедливости:

1) справедливость не является категорией права. Это требование морали, а не права;

2) право должно быть справедливым. Не случайно же слова «право», «справедливость», «правда» имеют один корень «jus».

Право по сути своей справедливо, поэтому когда говорят, что закон несправедлив, то подвергают сомнению правовой характер этого закона. Право выступает как справедливый регулятор общественных отношений. Однако, как говорилось ранее, справедливость субъективна. Можно ли считать смертную казнь справедливой мерой наказания? Можно ли право на аборт считать справедливым? Можно ли право на свободное хранение и ношение оружия считать справедливым? Можно ли право на эвтаназию считать справедливым? Это сложные вопросы, которые не имеют единого правильного ответа. Также то, что закон признан справедливым, не означает что в ходе его применения будет принято справедливое решение. Нередко бывает, что справедливость может противоречить праву при вынесении решения. Например, существует такой известный принцип талиона, который подразумевает под собой возмездие, равнозначное причиненному ущербу. Этот принцип еще часто выражают словами «око за око, зуб за зуб». Однако в уголовном праве есть следующие понятия: давность совершенного преступления, амнистия, помилование. Они предоставляют возможность освободить виновного от ответственности за свои действия.

Справедливость является важнейшим принципом права, но она выражается не только в праве. Таким образом, справедливость $\neq$ право, но эти понятия пересекаются.

Кулаженко Е. А.

КРИПТОВАЛЮТА КАК ОБЪЕКТ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Кулаженко Егор Александрович, студент 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, e0864271@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Лагун Д. А.

Развитие информационно-коммуникационных технологий и международной связи привело к появлению так называемой криптовалюты, предназначенной для удовлетворения интересов субъектов правоотношений. Вскоре криптовалюта стала широко известна в мире, начала применяться в международной практике. Товарооборот по криптовалюте динамично растет, поэтому она постепенно становится важным объектом пристального внимания специалистов различных отраслей. Для юристов в первую очередь важно определить место криптовалюты в системе объектов правоотношений, от чего будет зависеть ее правовой режим, будет ли она схожим явлением с уже существующими или будет уникальной в своей основе.

Криптовалюта – разновидность цифровой валюты, учет внутренних расчетных единиц которой обеспечивает децентрализованная платежная система, работающая в полностью автоматическом режиме. Криптовалюта определяется как цифровой актив, предназначенный для работы в качестве средства обмена с использованием криптографии для обеспечения транзакций и контроля за созданием дополнительных единиц валюты.

Криптовалюте присущи несколько важных отличительных признаков и принципов.

Децентрализация. Криптовалюта функционирует в распределенной сети и не имеет единого центра хранения и обработки информации. Децентрализация также предусматривает особые способы подтверждения подлинности транзакций.

Анонимность. При использовании криптовалют пользователи не обязаны подтверждать свою личность – не существует базы данных с персональной информацией участников транзакции, кроме их IP и адреса кошелька.

Нерегулируемая стоимость и эмиссия. Криптовалюта выпускается по заранее установленным правилам, а ее стоимость зависит от спроса и им определяется (открытый рынок определяет стоимость актива).

Из вышесказанного можно сделать вывод, что криптовалюта по правовому режиму и функциям не близка к наличным деньгам и тем более к чему-то материальному, но при этом по форме она похожа на безналичные расчеты и электронные деньги. Однако наличие небольшой доли схожести не может служить основанием для полной идентификации криптовалюты, в качестве электронных или безналичных денег. Следовательно, криптовалюта, как объект правоотношений, является оригинальной в своей основе и не имеет достаточной схожести с другими объектами правоотношений, чтобы иметь единое правовое регулирование. По этой причине возникает потребность в правовом источнике, позволяющем урегулировать данные отношения. Из-за дифференцированности отношений в области криптовалюты действующее законодательство не способно охватить все содержание. Именно поэтому, на наш взгляд, потребность в едином источнике правового регулирования остается актуальной и по сей день.

Таким образом, любой объект, который предназначен для удовлетворения интересов субъекта, требует определения его правового режима. Криптовалюта выступает уникальным объектом с характерными только для нее признаками. Выделяется ряд общих признаков с другими формами денег, но в целом устанавливается, что криптовалюта – оригинальный объект, не имеющий полных аналогов, а следовательно, требующий комплексного правового регулирования.

Лукашэня К. А.

ГЕНЭЗІС МІР-СІСТЭМНАГА АНАЛІЗУ ЯК МЕТАДАЛАГІЧНАГА ФЕНОМЕНА ТЭАРЭТЫЧНАЙ ЮРЫСПРУДЭНЦЫ

*Лукашэня Кацярына Аляксееўна, студэнтка 4 курса Беларускага
дзяржаўнага ўніверсітэта, г. Мінск, Беларусь, katrinadderly@gmail.com*

Навуковы кіраўнік: канд. юрыд. навук, дацэнт Калінін С. А.

Мір-сістэмны аналіз – гэта метадалагічная стратэгія сацыяльна-гуманітарнага характару, якая грунтуецца на наступных эпістэмалагічных перадумовах: а) метадысцыплінарнасць як альтэрнатыва традыцыйнаму дысцыплінарнаму падзелу грамадскіх навук на сацыяльныя і гуманітарныя,

які склаўся ў XIX ст.; б) пераадоленне заснаванай на такім падзеле метадалагічнай дыферэнцыяцыі навук на ідэаграфічныя (гісторыя, антрапалогія, усходазнаўства) і на матэматычныя (сацыялогія, паліталогія, эканоміка). Такім чынам, мір-сістэмны аналіз характарызуецца глабальнасцю аб'екта вымярэння, гістарычнасцю, монадысцыплінарнасцю і халізмам. Аб'ядноўваючы сацыялагічныя, паліталагічныя і гістарычныя парадыгмы пазнання, мір-сістэмны аналіз мяркуе ў якасці аб'екта даследавання гранічную глабальную па вымярэнні цэласнасць – мір-сістэму, у межах якой існуюць феномены сацыяльнай рэальнасці, якія дэтэрмінуюцца працэсамі, што адбываюцца ў ёй.

Эўрыстычны патэнцыял аналізуемага метада набывае асаблівае значэнне для даследавання сутнасці дзяржавы і права, заканамернасцяў і феноменаў іх развіцця ў «гісторыка-дынамічным вымярэнні як элементаў знешніх глабальных сістэм» у супрацьпастаўленні ўяўленню аб іх як аб базавых феноменах юрыспрудэнцыі ў класічным дагматычным падыходзе. Пры гэтым юрыспрудэнцыя, яе базавыя прынцыпы і катэгорыяльны апарат звычайна не звяртаюцца да мір-сістэмнага аналізу, але ўжыванне яго да пазнання дзяржавы і права дазваляе асэнсоўваць базавыя перадумы і анталагічныя падставы пры даследаванні і апісанні ім аб'ектыўнай рэальнасці, якая ўключае ў сябе і палітыка-прававое вымярэнне.

Гэта актуалізуе патрэбу ў вывучэнні заканамернасцяў мір-сістэмнага аналізу. Звычайна мір-сістэмны аналіз разглядаецца ў логіцы неамарксізма як пераасэнсаванне і развіццё класічных ідэй гісторыка-матэрыялістычнага падыходу К. Маркса і Ф. Энгельса. Але такая рэдукцыя не з'яўляецца цалкам дакладнай, бо генэзіс падыходу налічвае мноства метадалагічных парадыгмаў як марксісцкага, так і немарксісцкага толку, што абумоўлівае множнасць і супярэчлівасць яго эпістэмалагічных палажэнняў.

Метадалагічнымі падставамі мір-сістэмнага аналізу выступаюць такія канцэпцыі К. Маркса, як канцэпцыя трангістарычнасці сацыяльных працэсаў (мір-сістэма існуе ў якасці адзінага глабальнага аб'екта на працягу ўсёй гісторыі чалавецтва ў розных формах), першапачатковага назапашвання капіталу (якое адбываецца не ў нацыянальнай дзяржаве, але ў мір-сістэме ў цэлым), тэндэнцыі нормы прыбытку да паніжэння, азіяцкага спосабу вытворчасці, сусветнага рынку і дыялектычны прынцып дынамікі капіталізму («класавы» антаганізм мае месца не толькі ў рамках асобнай дзяржавы, але і распаўсюджваецца на ўсю сістэму ў цэлым). З класічнага марксісцкага дыскурсу мір-сістэмны аналіз запазычвае таксама канцэпцыі Р. Люксембург аб эксплуатацыі капіталістычнымі гаспадарчымі формамі некапіталістычных і пераназапашванні капіталу; канцэпцыі У. Леніна аб нераўнамернасці развіцця капіталізму ў рамках сусветнай сістэмы і дзяржаўна-манапалістычным капіталізме; тэорыю Р. Гільфердынга аб дэтэрмінантах залежнасці дзяржаў трэцяга свету ад дзяржаў ядра.

Значны ўплыў на свет-сістэмны аналіз аказалі так званыя «новыя левыя» ідэі (60-я гг. XX ст.), накіраваныя на абвяржэнне пануючай палітыка-сацыялагічнай тэорыі мадэрнізацыі. Так, у метадалагічных падставах мір-

сістэмнага аналізу выяўляюцца канцэпцыі перыферыйнага капіталізму і сусветнага падзелу працы Р.Прэбіша, канцэпцыі залежнага развіцця П. Барана і С. Фуртада, канцэпцыя залежна-асацыяванага грамадства Ф. Э. Кардозу і Э. Фалета.

Асабліва сць метадалагічнай парадыгмы мір-сістэмнага аналізу складаецца ва ўжыванні гісторыка-аналітычнай мадэлі школы «Аналаў», распрацаванай перш за ўсё Ф. Брадэлем і заснаванай на ідэях разумення маштабных сацыяльных працэсаў, глабальнай гісторыі (гісторыі глабальных структур) і множнасці тыпаў сацыяльнага часу, які існуе на розных прасторавых узроўнях.

У даследаванні дынамікі капіталізму мір-сістэмны аналіз выкарыстоўвае таксама немарксісцкія метадалагічныя падыходы, прадстаўленыя перш за ўсё эканамічнай антрапалогіяй К. Палані, ідэямі рацыянальнага і нерацыянальнага тыпаў капіталізму і тэорыяй статутных груп М. Вэбера, канцэпцыяй эканамічнай эвалюцыі В. Зомбарта, сацыяльнай канцэпцыі капіталізму А. Пірэна, канцэпцыямі цыклаў эканамічнага развіцця Й. Шумпетэра і фаз дынамікі капіталізму М. Кандрацьева.

Такім чынам, свет-сістэмны аналіз грунтуецца на сінтэзе шэрагу метадалагічных пасылак розных сацыяльна-гуманітарных дыскурсаў, якія ўключаюць дзяржаву і права ў якасці ўласнага аб'екта пазнавання ў глабальным вымярэнні.

Макеев В. С., Мелешин Д. С.

РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ МОРДОВСКОГО НАРОДА В РЕГУЛИРОВАНИИ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

*Макеев Виктор Сергеевич, Мелешин Дмитрий Сергеевич студенты 2 курса
Саратовской юридической академии, г. Саратов, Россия,
history123457@yandex.ru, meleshin.dmit@yandex.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Кондрашов Ю. А.

В настоящее время, по мнению ученых Н. Ю. Завьяловой и А. Н. Руденко, высказанному в статье «К вопросу о понятии социальной нормы», регулирование сложившихся общественных отношений осуществляется сложной и многообразной совокупностью социальных норм. Под социальными нормами, по мнению профессора В. М. Сырых, понимаются нормы, регулирующие отношения между людьми и их объединениями в процессе материального производства, политической или социально-культурной сфере. Среди них особое место занимают традиции (правила поведения, определяющие порядок и процедуру проведения каких-либо мероприятий, связанных со значительными событиями в жизни человека и общества), обычаи (правила поведения, сложившееся в далеком прошлом и поддерживаемые в современном обществе в силу привычки), табу (мистические санкции, грозящие неблагоприятными последствиями). Они так плотно вошли в жизнь человека, что мало кто задумывается об их происхождении. А ведь многие из них применяются в регулировании

отношений не одно столетие. Их история неразрывно связана с историей народов. Некоторые этнические группы стараются бережно сохранить эти нормы, не давая им кануть в лету. Многие традиции и обычаи по сей день находят применение в повседневной жизни. Одним из наиболее ярких представителей народов Российской Федерации, который не только сохраняет, но и активно использует исторические социальные нормы в своей жизни, является мордва.

В настоящее время в повседневной жизни мордовского народа можно встретить проявление таких видов социальных норм, как табу, обряды и обычаи.

Большинство представителей мордвы в наше время исповедуют христианство, однако в их обычаях ярко выражены отголоски языческих верований. Так, весной на праздник Пасхи мокша и эрзя, этнические группы мордовского народа, приносят дары умершим, а также просят у духов представителей своего рода послать хороший урожай и благополучие семьям.

Не менее интересным является обряд омовения, подробно описанный в монографическом исследовании Николая Федоровича Мокшина «Религиозные верования мордвы». После того, как человек умер, в течение суток, по обычаю мордовского народа, тело нужно омыть. Обязательным условием является выполнение этого действия в бане. Обычно выбирается от 2 до 3 человек из ближайших родственников умершего. Омовение обязательно производится с помощью березового или дубового банного веника. После завершения процедуры, веник необходимо отнести в специальное место, которое находится перед входом на кладбище, представляющее собой небольшую территорию в несколько квадратных метров с металлическим или деревянным невысоким забором, обязательным атрибутом которого является православный крест в центре.

Еще один обычай касается поминок родственников. Поминальным, вопреки православному обычаю, считается двадцатый день после похорон. А по прошествии полугода выполняется обряд «переодевания» покойника. Для этого ближайшие родственники приходят на кладбище с новой, чистой одеждой и вешают ее на крест, после чего поминальный обряд проходит на самом кладбище. Одежда на кресте должна провисеть день и ночь, после чего ее забирают и отдают в церковь.

Сохранились также некоторые свадебные традиции. Так в книге Л. В. Седовой «Из глубины веков: легенды, предания, былички и устные рассказы мордовского края» описан обряд: накануне свадьбы невеста должна была пройти ритуал очищения, называемый «девичьей баней». Для мордвы особую священную силу имеет вода, почитание которой сохранилось с языческих времен. Перед бракосочетанием невеста должна очиститься от грехов и недобрых сил.

Не менее интересным является свадебное табу, применение которого встречается лишь в некоторых мордовских семьях. После свадьбы муж забирает жену к себе в дом, где проживает его семья. В течение года жена

не садится за стол вместе с остальными членами семьи. Она питается либо стоя, либо отдельно от всех.

Подводя итог вышесказанному, стоит отметить, что исторические социальные нормы и в современности не потеряли своей актуальности. Их влияние на повседневную жизнь человека крайне велико, хотя и не всегда заметно. Некоторые народы сохранили эти социальные нормы и активно применяют их в регулировании общественных отношений. Мордовский народ является одним из самых ярких подтверждений этого.

Пархамович В. А.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

*Пархамович Варвара Андреевна, студентка 3 курса Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины, г. Гомель, Беларусь,
varya.parkhamovich@bk.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Брилёва В. А.

Вопрос существования конституционно-правовой ответственности стал активно рассматриваться лишь с недавнего времени. Одними из первых ученых, которые начали проводить исследования в области конституционно-правовой ответственности, стали Ю. Н. Еременко, Ф. М. Рудинский, С. А. Авакьян и др. Указанные ученые начали развивать работу в данном направлении к середине 70-х гг. XX в. Конституционно-правовую ответственность как самостоятельный вид юридической ответственности с выделением специфических черт, присущих именно ей, изучали и Б. В. Лазарев, Г. В. Барабашев. В последние годы конституционное право развивается достаточно стремительно, поскольку ему присуще реагирование на различные изменения в экономической, политической, социальной и иных сферах. Истоки конституционных правоотношений часто связаны и с политическими процессами, поэтому следует учитывать тот факт, что в первую очередь может показаться, что идет речь о «политической» ответственности, а в действительности ее основополагающие начала закрепляются в нормах конституционного права, что указывает именно на применение конституционно-правовой ответственности.

Конституционно-правовая ответственность относится к самостоятельным видам юридической ответственности. Самостоятельность конституционной ответственности подтверждается наличием ряда особенностей и признаков, таких как специфические источники: отсутствует единый нормативный правовой акт, который бы закреплял основания наступления такого вида ответственности. Конституционная ответственность находит свое закрепление в Конституции Республики Беларусь, законах, которые определяют правовое положение органов государственной власти Республики Беларусь и др.; специфические субъекты, на которых данная ответственность распространяется: должностное лицо, государство, государственный орган и граждане; специфические основания: например, превышение полномочий

или злоупотребление властью должностными лицами; санкции: например, досрочное освобождение от должности, лишение права занимать определенные должности.

Исходя из вышеизложенного, можно сформулировать определение конституционно-правовой ответственности. Конституционно-правовая ответственность – это самостоятельный вид юридической ответственности, который действует для создания грамотной системы сдержек и противовесов, обеспечения условий для надлежащей реализации публично-властных полномочий должностными лицами и государственными органами, реализации гражданами прав, свобод и законных интересов, обеспечения исполнения обязанностей, а также определяющий меры конституционно-правового воздействия на основании совершения правонарушений участниками конституционных правоотношений или ненадлежащим исполнением ими своих обязанностей.

Несмотря на установление факта самостоятельности конституционно-правовой ответственности, исходя из ее содержания, можно выделить определенные проблемы в ее реализации:

- взаимодействие с другими видами ответственности. Конституционная ответственность часто пересекается с иными видами юридической ответственности, например, с такими, как гражданская, уголовная, административная. В таком случае поднимается вопрос, касающийся приоритета между данными видами ответственности;

- относительная новизна конституционно-правовой ответственности. Данный вид ответственности находится на стадии разработки и совершенствования, что является причиной некоторой неопределенности в отношении ее реализации;

- сложность определения субъектов ответственности. В отношении конституционно-правовой ответственности может возникнуть сложность в точном определении субъектов, которых следует привлекать к конституционно-правовой ответственности. Привлечению к данному виду ответственности подлежат должностные лица, государство, государственные органы, что делает необходимым наличие определенного порядка для их привлечения.

Для решения проблем, касающихся конституционной ответственности, необходим комплексный подход, а также совместные усилия сторон, включая общественность и государственные органы. Также важно содействие повышению правовой грамотности общества, касающейся информации о конституционных нормах и принципах. Это порождало бы формирование динамичного гражданского общества, которое более активно требовало бы от должностных лиц и государственных органов соблюдения конституционных норм и принципов.

Редько К. Д.
ПРЕЗУМПЦИЯ СОГЛАСИЯ КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ
МЕДИЦИНСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Редько Кирилл Денисович, студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, kirill.redko.2004@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Маркевич Д. С.

Трансплантология является одной из наиболее значимых и этически сложных областей медицины, которая порождает ряд актуальных проблем, требующих решения в том числе на уровне законодательства. К ним относятся: споры о том, как распределять приоритет и доступ к органам и тканям, трансграничные трансплантации, использование технологических и медицинских инноваций, таких как 3D-печать органов или использование стволовых клеток, ответственность и компенсация в случае возникновения осложнений или неправильных действий при трансплантации органов и др. Особенно актуальными в настоящее время видятся проблемы, связанные с надлежащим правовым обеспечением научно-технического развития, в том числе в области медицинских технологий. Ведь, как известно, право может служить двигателем технологического развития либо существенно его тормозить, что в нашем случае может приводить не только к экономическим потерям, но и создавать угрозу для жизни и здоровья человека. В этом контексте необходимо рассмотреть презумпции согласия / несогласия и их влияние на развитие медицинских технологий, а в итоге на трансплантологию в целом.

Презумпция несогласия, принятая в ряде таких государств, как, например, Дания, Нидерланды, Литва, Румыния и др., предполагает, что клетки, ткани и органы могут быть изъяты из тела умершего только в том случае, если умершим при жизни было недвусмысленно заявлено согласие на такое изъятие.

Вторая группа стран в отношении посмертного донорства придерживается презумпции согласия. Среди них Австрия, Бельгия, Болгария, Чехия, Норвегия, Польша, Португалия, Россия и др. Такая модель законодательно принята и в Республике Беларусь. В соответствии с презумпцией согласия все совершеннолетние граждане страны «по умолчанию» принимают то, что после смерти любые их органы могут быть изъяты для трансплантации. Безусловно, при наличии прижизненного несогласия на изъятие органов предусмотрена возможность отказа, который фиксируется, в частности, в Едином регистре трансплантации.

По данным Минского НПЦ хирургии, трансплантологии и гематологии в Беларуси в 2020 г. провели 464 операций по пересадке органов, а в 2021 – 484. Это поистине выдающиеся результаты для нашей страны, за что Республика Беларусь по праву занимает 8 место в мире по трансплантации почки и 22 место по количеству проводимых трансплантаций в целом.

Вместе с тем, помимо стимулирования развития отечественной трансплантологии, рассматриваемая презумпция оказывает влияние на борьбу с так называемой «черной трансплантологией». Отметим, что в Республике Беларусь область трансплантологии в целом является прозрачным и хорошо контролируемым полем, поскольку вся информация о донорах, реципиентах, органах и тканях, а также о лицах, отказавшихся от посмертного забора органов, хранится в Едином регистре трансплантации, целью которого является осуществление контроля за использованием органов и тканей человека. Вкупе с этим презумпция согласия многократно сокращает возможности совершения преступлений, связанных с незаконной трансплантологией и торговлей донорскими органами и тканями.

Таким образом, можно резюмировать, что презумпция согласия, безусловно, обладает высокой эффективностью и выступает важным законодательным средством, обеспечивающим развитие медицинских технологий и трансплантологии в целом, что нашло свое подтверждение в высоких результатах и блестящих достижениях Республики Беларусь.

Семашко Е. А.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СОГЛАШЕНИЯ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВОМ И РЕЛИГИОЗНОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ

*Семашко Елизавета Андреевна, студентка 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
liza.semashko.05@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Лагун Д. А.

Такой вид нормативного правового договора, как соглашение с религиозной организацией выделяется и характеризуется немногими белорусскими учеными. В отечественной юридической литературе в качестве примера указывается Соглашение о сотрудничестве между Республикой Беларусь и Белорусской Православной Церковью 2003 г., которое заложило основу для развития договорно-правовых отношений между белорусским государством и Белорусской православной церковью.

В Республике Беларусь взаимоотношения государства и религиозных организаций регулируются в первую очередь Конституцией Республики Беларусь, закрепляющей, что взаимоотношения государства и религиозных организаций регулируются законом с учетом их влияния на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа (ч. 2 ст. 16). Кроме этого, Закон Республики Беларусь от 17 декабря 1992 г. № 2054-XII «О свободе совести и религиозных организациях» предусматривает возможность государства строить свои взаимоотношения с религиозными объединениями путем заключения с ними соглашений (ч. 4 ст. 8). Соглашение определяет те сферы общественных отношений, регулирование которых небезразлично для верующих в силу их ценностной основы, при этом запрет религиозным организациям на участие в

политической деятельности не означает, что данные организации не имеют своей позиции по основным вопросам политической, экономической и иных сфер деятельности государства. Своеобразной предпосылкой к формированию соглашения с религиозными организациями можно считать складывающийся в России феномен принятия отдельными конфессиями основ социальных концепций, где конфессии формулируют отношение к существующей власти.

Принимая во внимание теоретические положения о признаках нормативного правового договора, выделим признаки соглашения между государством и религиозной организацией как разновидности нормативного правового договора (далее – соглашение).

Правовая база соглашения закреплена в Конституции Республики Беларусь и Законе Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях». Соглашение выполняет правосполнительную функцию, поскольку нравственные категории, не всегда отражаемые в законодательстве, могут быть ориентиром для совместной деятельности субъектов в рамках договорных отношений.

Соглашение по отраслевой принадлежности относится к источникам конституционного права, так как заключение двусторонних соглашений является необходимым условием полноценной реализации свободы вероисповедания религиозными организациями. Стороны соглашения обладают особым публичным статусом, причем одной из сторон выступает государство в лице государственного органа, который сохраняет властные полномочия по отношению к другой стороне. При этом по составу субъектов соглашение относится к неравностатусному документу.

Кроме этого, приоритетными направлениями сотрудничества являются общественная нравственность, воспитание и образование, культура, творческая деятельность, охрана, восстановление и развитие исторического и др.

В данном случае будет уместным согласиться с мнением, что соглашение является одним из механизмов, сбалансированно сочетающим частные и публичные интересы.

Наконец, нормы соглашения рассчитаны на длительное действие (как правило, бессрочные) и неоднократное применение.

Таким образом, соглашение между государством и религиозной организацией – это нормативный правовой договор, который оформляет выражение согласованных обособленных волеизъявлений государства и религиозной организации, направлен на достижение общественного блага и включает общеобязательные для сторон юридические нормы.

Данный договор является одним из конституционных механизмов, сбалансированно сочетающим частные и публичные интересы, выступающим результатом совместного правотворчества, имеющим неравностатусный характер, заключаемым на международном или внутригосударственном уровне на неопределенный срок во имя общественного блага.

Сидоренко В. В.

**СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ»
И «ПРАВОВОЙ СТАТУС» ЖЕНЩИНЫ В ДРЕВНЕВОСТОЧНОМ ПРАВЕ**

*Сидоренко Виктория Витальевна, студентка 3 курса Белорусского
государственного экономического университета, г. Минск, Беларусь,
sidorenkonika03@gmail.com*

Научный руководитель: канд. ист. наук, доцент Ленцевич О. М.

Одной из довольно важных проблем, связанных с изучением института прав женщин, является отсутствие четкого разграничения понятий «правовое положение» и «правовой статус», усложняющее анализ и представление общей картины восприятия женщины в качестве социально-правового субъекта. В рамках комплексного подхода к изучению проблемы понимания сущности и содержания вышеуказанных юридических категорий, обратимся к древневосточным памятникам права, где впервые отмечается правовая регламентация положения женщины. В процессе изучения проблемы представленные позиции исследователей разделились на два подхода: первый – правовой статус и правовое положение выступают в качестве синонимичных понятий, вплоть до полного слияния, второй – правовое положение и правовой статус являются самостоятельными понятиями. Согласно позиции российского ученого Н. В. Витрука, являющегося сторонником второго подхода, правовое положение личности выступает в качестве широкой, обобщающей категории, раскрывающей состояние личности внутри общества. При этом Н. В. Витрук указывает на правовое положение как целое и правовой статус, выступающий в качестве частного, так что они являются разными понятиями, несмотря на этимологическое тождество терминов «положение» и «статус». Отличной от данного мнения выступает позиция В. П. Басика, согласно которой этимологический фактор играет важнейшую роль при определении разграничения: слово «status» в переводе с латинского языка означает состояние чего-либо. Исходя из этого, исследователем сделан вывод, что слова выступают в качестве синонимов. В то же время, согласно позиции Н. В. Витрука, самостоятельными элементами правового статуса личности выступают интересы, не нашедшие прямого выражения и закрепления в юридических правах, однако находящиеся под протекцией государства. По нашему мнению, правовой статус может выступать в качестве категории, характеризующей отношения личности и государства. Такой подход особенно характерен для позитивистской концепции, однако необходимо отметить, что правовая регламентация отношений, непосредственно возникающих между женщиной и государством, была скорее исключением, так как основной регламентации подлежали положения, возникающие под влиянием религиозных постулатов, внутрисемейных патриархальных обычаев и традиций. При этом в догосударственный период субъекты обладали определенными социальными статусами, в последующем нашедшими свое отражение в первоисточниках права древности.

Согласно мнению доцента Байкальского государственного университета Е. Г. Бельковой, термин «правовой статус» наиболее применим для общей

характеристики положения человека – личности и гражданина, в то время как «правовое положение» характеризует физическое лицо как участника конкретных общественных отношений. Позиция юриста-практика А. Ю. Якимова является достаточно близкой к вышеупомянутой, так как определяет правовой статус как стабильное правовое состояние субъекта, а правовое положение – как изменчивую совокупность прав и обязанностей, обусловленную вступлением субъекта в те или иные правоотношения.

Данные позиции при интерпретации закрепления прав женщин в древности могут выступать в качестве основополагающих в области определения наличия у женщины правового положения и (или) статуса. Формирование древневосточных цивилизаций напрямую было связано с закреплением прав субъектов в сборниках правовых обычаев (Законы Хаммурапи, Законы Ману). При этом закрепление прав женщин заключалось, как правило, в освещении конкретных общественных отношений. Четкое определение статуса женщины как социального субъекта выступало в качестве исключения, при условии определенных ее занятий (надитум в Месопотамии). Отдельного внимания заслуживает определение именно статуса женщины в древней Индии, закрепленного в ст. 17 гл. IX Законов Ману: «Ману оставил на долю женщин ложе, сиденье, украшение, похоть, гнев, злобредность характера и дурное поведение». Данная формулировка, по нашему мнению, не выступает в качестве свидетельства сформированности полноценного правового статуса, так как имеет обобщенный характер.

Таким образом, комплексный подход к определению статуса женщины в древневосточном государстве позволяет сформировать общее представление и определить социально-правовую внутриобщественную направленность на определенном историческом этапе. Считаем, что подход, разделяющий термины «правовой статус» и «правовое положение», при котором правовой статус выступает в качестве «ядра», представляет возможным объективно определить место и степень принятия и осознания женщины в качестве общественного субъекта, а также сформулировать следующий вывод: в древности женщины обладали правовым положением, формирующимся под воздействием юридических фактов, не являясь тем самым лицом, наделенным юридическим статусом.

Тарабонда А. С.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНСТИТУТА ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ

*Тарабонда Алеся Сергеевна, студентка 2 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
alesya.minsk2004@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Щербик Д. В.

В настоящее время является актуальным вопрос о соотношении государственного управления и народовластия. Большинство аспектов общественного контроля вызывают вопросы, по некоторым из которых среди

ученых нет единого мнения. Одной из таких проблем является анализ научной и практической характеристики основных понятий общественного контроля, исследование особенностей его правового регулирования в зарубежных странах.

Важность общественного контроля в государственном управлении была теоретически обоснована великими философами. В своих трудах Аристотель упоминал о необходимости контроля над государственными чиновниками и правителями, рассматривая как одно из условий благополучия государства и политической стабильности. Ш. Монтескье различал государство в качестве совокупности должностных лиц и союза граждан, отметив, что существование закона дает субъектам право реализовывать контроль за работой государственных органов. Г. В. Гегель провел исследование влияния общественного контроля и указал, что злоупотребление властью должно быть предотвращено контролем сверху, но в случае, если контроля сверху в конечном счете недостаточно, то необходимо нижним уровням государственного устройства соответствующим образом контролировать, т. е. основой государства является сам народ.

Современные исследователи по-разному определяют понятие «общественный контроль». Так, Т. В. Троицкая рассматривает природу «общественного контроля», определяет данное понятие как определенную деятельность организаций, которые позволяют отдельным гражданам своевременно выявлять нарушение своих прав и свобод, а также действовать в направлении последовательного пресечения этих нарушений. С. М. Зубарев понимает общественный контроль как систематическую деятельность, осуществляемую конкретными социальными институтами. Данные институты либо осуществляются по инициативе отдельных граждан, либо санкционируются гражданским обществом. Н. Н. Кулешова общественный контроль определяет как контроль, осуществляемый не государством, а сторонами, не обладающими властью. По мнению И. Н. Иваненко, общественный контроль – это деятельность институтов гражданского общества и отдельных граждан. Целью является обеспечение соответствия действий органов государственной власти законодательным нормам и исправление обнаруженных отклонений.

В. Гончаров отмечает специфические черты общественного контроля.

Во-первых, он функционирует как форма контроля над обществом и его институтами, объединяя потребности и интересы все членов общества. Во-вторых, общественный контроль обеспечивает баланс интересов различных социальных групп и предотвращает конфликты между ними. В-третьих, общественный контроль – это способ координации и объединения сил общества для решения насущных задач. В-четвертых, он является гарантом исполнения социальных норм. Это связано с тем, что общественный контроль позволяет создать механизмы выявления нарушителей и привлечения их к общественной ответственности. В-пятых, он является объективной неотъемлемой силой, присущей любому обществу, и одним из существенных его институтов.

В результате исследования мы пришли к выводу, в первую очередь, что общественный контроль – контроль в интересах общества. Данный контроль призван повышать общественную пользу от управления. Общественный контроль – ответственное наблюдение группами граждан и негосударственными некоммерческими организациями за соблюдением прав и законных интересов граждан в деятельности органов государственной власти с целью недопущения и пресечения нарушения прав и законных интересов граждан. Общественный контроль необходим для обнаружения проблем, привлечения внимания властей и общества к частным проблемам. Общественный контроль – способ влиять на власть в общественных интересах, т. е. общественный контроль является стимулом для властей оптимально учитывать общественные интересы.

Тенюта Е. С.

К ВОПРОСУ О ТЕХНИЧЕСКОМ НОРМАТИВНОМ АКТЕ И ТЕХНИЧЕСКОМ ПРАВОВОМ АКТЕ

*Тенюта Елизавета Сергеевна, аспирант Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины, г. Гомель, Беларусь,
kit9975@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Брилёва В. А

Технический документ – это документ, содержащий совокупность технических норм, обеспечивающих непосредственное регулирование общественных отношений, осложненных технической компонентой. Среди всего массива технических документов особое место занимает группа технических документов, облеченная в правовую форму – технические нормативные правовые акты.

В 2018 г. была принята новая редакция Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» (далее – Закон о НПА). Среди принципиально важных изменений следует отметить включение в систему белорусского законодательства технического нормативного правового акта (далее – ТНПА).

Под ТНПА следует понимать официальный документ, разработанный и (или) утвержденный в установленном порядке компетентным государственным органом или организацией, содержание которого образует совокупность общеобязательных технических предписаний, обеспечивающих регулирование взаимодействия человека с техникой и технологиями, используемыми в различных сферах общественной деятельности (строительство, медицина, авиация, метеорология и т. д.).

В юридической доктрине поддерживается точка зрения, что ТНПА является особой разновидностью нормативного правового акта, в связи с чем заимствует присущие родовому понятию сущностные признаки, в частности такой признак, как нормативность. Однако относительно проявления у ТНПА признака нормативности в доктрине ведется дискуссия. Споры обусловлены тем, что из буквального толкования статей 21 и 23 Закона Республики

Беларусь от 5 января 2004 г. № 262-З «О техническом нормировании и стандартизации» усматривается, что некоторые ТНПА (ТКП и государственные стандарты) носят рекомендательный характер. Особенность указанных актов заключается в том, что содержащиеся в них технико-юридические нормы не носят общеобязательный характер, а являются по своей природе рекомендательными нормами. По этой причине, указанные акты не соответствуют критерию нормативности, следовательно, они не могут быть отнесены наравне с общеобязательными ТНПА к категории нормативных правовых актов, а также входить в состав системы белорусского законодательства.

Вместе с тем количество рекомендательных технических актов постоянно увеличивается. Даже несмотря на их рекомендательный характер, они играют важную роль в регулировании технических общественных отношений, а также закрепленные в них технические правила и предписания в определенной степени способствуют достижению целей государства по обеспечению безопасности и рациональности использования техники и технологий.

Рекомендательные технические акты, несмотря на свою ненормативность, характеризуются иными признаками, свойственными ТНПА и нормативным правовым актам в целом:

1) выражают государственное волеизъявление (например, ТКП разрабатываются в целях обеспечения выполнения требований технических регламентов Республики Беларусь и (или) упорядочения процессов разработки, проектирования, изысканий, производства, строительства, монтажа, и др.);

2) разрабатываются и принимаются государственными органами или специально уполномоченными субъектами (например, ТКП разрабатываются республиканскими органами государственного управления, Национальным банком либо по их поручению техническими комитетами по стандартизации);

3) принимаются в соответствии с законодательно установленной процедурой их разработки и принятия.

Кроме того, отличительной чертой рекомендательных технических актов выступает предусмотренный на уровне законодательства механизм их «трансформации» в ТНПА.

На наш взгляд, с учетом выделенных ранее признаков целесообразно обособить рекомендательные технические акты, которые потенциально могут стать нормативными, в отдельную группу – технические правовые акты. Полагаем, что подобная словоформа, наиболее подходящая с этимологической точки зрения, поскольку она позволит, с одной стороны, указать на техническое содержание данных актов, с другой стороны, она подчеркивает проявление у актов, входящих в указанную группу, правовых признаков, что выступает своего рода «индикатором», отличающим их от технических актов неюридического характера (правила эксплуатации бытовой техники, правила приема лекарственных средств и т. д.).

В заключение отметим, что под техническими правовыми актами следует понимать официальный документ, разработанный и (или) утвержденный в установленном порядке компетентным государственным органом или организацией, содержащий технические требования и предписания, являющийся добровольным для исполнения, но при наступлении условий, предусмотренных в законодательстве, – общеобязательным.

Шидловский В. А.

О ВЛИЯНИИ НОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ НА РАЗВИТИЕ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

*Шидловский Валентин Андреевич, студент 1 курса Белорусского
государственного университета, Минск, Беларусь,
alex31102012shidl@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Калинин С. А.

Экономическая политика играет важную роль в функционировании и существовании любого государства, поэтому образование и развитие новых экономических отношений объективно требуют правового регулирования. Это предопределяет развитие правовой системы и перспективное принятие новых нормативных правовых актов, которые будут регламентировать складывающиеся инновации и экономические феномены, включая их политические и иные эффекты. Согласно Концепции правовой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 29 июня 2023 г. № 196: «Развитие законодательства о научной, научно-технической и инновационной деятельности необходимо осуществлять в целях создания правовых условий для поддержки экспортоориентированных и импортозамещающих разработок, формирования и развития новых бизнес-моделей молодежной занятости в инновационной сфере, включая поддержку молодежных стартапов».

Сегодня Беларусь является членом различных международных организаций, в том числе и Евразийского экономического союза (ЕАЭС), созданного в целях обеспечения свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также проведения скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики. Такое активное участие Беларуси в международных экономических организациях, влекущее активную нормотворческую деятельность, требует переосмысления сущности государства в экономическом ключе, для чего целесообразно использовать концепцию мир-системного анализа, согласно которому в рамках капиталистической мир-экономики государство – это институт, существование которого определяется его отношениями, в первую очередь экономическими, с другими «государствами».

В современном мире информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) опережают развитие правовых систем и все сильнее внедряются во все сферы жизни общества и государства, включая экономическую и политическую. Это предопределяет необходимость большего внимания

государства к деятельности трейдеров: людей, торгующих на фондовых биржах и зарабатывающих за счет перепродажи ценных бумаг, а также валют, в том числе криптовалюты, свободное обращение которых в Беларуси разрешено. Согласно Указу Президента Республики Беларусь № 48 от 14 февраля 2022 г. «О реестре адресов (идентификаторов) виртуальных кошельков и особенностях оборота криптовалюты» должен формироваться реестр адресов виртуальных кошельков, использовавшихся в противоправной деятельности для защиты участников рынка цифровых активов от утраты имущества и предупреждения их от непреднамеренного вовлечения в запрещенную законом деятельность.

Государство должно уделять также особое внимание развитию искусственного интеллекта и нейросетей, которые, кроме положительных эффектов, могут представлять потенциальную угрозу для конституционного строя, национальной безопасности и суверенного развития государства.

Таким образом, экономические вызовы определяют нормотворческую и иную политику государства, которое обязано постоянно модернизировать свою правовую систему.

Антоненко С. Б.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР И РОЛЬ ГЕОРГИЯ КОНИССКОГО В ПРОЦЕССЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЭКСПАНСИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII в.

Антоненко Святослав Борисович, аспирант 2 года обучения кафедры теории и истории государства и права, Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, antonenko.svyatoslav@bk.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук Лясков А. Я.

Для Речи Посполитой XVIII в. стал столетием упадка, который привел к окончательному распаду государства. Этому способствовали как внутренние, так и внешние факторы. Ситуация усугубилась при Августе III, когда были сорваны практически все Сеймы Речи Посполитой. В упадке было все – от армии и права до образования и религиозной стабильности. Стоит отметить, что этому способствовала межконфессиональная ситуация, сложившаяся в Речи Посполитой. При Августе III, как и при его отце Августе II Сильном, стремительно укреплялось превосходство католической церкви, остальные вероисповедания оставались в значительно худшем положении. Подобная ситуация ущемляла права православных христиан, которые проживали преимущественно вдоль восточных границ Речи Посполитой – в Великом княжестве Литовском (ВКЛ). Следует отметить, что во многом именно из-за религиозных разногласий еще в период правления Яна II Казимира в 1654 г. была заключена Переяславская рада, и Корона Польская потеряла территорию так называемой «Гетманщины».

Через 100 лет после перехода православных Украины под власть России началась активная борьба за последнюю православную епархию в Речи Посполитой. Следует отметить, что идеологическое основание раздела Речи Посполитой возникло задолго до начала правления Екатерины II, однако именно она сформулировала основную идею, реализации которой добивалась большую часть своего правления: «Литва, Украина, Беларусь, земли русские и населены русскими. Ни одной пяди земли “древней” Польши не взяла и не хотела приобрести, России, населенная поляками земля не нужна».

После смерти в 1754 г. православного епископа Иеронима (Волчанского) православные в ВКЛ были под большой угрозой, хотя по условиям Вечного мира 1686 г. им предоставлялась свобода вероисповедания и запрещалась дискриминация. Сразу же после смерти Иеронима, папа Римский Бенедикт IV потребовал передать Могилевскую епархию униатам, как это произошло в Полоцке. Этому противилась Россия, и в результате длительного противостояния епископом Могилевским был назначен ректор Киево-Могилянской академии Георгий Конисский.

Сразу же по вступлению в должность Конисский развернул активную деятельность по возвращению утраченного церковного имущества (в период с 1686 по 1754 г. у православного населения были отобраны 5 монастырей

и 164 церкви). Конисский начал формировать также архив актов, подтверждавших права православного населения на объекты церковной недвижимости, что было трудным делом ввиду отсутствия достаточного количества документов, утраченных во время многочисленных войн, проходивших через белорусские земли. Результатом его усилий стал выпуск в 1767 г. сборника «Права и вольности жителей Королевства Польского и Великого княжества Литовского, которые исповедуют греко-восточную религию».

В 1766 г. начал свою работу сейм Чаплица, на котором был рассмотрен диссидентский вопрос. Российский посол Н. В. Репнин активно продвигал на сейме идею уравнивания в правах диссидентов и католиков, однако такого решения принято не было. В ответ на непринятие российского предложения в Слуцке была образована конфедерация – союз грекокатолической, кальвинистской, лютеранской и православной шляхты Великого княжества Литовского, под руководством протестантов. Неофициальным лидером конфедерации был Г. Конисский, который не мог войти в состав конфедерации, поскольку не принадлежал к сословию шляхты. Прямых доказательств тому нет, однако очевидно, что Н. В. Репнин, активно использующий в своей политике диссидентский вопрос, не сделал бы основную ставку на протестантов. Россия продолжила лоббировать вопрос уравнивания в правах диссидентов с католиками и осенью 1767 г. был созван новый сейм, который впоследствии получил название «Сейм Репнина». В результате работы этого сейма в 1768 г. под давлением посла Репнина в Речи Посполитой были приняты два сепаратных акта о правах диссидентов. В ответ на данные действия сторонниками исключительных прав католиков была созвана конфедерация в г. Бар. Началась гражданская война.

В результате боевых действий (1768–1772) войска Барской конфедерации потерпели поражение. Проигрыш сторонников единства Речи Посполитой привел к ее первому разделу в 1772 г. После первого раздела Речи Посполитой Россия завладела польской частью Беларуси – до Двины, Друти и Днепра, включая районы Витебска, Полоцка и Мстиславля. Георгий Конисский горячо приветствовал присоединение своей епархии к России и считал это событие спасением для православного населения. В то же время нельзя говорить о Конисском как о политическом деятеле, поскольку в первую очередь его интересовали вопросы веры. Положение Г. Конисского в глазах российских властей было весьма неоднозначным. Это подтверждается словами Н. В. Репнина о том, что «у белорусского епископа отсутствуют достаточные персональные качества», а также отказом Репнина поддержать введение Г. Конисского в состав Сената Сейма Речи Посполитой.

Действительно, Г. Конисский приложил много усилий для осуществления первого раздела Речи Посполитой, однако им двигали не экономические и экспансионистские интересы, он был рад воссоединению своей паствы с единой Россией и делал все для осуществления данной цели.

Давыденко Я. Ю.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ НАРОДОВЛАСТИЯ В БЕЛАРУСИ

*Давыденко Ярослав Юрьевич, студент 1 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
y.davydzenka.official@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Щербик Д. В.

7 февраля 2022 г. Президент Республики Беларусь подписал Закон Республики Беларусь «О Всебелорусском народном собрании», который, в соответствии с Конституцией Республики Беларусь определяет правовой статус, компетенцию, порядок формирования Всебелорусского народного собрания, принципы и организационные основы его деятельности, а также права и обязанности делегата Всебелорусского народного собрания.

Институт внепарламентской демократии для Беларуси не новшество. Первым подобным институтом можно назвать Полоцкое вече. В период наиболее сильной своей власти Полоцкое вече занималось заключением договоров с другими государствами, вопросами войны и мира, судебными делами, имело право свергать князей. Вече созывалось на протяжении продолжительного времени, поэтому являлось постоянным органом народовластия, осуществлявшим в определенный период верховную власть в Полоцком княжестве. Примечательно, что в состав вече могли входить женщины, возглавившие семью по причине, например, смерти супруга.

Следующим демократическим институтом следует считать Всебелорусский съезд 1917 г., созванный Великой белорусской радой при поддержке народного комиссариата по делам национальностей РСФСР. Перед делегатами съезда стояла задача сформировать национальные органы управления и утвердить широкую автономию Беларуси, не разрывая при этом связи с Россией. В ходе работы съезда была принята резолюция о праве белорусского народа на самоопределение и установление демократических форм правления, выработана концепция национальной белорусской государственности, заявлявшая о праве белорусов на самоопределение. Также было принято решение выбрать Всебелорусский совет крестьянских, солдатских и рабочих депутатов как временный орган краевой власти и обязать его немедленно созвать Всебелорусское учредительное собрание для решения вопроса об общественном и государственном строе.

После освободительного похода Красной армии в Западную Беларусь и воссоединения белорусского народа, 28 октября 1939 г. в Белостоке было создано Народное собрание Западной Беларуси, утвердившее 29 октября Декларацию Белорусского народного собрания по вопросу о вхождении Западной Белоруссии в состав Белорусской Советской Социалистической Республики, в которой было напечатано: «Принята единогласно Белорусским Народным Собранием 29 октября 1939 г.» Таким образом, народ Западной Беларуси самостоятельно определил дальнейшее развитие белорусской государственности, изъявив желание войти в состав БССР.

19–20 октября 1996 г. в Минском Дворце спорта состоялось первое Всебелорусское народное собрание (ВНС), созванное Президентом Республики Беларусь Александром Лукашенко, что было связано с процедурой импичмента, начатой Верховным Советом против Президента. Чтобы взять ситуацию под контроль, А. Лукашенко объявил конституционную реформу. Противостояние обострилось еще сильнее, и появилась идея Всебелорусского народного собрания – Президент, руководствуясь ст. 3 Конституции Республики Беларусь, хотел заручиться поддержкой народа. «Прэзідэнт раіцца з народа» – так звучал заголовок статьи парламентской «Народной газеты» о президентской идее созыва собрания. 9 августа Президент внес в Верховный Совет проект постановления «О проведении республиканского референдума и мерах по его обеспечению». Поправки в Конституцию, которые предусматривали наделение Президента полномочиями главы государства, были одним из 4-х вопросов. Депутаты дополнили бюллетень еще тремя вопросами, в том числе еще одним проектом Конституции. Парламентский проект Основного Закона предусматривал упразднение поста Президента. Одновременно начали собирать подписи за импичмент.

На фоне этих событий Всебелорусское народное собрание стало доказательством единства Президента и народа. Именно его проведение позволило консолидировать общество, закрепить основные принципы суверенного белорусского государства, обеспечившие последующее успешное развитие страны. 4740 делегатов ВНС выразили согласие с президентским проектом изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь. «Только народ вправе решать свою судьбу», – так закончил Александр Лукашенко свое выступление на собрании. На республиканском референдуме 24 ноября 1996 г. белорусы сделали выбор в пользу стабильного, самодостаточного и сильного государства: за предложенные Президентом изменения и дополнения в Конституцию проголосовало 70,45 % (5 175 664 чел.)

ВНС стало воплощением глубокой исторической традиции, начиная от Полоцкого вече, Всебелорусского съезда 1917 г., Народного собрания Западной Беларуси 1939 г. Если первое Всебелорусское народное собрание принято считать демократическим форумом, созданным для консультации, то сегодня собрание – высший представительный орган народовластия.

По вступившим в силу 15 марта 2022 г. изменениям и дополнениям в Конституцию Республики Беларусь, Всебелорусское народное собрание определяет принципы внешней политики, вводит чрезвычайное и военное положение, принимает концепцию национальной безопасности, избирает судей Конституционного Суда и имеет право объявить импичмент Президенту. Главное – определяет стратегию социально-экономического развития страны. По набору функций и полномочий, а прежде всего по постоянству деятельности, Всебелорусское народное собрание, которое будет создано в конце апреля 2024 г., подобно Полоцкому вече. Но есть ряд отличий, самое существенное из которых – представительность ВНС: делегатов собрания нужно избирать по специальной процедуре, в то время как в работе Полоцкого вече участвовало все свободное население.

Если сравнивать с ВНС Всебелорусский съезд и Народное собрание Западной Беларуси, то два последних института наиболее схожи с первым ВНС. Созданные для определения принципов дальнейшего развития белорусской государственности форумы народовластия имеют в основном учредительный характер и стали поворотными моментами в истории Беларуси.

Таким образом, демократизм белорусского государства имеет обширные исторические координаты. ВНС является уникальным национальным опытом правового регулирования. Созвав первое ВНС для решения конкретной проблемы, белорусское общество институционализировало Всебелорусские народные собрания и превратило первоначально консультативный институт в демократическую обыденность, дав фору в конституционном развитии и обеспечении демократии ведущим мировым державам.

Духнова К. А.

ГЕОРГІЙ КАНІСКІ: УДЗЕЛ У ЗАХАВАННІ БЕЛАРУСКАЙ НАРОДНАСЦІ

Духнова Карына Аляксандраўна, магістрантка Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, г. Мінск, Беларусь, karinaduhnova@gmail.com

Навуковы кіраўнік: канд. юрыд. навук, дацэнт Голубева Л. Л.

Прэамбула Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь замацоўвае шматвяковую гісторыю развіцця беларускай дзяржаўнасці, захаванне нацыянальнай самабытнасці, таму менавіта зараз неабходна даследаваць, як развівалася беларуская дзяржава, якія дзеячы паўплывалі на фармаванне народнасці, звяртацца да гісторыі.

Адной з самых вострых праблем палітычнага жыцця Рэчы Паспалітай у другой палове XVIII ст. з'яўлялася праблема дысідэнтаў. Яе з'яўленне звязана з прыняццем на сойме 1733 г. закона, які забараняў асобам некатоличкага веравызнання займаць дзяржаўныя пасады, абіраць і быць абраным у Вальны сойм Рэчы Паспалітай. Гэты закон у якасці дапаўнення ўвайшоў у Статут 1588 г. і такім чынам распаўсюджваўся на тэрыторыю Вялікага Княства Літоўскага. У ходзе барацьбы за ўраўнаванне ў правах дысідэнтаў з католікамі вылучаўся шэраг вядомых палітычных мысліцеляў, адным з якіх з'яўляецца Георгій Каніскі. Г. Каніскі не з'яўляўся праціўнікам ні феадальна-прыгонніцкага ладу, ні рэлігіі. Ён патрабаваў толькі паслаблення феадальнай эксплуатацыі, згладжвання найбольш вострых супярэчнасцей, зацвярджэння ў сучасным яму грамадстве, «элементарнай законнасці» ў канчатковым рахунку ў інтарэсах саміх жа памешчыкаў. Яго ідэалам быў «адукаваны» і «добры» кароль, справядлівы суддзя, нежорсткі землеўладальнік, паслухмяны селянін. Ён звязваў грамадскі працэс з развіццём навукі з распаўсюджваннем адукацыі на ўсе слаі насельніцтва і энергічна праводзіў у жыццё свае ідэі: адчыняў школы і семінары, пісаў і выдаваў навуковыя і мастацкія творы, крытыкаваў крайнасці феадалізму, жорсткую эксплуатацыю і прыгнёт народа, невуцтва, духоўную галечу тых, хто мае ўладу.

Г. Каніскі прапагандаваў неабходнасць скасавання феадальнай анархіі і абмежавання самавольства феадалаў, усталявання ў краіне цэнтралізаванага

парадку і законнасці. Ён быў ідэалагам сярэдніх слаёў пануючага класа сучаснага яму грамадства, якое было зацікаўлена ў абмежаванні магутнасці буйных феадалаў, упарадкаванні дзяржаўнай улады, развіцці асветы. Гэтыя погляды супадалі з інтарэсамі новага класа, што нараджаўся ў той час, – класа буржуазіі, які нёс ідэалогію Асветніцтва.

Такім чынам, дзякуючы сваім выдатным якасцям, Георгій Каніскі апынуўся здольным вырасці з біскупа епархіі ў паўнамоцнага прадстаўніка ўсяго заходнерускага праваслаўя, стаўшы кіраўніком ўсіх польскіх дысідэнтаў, змагаром і абаронцам свабоды сумлення, актыўным правадніком у Польшчы знешняй палітыкі рускага ўрада. Менавіта яму Беларусь абавязана захаваннем сваёй веры і народнасці, а затым і поўным вызваленнем ад двухвекавага мяцежнага польскага прыгнёту.

Наважэн К. Д.

**ПАРАЎНАЛЬНА-ПРАВОВЫ АНАЛІЗ АБ'ЕКТЫЎНАГА БОКУ
ЗЛАЧЫНСТВА ПА СТАТУТУ ВКЛ 1588 г.
І САБОРНАМУ ЎЛАЖЭННЮ 1649 г.**

*Наважэн Крысціна Дзмітрыеўна, студэнтка 3 курса Беларускага
дзяржаўнага ўніверсітэта, г. Мінск, Беларусь, law.novozhen@bsu.by*

Навуковы кіраўнік: канд. юрыд. навук, дацэнт Голубева Л. Л.

Статут ВКЛ 1588 г. і Саборнае Ўлажэнне 1649 г. – найважнейшыя помнікі заканадаўства. У іх замацаваны віды злачынстваў і пакаранняў, але яшчэ недастаткова дакладна сфарміраваны інстытуты агульнай часткі крымінальнага права, у прыватнасці, інстытут складу злачынства.

Пры характарыстыцы злачыннага дзеяння ў феадальны час першапачаткова варта звярнуцца да тэорыі сучаснага крымінальнага права, якое вылучае чатыры прыметы складу злачынства: аб'ект, аб'ектыўны бок, суб'ект, суб'ектыўны бок.

Шмат аўтараў, якія вывучалі заканадаўства таго перыяду, у сваіх працах амаль не характарызавалі складу злачынства, а толькі называлі іх. У сувязі са станам вывучанасці праблемы неабходна больш падрабязна спыніцца на параўнальнай характарыстыцы інстытута аб'ектыўнага боку злачынства, які змяшчаецца ў Статутах ВКЛ і Саборным Улажэнні 1649 г.

Сукупнасць прымет, якія характарызуюць злачынства, складаюць яго аб'ектыўны бок. У сучасным крымінальным праве гэта паняцце ўключае ў сябе грамадска небяспечнае дзеянне, прычынную сувязь паміж дзеяннем і наступіўшымі грамадска небяспечнымі вынікамі, а таксама месца, спосаб, час і абставіны здзяйснення злачынства, але варта памятаць, што абавязковай прыметай з'яўляецца толькі грамадска небяспечнае дзеянне, астатнія прыметы – факкультатыўныя.

Усе гэтыя асаблівасці ў той ці іншай ступені знайшлі адлюстраванне ў заканадаўстве ВКЛ, але найбольш дэталёва ў Статуце 1588 г. Паводле Статута злачынствы маглі быць здзейснены ў форме актыўнага дзеяння, а таксама ў форме ўстрымання ад дзеяння. Злачыннае дзеянне не абмежавана

здзяйсненнем пэўных рухаў цела, а выкарыстаннем тых ці іншых сродкаў учынення злачынства. Як прыклад можна разглядаць цялесныя пашкоджанні, якія былі нанесены жывёлай.

Аналізуючы абавязковыя прыкметы аб'ектыўнага боку злачынства па Статуце ВКЛ 1588 г. і Саборным Улажэнні 1649 г., можна вылучыць агульныя рысы. Па-першае, у абодвух прававых помніках змяшчаецца абавязковая прыкмета складу злачынства – здзяйсненне злачынства ў форме актыўнага дзеяння. Напрыклад, «хто б на чыю-небудзь хату шляхецкую, наўмысна здзейсніўшы наезд ці напаўшы і ў той хаце каго-небудзь забіў...» (арт. 1 раздз. XI Статута 1588 г.), «а будзе разбойніка зловяць на разбоі ў іншыя, і яго таму ж катаваць і ў і(ы)ных разбоях» (арт. 17, XXI, Саборнага Улажэння).

Таксама можна знайсці прыклады дзеянняў у форме ўстрымання ад дзеяння. «А будзе хто зведаў, ці пачуўшы на царскую вялікасць у якіх людзях скоп і змову, ці іншы які злы намер, а гасудару і яго гасударавым баярам і блізкім людям, і ў гарадах ваяводам і загадным людзям, пра тое не паведаміць, а гасудару пра то будзе вядома, што ён пра такую справу ведаў, а не апавясціў, і адшукаецца пра тое да ладу, і яго за тое караць смерцю без усялякай літасці» (арт. 19, II, Саборнага Улажэння). Устрыманне ад дзеяння ў Статуце мела месца ў тым выпадку, калі заканадаўца прама паказваў на абавязковасць здзяйснення тых ці іншых дзеянняў, у той час як вінаватая асоба іх не здзяйсняла. Напрыклад, закон абавязваў выканаць пастанову суда і з'явіцца па позве ў суд, даносіць аб дзяржаўнай здрадзе, не ўхіляцца ад нясення ваеннай службы і інш.

Па-другое, у абодвух заканадаўствах змяшчаецца яшчэ адна абавязковая прыкмета складу злачынства – грамадска-небяспечнае наступства, якое надыходзіць у выніку грамадска небяспечных дзеянняў або бяздзейнасці. Так, напрыклад, у Статуце 1588 г. за змову і бунт супраць велічы можна было страціць гонар, горла і маёнтак, а ў Саборным Улажэнні за аналагічнае злачынства прадугледжана смяротнае пакаранне.

Таксама ў артыкулах Статута ВКЛ 1588 г. і Саборнага Улажэння 1649 г. заканадаўцам выдзелены склады злачынства, якія ўтрымлівалі ў сабе толькі дзеянні і меру пакарання, без указання наступстваў і прычынна-следчай сувязі. Гэта сведчыць аб тым, што, хаця заканадаўства таго часу і не ведала аб наяўнасці фармальнага складу злачынства, як сучаснае крымінальнае права, але ўжо тады заканадаўцам быў зроблены значны крок наперад у гэтым напрамку. Дастаткова было наяўнасці толькі дзеяння, напрыклад, «будзе якой сын ці дачка ўчыніць бацьку свайму ці маці смяротнае забойства, і іх за бацькоўскае ці за мацернае забойства пакараць смерцю ж без усялякай літасці» (арт. 1, XXII, Саборнага Улажэння). Але ж згодна з палажэннямі Статута паміж злачынным дзеяннем і наступіўшымі вынікамі, якія не ўказаны ў дыспазіцыі артыкула і таму не з'яўляюцца прыметамі канкрэтнага складу злачынства, маглі ўлічвацца ў правапрымяняльнай дзейнасці, г. зн. пры прызначэнні пакарання. Іншыя факультатыўныя прыкметы таксама знайшлі адлюстраванне ў дадзеных памятнаках заканадаўства. Напрыклад, час, месца, спосаб і прылада таксама згадваюцца ў некаторых артыкулах.

Падводзячы вынік, можна зрабіць выснову, што гэтым заканадаўчым актам была ўласціва дастаткова сучасная трактоўка аб'ектыўнага боку злачынства. Яна была прадстаўлена як абавязковымі, так і дадатковымі прыкметамі, якія належаць сучаснаму крымінальнаму праву. Дадзеныя прыкметы маюць юрыдычнае значэнне пры прызначэнні пакарання не толькі ў наш час, але і ў мінулым. Вышэйназваныя прыкметы аб'ектыўнага боку шмат у чым супадаюць, таму што злачынствы прадстаўлены падобнымі дзеяннямі. Развіццё крымінальнага заканадаўства ВКЛ і Расіі ішло прыкладна па адным шляху, але варта адзначыць, што ВКЛ да гэтага прыйшло нашмат раней, бо палажэнні ўсіх трох Статутаў змяшчаюць аналагічныя прыкметы аб'ектыўнага боку злачынства.

Станкевіч В. С.

ШЛЯХТА Ў ПАЛІТЫЧНЫМ ЖЫЦЦІ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА

Станкевіч Валерыя Сяргееўна, студэнтка 4 курса Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, г. Мінск, Беларусь, lerika2003267@gmail.com

Навуковы кіраўнік: доктар юрыд. навук, прафесар Доўнар Т. І.

У Вялікім Княстве Літоўскім (далей – ВКЛ), палітыка-эканамічным цэнтрам якога былі беларускія землі, у XIII ст. пачалі фарміравацца феадальныя адносіны. У кантэксце развіцця дзяржаўных інстытутаў і выдання агульназемскіх грамат (1387 г., 1413 г., 1447 г і інш.) і Статутаў ВКЛ яны былі заканадаўча аформлены. Федалы, кансалідаваўшыся ў адзінае саслоўе – шляхту, пачалі адыгрываць галоўную ролю ў палітычным жыцці ВКЛ. Панаванне шляхты вызначалася тым, што яе прадстаўнікі займалі ўсе важнейшыя пасады дзяржаўнага апарату як у цэнтры, так і на месцах. Менавіта яны вызначалі напрамак усёй унутранай і знешняй палітыкі ВКЛ.

Варта падкрэсліць, што ў XIV–XV стст. ВКЛ па форме праўлення ўяўляла сабой раннефеадальную манархію. З развіццём саслоўных правоў шляхты ўлада вялікага князя пачала абмяжоўвацца. Паступова ўладныя функцыі сумесна з манархам сталі ажыццяўляць не толькі паны-рада, але сойм і павятовыя соймікі.

Канчаткова аформіўшыся ў канцы XV ст., рада ВКЛ стала стала выканаўча-распарадчым органам дзяржаўнай улады. Пры разглядзе пытанняў, па якіх патрабавалася падтрымка буйных землеўладальнікаў, на пасяджэнні рады запрашаліся і іншыя федалы. Такія пашыраныя пасяджэнні атрымалі назву сойма.

У перыяд праўлення вялікага князя Аляксандра сойм пачаў разглядацца як неабходны дзяржаўны інстытут. У XVI ст. сойм канчаткова аформіўся як заканадаўчы орган дзяржаўнай улады.

Шляхта карысталася вальнымі соймамі для таго, каб паведаміць вялікаму князю або панам радным аб сваіх патрэбах, просьбах і злоўжываннях у дзяржаве і паветах, падтрымлівала адзін аднога ў сваіх заявах і скаргах, а таксама патрабавала ад улад розных паляпшэнняў і рэформ у сваіх інтарэсах. Фактычна ў такіх выпадках вальны сойм з'яўляўся палітычным інстытутам,

які канцэнтравалі ў сабе саслоўна-палітычны рух шляхты на працягу ўсяго наступнага перыяду развіцця феадальнага грамадства. Патрэбна азначыць, што з утварэннем Рэчы Паспалітай у дзейнасці сойма адбыліся змены. Згодна з Люблінскім актам у новай дзяржаве ўтвараўся супольны сойм, які пераўтвараўся ў заканадаўчы орган дзяржаўнай улады. Сойм складаўся з «соймавых станаў»: караля, Сената і Пасольскай хаты.

Па агульнаму правілу лічылася, што сойм можа вырашаць любыя пытанні. Пры гэтым да выключнай кампетэнцыі вальнага сойма належала: выданне заканадаўчых актаў, увядзенне падаткаў, скліканне паспалітага рушэння, наблітання, выпрацоўка агульнага накірунку знешняй палітыкі, зацвярджэнне мірных дагавораў і перамір'яў, кантроль за дзейнасцю караля і цэнтральных ураднікаў дзяржаў Рэчы Паспалітай. Таксама ў кампетэнцыю сойма ўваходзіла выбарнае каралеўства. Менавіта ў Рэчы Паспалітай сойм набыў статус палітычнай арэны для шляхты, на якой яна дамагалася пашырэння сваіх правоў і адначасова абараняла суверэнітэт ВКЛ. Увогуле агульны вальны сойм становіўся цэнтральным элементам палітычнай сістэмы Рэчы Паспалітай, які павінен быў ураўнаважваць уладу манарха і шляхты, а таксама гарантаваць захаванне ўсіх правоў і свабод Княства і Кароны.

Таксама вялікую ролю ў палітычным жыцці ВКЛ адыгрывалі павятовыя соймікі, на якія збіралася ўся павятовая шляхта. М. В. Доўнар-Запольскі лічыў соймікі формай плебісцыту. Яшчэ да рэформаў 1560-х гг. павет з'яўляўся адміністрацыйна-судовай і ваеннай адзінкай ВКЛ. З увядзеннем ж у дзеянне Бельскага і Віленскага прывілеяў, Статутаў 1566 і 1588 гг. прававое становішча сойма было канчаткова зацверджана.

Увогуле нормы Статута не абмяжоўвалі кампетэнцыю павятовых соймаў, бо на іх абмяркоўваліся бягучыя пытанні павета, абіраліся павятовыя судзі, паслы на вальны сойм і распрацоўваліся для іх інструкцыі. Пры гэтым галоўным у нормах Статута з'яўляецца тое, што самі павятовыя феадалы маглі прапаноўваць свае пытанні для разгляду.

Такім чынам, можна зрабіць выснову, што паны-рада, сойм і соймікі з'яўляліся важнымі элементамі палітычнай сістэмы ВКЛ. У разгляданы перыяд паступова ўзрасла роля саслоўна-прадстаўнічых устаноў, якімі на той перыяд былі сойм, а на мясцовым узроўні – соймікі. Гэта прывяло да таго, што ўжо ў сярэдзіне XVI ст. на пасяджэннях соймаў усё больш пачынае ўзрастаць уплыў прадстаўнікоў шляхецкага саслоўя.

Александрова Е. В.

ИНСТИТУТ ПРЕЗИДЕНТСТВА: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ В РОССИИ И БЕЛАРУСИ

*Александрова Екатерина Валерьевна, студентка 2 курса Марийского
государственного университета, г. Йошкар-Ола, Россия,
777alexkaty777@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Мокосеева М. А.

После развала Советского Союза прошло более 30 лет, и за это время как в Российской Федерации, так и в Республике Беларусь произошло значительное количество изменений, охвативших различные аспекты общества и государства. Особую важность приобрели события, произошедшие в последние три года. Один из ключевых моментов в современной истории «Новой России» приходится на 1 июля 2020 г., когда были приняты важные поправки к Конституции Российской Федерации в результате общероссийского голосования. Республика Беларусь также пережила несколько изменений в своей Конституции, такие как 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г. Последние изменения проведены 27 февраля 2022 г. в ходе республиканского референдума. Эти события вызвали интерес и ряд вопросов. В частности, каким образом институт президентства сложился и стал ключевым элементом в управлении обеими странами? Какие изменения произошли в институте президентства в России и Беларуси в результате внесенных поправок в их Конституции? И какие перспективы развития представляются в будущем?

Институт президентства происходит из США. В 1787 г. в Филадельфии на Конституционном конвенте впервые обсуждалось введение должности президента. Этот пример позже был воспринят странами Латинской Америки и впоследствии странами Европы.

В СССР вопрос о введении поста президента возник не сразу. Первые усилия по созданию этой должности были предприняты в 1936 г. в рамках обсуждения Конституции. Предлагалось выбирать Председателя Президиума Верховного Совета СССР путем всеобщего голосования, а не назначать Верховным Советом. Однако И. В. Сталин отклонил это предложение, посчитав, что оно противоречит общей линии развития Советского государства. Следующая попытка введения президентской власти приходится на период «перестройки». В марте 1990 г. Внеочередной третий Съезд народных депутатов принял Закон «Об учреждении поста Президента и внесении изменений в Конституцию СССР». Первым Президентом СССР стал М. С. Горбачев, избранный 14 марта 1990 г. Проанализировав данный закон, можно выделить правовой статус, полномочия и обязанности президента, а также требования к кандидату. Президент – гражданин СССР не моложе 35 и не старше 65 лет, избираемый сроком на 5 лет, однако он не может занимать должность более двух сроков. Избрание проходит по особой процедуре, путем всеобщего,

равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. После распада СССР в 1991 г. территория бывшего союза была разделена на независимые государства, включая Россию и Беларусь. Началом этого нового этапа стало создание и принятие основного законодательного акта каждой страны – их Конституций. Первоначальные версии Конституций России и Беларуси включали многие положения последней Конституции СССР. Однако, вновь внедряя президентский институт, были ужесточены требования к кандидатам. В России кандидат на пост президента должен был быть не моложе 35 лет, проживать постоянно в России не менее 10 лет, и избираем на срок 4 года, с возможностью избрания не более двух сроков подряд. В Беларуси аналогичные требования, где кандидат должен быть не моложе 35 лет, проживать в Республике Беларусь не менее 10 лет, и избираем на срок 5 лет, с ограничением в два срока.

Спустя три десятилетия после принятия Конституций в обеих странах (и 29 лет в Республике Беларусь), стоит отметить, что институт президентства в Российской Федерации претерпел особенно существенные изменения. Эти изменения включают в себя несколько ключевых аспектов: во-первых, увеличился ценз «оседлости» (с 10 до 25 лет); во-вторых, введены новые требования об отсутствии иностранного гражданства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание на территории иностранного государства; в-третьих, увеличен срок полномочий с 4 до 6 лет. Изменения коснулись и количества сроков, поскольку было убрано слово «пожизненно». Последние поправки в Конституцию Республики Беларусь также внесли изменения в институт президентства. Возрастной ценз к кандидату был увеличен с 35 до 40 лет, а ценз «оседлости» увеличен с 10 лет до 20 лет. Теперь президенту нельзя иметь гражданство иностранного государства, вида на жительство или иного документа иностранного государства, дающего право на льготы и другие преимущества.

Институт президентства в обеих странах претерпел долгий и кропотливый путь развития. Последние изменения свидетельствуют о его укреплении и развитии. Ужесточение требований к кандидатам в президенты направлено на обеспечение безопасности и суверенитета стран. Россия и Беларусь в своей истории длиной в три десятилетия стали одними из ведущих стран, поддерживающих друг друга и тесно сотрудничающих.

Божовский И. А.

ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В УЧЕНИИ ДЖОНА ЛОККА

Божовский Илья Андреевич, студент 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, ilynder05@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Щербик Д. В.

Джон Локк был одним из величайших мыслителей эпохи Просвещения. Его работы по политической философии оказали значительное влияние на формирование современной демократии и правового государства.

Стоит учитывать контекст времени, в котором Д. Локк жил и писал свои работы. Учение Д. Локка разрабатывалось в эпоху абсолютизма, когда монархи имели большую власть и влияние. В связи с этим его взгляды были направлены против идеи «божественного права королей», согласно которой монархия оправдывалась Божьей волей. Д. Локк считал, что власть должна быть основана на согласии народа и его естественных правах: «Ведь стоит только спросить, какая защита, какое ограждение существует в подобном состоянии против насилия и угнетения со стороны этого абсолютного владыки? Самый вопрос уже вряд ли является допустимым. Они готовы ответить вам, что за самую просьбу о безопасности полагается смерть», – пишет он во втором трактате «О правлении».

Согласно суждениям Джона Локка исполнительная власть обязана гарантировать безопасность и защиту прав граждан. Также ее компетенция включает в себя исполнение «муниципальных законов» общества внутри его самого по отношению ко всему, что является частями этого самого общества. Он считал, что исполнительная власть должна быть ответственна перед законом и судом за управление государством и осуществлять его функции исключительно в интересах общества. Е. П. Лезина трактует мысли философа таким образом: «каждый индивид в естественном состоянии обладает возможностями осуществлять исполнительную власть. Каждый человек должен следовать справедливому стандарту закона и наказания; поэтому Д. Локк ожидал, что люди будут действовать гораздо более ответственно и морально».

Согласно «Двум трактатам о правлении», в которых Д. Локк рассматривает в том числе и организационные аспекты государства, нет ни необходимости, ни удобства в том, чтобы законодательный орган действовал непрерывно. Однако это абсолютно необходимо для исполнительной власти: «...ведь не всегда имеется нужда в создании новых законов, но всегда необходимо выполнять те законы, которые созданы».

Д. Локк наделяет исполнительную власть еще одним исключительным правом, правом созывать законодательный орган. Он считал, что должны существовать механизмы для регулярной смены власти и что свежий взгляд и новые идеи должны приветствоваться в правительстве. Важная роль отводилась выборам, которые позволяют народу иметь контроль за исполнительной властью и влияние на нее.

При этом право бесспорной юрисдикции остается за законодательной властью: «Право созывать и распускать законодательный орган – право, которым обладает исполнительная власть, – не дает исполнительной власти верховенства над законодательной, а является просто доверенным полномочием, данным ей в интересах безопасности народа». Исполнительная власть должна действовать в соответствии с законами, но не может непосредственно влиять на работу законодательной власти, говорит Д. Локк. При том, право созывать законодательный орган обычно имеет одно из следующих двух ограничений в отношении срока: либо первоначальная конституция требует, чтобы представители собирались и действовали через

определенные промежутки, в таком случае: «Исполнительная власть не делает ничего, кроме официального издания руководств к их выбору и созыву в соответствии с должными формами». Второе ограничение заключается в том, что «благоразумию» исполнительной власти предоставляется выносить решение об их созыве путем новых выборов, в случае «...когда обстоятельства или острые нужды народа требуют изменения старых законов, или создания новых».

По Д. Локку, исполнительная власть должна быть особенно сильной на международном уровне, чтобы иметь дело с ведением военных действий и дипломатией. Сюда относится право войны и мира, право участвовать в коалициях и союзах, равно как и право вести все дела со всеми лицами и сообществами вне государства. Но тем не менее ограниченной на национальном уровне, дабы исполнительная власть не угрожала конституционной форме правления.

В контексте исполнительной власти Локк рассматривает прерогативу как специальные полномочия, предоставленные главе государства или правительству в случае, когда определенные и неизменяемые законы не могут служить надежным руководством. Он утверждал, что исполнительная власть должна быть ограничена законом и иметь четко определенные границы. Прерогативы, согласно Д. Локку, должны использоваться только для обеспечения безопасности и благосостояния народа, а не для корыстных целей или неограниченного самодержавия. Правомерным и даже необходимым Д. Локк считал восстание народа против тиранической власти, посягающей на естественные права и свободу народа.

Критика абсолютизма Д. Локком оказала значительное влияние на политическую мысль и дальнейшую историю. Его идеи стали основой для формирования концепции конституционной монархии и принципов правового государства, где власть ограничена законом и уважением к правам человека.

Борисовец М. Д.
ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА
ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ В ИЗРАИЛЕ

Борисовец Михаил Дмитриевич, студент 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, mishabor@outlook.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Щербик Д. В.

Израильский институт чрезвычайного положения был создан в 1948 г., спустя четыре дня после образования государства, для обеспечения безопасности государства на начальном этапе его формирования и защиты его от внутренних и внешних угроз.

9-я статья Декрета о порядке отправления власти и судопроизводстве, утвержденного Временным Государственным Советом 19 мая 1948 г. наделяла Временный Государственный Совет правом объявить в стране

чрезвычайное положение и издавать чрезвычайные указы (ордонансы), которые могут изменять, временно приостанавливать и ограничивать любой закон, а также вводить или увеличивать налоги и другие обязательные выплаты. Далее, в 1996 г. 9 статья Декрета о порядке отправления власти и судопроизводстве была отражена в Законе об правительстве в статьях 49, 50. В третьей версии Основного закона о правительстве, принятой в 2001 г. и действительной с 2003 г., этому вопросу посвящены 38-я и 39-я статьи. Ключевым моментом этих изменений является наделение правом вводить чрезвычайное положение парламента Израиля – Кнессета.

Ввод чрезвычайного положения обычно уполномочен Кнессетом. Сам Кнессет может предложить введение чрезвычайного положения на срок не более одного года. Однако на практике Кнессет никогда не выступал инициатором введения чрезвычайного положения, правительство всегда выступало инициатором. По регламенту Кнессета, при поступлении такого предложения в Кнессет созывается специальная комиссия по вопросам иностранных дел и безопасности по обсуждению предложения. У правительства также есть возможность вводить чрезвычайное положения на срок не более 7 дней при условии, что Кнессет созвать невозможно. Однако на практике таких случаев не было. Кнессет имеет право отменить чрезвычайное положение в любой момент.

Согласно 39 статьи Основного закона о правительстве Израиля 2001 г. в период чрезвычайного положения правительство уполномочено издавать чрезвычайные нормативно-правовые акты. Такие нормативно-правовые акты имеют силу в течение трех месяцев, если их действие не продлевают. А также согласно 39 статьи Основного закона о правительстве Израиля 2001 г. чрезвычайные нормативно-правовые акты действуют в течении 60 дней после отмены чрезвычайного положения.

Интересно, что в Израиле с момента образования государства чрезвычайное положение было введено и не отменено и по сей день. Однако причины такого явления кроются не во внешних и внутренних угрозах государства, а в юридических особенностях правовой системы Израиля. Во время введения чрезвычайного положения было принято большое количество законов и указов, которые регулируют общественно важные отношения. И при отмене чрезвычайного положения эти законы и указы станут недействительны. Так, например, 11-я статья Закона о рабочем времени и времени отдыха предусматривает, что министр труда может разрешить сверхурочную работу в определенных в законе отраслях, а также в прочих отраслях «во время, когда в стране действует чрезвычайное положение». В дальнейшем Израиль предпринимал попытки отменить законы и указы, положения которых зависели от института чрезвычайного положения, однако этого так и не произошло.

Таким образом, институт чрезвычайного положения в Израиле имеет большое количество особенностей своего функционирования, которые обусловлены условиями формирования государственности. Институт чрезвычайного положения в Израиле можно назвать законодательным

инструментом для издания законов и указов, что по сути означает, что институт чрезвычайного положения в Израиле выполняет не основную функцию: защиту государства и граждан в кризисных ситуациях, а латентную функцию законодательного обеспечения деятельности государства, так как многие чрезвычайные нормативно-правовые акты не соответствуют основной цели введения чрезвычайного положения.

Борисовец Н. Д.
О ПРОБЛЕМЕ ВВЕДЕНИЯ МИРОВЫХ СУДОВ
ПО СУДЕБНОЙ РЕФОРМЕ 1864 г.

Борисовец Наталья Дмитриевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, n.borisovec_03@mail.ru

Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Довнар Т. И.

Во второй половине XIX в. царь Александр II провел ряд важных реформ, которые способствовали модернизации Российской империи. Судебная реформа 1864 г. явилась одной из самых либеральных и последовательных из них. Главной целью данной реформы стало отделение судебной власти от административной, введение бессловесных судов, в которых будет обеспечена гласность и публичность судебных заседаний. Важным достижением реформы стала выборность мировых судов, отмена системы формальных доказательств, а также учреждение суда присяжных и адвокатуры.

По судебной реформе вся система судов в значительной степени упростилась, четко определились судебные инстанции и разграничилась их компетенция. Так, были введены два типа судебных учреждений – мировые и общие суды. Судебные уставы предусматривали создание бессловесных судебных учреждений двух типов (систем судов) – местных (мировых) и общих (коронных). К местным судам относились мировые судьи и съезды мировых судей, к общим – окружные суды, учреждаемые для нескольких уездов; судебные (по гражданским и уголовным делам) палаты, распространявшие свою деятельность на несколько губерний или областей; кассационные (по гражданским и уголовным делам) департаменты Сената.

Введение мировых судов в судебную систему Российской империи было одним из ключевых направлений судебной реформы. В этот период в связи с отменой крепостного права в 1861 г. появилась потребность в механизмах защиты личности и собственности у более широкого круга лиц. Целью введения мировых судов было обеспечение доступности правосудия для населения и ускорение разрешения мелких споров. Однако на практике введение мировых судов вызвало ряд вопросов и критику со стороны юристов и общественности.

Одним из таких проблемных вопросов стало сосуществование волостного и мирового суда, которые хотя и относились к местной юстиции, однако имели разную правовую природу. Сохранившийся волостной суд

представлял собой сословный, общественный, суд, который разрешал дела на основе крестьянских обычаев. Мировой же суд носил государственный, всесословный характер. Предполагалось, что сохранение волостных судов будет временной мерой до тех пор, пока на практике не завершится проведение судебной реформы, которая, по мнению устроителей реформы, должна будет адаптировать крестьян к правовому государству.

Следует отметить, что подсудность дел волостному или мировому судам не была точно отражена в законодательстве. В связи с этим в судебной практике часто возникали ситуации, когда одно и то же дело в волостном и мировом суде могло быть решено по-разному. Основной причиной такого положения было то, что в волостных судах дела разрешались согласно местным обычаям, а аналогичные дела того же свойства в мировых судах – на основе нового законодательства, т. е. норм гражданского, уголовного и процессуального права. В целом, если в центре внимания волостного суда стоял интерес общины с ее круговой порукой и коллективной ответственностью, то в центре мирового судопроизводства – стоял человек и его личные свободы и интересы.

Необходимо также подчеркнуть, что в контексте практического введения мировой юстиции возникла проблема недостаточного количества квалифицированных и независимых судей для работы в мировых судах. Согласно новому закону кандидатами в мировые судьи могли быть местные уездные жители (ценз оседлости), достигшие 25 лет, имевшие высшее или среднее образование или выдержавшие подобному уровню образования испытание, или имевшие служебный ценз, под которым понималось служение не менее трех лет в таких должностях, при исполнении которых кандидаты в мировые судьи могли приобрести практические сведения в производстве судебных дел. При этом особое внимание закон уделил имущественному цензу, прежде всего земельному. Требуемый размер земельных владений для кандидатов в мировые судьи устанавливался отдельно по каждому уезду, но нигде не опускался ниже 400 десятин. В зачет принимались земельные владения не только самих кандидатов, но и их родителей, жен, даже если эти владения были расположены в разных местах.

В связи с тем, что не всегда было в наличии необходимое количество кандидатов в мировые судьи, тем более что высокий образовательный и имущественный цензы фактически исключали доступ низших классов в мировые судьи, судьями становились в большей степени представители высших сословий. Имелись и другие недостатки относительно нормативной регламентации и практики введения мировых судов.

В целом же новая судебная система вместе с мировой юстицией стала важным этапом в прогрессивном развитии судебной системы Российской империи. Особо следует отметить важную тенденцию повышения доступа правосудия для населения.

Гоман А. Ю.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ: СОБЫТИЯ И ИТОГИ

Гоман Артём Юрьевич, студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, commzatka@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Саголин В. Н.

Гражданская война, разразившаяся в России в первой четверти XX в., оказала значительное влияние на все последующее развитие государства и права. Этот конфликт был не только борьбой за власть между различными политическими силами, но и глубоким общественным противостоянием, влекущим за собой пагубные последствия для всех сторон.

Причинами Гражданской войны является нежелание Временного правительства провести коренные изменения в стране, Октябрьская революция, конфискация помещичьих земель, национализация промышленности, создание однопартийной политической системы и стремление классов, потерявших власть и имущество, к реваншу.

В 1918 г. положение большевиков, под контролем которых находилась лишь центральная часть России, было неустойчивым. Со всех сторон не прекращалось наступление вражеских армий: с Запада – германских, с Юга и Востока – «белых». Война должна была закончиться в скором времени взятием ключевых городов Советской России.

Подписание большевиками Брестского мира в марте 1918 г. сыграло важную роль в событиях российской смуты, дав возможность высвободить войска, которые были немедленно переброшены на фронты Гражданской войны.

В 1919 г., после успешного взятия войсками А. И. Деникина Царицына, выходит Директива ВСЮР № 08878, ставившая главной целью Белой армии немедленное взятие Москвы. Московская директива была неоднозначно оценена командованием. Многие белогвардейцы восприняли ее с энтузиазмом, однако некоторые генералы, такие как командующий Кавказской армией П. Н. Врангель, утверждали, что расширение фронта только усугубит ситуацию.

После ряда неудач «белых» и полного провала плана А. И. Деникина большевики предпринимают попытки контрнаступлений, отбрасывая врага за линию фронта. На территории РСФСР начинает активно применяться политика «военного коммунизма», кульминацией которой являются Декреты СНК «О бесплатном отпуске населению продовольственных продуктов» и «О бесплатном отпуске населению предметов широкого потребления».

В 1920 г. в плен попадает вождь антибольшевистских сил в Сибири А. В. Колчак, очаги вооруженного сопротивления на Севере подавлены, а основные боевые действия переходят на Юг. Перевес в живой силе помогает «красным» нанести ряд сильнейших поражений Добровольческой армии в ходе зимней кампании. Оставшиеся в регионе войска «белых» под руководством П. Н. Врангеля сосредотачиваются в Крыму, откуда

эвакуируются за границу. После этого следует ряд успешных локальных военных операций, последняя из которых завершается в октябре 1922 г.

Одной из основных причин победы следует назвать четкую работу партии большевиков. Большевики смогли мобилизовать своих сторонников и эффективно управлять вооруженными силами. Обещания равенства и ликвидации господствующих классов, а также принятые Декреты «О мире» и «О земле» привлекли многих людей на их сторону, особенно из рабочего класса. Советское правительство поразительно точно чувствовало желания и потребности населения.

Гражданская война стала катастрофой для России. В течение пяти лет страна была погружена в хаос. Ущерб, нанесенный народному хозяйству, превысил 50 млрд. золотых рублей, а производство сократилось в 7 раз. Людские потери с обеих сторон составили около 10 млн., доля военных среди них не превышала 20 процентов. Около 2 млн. эмигрировало. Война оказала серьезное влияние на саму природу российского государства – она привела к формированию авторитарного государства с высокой степенью централизации и контроля. Это оказало серьезное влияние на дальнейшую политическую историю России. События 1918–1922 гг. послужили катализатором для различных социальных, политических и экономических преобразований.

Ермолович К. С.

ПРАВО НА АБОРТЫ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

Ермолович Кристина Сергеевна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, cot7836@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Сатолин В. Н.

Искусственное прерывание беременности всегда находилось в эпицентре горячо обсуждаемых споров с этической и юридической точки зрения. Оно непосредственно связано с соматическими правами. Соматические права – это совокупность прав человека, предусматривающих признанную обществом и государством возможность свободно и ответственно принимать юридически значимые решения в отношении собственного тела.

Аборты известны с давних времен. В Древнем Риме аборты не были запрещены лишь в том случае, если на его совершение давали свое согласие отец или муж женщины. Аристотель считал, что аборты – это способ регулирования рождаемости и отбора, ведь известно, что Рим практически всегда находился в военных конфликтах, а во времена голода не представлялось возможным обеспечить продовольствием абсолютно каждого. В то же время греки считали иначе. Гиппократ, осознавая всю тяжесть такого поступка, высказался о запрете, о чем свидетельствует часть клятвы: «Я не дам никому просимого у меня смертельного средства и не покажу пути для подобного замысла; точно так же я не вручу никакой женщине абортивного пессария».

Но ценность эмбриона в действительности начала учитываться благодаря христианству. Начиная с ранних времен его зарождения, аборт считался убийством. Христианское учение утверждало, что аборт является тяжким преступлением и грехом, а эмбрион, находящийся в утробе женщины, это дар Божий, который с момента зачатия является живым существом, а следовательно, прерывание беременности есть убийство, причем родственника, и это сурово каралось законом. Православная и католическая церковь на протяжении всего своего существования наисильнейшим образом воздействовала на общество и законодательство, особенно в Средние века. Несложно догадаться, что именно религиозные ценности возводились в абсолют и становились нормами права, а церковь, в силу своего влияния, активно участвовала в правотворческом процессе. В этот же период были различные меры наказания за это преступление, которые осуществлялись практически во всех странах Европы. Покаяние, исповедь, исполнение покаятельных дел в церкви и смертная казнь, которая позже была заменена на каторжные работы и тюремное заключение как врача, так и пациентки. В Уголовно-судебном уложении Священной Римской империи германской нации («Каролина») сказано, что женщина, хотя бы она учинила это сама над собой, должна быть утоплена или подвергнута иной смертной казни. Во Франции до 1437 г. самостоятельный аборт не был наказуем, но с 1556 г. была установлена смертная казнь. Декрет Генриха II, изданный в 1562 г., устанавливал, что за стягивание живота для того, чтобы изгнать плод, беременная женщина подвергается, как и за аборт, повешению. Такая же политика проводилась и в иных странах Европы.

Советская Россия первая страна в мире, легализовавшая аборт в 1920 г. В этот период появились такие понятия, как «аборт по просьбе» и «аборт по медицинским показаниям». Это было сделано для предотвращения подпольных абортов, которые в большинстве своем приводили к летальным исходам или к заражениям. Но этическая сторона все также присутствовала. Женщины, которые совершали аборт, подвергались огромной критике и порицанию. Во второй половине XX в. во всех странах мира наблюдается тенденция по увеличению показаний к производству аборта. До 1967 г. в Великобритании аборт разрешался только при наличии угрозы жизни беременной женщины, но уже с этого года перечень показаний был дополнен.

Польша является страной, где до сих пор запрещены аборт. В 2020 г. развернулись протесты против запрета на прерывание беременности. Религиозные нормы в этой стране играют огромную роль, не глядя на иные аспекты, такие как нежелание женщины иметь ребенка, невозможность его содержать, право на распоряжение своим телом и иные. Но она не единственная страна, где действуют запреты и ограничения. В их числе также Мальта, Андорра, Израиль и другие. Противоречивость темы упирается в этические, религиозные, юридические и медицинские нормы. Многие европейские страны, где аборт является убийством и запрещен на законодательном уровне, допускают его возможность лишь в случаях, где выбор стоит перед спасением матери или ребенка, случаи изнасилования

и врожденные заболевания у эмбриона. Медициной регулируются аспекты прерывания беременности на определенных сроках, которые в европейских странах отличаются, но имеют одинаковые критерии: аборт по желанию женщины без доказанных показаний (до 12 недель); при наличии доказательств, таких как угроза жизни матери или тяжелое течение плода (12–14/12–22 недели); когда существует серьезная угроза для здоровья матери или тяжелое течение плода (после 14/22 недель). Безусловно, аборт имеет как положительные моменты, так и отрицательные, но каждый в праве выбирать сам, как ему распоряжаться своим телом.

Казак Е. С.

ИЗМЕНЕНИЯ В ЯПОНСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Казак Егор Сергеевич, студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, kazakegor@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Сатолин В. Н.

Вторая мировая война является одним из самых значимых и переломных событий Новейшего Времени. В результате поражения в войне японское общество было вынуждено пересмотреть свои ценности и принципы. В связи с этим возникла необходимость провести изменения в законах и политических структурах. Одним из ключевых аспектов этой перестройки были изменения в японском праве, которые оказали значительное влияние на экономическое и социальное развитие страны. По инициативе и под руководством стран антигитлеровской коалиции был начат так называемый «обратный курс», целью которого стала перестройка милитаристской Японии в соответствии с демократическими принципами построения государства. При этом основы послевоенного устройства японского государства были predeterminedены чуть раньше окончания Второй мировой войны в рамках Потсдамской декларации держав-победительниц, датируемой 26 июля 1945 г. В истории Японии последовавший за принятием этого документа период получил название периода оккупации, который продолжался с 1945 по 1952 г. Прежде всего в период осуществления политики «обратного курса» главную роль сыграли представители американской администрации, которые, в сущности, и диктовали основные положения нового политического, а вместе с ним и правового курса Японии.

Главным фактором успеха политики «обратного курса» стала новая Конституция Японии, которая вступила в силу 3 мая 1947 г. В ее основу была положена американская конституция. В частности, аналогично с Конституцией США в Конституции Японии 1947 г. вводилось абсолютно новое для страны понятие – институт «конституционного надзора». Однако, несмотря на огромное влияние США, формально все мероприятия, осуществлявшиеся на японской территории в период оккупации, происходили от имени всех стран-победительниц. Конституция Японии

1947 г. провозгласила принцип народного суверенитета, император лишился политической власти, он признавался «символом государства и единства народа», парламент объявлялся «высшим органом государственной власти и единственным законодательным органом государства». Конституция закрепила также основные демократические права и свободы личности, в соответствии с американскими правовыми взглядами была усилена роль судебной власти и введен каталог основных прав и свобод граждан, подлежащих непосредственной судебной защите. Важное значение имеют провозглашенные в Конституции права граждан в сфере уголовного судопроизводства: запрет применения наказаний без соответствующей правовой процедуры (ст. 31); право на судебное разбирательство любого обвинения (ст. 32); запрет незаконного ареста (ст. 33); право на защиту (ст. 34); запрет незаконных обысков (ст. 35); применения пыток и жестоких наказаний (ст. 36); право каждого обвиняемого по уголовному делу на быстрое и открытое разбирательство его дела беспристрастным судом, на бесплатную, если в этом есть необходимость, юридическую помощь (ст. 37).

На основе Конституции 1947 г. были внесены важные изменения в текст Гражданского кодекса. В 1947 г. отменяется институт патриархальной семьи, женщина и мужчина объявляются равноправными участниками семейных, имущественных, в том числе наследственных, отношений. Закон 1945 г. признал право на создание и свободу деятельности профсоюзов, а согласно закону о трудовых стандартах 1947 г., были установлены ограничения продолжительности рабочего дня и рабочей недели, вводился ежегодный оплачиваемый отпуск. Законами об аграрной реформе уничтожалось помещичье землевладение и земля передавалась в собственность крестьян, которые ее обрабатывали. Наконец, в соответствии с законом о запрещении частных монополий и обеспечении частной торговой практики 1947 г. были распущены крупнейшие японские держательские компании – дзайбацу.

Под влиянием стран-победительниц в Конституции Японии 1947 г. была закреплена норма, провозглашающая отказ Японии от собственной армии и права на ведение войны (ст. 9). Уже само закрепление подобной нормы является уникальным в мировой истории: ни одна страна ни в прошлом, ни в настоящем не закрепляла подобных деклараций на уровне конституционных норм. Отметим также, что японский закон о монополиях был практически полностью заимствован с американских антитрестовских актов. Значительным воздействием американской правовой системы было в сфере уголовного процесса. К примеру, УПК Японии 1948 г. под влиянием американских юридических концепций значительно расширил применение принципа состязательности и исключил институт предварительного слушания дел. В этот же период были приняты закон о судопроизводстве (1947 г.), закон о прокуратуре (1947 г.), закон об адвокатуре (1949 г.). Все эти законы продолжают действовать и поныне, хотя за прошедшее время они неоднократно подвергались изменениям.

Вместе с тем влияние права США на японскую правовую систему оказалось все же не настолько сильным, чтобы «перетянуть» японское

законодательство полностью в семью англосаксонского права. Дело в том, что большинство институтов основных отраслей японского права: гражданского, торгового, гражданско-процессуального и уголовного по-прежнему базируется на традициях романо-германской правовой семьи. Общность японского права с правом стран романо-германской семьи проявляется и в системе источников. Японское право в отличие от общего права все же является статутной юридической системой. Главный, ведущий источник права в Японии – это законодательство, причем законодательство кодифицированное. Данное обстоятельство служит основным препятствием для дальнейшего сближения японского и американского права, определяет границы этого сближения. В Японии, как, впрочем, и в других странах романо-германской семьи, наблюдается изменение роли судебной практики, повышение ее значения, превращение ее в фактический источник права. Но судебные решения выступают все же только как средства конкретизации и толкования норм статутного права.

В целом можно сделать вывод, что в японском праве сохранилась прежняя кодифицированная система, костяк которой составляют Конституция и шесть кодексов, в которые были внесены изменения, вытекающие из Конституции. Они были также дополнены значительным массивом законов и иных нормативных актов, образующих в совокупности систему источников, сходную с западноевропейской, т. е. прецедент так и не стал единственным или главным источником современного японского права. В связи с этим не представляется возможным отнести современную японскую правовую систему к уже утвердившимся в теории права правовым семьям. Ведь кроме рецепций из обеих семей, японская правовая мысль все же до сих пор сохраняет в себе часть традиционной восточно-азиатской специфики.

Масюк Д. В.

КОНКУБИНАТ В ДРЕВНЕМ РИМЕ

Масюк Дарья Вячеславовна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, law.masyukDV@bsu.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Орловская Е. А.

Латинский термин «concupinatus» дал развитие такому термину как «сожитительство». Конкубинат был альтернативой законному браку по римскому праву, постоянный моногамный сексуальный союз между мужчиной и женщиной; фактическое сожитительство с намерением установить брачные отношения.

Ученые на протяжении многих лет по-разному определяли конкубинат. Иногда он рассматривается как альтернатива браку, когда лицо состоит либо в браке, либо в силу каких-то причин в конкубинате, в иных случаях идет сосуществование конкубината и брака. Для этого есть две основные причины. Во-первых, определение конкубината отсутствует в первоисточниках, а во-вторых, взгляды римлян на форму, законность и юридические последствия конкубината изменялись в разные периоды римской истории.

Незамужняя женщина, сожительствовавшая с мужчиной, первоначально называлась «*pellex*», но впоследствии более приличным наименованием «*concubina*» (Массурий, Д. 50.16.144). Этот законный конкубинат заключался в постоянном сожительстве неженатого мужчины с незамужней женщиной. Таким образом, оно отличалось от прелюбодеяния, ступрума и инцеста, которые являлись юридическими правонарушениями.

Со времен принятия строгих брачных законов Августа конкубинат все чаще становился формой совместной жизни, если брак был запрещен.

При принцепате правовое понятие конкубината было распространено на все случаи, когда невозможно супружество. Дети, рожденные в подобном сожительстве, имели ограниченное право наследования: они могли получить наследство от отца только в том случае, если он официально признавал их через усыновление, только тогда он получал власть над ними.

Несмотря на распространенность, конкубинат не влек правовых последствий: женщина не разделяла общественного положения сожителя, который наряду с конкубинатом мог состоять в браке, в то время как конкубинат жены представлял собой измену.

Данный тип отношений не противоречил закону, но не имел тех же преимуществ, что законный брак.

Хотя конкубинат не был юридически признанным брачным союзом, он имел определенные социальные и экономические последствия. Так, партнеры, сожительствующие в конкубинате, могли устанавливать договоренности относительно владения имуществом и финансовыми обязательствами друг перед другом.

Конкубинат мог быть длительным и стабильным сожительством, основанным на взаимной согласованности и добровольности сторон. Женщина, находящаяся в конкубинате, не пользовалась полностью правовыми преимуществами, которыми обладала жена в браке. Например, она не имела права на долю в совместно нажитом имуществе с партнером или наследование после его смерти. С другой стороны, она не была в такой же степени зависима от мужчины.

Часто было трудно отличить сожительство от брака. Наилучшим показателем было наличие или отсутствие приданого, поскольку приданого в конкубинате не было. Еще одним показателем было вручение подарков, поскольку дарение подарков между супругами было запрещено. Но некоторые правила, применимые к браку, были распространены и на сожительство. Например, наложница не могла быть моложе двенадцати лет (Ульпиан, Д. 25.7.1.4).

Важно отметить, что конкубинат в римском праве отличается от современного понятия «сожительство». Сегодня сожительство может быть юридически признанным и иметь аналогичные правовые последствия.

Конкубинат рассматривался как социально приемлемые, но юридически непризнанные отношения, дозволенное законом постоянное сожительство мужчины и женщины, однако не отвечающее требованиям законного брака.

Таким образом, особенностями конкубината было то, что он был признан обществом, не требовал никаких официальных и юридических процедур, несмотря на то, что целью конкубината не было рождение детей, их статус не был эквивалентен незаконнорожденным, партнеры обладали некоторыми правами и привилегиями, подобными тем, которые имели легально зарегистрированные браки, что делает конкубинат специфичным и уникальным институтом в Древнем Риме.

Институт конкубината в Древнем Риме возник из-за социальных и правовых ограничений. Последствия института конкубината в Древнем Риме были двоякими. С одной стороны, конкубинат предоставлял партнерам определенные права и привилегии, такие как общее проживание и взаимная помощь. Однако, с другой стороны, конкубинат не давал женщине полноценных прав и защиты, которые предоставлял официальный брак.

Христианские императоры, такие как Константин, отрицательно относились к принципу конкубината и отвергали его в пользу брака, посредством введения правил и предписаний, чтобы полностью прекратить эту практику. Однако окончательно он был запрещен только в начале X в. в Восточной римской империи императором Львом VI.

Семыкин К. В.

СУПЕРПРЕЗИДЕНТСКАЯ РЕСПУБЛИКА В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

*Семыкин Кирилл Витальевич, студент 1 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск Беларусь
Kirillsemykin999@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Щербик Д. В.

«Суперпрезидентская» республика – в конституционном праве термин, обозначающий особую разновидность республиканской формы правления, в которой все рычаги юридической и политической власти находятся в руках президента, который в свою очередь, является не только главой государства, но также и лидером правящей партии и всего правительства.

«Суперпрезидентская» республика может называться монархической. В настоящее время «Суперпрезидентские» республики существуют в Сирии, Индонезии, Ираке, Казахстане, а также республиках Латинской Америки и ряде других стран. Наиболее выражена суперпрезидентская власть в странах Латинской Америки. «Суперпрезидентская» власть, часто называемая «гиперпрезидентиализмом», – это термин, используемый для описания системы управления, в которой исполнительная власть, особенно президент, обладает необычно высоким уровнем власти и влияния. В контексте Латинской Америки суперпрезидентская власть относится к концентрации власти в руках президента, что может иметь значительные последствия для политического ландшафта страны или целого региона.

Особый статус президента не только существует на практике, но и закреплён в конституциях большинства суперпрезидентских стран. Такой характер государственной власти отражается в понятии – каудилизм. Слово «каудильо» означает лидер, руководитель, вождь. Но само понятие каудилизма шире. Реально, президент или каудильо оказывается осью политической жизни страны, «отцом нации».

Важно выделить исторический контекст: преобладание суперпрезидентских систем в Латинской Америке можно проследить по историческим факторам, включая периоды нестабильности и стремление к сильному лидерству после бурных событий.

Вот некоторые ключевые аспекты сверхпрезидентской власти в этом регионе:

1) концентрация власти: Суперпрезидентские системы в Латинской Америке, как правило, концентрируют значительную власть в офисе президента. Это может включать в себя контроль над военными, назначение высших должностных лиц и возможность распустить законодательный орган;

2) слабость контрольно-надзорных органов: суперпрезидентские страны часто имеют более слабую систему сдержек и противовесов, что может привести к ограниченному надзору за действиями президента со стороны законодательной и судебной ветвей власти;

3) доминирование исполнительного органа: Президент определяет ключевые направления государственной политики, имеет право устанавливать законодательную повестку дня, влиять на состав законодательного органа и осуществлять существенный контроль над бюрократией;

4) угроза подрыва демократических устоев: критики утверждают, что сверхпрезидентская власть может привести к установлению авторитарного режима;

5) особенности конституционного строительства: изменения и поправки в Основной Закон страны наделили президента функциями главы государства и обширными полномочиями, а также сняли ограничения с количества президентских сроков одного и того же лица.

Необходимо отметить, что существуют особенности формирования суперпрезидентской системы в каждой стране. В первую очередь – степень суперпрезидентской власти. Данный показатель может варьироваться от одной латиноамериканской страны к другой. Например, в таких странах, как Венесуэла, Боливия и Никарагуа, наблюдается значительная концентрация власти в руках своих лидеров. В других латиноамериканских суперпрезидентских странах концентрация власти в руках главы государства меньше.

Разумеется, не во всех странах Латинской Америки существуют суперпрезидентские системы. Некоторые государства региона осуществили политические реформы по рассосредоточению функций и полномочий исполнительной власти и главы государства. Влияние суперпрезидентства

на политический ландшафт каждой страны может варьироваться, и оно было предметом как академических, так и политических дебатов в регионе.

Таким образом, суперпрезидентские страны Латинской Америки часто демонстрируют концентрацию власти в руках исполнительной власти, что может создавать проблемы для демократического управления. Это привело к ряду политических, социальных и экономических проблем в этих странах. Хотя некоторые могут утверждать, что сильные президентские полномочия необходимы для эффективного управления в определенных контекстах, важно найти баланс между исполнительной властью и демократическими сдержками и противовесами для обеспечения стабильности и благополучия этих стран в долгосрочной перспективе. Будущее суперпрезидентских систем в Латинской Америке может зависеть от способности поддерживать это равновесие и адаптироваться к меняющимся потребностям своих обществ.

Топольчан М. А.

ПРАКТИКА МОНГОЛЬСКОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ в XIII–XV вв.

*Топольчан Макар Александрович, студент 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
makarius0402@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Орловская Е. И.

История степи выступает камнем преткновения в рамках бесчисленных дискурсов как историков-востоковедов, так и представителей правовой науки, особенно учитывая тот факт, что слишком многое остается скрытым от наших глаз по разным причинам.

В данной работе разобрана не самая однозначная и раскрытая тема в среде отечественных историков-правоведов – налогообложение на просторах монгольской империи и ее государств-правопреемников, взяв исторический период XIII–XV вв. Была осуществлена попытка реинтеграции исторических фактов по заданной теме для улучшения общей научной согласованности.

Одним из самых обширных исследований монгольского налогообложения на сегодняшний день является работа Герберта Франца Шурманна «Монгольская практика взимания дани в XIII веке». Эта работа охватывает не только XIII в., но и довольно крупный период «атомизации» социальных, политических и правовых институтов степных монголов и тюрков после распада империи Тэмуджина. Географически рассматривается регион, включающий в себя монгольские владения в современной Монголии, Китае, Центральной Азии, России и на Ближнем Востоке.

Шурманн считает, что в монгольском обществе эволюционировали два вида налогообложения: дань (alban) и подбор (qubčiri), первое из которых является символом и продуктом подчинения простого монгола своему благородному господину в его постоянной, обычной форме; а второе – экстраординарным, специализированной версией этого же обязательства.

По мере продвижения монгольских войск на восток от Халхи, дань и поборы распространялись одновременно как на всей Евразийской кочевой степи, так и на оседлые завоевания в виде городов и сел, где они взимались в дополнение ко многим налогам домонгольского периода. По прошествии определенного времени в некоторых частях империи образовалась путаница из-за наличия нескольких самостоятельно существующих налоговых систем. Указанную проблему монголы с большего смогли преодолеть довольно необычным способом для того времени. Не упраздняя старые налоги, они создали «триединую» систему налогообложения, основанную на традиционных земельных налогах, дорожных сборах и монгольской дани. Население завоеванных территорий проходило опись, после чего делилось на «десятки, сотни и тысячи» для военных нужд в качестве структурированного мобилизационного ресурса. Данная система также помогала вести административный учет «на местах» и улучшать качество межрегиональной корреспонденции внутри государства. Однако стоит отметить, что в некоторых районах налоговое регулирование все равно сохраняло архаичный характер, что было обусловлено стремительным ростом империи и отсутствием возможности быстро установить коммуникации между крупными городами из разных завоеванных государств, разделенных сотнями километров.

Немаловажное место в восприятии налогов занимали «Тарханские грамоты» – документы, предоставляющие налоговые иммунитеты, которые сохранились в различных частях монгольской империи и со временем создавшие определенную социальную страту в некоторых государствах (пример: феодальная знать чагатайского улуса). Несмотря на различия в языке, все монгольские налоги «ретранслировались» на местный уровень с учетом этнических и языковых особенностей, при этом сохраняя свою суть. В качестве примера следует привести крупные этнографические регионы – Персию, Русь и тюркские каганаты Центральной Азии. В персидских источниках аналогами албана и кубчири выступали калан (qalan) и кубчур (qubchur), на русских землях дань и пошлина, в тюркских политиях – ясак (yasaq) и калан (qalan).

Подводя итог, хочется отметить, что практика налогообложения монголами на протяжении большей части своей истории имела неоднородный характер. Это обуславливается большим количеством народов, живших в рамках одного государства, народов, имевших разное историческое и культурное наследие, но при этом «налоговые обязательства» которых в одностороннем порядке устанавливались монгольскими владыками, иногда интересно взаимодействуя с уже существующим, «локальным» законодателем.

Баженова К. А.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБРАБОТКИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ДЕТЕЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

*Баженова Ксения Андреевна, магистрант 1 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
ks.bazhenova02@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Киселёва Т. М.

Зачастую чрезмерное распространение информации о частной жизни в социальных сетях грозит неблагоприятными последствиями. Становится популярной практика, когда родители делятся фотографиями своих детей. Это происходит потому, что дети вызывают умиление пользователей, ввиду чего пост с таким фото набирает большое количество реакций: лайков, комментариев и репостов. Однако такие публикации несовершеннолетних могут принести не только реакции в социальных сетях.

Национальный центр защиты персональных данных Республики Беларусь (далее – НЦЗПД) на своем сайте сrd.by в разделе «Ответы на часто задаваемые вопросы» разъяснил, что фотографии признаются персональными данными. В качестве правового акта, который регулирует взаимодействие с персональными данными, выступает Закон Республики Беларусь от 07.05.2021 № 99-З «О защите персональных данных». Согласно ч. 9 ст. 5 указанного Закона *до достижения гражданином возраста шестнадцати лет*, за исключением вступления в брак до достижения возраста шестнадцати лет, *согласие на обработку его персональных данных дает один из его законных представителей*. Следовательно, пока человек не достиг 16-летнего возраста, родитель решает, какие персональные данные можно распространять, а какие нельзя.

Далеко не всегда фотографии и информация о частной жизни, которые распространяют родители о своих детях, могут быть одобренными самими несовершеннолетними. Более того, дети могут не только не понимать последствия публикации той или иной информации о себе ввиду недостаточной степени развития, но и не знать, что мама и папа распространяют на своих страничках в социальных сетях сведения о них. До достижения 16-ти лет распространение законными представителями информации о своих детях может сыграть с несовершеннолетним злую шутку: такие действия могут «подарить» нежеланную популярность, буллинг и издевательства со стороны сверстников. Ведь не всегда контент, связанный с детьми, может быть связан с общепринятыми рамками одобренной социальной нормы: это могут быть публикации полураздетых малышей; информация о заболеваниях детей и т. п. Проблемой публикации таких фотографий также выступает то, что даже после удаления всех фотографий из аккаунтов родителей все действия в Интернете оставляют цифровой след.

Зарубежный опыт показывает, как можно регулировать такие правоотношения: девушка из Австрии подала заявление в суд на своих законных представителей, так как они публиковали без ее ведома ее детские фотографии. Некоторые фотографии имеют непристойный вид: как девушка сидит на горшке. Данные фотографии вызывали долгие годы у нее чувство стыда и смущения, поэтому она захотела, чтобы изображения были удалены, а с ее родителей были взысканы средства за доставленный моральный вред.

В Германии дети имеют право подать иск на законных представителей, если опубликовали фотографии несовершеннолетних без их ведома.

В США существует разделение правового регулирования в сфере защиты персональных данных по возрастному критерию. В частности, существует Федеральный Закон о защите конфиденциальности детей в Интернете от 21 апреля 2000 г. В нормах данного закона закреплено, что деятельность детей до 13 лет на подачу своего согласия регулируется только с одобрения родителя или опекуна.

Есть и судебная практика: в Российской Федерации был подан иск отцом В. на мать Т. ввиду того, что она в своем интернет-блоге размещала без разрешения фотографии детей, а на просьбы В. удалить такие изображения отвечала бездействием или несогласием. Суд не нашел незаконных действий со стороны Т. и принял решение отказать в подобном иске.

Согласно ч. 2 ст. 185 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье от 09.07.1999 № 278-З ребенок, достигший *10-летнего возраста*, при раздельном проживании родителей может сам решить, с кем ему лучше жить. В соответствии с ч. 2 ст. 21 Закона Республики Беларусь от 01.08.2002 № 136-З «О гражданстве Республики Беларусь» при изменении гражданства родителей изменение гражданства ребенка, *достигшего 14-ти лет*, происходит при наличии письменного согласия малолетнего. Такие серьезные вопросы законодатель позволяет несовершеннолетнему решить в более раннем возрасте, чем самостоятельно дать согласие на обработку его же персональных данных, с которой он сталкивается ежедневно.

Считаем, что в целях защиты прав несовершеннолетних необходимо снизить установленный законодательством возраст до 14 лет, с которого несовершеннолетний имеет право самостоятельно давать согласие на обработку персональных данных.

Браусов А. Д.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ-ПОРТАЛОВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

*Браусов Андрей Дмитриевич, студент 2 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь, andrei_13_05@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Киселёва Т. М.

Мы живем в век высоких, век компьютерных, век цифровых технологий, они так или иначе проникают во все сферы человеческой деятельности, и это неизбежно. Это значит, что и государство не должно отставать от этой

тенденции и внедрять современные технологии в свою деятельность. Одним из таких примеров является функционирование интернет-порталов государственных органов.

Сразу же следует заметить, что сейчас государство ведет активную политику по поиску и устранению проблем в функционировании интернет-порталов государственных органов. Это подтверждается внесением изменений в акты законодательства, регламентирующие их деятельность. Данные изменения частично устранили следующие проблемы в функционировании сайтов:

- на некоторых сайтах существовали проблемы с функционированием версии для слабовидящих. К слову, еще в 2014 г. на Национальном правовом Интернет-портале было проведено исследование, которое заключалось в следующем: было проверено более 190 сайтов исполнительных комитетов и органов государственного управления на предмет обеспечения полноты, достоверности, точности и своевременности информации; соответствие этой информации требованиям, предъявляемые к ней и др. Оказалось, что только четверть (что составляет чуть меньше 50 сайтов) интернет-порталов предоставляло реальную возможность людям пользоваться сайтами;

- на сайтах не указывалась дата размещения материалов, тем самым нельзя было определить, является ли информация актуальной. Так, к примеру, на интернет-порталах подавляющего большинства министерств во вкладке «Разъяснения действующего законодательства» размещалась информация по определенным вопросам, но не указывалась дата ее размещения.

Однако ряд проблем не решен и на настоящий момент. К таким проблемам следует отнести:

- своевременность предоставления статистических данных. К примеру, на сайте Могилёвского областного исполнительного комитета статистические данные по промышленным параметрам за 2022 г. были размещены только в конце июня 2023 г., что свидетельствует о несвоевременности предоставления информации;

- визуальная составляющая сайта (шрифт и размер, расположение иконок и информации, цветовая палитра). Данная проблема характерна для подавляющего большинства интернет-порталов государственных органов. К примеру, информация, размещаемая на сайте Министерства финансов Республики Беларусь не совсем удобна для восприятия ввиду того, что текст написан достаточно маленьким шрифтом, а также из-за бледной цветовой гаммы. Противопоставить этому сайту можно сайт Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь, который содержит большое количество разноцветных иконок, отвлекающих от прямого назначения сайта;

- информация на сайте размещается не совсем удобно для посетителей этого сайта. Это заключается в слишком сложной структуре сайта, которая переполнена разделами, подразделами, рубриками. С этой точки зрения, сайт почти каждого министерства неудобен в силу того, что на главной странице

размещено большое количество рубрик с информацией, которые отвлекают внимание от прямого назначения сайта.

Исходя из вышеизложенного считаем целесообразным предложить несколько путей совершенствования интернет-порталов государственных органов:

- необходимо определить в организации круг лиц, который будет ответственен за своевременность, точность и достоверность предоставляемой информации. Для этого необходимо закрепить на сайте контакты таких лиц;
- предусмотреть для таких ответственных лиц предельные сроки предоставления и размещения на сайте информации;
- в каждой организации необходимо разработать регламент по работе с интернет-порталами;
- анализировать посещаемость сайта в целом и его отдельных рубрик, отслеживать реакцию граждан на нововведения в содержании и дизайне сайта, наблюдать за динамикой сайта в рейтингах, изучать сайты схожей тематики, анализировать рекомендации специалистов в области интернета;
- ввести дисциплинарную ответственность за нарушение вышеизложенных предложений;
- информировать о сайте потенциальных пользователей. Каким бы качественным ни был интернет-портал, без рекламных кампаний он не станет высоко посещаемым (это может выражаться в размещении описания сайта в интернет-каталогах отечественных и зарубежных порталов и на сайтах других организаций).

Буринская Я. Д.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРАВА НА ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

*Буринская Яна Денисовна, студентка 4 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
yanaburinskaya@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Кондратович Н. М.

Право на образование является комплексным и многоуровневым правом человека, которое можно охарактеризовать с разных сторон. Оно сочетает в себе черты одновременно естественного, социального и культурного права человека. Естественность права заключается в том, что оно принадлежит каждому от рождения и никто не может запретить человеку развивать себя и свои навыки. Социальным право на образование делает возможность его использования в различных сферах деятельности общества и обеспечивать тем самым себе достойный уровень жизни, а культурным – духовное и интеллектуальное развитие в процессе получения образования.

В ст. 49 Конституции Республики Беларусь закреплено право каждого человека на образование. Предусматривается гарантия доступности и бесплатности общего среднего и профессионально-технического

образования. Высшее и среднее специальное образование доступно на бесплатной основе только в государственных учреждениях образования и по результатам конкурса, но в целом провозглашается доступность для всех исходя из личных способностей каждого человека.

Следующее право формирует цели и принципы, на которых базируется все законодательство об образовании. Согласно ч. 1 ст. 7 Кодекса Республики Беларусь об образовании цель законодательства об образовании – обеспечение реализации конституционного права граждан на образование и регулирование общественных отношений в сфере образования. В ч. 2 ст. 7 закрепляются принципы, в перечень которых входят: соответствие Конституции, общепризнанным принципам международного права, обеспечение доступности образования, обеспечение качества образования, установление ответственности за несоблюдение законодательства об образовании. В получении образования также не должно быть дискриминации, поэтому в ст. 32 Конституции закрепляется обеспечение женщинам и мужчинам предоставления равных возможностей в получении образования и профессиональной подготовке.

В связи с изменениями, принятыми в ходе республиканского референдума 27 февраля 2022 г., в Конституции появилась ст. 32¹, в которой указывается на необходимость способствовать духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию молодежи. Для реализации потенциала молодежи в интересах всего общества, охраны их труда и здоровья государство призвано обеспечивать необходимые условия для развития. Данная статья свидетельствует о том, что государство осознает важность получения высшего образования для человека и гражданина, а также общества в целом. Признается готовность вкладываться в человеческий потенциал для дальнейшего совершенствования всех систем государства.

Стоит отметить, что закрепление права на образование в Конституции Республики Беларусь соответствует Всеобщей декларации прав человека и Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах. В ст. 26.1 Декларации содержится положение, исходя из которого доступ к высшему образованию должен определяться способностями, возможностями, усилиями, упорством, настойчивостью тех, кто хочет получить такое образование. Пункт «с» ч. 2 ст. 13 Пакта закрепляет, что высшее образование должно быть сделано одинаково доступным для всех на основе способностей каждого путем принятия всех необходимых мер и, в частности, постепенного введения бесплатного образования.

Можно сделать вывод, что право на образование находит полное закрепление в Конституции и в иных законодательных актах Республики Беларусь, а также соответствует общепризнанным международным актам, определяющим содержание соответствующего права. Государство признает необходимость и предоставляет возможность получения высшего образования исходя из личных возможностей и способностей каждого человека.

Гасянец А. В.

**К ВОПРОСУ О ЗАКРЕПЛЕНИИ ПРАВА НА ЭВТАНАЗИЮ
НА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ УРОВНЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

*Гасянец Александра Вячеславовна, студентка 2 курса Академии управления
при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь,
23aleksandra36@gmail.com*

Научный руководитель: магистр управления и права Пустовая Н. П.

В современном обществе в системе законодательства и практической деятельности как на государственном, так и местном уровне права и интересы человека и гражданина ставятся на первое место. Большое количество различных прав входит в систему прав человека: личные, политические, социальные, экономические и культурные права. Данная система исходит из классического разделения прав человека по сферам его жизнедеятельности. Однако на сегодняшний день выделяют и новые виды прав и свобод человека, в том числе соматические права, предусматривающие признанную обществом и государством возможность лица свободно и ответственно принимать юридически значимые решения в отношении собственного тела. Одним из важнейших является право на эвтаназию.

Эвтаназия – это удовлетворение просьбы пациента о прекращении жизнедеятельности его организма и наступлении смерти посредством каких-либо действий (бездействия) с целью избавления от мучительных страданий, вызванных неизлечимым заболеванием. В ч. 2 ст. 31 Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. «О здравоохранении» закрепляется, что «на территории Республики Беларусь осуществление эвтаназии, в том числе с помощью медицинских, фармацевтических работников, запрещено». Есть ли необходимость закрепления права на эвтаназию в законодательстве Республики Беларусь в будущем?

В ст. 24 Конституции Республики Беларусь устанавливается, что «каждый имеет право на жизнь». Это положение противоречит закреплению в законодательстве права на эвтаназию. Некоторые исследователи и ученые отмечают, что ничто не может противоречить Основному Закону, а поскольку права на смерть в законодательстве нет, то и право на эвтаназию не может получить юридическую силу.

Рассмотрим иную ситуацию. Конституция Республики Беларусь закрепляет: «Никто не может подвергаться пыткам, жестокому, бесчеловечному либо унижающему его достоинство обращению или наказанию, а также без его согласия подвергаться медицинским или иным опытам» (ч. 3 ст. 25). Однако согласно ст. 11 Закона Республики Беларусь «О трансплантации органов и тканей человека» в Республике Беларусь действует презумпция согласия, и органы человека могут по умолчанию использоваться в данной сфере после смерти человека. С одной стороны, это не противоречит Конституции, поскольку согласно Гражданскому кодексу Республики Беларусь человек лишается правоспособности после своей смерти и с юридической точки зрения больше не существует, а с другой стороны,

возникают противоречия в моральном аспекте данного вопроса, кроме того, в некоторых религиях какое-либо вмешательство в тело умершего недопустимо. Однако законодатель закрепляет право на трансплантацию органов и тканей умершего без его согласия, за исключением случаев, установленных в вышеназванной статье, основываясь прежде всего на том, что данная норма может спасти жизни людей как в определенный момент, так и в будущем.

Следовательно, мы можем провести аналогию с правом на эвтаназию. Если есть основания полагать, что человек испытывает мучительные страдания и нет возможности излечить человека, то почему не облегчить ему оставшееся время существования? С данной точки зрения, целесообразно закрепление права на эвтаназию в законодательстве, поскольку это позволяет человеку прекратить мучительные страдания, вызванные неизлечимым заболеванием. Вместе с тем важно отметить необходимость соответствующего четкого правового регулирования данного права, включающего требование обязательного проведения медицинской экспертизы, которая подтвердила бы такие факты, как нахождение лица в психическом здравии, а также наличие неизлечимой болезни, приносящей человеку мучительные страдания. Так, на законодательном уровне право на эвтаназию закреплено в Нидерландах, Бельгии, Люксембурге, Испании и некоторых других государствах. В Нидерландах одним из требований к проведению эвтаназии является обязанность врача, реализующего данное право, проконсультироваться с коллегами. Важно, что врачи, с которыми проводится консультация, не должны быть каким-либо образом связаны с пациентом.

С точки зрения христианских ценностей смерть, инициированная самим человеком, является страшным грехом. Согласно ст. 31 Конституции, каждый человек самостоятельно принимает решение о своем отношении к религии, в том числе и непринадлежности к религии. А поскольку право на эвтаназию – это право, а не обязанность, то почему неверующий человек не может облегчить свои страдания?

Таким образом, можно сделать вывод, что право на эвтаназию может быть закреплено в законодательстве Республики Беларусь с одновременным установлением обязательных условий и созданием коллегиального органа, задачей которого было бы проведение экспертизы соблюдения всех условий и вынесение последующего решения на разрешение или запрет эвтаназии.

Гончар Н. А.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ РЕФОРМЫ В СТРАНАХ СНГ

Гончар Наталья Анатольевна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, goncar2005@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Кондратович Н. М.

Являясь основным источником права, конституция играет огромную роль в жизни государства. Именно ею устанавливаются принципы организации власти, осуществляется регулирование отношений между государством и гражданами, а также между различными ветвями власти.

Во всех республиках, ранее входивших в состав СССР, были приняты новые конституции. Однако нормы конституций постсоветских стран нельзя назвать статичными. Начиная с 1990-х гг. и до наших дней были проведены полные и частичные конституционные реформы, которые в определенной степени повлияли на общественную и политическую жизнь государств.

Основной причиной для этого служит стремление государств найти оптимальную модель института власти, так как данная деятельность является центральной для осуществления государством своих функций.

Все конституционные реформы, которые проводились на территории постсоветских республик, можно разделить на три группы: реформы, изменяющие республиканскую форму правления; реформы, изменяющие элементы статуса уполномоченных органов и иные.

В качестве примера реформ, отнесенных к первой группе, можно привести конституционные референдумы в Кыргызстане в 2003, 2010 и 2021 гг. После объявления независимости в 1990–1991 гг., в 1993 г. была принята Конституция Республики Кыргызстан, где были обозначены контуры социального, правового государства, а также демократические принципы, определяющие дальнейшую политику государства. На тот момент страна представляла собой президентско-парламентскую республику, однако последующие поправки в Конституции в 2003 г. были направлены на усиление полномочий президента, что привело к новой форме правления – президентской. На референдуме 2010 г. принята новая Конституция, согласно которой республика становилась парламентской. Данное решение было активно поддержано народом, собрав 90 % голосов на конституционном референдуме. Однако уже в 2021 г. был проведен еще один конституционный референдум, по итогам которого Кыргызстан преобразовывался в президентскую республику.

Этот пример свидетельствует об активных поисках той модели правления, которая бы являлась наиболее эффективной для этого государства.

Во вторую группу, в качестве примера, можно отнести референдум, проводимый в Таджикистане. Так, после внесения поправок в Конституцию в 2016 г., стало возможным избрание одного и того же лица на пост главы государства на неограниченное количество раз, а также установлен возрастной ценз в 30 лет, который является единым для всех ветвей власти. Стоит упомянуть, что практика изменения статуса президента может быть и в обратную сторону: реформой 2005 г. в Армении были существенно ограничены полномочия Президента и расширена власть Правительства.

На примерах этих двух групп наблюдается сходство в поисках оптимального баланса сил между президентом и парламентом, а в некоторых случаях вторая группа служит ступенькой к переходу к первой. Так, упомянутая выше реформа в Армении в планах должна привести к тому, что государство из президентской перейдет к смешанной республике.

К третьей группе относятся реформы, несвязанные с государственным аппаратом. Они, например, могут касаться административно-территориального деления государства. Так, большинство изменений в Конституции

Российской Федерации связаны с переименованием или объединением регионов. Изменения в ст. 65 Основного Закона в связи с образованием новых субъектов вносились в 2004, 2005, 2006 и 2007 гг. По окончании преобразований были образованы единый Пермский край, единый Красноярский край, Камчатский край, единая Иркутская область и Забайкальский край.

Таким образом, практика проведения конституционных реформ в постсоветских республиках странах отличается заметной динамикой. Это обусловлено несколькими факторами. Во-первых, это национальные особенности. В некоторых странах институт президентства стал устойчивым, поэтому его изменение должно происходить постепенно. Во-вторых, это связано с активной деятельностью по поиску подходящей модели государства, удовлетворяющей демократическим принципам.

Гордеюк П. М.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ВСЕБЕЛОРУССКОГО НАРОДНОГО СОБРАНИЯ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ

Гордеюк Павел Михайлович, студент 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, pavelgatts@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Масловская Т. С.

Конституционным референдумом 2022 г. был придан конституционный статус Всебелорусскому народному собранию. Комплекс полномочий, которым наделен данный орган, свидетельствует о появлении нового властного субъекта, не входящего ни в одну из классических ветвей власти и не подчиняющуюся Президенту. В связи с этим определенный научный интерес вызывают вопросы взаимоотношений Всебелорусского народного собрания и Президента Республики Беларусь.

При рассмотрении данного вопроса следует проанализировать полномочия рассматриваемых органов, которые позволяют каждому из них оказывать определенное влияние друг на друга. В первую очередь стоит отметить, что Президент, согласно п. 1 ч. 1 ст. 89² Конституции Республики Беларусь, по праву должности является делегатом ВНС, а значит, всегда представлен в нем. В то же самое время, согласно п. 7 ч. 1 ст. 89³ Конституции, ВНС «принимает решение о смещении Президента с должности в случае систематического или грубого нарушения им Конституции либо совершения государственной измены или иного тяжкого преступления». Примечательно, что ранее таким правом обладало Национальное собрание, однако после конституционных изменений 2022 г. за Палатой представителей и Советом Республики сохранилось только право досрочного освобождения Президента от должности при его стойкой неспособности по состоянию здоровья осуществлять свои обязанности. Согласно ч. 2 ст. 89⁴ Конституции, Президент обладает правом на

внеочередной созыв заседания ВНС, что свидетельствует о его возможности влиять на порядок работы данного органа.

Исключительным правом по отношению не только к Президенту, но и к парламентариям Национального собрания является полномочие, закрепленное в п. 6 ч. 1 ст. 89³ Конституции, согласно которому ВНС вправе рассматривать вопрос о легитимности выборов. В Законе о Всебелорусском народном собрании и Избирательном кодексе Республики Беларусь данное полномочие было конкретизировано. Так, согласно ч. 8 ст. 18 Закона о Всебелорусском народном собрании и ч. 4 ст. 81² Избирательного кодекса, в случае признания выборов нелегитимными данное решение становится основанием для признания выборов недействительными и отмены решений выборов Центральной избирательной комиссией, т. е. признание нелегитимности фактически будет означать признание их нелегальности.

Особое внимание следует обратить на ч. 2 ст. 89⁵ Конституции, согласно которой ВНС обладает правом издавать решения. Они «являются обязательными для исполнения и могут отменять правовые акты, иные решения государственных органов и должностных лиц, противоречащие интересам национальной безопасности, за исключением актов судебных органов». Данное полномочие является определяющим в отношениях ВНС не только с Президентом, но и всеми государственными органами Республики Беларусь. Право отменять решения Президента, противоречащие национальной безопасности, является исключительным полномочием ВНС. Следует учитывать, что никаких полномочий, сдерживающих право ВНС отменять акты, у Президента нет. Единственным фактором, сдерживающим данное полномочие, является право Конституционного Суда давать заключения о конституционности нормативных правовых актов различных государственных органов, к числу которых относятся и решения ВНС. Вместе с тем следует обратить внимание на то, что ни в Конституции, ни в текущем законодательстве напрямую формально решения ВНС не отнесены к объектам конституционного контроля.

Еще одним примером, демонстрирующим взаимодействие Президента и ВНС, является норма, закрепленная в п. 8 ч. 1 ст. 89³, согласно которой ВНС «вправе ввести на территории Республики Беларусь чрезвычайное или военное положение... в случае бездействия Президента по этим вопросам...». Указанная норма вызывает научный интерес. Согласно п. 22 и 29 ч. 1 ст. 84 Конституции Президент вправе ввести на территории Республики Беларусь чрезвычайное и военное положение. Данный пример является особенно наглядным, поскольку свидетельствует о возможности ВНС принимать решения, посредством которых вправе осуществлять контроль за действиями Президента в чрезвычайных ситуациях.

Помимо соотношения полномочий и статусов рассматриваемых органов следует обратить внимание на возможные риски при возникновении конфликта между Президентом и ВНС вследствие обладания каждым из них обширными полномочиями. Так, Президент по-прежнему сохраняет контроль над исполнительной ветвью власти как республиканского, так и

местного уровня, обладает полномочиями, сдерживающими законодательную власть, и назначает судей общей юрисдикции, хоть и утратил право назначать высшие чины судебной власти. В то же время Президенту не подотчетны субъекты гражданского общества и местные органы самоуправления, а решения Президента, приостанавливающие решения местных советов депутатов, если они противоречат национальной безопасности, могут быть отменены решением ВНС.

В качестве предупреждения возможного конфликта между Президентом и ВНС можно рассматривать законодательное закрепление за Президентом поста Председателя ВНС по праву должности, поскольку именно Президент гарантирует реализацию основных направлений внутренней и внешней политики, утверждаемых Всебелорусским народным собранием. Предлагаемое положение будет отражать неразрывную связь между двумя главными представительными органами в стране.

Демко П. А.

К ВОПРОСУ О НОВАЦИЯХ В БЕЛОРУССКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О СВОБОДЕ СОВЕСТИ И РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

*Демко Полина Александровна, учащаяся 3 курса Юридического колледжа
Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
polina.demko06@gmail.com*

Научный руководитель: преподаватель Балицевич-Рында Л. Н.

Конституция Республики Беларусь закрепляет основные права и обязанности граждан в самых различных сферах жизни общества. Духовная сфера не стала исключением. Согласно конституционным нормам религии и вероисповедания в Республике Беларусь равны перед законом, при этом каждый имеет право самостоятельно определять свое отношение к религии (ст. 16 и 31 Конституции). Основным нормативным правовым актом, регулирующим вопросы религии на территории нашей страны, помимо Конституции, является Закон Республики Беларусь от 17 декабря 1992 г. № 2054-ХІІ «О свободе совести и религиозных организациях». В настоящий момент разработан законопроект «Об изменении законов по вопросам деятельности религиозных организаций», который был принят Палатой представителей в первом чтении 11 октября 2023 г. Законодатель предлагает ряд существенных новаций в данной сфере. Даются определения таких понятий, как воскресная религиозная школа, культовое здание и сооружение, миссионерская деятельность, законопроект разрешает иметь детские дома при монастырях; внесены изменения и дополнения в порядок регистрации религиозных организаций и др. Рассмотрим некоторые новации подробнее.

Религиозное просвещение по новой редакции закона реализуется посредством создания воскресных религиозных школ и групп для взрослых. Статья 10 обновленного закона предъявляет к содержанию программ религиозного просвещения особые требования, подчеркивая взаимодействие с местными исполнительными органами по вопросам реализации религиозного

просвещения. Но в каком порядке происходит взаимодействие? Кто и как утверждает содержание программ религиозного просвещения? Полагаем, данные вопросы нуждаются в конкретизации на законодательном уровне.

В проекте Закона, равно как и в действующей редакции Закона, не предусмотрена возможность и порядок обжалования письменного предупреждения, вынесенного Уполномоченным по делам религии и национальностей религиозным организациям. В связи с этим имели место случаи отказа судов в принятии жалобы. Мотивом служило отсутствие в законодательстве норм, прямо регулирующих порядок обжалования таких действий. Но согласно ч. 1 ст. 60 Конституции каждому гарантируется защита его прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом в определенные законом сроки.

Конституционный Суд Республики Беларусь в Решении от 5 апреля 2007 г. № Р-199/2007 «О праве обжалования в суд письменного предупреждения о нарушении законодательства религиозной организацией» отмечает, что хотя в Законе о свободе совести прямо не предусмотрено право судебного обжалования письменного предупреждения, выносимого в адрес религиозной организации в случае нарушения ею законодательства, в Гражданском процессуальном кодексе имеется глава 29, предусматривающая, в частности, порядок обжалования действий должностных лиц, ущемляющих права юридических лиц. Таким образом, для обеспечения единообразного подхода в правоприменении необходимо дополнить Закон соответствующими нормами.

По нашему мнению, неоднозначно решен вопрос правового регулирования религиозных символов. Статья 8 законопроекта запрещает использование в местах богослужения любой символики, кроме религиозной. При этом в ст. 3 законопроекта говорится только о религиозных символах, которые определяются как условные изображения, обозначающие какую-либо религию, отражающие догматику и направленность веры. В результате нет четкого понимания, является ли религиозная символика синонимом термина «религиозные символы». Более того, белорусское законодательство не предусматривает регистрацию религиозной символики, и вопрос о правомерности размещения в местах богослужения символики, будет решаться на основе субъективного мнения, является она религиозной или нет.

Интересно отметить, что Президент Беларуси Александр Лукашенко, обращаясь с посланием к народу и парламенту, заявил, что призывы к чайлдфри должны пресекаться, такая идеология должна быть вне закона. Но следует помнить о таком виде религиозных организаций, как монастыри и монашеские общины, монахи которых дают обет целомудрия. Вероятно, об их правовом статусе следует сделать оговорку в указанном законопроекте.

Таким образом, внесение изменений и дополнений в Закон действительно является необходимой мерой, так как последние корректировки были сделаны более 10 лет назад, а общественные отношения в данной сфере развиваются и претерпевают изменения. Однако считаем, что предлагаемая новая редакция Закона «О свободе совести и религиозных организациях» все-таки нуждается в дальнейшей доработке с целью устранения обозначенных выше проблемных вопросов и пробелов.

Жилевич У. С.

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ

*Жилевич Ульяна Сергеевна, студентка 1 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
ad375447429717@yandex.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Киселёва Т. М.

В соответствии с ч. 1 ст. 46 Конституции Республики Беларусь каждый имеет право на благоприятную окружающую среду и на возмещение вреда, причиненного нарушением этого права. Закон Республики Беларусь от 26.11.1992 г. № 1982-ХІІ «Об охране окружающей среды» уточняет, что благоприятная окружающая среда – это окружающая среда, качество которой обеспечивает экологическую безопасность, устойчивое функционирование естественных экологических систем, иных природных и природно-антропогенных объектов.

Несомненно, что одним из условий обеспечения благоприятной природной среды является решение государством проблемы захоронения бытовых и промышленных отходов. Проблема отходов стоит весьма остро во всем мире. В Республике Беларусь имеется около 1,9 тыс. объектов захоронения твердых коммунальных отходов, а также 140 объектов захоронения промышленных отходов. Отходы полимеров растут: каждый год их образовывается около 298 тысяч тонн, причем каждый белорус оставляет после себя около 28 кг пластика. Это приводит к загрязнению почвы, рек, озер, ухудшения качества жизни тех людей, который вынуждены жить рядом. В нашей стране обеспечивается отдельный сбор мусора, но граждане не всегда ответственно подходят к этому вопросу. В итоге вторичное сырье составляет половину свалки. Следует акцентировать внимание населения на правильном обращении с отходами, используя различные меры, в том числе и экономического характера. К примеру, можно организовать возмездный сбор пластика в магазинах и торговых центрах, предоставляя гражданам в обмен на пластик скидки или иные бонусы.

Необходимо обратить внимание на способы утилизации отходов. Один из доступных вариантов – это сжигание мусора. С помощью такого способа можно избавиться от газообразных, жидких и твердых отходов. В результате этого процесса получается энергия, которая становится альтернативной электричеству. Однако при этом следует оценивать возможный вред для окружающей среды.

Элементом права на благоприятную окружающую среду является право на чистый воздух, которое нарушается не только в результате деятельности промышленных предприятий, но самими гражданами, в том числе в результате курения в общественных местах. Никотин влияет не только на курильщика, но и на окружающих его людей. На данный момент актуальность получает проблема использования электронных сигарет,

которые часто преподносятся как безвредные. По данным ВОЗ свыше 17 % учащихся школ в Беларуси курят электронные сигареты. Электронные сигареты содержат различные токсические вещества и химические соединения, которые могут вызывать онкологические заболевания. Также они повышают вероятность развития легочных и сердечных болезней, как и обычные сигареты. Необходимо просветить людей о последствиях их влияния на организм и окружающую среду. Следует научить уважать чувства некурящих людей, ведь это наше право – дышать чистым воздухом.

Таким образом, реализация права на благоприятную окружающую среду зависит не только от действия государства и субъектов промышленности, но и от каждого конкретного человека. Следует начать с таких простых действий, как соблюдение правил по раздельному сбору мусора, уважение прав других лиц на чистый воздух, бережное отношение к водным ресурсам и т. д. Граждане должны помнить, что помимо права на благоприятную окружающую среду, Конституция закрепляет также долг каждого по охране природной среды и бережному отношению к природным ресурсам, поэтому ответственность за экологическое благополучие лежит на каждом из нас.

Захилько Е. С.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ КАК МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА ЗАЩИТУ ОТ НЕЗАКОННОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ЛИЧНУЮ ЖИЗНЬ

*Захилько Екатерина Сергеевна, студентка 2 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь, Zahkat04@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шавцова А. В.

Во все времена люди старались оберегать и защищать личные сведения, защищая с одной стороны и контролируя с другой носителей такой информации, ограничивая круг осведомленных лиц. За последние десятилетия ситуация резко изменилась – в современных условиях информационного обмена, сбора, накопления, обработки и хранения данных прежде всего появляется опасность личной безопасности в широком смысле слова: человек часто теряет контроль над состоянием информации о себе, о своей личной жизни. Эти и другие техногенные вызовы ставят перед правовыми механизмами реализации права на неприкосновенность частной жизни совершенно новые задачи. Одним из инструментов, позволяющих в том числе комплексно обеспечить реализацию права на неприкосновенность личной жизни с учетом современных информационных вызовов является законодательство о защите персональных данных.

Касаясь вопроса соотношения понятий «персональные данные» и «информация о частной жизни» необходимо обратить внимание на следующее: в научной литературе мнения о соотношении данных понятий различны, их можно выделить в три основных направления. Некоторые исследователи считают, что персональные данные по своему содержанию являются сегментом информации о частной жизни лица. Другие – выдвигают

противоположную точку зрения, говоря о том, что персональные данные – более широкое понятие, относя к ним сведения не только о личной жизни, но и других составляющих человеческой жизнедеятельности, например, сведения о гражданстве лица, исполнении воинской обязанности, относящиеся к сфере публичных отношений и др. Согласно третьему подходу понятия «информация о частной жизни» и «персональные данные» – относительно независимые категории, которые частично пересекаются между собой. Несмотря на наличие различных позиций, можно однозначно утверждать, что определенность в толкование данных понятий вносит Закон Республики Беларусь от 07.05.2021 № 99-З «О защите персональных данных» (далее – Закон № 99). Так, в число персональных данных, определение которых дано в ст. 1 Закона № 99-З, включается значительный массив информации о частной жизни.

Статья 1 Закона № 99 содержит перечень используемых терминов (понятий), среди которых прежде всего упоминаются персональные данные – «любая информация, относящаяся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано»; а также «специальные персональные данные – персональные данные, касающиеся расовой либо национальной принадлежности, политических взглядов, членства в профессиональных союзах, религиозных или других убеждений, здоровья или половой жизни, привлечения к административной или уголовной ответственности, а также биометрические и генетические персональные данные». Однако понятие «информация о частной жизни» отсутствует. Таким образом, из анализа понятий «персональные данные» и «специальные персональные данные» можно предположить, что они охватывают фактически весь спектр информации о частной (личной) жизни.

Статья 2 Закона № 99 различает персональные данные, обрабатываемые с использованием средств автоматизации и без использования средств автоматизации (ч. 1). Однако в ч. 2 устанавливается возможность обработки персональных данных физическими лицами в процессе исключительно «личного, семейного, домашнего и иного подобного их использования», но при этом делается оговорка – «не связанного с профессиональной или предпринимательской деятельностью». По нашему мнению, данная оговорка носит узкий характер и должна быть расширена за рамки трудовой деятельности. Кроме того, данное положение статьи можно толковать расширительно, так как в нем содержится положение: «и иного подобного их использования», что не позволяет установить четкие правовые границы. Соответственно, на обработку значительного числа информации о частной жизни распространяются требования законодательства о защите персональных данных.

Закон № 99 содержит особые требования к обработке (законность, соразмерность поставленным целям, прозрачность обработки, наличие правового основания, запрет избыточности, ограничение хранения и др. (ст. 4)), четко определяет правовые основания обработки (ст. 5, 6, п. 2 ст. 8) и необходимые меры для защиты персональных данных (ст. 17), устанавливает ограничения на трансграничную передачу персональных данных в страны,

которые не обеспечивают надлежащий уровень их защиты (ст. 9), определяет права субъекта персональных данных, которые позволяют ему эффективно осуществлять контроль за их обработкой, включая право на отзыв согласия на обработку, на получение информации, касающейся обработки персональных данных, и изменение персональных данных и др. (ст. 10–15), закрепляет перечень обязанностей оператора, выступающий одним из элементов механизма реализации прав субъекта персональных данных (ст. 16–17). В соответствии с п. 1 ст. 19 Закона № 99 лица, виновные в нарушении данного Закона, несут ответственность, предусмотренную законодательными актами. В Кодексе об административных правонарушениях Республики Беларусь законодатель предусмотрел самостоятельную статью (ст. 23.7), устанавливающую ответственность за нарушение законодательства о персональных данных. В 2021 г. Уголовный кодекс Республики Беларусь дополнен двумя самостоятельными составами (ст. 203¹ и ст. 203²), предусматривающими ответственность за незаконные действия в отношении персональных данных и за несоблюдение мер обеспечения их защиты.

Согласно отчету о деятельности Национального центра защиты персональных данных Республики Беларусь за 2022 год удалены свыше 1,6 млн записей с незаконным распространением персональных данных, рассмотрена 101 жалоба субъектов персональных данных, приняты меры по восстановлению нарушенных прав граждан. Рассмотрено 1018 обращений граждан и организаций, даны разъяснения о порядке применения законодательства о персональных данных в конкретных ситуациях. Проведено социологическое исследование на тему «Ценность и защита персональных данных на современном этапе», в результате которого выявлены основные вопросы, возникающие у граждан при обработке их персональных данных и др.

Таким образом, положения Закона № 99 комплексно обеспечивают реализацию права на защиту от незаконного вмешательства в личную жизнь, предусматривают для этого разветвленную систему мер, однако отдельные его положения требуют дополнительной правовой регламентации.

Ивашко Н. А.

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ ИНСТИТУТА ИНДИВИДУАЛЬНОЙ КОНСТИТУЦИОННОЙ ЖАЛОБЫ

Ивашко Нина Александровна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, ninagefest@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Кондратович Н. М.

С 1 октября 2023 г. вступила в силу новая редакция Закона Республики Беларусь от 8 января 2023 г. № 123-З «О конституционном судопроизводстве» (далее – Закон). Глава 23 закрепила порядок производства по делу при подаче конституционной жалобы, тем самым завершив становление института конституционной жалобы в Республике Беларусь на конституционном уровне. Ранее в соответствии со ст. 22 Кодекса Республики

Беларусь о судеустройстве и статусе судей от 29 июня 2006 г. № 139-З для защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов граждане могли через уполномоченные органы запустить предложение о проверке соответствии Конституции нормативного правового акта, примененного при разрешении их дел. Сейчас же у граждан появилась возможность подачи индивидуальной конституционной жалобы в суд. Изменения назревали несколько лет, и нюансы, относящиеся к функционированию данного института и поднимаемые правоведами, были учтены. Так, у граждан появилось право непосредственной, а не косвенной подачи жалобы напрямую в Конституционный Суд; закрепились понятия «конституционная жалоба» и требования для ее подачи; ввелась государственная пошлина – все это нашло свое законодательное закрепление в вышеупомянутом Законе.

Очевидно, что введение прямой конституционной жалобы может повлечь увеличение потока необоснованных и повторных обращений граждан в Конституционный Суд. Возможное решение такой проблемы лежит во введении государственной пошлины и установлении таких четких требований для подачи жалобы, как наличие признаков нарушения конституционных прав и свобод гражданина в результате применения закона в конкретном деле с его участием, соблюдение сроков подачи конституционной жалобы, а также исчерпание средств судебной защиты. Тем не менее есть и иные проблемы: нарушение правил подведомственности при подаче заявлений, ошибки и недочеты в форме и содержании заявлений. Все это связано с недостаточной юридической подготовкой лиц, обращающихся в суд, а также с материальным положением некоторых граждан и невозможностью оплаты услуг представителя. Практика использования юридического представительства достаточно распространена во многих европейских странах (Венгрия, Дания, Греция, Германия и др.). Конечно, обращение за помощью к квалифицированному юристу повышает шансы соблюдения требований законодательства и юридической техники, а следовательно, качество жалобы. В связи с этим возникает необходимость в предоставлении помощи для подачи конституционной жалобы за счет государственных средств.

Несмотря на это, нельзя не упомянуть положительную тенденцию в правосознании граждан. Начнем с того, что конституционная жалоба выступает не только важнейшим средством защиты конституционных прав и свобод личности, но еще и предоставляет Конституционному Суду возможность контроля за соблюдением Конституции всеми государственными органами. Проанализировав предложенную официальным сайтом Конституционного Суда Республики Беларусь информацию по обращениям граждан начиная с 2019 г. (еще до принятия изменений в Основной Закон нашего государства), можно сделать вывод о закономерном увеличении количества обращений, в которых граждане поднимают вопросы, имеющие непосредственное отношение к компетенции Конституционного Суда. Все чаще граждане ходатайствуют о проверке конституционности нормативных правовых актов, об устранении пробелов и коллизий в

нормативных правовых актах, о внесении в нормативные правовые акты изменений и дополнений. Это все свидетельствует о повышении правовой осведомленности граждан Республики Беларусь в целом и в части понимания задач, стоящих перед Конституционным Судом.

Таким образом, появление нового института индивидуальной конституционной жалобы выглядит многообещающе. Полагаем, это приведет к уменьшению нагрузки на государственные органы, которые раньше выступали посредниками между гражданами и Конституционным Судом, а также установлению доверия населения к правосудию и повышению заинтересованности граждан в совершенствовании законодательной базы Республики Беларусь.

Какора А. А.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

*Какора Анастасия Анатольевна, студентка 4 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
kakora.anastasiya@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Кондратович Н. М.

В последние годы медицинский диагноз «бесплодие» становится большой проблемой для супружеских пар, которые не имеют возможности стать родителями. Вариантом решения данной проблемы становится обращение к активно развивающимся в последние годы вспомогательным репродуктивным технологиям, например, к суррогатному материнству.

В Республике Беларусь суррогатное материнство применяется на основе договора, который может заключаться как на возмездной, так и на безвозмездной основе, поэтому необходимо проследить, чтобы данный вид технологий не превратился в коммерцию. В дополнение к этому важно, чтобы данный вид репродуктивных технологий применялся исходя из физиологических недостатков супружеских пар, а не из-за, например, социальных факторов (для женщины на первом месте стоит карьера, а не рождение ребенка).

Действительно, законодательство в Республике Беларусь, касающееся вспомогательных репродуктивных технологий, довольно либеральное и направлено на реализацию прав лиц, страдающих бесплодием, но при этом появляется возможность возникновения новых угроз, например, таких как:

- заключение браков между фактическими родственниками (речь идет об анонимном донорстве);
- повышение уровня детской заболеваемости в виде более частого проявления врожденных пороков;
- также отсюда вытекают различные этико-правовые проблемы: проблема гибели эмбрионов в результате суррогатного материнства, уничтожение эмбрионов в результате прекращения их использования, возможная эксплуатация суррогатных матерей, существование

криминальных схем, когда подбирается женщина, которая вынашивает родного ей ребенка и просто продает заказчику, хотя в Республике Беларусь допускается только полное суррогатное материнство, при котором отсутствует генетическое родство между суррогатной матерью и ребенком, т. е. женщина всегда вынашивает чужого, а не своего ребенка;

- риск физическим и ментальным здоровьем;
- непринятие репродуктивных технологий со стороны мировых религий, да и в целом большинства религий, так как считается, что данный процесс подрывает суть, основу брака;
- сложность сохранения тайны происхождения ребенка.

В конечном счете преобладает мнение, что женщина вольна распоряжаться своим телом по своему усмотрению и закон должен запрещать только действительно вредные действия.

Таким образом, суррогатное материнство это не только возможность стать родителями генетически родного ребенка, но и вытекающие из данного явления различного рода противоречия. Важно понимать, что суррогатное материнство – это не договор купли-продажи ребенка, это медицинская технология, которая направлена на то, чтобы помочь родителям завести ребенка.

Капшай А. С.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ САНКЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОВЕТА И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИМ

*Капшай Александра Сергеевна, студентка 2 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь, kapshaii@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шавцова А. В.

В современном мире экономические и политические отношения между странами сопровождаются использованием мощного инструмента воздействия – международными санкциями. Санкции, как средство давления и форма принуждения, нацелены на сдерживание политического актора, ограничение свободы его действий или изменение его поведения.

В зависимости от применяемого инструментария санкции подразделяются на различные виды, в том числе коммуникационные санкции, политические и экономические санкции, которые в свою очередь подразделяются, например, на торговые и финансовые, санкции в сфере образования, культуры и спорта, некоторые другие санкции. В контексте данного исследования были рассмотрены политические и экономические санкции как меры по снижению активности прежде всего в экономической, финансовой сферах в отношении отдельных стран либо конкретных юридических и физических лиц, в отношении которых введены санкции. В данном контексте политическая и экономическая сферы, как область национальной экономики и торговли, включающая различные секторы, на которые могут распространяться и воздействовать санкции, является объектом данного исследования.

В целях оценки воздействия санкций Европейского Совета была рассмотрена хронология введения данных санкций, а также проведен анализ контрмер, предпринятых Республикой Беларусь.

В качестве примера политической санкции стоит привести решение от 2 октября 2020 г., вынесенное Европейским Советом, которое включало в себя индивидуальные санкции против 40 граждан Республики Беларусь. Впоследствии данный список неоднократно дополнялся, и на данный момент общая численность «подсанкционных» физических лиц составляет 233 и 37 юридических лиц. Список ориентирован на ключевых деятелей политического руководства, судебной власти и экономических субъектов.

Ответные меры Республики Беларусь на данную категорию санкций впоследствии включили в себя: ответный санкционный список; приостановку работы Координационной группы «Беларусь-ЕС» и диалога по правам человека; ограничение деятельности ряда политических фондов; продолжение реализации Союзных программ с Российской Федерацией, а также выстраивание прочных связей с партнерами ЕФЭС и со странами «дальней дуги».

Основной удар на экономическую сферу Республики Беларусь пришелся на 4-ый пакет санкций, который был принят ЕС 21 июня 2021 г. Согласно решению Европейского Совета данные санкции именовались «новые точечные экономические санкции» и включили в себя: запрет продажи, поставки, трансфера и экспорта мониторингового оборудования и технологий в Беларусь; ограничение торговли нефтью, калием, вспомогательными товарами табачной индустрии; ограничение доступа к финансовым рынкам, страхованию правительства Беларуси; прекращение финансирования проектов в государственном секторе; ограничение многосторонних банков развития в Беларуси.

Ответный пакет санкций не заставил себя долго ждать. 28 июня 2021 г. официальный Минск анонсировал санкции смешанного политико-экономического характера: приостановление участия в инициативе «Восточное партнерство»; запуск процедуры приостановки действия Соглашения о реадмиссии с ЕС; отзыв постоянного представителя Беларуси при ЕС; запрет на въезд в Беларусь представителям евроструктур и лицам из стран ЕС.

Следующие ограничительные меры в отношении финансового сектора Беларуси были введены 9 марта 2022 г. и включили в себя: отключение трех банков («Белагропромбанк», «Банк Дабрабыт» и «Банк развития»), а также их дочерних компаний от Межбанковского сообщества финансовых телекоммуникаций SWIFT и их дочерних структур, запрет транзакций по отдельным категориям с Национальным банком Беларуси, запрет на листинг и оказание услуг в отношении акций белорусских предприятий и т. д.

Однако и эти ограничительные меры не привели к целям, поставленным Европейским Советом, хотя бесспорно явились «отягощающими» по отношению к финансово-экономическому сектору Республики Беларусь. Республикой Беларусь и Российской Федерацией были предприняты следующие меры: каналы дистанционного банковского обслуживания

остались работать в обычном режиме (снятие наличных в банкоматах, расчеты в инфокиосках, оплата товаров и услуг в объектах торговли и сервиса, оплата в ЕРИП, каналах ДБО). Ограничения коснулись отдельных операций по карточкам международных платежных систем VISA и MasterCard – переводы за рубеж, расчеты, снятие наличных за рубежом, платежи в сети Интернет станут недоступны. Более того, в 2022 г. завершилась полная интеграция карточки платежной системы БЕЛКАРТ с российской платежной системой «Мир», благодаря чему карточкой БЕЛКАРТ можно пользоваться во всех странах присутствия «Мир»: Беларусь, Россия, Турция, ОАЭ, Вьетнам, Армения, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан, Казахстан, Кипр, Абхазия и Южная Осетия.

По оценкам американского аналитика Р. Пейпа, изучавшего эффективность санкций в качестве инструмента внешней политики в отношении многих государств, они привели к изменениям «всего в 5 из 115 попыток с 1914 года». Например, такие страны, как Куба и Иран, не просто смогли противостоять санкциям, введенным США, но продемонстрировали устойчивость и способность к экономическому росту. Примером бессилия санкций стала и Республика Беларусь. Это порождает парадокс: показателем эффективности санкций служит сам факт их введения. Происходит очевидная подмена понятий: главная цель не достигается, а санкции продолжают жить собственной жизнью.

Таким образом, по мнению многих белорусских и российских политиков, в том числе бывшего министра иностранных дел В. В. Макея, «годы нахождения под санкциями закалили наше государство. Экономика приобрела бесценный опыт, как работать и развиваться в кризисных условиях, полагаться на свои силы и налаживать партнерские связи с другими регионами мира».

Кирик К. А.

КОНСТИТУЦИОННАЯ ЗАЩИТА ПРАВ ЖИВОТНЫХ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

*Кирик Кирилл Александрович, учащийся 2 курса Юридического колледжа
Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
kirilkirik2006@gmail.com*

Научный руководитель: преподаватель Балищевич-Рында Л. Н.

Обращение с животными является важной стороной жизнедеятельности человека. Характер отношений с животными отражается на моральной, социальной, экологической и экономической сторонах жизни общества.

В современном мире права животных стали широко обсуждаемой темой, приобрели больше признания и защиты. Многие страны включили в свои законы нормы, гарантирующие защиту животных от жестокого обращения, незаконного отлова, утилизации или мучительных экспериментов. Законодательство ограничивает использование животных в различных сферах,

таких как развлечения, мода, пищевая промышленность и научные исследования.

Что же представляют из себя права животных? Сейчас принято считать, что права животных – это юридические и этические концепции, которые признают, что животные имеют определенные интересы и заслуживают защиты от беспричинного страдания. Эти права включают в себя идеи о том, что животные не должны подвергаться излишней жестокости, их жизни и благополучию должно быть уделено внимание и уважение.

Первые законы в защиту животных появлялись еще в XVII в. В 1824 г. начала разрабатываться концепция прав животных, некоторые ученые и деятели того времени, например, Джон Льюис, Эдвард Эванс и Говард Мур продвигали идею естественных прав у животных. Однако только в XXI в. правовое регулирование прав животных выходит на новый уровень.

В Федеративной Республике Германии впервые в мире с 2002 г. стали защищаться Конституцией права животных (ст. 20а), в этой стране даже признана профессия «Защитник животных». В Швейцарской Конфедерации в 2007 г. впервые ввели должность «адвоката животных», а в 2008 г. вступил в силу закон о правах животных. В 2008 г. в Королевстве Испании было признано право каждой человекообразной обезьяны на жизнь, свободу и защиту от жестокости. Данное решение стало первым в мировой юридической практике актом, уравнивающим в правах животных и человека. В Нидерландах в 2006 г. в парламент вошла Партия для животных, а в 2015 г. в этой стране запретили эксплуатацию диких животных в цирке.

Для Республики Беларусь права животных – относительно новый правовой институт, хотя разрабатывался законопроект о защите прав животных начиная с конца 1990-х гг., но так и не выносился на рассмотрение в Парламенте. И только 11 октября 2023 г. Палатой представителей в первом чтении был принят и вынесен на общественное обсуждение проект Закона Республики Беларусь «Об ответственном обращении с животными». Законопроект вводит и дает определения 36 терминов и понятий, используемых в данной сфере. Среди дискуссионных вопросов проекта закона – обязательное чипирование животных-компаньонов, причем это требование касается не всех животных-компаньонов, а только кошек и собак.

Основываясь на анализе прогрессивного зарубежного правового опыта в сфере защиты прав животных, предлагаем следующие идеи и предложения по совершенствованию белорусского законодательства:

- ввести запрет на использование животных для биологического тестирования;
- увеличить срок содержания животного в пункте отлова;
- разработать механизмы для защиты прав животных в суде через назначение опекунов или адвокатов для животных, нуждающихся в защите, также представляется важным создание специальных государственных органов и осуществление государственной поддержки общественных организаций по защите животных;

- правовой статус и условия содержания животных в зоопарках, приютах и пунктах временного содержания животных, на наш взгляд, также нуждаются в регулировании специальным актом;

- запретить жестокие виды развлечений с использованием животных, такие как бои животных, цирковые номера с животными.

На наш взгляд, необходимо предусмотреть более строгие меры воздействия и наказания для тех, кто нарушает нормы закона об обращении с животными, обеспечить более жесткий контроль за живодерством и жестоким обращением с животными.

Закон об ответственном обращении с животными имеет потенциал улучшить обстановку в области защиты животных, но его эффективность зависит от тщательной реализации, образования и социальной поддержки. При этом важно проводить информационные кампании и образовательные программы о правильном обращении с животными, чтобы сформировать у людей более осознанное отношение к ним. Соблюдение прав животных способствует справедливому и гуманному обществу, в котором уважение к животным их права на жизнь и благополучие считаются важными ценностями.

Котяшев И. А.

ТАЙНОЕ ГОЛОСОВАНИЕ: ЗА И ПРОТИВ

*Котяшев Иван Александрович, учащийся 2 курса Юридического колледжа
Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
hyperit68@gmail.com*

Научный руководитель: преподаватель Балицевич-Рында Л. Н.

Использование принципа тайного голосования при проведении выборов имеет давнюю историю. Его основной целью в разное время и в различных странах и культурах всегда было обеспечение свободы и безопасности выражения воли избирателей. Данный принцип проведения голосования был призван защитить избирателей от вмешательства или давления со стороны других лиц, а также предотвратить манипуляции и неправомерное влияние на результаты выборов, чем, по-видимому, и завоевал популярность во всем мире.

В Республике Беларусь принцип тайного голосования является неотъемлемой частью демократического процесса выборов, гарантируя свободу и справедливость волеизъявления избирателей. Так, ст. 68 Конституции Республики Беларусь закрепляет: «Голосование на выборах является тайным: контроль за волеизъявлением избирателей в ходе голосования запрещается».

Тайное голосование в нашей стране обеспечивается устройством в помещениях избирательных участков специальных кабин или комнат для тайного голосования, в которых не допускается присутствие кого бы то ни было, кроме самого избирателя, установлением ящиков для сбора заполненных бюллетеней для голосования (ст. 51 Избирательного кодекса

Республики Беларусь). За обеспечение тайны волеизъявления избирателей ответственность несет участковая избирательная комиссия.

На наш взгляд, тайное голосование имеет следующие достоинства и преимущества перед иными способами голосования при проведении выборов или референдума:

- обеспечивает свободу выражения воли избирателей, сохраняя их анонимность и защищая от вмешательства или давления со стороны других лиц;

- создает равные условия для всех участников избирательного процесса, исключая возможность манипуляций или неправомерного влияния на результаты голосования;

- обеспечивает доверие избирателей к процессу выборов, поскольку никто не может узнать, какой конкретный человек проголосовал за определенного кандидата;

- способствует реализации и защите права на свободу мысли и выражение собственных политических убеждений без страха открытого осуждения или репрессий;

- содействует предотвращению коррупции и покупке голосов, поскольку невозможно доказать, что конкретный голос был продан или получен взамен каких-либо льгот.

Несмотря на все перечисленные достоинства, тайное голосование по ряду характеристик, на наш взгляд, уступает открытой форме голосования, при которой голоса и решения принимаются публично и доступны для всех участников, а также для общественности. Открытое голосование является ранней формой волеизъявления людей, его виды (голосование криком, ногами) упоминаются еще в древних источниках. Это основа демократического процесса, позволяющего гражданам выражать свою волю и принимать важные решения в общественных и политических вопросах.

Полагаем, самым важным преимуществом открытого голосования перед тайным является принципиальная невозможность фальсификации результатов выборов или референдума, полная прозрачность и моральная ответственность участников голосования за свое волеизъявление. Значительно снижаются риски ошибок при учете результатов голосования. Однако открытое голосование не обеспечивает анонимность избирателя, что может привести к страху или опасности для тех, кто выражает свое мнение, а публичное разглашение сделанного выбора может косвенно повлиять на принятие решения другими избирателями, создавая эффект «голосования по мнению большинства». Последний аспект, однако, не представляется нам противоречащим принципам демократических выборов. Открытое голосование может быть полезным в определенных контекстах, где прозрачность и ответственность играют важную роль.

Таким образом, к недостаткам тайного голосования можно отнести многочисленные возможности фальсификации, что может со временем превратить выборы в профанацию и, как следствие, недоверие избирателей к оглашаемым результатам; полная моральная безответственность избирателей

за последствия своего волеизъявления; принципиальная необратимость сделанного выбора; организационная сложность и неоправданно высокая стоимость проведения, особенно с учетом мер контроля и защиты от фальсификаций.

Конечно, принцип тайного голосования имеет свои ограничения и может работать против демократии в определенных ситуациях. Однако его ценность и предназначение состоят в защите прав избирателей и обеспечении честности выборов.

Кузьменок А. Н.

О РЕФОРМЕ КОНЦЕПЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Кузьменок Анастасия Николаевна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, constlaw@bsu.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шавцова А. В.

В системе обеспечения национальной безопасности любой страны особую роль играют основополагающие нормативные правовые акты, являющиеся фундаментом для формирования общегосударственной политики национальной безопасности. К таким правовым документам относятся концепции, стратегии национальной безопасности или же равноценные по содержанию документы, которые могут иметь иное название и правовую форму. С изменениями геополитической ситуации, социально-экономических условий, приоритетов во внешней и внутренней политике, средств и способов обеспечения безопасности, с актуальными угрозами национальным интересам происходит постоянная трансформация концептуальных представлений о национальной безопасности в мировой практике.

В ряде стран разработаны концепции, стратегии, законы, которые нормативно определяют систему развития национальной безопасности в конкретных сферах. В странах Евросоюза используются как классические стратегии, так и «Белые книги», представляющие собой систему ценностных установок. В государствах Азиатско-Тихоокеанского региона современные концептуальные документы в области национальной безопасности являются компиляцией ранее разработанных документов в военной сфере с включением иных актуальных составляющих национальной безопасности. В Республике Беларусь действует Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 30.12.2011 № 621, от 24.01.2014 № 49. В странах – соседях Беларуси действуют аналогичные концепции национальной безопасности, например, в Российской Федерации действует Концепция национальной безопасности, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400, в Республике Польша действуют так называемые Стратегии национальной безопасности, утвержденные Президентом.

Необходимость обновления Концепции национальной безопасности Республики Беларусь напрямую исходит из изменения геополитической обстановки, в связи с чем постановлением Совета Безопасности Республики

Беларусь от 6 марта 2023 г. №1 опубликован проект Концепции национальной безопасности Республики Беларусь (далее – Концепция).

В новый проект Концепции были внесены изменения, дополняющие пока действующую Концепцию национальной безопасности.

Базовое понятие «национальная безопасность» как состояние защищенности национальных интересов от внутренних и внешних угроз дополнено условием в виде устойчивого развития, т. е. сделан акцент на необходимость обеспечения стабильности в развитии общества, перехода его на качественно новые уровни. Термин «национальные интересы» дополнен основополагающим положением Конституции Республики Беларусь об общественном согласии, незыблемости устоев народовластия и правового государства. В связи с изменениями на мировой арене были выделены новые тенденции, оказывающие значительное влияние как на качественное состояние общества, так и на внутри- и внешнегосударственные процессы. В проекте Концепции выделены, в частности, вопросы биологической безопасности. Расширен и конкретизирован перечень основных направлений внутренних и внешних угроз.

Государство все больше заинтересовано в диалоге: проведении социологических опросов с целью приложения совместных усилий личности, общества, государства для обеспечения национальной безопасности. Именно поэтому ставятся задачи по дальнейшему совершенствованию механизмов взаимодействия государства и общественных институтов, развитию человеческого потенциала, взаимной ответственности личности, общества и государства по обеспечению национальной безопасности. С этой целью было проведено обсуждение Концепции на общественных диалоговых площадках, вызвавшее живой интерес и отклик граждан. В процессе проведения диалоговых площадок большое количество государственных органов было вовлечено в процесс обсуждения проекта Концепции с населением, что, в частности, позволило внести предложение включить в число государственных органов, ответственных за обеспечение национальной безопасности Всебелорусское народное собрание (ВНС). Таким образом, в проекте Концепции дополнена структура системы обеспечения национальной безопасности за счет включения ВНС и возложении на него самых значимых полномочий: утверждение основных направлений внутренней и внешней политики, военной доктрины, рассмотрение в рамках компетенции иных вопросов, касающихся обеспечения национальной безопасности.

Более того, в связи с внесением изменений в Конституцию Республики Беларусь проект Концепции национальной безопасности должен утверждаться Всебелорусским народным собранием, в то время как ранее Концепция утверждалась Указом Президента Республики Беларусь. Концепция, согласно ст. 4 Указа Президента Республики Беларусь от 11.07.2021 № 14 разрабатывается Советом Безопасности Республики Беларусь. Кроме того, на высокий профессиональный уровень ее разработки указывает то, что согласно ст. 89 (2) Конституции Республики Беларусь, гл. 2 Закона Республики Беларусь от 7 февраля 2023 г. № 248-З в состав ВНС наряду с

представителями гражданского общества входят должностные лица и представители таких государственных органов, как Президент Республики Беларусь; Президент Республики Беларусь, прекративший исполнение своих полномочий в связи с истечением срока его пребывания в должности либо досрочно в случае его отставки; представители законодательной, исполнительной и судебной власти; представители местных Советов депутатов; (всего до 1200 человек).

Таким образом, 2/3 состава Всебелорусского народного собрания обладают достаточной компетенцией, что позволяет рассчитывать на высокий уровень обсуждения и принятия решения в рамках Концепции. Представители гражданского общества в лице политических партий и общественных объединений также принимают участие в обсуждении и высказывают свое мнение по наиболее важным вопросам общегосударственного значения, что способствует активному диалогу между государством и населением.

Лабоцкая А. А.

ПРАВО НА ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Лабоцкая Анна Александровна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь, labotskaya.anna@mail.ru.

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Масловская Т. С.

Право на осуществление инновационной деятельности прямо не провозглашено в Конституции Республики Беларусь, равно как и в Основных Законах государств – членов СНГ. Однако в ст. 4 Закона Республики Беларусь от 10.07.2012 г. «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности» закрепляются цель, основные задачи государственной инновационной политики: «создание благоприятных условий для осуществления инновационной деятельности...; создание благоприятных условий для доступа субъектов инновационной деятельности к... ресурсам, необходимым для осуществления инновационной деятельности».

В соответствии с вышеназванным законом субъектом инновационной деятельности выступает физическое лицо, в том числе индивидуальный предприниматель, или юридическое лицо, осуществляющие инновационную деятельность. В ходе анализа данных положений возникает закономерный вопрос: является ли право на осуществление инновационной деятельности физического лица исключительно правом гражданина либо также распространяется на иностранных граждан, лиц без гражданства? Обладает ли обычный гражданин правом на осуществление инновационной деятельности? Возможно ли закрепить в последующем конституционное право гражданина на осуществление данной деятельности и каковы будут последствия такого закрепления?

Важно отметить, что большую роль в развитии инновационного потенциала государства играют люди, которые официально не занимаются инновационной деятельностью и могут даже не догадываться, что имеют

с этим дело. Примером могут служить математики, физики, инженеры, которые разрабатывают в личных интересах собственные проекты, а ведь именно такой слой населения и является основополагающим в развитии инновационной деятельности государства.

Основным аргументом необходимости закрепления права на осуществление инновационной деятельности в Конституции Республики Беларусь в настоящее время являются значительные изменения в социально-экономической сфере общества. Реализация инновационной политики оказывает влияние на общество и влечет за собой правовые последствия. Для современной Беларуси в решении данного вопроса будет необходима прочная правовая база. Возможно переложить ответственность на отраслевое законодательство страны, однако нести такое бремя и регулировать многообразие общественных отношений, которые постоянно возникают и развиваются, будет невозможно. Такое положение порождает необходимость включения в Основной Закон норм, усиливающих значимость инновационной отрасли в жизни белорусского общества, создающих основу для дальнейшего развития инновационного сектора в стране.

Особую роль в качественной реализации инноваций играет возможное включение в Конституцию права гражданина на инновации. Согласно ст. 21 Конституции Республики Беларусь «обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь является высшей целью государства... Каждый должен проявлять социальную ответственность, вносить посильный вклад в развитие общества и государства...».

Закрепленные в Основном Законе права и свободы граждан трактуются как обязательство государства их обеспечения и охраны. Данные нормы играют значимую роль во взаимоотношениях личности и государства, поскольку определяют пределы власти государства над личностью. В то же время они являются точкой отсчета для реализации направлений деятельности как государства, так и гражданина.

На основе вышеизложенного представляется возможным закрепить в разделе 2 Конституции Республики Беларусь права на осуществление инновационной деятельности. Это, во-первых, уточнит роль человека как субъекта инновационной деятельности, во-вторых, будет способствовать формированию единого понимания смысла инновационной деятельности. Учитывая, что инновации расширяют правоспособность всех граждан Республики Беларусь, можно сделать вывод, что данное право позволит всем гражданам заниматься подходящей им отраслью инновационной деятельности. В соответствующей статье Конституции впоследствии будет закреплено не только само правомочие, но и определенные гарантии его осуществления. Это, в свою очередь, повлечет за собой разработку определенных способов защиты данного права.

Лейчинская Т. И.
ИДЕОЛОГИЯ В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ
И ПРАВО НА ИДЕОЛОГИЮ

*Лейчинская Татьяна Игоревна, учащаяся 2 курса Юридического колледжа
Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
college@bsu.by*

Научный руководитель: преподаватель Балицевич-Рында Л. Н.

В результате конституционной реформы, проведенной в 2022 г., в Конституции Республики Беларусь получила закрепление норма об идеологии белорусского государства. Так, ч. 1 ст. 4 Конституции гласит: «Демократия в Республике Беларусь осуществляется на основе идеологии белорусского государства, а также многообразия политических институтов и мнений». Идеология – это социально-философская категория. Под ней обычно понимают систему идей, взглядов, представлений, чувств и верований о целях развития общества и человека, а также средствах и путях достижения этих целей, которые отражаются в ценностных ориентациях, убеждениях, волевых актах, побуждают людей в своих действиях стремиться к поставленным целям.

В прежней редакции ч. 1 ст. 4 Конституции закрепляла: «Демократия в Республике Беларусь осуществляется на основе многообразия политических институтов, идеологий и мнений». Значит ли это, что до 2022 г. в Беларуси не было идеологии белорусского государства? Полагаем, нет. Идеология в белорусском государстве существовала и до конституционных изменений 2022 г. Не было ее прямого закрепления, однако в ряде статей Конституции, в частности, в ст. 2, 3, 6, 7 сформулированы именно те конституционные ценности, которые являются основой построения белорусского государства, фактически его идеологической основой: человек, его права, свободы и гарантии являются высшей ценностью и целью общества и государства; принцип народовластия (ст. 3), принцип верховенства права (ст. 7), принцип разделения властей (ст. 6 Конституции) и др.

Конституционные ценности, составляющие идеологическую основу белорусского государства, отражены и в преамбуле нашей Конституции: сохранение национальной самобытности и суверенитета, культурные и духовные традиции, мир и гражданское согласие, благополучие граждан и другие. В целом Конституция, являясь Основным Законом, выполняет и важнейшую идеологическую функцию. Именно на уровне конституционного регулирования закладываются основы политической системы государства, составной частью которых является форма правления, политический режим, государственная идеология. Конституционно-правовая идеология влияет на правосознание человека в государстве через призму конституционных ценностей, принципов, идей, соответственно, на формирование его собственных взглядов, представлений, мнений.

Интересно отметить, что в ряде стран имеется противоположная конституционная позиция относительно идеологии государства или государственной идеологии. К примеру, в Российской Федерации никакая

идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной (ст. 13 Конституции РФ). Эта статья в российскую конституцию пришла на смену ст. 6 Конституции СССР о «КПСС как о руководящей и направляющей силе, ядре политической системы». Тогда в СССР государственная идеология подразумевала определенную политическую систему, значимыми элементами которой были партийные ячейки КПСС, комсомол, пионеры и октябрята. В современных российских реалиях появился немалый круг сторонников снова закрепить государственную идеологию в Конституции или хотя бы отразить ее в отдельном документе, другие же видят в этом угрозу демократии.

В новой редакции ст. 4 Конституции Республики Беларусь напрямую не указывается на обязательность и исключительность идеологии белорусского государства, наряду с ней основой демократии по-прежнему провозглашается многообразие политических институтов и мнений.

Можно предположить, что идеология политических партий, общественных объединений может отличаться от идеологии белорусского государства. В данном случае раскрывается принцип политического плюрализма – основы демократического государства. Часть 2 ст. 4 Конституции гласит, что идеологии отдельных социальных групп, партий, организаций не могут устанавливаться в качестве обязательной для граждан. Значит, эти группы могут иметь свою идеологию, т. е. за человеком, гражданином признается право на идеологию.

Отметим, что в прежней редакции рассматриваемой статьи в числе основ демократии называлось и многообразие идеологий, а в новой редакции эти слова исключены. Таким образом, положения ч. 1 и ч. 2 ст. 4 в новой редакции Конституции, на наш взгляд, имеют противоречие.

Важно, чтобы идеология белорусского государства как основа реализации демократии основывалась на правах и свободах человека, гарантии их реализации.

Лысенко В. С.

ПОНЯТИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Лысенко Вероника Сергеевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, lysenko_veronika@inbox.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шавцова А. В.

Информационные технологии стремительно вошли в нашу жизнь, стремясь урегулировать проблемы во всех областях человеческой деятельности. Они качественно изменили работу многих институтов, в том числе и политических. Так, государство, являясь центральным, интегрирующим общество политическим институтом, оказалось под влиянием информационных технологий, в связи с чем возникает необходимость переосмысления теории и практики внедрения таких технологий.

В последние годы правительства большинства стран мира начали внедрять информационные и информационно-коммуникационные технологии с целью повышения эффективности работы государственного аппарата, вкладывая это в смысл понятия электронного правительства.

Отметим, что государственное управление осуществляется путем целенаправленного воздействия государства на общественные процессы и явления. Необходимость государственного управления вытекает из потребности обеспечения реализации политики государства. В условиях цифровизации органов государственного управления, в частности Правительства Республики Беларусь, необходимо сохранять статус правового государства, чтобы внедряемые технологии служили для формирования дополнительных правовых гарантий, а также расширения прав человека и гражданина.

Употребляя термин «электронное правительство», мы говорим о новой, прогрессивной форме организации деятельности государственной власти, которую не стоит рассматривать как аналог либо дополнение традиционного правительства. Электронное правительство объединяет в себе одновременно множество взаимосвязанных инструментов осуществления государственной власти в особом формате: системы электронного голосования, электронных государственных услуг, электронных административных процедур и другие механизмы, которые способствуют принятию эффективных государственно-управленческих решений, а также обеспечивают прозрачность механизмов контроля за их реализацией со стороны граждан.

Таким образом, электронное правительство в Республике Беларусь представляет собой находящуюся в развитии с точки зрения правового регулирования и легального закрепления совокупность механизмов осуществления государственной власти посредством внедрения информационных технологий, главной целью которой является поддержание статуса правового государства, наделяя граждан реальной возможностью участия в обсуждении и принятии управленческих решений, а также реализации своих прав и свобод.

Мисюля В. О.

СОМАТИЧЕСКИЕ ПРАВА. ПРАВО НА СМЕРТЬ

Мисюля Владислав Олегович, студент 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, boss.misyulya@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шариун В. А.

Развитие общества, расширение прав человека и научный прогресс в области биологии, фармакологии, биоинженерии и трансплантологии позволили заговорить о новой группе личностных прав человека – соматических правах.

Соматические права – это совокупность прав человека, предусматривающих признанную обществом и государством возможность свободно и ответственно принимать юридически значимые решения в

отношении собственного тела при помощи достижений биологии, генетики, медицины и техники.

Право на смерть – возможность (свобода) человека сознательно и добровольно в выбранный им момент времени уйти из жизни избранным и доступным ему способом. Право на смерть – наиболее радикальная категория соматических прав, правомочие, после реализации которого обращение к другим, в целом, не имеет смысла.

Право на смерть некоторые исследователи рассматривают как право, прямо вытекающее из права на жизнь. Другие считают, что право на смерть само по себе отменяет право на жизнь. Мы склонны согласиться с первым мнением, ведь если человек имеет право на жизнь, имеет право ею рисковать, имеет право и вовсе заниматься деятельностью, связанной с риском для жизни (военная служба, служба в органах внутренних дел и т. д.), то почему он не может и расстаться с ней по собственному желанию. Однако считаем, что право на смерть должно ограничиваться законодательством и применяться только в особых случаях, так как неограниченное право на смерть обесценивает жизнь человека, подрывает моральные устои общества.

Есть два способа добровольного ухода из жизни: эвтаназия и суицид.

Суицид рассматривать в контексте права на смерть нецелесообразно по вышеприведенным причинам, а также потому, что самоубийство как таковое противоречит традициям белорусского народа.

Согласно ст. 31 Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. «О здравоохранении» эвтаназия – удовлетворение просьбы пациента о прекращении жизнедеятельности его организма и наступлении смерти посредством каких-либо действий (бездействия) с целью избавления от мучительных страданий, вызванных неизлечимым заболеванием.

Эвтаназия бывает двух видов: активная и пассивная. В свою очередь пассивная подразделяется на добровольную и недобровольную.

Согласно той же ст. 31 Закона «О здравоохранении» эвтаназия в любых ее формах запрещена. Взамен ей создана сеть учреждений паллиативной помощи – хосписов, куда помещаются больные в терминальной стадии болезни. В хосписах созданы условия для облегчения участи больных.

Однако согласно ст. 44 пациент имеет право на отказ от простого и сложного медицинского вмешательства, соответственно, и на отказ от лечения, что по своей сути довольно близко к добровольной пассивной эвтаназии, однако ею не является. Что касается недобровольной пассивной эвтаназии, то согласно ст. 21 проведение реанимационных мероприятий пациенту, а также мероприятий по поддержанию жизни пациента прекращается после констатации его смерти.

На наш взгляд, необходимо на государственном уровне поддерживать дискуссию вокруг соматических прав в целом и вокруг права на смерть в частности. Необходимо дать ограниченный набор механизмов для безболезненного добровольного ухода из жизни совершеннолетнему пациенту. Однако все равно необходимо свести случаи эвтаназии к минимуму. Предлагаем обратиться к опыту законодательного регулирования эвтаназии

стран Запада, в которых разрешена эвтаназия. Однако перенимать этот опыт необходимо аккуратно, постепенно, с оглядкой на традиции Беларуси.

На наш взгляд, можно рассмотреть следующие предложения:

1. Дать возможность гражданам заранее отказаться от долгого поддержания их жизни в коме. Для этого необходимо дать возможность пациенту заполнить соответствующую форму. Это позволит избавить родственников от мучений, связанных с нахождением человека в коматозном состоянии.

2. Дать право на активную эвтаназию пациентам, которым по прогнозам нескольких экспертных групп жить осталось не более 6 месяцев. При этом пациент должен быть в ясном сознании и дать согласие несколько раз.

3. Предоставить право на эвтаназию психически больным в случае неизлечимости болезни, тяжелых физических страданий и отсутствия разумных альтернатив и желание самого больного. При этом должны дать согласие несколько экспертных групп и опекуны.

Для этого необходимо внести соответствующие изменения в статьи 20, 21, 31, 44 и 45 Закона «О здравоохранении».

Попович Е. В.

ЭКСТРАКОРПОРАЛЬНОЕ ОПЛОДОТВОРЕНИЕ: ЗА И ПРОТИВ

Попович Елизавета Владимировна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, p.elisaweta@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Киселёва Т. М.

Экстракорпоральное оплодотворение (далее – ЭКО) вошло в нашу жизнь 45 лет назад, когда появилась на свет в Великобритании в 1978 г. Луиза Джой Браун – первый человек, «зачатый в пробирке». После этого весь мир узнал о процедуре ЭКО и стал повсеместно применять данный метод по лечению бесплодия. Однако до сих пор ведутся бурные споры между сторонниками ЭКО и их противниками.

ЭКО в соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь от 7 января 2012 г. № 341-З «О вспомогательных репродуктивных технологиях» представляет собой вид вспомогательных репродуктивных технологий, заключающийся в соединении сперматозоида и яйцеклетки вне организма женщины, развитии образовавшегося в результате этого соединения эмбриона и дальнейшем переносе данного эмбриона в матку.

Применение ЭКО в нашей стране ограничено. Так, данный вид ВРТ допускается только в отношении совершеннолетних, полностью дееспособных лиц, которые прошли медицинский осмотр, имеющих медицинские показания и не имеющих медицинских противопоказаний к применению ЭКО. ЭКО не применяется в отношении пациентки, достигшей 50 лет. Применение методики ЭКО осуществляется организациями здравоохранения, имеющими специальное разрешение, выдаваемое в порядке, предусмотренном законодательством о лицензировании.

Применение данной методики осуществляется медицинскими работниками организаций здравоохранения на основании клинических протоколов, утверждаемых Министерством здравоохранения Республики Беларусь.

Следует отметить, что за первое полугодие 2023 г. в нашей стране бесплатно выполнено 1006 циклов ЭКО, результатом которых стало 410 беременностей. В настоящее время белорусское законодательство гарантирует проведение одной бесплатной попытки ЭКО в государственных учреждениях здравоохранения. В 2021 г. таких процедур на бесплатной основе в стране было выполнено 885, а в 2022 г. – 1887. Затраты бюджета на каждую такую попытку составляют порядка 12 млн рублей. Эффективность в 2022 г. оценивалась Минздравом в 35 %. В 2023 г. она уже превышает 40 %.

Отдельно следует остановиться на вопросе преимуществ и недостатков ЭКО. Так, преимущества следующие: в результате данной ВРТ матерью может стать женщина, которая имеет или врожденные, или приобретенные нарушения половой системы; на протяжении всей беременности женщина наблюдается у врача, что помогает на раннем сроке заметить какие-либо проблемы, отклонения или аномалии развития эмбриона и устранить их; если говорить о женщинах в возрасте от 40 до 50 лет, то их шансы на беременность путем ЭКО увеличиваются, если зачатие естественным путем невозможно по каким-либо причинам; рассмотрев мнения разных ученых, следует упомянуть, что существуют взгляды о том, что такие дети интеллектуально более развиты; родители малыша уделяют ему максимум своего внимания, заботятся о таких детях должным образом, именно поэтому такие долгожданные дети растут в хорошей обстановке.

Среди недостатков ЭКО можно выделить следующие: главный из них – риск развития синдрома гиперстимуляции яичников (вероятность 1,2 %), соответственно, неправильный подбор дозировки приводит к увеличению размера яичников, болевым ощущениям, накоплению жидкости в брюшной полости, проблемам с пищеварением и повышению температуры; существует вероятность наступления внематочной беременности; прием медикаментозных препаратов может вызвать сбои в работе органов ЖКТ, печени, а также аллергические реакции и другие нарушения в организме женщины; также не исключено развитие пороков у ребенка, причины этого явления пока не выявлены, нужны дополнительные исследования, на ребенка может влиять как сама процедура ЭКО, так и препараты, которые принимает женщина; существует вероятность многоплодной беременности (25 %), но многие пары относятся к этому положительно; не все относятся к ЭКО положительно по религиозным или этическим соображениям; важным аспектом является неспособность будущих родителей оплатить данную процедуру, что может создавать неравенство в доступе к лечению бесплодия.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что ЭКО имеет свои преимущества и недостатки, и решение о его проведении должно быть принято индивидуально каждой парой. Несмотря на риски и финансовые затраты, ЭКО является одним из способов реализации конституционного права на семью, рождение и воспитания ребенка.

Прохоревич С. В.
КОНСТИТУЦИОННАЯ ЖАЛОБА КАК ОСОБАЯ ФОРМА
ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

*Прохоревич Софья Владимировна, студентка 2 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
prohorevichsofya@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Киселёва Т. М.

Система защиты прав человека включает в себя различные способы для обеспечения прав и свобод граждан, предотвращения дискриминации, борьбы со злоупотреблением властью государственными органами, укрепления международного сотрудничества.

Особое место в государственном механизме защиты прав человека занимает Конституционный Суд Республики Беларусь, который после референдума 2022 г. приобрел новое полномочие – рассмотрение конституционных жалоб.

Конституционная жалоба – это обращение физического лица или группы лиц, а также юридических лиц и иных организаций в Конституционный Суд Республики Беларусь о проверке конституционности определенного закона, нормативного акта или любого другого элемента законодательства, который, по их мнению, противоречит Конституции Республики Беларусь. Цель такой жалобы – защита прав и свобод человека и гражданина в соответствии с Основным Законом страны.

Подача конституционной жалобы может быть осуществлена гражданами, которые считают, что их конституционные права и свободы были нарушены. Жалоба должна быть направлена в письменной форме и содержать указание на конкретное нарушение конституционных норм.

Конституционный Суд рассматривает жалобы на основе представленных материалов и может принять решение о признании нарушения конституционных прав и свобод, а также о необходимости принятия мер по их защите. Решение Конституционного Суда является обязательным для исполнения и не подлежит пересмотру.

Конституционная жалоба включает в себя обращение граждан в Конституционный Суд в связи с пробелами в законодательстве, а также норм, которые не дают возможности гражданам реализовывать свои права и обязанности.

Однако следует отметить, что направление конституционной жалобы связано с рядом ограничений. В первую очередь, Конституционный Суд уполномочен проверять только конституционность законов, на основе которых были приняты решения, по мнению граждан, нарушающие их конституционные права и свободы. Во-вторых, законодательство закрепляет условие об исчерпании иных судебных форм защиты своих прав. И в-третьих, рассмотрение конституционной жалобы по существу будет осуществляться после уплаты государственной пошлины.

Установление соответствующих ограничений, с одной стороны является препятствием для подачи необоснованных конституционных жалоб, а с другой – создает определенные ограничения для защиты прав граждан. К примеру, если решение суда было вынесено на основе норм подзаконных актов, то гражданин не сможет реализовать свое право на обращение в Конституционный Суд с конституционной жалобой, хотя фактически соответствующий подзаконный акт может противоречить Основному Закону.

Спорным также является правило о рассмотрении конституционных жалоб без участия заявителя. Безусловно, гражданин не может предоставить новые сведения для решения вопроса о конституционности закона. Но личное участие граждан в осуществлении конституционного правосудия стало бы значимой мерой по повышению правовой культуры среди населения.

Таким образом, конституционная жалоба имеет важное значение для развития правовой системы и укрепления государственной правовой демократии. Она способствует установлению принципов верховенства Конституции, законности и справедливости, а также контролю за соблюдением конституционных норм и принципов.

Однако, несмотря на все преимущества конституционной жалобы, ее эффективность и доступность могут быть ограничены различными факторами, такими как сложность процедуры подачи жалобы, недостаток правовой осведомленности у граждан и недостаточная независимость органов конституционной юрисдикции. По этой причине для эффективной защиты прав человека необходимо совершенствование процедуры конституционной жалобы и создание условий для ее максимальной доступности и эффективности.

Саевич А. П.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КОРОЛЕВСТВА ДАНИЯ

Саевич Артём Павлович, студент 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, artiom.saevich.77@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Масловская Т. С.

Местное самоуправление является неотъемлемой частью демократического устройства государства. Определенный интерес представляет датский опыт местного самоуправления, поскольку существование системы органов местного самоуправления является давней традицией истории публичной власти Дании.

Дания представляет собой централизованное унитарное государство со столицей в Копенгагене. Выделяют три административно-территориальных уровня управления: центральный, региональный и муниципальный. Основы местного самоуправления находят свое отражение в ст. 82 Конституции Королевства Дания 1953 г., хотя в ней нет указаний на то, как оно должно

быть организовано. Местные и региональные органы несут ответственность за вопросы, находящиеся в компетенции местных властей. Между регионами и муниципалитетами нет иерархии или строгой подчиненности, что выступает особенностью. Базовым уровнем территориальной организации является коммуна. Вопросы местного значения решаются муниципальными советами, численный состав которого должен быть нечетным от 13 до 31 членов. В рамках структуры организации муниципальный совет несет общую политическую ответственность и отвечает за общее стратегическое руководство, тогда как реальные профессиональные решения принимаются в основном комитетами.

На этом уровне существуют лишь органы самоуправления, состоящие из представительного уровня – совета коммуны и бургомистра, назначаемого советом, и руководящего работой совета, и муниципальной администрации.

Выборы в совет проходят раз в четыре года одновременно по всей стране в тот же день, что и выборы в Фолькетинг – Парламент Королевства Дания. Местные выборы осуществляются на основе пропорциональной системы. Кроме совершеннолетних датских граждан, постоянно проживающих в коммуне, обладающих избирательным правом и не совершивших уголовных преступлений, делающих невозможным избрание такого человека в местные органы самоуправления, правом голоса обладают иностранцы – граждане стран Европейского союза, Исландии, Норвегии, Фарерских островов и Гренландии, проживающие на территории коммуны не менее трех лет, что также является особенностью данной модели.

Таким образом, среди особенностей избирательного процесса в Королевстве Дания можно выделить систему пропорционального представительства в местных советах, т. е. избиратель на выборах обладает одним голосом, но этот голос подается не за конкретных кандидатов, а за список партии в целом. Еще одной особенностью является единый день голосования в Фолькетинг, 5 региональных советов, Копенгаген и местные советы.

Деятельность муниципалитетов регламентируется Законом Королевства Дания «О местном самоуправлении» 1970 г. (далее – закон). Каждый муниципалитет определяет свою структуру управления и организацию различных департаментов и подразделений.

Деятельность совета осуществляется прежде всего через комитеты, которым он делегирует большую часть своих полномочий, и которые принимают решения от его имени. Количество, характер деятельности и состав комитетов определяется советом самостоятельно при разработке Положения о муниципальном совете. Закон требует, чтобы был образован финансовый комитет и по крайней мере один постоянный комитет. Так, в каждом муниципалитете имеется отдел для решения актуальных задач и коммуникаций с общественностью – аналог службы «Одно окно».

Законом на коммуны возложены функции по социальному обеспечению; общему образованию; планированию; здравоохранению; деятельности коммунальных служб и гражданской обороны. Кроме того, многие коммуны

выполняют большой объем добровольных функций и услуг, в том числе по поддержке объектов культуры и организации отдыха населения.

Считаем важным отметить существенные положительные аспекты, отличающие местное самоуправление Королевства Дания:

- укрепление децентрализации муниципального сектора за счет передачи полномочий по разработке и утверждению местных бюджетов, разработки структуры органов местного самоуправления;
- более высокий профессиональный уровень выполнения полномочий за счет вовлечения гражданского общества как в состав выборных органов, так и в обсуждения и принятие решений самоуправлений;
- лучшая защита интересов местного населения;
- возможность создания новых рабочих мест и более благоприятных условий труда;
- социальная направленность деятельности органов местного самоуправления в Королевстве Дания;
- местное самоуправление – важный институт государственного управления и, одновременно, гражданского общества.

Штрапов Д. А.

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ ВЫСШЕГО СУДЕБНОГО СОВЕТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Штрапов Данила Александрович, студент 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, danila.shtrapov@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Масловская Т. С.

Одним из концептуальных положений Конституции Республики Беларусь 1994 г. выступает провозглашение Беларуси правовым государством. Важнейшей предпосылкой создания и поддержания правового государства, как отмечает абсолютное большинство ученых-правоведов, практиков, политических и общественных деятелей, национальных и международных организаций, является создание независимой судебной системы.

Обеспечение независимости суда выражается в создании определенной системы правоотношений, гарантирующих защиту осуществления правосудия от незаконного вмешательства. В современном мире используются различные модели таких систем. Одной из используемых моделей обеспечения независимости правосудия является введение институтов Высших Судебных советов.

В силу того, что институт Высшего Судебного совета в зарубежных странах показывает высокую эффективность гарантирования независимости судебной власти, считаем целесообразным обратиться к вопросу о возможности создания такого органа в Республике Беларусь и исследовать пути совершенствования национального законодательства в случае его введения.

В первую очередь на основе анализа текста Конституции Республики Беларусь необходимо определить, допустимо ли введение указанного органа без внесения изменений и дополнений в Основной Закон. На наш взгляд, это представляется возможным, учитывая следующие моменты. Согласно ч. 3 ст. 109 Конституции, судоустройство в Республике Беларусь определяется Конституцией и законом. В свою очередь ч. 2 ст. 111 гласит, что основания для избрания (назначения) судей на должности и их освобождения предусматриваются законом, т. е. Основной Закон позволяет на уровне закона определить основания назначения и освобождения судей судов общей юрисдикции. Это подтверждается и конституционным положением о том, что Президент Республики Беларусь назначает судей судов общей юрисдикции и освобождает их от должности по основаниям, предусмотренным законом, если иное не определено Конституцией (п. 10 ч. 1 ст. 84). Действующая редакция Конституции достаточно детально регламентирует порядок назначения судей Верховного Суда и Конституционного Суда, вверяя это полномочие Всебелорусскому народному собранию и определяя субъекта, предлагающего кандидатуры на эти должности. Назначение же судей районного и областного уровней детально регламентировано законом.

Таким образом, для создания Высшего Судебного совета необходимо изменение законов Республики Беларусь, главным образом – Кодекса о судоустройстве и статусе судей (далее – КоСиСС, Кодекс). Это возможно путем введения в Кодекс главы 1¹ «Высший Судебный совет Республики Беларусь», которая закрепит понятие, компетенцию, порядок формирования и основы организации и деятельности данного органа.

В предлагаемой нами модели Высший Судебный совет Республики Беларусь – государственный орган, обеспечивающий независимость судебной власти, содействующий Президенту Республики Беларусь в осуществлении его полномочий по назначению, освобождению, аттестации и продвижению судей по службе, привлекающий судей к дисциплинарной ответственности и осуществляющий иные функции, возложенные на него законодательством. Таким образом, Высший Судебный совет вберет в себя полномочия сразу нескольких субъектов: Председателя Верховного Суда (по представлению кандидатов для назначения на должность судьи), квалификационных коллегий судей (по аттестации судей) и конференций судей областных (Минского городского) судов и экономических судов областей (города Минска) (рассмотрение актуальных вопросов работы судебной системы).

В состав Высшего Судебного совета должны войти, по нашему мнению, представители Конституционного и Верховного судов, других судов общей юрисдикции, органов прокуратуры, адвокатского сообщества, научного сообщества и учреждений высшего образования юридического профиля; также определенное количество членов будет назначаться (избираться) Президентом и Всебелорусским народным собранием; Председатель Верховного Суда и Председатель Конституционного Суда будут входить

в состав Совета по должности. На наш взгляд, такой состав и порядок формирования позволят, с одной стороны, создать репрезентативный орган, состоящий из юристов широкого профиля и различных сфер деятельности, а с другой – сохранить присутствие членов судейского сообщества и обеспечить тем самым независимость судебной власти. Разумным представляется рассмотрение вопроса о структурных подразделениях Совета. Так, в перспективе возможно создание специализированных комиссий: экзаменационной, аттестационной, дисциплинарной и т. п.

Таким образом, Высший Судебный совет Республики Беларусь в перспективе при его создании может стать эффективным гарантом независимости судебной власти.

Юневич В. С.
ПРАВО НА СЧАСТЬЕ

*Юневич Варвара Сергеевна, учащаяся 3 курса Юридического колледжа
Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
junevich21@gmail.com*

Научный руководитель: преподаватель Балицевич-Рында Л. Н.

Человек в течение своей жизни, как правило, стремится к обретению полного счастья. Но что же это такое? Согласно с мнением, что счастье – состояние человека, которое соответствует наибольшей внутренней удовлетворенности условиями своей жизни, осуществлению своего человеческого призвания, самореализации.

Определения счастья отличаются у философов, социологов, психологов, есть и экономическое обоснование счастья человека. Полагаем, для права данное понятие также имеет существенное значение, хотя непосредственно в нормах права оно не раскрывается.

Казалось бы, каждый из нас может быть счастливым, т. е. каждый имеет право на счастье. Для многих это является общепринятой истиной, но есть ли закрепление этого права в законе? Прямой формулировки «право на счастье» не было найдено нами ни одним в нормативном правовом акте как международного, так и национального законодательства.

Однако существует немного другое понятие «право на стремление к счастью». Его закрепила Декларация Независимости Соединенных Штатов Америки 1776 г.: «Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью». По мнению ряда ученых, здесь право на «стремление» к счастью подразумевает создание правительством условий, которые позволяют самому человеку обеспечить себя всем в зависимости от собственного понимания счастья.

В некоторых источниках слово «стремление» опускается, что вызывает много критических суждений. Равносильны ли понятия «право на стремление

к счастью» и «право на счастье»? На наш взгляд, право на жизнь является более субъективным правом, а вот право на стремление к счастью является конкретизацией права на жизнь. В большинстве случаев под правом на стремление к счастью подразумевается создание государством условий, которые позволяют самому человеку обеспечить себя всем необходимым для его базового существования.

В ст. 10 Конституции Республики Корея сказано: «Все граждане имеют человеческую ценность и достоинство, а также право на достижение личного счастья». В Конституции Республики Беларусь нет прямого указания на «право на счастье», но ст. 2 гласит: «Человек, его права и свободы являются высшей целью и ценностью общества и государства». Полагаем, не вызывает сомнения утверждение, что одной из важных целей человека является достижение состояния счастья. Эту идею также поддерживают Аристотель, Фейербах, а также Платон.

Можно сделать вывод, что реализация человеком своих прав и свобод – это одно из необходимых условий достижения счастья. Можно ли утверждать, что у человека есть право на счастье? На наш взгляд, право на счастье следует отнести к системе всеобщих, универсальных, неотъемлемых прав человека, признаваемых и защищаемых на международном уровне.

Счастье носит субъективный характер, субъект, обладающим этим достижением – человек. В отношении коллективных субъектов (к примеру, народ, государство) данное понятие, на наш взгляд, применяется условно по причине того, что уровень счастья этих субъектов будет повышаться одновременно с экономическими показателями.

Также считаем, что право на счастье – это скорее свобода быть счастливым. Права человека часто рассматриваются как притязания человека на определенные блага, в том числе обеспечиваемые со стороны государства, а свободы человека предполагают, наоборот, возможность их реализации без вмешательства или излишних ограничений со стороны государства.

На наш взгляд, свобода быть счастливым, право на свободу достижения счастья предполагает возможность человека поступать, действовать, самовыражаться таким образом, чтобы получать наибольшую внутреннюю удовлетворенность от своей жизни и своих же действий.

Иными словами, реализация права на счастье прежде всего предполагает свободный и разнообразный выбор путей его достижения в допустимых правовых границах. И как отметил Далай Лама: «Счастье – это не что-то готовое. Оно происходит от ваших собственных действий».

Адамич У. И.

ПАТРИОТИЗМ – КОНСТИТУЦИОННЫЙ ДОЛГ КАЖДОГО

Адамич Ульяна Игоревна, студентка 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, law.adamichUI@bsu.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Синицына А. М.

В 2020 г. Институтом социологии НАН Беларуси был проведен опрос населения от 18 лет, темой которого являлись вопросы патриотизма и исторического прошлого нашей страны. Результаты опроса дают нам понять, что Беларусь для большинства граждан, независимо от их статуса, является самой главной ценностью, которая способствует построению счастливого будущего нашей страны.

После референдума 27 февраля 2022 г. Конституция Республики Беларусь (далее – Конституция) была дополнена положениями, которые утверждают патриотизм как конституционный долг каждого гражданина Беларуси. Конституционный долг имеет формальное внешнее выражение и требует от граждан совершения общественно полезных действий в интересах общества и государства.

Можно констатировать, что по результатам референдума на конституционном уровне патриотизм утвердился как составляющая идеологии белорусского государства. Данный тезис подтверждается положениями Концепции правовой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196 (далее – Концепция), которая называет патриотизм в качестве одного из идеологических императивов правовой политики на современном этапе. Таким образом, прослеживается тесная взаимосвязь и созависимость ст. 54 и ч. 1 ст. 4 Конституции, указывающих на укрепление отчизнолюбия в идеологическом обосновании государственного интереса и безопасности.

Концепция также определяет содержательное значение патриотизма, под которым понимается способность ставить государственные интересы выше личных, стремление сохранять и развивать свою страну, ее традиции, культуру, готовность гражданина защищать интересы государства, его конституционный строй и территориальную целостность.

В Концепции отмечается, что патриотизм тесно связан с национально-государственным самосознанием и самоуважением народа, что находит проявление через: защиту Родины как священного долга каждого гражданина Республики Беларусь; сохранение исторического прошлого страны и в первую очередь исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны; воспитание у подрастающего поколения гордости за свою страну, за исторические свершения белорусского народа; трудовые, спортивные, культурные и иные победы наших граждан во славу Беларуси и ее народа.

Из этого, на наш взгляд, вытекает главная черта белорусского патриотизма, закреплённая в ст. 57 Конституции: «Защита Республики Беларусь – обязанность и священный долг гражданина Республики Беларусь».

Патриотизм строится на основе слаженной работы общества и государства, а также формируется сохранением исторической памяти о героическом прошлом нашей страны. Так, в соответствии со ст. 4 Закона Республики Беларусь от 14 февраля 2023 г. № 250-З «Об основах гражданского общества» одними из основных задач взаимодействия государственных органов (организаций) и гражданского общества являются повышение гражданского самосознания, политической культуры и социальной ответственности граждан; участие в духовно-нравственном и патриотическом воспитании граждан, основанном на культурных и духовных традициях, сохранении исторической правды и памяти белорусского народа.

Такое взаимодействие будет осуществлять и Всебелорусского народное собрание (далее – ВНС) как высший представительный орган народовластия, определяющий стратегические направления развития общества и государства, обеспечивающий незыблемость конституционного строя, преемственность поколений и гражданское согласие. Это говорит о том, что ВНС позволяет объединиться гражданам для решения каких-либо проблем, утверждения внутренней и внешней политики, концепции национальной безопасности и т. д. На наш взгляд, это и есть подтверждение связи демократии и патриотизма как конституционного долга каждого.

Объектами патриотизма являются Родина, Человек и его интересы, поскольку человек является высшей ценностью.

Таким образом, патриотизм – это конституционный долг гражданина Республики Беларусь, в соответствии с которым каждый человек пытается максимально достойно проявить себя по отношению к Отечеству и человеку, он проявляется в привязанности своей Родине, в готовности в любой момент стать на защиту своего Отечества и тесно связан с демократическими и идеологическими началами нашего государства.

Вологжанинов Д. А.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАВА ГРАЖДАН В УСЛОВИЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

*Вологжанинов Данила Алексеевич, студент 4 курса Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия,
vda271001@ya.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Маркова Е. Н.

Потенциальную силу искусственного интеллекта (далее – ИИ) сравнивают с ядерной энергией, использовать которую можно как для добычи энергии на АЭС, так и в качестве оружия массового поражения. Именно такие отличительные особенности ИИ в настоящее время, как неопределённость, неясность и противоречивость ведут к дискуссиям и конфликтам на доктринальном и практическом уровнях.

Применение ИИ в обществе неминуемо отражается на характере и объеме прав человека и гражданина. Социальные права в силу своей сущности наиболее чувствительны к изменениям общественных отношений, которые провоцирует ИИ. Именно отсутствие правовой конвенциональности, экспансивный и неопределенный характер ИИ, а также внедрение ИИ во все сферы общества выражает основную актуальность данной проблемы.

В настоящий момент можно выделить общие тренды воздействия ИИ, которые отражаются на правах граждан: способствование развитию персонифицированного и индивидуального подхода, повышение доступности услуг, автоматизация работы и процессов, формирование гибридных форм, глобализация процессов и др.

Так, трудовые права в условиях развития AI-систем имеют как ущемление (например, гипотетическая массовая безработица), так и поддержку (например, появление новых востребованных профессий), ведь, с одной стороны, работодатель заинтересован в замещении труда человека использованием потенциала ИИ-системы, но с другой – обслуживание ИИ в самом широком смысле этого слова требует немало квалифицированных кадров. Государству, в свою очередь, следует для предотвращения угроз, связанных с влиянием ИИ на трудовые права, применять политику управления человеческими ресурсами в целях предотвращения безработицы.

Право на социальное обеспечение в условиях цифрового общества и внедрения ИИ в большей степени имеет позитивные изменения. Так, ИИ обеспечивает повышение качества обслуживания (например, чат-боты с ИИ), автоматизирует внутренние процессы обработки данных, развивает электронное правительство, оказывающее широкий спектр услуг, участвует в функционировании программ, нацеленных на поддержку инвалидов.

Право на оказание медицинской помощи и охрану здоровья в условиях ИИ имеет наглядное преимущество, обеспечивающее реализацию данного социального права. ИИ способствует модернизации всей системы здравоохранения, эффективно участвует в разработке лекарств, позволяет вывести на качественно новый уровень персонализированную медицину, обеспечивает реализацию практики селф-трекинга, проводит сложные хирургические вмешательства и многое другое.

В сфере образования ИИ также имеет большое значение. Так, конституционное право на образование получает дополнительные гарантии в виде индивидуализации процесса образования и адаптивного обучения, использовании ИИ-программ в образовательных технологиях как для обучающихся, так и для учителей, широких инновационных возможностей ИИ в инклюзивном образовании.

Стоит отметить также риски и угрозы для вышеперечисленных конституционных социальных прав, которые несет ИИ: манипулирование персональными данными (например, в сфере здравоохранения это может стоить жизни человека), риск киберугроз (как случайных, так и преднамеренных), являющийся одним из самых опасных для института прав человека, экономической системы и социальной жизни, угроза трансформации отдельных

сфер общества при невозможности своевременной адаптации к таким изменениям, а также психологическое напряжение в условиях неоднозначности изменений, которое может отразиться на уровне законности в обществе и нормальном функционировании деятельности человека в отдельных сферах.

С точки зрения права, как уже отмечалось, в международном сообществе на данный момент отсутствует конвенциональное, единое определение ИИ, его статуса, соответствующего правового режима, разработанного законодательства, даже на уровне национального права не имеется достаточного количества прецедентов системного правового регулирования ИИ, что, несомненно, несет правовую неопределенность и угрозу правам человека.

В заключение отметим, что государственное регулирование социальных прав как элемента социального государства в условиях использования ИИ в России и зарубежных государствах требует своевременной правовой трансформации для обеспечения государственных гарантий этих прав. Именно от грамотной государственной политики, учитывающей реальные и потенциальные риски и угрозы, которые несет ИИ, одновременно с развитием связанных с ним преимуществ, будет зависеть и эволюционирование института социальных прав, которое только обогатит и качественно улучшит правовую природу данного комплекса конституционных прав.

Ермолаев В. О.

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МЕСТНОЙ ВЛАСТЕЙ
В ЕДИНОЙ СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Ермолаев Владислав Олеговича, аспирант 2 года обучения Марийского государственного университета, г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл, Россия, ertolaev-91@inbox.ru

Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Михеева Т. Н.

Публичная власть стала складываться в Российской Федерации с момента выделения местного самоуправления в самостоятельный независимый уровень власти. Однако законодательное закрепление система публичной власти получила только с принятием конституционных изменений 2020 г. Она стала основой для построения единой системы взаимодействия государственной власти и местных властей в целях повышения благосостояния граждан государства.

С этого момента начался активный пересмотр положений о построении взаимодействия муниципальной и государственной властей и формирование новой модели местного самоуправления в Российской Федерации. Более заметен стал также постепенный отход от незыблемых конституционных положений ст. 12 Конституции Российской Федерации о самостоятельности местного самоуправления, которые фактически разделили местные и государственные органы власти на две отдельные системы. Таким образом,

законодателем была предпринята попытка создать основу для эффективного взаимодействия уровней публичной власти, способствовать усилению централизации и укреплению вертикали власти для повышения ее эффективности и устойчивости.

С одной стороны, это привело к значительным ограничениям самостоятельности местного самоуправления, к примеру, у государства теперь появились обширные возможности влияния на местные власти, в том числе на назначение должностных лиц местного самоуправления. А с другой стороны, это привело к тому, что сотрудничество государственной и местной власти стало более глубоким и эффективным. До конституционной реформы 2020 г. органы местного самоуправления полагались только на свои ресурсы, и были вынуждены искать пути разрешения вопросов местного значения и исполнения отдельных переданных государственной властью полномочий самостоятельно, с минимальным участием органов государственной власти, которым положения ст. 12 Конституции Российской Федерации не позволяли вмешиваться в дела местного самоуправления.

Однако и на сегодняшний день эти положения не утратили своего значения и потому ограничение самостоятельности местного самоуправления должно иметь четкие рамки, достаточные для построения эффективного сотрудничества с государственной властью. Ведь взаимодействие уровней публичной власти – двустороннее инициативное равное сотрудничество органов местной и государственной власти, направленное на достижение единой цели – повышения благосостояния народа. Глубина взаимодействия уровней публичной власти и спектр затрагиваемых вопросов таковы, что ни один из них не может в полной мере эффективно существовать без другого.

Взаимодействие властей может осуществляться в различных формах, при которых инициатива исходит как от государственной власти, так и от местного самоуправления, однако государственная власть обладает исключительными возможностями контроля за соблюдением законодательных актов и за исполнением передаваемых местным властям полномочий.

Введение понятия «публичная власть» в Конституции РФ не внесло принципиально новых форм или порядка взаимодействия органов власти, однако появились возможности для преодоления существующего искусственного разрыва во взаимодействии между органами государственной власти и местным самоуправлением.

Законодательство о публичной власти в настоящий момент продолжает активно развиваться. Был принят ряд нормативных правовых актов, которые урегулируют деятельность всех уровней государственной власти в рамках системы публичной власти. А в настоящее время продолжается разработка проекта фундаментального нормативного акта «Об основах местного самоуправления в единой системе публичной власти» в котором основываясь на положениях Федерального закона 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» должны быть отражены статус, цели задачи и функции местного самоуправления в единой системе публичной власти.

Таким образом, единая система публичной власти стала основой для преодоления противоречий государственной и муниципальной власти, укрепления вертикали власти, усиления централизации и формирования устойчивой системы управления, готовой к любым вызовам современности.

Марачева В. А.

ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ГРАЖДАНСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Марачева Валерия Александровна, аспирант кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, maracheva.valeria@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Маркова Е. Н.

В декабре 2021 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин внес Проект № 49269-8 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» в Государственную Думу, который вступит в силу 26.10.2023 и заменит ныне действующий закон.

Согласно законопроекту гражданство Российской Федерации приобретается в результате приема в гражданство или в результате признания гражданином РФ. В представленной редакции законопроекта существуют риски коррупции и последующего неправильного применения, так как на граждан бывшего СССР, постоянно проживающих на территории Российской Федерации до февраля 1992 г., будут одновременно распространяться нормы как п. 1 ч. 1 ст. 19 (приобретение гражданства в результате признания), так и п. 1 ч. 2 ст. 16 (приобретение гражданства в результате упрощенного приема), в которой сроки проживания на территории РФ не ограничены во времени.

Основания для приема в гражданство для иностранных граждан и лиц без гражданства, состоящих в браке с гражданином РФ, подверглись изменению, заключающемуся в наличии у них общего ребенка. Введение данного положения направлено на предотвращение злоупотреблений путем заключения фиктивных браков. Однако на практике нельзя исключить возможность возникновения риска необоснованной дискриминации лиц, которые по каким-либо причинам не могут иметь общих детей.

В категории лиц, имеющих право на упрощенное приобретение гражданства, не включены инвесторы и квалифицированные специалисты, что исключает возможность использования упрощенного порядка для граждан дальнего зарубежья. В пояснительной записке исключение данной категории объясняется не востребованностью на практике данной категории. МВД, в свою очередь, это аргументирует тем, что решение о предоставлении гражданства не может приниматься лишь на основании формальных критериев без учета наличия реальной связи лица с государством, гражданство которого оно хочет получить. Данная аргументация выглядит

неубедительной и лишает таким образом граждан дальнего зарубежья уверенности в будущем и желания переехать в Россию.

Важным нововведением является возможность прекращения гражданства РФ в случае совершения лицом преступления, фактически данная норма оформляет сложившуюся практику отмены решений о приобретении гражданства РФ в связи с совершением преступления. Однако без учета положений ст. 24 законопроекта можно предположить, что п. 2 ч. 1 ст. 22 может быть применим ко всем гражданам РФ независимо от способа получения гражданства, что вступает в противоречие с положениями ч. 3 ст. 6 Конституции РФ, в которой устанавливается запрет на лишение гражданства РФ и при этом, не проводится различие в порядке приобретения гражданства: по рождению или путем натурализации.

Законопроект предусматривает срок в 10 лет, в течение которого не может быть принято решение о прекращении российского гражданства в связи с нарушениями, допущенными в процессе приобретения гражданства. Имеется обширная практика отмены решений о получении гражданства по прошествии 15 лет по причине предоставления недостоверной информации. Однако корректировок требует положение об установлении только факта предоставления ложных сведений, которые могли повлиять на принятие решения о приобретении гражданства, без оценки всех обстоятельств.

Незамедлительное вступление в силу решения о прекращении гражданства (с момента принятия такого решения) является определенной недоработкой законопроекта. С момента принятия такого решения лицо уже считается незаконно находящимся на территории России и вместо того, чтобы защищать свои права в суде, может быть привлечено к ответственности и выдворено за пределы государства.

Расширяется перечень преступлений, в связи с совершением которых может быть принято решение о прекращении гражданства, в частности, публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных сил РФ; самовольное оставление воинской части и др. Данные поправки обусловлены проводимой специальной военной операцией, но стоит отметить, что с другой стороны, данные поправки выглядят спорно, поскольку положения так актуальные на период проведения военных действий потеряют свое стратегическое значение в мирное время. По этим причинам данные положения выглядят нецелесообразными в тексте проекта нового закона, который будет действовать и в период мирного времени.

В целом проект представляет собой системное обобщение и уточнение положений законодательства, относящихся к приобретению и прекращению гражданства. Законопроект учитывает современные приоритеты и направления миграционной политики России на текущий период, однако не лишен определенных замечаний по формулированию некоторых положений и по отсутствию решения проблем, которые возникли на протяжении длительного времени в связи с применением положений действующего законодательства.

Михеева П. Д.

ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

*Михеева Полина Денисовна, студентка 2 курса Марийского
государственного университета, г. Йошкар-Ола, Россия,
polka.mikheeva19@gmail.com*

Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Михеев Д. С.

На одном из заседаний Государственного Совета Российской Федерации в 2022 г. Президент В. В. Путин подчеркнул, что молодежь будет определять будущее России, а молодежная политика стратегически важна для государства.

На сегодня среди россиян около 40 миллионов молодых людей в возрасте от 14 до 35 лет, составляющих большой ресурс государства. Логично, что такой «стратегический» вопрос должен бы получить урегулирование в Конституции России, закрепляющей все важнейшие для государства и общества институты.

Парадоксально, но в Основном Законе страны, которому в декабре исполняется 30 лет, до недавнего времени не было даже упоминания о такой части населения, как молодежь. При этом есть замечательные конституционные нормы о гарантиях прав «граждан», «детей», «родителей», «лиц старшего возраста». Однако в этом ряду оказалось, мягко говоря, пропущенным целое поколение. Это мы – студенты, молодые рабочие, инженеры, ученые, молодые семьи, военнослужащие – защитники Отечества.

Сравнительный анализ конституционного регулирования данной проблемы в европейских странах показал, что часть из них (10 из 48) включила в свои конституции нормы о создании особого правового режима для молодежи.

Ярким примером является Конституция Турецкой Республики, которая содержит специальную ст. 58 с характерным названием «Защита молодежи». Конституция Португальской Республики также имеет ст. 70, озаглавленную «Молодежь». Очень впечатляют в ней положения о том, что молодежь пользуется *особой защитой* в реализации своих экономических, социальных, культурных прав. При этом делается акцент на некоторых важных для каждого из молодых людей жизненных периодах: при приеме в первый раз на работу; в получении жилья и др.

Обращение к Конституции Республики Беларусь показывает, что уже при ее принятии в 1994 г. в ст. 32, посвященной семье, браку, детям, части 6 и 7 сосредоточили внимание на правах молодежи и гарантиях государства создавать необходимые условия для нее.

Обновленная в 2022 г. Конституция Беларуси пошла дальше и обособила правоотношения, связанные с молодежью, в специальной ст. 32.1, что является, по нашему мнению, значительным шагом вперед.

В Конституции России «молодежная тема» получила отражение после внесения поправок в 2020 г. впервые за историю всех Конституций, начиная

с советского периода. Так, в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов был закреплён *вопрос молодежной политики* (п. «е» ст. 72).

Эта скромная строчка в Основном Законе привлекла повышенное внимание к проблемам молодежи, получила стремительное развитие в формирующемся законодательстве и на практике. Особенно показательно, что:

- при Государственном Совете, возглавляемом Президентом РФ, была сформирована комиссия по молодежной политике. Ее председателем назначен губернатор Ямало-Ненецкого автономного округа 35-летний Дмитрий Артюхов;

- принят Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», в котором, кстати, предусматривается подготовка Доклада о положении молодежи в РФ (ст. 12);

- в исполнительных органах субъектов России созданы органы, отвечающие за молодежную политику. Например, в Республике Марий Эл – Комитет молодежной политики, заместителем председателя которого назначен выпускник нашего юрфака 24-летний Матвей Галютдинов;

- до 1 декабря 2023 г. должна быть разработана Стратегия реализации молодежной политики в Российской Федерации до 2030 года;

- принят Указ Президента РФ о проведении в Российской Федерации Всемирного фестиваля молодежи в феврале-марте 2024 г.

Такие активные преобразования в сфере молодежной политики, безусловно, радуют.

Между тем, ведущие отечественные конституционалисты, такие как М. И. Клеандров, С. А. Авакьян, поднимают вопрос о новой Конституции России, прогнозируют даже срок принятия – 2026 год. По этой причине самое время нам, молодым россиянам, высказать свои предложения. Представляется, что нормы о созидателях будущего должны получить в Основном Законе «прописку» как минимум в специальной статье с примерным названием «Развитие, поддержка и защита молодежи».

Закрепление на конституционном уровне молодежного потенциала – это вклад России в будущее, в ее становление сильной мировой державой.

Овсянкина А. П.

НАРУШЕНИЕ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА В СМИ: СУЩНОСТЬ И СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ

Анастасия Павловна Овсянкина, студентка 3 курса Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой, г. Новополоцк, Беларусь, 21pr1.ovsyankina.a@pdu.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шахновская И. В.

Понятия «честь» и «достоинство» носят комплексный характер, поскольку охраняются различными отраслями права, имеют различный механизм и объем правовой защиты.

Понятие чести связано с идеей справедливости и морали. Личность, которая придерживается моральных принципов и справедливости, вызывает уважение и поддержку окружающих. Достоинство – уважение и самоуважение человеческой личности как морально-нравственная категория.

В Республике Беларусь защита чести и достоинства является важной составляющей правовой системы. В соответствии с ч. 1 ст. 42 Закона Республики Беларусь «О средствах массовой информации»: «Физические лица вправе требовать от юридического лица, на которое возложены функции редакции средства массовой информации, или владельца интернет-ресурса опровержения распространенных сведений, если эти сведения не соответствуют действительности и порочат их честь, достоинство или деловую репутацию». Нарушение чести и достоинства в средствах массовой информации означает публикацию материалов, которые оскорбляют, унижают или в иных формах нарушают права и свободы личности и могут привести к негативным последствиям для репутации, бизнеса и профессиональной деятельности. Оно может выражаться в различных формах:

- в публикации ложных или необоснованных сведений о лице, комментариев или просто неверных данных, порочащих его репутацию и вызывающих неправомерное негативное отношение к нему со стороны общества;
- искажении фактов, манипуляции информацией, использовании нецензурной лексики;
- оскорблении, унижении и пренебрежительном отношении к личности в текстах, фото и видеоматериалах;
- нарушении прав личности на частную жизнь, например, посредством публикации личной переписки, фотографий и видео, которые не были согласованы с субъектом;
- использовании изображений и текстов о личности без ее разрешения и без компенсации за использование интеллектуальной собственности.

Рассмотрим основные способы защиты от нарушений чести и достоинства в СМИ.

1. Правовые методы защиты. Если физическое лицо считает, что его честь и достоинство были нарушены в СМИ, оно может подать в суд на издание, автора статьи либо журналиста.

В ст. 153 Гражданского кодекса Республики Беларусь установлено три обстоятельства, которые подлежат доказыванию для гражданско-правовой ответственности по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации: факт распространения сведений; факт несоответствия сведений действительности; порочащий характер этих сведений.

2. Альтернативное разрешение конфликтов. Опровержение, ответ, признание распространенных сведений не соответствующими действительности, компенсация морального вреда и возмещение убытков.

3. Саморегулирование в СМИ. Нарушение чести и достоинства в СМИ – это распространение ложной, компрометирующей информации о человеке, которая может причинить ему ущерб репутации, вызвать негативное

отношение общества и нарушить его права на личность. Важно помнить, что свобода слова не должна нарушать права и свободы других людей. Журналисты и авторы публикаций должны быть ответственны за свои слова и действия, не злоупотреблять своей властью и не нарушать этические нормы. Таким образом, уважение к человеку и его правам является ценностью, которая должна быть соблюдена во всех сферах жизни, в том числе и в масс-медиа и литературе.

Осипенко Д. А.

О ПРАВЕ НА ДОСТУП К ИНФОРМАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Осипенко Дарья Александровна, магистрант 2 курса Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, osipenkodaria010121@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук Маркова Е. Н.

В современном демократическом обществе одной из важнейших целей существования государства является повышение уровня доверия граждан к органам публичной власти, в том числе посредством реализации принципа прозрачности и открытости государственного управления. С учетом закрепленных в Конституции Российской Федерации взаимодополняющих друг друга положений, согласно которым каждый имеет право получать доступ к информации, а вместе с тем государственные органы обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с соответствующей информацией (ч. 4 ст. 29 и ч. 2 ст. 24 Конституции РФ), появляется единое обобщенное право на информацию. В условиях каждого правового порядка возникает правовая неопределенность с выявлением критериев отнесения отдельной информации как к полностью открытой, доступной для каждого, так и представляющей государственную значимость, закрытой, охраняемой законом информации, с целью соблюдения баланса публичных и частных интересов. Обязанность по урегулированию целиком и полностью относится к компетенции законодателя. Подобное государственное регулирование основывается на проведении процедуры выявления соразмерности ограничения в доступе к информации конституционно признаваемым целям. К непосредственному инструменту защиты прав каждого относится реализация процедуры обеспечения подотчетности властных институтов перед народом в условиях информационного века.

Так, в контексте проведения единой информационной политики общества государственные органы обеспечивают предоставление информации о своей деятельности, информируют о работе с обращениями граждан, о процессе формировании публичной отчетности государственных органов и об иной деятельности, однако, с учетом открытости данных, что и устанавливают в России Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» и Федеральный закон от

27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Под категорию открытых государственных данных подпадает информация, распределенная на «внутренней кухне» всех органов в вертикали власти и в дальнейшем размещенная на Интернет-сайте, который имеется у каждого органа в единой системе публичной власти РФ в отдельности. Речь идет об информационных системах на федеральном, субъектовом и муниципальном, таких как системы парламентской структуры (<http://duma.gov.ru>, <http://council.gov.ru>), федеральных органов исполнительной власти (например, <https://economy.gov.ru>, <https://digital.gov.ru/ru/>), президентской системы (<http://kremlin.ru>), администраций субъектов или муниципальных округов (<https://www.gov.spb.ru>, <https://adm-tver.ru>) и иные аналогичные системы. Одновременно развиваются специализированные Интернет-сайты по получению информации, такие как <http://pravo.gov.ru>, обеспечивающий официальное опубликование правовых актов, или как <https://regulation.gov.ru>, являющийся официальным сайтом для размещения информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения в рамках процедуры оценки регулирующего действия.

С одной стороны, наблюдается заметный рост публикуемой информации на создаваемых и развивающихся информационных сайтах, но, с другой стороны, вопрос возникает в качестве, полноте, достоверности и актуальности информации государственных органов.

Еще одна проблема раскрывается при реализации права на доступ к информации, по причине правовой неопределенности терминологического аппарата. Так, к примеру, границы отнесения к общественно значимой информации или социально значимой информации являются достаточно размытыми, что негативно влияет на обеспечения права на доступ к информации. Введение в российское законодательство дублирующих смысловых положений позволяет увеличивать силу государственного регулирования, выявляя новый рычаг воздействия на манипулирование трактования понятия «информация».

Тем временем, с учетом значимости общеизвестного правила в сбалансированном доступе к информации между частными и публичными интересами, где открытость информации не может быть абсолютной, а соразмерно необходимой и достаточной, государство, не оставляя за собой «карт-бланш» в действиях, имеет право регулировать сферу предоставления информации в строго очерченных «народом» границах, поскольку является арбитром во взаимоотношениях с гражданами.

Пашкевич М. С.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ТУНИСЕ И ЕГИПТЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

*Пашкевич Мария Сергеевна, студентка 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь, paskevic546@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Масловская Т. С.

«Арабская весна», начавшаяся в 2010 г., имела значительное влияние на политическую ситуацию в ряде арабских стран, включая Тунис и Египет. В результате этих событий в обоих государствах прошли конституционные реформы, результатом которых стало принятие новых конституций в 2014 г. Эти конституции представляют собой новые документы, отражающие происходящие демократические изменения в конституционном строе указанных государств.

Стоит учитывать, что после событий «Арабской весны» в Тунисе и Египте произошли некоторые изменения в области прав человека. Так, помимо принятия конституций, важными результатами в Тунисе выступает создание Национальной комиссии по борьбе с пытками, которая занимается мониторингом и предотвращением пыток, проведение реформ в области правосудия, направленных на борьбу с коррупцией, обеспечение справедливости в судебных процессах, присоединение к международным конвенциям по защите прав человека и др. Конституция Туниса, принятая в 2014 г. после революции, была одной из самых прогрессивных в регионе, устанавливая широкие гарантии прав и свобод граждан. В то же время Конституция Египта, принятая в 2014 г. после государственного переворота, устанавливает широкие возможности для правительства ограничивать свободы и права граждан. Она предусматривает возможность для правительства применять смертную казнь, запрещает создание партий на религиозной основе и ограничивает свободу выражения мнения. Конституция Египта также предоставляет правительству широкие полномочия по ограничению прав и свобод граждан в интересах национальной безопасности.

В соответствии с конституциями 2014 г. Тунис и Египет по форме правления относятся к смешанным республикам (президентско-парламентским), однако существуют различия в распределении полномочий между главой государства и правительством. Так, Президент Туниса обладает ограниченными полномочиями, в то время как Президент Египта имеет более широкие полномочия и играет более активную роль во внутренней и внешней политике. В обоих государствах парламент является законодательным органом, однако в Египте парламент имеет больше членов и более сложную систему выборов. В этих странах судебная система обеспечивает судебную власть и защиту прав и свобод граждан, однако в Тунисе судебная система более независима от исполнительной власти по сравнению с Египтом. В Конституции Туниса 2014 г. расширены полномочия

парламента и судебной власти, а также введены новые органы, такие как Конституционный суд и Национальная комиссия по борьбе с коррупцией. Новая конституция Египта предоставила президенту широкие полномочия, в том числе президент получил возможность назначать и увольнять главу правительства, назначать верховных судей и высших офицеров, а также обладает правом вето на законодательные инициативы парламента.

Стоит отметить, что Египет может продолжить сохранять и укреплять свой государственный режим. Что касается Туниса, то предполагалось, что конституционные изменения 2014 г. продвинул страну к еще более прогрессивным и демократическим изменениям, однако это продлилось недолго: в 2022 г. была принята новая конституция, которая расширила полномочия президента.

В целом будущее конституционных изменений в арабских странах будет зависеть от многих факторов, включая устойчивость политических систем, рост экономики, прогресс в обеспечении прав и свобод граждан и глобальных геополитических тенденций.

Песоцкая М. Н.
ИНСТИТУТ КОНСТИТУЦИОННОЙ ЖАЛОБЫ В РЕСПУБЛИКЕ
БЕЛАРУСЬ

*Песоцкая Мария Николаевна, студентка 1 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
masha_pesotskaya@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Сеницына А. М.

По результатам референдума 2022 г. на конституционном уровне было закреплено право граждан на конституционную жалобу. Данное право стало еще одним важнейшим правовым механизмом защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Для обращения в Конституционный Суд Республики Беларусь (далее – Конституционный Суд) необходимо соблюдение условий допустимости конституционной жалобы. Такие условия закреплены в Конституции и Законе Республики Беларусь «О конституционном судопроизводстве»:

наличие признаков нарушения конституционных прав и свобод гражданина в результате применения закона в конкретном деле с его участием;

исчерпание всех других средств судебной защиты конституционных прав и свобод гражданина при разрешении конкретного дела;

подача конституционной жалобы в срок не позднее одного года со дня принятия судебного постановления (решения), которым исчерпываются все другие средства судебной защиты по соответствующей категории дел;

соблюдение формальных требований и требований к содержанию конституционной жалобы и др.

Законом «О конституционном судопроизводстве» предусмотрена уплата государственной пошлины за рассмотрение конституционной жалобы. Ставка государственной пошлины за рассмотрение конституционной жалобы составляет 0,5 базовой величины. Уплата государственной пошлины осуществляется только после получения уведомления Секретариата Конституционного Суда о соответствии конституционной жалобы требованиям Закона «О конституционном судопроизводстве» и необходимости уплаты государственной пошлины.

Гражданам предлагается возможность подачи конституционной жалобы в электронной форме. Для этого требуется зарегистрироваться на официальном сайте Конституционного Суда, заполнить в личном кабинете специальную форму с приложением к ней электронных отображений документов и материалов. Большое удобство представляет тот факт, что в личном кабинете гражданина отражается актуальная информация, касающаяся его конституционной жалобы. Данная возможность актуальна в контексте построения информационного общества. Вместе с тем, на наш взгляд, целесообразно усовершенствовать интерфейс сайта для более комфортной ориентации на Интернет-портале.

Процесс рассмотрения жалобы включает несколько стадий: 1) предварительное рассмотрение обращения Секретариатом Конституционного Суда; 2) предварительное изучение обращения судьями Конституционного Суда (обязательная стадия); 3) возбуждение производства по делу либо отказ в возбуждении производства по делу; 4) отзыв обращения; 5) объединение конституционных жалоб; 6) рассмотрение дела в судебном заседании; 7) принятие решения Конституционного Суда.

Проверка конституционности закона имеет свои пределы и устанавливается с учетом особенностей дела. В процессе рассмотрения дела Конституционный Суд не входит в обсуждение фактических обстоятельств дела, не дает оценку судебному постановлению по существу дела.

Конституционный Суд после возбуждения производства по делу уведомляет об этом суд общей юрисдикции, принявший последнее судебное постановление по делу, в котором применен закон, конституционность которого подлежит проверке. Решение Конституционного Суда, которым примененный в конкретном деле закон (его отдельные положения) признан неконституционным, влечет пересмотр судебного постановления, постановления по делу об административном правонарушении в отношении заявителя в случаях, когда неконституционные положения послужили основанием для привлечения гражданина к уголовной или административной ответственности; когда судебное постановление, вынесенное в порядке гражданского судопроизводства, не исполнено; а также если в решении Конституционного Суда прямо указано на такой пересмотр. Решение по конституционной жалобе может также влечь пересмотр судебных постановлений в отношении иных лиц в случаях, предусмотренных Законом «О конституционном судопроизводстве».

Институт конституционной жалобы является эффективной правозащитной конструкцией, когда физическое лицо имеет право оспорить закон, если посчитает, что он нарушает его права, поскольку опосредованное право обращения не всегда достигает реализации. Одним из путей повышения реальной эффективности конституционных жалоб является расширение предмета конституционной проверки актов в сторону полной конституционной жалобы. Кроме того, для эффективного функционирования института конституционной жалобы требуются высокий уровень правовой культуры и конституционного правосознания граждан и должностных лиц, организация оказания необходимой юридической помощи гражданам в целях соблюдения порядка подачи конституционной жалобы.

Поболь В. А.

НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Поболь Виктория Андреевна, студентка 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, robol.lena@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шавцова А. В.

Совместно с развитием таких наук, как биология, химия, медицина и появлением прав на использование их инновационных разработок нарастает необходимость в регулировании принципиально новых общественных отношений. В научной литературе отражены различные подходы к классификации прав человека по «поколениям». Большинство современных ученых сходятся во мнении о существовании в настоящее время уже четырех таких поколений прав человека. К первому поколению относят гражданские и политические права, ко второму – социальные, экономические и культурные, к третьему – поколение «прав солидарности». В конце XX в. появляется незакрепленная официально целостная совокупность прав, которую отдельные ученые определяют как самостоятельное четвертое поколение прав – так называемые соматические (личностные) права человека. Указанные права выделились в обособленную от личных прав группу в первую очередь в результате научно-технического прогресса, а также в связи с изменениями морально-этических норм, общественной психологии и развитием медицины в области прав человека. Реализация и правовая защита соматических прав – довольно дискуссионная в правовой науке и правоприменительной практике тема, которая требует серьезных научных изысканий, а также изучения практики правового регулирования отдельных соматических прав как в Республике Беларусь, так и за рубежом.

Соматическими права – это признанная обществом и государством возможность определенного поведения, выражающаяся в полномочиях по распоряжению человеком своим телом, его органами и тканями.

Одним из новаторов введения понятия «личностные (соматические) права» является российский ученый, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права юридического факультета Тверского государственного университета Владимир Иванович Крусс, который

определяет эти права как «... группу таких прав, которые основываются на фундаментальной мировоззренческой уверенности в “праве” человека самостоятельно распоряжаться своим телом: осуществлять его “модернизацию”, “реставрацию” и даже “фундаментальную реконструкцию”, изменять функциональные возможности организма и расширять их технико-агрегатными либо медикаментозными средствами». В качестве таких прав В. И. Крусс рассматривает: право на смерть, изменение пола, гомосексуальные контакты, трансплантацию органов, употребление наркотических или психотропных средств, искусственное репродуктивное, стерилизацию, аборт, клонирование; право на виртуальное моделирование – в смысле полного утверждения себя в неметрической форме объективного существования.

Данные права можно классифицировать по различным основаниям.

Приведем классификацию соматических прав, разработанную Максимом Алексеевичем Лавриком, наиболее часто приводимую в научной литературе:

- 1) право на смерть;
- 2) права человека относительно его органов и тканей;
- 3) сексуальные права человека (возможность искать, получать и передавать информацию, касающуюся сексуальности, сексуальное образование, выбор партнера, возможность решать, быть человеку сексуально активным или нет, самостоятельное решение вопроса о добровольных сексуальных контактах, вступлении в брак);
- 4) репродуктивные права человека (позитивного характера: искусственное оплодотворение и негативного характера: аборт, стерилизация, контрацепция);
- 5) право на перемену пола;
- 6) право на клонирование как всего организма, так и отдельных органов;
- 7) право на употребление наркотиков и психотропных веществ.

Данная классификация не является бесспорной, так как в соответствии с ней отдельные права, названные в правовой науке, невозможно отнести к той или иной группе (право на виртуальное моделирование, право на употребление наркотических или психотропных средств), в то же время названные в ней виды (группы) состоят только из одного права, например, право на смерть, право на перемену пола, право на клонирование. Необходимость научно-правовой дифференциации того или иного соматического права позволяет четко определить предмет правового регулирования, способ реализации и правовой защиты. В связи с этим представляется необходимым дальнейшее их изучение и совершенствование правового регулирования.

Поколение соматических прав человека представляет собой единую систему прав, имеющих ряд концептуальных отличий от других категорий прав.

Расолько М. В.
ЭЛЕКТРОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

*Расолько Мария Валерьевна, учащаяся 2 курса Юридического колледжа
Белорусского государственного университета», г. Минск, Беларусь,
MaryVa2409@gmail.com*

Научный руководитель: преподаватель Балицевич-Рында Л. Н.

Развитие цифровых технологий оказывает влияние на все сферы общественной жизни, в том числе и на взаимоотношения между гражданами и органами публичной власти, государством.

Электронная демократия, э-демократия, виртуальная демократия, «облачная демократия» – все эти термины используют для обозначения современной формы демократии, при которой информационно-коммуникационные технологии выступают как основное средство для коллективных когнитивных и административных процессов на всех уровнях местного самоуправления.

Традиционные формы демократии, такие как выборы, референдум, обращения граждан в государственные органы, приобретают новые оттенки с использованием информационных технологий.

Электронная демократия характеризуется свободой и качеством информации, информационно-правовой обеспеченностью. Интернет дает огромные возможности для получения и распространения информации и этим пользуются не только СМИ, которые, на наш взгляд, утрачивают позицию так называемой «четвертой ветви власти», при этом уровень правовой и информационной культуры граждан растет. Благодаря информационным технологиям они более вовлекаются в общественные и политические процессы. И это не только электронное голосование на выборах или референдуме. Особо выделим электронное участие граждан в правотворческом процессе. Пример тому – Правовой форум Беларуси – это официальная площадка публичных обсуждений проектов нормативных правовых актов, платформа для общения по правовым вопросам.

В мире широко внедряются различные виды электронной идентификации, которые позволяют быстро и без существенных материальных затрат решать множество административных вопросов. В Беларуси, к примеру, это Единая система идентификации физических и юридических лиц (ЕС ИФЮЛ), Белорусская интегрированная сервисно-расчетная система (БИСРС).

Среди преимуществ э-демократии перед традиционной также можно назвать открытость политики широким массам населения; минимизирование расстояния между гражданами и отдельными политическими лицами; повышение интереса среди молодежи. Однако следует отметить и некоторые сложности в реализации идей электронной демократии, а также угрозы, которые несет внедрение и массовое использование ее механизмов. Прежде всего это угрозы информационной безопасности (взломы программ, систем, утечка конфиденциальных данных пользователей, вбросы ложной

информации и др.), а также техническая уязвимость, цифровой авторитаризм, минимизирование личного взаимодействия должностных лиц с гражданами, использование электронного голосования в полной мере не обеспечивает принцип тайного голосования, а также возрастает вероятность подтасовки результатов со стороны властного аппарата. Для ряда стран одним из основных препятствий для нормального функционирования механизма э-демократии является экономическое положение населения, отсутствие у людей доступа к интернету и необходимых для его использования технических средств.

Таким образом, сетевая политика, осуществляемая со стороны государства, способствует развитию системы, при которой население имеет больше возможностей для включения в политическую жизнь. Сетевые технологии, охватывая систему государственного управления, в свою очередь, способствуют дальнейшему развитию механизмов осуществления демократических процессов.

Русак Е. Д.

ОБ АСПЕКТАХ ЭВТАНАЗИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

*Русак Елизавета Дмитриевна, студентка 2 курса Академии управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь,
rusakelizaveta483@gmail.com*

Научный руководитель: магистр управления и права Пустовая Н. П.

Право на жизнь является основным и неотъемлемым правом человека, оно закреплено в ст. 24 Конституции Республики Беларусь. Невозможно осуществлять реализацию остальных прав при условии отсутствия права человека на жизнь. Однако возникает большое количество дискуссий по поводу понимания этого права как право неограниченной свободы и действий по отношению гражданина к самому себе или же полную подчиненность общественным и государственным интересам.

Можно ли рассматривать право на смерть как составляющую часть права на жизнь? В какой-то степени термин «право на смерть» звучит весьма парадоксально, так как провозглашенные на данный момент права человека являются своеобразным «расширением» или «конкретизацией» основополагающего права человека на жизнь. Благодаря интенсивному развитию медицины вопрос жизни и смерти человека является выбором его самого. Так надо ли рассматривать право на жизнь как обязанность жить независимо от воли его самого?

Вопросы, связанные с легализацией права на эвтаназию, являются актуальной проблемой современного права и морали. Мы не затрагиваем вопросы суицида как право человека на смерть, а рассматриваем исключительные случаи, когда человек выступает объектом, которому пытаются замедлить момент наступления смерти.

Сегодня эвтаназия разрешена в таких европейских странах: Люксембург, Нидерланды, Бельгия и в некоторых штатах США. Она применяется как

необходимость облегчения тем людям, которые имеют неизлечимые заболевания, сопровождающиеся тяжелыми физическими страданиями.

Ни в одной из изученных нами конституций мы не нашли законодательно закрепленного права человека на смерть. Так может ли человек самостоятельно распоряжаться своей жизнью без чьего-либо вмешательства, можно ли отказаться от этого права за отсутствием необходимости его использования? Может ли неизлечимо больной человек, для которого сохранение своей жизни более не имеет значения, реализовать свое желание умереть?

Сторонники эвтаназии полагают, что неиспользование права человека на жизнь является его личным решением и не нарушает закон. Противники опираются на то, что врачи, помогающие приблизиться к смерти пациенту, нарушают все этические принципы и клятву, данную ими Гиппократу, следовательно, должны преследоваться по закону,

Изучая эвтаназию в религиозном аспекте, хотелось бы отметить, что, исходя из христианских взглядов, право человека на жизнь, дарованное ему Богом, рассматривается, скорее, как обязанность, а его несоблюдение ведет за собой наказание. Исходя из этого, можно сделать вывод, что эвтаназия недопустима в конфессиональных государствах.

Согласно ст. 1 Конституции Республики Беларусь наше государство является светским т.е. государством, которое регулируется на основе гражданских, а не конфессиональных норм, а решения государственных органов не могут иметь религиозного начала. В соответствии с ч. 2 и 3 ст. 31 Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. «О здравоохранении» эвтаназия запрещена на территории Республики Беларусь, побуждение к совершению эвтаназии является наказуемым деянием.

Вернемся к содержанию ст. 24 Конституции, которой закрепляется *право* человека на жизнь. По нашему мнению, основополагающим в его формулировке является слово «право», т.е. возможность самостоятельного выбора как распорядиться своей жизнью. При этом Основной Закон не закрепляет обязанность гражданина «жить».

Закономерным является вопрос о соответствии ст. 31 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» нормам Конституции.

Обратимся к ст. 7 Основного Закона Республики Беларусь, которая закрепляет, что Конституция имеет высшую юридическую силу и прямое действие на всей территории Республики Беларусь, иные правовые акты издаются на основе и в соответствии с ней. Данное обстоятельство свидетельствует, что действующее законодательство, в частности, законы, указы, директивы и иные нормативные правовые акты, не могут противоречить Основному Закону и должны приниматься (издаваться) в его развитие.

По своей сути, в процессе исследования темы обнаружена коллизия между нормами Конституции и Закона «О здравоохранении». В частности, законом, имеющим меньшую юридическую силу, ограничивается (запрещается) право, установленное законом, имеющим высшую юридическую силу.

Данное обстоятельство, ввиду создания предпосылок к значительному количеству споров и дискуссий, требует дальнейшего научного исследования и обоснования для последующего устранения обнаруженной коллизии.

Сенкевич А. Н.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА СОГЛАСИЯ НА МЕДИЦИНСКОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО

*Сенкевич Александр Николаевич, магистр юридических наук, аспирант
2 года обучения юридического факультета Белорусского государственного
университета, Минск, Беларусь, 6821791@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук., доцент Шавцова А. В.

В настоящее время белорусская медицина располагает большим спектром возможностей по оказанию медицинской помощи и медицинских услуг, в том числе отдельных видов медицинских «вмешательств». Данная тенденция вызывает потребность уделить особое внимание вопросу информированного согласия пациента на медицинское вмешательство, степень регулирования которого без преувеличения характеризует уровень правовой и медицинской культуры государства.

На данном этапе развития рассматриваемого института «информированность» согласия, согласно ст. 44 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении», ограничивается целями медицинского вмешательства, прогнозируемыми результатами и возможными рисками. Полагаем, что данной информации недостаточно для осознанного шага пациента для получения медицинской услуги, сопряженной с каким-либо риском для его здоровья. Справедливо отметить, что в данной ситуации едва ли можно утверждать о правовой защищенности от посягательства на здоровье пациента, а в отношении лица, оказывающего медицинскую помощь – от претензий и жалоб на неблагоприятные для пациента последствия медицинского вмешательства, в том числе в случаях наступления объективных последствий лечения.

Национальный и зарубежный законодательный и практический опыт указывает на недостаточность информации для осознанного согласия пациента на вмешательство. Система здравоохранения постоянно сталкивается с жалобами и претензиями на негативные последствия вмешательств, и неправильно выбранные тактики лечения, которые могут беспокоить не только пациентов, но и отражаться на лечащих специалистах учреждений здравоохранения. Законодатель Российской Федерации, к примеру, урегулировал данный вопрос более глубоко, чем белорусский. Примечательно, что в ст. 138 проекта Федерального закона Российской Федерации № 98042437-2 «О здравоохранении в Российской Федерации» (далее – Проект) содержалось следующее положение: «необходимым предварительным условием оказания медицинской помощи является информированное добровольное согласие пациента, получаемое после

предоставления ему информации, предусмотренной частью первой статьи 136», содержание которой также включало ряд сведений, которые входят в состав информированного согласия. Проектом к таким сведениям отнесены сведения о состоянии здоровья, включая информацию о проведенных обследованиях, имеющихся болезнях, выставленных специалистом диагнозах и прогнозах, целях, методиках лечения, в том числе альтернативных методах, и периодах рекомендуемого специалистами лечения, рисках лечения и предполагаемых результатах.

На сегодняшний день ст. 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» установлено, что в доступной форме должна быть предоставлена полная информация о целях, методах оказания медицинской помощи, связанном с ними риске, возможных вариантах медицинского вмешательства, о его последствиях, а также о предполагаемых результатах оказания медицинской помощи

Несомненно, данный перечень сведений имеет важное информативное значение и вполне мог бы использоваться и в белорусском законодательстве. Однако стоит отметить, что изложение столь обширного ряда вопросов каждому пациенту при любом вмешательстве может вызвать затруднения в реализации по причине трудоемкости и времязатратности, а также причине ослабленного состояния пациентов, которое зачастую имеет место перед медицинским вмешательством. Вместе с тем положения из перечня могли бы быть заимствованы для осуществления наиболее сложных медицинских вмешательств, вмешательств с высокой степенью риска и др.

Полагаем, что в современных реалиях целесообразно как правовое закрепление, так и информирование пациента о целях, методах оказания медицинской помощи, связанном с ними риске, возможных вариантах медицинского вмешательства, о его последствиях, о предполагаемых результатах оказания медицинской помощи (аналогично положениям российского законодателя), а также о квалификации врача, альтернативных методах лечения, возможных болевых синдромах, эстетических недостатках.

Сомова А. Ю.

СВЯЩЕННЫЙ ДОЛГ ГРАЖДАНИНА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

*Сомова Алеся Юрьевна, учащаяся 3 курса Юридического колледжа
Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
som.mek.ayf@gmail.com*

Научный руководитель: преподаватель Балицевич-Рында Л. Н.

«Защита Республики Беларусь – обязанность и священный долг гражданина Республики Беларусь», – гласит ст. 57 Конституции Республики Беларусь. Отметим, законодательная формулировка конституционной обязанности как «долга» или, как в данном случае, «священного долга» встречается и в правовой практике других стран (таких, как Россия, Китай),

тем самым некоторым обязанностям придается особая значимость и дополнительная моральная ответственность.

Содержание понятия «защита Республики Беларусь» в нашей Конституции не раскрывается. Однако в ч. 2 ст. 57 Конституции указано: «Порядок прохождения воинской службы, основания и условия освобождения от воинской службы либо замена ее альтернативной определяются законом». Такая последовательность конституционных норм позволяет сделать вывод, что защита государства предполагает прохождение воинской службы в Республике Беларусь. Но можно ли считать, что такая трактовка «защиты Республики Беларусь» является полной и не предполагает иные способы защиты государства?

На наш взгляд, защищать государство означает защищать его независимость и территориальную целостность, конституционный строй, обеспечивать законность и правопорядок любыми, не противоречащими Конституции, нормам морали и нравственности способами и средствами. Представляется, что такая форма защиты наилучшим образом отражает моральную составляющую «священного долга».

Как, к примеру, граждане могут содействовать защите независимости государства? В век высоких технологий очевидно, что сильная независимое государство – это в первую очередь развитая страна. Каждый белорус может своими стремлениями, развитием и трудом ускорить данный процесс. Поэтому крайне важно уделять особое внимание тому, что на сегодняшний день является рычагом влияния, – обеспечению эффективной реализации гражданами их права на образование, профессиональный рост, содействие развитию предпринимательства и т. д.

Военная служба как способ защиты Республики Беларусь бесспорно является основным источником защиты государства в случае вооруженных угроз. Анализируя опыт других стран, можно заметить, что наиболее эффективная военная защита обеспечивается именно контрактной армией, а не призывной. Другой вариант, используемый в некоторых странах, – более жесткий подход к формированию и функционированию призывной армии. К примеру, в Государстве Израиль службу проходят как молодые люди, так и девушки. По закону все граждане Израиля, включая имеющих второе гражданство и постоянно проживающих в другой стране, подлежат призыву на службу по достижению восемнадцатилетнего возраста, военнообязанными могут быть и постоянные жители Израиля, не имеющие гражданства.

Важно отметить, что Конституция Республики Беларусь допускает и иной способ выполнения священного долга по защите государства – это альтернативная служба. Согласно Закону Республики Беларусь «Об альтернативной службе» – это общественно-полезная деятельность, которую граждане при определенных законом условиях проходят в организациях здравоохранения, социальной сферы, жилищно-коммунального, сельского и лесного хозяйства, в организациях, занимающихся благоустройством территории, строительством и ремонтом дорог и железнодорожных путей. Таким образом, граждане осуществляют защиту государства в иных сферах.

На наш взгляд, достойные условия службы военнослужащих по контракту, материальные и социальные гарантии, качественная профессиональная военная подготовка, внедрение достижений информационных технологий будут способствовать престижу и востребованности такого рода профессиональной деятельности среди молодежи в Беларуси. Остальным гражданам, как мужчинам, так и женщинам, не имеющим отношения к военной службе, надлежит осуществлять защиту Республики Беларусь через реализацию своего потенциала в иных сферах деятельности, внося таким образом свой вклад в укрепление и развитие экономической защиты государства, национальной, духовной, культурной безопасности страны.

Хиревич И. А.

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ДЕЛЕНИЯ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

*Хиревич Иван Андреевич, учащийся 2 курса Юридического колледжа
Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
ivankhirevich007@gmail.com*

Научный руководитель: преподаватель Балицевич-Рында Л. Н.

Административно-территориальное деление представляет собой разделение территории унитарного государства на части (административно-территориальные единицы), в соответствии с которым строится система местных органов. Административно-территориальное деление для Беларуси как унитарного государства является важным элементом построения системы управления на государственном и местном уровне. Эффективность правильно организованного административно-территориального деления проявляется в равномерном распределении обязанностей соответствующих административных органов, правильном соотношении территории и количества жителей этой территории, непосредственном участии общества в административно-территориальном управлении.

Следует отметить, что административно-территориальное деление современной территории Беларуси (в границах Республики Беларусь) существенно изменялось в отдельные исторические периоды, что обусловлено ее нахождением в составе различных государственных образований. Современное правовое регулирование административно-территориального устройства в Республике Беларусь сформировалось еще в 1990-е гг. на основе Конституции Республики Беларусь. Закон «Об административно-территориальном делении и порядке решения вопросов административно-территориального устройства Республики Беларусь» (далее Закон «Об административно-территориальном устройстве Республики Беларусь») принят 5 мая 1998 г. и за 25 лет претерпевал изменения всего 5 раз.

Проанализировав законодательство и практику в сфере административно-территориального устройства Беларуси, на наш взгляд, можно выделить некоторые проблемы правового регулирования в данной области.

1. Неравномерная нагрузка на местные Советы депутатов, исполнительные и распорядительные органы из-за неравномерного соотношения количества людей, проживающих, к примеру, в определенной области, к площади этой области. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь на 1 января 2023 г. население Витебской области составляет 1.091.948 человек, при этом образовано 196 Советов депутатов первичного уровня, в то время как по тем же данным, в Брестской области население составляет 1.315.405 человек при функционировании 188 сельских Советов депутатов.

2. В последнее время стали стремительно развиваться так называемые «города-спутники». Правовой основой их создания стал Указ Президента Республики Беларусь от 7 мая 2014 г. № 214 «О развитии городов-спутников». Так, статус «города-спутника» может быть придан по решению Президента Республики Беларусь городам областного или районного подчинения, поселкам городского типа, расположенным на расстоянии не более 60 километров от г. Минска или областного центра. При этом в Законе «Об административно-территориальном устройстве Республики Беларусь» выделены всего три категории городов (столица, города областного подчинения и районного подчинения).

3. За последние годы популярность приобретают «деревни будущего», их отличие от обычных деревень – обеспечить занятость и создать инфраструктуру городской жизни, сохраняя деревенский уклад и традиции. Это относительно новый проект, инициированный Президентом Беларуси, в законе он пока также не нашел отражения, правовой статус деревень будущего четко не определен. Однако деревни будущего упоминаются как один из основных компонентов концепции государственной политики регионального развития Беларуси.

На наш взгляд, обозначенные проблемные вопросы обосновывают необходимость совершенствования законодательства в сфере административно-территориального устройства Республики Беларусь с целью устранения противоречий и пробелов.

Хоменко Д. Э.

ПРАВО НА СМЕРТЬ (ЭВТАНАЗИЮ) В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ, РЕСПУБЛИКЕ ПЕРУ И КОРОЛЕВСТВЕ ИСПАНИЯ

*Хоменко Дарья Эдвардовна, студентка 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
daryaakhomenko@yandex.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Синицына А. М.

Проблема права на смерть (эвтаназию) является глобальной и актуальной, поскольку затрагивает широкий спектр общественных отношений и имеет множество аспектов, таких как медицинский, правовой, религиозный, моральный, психологический, психический, философский, культурный, этический.

Закон Республики Беларусь от 18.06.1993 г. «О здравоохранении» (ст. 31) определяет эвтаназию как удовлетворение просьбы пациента о прекращении жизнедеятельности его организма и наступления смерти посредством каких-либо действий (бездействия) с целью избавления от мучительных страданий, вызванных неизлечимым заболеванием, а также устанавливает запрет на осуществление эвтаназии любыми способами и средствами, иначе наступает уголовная ответственность за склонение лица к эвтаназии или же осуществление эвтаназии. Статьи 44 и 45 Закона «О здравоохранении» содержат подобные положения. Они закрепляют право пациента на отказ от любой медицинской помощи, право на отзыв уже данного на нее согласия. Врач не вправе запретить ему это сделать, но при этом должен разъяснить возможные последствия такого отказа. Полагаем, так в белорусском законодательстве закреплена пассивная эвтаназия, если рассматривать ее понимание в широком смысле.

Самым резонансным в Королевстве Испания стало дело Рамона Сампедро, которое потрясло общественность и выдвинуло вопрос об эвтаназии на первое место. В 1986 г. с 25-летним моряком Рамон Сампедро произошел несчастный случай, в результате чего у него были парализованы все конечности, он был обездвижен от шеи вниз, но при этом находился в сознании. Сампедро в 1995 г. обратился в суд первой инстанции с просьбой разрешить его лечащему врачу выписать лекарства, которые могли бы позволить ему умереть достойно, но при этом не преследовать врача по закону (содействие самоубийству – это уголовно наказуемое деяние в соответствии со ст. 143 УК Испании), однако ему было отказано в ассистированном суициде. Тогда Рамон Сампедро попросил каждого из друзей помочь ему сделать определенные действия, не влекущие по отдельности уголовной ответственности.

В 2002 г. Закон 41/2002 Об автономии пациента, закрепил положение о том, что пациент имеет право в индивидуальном порядке отказаться от лечения, не требуя никаких обоснований, т. е., по сути, так была закреплена пассивная эвтаназия. Данная норма не смогла решить проблему эвтаназии в Королевстве Испания. Случаи самоубийств неизлечимо больных и страдающих от невыносимой боли людей были зафиксированы позднее: 2006 год – Инмакулада Эчеваррия; 2007 – Мадлен З.; 2017 – Хосе Антонио Аррабаль, 2019 – Мария Хосе Карраско.

Данные случаи показывают, что все они являются борьбой людей за легализацию эвтаназии в стране. Отсутствие возможности осуществить эвтаназию препятствовало наступлению безболезненной смерти, ведь люди искали другие неэффективные и приносящие еще большие страдания способы и методы совершения суицида (например, яд, таблетки из Интернета сомнительного качества и т. д.).

Вышеназванные обстоятельства стали ключевыми в принятии в марте 2021 г. Органического закона о регулировании эвтаназии, где закрепились определение эвтаназии, условия ее проведения.

В Республике Перу эвтаназия запрещена и является общественно опасным деянием. Уголовный кодекс Перу в ст. 112 предусматривает, что

«тот, кто из милосердия убивает неизлечимо больного человека, который прямо или косвенно просит положить конец его невыносимой боли и мучительным страданиям, будет наказан лишением свободы на срок до трех лет». Несмотря на уголовный запрет, 14 июля 2022 г. Верховный Суд Перу вынес решение по делу Аны Эстрады о санкционировании эвтаназии. Данный прецедент получил широкую общественную огласку и вызвал активную дискуссию вокруг проблемы декриминализации преступления, предусмотренного ст. 112 УК Перу (Убийство из милосердия), и легализации эвтаназии.

Некоторые перуанские ученые высказывали мнение о том, что эвтаназия дает людям право самостоятельно распоряжаться своей жизнью и смертью.

Противники эвтаназии утверждают, что человеческая жизнь священна и намеренное лишение жизни, даже при исключительных обстоятельствах, неприемлемо с моральной и юридической точек зрения.

Поиск баланса между уважением прав человека и защитой фундаментальных этических и социальных ценностей является сложной задачей.

По нашему мнению, эвтаназия – это не просто реализация права человека распоряжаться своим телом, но и возможность прекратить мучительные страдания и право достойно умереть. Приняв во внимание опыт Испании и Перу в вопросе нормативного регулирования эвтаназии, в Республике Беларусь необходимо, на наш взгляд, эту проблему выдвинуть на первый план, провести социологический опрос, который отразил бы отношение общественности к данному явлению, взвесить все «за» и «против». Если общество готово к изменениям, то дополнить ст. 31 Закона «О здравоохранении», условиями применения эвтаназии.

Черногузова В. С.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

*Черногузова Валерия Сергеевна, студентка 2 курса Белорусского
государственного университета, г. Минска, Беларусь,
chernolera26@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шавцова А. В.

Закон Республики Беларусь от 13 января 2003 г. № 185-З «О военном положении» определяет и регулирует защиту наиболее важных прав человека в условиях вооруженного конфликта.

1. Статья 63 Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция) упоминает о правах, которые не могут быть ограничены при осуществлении особых мер в период *чрезвычайного* положения. Однако данная статья и ч. 1 ст. 11 Закона «О военном положении» не регулируют права, которые не могут ограничиваться в период *военного* положения. Следовательно, в белорусском законодательстве нет прав, которые не могут быть ограничены в период *военного* положения.

2. Согласно ст. 2 Конституции человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства. В условиях военного положения права и свободы также защищаются и в связи с этим Совет Министров принимает меры по охране наиболее важных прав с целью защиты национальной безопасности и обеспечения надлежащей обороноспособности.

3. В соответствии со ст. 63 Конституции права и свободы личности, предусмотренные Конституцией, могут быть приостановлены в условиях военного положения. Среди приостанавливаемых прав можно выделить приобретение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ; организацию и участие в собраниях, митингах, уличных шествиях, демонстрациях, пикетировании; покидание места жительства или места пребывания без разрешения военного комиссара (для граждан, состоящих на военном учете); право на вступление в политические партии, иные общественные объединения, их союзы (ассоциации); право на проведение забастовок (не более чем на трехмесячный срок); некоторые экономические права (право на осуществление процедуры экономической несостоятельности (банкротства), право на изменение форм собственности); право на передвижение; право на пользование транспортным средством; право на государственную регистрацию (перерегистрацию) средств массовой информации, издателей и т. д. на территории Республики Беларусь.

3.1. Среди ограничиваемых прав можно выделить право на свободу передвижения в пределах Республики Беларусь; право на выбор места жительства и места пребывания; право на получение, передачу, изготовление и распространении информации, указанной в абз. 4 ч. 4 ст. 11 Закона «О военном положении»; право на въезд в Республику Беларусь иностранных граждан и лиц без гражданства;

4. Согласно ст. 60 Конституции решения и действия (бездействие) государственных органов и должностных лиц, ущемляющие права и свободы, могут быть обжалованы в суд. Однако во время военного положения могут быть ограничены некоторые права и свободы, что является правомерным согласно ст. 63 Конституции. Следовательно, во избежание правовой неопределенности встает вопрос об уточнении законодательства (толковании правовых норм), по каким ограничениям нельзя обращаться в суд во время военного положения. С целью защиты прав, свобод, чести и достоинства граждане в соответствии с законом вправе также взыскать в судебном порядке как имущественный вред, так и материальное возмещение морального вреда.

5. Отсутствует согласование ст. 14 Закона «О военном положении» и ст. 8.1 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (КоАП). Это выражается в том, что вышеуказанный закон предусматривает основание для прекращения дела об административном правонарушении законодательства о военном положении, как отмена военного положения. Однако КоАП указывает, что лицо, совершившее административное правонарушение, может быть освобождено от административной ответственности в случаях, предусмотренных КоАП.

Чорный Ф. В.
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ
ОБЯЗАННОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

*Чорный Фёдор Викторович, учащийся 2 курса Юридического колледжа
Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
cornyjfedor5@gmail.com*

Научный руководитель: преподаватель Балицевич-Рында Л. Н.

Важным и необходимым элементом конституционно-правового статуса личности и гражданина являются конституционные обязанности. Конституционная обязанность часто трактуется как закрепленная в нормах Конституции мера должного поведения, установленная и гарантируемая государством в интересах граждан и общества.

Конституционные обязанности человека и гражданина являются неотъемлемой частью гражданского долга и играют существенную роль в поддержании порядка, стабильном развитии государства и общества.

Важнейшие конституционные обязанности личности и гражданина закреплены в Конституции Республики Беларусь в разделе II «Личность. Общество. Государство» (ст. 52–57, ч. 3 ст. 32). Примечательно, что в отношении некоторых обязанностей используется понятие «долг»: охрана природной среды и бережное отношение к природным ресурсам – долг каждого (ст. 55); защита Республики Беларусь – обязанность и священный долг гражданина Республики Беларусь (ст. 57). В юридическом смысле понятие «обязанность» трактуется как предусмотренная законом или соглашением сторон мера должного поведения субъекта правоотношения. Под долгом понимается внутренне принимаемое, т. е. добровольное обязательство. Можно сделать вывод, что обязанность является императивной, без права уклонения от выполнения. Долг, в свою очередь, является обязанностью человека, принимаемой добровольно, без давления со стороны (например, государства, как в случае с обязанностями). «Священный долг» характеризуется повышенной значимостью, это обязательство, которое считается очень важным из-за его религиозного, этического или морального значения (например, защита государства).

После конституционных изменений 2022 г. у граждан Республики Беларусь появилась новая конституционная обязанность, закрепленная в виде долга: «сохранение исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа, патриотизм являются долгом каждого гражданина Республики Беларусь» (ч. 2 ст. 54 Конституции). При этом важно понимать, что патриотизм – это не политическое понятие, в толковых словарях патриотизм раскрывается как преданность и любовь к своему Отечеству, стране, народу. У каждого народа свое понимание патриотизма, которое формируется веками под влиянием своей истории, менталитета, традиций и т. д. Определение патриотизма в понимании белорусского народа Конституция не дает. Необходимо отметить, что ряд норм, касающихся конституционных

обязанностей человека и гражданина претерпели изменения и дополнения в результате принятия новой редакции Конституции Республики Беларусь на Республиканском референдуме 27 февраля 2022 г.

Так, существенно расширились обязанности родителей и лиц их заменяющих. Теперь они обязаны не только воспитывать детей, заботиться об их здоровье, развитии и обучении, но и готовить к общественно полезному труду, прививать культуру и уважение к законам, историческим и национальным традициям Беларуси (ч. 3 ст. 32 Конституции). Данная обязанность, на наш взгляд, выступает как одна из гарантий выполнения иных конституционных обязанностей, способствует формированию зрелого гражданина, патриота, с определенными ценностями, развитым правосознанием, культурой. Интересно, что Конституция БССР 1978 г. содержала подобную норму: «Граждане Белорусской ССР обязаны заботиться об образовании детей, готовить их к общественно-полезному труду, воспитывать достойными членами социалистического общества» (ст. 64).

Для каждого, кто находится на территории Республики Беларусь, на конституционном уровне теперь закреплена обязанность уважать государственные символы Беларуси. В соответствии со ст. 19 Конституции символами Республики Беларусь как суверенного государства являются ее Государственный флаг, Государственный герб и Государственный гимн.

Новеллой является и отражение в конституции обязанности (как долга каждого) бережного отношения к природным ресурсам (ст. 55 Конституции).

Интересно отметить, что в ст. 46 части 1 Конституции КНР установлено: «Граждане КНР имеют право на образование и обязаны учиться», в Конституции Российской Федерации также провозглашается: «основное общее образование обязательно» (ч. 4 ст. 43). А обязательность общего среднего образования в Республике Беларусь не отражена в нашей Конституции, хотя данная обязанность содержится в Кодексе Республики Беларусь об образовании.

Чуманская А. В.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БИОХАКИНГА И БОДИХАКИНГА

*Чуманская Анастасия Викторовна, студентка 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
cumanskaaanastasia@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Сеницына А. М.

Бодихакинг, также известный как «телохакинг» или «биохакинг», относится к практике внесения изменений в свое физическое и психическое состояние с помощью различных методов и технологий. Биохакинг – это улучшение тела, мозга и психики с помощью различных методик, основанных на научных исследованиях. Целью такого изменения является возможность повышения эффективности здоровья, а также оптимизация функций организма (улучшение интеллекта, здоровья и психики).

Исходя из смысла ст. 45 Конституции Республики Беларусь гражданам гарантируется право на охрану здоровья, граждане заботятся о сохранении собственного здоровья, а государство создает условия для медицинского обслуживания всех граждан. Право граждан на охрану здоровья обеспечивается также развитием физической культуры и спорта, мерами по оздоровлению окружающей среды, возможностью пользования оздоровительными учреждениями, совершенствованием охраны труда.

К методам бодихакинга относятся: физическая активность, правильное питание, использование устройств для мониторинга и анализа своих физиологических показателей, медитации и различные практики осознанности, использование имплантов (биологических, искусственных или смешанных), использование различных пищевых добавок и т. п.

Не представляется возможным разграничение бодихакинга или биохакинга и права на медицинскую помощь.

Согласно п. 12 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 18.06.1993 № 2435-XII (ред. от 17.07.2023) «О здравоохранении» медицинская помощь – комплекс медицинских услуг, направленных на сохранение, укрепление и восстановление здоровья пациента, изменение и поддержание эстетического вида пациента, включающий медицинскую профилактику, диагностику, лечение, медицинскую абилитацию, медицинскую реабилитацию и протезирование, осуществляемый медицинскими работниками.

Примеры бодихакинга включают в себя вживление микрочипов, силиконовых вставок, электронных устройств и других технологий под кожу. Эти импланты могут выполнять различные функции, такие как открывание электронных замков, хранение данных или подключение к Интернету.

Возникает закономерный вопрос в отношении кохлеарных имплантов. Считаются ли они в данном случае возможностью осуществить право гражданина на медицинскую помощь или это будет способом модификации своего тела? На наш взгляд, кохлеарный имплант является все же правом на медицинскую помощь, нежели бодихакингом в силу того, что он обеспечивает компенсацию потери слуха у пациентов с выраженной или тяжелой степенью тугоухости.

Не представляется возможным разграничение бодихакинга и права на медицинскую помощь с чипированием человека, так как чипирование может быть осуществлено с целью расширения возможностей своего организма, связанного с доступом к компьютеру, выходом в сеть Интернет, оплатой счетов, покупкой криптовалюты и в целом объединения с технологиями современного мира. Либо же чипирование может быть использовано для содержания информации с медицинской карты человека, что обеспечивает эффективное оказание неотложной медицинской помощи в тех случаях, когда человек не может сам предоставить информацию о своем состоянии.

В Беларуси бодихакинг и биохакинг относительно новые понятия, которые не регулируются различными аспектами законодательства, из-за чего возникает проблема правового регулирования данной области права.

К проблемам можно отнести:

1) медицинскую лицензию (если бодихакинг или биохакинг включают процедуры, которые обычно выполняются только медицинскими специалистами, целесообразно ввести лицензии для проведения таких процедур, а в случае использования медицинских устройств – требования и стандарты);

2) защиту персональных данных (если бодихакинг или биохакинг включают сбор, обработку и хранение личных данных, необходимо соблюдать закон о защите персональных данных);

3) рекламу и продажу (если бодихакинг или биохакинг связаны с продажей товаров и услуг, то должны применяться правила рекламы и продажи товаров и услуг);

4) и др.

Таким образом, бодихакинг и биохакинг являются соматическими (личностными) правами человека и по своей природе относятся к праву человека на свободу выбора и самоопределение в отношении своего тела и здоровья.

Важность данной сферы проявляется в том, что в современном мире существует огромное количество споров из-за отсутствия надлежащего правового регулирования.

Шумилов Г. Д.

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Шумилов Глеб Дмитриевич, студент 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, hlebshumilau@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Сеницына А. М.

Беларусь, как и большинство стран мира, ставит перед собой цель дальнейшего развития и совершенствования электронного правительства. В настоящее время важным условием повышения эффективности государственного управления является интенсивное развитие электронного правительства, предусматривающее в первую очередь совершенствование процессов информационного взаимодействия с гражданами и бизнесом, а также повышение качества, достоверности и доступности информации о предоставляемых государственных услугах.

Основными нормативными правовыми актами, на основании которых строилось развитие электронного правительства в Республике Беларусь являлись: Государственная программа информатизации Республики Беларусь на 2003–2005 годы и на перспективу до 2010 года «Электронная Беларусь», Национальная программа ускоренного развития услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий на 2011–2015 годы, Государственная программа развития цифровой экономики и информатизации общества на 2016–2020 годы. Одной из целей последней было вхождение в 50 стран в индексе электронного участия ООН.

Стоит принять во внимание тот факт, что наше государство довольно часто меняло свою позицию в рейтинге ООН по уровню развития электронного правительства. В 2003 г. Республика Беларусь заняла 81 место, лучшую позицию наша страна занимала в 2018 г., тогда наше государство оказалось на 38 позиции, что фактически отразило успех в реализации цели Стратегии развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 годы, однако в 2022 г. показатель снизился и, по данным ООН, Республика Беларусь занимает 58 место по уровню развития электронного правительства из 193 стран мира.

Благодаря данным государственным программам и нормативным правовым актам были заложены основы формирования в стране единого информационного пространства. Были заданы основные механизмы взаимодействия белорусских органов государственного управления, основными из которых являются: общегосударственная автоматизированная информационная система (ОАИС); система межведомственного электронного документооборота государственных органов Республики Беларусь (СМДО); государственная система управления открытыми ключами проверки электронной цифровой подписи Республики Беларусь (ГосСУОК).

Исключительную роль имеет Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси на 2021–2025 годы», которая определяет вектор развития нашего государства в области его цифровизации.

Необходимо сказать, что, начиная с 2003 г. ни в одном нормативном правовом акте не закреплено понятие «электронное правительство», Государственная программа «Цифровое развитие Беларусь на 2021–2025 годы» не изменила данное положение, что вызывает ряд вопросов.

Помимо этого, электронное правительство в Республике Беларусь регулируется такими нормативными правовыми актами, как Указ Президента Республики Беларусь от 24 мая 2018 г. № 202 «О службе одно окно», Указ Президента Республики Беларусь от 16 декабря 2019 г. № 460 «Об общегосударственной автоматизированной информационной системе», Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. «Об информации, информатизации и защите информации», а также Приказом Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь от 31 октября 2022 г. № 171 «О Единой системе идентификации физических и юридических лиц» и др.

ОАИС обеспечивает предоставление электронных услуг из государственных информационных ресурсов, интегрированных на едином портале электронных услуг (ЕПЭУ).

Подводя выводы, отметим, что в Республике Беларусь не ведется статистика относительно отчетности использования данного портала среди населения. Ряд специалистов отмечают, что подобная практика помогла бы более детально понять востребованность использования ЕПЭУ среди граждан Республики Беларусь. Подобная практика применяется в Республике Узбекистан, где 400 услуг объединены ресурсом my.gov.uz, существует информация об открытых данных.

Кроме того, в Республике Беларусь не создан единый интернет-сайт электронного правительства. Подобная практика применяется в Республике Казахстан, что представляется нам крайне практичным решением. Республика Казахстан объединила все электронное правительство интернет-сайтом egov.kz, создана страница для слабовидящих, а также разделы по различным областям: социальное обеспечение, недвижимость, консульские услуги, образование, здравоохранение и др.

Для успешной реализации инициатив по цифровому развитию требуется нечто большее, чем просто разработка программы. Необходим комплексный подход, учитывающий различные аспекты, включая взаимодействие с заинтересованными сторонами, политику и нормативную правовую базу, использование опыта стран – участниц ЕАЭС, важно также на законодательном уровне закрепить понятие «электронное правительство».

Предлагаем следующее определение: электронное правительство – система мер, предпринимаемых для реализации государственных полномочий в различных сферах жизни общества посредством применения информационно-телекоммуникационных технологий, направленных на оказание услуг гражданам и организациям, содействия реализации открытости и оптимизации работы исполнительной ветви власти.

АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

Багаева У. Р.

РОЛЬ АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОГО ПРАВА В ЗАЩИТЕ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН

*Багаева Ульяна Руслановна, студентка 2 курса Брестского
государственного университета им. А. С. Пушкина, г. Брест, Беларусь,
ulyansw@mail.ru*

Научный руководитель: старший преподаватель Сливко О. Я.

Административно-деликтное право, как самостоятельная отрасль права включает механизмы и инструменты для обеспечения соблюдения, защиты прав и интересов граждан, а также наказания за нарушение законодательства и причинение ущерба гражданам. Глава 10 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП), посвящена административной ответственности за нарушения прав и свобод человека и гражданина. Она является первой в Особенной части КоАП, что подчеркивает значимость защиты прав и свобод человека и гражданина.

Одна из основных функций административно-деликтного права – это защита прав граждан от противоправных действий, в том числе и со стороны должностных лиц государственных органов. Если в действиях должностных лиц содержатся признаки административного правонарушения, тогда граждане могут обратиться в соответствующие компетентные органы с заявлением о привлечении к ответственности виновных лиц. В главе 10 КоАП закреплены составы административных правонарушений, в которых специальным субъектом является должностное лицо.

Так, например, в соответствии со ст. 10.5 КоАП, предусмотрена административная ответственность за незаконный отказ должностного лица в предоставлении гражданину документов и материалов, непосредственно затрагивающих его права, свободы и законные интересы, либо предоставление ему неполной или умышленно искаженной информации. В ч. 1 ст. 10.12 КоАП закреплены нормы об ответственности за необоснованный отказ должностного лица нанимателя в приеме на работу гражданина. Административно-деликтное право позволяет гражданам защищать свои права и свободы от произвола должностных лиц государственных органов.

Другой ролью административно-деликтного права является предоставление возможности гражданам получить компенсацию за причиненный им материальный или моральный ущерб в результате действий или бездействия государственных органов. Административно-деликтное право обеспечивает соблюдение принципа государственной ответственности. Это означает, что государство несет ответственность за действия или бездействие своих органов или должностных лиц, причинивших ущерб гражданам.

В соответствии с гл. 15 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях регулируется порядок возмещения вреда, причиненного физическому или юридическому лицу незаконными действиями суда, органа, ведущего административный процесс.

Защита прав и свобод граждан в административно-деликтном праве осуществляется путем применения мер административного воздействия, которые направлены на восстановление нарушенных прав и интересов граждан. Эти меры могут быть различными: от устного замечания до административного ареста. Важно отметить, что при применении мер административного воздействия должны соблюдаться принципы законности, справедливости и гуманизма.

В целом административно-деликтное право является важным инструментом защиты прав и свобод граждан, которое направлено на обеспечение законности и порядка в обществе. Однако важно учитывать, что применение мер административного воздействия должно быть сбалансированным и не должно противоречить основным принципам правового государства.

Проблемы применения административно-деликтного права могут возникать в случае несоответствия законодательства международным стандартам прав человека, а также в случае неправомерного применения мер ответственности за административные правонарушения. В связи с этим важно обеспечить соблюдение принципов справедливости и защиты прав и свобод граждан при применении данной отрасли права.

Таким образом, административно-деликтное право играет важную роль в защите прав и свобод граждан, предоставляя им возможность обжаловать незаконные действия государственных органов, получать компенсацию за причиненный ущерб и осуществлять принцип государственной ответственности.

Бань А. А.

ТРАНСФОРМАЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНЫХ НОРМ В ОБЛАСТИ ПРИРОДООХРАННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Бань Анастасия Александровна, магистрант 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, law.ban@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Чешко В. Ю.

Охрана окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов является одним из стратегических направлений государственной политики Республики Беларусь. Современные условия предъявляют новые требования к правовому регулированию отношений в сфере природопользования, которые реализуются в рамках экологического курса нашей страны. Следовательно, соблюдение законодательства об охране природной среды является неотъемлемым условием обеспечения

экологической безопасности, устойчивого экономического и социального развития общества.

Модернизация административно-деликтного законодательства в целях эффективного регулирования правоотношений в рассматриваемой области привела и к пересмотру нормативных правовых норм в части охраны окружающей среды.

В целом следует отметить, что модифицировано значительное количество составов административных правонарушений главы 16 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП Республики Беларусь) «Административные правонарушения против экологической безопасности, окружающей среды и порядка природопользования», что повлекло исключение ряда составов по причине их формальности, архаичности и в связи с этим не востребованностью в правоприменении.

Например, исключены составы административных правонарушений, которые не являются правонарушениями, такие как «Уничтожение либо повреждение межевых знаков», «Невыполнение требований по обеспечению безопасности консервируемых или ликвидируемых горных выработок», «Нарушение правил использования участков земель лесного фонда», «Повреждение сенокосов или пастбищных угодий», «Уничтожение или повреждение лесохозяйственных знаков», «Выпас домашних животных в неустановленных местах», «Нарушение режима охраны и использования охранных зон вокруг стационарных пунктов гидрометеорологических наблюдений государственной сети гидрометеорологических наблюдений», «Нарушение требований законодательства о гидрометеорологической деятельности при производстве гидрометеорологической информации или выполнении отдельных работ и оказании услуг» и др.

Кроме того, изложены в новой редакции диспозиции статей КоАП Республики Беларусь: 16.1, 16.8, 16.9, 16.15, 16.23, 16.25, 16.27, 16.37 и ряд иных. Такие статьи КоАП Республики Беларусь, как 16.31, 16.35, 16.44 и некоторые другие дополнены новыми частями, которые конкретизируют объект правонарушения и устанавливают отличные квалифицирующие признаки.

Трансформация рассмотренных административно-деликтных норм КоАП Республики Беларусь продиктована в первую очередь правоприменительной практикой, которая устанавливается исходя из фактически складывающихся правоотношений в природоохранной области, как в нашей стране, так и в странах зарубежья.

Новеллой главы 16 КоАП Республики Беларусь является ст. 16.36 «Самовольное пользование природными ресурсами», ч. 1 которой «Самовольное занятие земельного участка» являлась ранее компонентом главы «Административные правонарушения против порядка управления», а ч. 3 указанной статьи «Самовольное пользование недрами либо самовольное водопользование» – входила в главу «Административные правонарушения против собственности».

Включение в анализируемую главу составов правонарушений, касающихся самовольного пользования недрами и самовольного водопользования, а также самовольного занятия земельного участка, которые ранее входили в иные главы КоАП Республики Беларусь, имеет положительный эффект и явилось результатом снижения нагрузки на судебную систему по рассматриваемой категории дел.

Отмеченная новеллизация административно-деликтного законодательства в области охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов в условиях трансформации национального законодательства Республики Беларусь является в том числе одним из примеров влияния процессов глобализации и призвана способствовать повышению эффективности системы планирования и обеспечения экологической безопасности как в Республике Беларусь, так и в трансграничном контексте, а также реализации конституционного права граждан на благоприятную окружающую среду.

Вавило К. В.

ПРАВО ПАЦИЕНТА НА ДОСТУП К ИНФОРМАЦИИ О СВОЕМ ЗДОРОВЬЕ В УСЛОВИЯХ ЭЛЕКТРОННОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

*Вавило Карина Владимировна, студентка 3 курса Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой,
г. Новополоцк, Беларусь, 21pr1.vavilo.k@pdu.by*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шахновская И. В.

Право на доступ к информации в сфере здравоохранения является неотъемлемым элементом права на здоровье в контексте правового статуса личности. Несмотря на отсутствие однозначной формулировки данного права в законодательстве Республики Беларусь, его значение в обеспечении доступности и качества медицинской помощи для всех граждан является очевидным.

Конституционное право на охрану здоровья и право на информацию имеют между собой взаимосвязь в рамках обеспечения здорового общества. В Основном Законе государства данные компоненты основных прав и свобод закреплены в ст. 45 и 34 соответственно.

В действующем Законе Республики Беларусь «О здравоохранении» определено, что пациенты, равным образом и граждане, имеют право на доступную информацию о своем состоянии здоровья, методах медицинской помощи и иной медицинской информации в соответствии с абз. 7. ч. 1 ст. 41.

Активное внедрение процесса информатизации во все сферы жизни общества значительно упрощает и упорядочивает процедуру накопления, хранения и получения информации. Право на доступ к информации в электронном здравоохранении подразумевает возможность пациентов получать доступ к своим медицинским данным, хранящимся в системе электронного здравоохранения.

В рамках деятельности Всемирной организации здравоохранения были созданы базы данных «Здоровье для всех» (HFA). Базы данных «Здоровье для всех» представляют собой ценный ресурс для получения информации о здоровье населения в Европейском регионе. Они предоставляют широкий спектр данных, которые могут быть использованы для различных целей, включая мониторинг прогресса в достижении целей в области здравоохранения, изучение закономерностей в состоянии здоровья населения и получение информации о здоровье своего сообщества. Базы данных содержат информацию о следующих аспектах здоровья: состояние здоровья, детерминанты здоровья и факторы риска, ресурсы в области здравоохранения, расходы. Предусмотрено обеспечение доступа к базам на английском, французском, немецком, испанском и итальянском языках. Данная информация может быть использована населением, организациями здравоохранения, правительствами и обществом в целом для улучшения здоровья и благополучия людей и их осведомленности в этой области.

В соответствии с Национальной стратегией устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года, определенные стратегические мероприятия, носят модернизационный характер, так, в целях развития здравоохранения на период с 2021 по 2030 г. в целях обеспечения доступности медицинской помощи и повышении эффективности медицинских услуг, значимую роль играет деятельность по развитию телемедицины, дистанционной формы мониторинга здоровья за счет ускоренной информатизации системы здравоохранения.

На основе этого системообразующего документа была разработана Концепция развития электронного здравоохранения Республики Беларусь на период до 2022 года. Электронное здравоохранение способствует и обеспечивает полноту и достоверность медицинской информации, предоставляемой физическим лицам.

Для целей, установленных законодательством в области обеспечения информации, создана Централизованная информационная система здравоохранения, которая представляет собой комплексное решение, позволяющее централизованно хранить, обрабатывать и анализировать медицинскую информацию о пациентах и оказываемых им медицинских услугах. В состав такой системы могут входить различные базы данных, включающие информацию о пациентах, медицинских учреждениях, медицинском персонале, оказываемых медицинских услугах, медицинских статистических данных, классификаторы, нормативно-справочную и иную информацию в области здравоохранения.

Как результат – улучшение доступа к медицинской информации и услугам для пациентов через использование информационных технологий.

Некоторые исследования указывают на последовательность, в которой пациенты ищут информацию. В опросе, упомянутом в публикации под названием «Использование потребителями медицинских услуг и доверие к источникам медицинской информации», 49,5 % респондентов, ответивших на вопрос о том, где пациенты предпочитают искать определенную

медицинскую информацию, заявили, что сначала они пойдут к своему врачу. Однако на вопрос, куда они на самом деле пошли, 48,6 % заявили, что в первую очередь воспользовались Интернетом, и только 10,9 % упомянули врача в качестве первого источника информации.

Анализ современных исследований в обеспечении доступности медицинской информации показал, что изменения, связанные с развитием электронного здравоохранения, открывают новые возможности для пациентов и расширяют их права на доступ к информации о своем здоровье.

Витко В. В.

ПРИНЦИП СПРАВЕДЛИВОСТИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

*Витко Владислав Владимирович, студент 4 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь, vlad.vitko.09@mail.ru*

*Научный руководитель: магистр юрид. наук, старший преподаватель
Петухова В. Е.*

Вопрос привлечения к административной ответственности и наложения административного взыскания является актуальным с принятием Указа Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196, которым утверждена Концепция правовой политики Республики Беларусь» (далее – Концепция). Сфере уголовного и административно-деликтного законодательства посвящен п. 43 Концепции.

Принцип справедливости имеет первостепенное значение в любой правовой системе, и он не должен быть исключением, когда речь идет о привлечении к административной ответственности. Важность справедливости в процессе применения любой ответственности способствует созданию справедливой и равноправной правовой системы.

Председатель Верховного Суда Республики Беларусь Валентин Олегович Сукало подчеркнул: «Справедливость белорусского правосудия должна стать синонимом справедливости белорусского государства».

Принцип справедливости является одним из принципов административной ответственности и закреплён в ст. 1.4 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП), согласно которой административная ответственность должна быть справедливой. Административное взыскание может налагаться при отсутствии достаточных оснований применения профилактических мер воздействия и должно быть соразмерным тяжести совершенного административного правонарушения и соответствовать цели его наложения.

Мы хотим обратить внимание, что административный арест, как вид административного взыскания, и лишение свободы на определенный срок, как вид наказания за совершение преступления, являются мерами ответственности, при которых лицо находится в изоляции от общества и ограничивается в некоторых правах. При этом в Концепции не акцентируется

внимание на необходимости более широкого применения на практике альтернативных административному аресту мер административной ответственности в отличие от применения лишения свободы.

Данный вопрос в некоторой степени разъяснил Пленум Верховного Суда Республики Беларусь в постановлении № 3 от 30.06.2022 г. «О применении судами норм Общей части Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях», где в п. 13 определено, что административный арест является наиболее строгим видом административного взыскания и может быть применен в случаях, когда с учетом характера и степени общественной вредности совершенного административного правонарушения, обстоятельств его совершения и личности виновного применение иных видов взысканий, предусмотренных в санкции, не обеспечит достижения целей административной ответственности.

Исходя из ст. 1.4 КоАП, при наложении такого административного взыскания как административный арест, оно должно быть соразмерным тяжести совершенного административного правонарушения и соответствовать цели его наложения.

Административная ответственность по ст. 10.20. КоАП предусматривает альтернативную санкцию: «наложение штрафа в размере до двух базовых величин или административный арест». Как определить, при какой ситуации достаточно наложения штрафа в качестве взыскания, а при каких условиях необходимо наложить административный арест вплоть до 15 суток? Полагаем, такая санкция является несоразмерной и несправедливой.

Мы видим целесообразным и справедливым введение дополнительной части в ст. 10.20. КоАП, которая будет устанавливать административную ответственность за действия, предусмотренные ч. 1 ст. 10.20 КоАП, совершенные повторно в течение одного года после наложения административного взыскания за такие же нарушения, и предусмотреть за такие действия административный арест как наиболее строгий вид административного взыскания.

Не соответствует также принципу справедливости возможность освобождения от административной ответственности при малозначительности административного правонарушения независимо от категории административного правонарушения. Полагаем, что с учетом характера и степени общественной вредности грубых правонарушений, они не могут быть признаны малозначительными. Таким образом, ст. 8.2 КоАП должна предусматривать освобождение от административной ответственности при малозначительности административного правонарушения только за административные проступки и за значительные административные правонарушения, как это предусмотрено при освобождении от административной ответственности с вынесением предупреждения по ст. 8.3 КоАП.

Воложина Д. В.

**АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ
ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О ЗАЩИТЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ**

*Воложина Дарья Витальевна, студентка 4 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь, dasha.volozhina@mail.ru*

*Научный руководитель: магистр юрид. наук, старший преподаватель
Петухова В. Е.*

Административная ответственность юридических лиц за нарушение законодательства о защите персональных данных является важным аспектом современной информационной безопасности. Защита персональных данных становится все более актуальной в условиях развития цифровых технологий и роста объемов собираемой, передаваемой и обрабатываемой информации. Актуальность данной темы обусловлена необходимостью обеспечения конфиденциальности и защиты личных данных граждан, а также возросшим количеством случаев утечки персональных данных.

Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» (далее – Закон) содержит положения, которые регулируют деятельность юридических лиц, связанную с обработкой и защитой персональных данных. Нарушение законодательства о защите персональных данных может быть связано с несоблюдением требований по сбору, обработке, хранению или предоставлению личных данных. В связи с необходимостью привлечения к ответственности лиц, нарушающих законодательство о защите персональных данных, в новой редакции Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) в 2021 г. была добавлена самостоятельная ст. 23.7 «Нарушение законодательства о защите персональных данных».

На наш взгляд, административная ответственность юридических лиц за нарушение законодательства о защите персональных данных преследует несколько целей. Во-первых, она действует как сдерживающий фактор, вынуждая организации уделять приоритетное внимание защите данных и принимать необходимые меры во избежание нарушений. Во-вторых, привлекая юридических лиц к ответственности за любое нарушение в области защиты персональных данных, законодатель подчеркивает важность соблюдения прав физических лиц на неприкосновенность частной жизни и обеспечивает наличие соответствующих гарантий.

В связи с тем, что правовой институт защиты персональных данных является своего рода нововведением, на сегодняшний день к актуальным проблемам административной ответственности юридических лиц за нарушение законодательства о защите персональных данных можно отнести следующие аспекты.

В первую очередь стоит отметить, что административная ответственность юридических лиц за нарушение законодательства о защите

персональных данных должна быть соразмерна характеру и тяжести правонарушения. За несоблюдение мер обеспечения защиты персональных данных физических лиц санкция ст. 23.7 КоАП предусматривает наложение штрафа в размере от 20 до 50 базовых величин. Тем не менее недостаточное соблюдение мер обеспечения защиты персональных данных физических лиц может способствовать распространению этих данных и, как следствие, возникновению серьезных последствий. Некоторые сведения могут быть использованы злоумышленниками, например, для звонков от фиктивных служб безопасности банков.

На наш взгляд, санкция ч. 4 ст. 23.7 КоАП несоразмерна тяжести тех последствий, которые влечет за собой несоблюдение мер обеспечения защиты персональных данных физических лиц, и должна быть ужесточена законодателем, например, путем увеличения штрафа до 100 базовых величин.

Второй проблемный аспект заключается в установлении совокупности тех критериев, которые лежат в основе применения административной ответственности по ч. 4 ст. 23.7 КоАП. В соответствии с ч. 2 ст. 4.6 КоАП необходимо установить, приняло ли юридическое лицо все меры по соблюдению норм (правил), за нарушение которых предусмотрена административная ответственность. В ст. 17 Закона помимо перечня обязательных мер по обеспечению защиты персональных данных содержится указание на то, что уполномоченное лицо обязано принимать правовые, организационные и технические меры по обеспечению защиты персональных данных от неправомерных действий в отношении них. Это говорит о том, что перечень мер по обеспечению защиты персональных данных является открытым. В таком случае установить, приняты ли все меры по обеспечению защиты персональных данных, весьма затруднительно, и при применении административной ответственности к юридическим лицам происходит объективное вменение, что, безусловно, является пробелом в законодательстве.

Для решения данных проблем необходимо постоянно совершенствовать законодательство в соответствии с развитием технологий, а также выработать единые подходы в правоприменительной практике по установлению условий для привлечения юридических лиц к административной ответственности.

Воскресенская М. А.

ПРАВО НА ОТДЫХ И ДОСУГ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

*Воскресенская Марта Александровна, студентка 2 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
marthyandalex@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Чешико В. Ю.

Право на отдых и досуг – общепризнанное право человека и гражданина на отдых, досуг и культурную жизнь.

В общегуманитарном смысле – это система гарантий, которая имеет целью предоставление любому человеку возможности реализовать свои

социальные права и исполнить семейные обязанности, удовлетворить культурные запросы и потребности в саморазвитии. Право воспринимает потребность человека в отдыхе и свободном времени как естественное право безотносительно к факту и форме участия лица в общественной организации труда или его социальной роли. При этом обычно отдых понимается как пассивная часть свободного времени, а досуг – его активное использование для частных дел и занятий, спорта, творчества, реализации любых социально-культурных потребностей личности.

Право на отдых и досуг зафиксировано в ряде основополагающих международных актов. Так, ст. 24 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. устанавливает, что «каждый человек имеет право на отдых и досуг, включая право на разумное ограничение рабочего дня и на оплачиваемый периодический отпуск».

Свободное время необходимо человеку для сохранения и поддержания здоровья, выполнения семейных обязанностей, общения, занятия спортом и творчеством, повышения своего образовательного и культурного уровня, участия в общественной жизни, обустройства жилища и других личных дел. Таким образом, право на отдых и досуг – это право, гарантирующее каждому полноценную социальную и личную жизнь, свободное распоряжение свободным временем с учетом личных предпочтений, целей и ценностей.

Такая формулировка дает основание утверждать, что право на отдых и досуг не может быть связано с гражданством лица, прочими его публично-правовыми характеристиками, не зависит от пола и возраста. Последнее также подтверждается ст. 31 Конвенции о правах ребенка 1989 г., в которой, в частности, определено: «Государства-участники признают право ребенка на отдых и досуг, право участвовать в играх и развлекательных мероприятиях, соответствующих его возрасту, и свободно участвовать в культурной жизни и заниматься искусством. Государства-участники уважают и поощряют право ребенка на всестороннее участие в культурной и творческой жизни и содействуют предоставлению соответствующих и равных возможностей для культурной и творческой деятельности, досуга и отдыха».

Статья 7 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. определяет, что «участвующие в настоящем Пакте государства признают право каждого на справедливые и благоприятные условия труда, включая, в частности, отдых, досуг и разумное ограничение рабочего времени и оплачиваемый периодический отпуск, равно как и вознаграждение за праздничные дни».

Указанные документы создают международно-правовую основу для закрепления в отраслевом законодательстве конкретных положений, направленных на реализацию права каждого человека на отдых и досуг сообразно степени его вовлечения в систематическую общественно-полезную трудовую деятельность. В связи с этим регулирование вопросов организации отдыха samozанятого населения, предпринимателей, адвокатов, нотариусов, лиц, занимающихся традиционными промыслами и ремеслами, практически отсутствует.

Государство гарантирует гражданам обеспечение прав и свобод, закрепленных в Конституции Республики Беларусь. Г. А. Василевич отмечает, что традиционной является классификация прав по сферам человеческой деятельности (личные, политические, экономические, социальные и культурные). Такая классификация также закреплена в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (разд. 1) и в Европейской социальной хартии (ч. 2). Однако действующая Конституция Республики Беларусь не дает четкой классификации прав и свобод человека, а также в науке конституционного права существуют и иные классификации, кроме традиционной.

Например, И. И. Котляр добавляет к вышеуказанному перечню еще и коллективные права. Кроме того, по мнению данного автора, социально-экономические права имеют жизненно важное значение для человека и без их предоставления традиционные гражданские и политические права во многом утрачивают смысл, а это означает, что, по сути, их разделение невозможно.

Право на отдых, предусмотренное ст. 43 Конституции Республики Беларусь, большинство исследователей относят к числу социально-экономических прав. При этом следует отметить, что понятие права на отдых в международных документах имеет более широкое содержание, чем в конституции нашей страны. Так, ст. 24 Всеобщей декларации прав человека гласит: «Каждый человек имеет право на отдых и досуг, включая право на разумное ограничение рабочего дня и на оплачиваемый периодический отпуск», в то время как ст. 43 Конституции Республики Беларусь закрепляет данное право только за рабочими: «Рабочие имеют право на отдых». Гарантии реализации данного права предусматриваются также только для работающих по найму: «Для тех, кто работает по найму, это право обеспечивается установлением рабочей недели, не превышающей 40 часов, сокращенной продолжительностью работы в ночное время, предоставлением ежегодных оплачиваемых отпусков, дней еженедельного отдыха». Из данного положения следует, что при занятости по договору подряда право на отдых, включая право на отпуск, не гарантируется Конституцией.

Гавриленко А. И.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

*Гавриленко Алексей Игоревич, аспирант 1 года обучения Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
aliaksei.haurilenka@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шаршун В. А.

До вступления в силу Закона Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» (далее – Закон) легальное определение персональных данных содержалось в Законе Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» (далее – Закон об информации, информатизации и защите информации).

Так, согласно предыдущей редакции абз. 24 ст. 1 Закона об информации, информатизации и защите информации персональные данные – это основные и дополнительные персональные данные физического лица, подлежащие в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь внесению в регистр населения, а также иные данные, позволяющие идентифицировать такое лицо. При этом отсутствовала какая-либо конкретизация, какие сведения позволяют идентифицировать физическое лицо. Следовательно, длительное время при определении персональных данных применялась достаточно узкая трактовка указанного термина.

В настоящее время наблюдается общемировая тенденция в закреплении более широкого подхода определения персональных данных. В силу абз. 9 ст. 1 Закона персональными данными признается любая информация, относящаяся к идентифицированному физическому лицу или лицу, которое может быть идентифицировано. Аналогичное определение содержится в п. 1 ст. 3 Федерального закона Российской Федерации от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», а также ст. 4 Общего регламента защиты персональных данных Европейского союза.

Таким образом, согласно нормам действующего законодательства Республики Беларусь персональными данными могут признаваться два вида информации: информация, относящаяся к идентифицированному лицу; информация, относящаяся к лицу, которое может быть идентифицировано.

Идентифицированным является лицо, личность которого уже известна, который однозначно выделен среди множества других лиц. Например, это указание фамилии, собственного имени, отчества лица в совокупности с другими данными, которые однозначно выделяют лицо среди других лиц. Вместе с тем обладание указанными сведениями не является обязательным для признания лица идентифицированным. К идентифицированным лицам могут также относиться и иные лица, личность которых известна ввиду наличия иных идентификаторов (пол, профессия, образование, хобби и т. п.).

Вместе с тем, если лицо однозначно не выделено среди остальных, то информация о нем может относиться к персональным данным как информация о физическом лице, которое может быть идентифицировано.

Таким лицом признается физическое лицо, которое может быть прямо или косвенно определено, в частности через фамилию, собственное имя, отчество, дату рождения, идентификационный номер либо через один или несколько признаков, характерные для его физической, психологической, умственной, экономической, культурной или социальной идентичности (абз. 17 ст. 1 Закона). Данное определение предусматривает отнесение к персональным данным информации о лице, которое может быть прямо или косвенно определено.

Физическое лицо, которое может быть прямо определено – это лицо, личность которого можно установить на основании имеющейся информации, без использования дополнительных сведений.

Физическое лицо, которое может быть косвенно определено – это лицо, личность которого нельзя установить на основании имеющейся информации,

но это можно сделать путем объединения такой информации с иными сведениями.

Кроме того, Закон предусматривает также ряд идентификаторов, наличие которых может свидетельствовать о возможности прямого или косвенного определения лица, в число которых входят признаки, характерные для: физической идентичности (пол, вес, рост, цвет глаз, состояние здоровья, психологической идентичности (информация о нейронной активности лица и др.), умственной идентичности (информация об образовании и др.), экономической идентичности (профессия, владение имуществом, уровень дохода, номер банковской карты и др.), культурной идентичности (увлечения, хобби и др.), социальной идентичности (вероисповедание, национальность, политические взгляды).

Таким образом, в действующем законодательстве Республики Беларусь закреплён широкий подход в определении понятия персональных данных, что в полной мере соответствует потребностям правоприменительной практики и тенденциям времени, а также способствует более эффективной защите прав и законных интересов субъектов персональных данных.

Гиголян Н. А.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

*Гиголян Нина Артаковна, студентка 2 курса Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина, г. Брест, Беларусь,
ninagigolyan2005@icloud.com*

Научный руководитель: старший преподаватель Сливко О. Я.

Предпринимательство – одна из форм профессиональной деятельности человека. Оно исторически обусловлено и непосредственно зависит от многих факторов, и не только экономических. Предпринимательской считается самостоятельная, осуществляемая на свой страх и риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ и оказания услуг. Субъектами предпринимательской деятельности могут являться как граждане (физические лица), в том числе иностранные и лица без гражданства, так и юридические лица (различные предприятия, учреждения, организации). Ко всем субъектам предпринимательской деятельности применяются основные правила, установленные гражданским законодательством.

Под предпринимательской ответственностью подразумеваются юридически неблагоприятные последствия, состоящие из обязанности предпринимателя выполнить определенные действия с целью устранить невыполненные обязательства, а также заключающиеся в лишении предпринимателя имущества, в запрещении, прекращении права на осуществление предпринимательской деятельности, принудительной реорганизации или ликвидации юридического лица. Ответственность возникает в случае нарушения обязательства в сфере предпринимательской деятельности.

Важно понимать, что индивидуальный предприниматель (ИП) остается именно физическим, а не юридическим лицом. Из этого следует, что:

- 1) у лица, зарегистрированного как ИП, нет разделения на имущество в коммерческом обороте и личное имущество;
- 2) у ИП нет руководящего органа. ИП самостоятельно управляет своими хозяйственными и прочими операциями;
- 3) ИП не имеет фирменного названия, но выступает под своим настоящим именем;
- 4) ИП регистрируется только по месту жительства (прописки), указанном в удостоверении личности.

Административные правонарушения в области предпринимательской деятельности определяются гл.13 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) и регулируют деятельность при работе с отходами металлов, незаконную предпринимательскую деятельность, долевое строительство, обман потребителей, нарушения в сфере торговли, общепита, при расчетах с населением, обороте алкогольной продукции.

Денежное взыскание в виде штрафа определено в ст. 6.4 КоАП, где при расчете денежного взыскания учитываются суммы ущерба, сделки. Согласно ст. 6.4 КоАП минимальный размер штрафа, налагаемого на индивидуального предпринимателя, не может быть менее двух базовых величин, а за нарушение порядка налогообложения – менее одной десятой базовой величины. А максимальный размер штрафа, налагаемого на индивидуального предпринимателя, не может превышать двухсот базовых величин, а за нарушение законодательства о труде, правонарушения в области финансов, рынка ценных бумаг и банковской деятельности, в области предпринимательской деятельности, а также за правонарушения против порядка налогообложения, порядка управления – пятисот базовых величин;

Административная ответственность индивидуальных предпринимателей в Республике Беларусь регулируется ст. 4.6 КоАП. Индивидуальные предприниматели в Беларуси могут быть привлечены к административной ответственности в случае нарушения законодательства и правил осуществления предпринимательской деятельности. Нарушения могут быть связаны с различными аспектами, включая финансовое обеспечение, нарушение требований по защите прав потребителей, охраны труда. За нарушения индивидуальные предприниматели могут быть подвергнуты таким административным взысканиям, как административный штраф, конфискация, взыскания стоимости и лишения права заниматься определенной деятельностью.

Например, административная ответственность индивидуальных предпринимателей закреплена в нормах следующих статей: неуплата или неполная уплата суммы налога, сбора (пошлины), платежа, взимаемого таможенными органами (ст. 14.4 КоАП); нарушение порядка оборота, перемещения, транзита алкогольной, непивной спиртосодержащей продукции, непивного этилового спирта, табачного сырья и табачных

изделий (ст. 13.18 КоАП); нарушение правил водопользования (ст. 16.35 КоАП); монополистическая деятельность (ст. 13.32 КоАП); нарушение требований законодательства об оценке соответствия техническим требованиям и аккредитации органов по оценке соответствия, а также требований законодательства о государственной регистрации продукции (ст. 24.7 КоАП); нарушение требований по охране и рациональному использованию недр (ст. 16.15 КоАП). Основанием для привлечения лица к административной ответственности по ст. 24.43 КоАП является непредставление в регистрирующий орган документов, требуемых для внесения изменений в свидетельство о государственной регистрации индивидуального предпринимателя, в случаях и сроки, установленные законодательством.

Решение о привлечении индивидуального предпринимателя к административной ответственности принимает соответствующий орган, ведущий административный процесс.

Относительно того, что индивидуальный предприниматель может быть привлечен к административной ответственности стоит отметить, что данный факт не дает ему иммунитета от гражданско-правовой ответственности. Если индивидуальный предприниматель совершил административное правонарушение, повлекшее за собой и имущественный ущерб и моральный, в этом случае возмещение неизбежно. В случае если индивидуальный предприниматель дал согласие на возмещение ущерба в определенном размере, то суд может решить вопрос с возмещением имущественного ущерба во время рассмотрения дела об административном правонарушении. В другом варианте, когда предприниматель не признает того факта что он обязан возместить имущественный ущерб или его не устраивает размер, вопрос возмещения имущественного ущерба решается в порядке гражданского судопроизводства.

В заключение следует сказать, что главное отличие индивидуального предпринимателя от прочих трудящихся и занимающихся бизнесом – полная хозяйственная и юридическая самостоятельность, т. е. у предпринимателя не бывает вышестоящего руководства.

Головёнкина А. Е.

МОЛОДЕЖЬ В ЦИФРОВОМ МИРЕ РОССИИ И БЕЛАРУСИ

*Головёнкина Анастасия Евгеньевна студентка 2 курса Марийского государственного университета, г. Йошкар-Ола, Россия,
anastasia.golovyonkina@yandex.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Мокосеева М. А.

В настоящее время обеспечение информационной безопасности стоит перед мировым сообществом и нашими странами как одна из важнейших задач. Эта проблема становится особенно актуальной, учитывая, что подростки находятся в группе наибольшего риска стать жертвами

киберпреступлений. Сосредоточимся на вопросах обеспечения безопасности и защиты прав молодого поколения в цифровой среде. Цифровая среда представляет собой новое поле влияния конституционного правопорядка, охватывающее теоретические и практические аспекты механизмов государственного регулирования. Молодые люди, как правило, не всегда осознают полную меру опасностей, подстерегающих их в онлайн-пространстве.

Отвечая на случаи нарушения прав и свобод граждан, было решено разработать Концепцию по защите прав и свобод человека и гражданина в условиях цифровой реальности Российской Федерации. В настоящее время эта Концепция находится в стадии разработки и находится на рассмотрении Правительства. Если она будет утверждена, министерства должны будут подготовить необходимую нормативную базу для ее вступления в силу, что предполагается к февралю 2024 г. В случае успешной реализации этой Концепции будут созданы необходимые правовые условия и механизмы для обеспечения информационной безопасности в нашей стране.

Власти обсуждают введение Цифрового кодекса для устранения проблем с разрозненными и устаревшими правовыми актами. Идея создания такого кодекса была одобрена Президентом Владимиром Путиным еще в 2020 г. Этот документ устанавливает четкие нормы для государственных информационных систем, которые сейчас регулируются неоднозначно. Кроме того, он определит общий стандарт для цифровой идентификации граждан. Этот документ необходим России, поскольку он урегулировал бы проблемы и пробелы нашей цифровой реальности.

Мы видим три основных направления совершенствования российского правового регулирования в этой сфере:

- 1) избежать чрезмерной привязки к термину «информационная система» и пониманию «цифровых прав». Важно понимать, что цифровые права молодежи не ограничиваются только информационными системами;
- 2) расширить и разъяснить подзаконное регулирование цифровых прав граждан и объектов, которое уже прописано в российском законодательстве;
- 3) завершить разработку Цифрового кодекса, чтобы уменьшить количество цифровых преступлений. Этот кодекс будет способствовать установлению четких правил в сети Интернет и регулированию развития цифровых сервисов на территории Российской Федерации.

В современной эпохе информационных технологий цифровые права молодежи становятся актуальной темой, охватывающей не только российское законодательство, но и Республику Беларусь. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, в стране проживает более 1,8 млн молодых граждан в возрасте от 14 до 31 года, что составляет 21 % от общей численности населения. Сегодня пришло время более детально рассмотреть и конкретизировать права и свободы человека в цифровой среде, и внедрить их регулирование, учитывая новую цифровую реальность.

При изучении законодательства наших белорусских коллег выявлены следующие цифровые права: право на использование электронной цифровой подписи; право на создание и использование информационных технологий,

информационных систем и информационных сетей; а также право на защиту персональных данных.

Вместе с тем Советом по вопросам правовой деятельности при Президенте Республики Беларусь в 2020 г. было принято решение о разработке двух самостоятельных законов о праве на доступ к информации и о цифровизации. Вот некоторые из основных аспектов цифровых прав: молодежь имеет право свободно выражать свои мнения и идеи в онлайн-среде; молодежь имеет право на доступ к информации и знаниям в интернете; молодежь имеет право на защиту своей приватности в онлайн-среде; молодежь имеет право на свободу объединения и участие в онлайн-сообществах, форумах и социальных сетях; молодежь имеет право на образование и развитие цифровых навыков, чтобы быть участниками цифрового общества; молодежь имеет право на защиту от кибербуллинга, киберпреследования и других онлайн-угроз; молодежь имеет право на участие в принятии решений, касающихся цифровой политики и развития информационного общества.

Важно, чтобы и государство, и общество придавали первостепенное значение защите и соблюдению этих прав, обеспечивая молодежи возможность свободного и безопасного использования информационных технологий. С нашей точки зрения, белорусским законодателям следует выполнить следующие шаги:

1) прежде всего на законодательном уровне четко определить понятие «частная жизнь в цифровом пространстве» и установить его грани;

2) далее, внести необходимые поправки в закон о цифровизации, чтобы закрепить понятие «частная жизнь» с учетом особенностей его реализации. В этом акте также следует урегулировать процедуры идентификации субъектов информационных отношений и четко определить стандарты биометрической аутентификации;

3) в конечном итоге, белорусским законодателям необходимо начать разработку цифровой нормативной базы, которая в долгосрочной перспективе станет частью закона, т. е. «цифрового кодекса».

Россия и Беларусь прекратили сотрудничество с многими зарубежными странами. Однако можно использовать ценный опыт Великобритании для совершенствования законодательства в цифровой сфере. В Великобритании действует закон, который эффективно защищает права детей и молодежи и внес следующие изменения: платформы, такие как TikTok, Snapchat, Facebook, Instagram и другие социальные сети, несут юридическую ответственность за размещенный контент и обязаны защищать пользователей под угрозой многомиллионных штрафов; закон требует удаления незаконного контента, включая сексуальное насилие над детьми и террористический материал; предусмотрены возрастные ограничения для пользователей; технологические компании обязаны применять меры проверки возраста для защиты детей и обеспечение прозрачности по рискам и опасностям для детей на крупнейших платформах.

Горун К. О.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СМИ

*Горун Кристина Олеговна, студентка 2 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь, krytsinaharun@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Чешко В. Ю.

Свобода мнений, убеждений и их свободное выражение гарантируется каждому в соответствии с Конституцией Республики Беларусь. Свобода слова – одно из фундаментальных прав человека, гарантирующее ему возможность свободно выражать свои мысли и идеи. Свобода слова позволяет людям корректировать и формировать общественное мнение. Вместе с тем осуществление названных прав и свобод может быть сопряжено с определенными ограничениями, которые предусмотрены законом.

Среди источников правового регулирования законодательства о СМИ в Республике Беларусь можно выделить: Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (КоАП), Уголовный кодекс Республики Беларусь, Закон Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-З «О средствах массовой информации», Указ Президента Республики Беларусь от 17.05.2011 г. № 192 «О поддержке отдельных средств массовой информации и некоторых организаций». К международным актам, регулирующим вопросы свободы слова и массовой информации, относятся: Международный пакт о гражданских и политических правах, Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Заключительный акт Сопредседательства по безопасности и сотрудничеству в Европе, Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека.

Проведем анализ административной ответственности за нарушение законодательства о средствах массовой информации в Республике Беларусь.

Актуальность исследования обусловлена стремительным развитием информационных технологий, необходимостью урегулирования правоотношений в сфере информации, а также определенными вопросами, возникшими в правоприменительной практике.

Для начала определим понятие СМИ. В соответствии с Законом Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-З «О средствах массовой информации» (Закон о СМИ): «Средство массовой информации – форма периодического распространения массовой информации с использованием печати, вещания теле- или радиопрограммы, глобальной компьютерной сети Интернет, а также сетевое издание как форма распространения массовой информации с использованием глобальной компьютерной сети Интернет».

Вопросы административной ответственности журналистов, а также редакций СМИ и других субъектов, осуществляющих производство и распространение продукции средств массовой информации в Республике Беларусь, разрешаются в настоящее время на основании КоАП. Статья 23.5

прямо устанавливает ответственность за нарушение законодательства о СМИ. Рассмотрим данный состав правонарушения.

Административная ответственность за нарушение законодательства о средствах массовой информации предусмотрена в ст. 23.5 КоАП, которая включает: нарушения, выразившиеся в незаконном ограничении свободы массовой информации (ч. 1); нарушения установленного порядка рассылки обязательных бесплатных экземпляров периодических печатных изданий (ч. 2); незаконные изготовление и (или) распространение продукции средств массовой информации (ч. 3); распространение информации, распространение которой запрещено в СМИ в соответствии с законодательными актами (ч. 4); распространение владельцем интернет-ресурса, не зарегистрированного в качестве сетевого издания, информации, распространение которой запрещено на интернет-ресурсах в соответствии с законодательными актами (ч. 5); получение денежных средств и (или) другого имущества в целях финансирования СМИ от иностранных юридических лиц, иностранных граждан и лиц без гражданства, постоянно не проживающих в Республике Беларусь, в случаях, когда это запрещено законодательными актами, а также от анонимных источников (ч. 6). К ответственности могут быть привлечены физические лица, вменяемые, достигшие возраста 16 лет, в том числе, должностные лица органов и организаций.

В соответствии с ч. 1 ст. 4.6 КоАП физическое лицо подлежит административной ответственности как индивидуальный предприниматель, если совершенное правонарушение связано с осуществляемой им предпринимательской деятельностью и прямо предусмотрено статьей Особенной части кодекса. Согласно ч. 2 ст. 4.6 КоАП юридическое лицо несет административную ответственность, если это предусмотрено санкцией статьи Особенной части кодекса.

Таким образом, юридические лица, поскольку они не названы в санкции данной нормы, субъектами правонарушения и ответственности не являются. Если гражданин является индивидуальным предпринимателем, то данный статус при привлечении к ответственности не учитывается.

Видовым объектом являются общественные отношения, позволяющие соблюдать правила информации.

Объективная сторона выражается в форме неправомерных действий, направленных на нарушение законодательства о средствах массовой информации: незаконном ограничении свободы массовой информации, нарушении установленного порядка рассылки обязательных бесплатных экземпляров периодических печатных изданий, незаконном изготовлении и (или) распространении продукции СМИ, распространении информации, которое запрещено, получении денежных средств и (или) другого имущества в целях финансирования СМИ от иностранных юридических лиц.

По конструкции состав правонарушения является формальным. Правонарушение считается оконченным в момент осуществления последнего акта действия (распространение, изготовление – понятия даются в Законе о СМИ).

С субъективной стороны данное административное правонарушение совершается умышленно.

КоАП предусмотрена административная ответственность за нарушение законодательства Республики Беларусь о средствах массовой информации в виде штрафа, конфискации предмета административного правонарушения.

Таким образом, полагаем, что установленная административная ответственность за нарушения законодательства о СМИ направлена исключительно на защиту прав граждан, охрану общественного порядка, предупреждение правонарушений в сфере массовой информации и, безусловно, способствует формированию правоприменительной практики в дальнейшем.

Елькина А. С.

ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛОЖЕНИЙ НОРМЫ «НАРУШЕНИЕ ТИШИНЫ И ПОКОЯ ГРАЖДАН» В АКТАХ РЕГИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

*Елькина Алена Сергеевна, магистрант 2 курса юридического факультета
Крымского Федерального университета имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Россия, forever.young2001@bk.ru*

Научный руководитель: старший преподаватель Скреля К. Ю.

Административно-деликтное законодательство Республики Крым развивается форсированными темпами, что обусловлено молодостью данного субъекта в составе Российской Федерации. Так, Закон Республики Крым от 25 июня 2015 г. № 117-ЗРК/2015 «Об административных правонарушениях в Республике Крым» (далее – ЗРК № 117-ЗРК/2015) был принят всего через год после проведения референдума на территории полуострова, по результатам которого тот вошел в состав Российской Федерации.

Данный нормативный правовой акт имеет определенное количество специфических особенностей как в самой структуре, так и в практическом применении закрепленных в нем норм. Подтвердим приведенное высказывание на примере ст. 2.1 «Нарушение тишины и покоя граждан».

Рассматривая вопрос реализации ст. 2.1 ЗРК № 117-ЗРК/2015 отметим, что до недавнего времени ее практическое применение было затруднено. Обусловлено это длительным отсутствием соглашения (до 2018 г.) между МВД РФ и Советом Министров Республики Крым о передаче МВД РФ части полномочий по составлению протокол об административных правонарушениях. Тем самым до принятия соглашения указанные нормы являлись «мертвыми» с точки зрения их практического применения.

В настоящий момент Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 августа 2018 г. № 1761-р «Об утверждении Соглашения между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Советом министров Республики Крым о передаче Министерству внутренних дел Российской Федерации части полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок

и общественную безопасность, предусмотренных ЗРК № 117-ЗРК/2015, содержит положение о передаче части полномочий по ст. 2.1 «Нарушение тишины и покоя граждан», несмотря на законодательное закрепление данной нормы в иной главе.

Полагаем, что данное несоответствие может негативно сказаться на практике правоприменения и в последующем привести к правовым коллизиям, так как несмотря на тождественность объектов данных правонарушений, законодатель относит их к разным главам. Следовательно, вопрос о компетентности составления протоколов сотрудниками органов внутренних дел по ст. 2.1 ЗРК № 117-ЗРК/2015 представляется дискуссионным. В рассматриваемом законе субъекта Республики Крым в принципе отсутствует также глава, посвященная правонарушениям в области охраны общественного порядка и общественной безопасности, что еще больше «размывает» границы сферы полномочий сотрудников полиции по составлению протоколов в области административных правонарушений.

Сущность вышеизложенного сводится к следующему: предлагается внести соответствующие изменения в ЗРК № 117-ЗРК/2015, выражающиеся в переносе ст. 2.1 «Нарушение тишины и покоя граждан» в гл. 7 «Административные правонарушения в области охраны общественного порядка», что обусловлено спецификой состава данного противоправного деяния, а также примером иных субъектов Российской Федерации. Более того, предложенное изменение могло бы предотвратить признание неправомерности действий органов внутренних дел в части составления протоколов по ст. 2.1 ЗРК № 117-ЗРК/2015.

Леонов И. В.

МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТЬ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ: КРИТЕРИИ И ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Леонов Иван Вячеславович, студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, urzhinskiy@bsu.by

Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Уржинский К. К.

Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) в качестве одного из оснований освобождения от административной ответственности предусматривает такое условие совершения правонарушения, как малозначительность деяния. Однако следует обратить внимание на то, что сам Кодекс не вполне конкретно раскрывает критерии признания общественно вредного деяния малозначительным. Полагаем, что это может создавать определенного рода трудности при правоприменении.

Статья 8.2 КоАП гласит, что малозначительным признается деяние, формально содержащее признаки какого-либо административного правонарушения, но которое с учетом своего характера, степени общественной вредности и обстоятельств совершения не причинило

и по своему содержанию не могло причинить значительного вреда охраняемым КоАП интересам. В данном определении законодатель говорит об объективной стороне. Вместе с тем в литературе отмечается: несмотря на то, что решающее значение для признания правонарушения малозначительным имеет анализ его объективной стороны, следует учитывать и субъективные моменты. В юридической литературе И. О. Подвальный высказана точка зрения, что при решении вопроса о малозначительности деяния следует принимать во внимание раскаяние правонарушителя. Данный тезис косвенно подтверждается п. 26 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 30 июня 2022 г. № 3 «О применении судами норм Общей части Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях», в соответствии с которым «признание совершенного административного правонарушения малозначительным только на основании данных, характеризующих лицо, в отношении которого ведется административный процесс, и смягчающих его ответственность обстоятельств законом не предусмотрено». Анализируя вышеизложенное, можно прийти к выводу, что законодатель предусматривает принятие во внимание анализ субъективной стороны правонарушения, а также оценку данных, характеризующих лицо в совокупности с иными критериями малозначительности правонарушения.

Возникает также ряд вопросов, связанных с категоризацией правонарушений, за совершение которых лицо может быть освобождено от уголовной ответственности при малозначительности деяния. В ч. 1 ст. 8.2 КоАП закреплено, что при малозначительности деяния лицо может быть освобождено от административной ответственности независимо от категории совершенного правонарушения. Но, как отмечал В. В. Степанов, круг правонарушений, за совершение которых лицо может быть освобождено от административной ответственности ввиду их малозначительности, стоит ограничить правонарушениями, в числе мер ответственности за которые имеется предупреждение.

В соответствии с ч. 1 ст. 8.2 КоАП малозначительным может быть признано деяние, которое «не причинило и по своему содержанию не могло причинить значительного вреда» охраняемым законом интересам. Таким образом, в качестве критерия малозначительности деяния выступает оценка негативных последствий правонарушения, в том числе потенциальных. К примеру, реализуемые продукты питания на незначительную сумму при отсутствии документов, подтверждающих качество товаров, могут нанести вред здоровью человека, при этом количество товара, как и размер дохода, полученного правонарушителем, может быть незначительно.

При оценке административного правонарушения на предмет возможности признания его малозначительным учитываются конкретные обстоятельства совершения правонарушения, характер вины, степень нарушения охраняемых публичных интересов, наличие либо отсутствие отягчающих ответственность обстоятельств. Незначительность вреда охраняемым КоАП правам и интересам может определяться в том числе и с

учетом стоимостной оценки предметов административного правонарушения, продолжительности совершения противоправного деяния (постановление экономического суда Минской области от 24.08.2018 по делу № 54-10Ап/2018).

Можно сказать, что незначительным административным правонарушением считается действие или бездействие, которое формально включает признаки нарушения административного закона, но учитывая характер нарушения, роль нарушителя, уровень причиненного вреда и серьезность последствий, не является значительным нарушением общественных правовых отношений.

Молодьянов В. А.

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ВЗЫСКАНИЙ В ВИДЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО АРЕСТА И ДЕПОРТАЦИИ

Молодьянов Василий Андреевич, курсант 3 курса Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, vasya.mol10@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Каразей О. Г.

Исполнение постановления о наложении административного взыскания – важная стадия административного процесса. Нормы, определяющие данный порядок, должны быть четкими и согласованными, не допускающими их различного толкования. Особое значение имеет процедура исполнения таких взысканий, как административный арест и депортация, поскольку они существенно затрагивают конституционные права и свободы человека.

Так, в ч. 1 ст. 14.2 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП) указано, что постановление о наложении административного взыскания подлежит исполнению по истечению срока на обжалование (опротестование), если жалоба не была подана в установленный срок, за исключением постановлений о наложении административного взыскания в виде административного ареста и депортации. При этом в ПИКоАП урегулированы только вопросы исполнения административного ареста, который согласно ч. 2 ст. 12.13 приводится в исполнение немедленно.

В связи с этим возникает ряд вопросов: когда такие постановления вступают в силу, правильно ли понимать, что административный арест исполняется до вступления постановления в законную силу?

Чтобы дать ответы на данные вопросы, необходимо применить метод логического толкования норм Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) и ПИКоАП.

Так, исходя из ч. 1 ст. 14.2 ПИКоАП для исполнения рассматриваемых взысканий нет необходимости дожидаться истечения срока обжалования. Однако в ч. 1 ст. 13.5 ПИКоАП этот срок установлен, он составляет пять суток. Полагаем, что данные нормы явно противоречат друг другу.

Также непонятно: как соотносится утверждение в ч. 2 ст. 12.13 ПИКоАП о немедленном исполнении административного ареста с вступлением в силу постановления?

Полагаем недопустимым исполнение депортации до истечения указанного пятидневного срока, чтобы исключить нарушение права на обжалование соответствующего решения, что является одним из принципов административного процесса. Однако следует согласиться с законодателем, что иностранного гражданина или лицо без гражданства, в отношении которого ведется административный процесс, нецелесообразно освобождать, так как впоследствии могут возникнуть сложности с установлением его местонахождения и последующим исполнением вступившего в силу взыскания.

Следует иметь в виду, что в соответствии с ч. 6 ст. 8.4 ПИКоАП в целях обеспечения постановления о наложении административного взыскания в виде депортации физическое лицо, в отношении которого применен указанный вид административного взыскания, с санкции прокурора может быть задержано на срок, необходимый для исполнения такого постановления. Соответственно, применительно к депортации законодателем все проблемные вопросы урегулированы, а исключение в ч. 1 ст. 14.2 ПИКоАП излишне.

Полагаем, что такую же норму, предусматривающую возможность задержать на срок до вступления постановления о наложении административного ареста в законную силу, логично закрепить и для административного ареста. Нет необходимости немедленно исполнять данное взыскание, а следует дать заинтересованным реализовать предусмотренный срок на обжалование, что будет соответствовать таким принципам административного процесса как обеспечение защиты прав, свобод и законных интересов, презумпции невиновности.

В ст. 1.3 КоАП определено, что привлечение к административной ответственности, наложение административных взысканий не иначе как по постановлению суда, органа, ведущего административный процесс. В этой части нормы, определяющие порядок исполнения административного ареста, противоречат принципу законности.

Учитывая вышеизложенное, видится обоснованным внести следующие изменения в ПИКоАП:

часть 2 ст. 12.13 исключить;

в части 1 ст. 14.2 слова «, а также в виде административного ареста и депортации» исключить;

дополнить ст. 8.4 частью 6-1 следующего содержания:

«6-1. В целях обеспечения постановления о наложении административного взыскания в виде административного ареста физическое лицо, в отношении которого применен указанный вид административного взыскания, задерживается до вступления в силу постановления по делу об административном правонарушении, но не более чем на срок наложенного административного взыскания.».

Таким образом, предлагаемые изменения будут позволять реализовывать конституционные права и свободы человека, согласуют отдельные положения законодательства, а также исключат различное толкование нормативных правовых предписаний.

Новик Ю. А.
К ВОПРОСУ ОБ ОТНЕСЕНИИ СООКІЕ-ФАЙЛОВ
К ПЕРСОНАЛЬНЫМ ДАННЫМ

Новик Юлия Александровна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, constlaw.bsu@yandex.by

Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Абламейко М. С.

Cookie-файлы – это данные небольшого объема, которые создаются при посещении пользователями веб-сайтов, хранятся на их компьютерах и содержат информацию, например, о настройках веб-сайта или о профиле. Cookie-файлы являются одним из способов идентификации в современных информационных системах.

Cookie могут собирать следующую информацию:

- идентификатор пользователя (уникальный номер);
- предпочтения пользователя (фильтры, которые он ставил, часто посещаемые сайты);
- история посещений сайта;
- информация о браузере пользователя;
- IP-адрес пользователя.

Cookie могут быть использованы для улучшения пользовательского опыта, анализа посещений сайта и таргетированной рекламы.

Выделяют различные виды cookie-файлов (сессионные, постоянные, аутентификационные, трекинговые, социальных сетей, flash cookies и др.) отличаются они по целям и по периоду хранения, схожи они в том, что позволяют идентифицировать пользователя.

В соответствии с Законом Республики Беларусь «О защите персональных данных» персональные данные – любая информация, относящаяся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано.

В 2013 г. в журнале «Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики» № 6 было опубликовано исследование российских ученых, в ходе которого был проведен анализ истории посещения сайтов более чем 260 000 пользователей, собранной с помощью cookie-идентификаторов в сети Интернет, которые хранятся на их компьютерах, что позволило идентифицировать пользователей. Однако пользователь и его компьютер или браузер в этом исследовании отождествлялись, что не всегда корректно. По результатам последних исследований, доля многопользовательских компьютеров (т. е. таких, за которым работают два и более пользователей) варьируется от 20 до 40 %. Однако исследователями был предложен способ однозначной идентификации пользователей в подобных ситуациях. Они проводили идентификацию с помощью бинарных мер сходства объектов по математической формуле. Таким способом было однозначно идентифицировано 76,7 % пользователей из 260 000.

В международной практике также присутствуют дела, в соответствии с которыми файлы cookie были признаны персональными данными, например, в деле социальной сети LinkedIn: Определение Московского городского суда от 10.11.2016 по делу No 33-38783/2016.

Cookie-файлы относятся к персональным данным, потому что:	Cookie-файлы не относятся к персональным данным, потому что:
Cookie-файлы позволяют идентифицировать пользователя с высокой долей вероятности.	Cookie-файлы позволяют определить лишь устройство.
Пользователя и устройство можно отождествить в 20–40% случаев.	Идентификация пользователя не является однозначной.
Среди нескольких пользователей компьютера можно однозначно идентифицировать каждого с помощью бинарных мер сходства объектов.	
Cookie-файлы содержат информацию, которая относится к идентифицированному физическому лицу.	

Cookie-файлы можно отнести к персональным данным, потому что:

- 1) это информация, которая позволяет идентифицировать пользователя устройства на данном этапе технического развития;
- 2) это информация, относящаяся к идентифицированному пользователю устройства.

Однако нельзя отождествлять правовое регулирование категории персональных данных и cookie-файлов, поскольку они имеют разные цели и разную вероятность идентификации. Так, в Европейском союзе существует отдельная директива (Directive 2002/58/EC), которая регламентирует использование cookie-файлов. Такой опыт правового регулирования мог бы быть эффективен и в Республике Беларусь.

Прокурат Д. В.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «ОБЩЕСТВЕННОЕ МЕСТО» В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

*Прокурат Денис Витальевич, студент 2 курса Белорусского государственного экономического университета, г. Минск, Беларусь,
prokurat2005@gmail.com*

*Научный руководитель: ассистент кафедры международного
экономического права Рамазанова Н. О.*

Одной из важнейших проблем для белорусского правоприменителя является отсутствие правового закрепления понятия «общественное место» в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях

(далее – КоАП). В соответствии со ст. 19.3 КоАП «Распитие алкогольных, слабоалкогольных напитков или пива, потребление наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в общественном месте либо появление в общественном месте или на работе в состоянии опьянения» к «общественным местам» относятся: улица, стадион, сквер, парк, общественный транспорт и другие общественные места.

Согласно статистике, предоставленной Верховным Судом Республики Беларусь, в 2020 г. число лиц, в отношении которых районными (городскими) судами были вынесены постановления по ст. 19.3 КоАП, составило 29715, в 2021 г. – 20829, а в 2022 г. – 38375. Согласно нашим расчетам, в процентном соотношении количества лиц, в отношении которых районными (городскими) судами были вынесены постановления по ст. 19.3 КоАП к общему количеству лиц, в отношении которых районными (городскими) судами были вынесены постановления, составило $\approx 10\%$, $\approx 10\%$ и $\approx 17.5\%$ соответственно. Не исключено, что одной из причин такого количества административных правонарушений по данной статье является отсутствие правового закрепления понятия «общественное место» в КоАП.

Вопрос правового закрепления понятия «общественное место» подвергается дискуссии как в научной литературе, так и на практике.

Ранее в законодательстве было закреплено понятие «общественное место». В постановлении Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 31 марта 2007 г. № 82 «Об утверждении Инструкции о порядке заполнения регистрационных карточек единой государственной системы регистрации и учета правонарушений», «общественное место» – участки местности, здания, сооружения, маршрутные транспортные средства, находящиеся в пределах населенного пункта, за исключением жилищ и огороженных участков местности, прилегающих к жилищам граждан индивидуальной застройки, а также находящиеся вне пределов населенного пункта маршрутные транспортные средства, здания и сооружения, предназначенные для свободного (за плату) посещения гражданами. Однако данное постановление утратило силу.

Например, Р. В. Сидорцов предложил закрепить понятие «общественное место», рассматривая его как территорию или объект, имеющие открытый доступ, на которых постоянно либо временно реализуются общественные отношения между людьми, возникающие в бытовой, культурной, рекреационной либо в иных сферах социальной жизни, а в свою очередь И. Д. Мотрович предложил закрепить в качестве понятия «общественное место» исчерпывающий список подходящих под данное понятие объектов.

Считаем подходящей дефиницию «общественного места», предложенную Х. К. Алиевым, а именно: места, которые находятся как в черте населенных пунктов, так и за пределами, открытые для свободного доступа лиц, обладающие признаками публичности, предназначенные для общего пользования в формах и способах, не запрещенных законом – которая в такой формулировке должна быть закреплена в ст. 1.10 КоАП Республики Беларусь.

Снарова В. А.

УСИЛЕНИЕ РОЛИ СЕМЬИ В ПРОФИЛАКТИКЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

*Снарова Валерия Александровна, студентка 4 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
snarova.valeri@yandex.by*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Ладутько В. К.

В настоящее время неблагоприятная семейная среда, кризис семьи и проблемы семейного общения многими учеными и практическими работниками, занимающимися изучением социальных девиаций детей и подростков, по-прежнему ставятся во главу причинного комплекса административной деликтности и преступности несовершеннолетних, поскольку семья, подготавливая ребенка к жизни в социуме, несомненно, является первой ступенью в развитии личности.

Основываясь на международном опыте организации деятельности по профилактике правонарушений несовершеннолетних, констатируем следующее: в современных реалиях именно семья должна являться центральным и наиболее действенным механизмом в системе профилактики правонарушений несовершеннолетних в Республике Беларусь.

В связи с этим назрела острая необходимость белорусского общества в укреплении правовой основы контрольной деятельности за процессом воспитания детей, что, в свою очередь, обусловлено проблемой несовершенства и недостаточного профилактического потенциала института ответственности родителей или лиц, их заменяющих, за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию и содержанию детей.

В Республике Беларусь применение диспозиции ч. 1 ст. 10.3 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) возможно лишь при совершении ребенком, не достигшим возраста административной или уголовной ответственности, деяния, содержащего признаки административного правонарушения либо преступления. При этом ключевое значение в данном случае имеет правильное установление причинно-следственной связи между деянием ребенка и, соответственно, действиями родителей или лиц, их заменяющих, по его воспитанию. В тех ситуациях, когда ребенок совершает административное правонарушение или преступление, за которое подлежит привлечению к административной или уголовной ответственности, вследствие отсутствия надзора за его поведением со стороны родителей или лиц, их заменяющих, негативные юридические последствия для последних исключаются.

Не признается также в качестве административно наказуемого деяния ненадлежащее воспитание и содержание ребенка, повлекшее нарушение его прав и законных интересов или признание его находящимся в социально опасном положении.

Данный подход законодателя к определению объективной стороны рассматриваемого состава административного правонарушения видится нам необоснованным: существенно затруднена возможность оказания воздействия на родителей несовершеннолетних или лиц, их заменяющих, вне отрыва от наступления последствий ненадлежащего исполнения обязанностей по воспитанию и содержанию детей – совершения ребенком административного правонарушения или преступления.

Таким образом, с учетом международного опыта в целях усиления роли семьи в профилактике правонарушений несовершеннолетних в Республике Беларусь представляется целесообразным:

1) привести положения ст. 67 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье и ст. 17 Закона Республики Беларусь «О правах ребенка» в соответствие с ч. 3 ст. 32 Конституции Республики Беларусь, ввиду расширения прав и обязанностей родителей или лиц, их заменяющих, по воспитанию детей в контексте конституционной реформы 2022 г.;

2) обеспечить единство терминологии («родители или лица, их заменяющие» и «неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию и содержанию детей») во исполнение основных требований нормотворческой техники, регламентированных в ст. 28 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах»;

3) уточнить объективную сторону состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 10.3 КоАП, принимая во внимание приведенные в соответствии с Конституцией положения законодательства Республики Беларусь о браке и семье;

4) предусмотреть повышенную ответственность родителей или лиц, их заменяющих, за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию и содержанию детей, повлекшее совершение несовершеннолетним административного правонарушения либо преступления, вне зависимости от достижения последним возраста наступления административной или уголовной ответственности;

5) обеспечить единообразную практику привлечения к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного ст. 10.3 КоАП Республики Беларусь, обоих родителей в силу признания за ними равенства прав и обязанностей в отношении своих детей.

Представляется, что реализация предложенного в законотворчестве и правоприменительной практике позволит не только оперативно и безусловно достигать целей административной ответственности в части воспитания родителей или лиц, их заменяющих, предупреждения совершения новых правонарушений как самими родителями, так и их детьми, но и позволит создать дополнительные гарантии защиты прав и законных интересов несовершеннолетних в Республике Беларусь.

Чичиков И. О.

ЭЛЕКТРОННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ РЕЦЕПТ: АНАЛИЗ ПРИМЕНЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

*Чичиков Иван Олегович, студент 3 курса Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой, г. Новополоцк, Беларусь,
i.o.chichikov@students.psu.by*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шахновская И. В.

Внедрение электронного медицинского рецепта является одним из ключевых аспектов современной медицинской практики. В мировой практике множество стран уже успешно внедрили электронный медицинский рецепт, что значительно улучшило доступность и качество медицинской помощи. На данный момент активно внедряются информационные технологии в системе здравоохранения Республики Беларусь. Успешно выполняется переход учреждений здравоохранения к использованию электронных рецептов (к системе подключено уже более 600 учреждений, выписано более 7 млн электронных рецептов).

АИС «Электронный рецепт» – формирование единой базы данных электронных рецептов и обеспечение доступа к информации о назначенных и отпущенных лекарственных средствах в оперативном режиме.

Основными целями создания электронного медицинского рецепта являются:

- улучшение качества оказания медицинской помощи пациентам;
- проведение разнообразных анализов и исследований;
- гарантирование правильности назначенного лекарственного лечения;
- предотвращение возможности подделки рецептов.

Электронный рецепт представляет собой пластиковую карточку светлого зеленого цвета со штрих-кодом. Она содержит в себе идентификационные данные пациента: фамилию, имя, отчество и другие персональные данные, а также информацию о выписанных лекарствах.

Карта содержит уникальный номер. Для повышения скорости ввода уникального номера и минимизации ошибок на пластиковую карту наносится соответствующий линейный штрих-код, который может считываться сканерами штрих-кода как в аптеке, при отпуске лекарственных средств, так и в организации здравоохранения, в рамках различных электронных сервисов. Для получения услуг через систему «Электронный рецепт» пациенту необходимо зарегистрироваться в АИС «Электронный рецепт».

Для получения карты гражданин должен посетить поликлинику по месту жительства, предъявить паспорт и заполнить бланк формы информированного согласия об использовании пластиковой карты «Для медицинского обслуживания» и о передаче ограниченной персональной информации через коммуникационные каналы. Карта выдается в поликлинике бесплатно.

После назначения лекарственного средства лечащий врач заполняет электронный рецепт, который передается в центр обработки данных по

безопасным каналам связи и сохраняется в реестре электронных рецептов, и подтверждает правильность электронной цифровой подписью.

Для получения лекарств, выписанных в электронной форме, гражданин должен предъявить пластиковую карту и бумажный рецепт в аптеке, где фармацевт сканирует карту, идентифицирует гражданина, обращается к реестру электронных рецептов и выдает назначенные лекарственные средства.

При потере карты нужно обратиться в поликлинику, предъявив паспорт, тогда безвозмездно выдадут новую.

Внедрение электронного медицинского рецепта в медицинскую практику может принести множество преимуществ и улучшить качество оказания медицинских услуг. Такими преимуществами являются:

- повышение эффективности работы врачей и аптек;
- снижение риска ошибок при выписке и исполнении рецептов;
- улучшение мониторинга и контроля над прописанными лекарствами;
- сбор и анализ данных о прописанных лекарствах.

Однако для успешного развития электронного медицинского рецепта в Беларуси необходимо решить ряд организационных, технических и правовых вопросов:

- разработать единые стандарты и протоколы для обмена информацией между врачами и аптеками;
- обеспечить защиту персональных данных пациентов;
- повысить информационную грамотность населения;
- обучить медицинский персонал;
- обеспечить учреждения здравоохранения необходимой инфраструктурой;
- создать необходимую правовую базу.

Электронный рецепт – это эффективный и удобный способ выписывания рецептов на лекарственные препараты, который значительно упрощает процесс получения лекарств пациентами, а также повышает качество медицинской помощи.

Шинкарук Д. А.

К ВОПРОСУ О КОДИФИКАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

*Шинкарук Даниил Александрович, магистрант Белорусского
государственного экономического университета, г. Минск, Беларусь,
daniil.shinkaruk@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шафалович А. А.

Внедрение информационных технологий, в том числе и в правовую сферу, обуславливает необходимость правовой регламентации принципиально новых, информационных общественных отношений. Для этого необходимо принятие принципиально новых законодательных актов. Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, выступая на торжественной церемонии подписания Решения республиканского референдума, справедливо отметил: «Парламенту

пора выходить на принципиально новый уровень работы. Создавать законы нового поколения, которые будут являться ключевым правовым инструментом».

В настоящее время в Беларуси существует достаточно большое количество нормативных правовых актов, регламентирующих общественные отношения в области информации. К ним следует отнести Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации», Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных», Закон Республики Беларусь от 5 января 2013 г. № 15-З «О коммерческой тайне» и др.

Многообразие законодательных актов, как нам представляется, создает некоторые проблемы в правоприменении.

В научной литературе существует немало работ, посвященных вопросам информационного права. К числу таких можно отнести работы ученых-правоведов М. С. Абламейко, Д. Г. Полещука, Р. Н. Ключко и др. Вместе с тем отметим, что исследований, посвященных рассматриваемой проблематике, существует мало. По нашему мнению, заслуживают внимания работы В. Н. Кивеля и А. В. Кивель, а также Ю. Г. Иванцовой и Е. Н. Кудряшовой. В связи с этим следует констатировать актуальность исследуемого вопроса.

Следует поддержать позицию В. Н. Кивеля и А. В. Кивель, что «для систематизации информационного законодательства необходимо объединить его в один нормативный правовой акт и принять Информационный кодекс Республики Беларусь».

На наш взгляд, кодификация является оптимальной формой нормотворческой техники. Как отмечают Ю. Г. Иванцова и Е. Н. Кудряшова, «посредством кодекса как формы кодифицированного акта осуществляется всестороннее правовое регулирование определенных общественных отношений. В большинстве случаев норм кодекса вполне достаточно для решения того или иного правового казуса и в связи с чем отпадает необходимость обращения к другим законодательным и подзаконным актам».

В заключение полагаем возможным сделать следующий вывод: большое количество нормативных правовых актов, регламентирующих информационные отношения в Республике Беларусь, создает определенную проблему в реализации норм на практике. В связи с этим представляет научный и практический интерес мнение относительно принятия Информационного кодекса Республики Беларусь.

Кроме того, как отметил Глава белорусского государства во время вышеназванного выступления: «Важно, чтобы отношения регулировались системно. Ситуаций, когда мы приняли закон, а затем несколько раз приходили к Президенту, чтобы что-то поменять или доработать больше быть не должно».

По нашему мнению, решить названную проблему позволит кодификация информационного законодательства. Представляется, что это будет способствовать стабилизации общественных отношений в области информационного законодательства.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ И ИНТЕГРАЦИОННОЕ ПРАВО

Dilixiati D.

CIRCUMVENTION OF THE LAW AS A CONFLICT OF PRIVATE AND PUBLIC INTEREST (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF BELARUS)

*Dilixiati Duolikun, master student at Belarusian State University, Minsk, Belarus,
law.dilisyat@bsu.by*

Supervisor: Mikhailouski Vadzim, PhD of Political Science, associate professor

If it is possible to apply the rules of foreign law in relations with a foreign element, the parties may be tempted to circumvent the legal norms of domestic legislation, which form the basis of the national legal order, containing imperative prescriptions and regulating the relevant relations regardless of the law to be applied. One of the legal mechanisms designed to prevent the emergence of such a situation is the institute of “circumvention of the law”.

Article 1097 of the Civil Code of the Republic of Belarus (hereinafter – the Civil Code of Belarus) establishes that “*agreements and other actions of participants in relations regulated by civil legislation aimed at circumventing the rules of this section on the applicable law to subject the relevant relations to another law are invalid. In this case, the law of the relevant state subject to application in accordance with this Section shall apply*”.

For example, in case of cross-border transfer, personal data “leave” the scope of Belarusian legislation and fall under the jurisdiction of another state (the legislation “does not follow” the data). In the absence of rules on cross-border transfer, there would be a possibility to circumvent the requirements of paragraph 14 of Article 1 of the Law of the Republic of Belarus of May 7, 2021 No. 99-3 “On personal data protection” by transferring processing to other countries with simplified requirements for data processing.

The institution of circumvention of the law traditionally comes from private law. In the doctrine prevails the point of view, according to which the *circumvention of the law is recognized as an act of a person, which does not contain elements prohibited by law, but at the same time serves to achieve the purpose prohibited by law*. In studying the legality of the persons’ actions, the focus so far has been exclusively on the purpose (*unjust intent of the parties*) of the subject's legal action and the determination of the peremptory norm that is violated by such actions (*ius cogenes*).

Nevertheless, until now, the application of the institution of circumvention of the law in the field of public economic law raises many interpretative doubts, both in doctrine and in judicial practice.

The fundamental problem concerns the consideration of *a persons’ intentions*, i.e. whether they must have an *a priori intention to act to circumvent the law*, or whether *they can do so unconsciously*. The said problem is particularly significant

in public economic law, since, on the one hand, persons are *free to act* (*freedom of contract principle*, see for example, art. 2 of the Civil Code of the Republic of Belarus (thereof – the Civil Code of Belarus), and, on the other hand, *must comply with strict* rules about the regulated activity; in practice, due to the complexity of normative matter, it is difficult to indicate at what point an action is nevertheless lawful.

Thus, Mr. Alex Muranov, Russian lawyer considers the following: “Suppose Russian persons who do not want to notarize a transaction in Russia (because of the high state duty), go to another country where a simple written form is established for such transactions, and there they make such a transaction and subsequently claim that the rule of *locus regit formam actum* applies to it”. From the point of view of the *classical theory of “circumvention of the law”* there is a circumvention of the law in this particular case.

But since we are still able to apply to Article 1097 of the Civil Code of Belarus, nothing will come of it. First, there is no “circumvention” in this case, because “the rules of this section on the applicable law” (*locus regit formam actum*) must be applied, and the parties insist on it. Second, the parties have not subjected the form of the transaction to some other law, but to *the law of the place of the transaction*.

It seems, since this institution is a form of control over the interpretation and application of legal norms by persons (including general legal principles, for example, *principle of estoppel*), it should also cover cases when persons in fault do not realize the nature of their actions.

Thus, in the case of circumvention of the law, there is *a conflict between the values of business freedom and public interest* (e.g.: concessions, licenses, special permits – rights and obligations arising from them).

In law, a *value is a socially recognized and established practice of behavior*, which is transformed into the sphere of norming laws and creating *metanorms*, which is conditioned by the *reaction of the state (institution of law circumvention)*, aimed at consolidating the already existing consistent and hierarchically ordered system of values included in legal norms. That is, the control over the circumvention of the law is carried out as a control over compliance with systemic norms.

The control of circumvention of the law is complicated and concerns such points as: 1) *in fraudem legis* (*anything done in fraudem legis is void in law*); 2) general control over whether their *mutual will (purpose of transactions)* is not directed to generate an effect prohibited by law.

By virtue of the principle of *ignorantia iuris nocet* all subjects of economic relations are obliged to comply with applicable legal norms, i.e. reference to the absence of a *deliberate purpose (unlawful intent to circumvent the law)* does not exempt from liability.

There are two forms of *non-compliance with the law*: 1) *contra legem* (*against the law*), behavior prohibited by a legal norm or non-compliance with such a norm; and 2) *praeter legem* (*outside the law*) actions, i.e. an intentional

act to achieve a prohibited purpose through conduct that purportedly constitutes the application of a different legal norm.

However, there is also *indirect action* which is *not stipulated*, but also *not prohibited by law*, i.e. which does not undermine the values contained in other norms, since such action is legitimate in certain situations.

Another important provision in the interpretation of the institute of circumvention of the law is Art. 9 of the Civil Code of Belarus (*abuse of right – estoppel*), which defines *expressis verbis* the limits of formation of private law actions and determines the consequences of exceeding such limits – *invalidity of actions* (absolute), or the action does not give rise to the legal consequences that the party hoped for, i.e. *illegality*.

Thus, the author comes to the following findings:

1. There is a margin for actions not provided for but not prohibited by law in any legal system (*legislative gap*).

2. Subjects of economic legal relations are obliged to comply with duly established legal norms.

3. Circumvention of the law and control of the integrity of system values shall be applied in public economic law on the basis of general principles of interpretation of public law.

4. As a rule, the actual action is within the limits of another lawful action, if the intention is lawful, and goes beyond the legally permissible, due to the collision with the prohibiting norm, if it is unlawful.

5. Circumvention of the law, on the contrary, indicates a violation of the values essential to the legal system.

Circumvention of the law in public economic law as a rule applies to actions of private law nature, but in relation to the norms of public law, in connection with which it is assessed in accordance with the provisions of the Civil Code of the Republic of Belarus, supplemented by the norms of public law – control of a complex nature.

Александров Д. О.

СОВМЕСТНЫЕ ПРОЕКТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН В НЕФТЕГАЗОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

*Александров Даниил Олегович, магистр 2 курса Российского
государственного университета нефти и газа (НИУ) им. И. М. Губкина,
г. Москва, Россия, dan2001-2001@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Смирнов М. Г.

За период 2020–2022 гг. на фоне санкций, наложенных со стороны европейских и других государств, Россия все больше отдает приоритеты во внешней политике дружественным странам, среди которых можно отметить страны СНГ, ЕАЭС, БРИКС, ШОС и др. В энергетическом сотрудничестве, а именно в нефтегазовой сфере, достаточно перспективными являются

отношения с арабскими странами Ближнего Востока, а также с Ираном и государствами Средней Азии. Беларусь, в свою очередь, тоже подвергается множественным санкциям со стороны государств так называемого Запада, поэтому предложение по совместным проектам между Российской Федерацией, Республикой Беларусь и Исламской Республикой Иран должны представлять значительную актуальность. Это касается и сферы энергетики, в том числе в различных направлениях развития сферы топливно-энергетического комплекса (ТЭК).

В 2022 г. «Газпром» и «Иранская национальная нефтяная корпорация» подписали меморандум о взаимопонимании между компаниями. Планируются совместные проекты ценой в 40 млрд долл., которые включают в себя разработку газовых месторождений «Киш» и «Северный Парс», и разработку шести нефтяных месторождений. Несмотря на то, что нефтегазовые компании Республики Беларусь в основном специализируются на нефтепереработке, в Беларуси также есть и компании, предлагающие свои услуги на этапе бурения скважины, прежде всего компания с более чем 50-летним стажем геологоразведки и бурения «Белоруснефть». Решения о совместной деятельности наряду с российскими компаниями помогут ускорить разработку Иранских месторождений, а также они могут использоваться и на российских месторождениях.

Перспективным направлением сотрудничества также является строительство предприятия для сжиженного природного газа (СПГ). У России уже есть опыт реализации подобных проектов – Ямал, Сахалин-2 и др. Беларусь обладает опытными кадрами в работе с углеводородами – на Полоцком и Мозырском НПЗ, где используются помимо российских и авторские наработки. В свою очередь у Ирана достаточно хорошее географическое положение – имеет выход в Индийский океан, откуда открывается путь в страны Юго-Восточной Азии и др. Совместная деятельность трех стран в этом направлении будет устраивать все стороны.

При развитии транспортного коридора Север-Юг дополнительным преимуществом могут стать и поставки сырой нефти из Ирана в Республику Беларусь, поскольку Исламская Республика уже долгие годы находится под санкциями и использует перевозки серыми танкерами, чтобы компенсировать влияние ограничений на нефть и газ. Импорт углеводородов может стать преимуществом и для самой Республики Беларусь, поскольку полученные нефтепродукты можно будет экспортировать в Россию и другие регионы. Это особенно важно в нынешнее нестабильное для рынка время, когда черное золото и продукты его перегонки могут стать на вес золота.

Объединение усилий Российской Федерации, Республики Беларусь и Исламской Республики Иран в нефтегазовом комплексе создадут новые возможности для развития ТЭК. Предлагается создание международного трехстороннего соглашения Россия-Беларусь-Иран в нефтегазовой сфере.

Бабич А. А.
**ИНТЕГРАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ПРОЦЕССЕ ОСВОЕНИЯ И
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОСМОСА: РЕЗУЛЬТАТЫ РЕТРОСПЕКТИВНОГО
АНАЛИЗА КАК ОСНОВА В ОПРЕДЕЛЕНИИ ПЕРСПЕКТИВ**

Бабич Андрей Андреевич, аспирант 2 курса Московского городского педагогического университета, г. Москва, Россия, babichaa@mgpu.ru

Научный руководитель: доктор юрид. наук, доцент Крупеня Е. М.

Актуальность вопроса параллельного совместного развития двух национальных правовых, а также научных и технических систем России и Беларуси обусловлена как современными реалиями, так и крупным пластом исторических обстоятельств. Важным становится не только учет существующего и используемого наследия СССР, но и установленного надгосударственного статуса «союзных государств», отражающего общность направлений развития политической, экономической, культурной и иных сфер.

Рассматривая вопрос взаимодействия государств в точки зрения ретроспективного анализа, стоит отметить, что в настоящее время между Российской Федерацией и Республикой Беларусь уже имеется практический опыт взаимодействия в космической сфере. В качестве основного примера можно привести как научно-технические программы, включая: «Космос-БР», «Космос-НТ», «Космос-СГ», «Мониторинг-СГ», «Нанотехнология-СГ», так и демонстрационные мероприятия: «Международный авиационно-космический салон» (МАКС), выставка «ИННОПРОМ-2023» и ряд иных, посвященных как телекоммуникационным и геоинформационным процессам, так и вопросам информационной и техногенной безопасности обоих государств.

Несмотря на то, что названные элементы базируются на ряде принципов сотрудничества, выведенных в рамках «Договора о создании Союзного государства» 1999 г., в настоящий момент отсутствует какой-либо актуальный документ, конкретизирующий или выстраивающий четкие и процедурные аспекты дальнейшего взаимодействия государств в космосе.

В качестве главного аргумента отметим, что данная проблема находит выражение не только в договорном, но и национальном праве. Например, актуальная «Стратегия развития космической деятельности России до 2030 года...» в вопросе международного взаимодействия ограничивается лишь наиболее общими положениями, включая: «осуществление взаимодействия с технологически развитыми странами в сфере создания и использования космической техники, предполагающего взаимовыгодный и должным образом регулируемый обмен передовыми технологиями...»

В соответствии со всем вышесказанным приходится признать, что надлежащее и соответствующее вызовам времени и перспективам совместного развития правовое регулирование интеграционных процессов России и Беларуси по вопросам об использовании космоса отсутствует. Однако для разрешения сложившейся ситуации целесообразно прибегнуть не только к системе международных договоренностей, но и к изменению

внутреннего законодательства, в том числе с учетом уже имеющегося, но не нашедшего полноценной реализации опыта.

Так, ранее существовавшая Федеральная космическая программа России на 2006–2015 годы, которая была перенята современным преемником лишь частично, содержала целый ряд положений, посвященных разработке полномасштабной концепции «Многофункциональной космической системы Союзного государства». Кроме того, аналогичная по содержанию программа была принята и белорусской стороной. В рамках системы страны-партнеры договорились о приоритетах и формате участия в совместных космических программах, закрепив как базовые принципы и задачи отдельных направлений, так и конкретные положения, посвященные складывающимся экономическим и технологическим процессам. Однако в связи с рядом различных политических факторов программа не была реализована в полной мере.

В связи с отсутствием конкретных положений комплексного международного сотрудничества на многостороннем и двустороннем уровнях, представляется целесообразным разработать новую концепцию устойчивого развития и взаимодействия союзных государств России и Беларуси в рамках космической отрасли. Представляется, что это позволит усовершенствовать и расширить процессы совместного исследования и освоения космоса, а также укрепит сотрудничество стран Содружества Независимых Государств и иных заинтересованных субъектов.

Таким образом, результаты ретроспективного анализа складывающихся между Россией и Беларусью отношений по вопросу использования космоса позволяют сделать следующие выводы: многолетнее партнерство государств в космосе осуществляется на основе общих договорных принципов, а также отдельных узкоспециализированных программ, однако полноценная комплексная система двустороннего сотрудничества к настоящему моменту отсутствует. Целесообразна конкретизация всех необходимых аспектов технического, экономического и политического партнерства стран в космосе в целях последующей разработки обновленной «Многофункциональной космической системы Союзного государства» или же иной системы, аналогичной ей по форме и содержанию

Васько О. И., Богданович А. С.

ИСКИ ОБ АННУЛИРОВАНИИ К ИНСТИТУТАМ, ОРГАНАМ И УЧРЕЖДЕНИЯМ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

*Васько Ольга Игоревна, Богданович Алина Сергеевна, студентки 3 курса
Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
alinabogdanovic07@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Валюшко-Орса Н. В.

Иски об аннулировании – наиболее распространенная на практике категория дел прямой юрисдикции Суда Европейского союза. В соответствии с исками об аннулировании могут быть отменены различного рода правовые акты, принятые на уровне Европейского союза.

В Договоре о функционировании Европейского союза (далее – ДФЕС) предусмотрены следующие основания для аннулирования правового акта.

Так, согласно абз. 2 ст. 263 ДФЕС Суд Европейского союза полномочен выносить решения по искам, которые подаются государством-членом, Европейским парламентом, Советом Европейского союза или Европейской комиссией в связи с отсутствием компетенции, нарушением существенных процедурных требований, нарушением Договоров или любой нормы права, относящейся к их применению, либо злоупотреблением полномочиями. Таким образом, названные субъекты могут подавать иски об аннулировании в связи с их неправомерностью принятия.

Кроме того, Суд Европейского союза полномочен выносить решения по искам, которые подаются Счетной палатой, Европейским центральным банком и Комитетом регионов в целях защиты своих прерогатив (абз. 3 ст. 263 ДФЕС), то есть иски подаются названными субъектами в целях обжалования актов других институтов, органов, учреждений Европейского Союза, которые посягают на их полномочия.

Далее, обратим внимание на то, что любое физическое или юридическое лицо может подавать иски против актов, адресатом которых оно является либо которые непосредственно и индивидуально его затрагивают, а также против регламентарных актов, которые непосредственно его затрагивают и не требуют исполнительных мер (абз. 4 ст. 263 ДФЕС).

Ситуация, в которой акт адресован физическому или юридическому лицу, довольно проста (поскольку это лицо упоминается в нем). Однако когда акт не адресован данному лицу, то тогда требуется разъяснение, например, таких понятий, как «непосредственный интерес», «индивидуальный интерес».

Исходя из практики Суда Европейского союза, понятие «непосредственный интерес» предполагает наличие следующих предпосылок: акт Европейского союза напрямую влияет на правовое положение заинтересованного лица; акт Европейского союза не оставляет усмотрения адресатам, ответственным за его реализацию, что делает исполнение акта автоматическим.

Правовой акт представляет индивидуальный интерес для физического или юридического лица, если он влияет на это лицо из-за определенных характеристик, свойственных только ему, или из-за обстоятельств, которыми оно отличается от всех других лиц.

Таким образом, при наличии хотя бы одного из оснований, указанных выше, Суд Европейского союза объявляет оспариваемый акт ничтожным и не имевшим места (абз. 1 ст. 264 ДФЕС).

Однако Суд может решить, что некоторые нормы оспариваемого акта тем не менее должны оставаться в силе.

Что касается срока подачи исков об аннулировании, то данные иски должны быть поданы в течение двухмесячного срока, который отсчитывается либо с момента опубликования акта, либо с момента уведомления о нем истца или – при отсутствии такого опубликования или уведомления – со дня, когда истец узнал о данном акте (абз. 6 ст. 263 ДФЕС).

В общей сложности, по нашему мнению, иски об аннулировании являются своеобразным средством контроля за законностью издаваемых актов в Европейском союзе, что является весьма важным и значимым для обеспечения прав и охраняемых законом интересов субъектов данных правоотношений.

Гайдукова Д. М.

КОНСУЛЬТАТИВНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА 1951 г.

Гайдукова Диана Михайловна, студентка 3 курса Витебского государственного университета им. П. М. Машерова, г. Витебск, Беларусь

Научный руководитель: старший преподаватель Барышев В. А.

Принятие Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него (далее – Конвенция), вступившей в силу 12 января 1951 г., породило проблему оговорок государств в отношении многосторонних конвенций. 16 ноября 1950 г. Генеральная Ассамблея ООН резолюцией обратилась к Международному суду с целью разрешения споров, возникших из-за возражений некоторых государств против некоторых оговорок к Конвенции, поставив следующие вопросы:

1. Может ли государство сделавшее оговорку, считаться участником Конвенции, сохраняя при этом свою оговорку, если против оговорки возражает одна или несколько сторон Конвенции, но не другие?
2. Если ответ на вопрос 1 утвердительный, то каковы последствия оговорки в отношениях между государством, делающим оговорку?
3. Каковы будут юридические последствия в отношении ответа на вопрос 1, если будет сделано возражение против оговорки?

При вынесении решения по первому вопросу были учтены следующие факты: важность учета цели Конвенции; ее принципов; универсального характера Конвенции; общего интереса разработки Конвенции. В связи с этим исключение из Конвенции одного или нескольких государств не только ограничило бы сферу ее применения, но и умалило бы авторитет моральных и гуманитарных принципов, которые являются ее основой. Международный суд большинством голосов вынес следующее решение по первому вопросу: государство, сделавшее и поддерживающее оговорку, против которой возражали одна или несколько сторон Конвенции, но не другие, может рассматриваться как участник Конвенции, если оговорка совместима с объектом и целью Конвенции; в противном случае, это государство не может рассматриваться как участник Конвенции.

По второму вопросу Международный суд учитывал факты, касающиеся первого вопроса, а также то, что каждое государство – участник Конвенции вправе оценить действительность оговорки для себя; что ни одно государство-участник не может быть связано оговоркой, на которую не дало своего согласия; что ни одно государство-участник, принимая оговорки, будет четко исходить из желания сохранить неприкосновенность объекта

Конвенции. Международный суд большинством голосов вынес следующую норму, касающуюся второго вопроса: если сторона Конвенции возражает против оговорки, которую она считает несовместимой с объектом и целью Конвенции, он может фактически считать, что государство, сделавшее оговорку, не является участником Конвенции; что если, с другой стороны, сторона признает оговорку как совместимую с объектом и целью Конвенции, она может фактически считать, что государство, сделавшее оговорку, является участником Конвенции.

При обсуждении третьего вопроса суд учитывал факты, касающиеся первого вопроса, а также следующие особенности: учет данных государств не только при отрицательном ответе на первый вопрос, но и в любом случае; учет права государств стать участниками Конвенции, а также в силу этого права возражать против оговорок таким же образом, как и любое государство, являющееся участником Конвенции, с полной юридической силой. Однако закрепляется, что до тех пор, пока эта ратификация не будет произведена, возражение подписавшего государства не может иметь немедленной юридической силы в отношении государства, сделавшего оговорку. Это просто выразило бы и провозгласило конечную позицию подписавшего государства, когда оно станет участником Конвенции.

Таким образом, юридический интерес подписавшего государства в возражении против оговорки был бы полностью гарантирован. Международный суд большинством голосов вынес следующее решение по третьему вопросу: возражение против оговорки, сделанное подписавшим государством, которое еще не ратифицировало Конвенцию, может иметь юридические последствия, указанные в ответе на вопрос 1, только после ратификации. До этого момента это просто служит уведомлением для другого государства о возможной позиции подписавшего государства; что возражение против оговорки, сделанное государством, которое имеет право подписать или присоединиться, но которое еще не сделало этого, не имеет юридической силы.

Таким образом, современное международное право благодаря широкому участию государств в многосторонних конвенциях стало более гибким: сегодня признается общее обращение к оговоркам, возможно молчаливое согласие с оговорками и многое другое. Оговорки, связанные с Конвенцией, допускаются лишь в том случае, когда они не противоречат ее объекту и цели; при этом за государствами-участниками остается право самостоятельно определять данное соответствие, исходя из принятого решения, считать или не считать государство, принявшее такую оговорку, участником Конвенции. Помимо этого, Международный суд постановил, что возражения против оговорок могут являться действительными только после определенных юридически значимых действий.

Глухотаренко Д. А.
РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СТАНОВЛЕНИИ
ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

*Глухотаренко Диана Алексеевна, студентка 2 курса Академии управления
при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь,
gluhotarenkod@gmail.com*

*Научный руководитель: старший преподаватель, магистр управления и
права Чудаева М. Л.*

Одна из особенностей современного международного права состоит в том, что в нем существует совокупность норм, регулирующих сотрудничество государств в области прав человека. На международном уровне разработаны стандарты прав и свобод человека, которые государства обязались рассматривать на национальном уровне в качестве норм права, устанавливаются порядок контроля над соблюдением государствами своих обязательств и порядок рассмотрения споров в случаях их несоблюдения.

Правовой основой сотрудничества государств в области прав человека является Устав ООН. Одна из целей ООН – осуществление международного сотрудничества «в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии» (п. 3 ст. 1). Гражданские, политические, экономические, социальные права и права в области культуры содержатся во Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах, Международном пакте о гражданских и политических правах. Эти три документа об экономических, социальных и культурных правах и протоколы к пактам объединены под общим названием «Международный билль о правах человека», хотя и не создают единого документа.

Всеобщая декларация прав человека была принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. Хотя Декларация не содержит обязательных норм, ее роль значительна; прежде всего, она стала основой для разработки пактов о правах человека. Конституции ряда стран признали положения Декларации обязательными для них.

В 1966 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, и Факультативный протокол к нему, которые вступили в силу в 1976 г. В 1989 г. принят второй Факультативный протокол об отмене смертной казни.

К числу основных договоров по правам человека относятся также Конвенция о ликвидации расовой дискриминации 1965 г., Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г., Конвенция о правах ребенка 1989 г., Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных и других унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г., Международная конвенция о защите прав всех трудящихся мигрантов и членов их семей 1990 г., Конвенция о правах

инвалидов 2006 г., Конвенция о защите всех лиц от насильственных исчезновений 2006 г. Ряд договоров имеет факультативные протоколы.

В становлении защиты прав и свобод человека важным элементом представляется создание и существование системы международного контроля за выполнением государствами своих обязательств в области защиты и обеспечении прав человека.

Международный контроль в области прав человека представляет собой деятельность международных органов (на универсальном и региональном уровнях) по проверке соблюдения государствами международно-правовых обязательств.

В рамках ООН с 2006 г. действует Совет по правам человека, межправительственный орган системы ООН, являющийся ключевым органом ООН по всестороннему обсуждению вопросов прав человека. Советом по правам человека введен новый механизм – универсальный периодический обзор, проводящий оценку выполнения обязательств государствами-членами ООН. Процедура приема и рассмотрения жалоб в Совете применяется в случаях грубых и систематических нарушений прав человека и основных свобод (при этом нарушившее государство может не быть участником договора о правах человека). Также действуют специальные процедуры наблюдения, консультирования и отчетов о ситуации в государствах или по определенным проблемам нарушения.

Для контроля за обязательствами, содержащимися в основных соглашениях по защите прав человека, созданы комитеты. Государства регулярно представляют им доклады, в которых сообщают о мерах, принятых по проведению в жизнь предусмотренных в договорах прав. Существует и процедура рассмотрения индивидуальных жалоб, подаваемых частными лицами или уполномоченными ими неправительственными организациями, экспертами, профессиональными группами. Они могут быть поданы, если исчерпаны внутренние средства правовой защиты.

Роль международных организаций в защите и продвижении прав человека крайне важна для функционирования международной системы, основанной на уважении к правам и свободам индивидов и обеспечивающей справедливое и равноправное общество.

Гусева О. В.

О ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МИРОТВОРЧЕСКИХ ВОЙСК ОДКБ НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ (ОПЫТ КАЗАХСТАНА)

Гусева Ольга Владимировна, студентка 3 курса Российского государственного университета нефти и газа (национального исследовательского университета) имени И. М. Губкина, г. Москва, Россия, olgadi0305@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Смирнов М. Г.

Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ) была создана 15 мая 1992 г. и включает в настоящее время Армению, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Российскую Федерацию и Таджикистан.

ОДКБ была создана для сохранения и укрепления национальной и коллективной безопасности, наращивания военно-политического сотрудничества, согласования внешнеполитических подходов по международным и региональным вопросам безопасности, обеспечения комплексных инструментов сотрудничества, включая сотрудничество в оборонном сегменте и военно-техническое сотрудничество. ОДКБ проводит и миротворческие операции, для чего были созданы миротворческие силы ОДКБ, в которые государства-члены направляют миротворческие контингенты.

Одной из миротворческих операций ОДКБ является «Операция ОДКБ в Казахстане» (5–15 января 2022 г.), начавшаяся по запросу Президента Казахстана о содействии в борьбе с массовыми забастовками, которые переросли в вооруженные столкновения. Цель миротворческих сил ОДКБ заключалась в оказании помощи казахстанской стороне в нормализации правопорядка и стабилизации обстановки в стране. Для белорусских миротворческих сил данная операция стала первой, на которую подразделение было отправлено в полном составе.

7 января контингент ОДКБ был полностью введен в Казахстан и распределен для охраны важных государственных объектов. Развертывание миротворческих войск ОДКБ было завершено 9 января, благодаря помощи миротворческого контингента Организации договора о коллективной безопасности, казахстанские правоохранительные органы смогли перераспределить свои силы и направить большую часть на борьбу с протестующими. 10 января прошла внеочередная сессия Совета коллективной безопасности ОДКБ, где Касым-Жомарт Токаев сообщил о том, что миротворческие силы ОДКБ используются в г. Алма-Аты и в Алматинской области. Помощь миротворческого контингента позволила обезопасить жизненно важные объекты Казахстана и при этом консолидировать казахстанские силы в Алма-Ате, что изменило ситуацию в городе. 12 января Касым-Жомарт Токаев сделал заявление, в котором сообщил об успешном завершении основной миссии миротворческого контингента ОДКБ и выступил с просьбой начать поэтапный вывод миротворческих войск с территории Казахстана.

Миротворческая операция продлилась недолго. 12 января жизненно важные объекты, находящиеся под охраной сил ОДКБ, начали передаваться казахстанским правоохранительным органам. 13 января было проведено внеочередное заседание Совета министров обороны ОДКБ, где обсуждался, выработывался и утверждался поэтапный план вывода миротворцев Организации Договора о коллективной безопасности. В этот же день в Алма-Ате в Военном институте сухопутных войск Казахстана был организован командный штаб миротворческих сил ОДКБ в Казахстане, где была проведена церемония завершения миротворческой операции. Миротворческие контингенты и Вооруженные силы Казахстана прошли торжественным маршем. 14 января 2022 г. военно-транспортной авиацией Воздушно-космических сил Министерства обороны Российской Федерации

все миротворческие силы Беларуси, Армении, Таджикистана были доставлены в пункты постоянной дислокации. Полный вывод российского контингента завершился 19 января 2022 г.

Данная миротворческая операция показала эффективность работы Организации Договора о коллективной безопасности. Ситуацию в Казахстане удалось урегулировать, попытка государственного переворота и покушение на безопасность и суверенитет Казахстана провалились.

Похожая ситуация может произойти и на территории Украины. Специальная военная операция, начатая 24 февраля 2022 г., в обозримом будущем будет успешно завершена Российской Федерацией. Оккупация территории Украины не предполагается, поскольку в Обращении Президента РФ от 24 февраля 2022 г. были указаны такие цели, как денацификация и демилитаризация, а не уничтожение Украины как государства. Некоторые территории по своему желанию путем референдума могут присоединиться к России, но Украина останется как целостная страна, обладающая своим внутренним и внешним суверенитетом. Учитывая длительные усилия Беларуси и ее Президента Александра Григорьевича Лукашенко по стабилизации ситуации на Украине в 2015–2022 гг., вопросы помощи Украине в построении мирной жизни и поддержании правопорядка могут быть возложены и на коллективные миротворческие войска с участием Беларуси. Украина долгое время была дружественной страной с тесными культурно-экономическими, социальными и политическими связями со всеми странами – участниками Организации Договора о коллективной безопасности. Если новое правительство Украины выступит с приглашением миротворческих сил ОДКБ для стабилизации и укрепления безопасности на территории Украины, то ОДКБ, безусловно, согласится помочь и направит свои силы. Это будет новый опыт для всех стран-участниц. Совместно с новым правительством и правоохранительными органами Украины миротворческие силы ОДКБ смогут возобновить развитие Украины.

Загоровская Е. И.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

*Загоровская Екатерина Игоревна, студент 1 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
zagorovskayakatya@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Хотько О. А.

По поручению Главы государства Совет Безопасности Республики Беларусь с 2021 г. в совокупности с другими государственными органами ведет работу по обновлению Концепции национальной безопасности, утвержденной 9 ноября 2010 г. № 575 (далее – Концепция). 20 февраля 2023 г. проект новой Концепции рассмотрен и утвержден на заседании Совета Безопасности Республики Беларусь.

Согласно постановлению Совета Безопасности Республики Беларусь от 6 марта 2023 г. № 1 были утверждены основные задачи уполномоченных государственных органов для реализации мероприятий в рамках стратегического сдерживания с целью защиты независимости суверенитета от внешних и внутренних угроз. Причина обновления действующей Концепции обусловлена рядом факторов. Основными факторами стали нарастание геополитической нестабильности, возникновение рисков и угроз национальной безопасности Республики Беларусь. В современных условиях от системы обеспечения национальной безопасности напрямую зависит правопорядок в глобальном измерении, сотрудничество в рамках межгосударственных интеграционных объединений, решение геополитических проблем в современном мире. Для защиты государства на национальном и региональном уровнях необходимо постоянно обновлять механизмы борьбы с возникающими рисками и угрозами. С целью создания собственной системы безопасности необходимо изучить опыт зарубежных стран.

Важной составляющей обновления положений вышеуказанной Концепции стало закрепление тезиса об искажении исторической правды. Фальсификация исторической и национальной самобытности народов часто используется в качестве способа дестабилизации внутренних процессов других государств. Для адаптации Концепции в современном мире обоснованы предложения по усовершенствованию документов стратегического характера и устранению пробелов законодательства. Также впервые в обновленной Концепции даны определения риска и угрозы национальной безопасности. Под угрозой понимается реально существующая опасность национальным интересам Республики Беларусь.

Для Китайской Народной Республики (далее – КНР) не характерна разработка стратегий национальной безопасности в классическом смысле. В первую очередь национальная безопасность рассматривается как решение проблем внутри страны. Основные положения отслеживаются в программных документах съездов Коммунистической партии, документах военного совета и Государственного совета Китая. Главным элементом Концепции национальной безопасности является оборона страны, под которой понимается сопротивление внешнему агрессору, защита государственного суверенитета, укрепление государственной целостности и защита социалистических принципов. Основной целью политики национальной безопасности является сохранение мира в интересах дальнейшего экономического развития КНР. Отсюда формируются принципы обеспечения национальной безопасности: независимость КНР и опора на собственные силы, установление дружественных отношений с соседними странами, активное участие в системах поддержания региональной безопасности.

Проводя сравнительный анализ национальной безопасности Республики Беларусь и КНР, можно сделать вывод о том, что национальная безопасность является средством достижения баланса внутри общества и одним из главных условий при построении взаимоотношений с другими государствами. В современном мире все государства ставят на первое место

цель сохранения суверенитета и целостности в обществе. Для этого принимаются законы, создаются концепции и иные особо значимые документы программного характера, которые способствуют поддержанию внутреннего порядка. На данный момент Концепция национальной безопасности Республики Беларусь обновлена более чем на 70 процентов. В ней учитываются последние изменения и мировые тенденции, актуализированы меры по защите национальных интересов в различных сферах общества. В тоже время сохраняется традиция опираться на исторические ценности. Национальная безопасность будет являться актуальной проблемой всегда, так как от нее зависит дальнейшее существование как государства, так и мирового сообщества. Дальнейшее развитие государства требует совершенствования ряда национальных актов с учетом системной деятельности Республики Беларусь в рамках Евразийского экономического союза при расширении торгово-экономического сотрудничества с КНР.

Зубрицкая У. И.

**ПРОБЛЕМА МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ ГЕНОЦИДА. ПО МАТЕРИАЛАМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
АЙНЗАТЦКОМАНД В БССР 1941–1944 гг.**

Зубрицкая Ульяна Игоревна, студентка 5 курса Российского государственного университета нефти и газа (национального исследовательского университета) имени И. М. Губкина, г. Москва, Россия, zubritskaya.u@gubkin.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Смирнов М. Г.

С момента начала Великой Отечественной войны началось планомерное и преднамеренное уничтожение советского населения. Выполнением подобного рода задач занимались различные подразделения СС и полиции, войска вермахта, а также специально созданные подразделения – айнзатцгруппы (от нем. Einsatzgruppen) или оперативно-тактические группы Главного управления имперской безопасности СД (от нем. SD – SicherheitsDienst).

Перед началом кампании против СССР, было создано четыре айнзатцгруппы, разделившие между собой фронт по географическому принципу: айнзатцгруппа А (Вильнюс, Рига, Таллин, Санкт-Петербург); айнзатцгруппа В (Минск, Гродно, Брест-Литовск, Слоним, Гомель, Могилев, Смоленск); айнзатцгруппа С (Харьков, Львов, Тернополь, Золочев, Кременец, Житомир и Киев); айнзатцгруппа D (Николаев, Херсон, Симферополь, Севастополь, Феодосия и Краснодар). Создание четырех вышеперечисленных айнзатцгрупп было завершено к концу июня 1941 г. Военное командование, в свою очередь, должно было оказывать им материально-техническую поддержку, обеспечивать местом для сна и еды, а также не обращать внимание на их деятельность.

Задачи исполнительных групп полиции безопасности и СД были определены в Директиве «Об установлении оккупационного режима на подлежащей захвату территории СССР» (13 марта 1941 г.). Конкретизированы данные положения были в Приказе «О введении полиции безопасности в состав армии» (28 апреля 1941 г.). В соответствии с ним «осуществление особых задач полицией безопасности вне войск делает необходимым введение особых команд (СД) в районе операций».

После оккупации немецко-фашистскими захватчиками территории Белоруссии, там была создана разветвленная сеть концлагерей для военнопленных и мирных жителей. В июле 1941 г. на территории Минска стал функционировать шталаг 352 – концлагерь для военнопленных. Он состоял из двух частей: у деревни Масюковщина находился «Лесной лагерь», в Минске – «Городской лагерь». Также непосредственно на территории Минска располагались гетто, дулаг № 131, пересыльный лагерь СС для гражданских лиц (на улице Широкой), сортировочный лагерь для гражданских лиц «Дрозды».

Айнзатцгруппа «В», действовавшая в то время на территории Белоруссии, при участии армейской контрразведки осуществляла фильтрацию лагерей военнопленных. Процедура фильтрации лагерей военнопленных была определена в Приказе № 8 Начальника Полиции безопасности и СД (17 июля 1941 г.) и приложениях к нему: в Директиве для отрядов Начальника полиции безопасности и СД, направляемых в сталаги (17 июля 1941 г.) и Директиве по отбору гражданских лиц и подозрительных военнопленных, взятых в плен в ходе восточной кампании, в лагерях для военнопленных на оккупированной территории, в районах боевых действий, в генерал-губернаторстве и в лагерях на территории Рейха (17 июля 1941 г.). Положения данных нормативных актов применялись не только в лагерях военнопленных, но и для фильтрации мирных жителей в сортировочном лагере для гражданских лиц «Дрозды».

В задачу айнзатцкоманды входила политическая проверка всех содержащихся в лагере людей и решение их дальнейшей участи. Цель проверки заключалась в выявлении всех ответственных государственных и партийных функционеров, также советских интеллигентов, всех евреев, всех коммунистических смутьянов и фанатиков. К 24 июля 1941 г. в Минске были ликвидированы все слои еврейской интеллигенции (учителя, профессора, адвокаты и т. д., исключая медицинских работников). В отчете за октябрь 1941 г. сообщалось о ликвидации 37180 человек. Всего до 15 декабря 1942 г. айнзатцгруппа «В» уничтожила 134 298 человек.

Нюрнбергский процесс по делу об айнзацгруппах проходил с 29 сентября 1947 г. по 10 апреля 1948 г. Против подсудимых, бывших офицеров айнзацгрупп, были выдвинуты следующие пункты обвинения:

1) преступления против человечества. Преследования и убийства людей по политическим, национальным, религиозным и другим мотивам. Геноцид населения оккупированных территорий, т. е. умышленное уничтожение как населения СССР в целом, так и населения БССР в частности;

- 2) военные преступления;
3) участие в организациях, признанных преступными решением Нюрнбергского трибунала (СС, СД).

Решением трибунала к смертной казни через повешение было приговорено четырнадцать подсудимых, двое приговорены к пожизненному заключению и пятеро получили от 10 до 20 лет лишения свободы.

Зыкова В. В.

СОЗДАНИЕ СОВМЕСТНОГО СПГ-ТЕРМИНАЛА В РАМКАХ ДОГОВОРА О СОЮЗНОМ ГОСУДАРСТВЕ

*Зыкова Валерия Викторовна, магистрант 2 курса Российского государственного университета нефти и газа (НИУ) им. И. М. Губкина,
г. Москва, Россия, vvvvalerie.z@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Смирнов М. Г.

Союзное государство, созданное Российской Федерацией и Республикой Беларусь, представляет собой интеграционное объединение, в рамках которого происходит кооперация производственных и научных связей, развитие и совершенствование регулирования инвестиционных проектов, взаимного доверия, а также достижение комплекса межгосударственных стратегических целей в различных сферах, в том числе и в сфере энергетики.

Согласно ст. 17 Договора от 08.12.1999 «О создании Союзного государства», одной из целей такого государства является создание объединенных транспортной и энергетической систем. Для реализации положений данного Договора были приняты 28 Союзных программ. 15 Союзная программа направлена на формирование объединенного рынка газа, которая направлена на формирование цен на российский газ и на функционирование и регулирование объединенного рынка газа, исходя из сближения условий хозяйствования в газовой сфере. Кроме того, в рамках реализации газовых проектов в 1994 г. было заключено Соглашение «О поставке российского природного газа в Республику Беларусь и создании системы транзитных газопроводов», в котором предусмотрена поддержка ПАО «Газпром» и ОАО «Белтрансгаз».

В настоящее время, исходя из всех вышеперечисленных соглашений, в рамках деятельности Союзного государства и развития сотрудничества представляется интересным проектом создание совместного терминала сжиженного природного газа (СПГ) в г. Орша с учетом мощностей атомной электростанции белорусской стороны.

Ярким примером такого совместного терминала может служить терминал GoldenPass, который является совместным проектом катарской компании Qatar Energy и американской компании ExxonMobil. Предполагаемая общая мощность такого терминала превышает 18 млн т. СПГ в год.

СПГ или сжиженный природный газ представляет собой природный газ, который переведен в жидкое состояние путем конденсации при криогенных

температурах. Такой процесс позволяет уменьшить объем природного газа примерно в шестьсот раз, что позволяет транспортировать большие объемы. Кроме того, СПГ считается более экологичным, так как выделяет меньше вредных веществ. Недостатком транспортировки такого газа можно считать сложность его регазификации. Для этого необходимы специальные терминалы.

Терминалы СПГ – это такие терминалы, которые используются для регазификации сжиженного газа и подготовки такого газа для дальнейшего использования, т.е. такой терминал преобразовывает газ из жидкого состояния обратно в газообразное, что позволяет в дальнейшем подавать газ по газопроводу.

Для работы такого терминала можно использовать энергию Белорусской АЭС, поскольку введение данной атомной электростанции привело к низкой стоимости энергии в Республике Беларусь. Кроме того, Белорусская АЭС является одним из крупнейших экономических проектов в рамках сотрудничества России и Беларуси. По данным «Росатома», стоимость за киловатт-час атомной энергии является одной из самых дешевых среди всех источников энергии, поэтому операции по сжижению газа будут максимально экономичными.

Город Орша выбран не случайно, так как там располагается Оршанское управление магистральных газопроводов ОАО «Газпром трансгаз Беларусь».

Реализация данного проекта возможна не только в рамках ранее упомянутых соглашений, но и в рамках перспективного межгосударственного соглашения «О создании совместного СПГ-терминала».

В совместный межгосударственный проект можно заложить участие Российской Федерации через поставки природного газа и его последующую реализацию, а участие белорусской стороны может включать в себя создание СПГ-завода и непосредственную деятельность по сжижению российского газа. Автор предлагает разработку проекта соглашения для дальнейшей реализации.

Исмайлова Л. М.

К ВОПРОСУ О МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ БОРЬБЕ С КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬЮ

Исмайлова Ламия Магомедовна, магистрант кафедры государственного управления юридического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, shafak15@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Валюшко-Орса Н. В.

Киберпреступность представляет собой серьезную угрозу для информационного общества. Хакерские атаки, кибершпионаж, фишинг и многие другие виды атак могут привести к утечке конфиденциальных данных и значительным финансовым потерям как для граждан, так и для государств.

Важное значение имеет международное право в этой области, так как киберпреступность в большинстве случаев носит транснациональный

характер: пространство для преступлений такого характера – это информационная сфера, которая порой не имеет границ.

Так, Совет Европы определяет кибербезопасность как состояние защищенности информационных технологий, данных, сетей и компьютерных систем от угроз, которым они подвергаются. Это включает меры по обеспечению конфиденциальности, целостности и доступности информации. Кибербезопасность становится все более важной с увеличением числа кибератак и разнообразия угроз, связанных с интернетом и цифровыми технологиями.

Интерпол к киберпреступности относит преступную деятельность, использующую информационные технологии, цифровые устройства или сети для совершения противоправных действий. Это может включать в себя хакерские атаки, кражу личной информации, финансовые мошенничества, распространение вредоносных программ и многое другое.

Таким образом, определение ответственности и создание международных стандартов по кибербезопасности являются ключевыми вопросами борьбы с киберпреступностью. Следовательно, соглашения, направленные на регулирование этой области, становятся все более актуальными и необходимыми.

Не менее важны инновации в области кибербезопасности, такие, например, как искусственный интеллект, блокчейн, квантовые технологии имеют огромный потенциал для борьбы с киберпреступностью. Они улучшают обнаружение атак, предотвращают инциденты и обеспечивают безопасность критической информационной инфраструктуры. Однако и они требуют не только внутригосударственного правового режима, но и международного и межгосударственного регулирования.

Исходя из вышеизложенного, для эффективной борьбы с киберпреступностью необходимо усилить международное сотрудничество и создать общие стандарты информационной безопасности.

Казак Н. А.

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ
В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ**

*Казак Никита Александрович, студент 1 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь, alekskazak7@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Хотько О. А.

В условиях широкого внедрения искусственного интеллекта, в частности, благодаря эксплуатации интеллектуальных транспортных средств в человеческой жизни возникла потребность правового регулирования этих систем с учетом их постоянного совершенствования. Для предотвращения угроз нации и мировому сообществу, а также обеспечения интересов

Республики Беларусь, Союзного государства России и Беларуси, Евразийского экономического союза необходим контроль. Проблема национальной безопасности сегодня является актуальной в связи с распространением использования беспилотных летательных аппаратов, которые при неправильной эксплуатации могут стать оружием.

По мере внедрения беспилотных летательных аппаратов в общественную жизнь, нередко выявляются нарушения правил использования этих устройств и незаконное пересечение ими воздушного пространства, а также осуществления террористических действий.

Комплексный подход к государственному управлению в сфере эксплуатации интеллектуальных транспортных систем предусматривает охват всех явлений и их общего влияния на сферы жизни общества. Соответственно, учитывая социально-политические, информационные, правовые, технические аспекты, возникает потребность развития систематизирующих и развивающих теоретические основы правового регулирования данных отношений, главные цели которых связаны с решением задач безопасного функционирования транспортных средств и формирования основных принципов, связанных с обеспечением контроля безопасности в сфере перемещения.

Для предотвращения угрозы национальной безопасности 25 сентября 2023 г. подписан Указ Президента № 297 «О государственном учете и эксплуатации гражданских беспилотных летательных аппаратов» (далее – Указ). Данный Указ устанавливает запрет физическим лицам на ввоз, хранение, оборот, эксплуатацию и изготовление гражданских беспилотных летательных аппаратов. На данный момент в силу вступила часть Указа о ввозе, изготовлении, хранении и эксплуатации беспилотных летательных аппаратов. Часть о хранении вступит в силу через 6 месяцев. На это время всем физическим лицам предоставляется возможность добровольно передать свои устройства организациям, обладающим правом использования беспилотных летательных аппаратов для осуществления профессиональной деятельности. Таким организациям и индивидуальным предпринимателям в обязательном порядке необходимо получить разрешение у Департамента по авиации Министерства транспорта и коммуникаций, которыми будет осуществляться учет беспилотных летательных аппаратов. Также физические лица могут передать свои устройства на хранение в уполномоченную организацию, которая будет определена в ближайшее время.

Беспилотным летательным аппаратом, согласно Воздушному кодексу Республики Беларусь и Авиационным правилам полетов в воздушном пространстве Республики Беларусь, считается воздушное судно, предназначенное для выполнения полета без экипажа на борту. Данный аппарат управляется даже при отсутствии визуального контакта с помощью ноутбука, планшета, мобильного телефона или другого устройства.

Необходимо учитывать, что в Российской Федерации правовое регулирование отношений в данной области сложилось на программном уровне с целью закрепления в последующем в нормативно-правовых актах.

Так, распоряжением Правительства Российской Федерации от 21 июня 2023 г. № 1630-р утверждена Стратегия развития беспилотной авиации Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2035 г. соответственно. Правовая основа создана для нормального функционирования беспилотной авиации. Данный акт включает множество аспектов, в том числе отражает сферы применения беспилотных летательных аппаратов, что указывается и в научных исследованиях. Однако к содержанию государственного управления в данной области использования транспортных средств необходим функциональный и комплексный подходы с целью учета всех факторов их применения, включая риски их неправомерного использования и риски реализации результатов, которые могут быть получены с их помощью. Совершенствование правовых норм для обеспечения контроля за полетами беспилотных летательных средств, системы управления является необходимым фактором обеспечения информационной безопасности на современном этапе.

Таким образом, развитие законодательства в сфере регулирования использования беспилотных летательных аппаратов необходимо для устойчивого развития общества, а также обеспечения его безопасности. Безусловно, правовое регулирование не успевает за новыми изобретениями в области науки и техники, но главной задачей государства остается своевременное регулирование систем для предотвращения угроз безопасности нации и общества в целом.

Клепча А. И., Корсак Д. Д.

ДВОЙНОЕ ГРАЖДАНСТВО: ПРОБЛЕМЫ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

*Клепча Алёна Игоревна, Корсак Дарья Дмитриевна, студентки 3 курса
Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
alenaklepcha03@mail.com, korsakdarya1@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Мороз Н. О.

В настоящее время двойное гражданство (бипатризм) достаточно распространенное явление. Будучи результатом расширения миграционных, интеграционных процессов, экономических связей между государствами, бипатризм фактически неустраним сегодня.

Для конкретного лица наличие двойного или второго гражданства имеет ряд преимуществ. Например, возможность безвизового въезда в страну второго гражданства и в иные государства, с которыми страной второго гражданства заключены соглашения о безвизовом въезде; расширенные права в стране второго гражданства в сфере трудоустройства и предпринимательства, социального обеспечения и медицинского обслуживания.

Однако на межгосударственном уровне бипатризм порождает достаточно серьезные проблемы. Наличие у индивида двойного гражданства может повлечь определенные трудности в процессе осуществления

экстрадиции бипатридов, в процессе разрешения инвестиционных споров с участием таких лиц, их дипломатической защиты, в ходе реализации обязанности по несению военной службы, службы в государственных органах и др.

Как справедливо отмечает канд. юрид. наук А. В. Белов, особенно очевидной проблема двойного гражданства становится в период обострения международной обстановки и военного противостояния государств, гражданством которых лицо одновременно обладает, поскольку от гражданина любого государства требуется исполнение воинской обязанности по защите родины во время военных действий. Статья 21 Европейской конвенции о гражданстве устанавливает, что в случае мобилизации в одном из государств – участников Конвенции, положения о воинской обязанности бипатридов не применяются в отношении другого государства-участника. Следовательно, может сложиться ситуация, при которой военнообязанное лицо с двойным гражданством нарушит обязательства перед государством.

В условиях масштабного кризиса двойное гражданство опосредованно стимулирует утечку трудовых ресурсов из менее экономически развитых стран в более развитые.

В этой связи, а также по ряду других причин многие государства считают двойное гражданство нежелательным явлением и прилагают различные усилия по его сокращению. Например, на таких граждан могут налагаться дополнительные обязанности. Так, с 11 июля 2023 г. вступили в силу изменения в Закон Республики Беларусь о гражданстве Республики Беларусь от 1 августа 2002 г., предусматривающие, что гражданин должен уведомить уполномоченный орган, если он приобрел гражданство иностранного государства.

Для решения многих политико-правовых проблем, связанных с двойным гражданством, наиболее эффективным видится использование политико-правового принципа определения «эффективного гражданства». Данный принцип подразумевает под собой определение фактического или преобладающего гражданства бипатрида для решения проблем, связанных с коллизионной формулой прикрепления, определяющей личностный статус физического лица. В этом случае следует исходить из места постоянного проживания лица, его работы, местонахождения его имущества (прежде всего недвижимого), проживания его семьи и т. п. Так, например, Международный суд ООН использовал принцип «эффективного гражданства» в деле Ноттебома.

Таким образом, наличие у индивида двойного гражданства не только расширяет его права, но и накладывает на него дополнительные обязанности перед двумя государствами. А решение вопросов, связанных с двойным гражданством, требует модернизации и оптимизации соответствующего нормативного регулирования, а также совершенствования подходов к устоявшимся моделям правового регулирования вопросов бипатризма.

Лаптёнок А. И.

ОБЯЗАТЕЛЬСТВА, ВЫТЕКАЮЩИЕ ИЗ ДОГОВОРА МЕЖДУНАРОДНОЙ АВТОМОБИЛЬНОЙ ПЕРЕВОЗКИ ГРУЗОВ ПО ТЕРРИТОРИИ ЕАЭС

Лаптенок Анна Игоревна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, laptenokanya02@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Валюшко-Орса Н. В.

Договор международной автомобильной перевозки грузов, заключаемый между странами – членами ЕАЭС, является важным документом, который регулирует условия и обязательства сторон по перевозке грузов.

Можно выделить следующие обязательства, вытекающие из договора международной автомобильной перевозки грузов по территории ЕАЭС:

- обязательства, предшествующее передаче груза;
- обязательства по приемке груза;
- обязательства по перемещению груза;
- обязательства по выдаче груза.

Таким образом, рассмотрим основные обязательства, вытекающие из договора международной автомобильной перевозки грузов по территории ЕАЭС для грузоотправителя, перевозчика и грузополучателя.

Как следует из практики заключения договора международной автомобильной перевозки грузов по территории ЕАЭС, основными обязательствами перевозчика являются: проверка правильности данных накладных о количестве мест, их маркировке, а также внешнее состояние груза и его упаковки; доставка вверенного ему отправителем груза в пункт назначения; доставка вверенного ему груза в установленные для этого сроки; обеспечение сохранности перевозимого груза; уведомление грузополучателя о том, что груз доставлен; выдача груза грузополучателю в пункте назначения; обеспечение сохранности документов, относящихся к перевозке.

Основным обязательством грузоотправителя является внесение платы за перевозку груза (устанавливается соглашением сторон, если иное не предусмотрено соответствующим законодательством).

К основным обязанностям грузополучателя относят принятие груза (его выгрузка) и его вывоз. В обязанности грузополучателя может входить произведение окончательных расчетов и расчетов, связанных с перевозкой груза. Грузополучатель при выдаче ему груза обязан уплатить фрахт и внести плату за простой, если это предусмотрено документом, на основании которого осуществлялась перевозка груза.

В целом в данной работе охвачена лишь малая часть обязательств. На практике многообразие обязательств, вытекающих из договора международной автомобильной перевозки грузов по территории ЕАЭС создает сложности в определении применимого права в спорах, которые возникают на основании формулировки обязательств, поскольку разные страны ЕАЭС несмотря на то, что являются союзными государствами, имеют

различные нормы, которые регулируют обязательственные правоотношения по договору международной автомобильной перевозки грузов.

Таким образом, по нашему мнению, целесообразно унифицировать законодательство государств – участников ЕАЭС, регулирующее обязательственные отношения по договору международной автомобильной перевозки грузов.

Мазуркевич Д. В.
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ДЕТЕЙ В ПЕРИОД
ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

*Мазуркевич Даниил Вячеславович, студент 5 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
danikmazurkevich@mail.ru*

Научный руководитель: старший преподаватель Емельянович О. В.

На протяжении всего периода развития и становления общества ему сопутствовало возникновение различных вооружённых конфликтов и войн, во время которых в значительно страдало гражданское население, среди которых наиболее незащищенной категорией оставались и остаются дети. Несмотря на то, что в настоящий момент международное право признало необходимость защиты уязвимых категорий гражданского населения и стремится всячески обеспечить и в полной мере регламентировать эту защиту, данная проблема все еще остается актуальной по сей день.

Регламентация прав детей в период вооруженных конфликтов в международном гуманитарном праве берет начало после Второй мировой войны, когда перед мировым сообществом возникла острая необходимость разработать нормы, которые позволили бы обеспечить особую защиту такой уязвимой категории населения как дети. С этой целью была разработана IV Женевская конвенция о защите гражданского населения. Вышеуказанная конвенция, помимо общих гарантий, содержит специальные нормы, регламентирующие защиту прав детей в период военных действий. Так, в соответствии со статьей 14 данной вышеуказанной Конвенции дети в возрасте до 15 лет и матери детей до 7 лет, подпадают под категории гражданского населения, для которых могут создаваться специальные санитарные или безопасные зоны. В силу того, что все аспекты предусмотреть невозможно, возникла потребность в дополнении существующих международных договоров, обеспечивающих защиту ребенка во время военных действий. Так, были приняты Дополнительный протокол I и Дополнительный протокол II к Женевским Конвенциям 1949 г., которые значительно расширили и усовершенствовали международно-правовую систему защиты прав детей в рамках международного гуманитарного права. Регламентация прав ребенка в период вооруженных конфликтов в международном праве прав человека находит свое отражение и в универсальных международных договорах, таких как Международный пакт о гражданских и политических правах, Всеобщая декларация прав человека,

Конвенция о правах ребенка и дополнительные протоколы к ней. Основная идея Конвенции о правах ребенка заключается в наилучшем обеспечении интересов ребенка. Она устанавливает нормы ответственности государств и специальных механизмов контроля за выполнением норм, возложенных на государства-участников после ратификации Конвенции о правах ребенка.

Несмотря на все меры, предпринимаемые сообществом на сегодняшний день, во время вооруженных конфликтов продолжают страдать дети-беженцы, дети-солдаты, дети, подвергавшиеся сексуальному насилию и дети, содержащиеся под стражей. Международное сообщество принимает все необходимые меры для повышения эффективности их защиты. Кроме того, международное сообщество активно участвует в выработке наилучшего способа реабилитации и реинтеграции детей, которые подверглись насилию в период вооруженного конфликта.

Существует ряд международных механизмов, созданных в целях защиты детей в период вооруженных конфликтов: 1) Рабочая группа Совета Безопасности – проводит обзоры прогресса в деле разработки и осуществления планов действий, а также рассматривает другую предоставляемую ей информацию; выносит рекомендации Совету о возможных мерах по содействию защите детей, затрагиваемых вооруженными конфликтами; 2) Специальный представитель Генерального секретаря по вопросу о детях и вооруженных конфликтах – занимается вопросами, связанными с вербовкой и использованием детей солдат, убийством и причинением детям травм, сексуальным насилием, нападением на школы и больницы, похищением, и отказом одной из сторон конфликта в предоставлении гуманитарного доступа. Специальный представитель ежегодно представляет доклад Генеральной Ассамблее с информацией о достигнутом прогрессе, задачах, которые были решены или требуют скорейшего разрешения, а также дает оценку текущему сотрудничеству; 3) Специальный суд по Сьерра-Леоне относится к категории смешанных международных уголовных судов. Правовым основанием деятельности суда является Специальное Соглашение между ООН и правительством Сьерра-Леоне об учреждении Специального суда. Одним из ключевых вопросов, рассматриваемых судом являлся вопрос о вербовке детей солдат; 4) Комитет по правам ребенка – к его основным функциям относится изучение докладов государств и вынесение заключительных замечаний; координирование международного сотрудничества для оказания технического содействия государствам; выработка Общих комментариев к Конвенции; проведение исследований по вопросам, касающимся прав ребенка.

При подготовке данной работы использовались монографии, учебники, учебные пособия, научные статьи и другие опубликованные материалы таких ученых, как О. М. Старовойтов, О. Н. Толочко, Е. Ф. Довгань, Л. В. Павлова, Н. Арзуманян, Г. Е. Лукьянцев, Т. С. Омолосова, В. И. Ковалев, Д. Д. Инаева, С. Ф. Рахимов.

Остапенко В. В.

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАПАДЕНИЕ НА ЛИЦ
И УЧРЕЖДЕНИЯ, КОТОРЫЕ ПОЛЬЗУЮТСЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ
ЗАЩИТОЙ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
И ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ**

*Остапенко Валерия Викторовна, студентка 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
keraostapenko0101@gmail.com*

Научный руководитель: доктор юрид. наук, доцент Толочко О. Н.

В настоящее время заметен явный рост преступности, включающей в себя элементы преступлений против мира и безопасности человечества, в том числе посягающие на правоотношения, установленные нормативно-правовыми актами международного характера. К данному виду преступлений относится и нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой.

В истории было немало случаев, когда нападение на лиц или учреждения становилось причиной осложнения международных отношений или вооруженного столкновения между государствами. Как известно, убийство в Сараево 28 июня 1914 г. наследника австрийского престола Франца Фердинанда и его жены формально послужило поводом для начала Первой мировой войны.

С целью противодействия данным преступлениям разработаны и приняты следующие нормы международного характера: Конвенция о привилегиях и иммунитетах Объединенных Наций; Конвенция о безопасности персонала ООН и связанного с ней персонала, Венская конвенция о дипломатических сношениях, Венская конвенция о консульских сношениях, Конвенция о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений ООН и др.

В ст. 124 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) закреплено преступление – акт терроризма в отношении представителя иностранного государства или международной организации. Объективная сторона этого преступления заключается в совершении следующих альтернативных деяний:

- 1) насилие в отношении зарубежного представителя иностранного государства или международной организации;
- 2) захват и (или) удержание его в качестве заложника;
- 3) похищение и (или) лишение его свободы.

Совершая указанные деяния, лицо преследует цель провокации международных осложнений или войны либо дестабилизации общественного порядка в иностранном государстве. Часть 2 ст. 124 УК Республики Беларусь предусматривает ответственность за убийство лица, пользующегося международной защитой, совершенного с той же целью.

В соответствии со ст. 125 УК Республики Беларусь наказуемым является нападение на учреждения, пользующиеся международной защитой. Предметом данного преступления являются служебные, жилые помещения и транспортные средства защищаемых учреждений. Часть 2 ст. 125 УК Республики Беларусь содержит также квалифицирующие признаки.

Ответственность за акт международного терроризма предусмотрена в ст. 126 УК Республики Беларусь. В качестве обязательных признаков состава рассматриваемого посягательства выступают место совершения преступления (территория иностранного государства, зарубежного дипломатического представительства, консульского учреждения, которое находится на территории Республики Беларусь) и цель преступления (провокация международных осложнений или войны либо дестабилизация общественного порядка в иностранном государстве).

Весьма похожими на УК Республики Беларусь являются нормы об ответственности за указанные преступления, содержащиеся в УК Республики Армения.

Интересен также способ регламентации уголовной ответственности за рассматриваемые посягательства в УК Республики Казахстан (далее – УК Республики Казахстан). Лица, пользующиеся международной защитой, включены в перечень потерпевших от преступления, предусмотренного в ст. 164 УК Республики Казахстан «Нарушение законов и обычаев войны». Кроме того, в УК Республики Казахстан содержится ст. 173 «Нападение на лиц или организации, пользующихся международной защитой», регулирующая данную сферу.

Уголовный кодекс Республики Узбекистан не предусматривает специальных норм об ответственности за указанные преступления. Следовательно, действия посягателя квалифицируют по ст. 155 «Терроризм».

Нормы об ответственности за анализируемые преступления по законодательству иных зарубежных стран также расположены в разделах о посягательствах против международного права, против иностранных государств и отношений с ними, против независимости и безопасности государства

Прыгун В. Д.

СЕКСУАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ В ПЕРИОД ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Прыгун Виктория Дмитриевна, студентка 3 курса Витебского государственного университета имени П. М. Машиерова, г. Витебск, Беларусь, prygunkviktoria082@gmail.com

Научный руководитель: канд. ист. наук, доцент Борботько П. В.

На сегодняшний день международное гуманитарное право разработало четкую правовую систему для регулирования вооруженных конфликтов. Так, принято множество конвенций и деклараций, которые активно защищают раненых, больных, военнопленных, гражданское население. Тем не менее еще остаются проблемы, требующие должного регулирования.

Одной из таких проблем является сексуальное насилие, которое принимает ужасающие масштабы в вооруженных конфликтах. Примерами могут являться Боснийская война, в результате которой подверглись сексуальному насилию от 12 до 20 тыс. женщин; Гражданская война в Сьерра-Леоне – от 215 до 257 тыс. девочек и женщин. В провинции Танганьика в Демократической Республике Конго во время нападения боевиков на одну из деревень молодого человека раздели догола, изнасиловали и затем принудили изнасиловать свою собственную мать. Кроме того, уже с начала конфликта между Израилем и Палестиной поступают сообщения о жестоких актах насилия над женщинами и детьми. Подобные действия в вооруженных конфликтах разрушает жизни людей, наносят непоправимый ущерб как физическому, так и психическому здоровью. Если говорить о мотивах насилия в вооруженных конфликтах, то ими выступает, как правило, не физическое влечение, а чувство силы, превосходства, власти над человеком. Соответственно, сексуальное насилие – инструмент пыток, унижения и наказания людей.

Необходимо отметить, что насилию подвергаются не только женщины и девочки, которых принято считать более слабой частью населения, но и мужчины и мальчики. Сообщения о сексуальном насилии над мужчинами появляются во время вооруженных конфликтов, правда, они теряются среди огромного потока информации. Возможно, что данной проблеме недостаточно уделяют внимания. Дело в том, что в обществе принято считать мужчин сильными, способными справиться с любыми проблемами. Как итог, мужчина в результате совершения над ним насилия не станет обращаться за помощью из-за чувства стыда, смущения, вины, якобы теряя свое «мужество». И даже если мужчины станут об этом говорить, они могут стать объектами «мужских» стереотипов, что окончательно отобьет какое-либо желание поднимать данную тему.

Сексуальное насилие во время или в результате вооруженного конфликта является военным преступлением, нарушает права человека и противоречит международному праву. Современные международные акты запрещают насилие в любых его проявлениях. Так, например, III Женевская конвенция о военнопленных закрепляет, что «при любых обстоятельствах военнопленные имеют право на уважение к их личности и чести», а также, что «к женщинам следует относиться со всем полагающимся их полу уважением, и обращаться с ними должны во всех случаях не хуже, чем с мужчинами». IV Женевская конвенция устанавливает запрет «от посягательства на физическую неприкосновенность, а также на человеческое достоинство», помимо этого утверждается, что «женщины охраняются от всяких покушений на их честь, в том числе и изнасилование, принуждения к проституции или любой другой формы покушений на их нравственность». Кроме того, Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям 1977 г. особенно выделяет защиту женщин «от изнасилования, принуждения к проституции и любых других форм непристойных посягательств» и детей «от любого рода непристойных посягательств».

Международный Комитет Красного Креста также ведет активную борьбу с актами насилия в вооруженных конфликтах: предоставление медицинских, психологических услуг для пострадавших лиц от изнасилования, проведение просветительских и профилактических работ, установление сотрудничества с другими сообществами по привлечению внимания к этой проблеме.

Таким образом, мы видим, что изнасилование в ситуации вооруженного конфликта является одной из самых важных проблем современного общества. Так, сегодня проводится кодификационный процесс по запрету любой формы насилия в вооруженных конфликтах, проходят разнообразные мероприятия по его предотвращению. Однако этого недостаточно. На практике выходит, что население по-прежнему подвергается насилию, и многие преступники остаются безнаказанными. Причиной является то, что по истечении определенного срока совершения изнасилования, доказать его становится очень тяжело, а соответственно, доказательств, что именно тот или иной человек совершил данное деяние, становится меньше и меньше. В связи с этим необходимо разработать новые подходы к расследованию подобных преступлений, чтобы окончательно избавиться от такого способа ведения войны.

Ребицкая Е. В.

**ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
ГОСУДАРСТВ ПО ВОПРОСАМ ПРИВЛЕЧЕНИЯ
К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ**

Ребицкая Екатерина Витальевна, аспирант 3 года обучения Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, rebitskayaev@yandex.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Мороз Н. О.

Международно-правовая ответственность представляет собой необходимое юридическое средство обеспечения соблюдения норм международного права и восстановления нарушенных прав. Это особый инструмент урегулирования международных конфликтов, своеобразный гарант функционирования норм международного права. По общему правилу под международно-правовой ответственностью понимается обязанность субъекта международного права ликвидировать вред, причиненный им другому субъекту международного права в результате нарушения международно-правового обязательства, или обязанность возместить материальный ущерб, причиненный в результате действий, не нарушающих нормы международного права, если такое возмещение предусматривается специальным международным договором. Следовательно, международно-правовая ответственность распространяется лишь на общепризнанных субъектов международного права, а значит, не может вменяться юридическим лицам. Вместе с тем усиление на международной арене роли юридических лиц, деятельность которых носит транснациональный характер

(далее – ТНК), вынуждает международное сообщество принимать различные меры по урегулированию деятельности таких субъектов. Ввиду невозможности контроля за деятельностью ТНК путем принятия соответствующих договорных норм международного публичного права, особая роль в данной сфере отводится международно-правовому сотрудничеству государств по решению вопросов, связанных с ответственностью юридических лиц.

В качестве одного из наиболее ярких примеров рассмотрим деятельность Контртеррористического управления ООН, учрежденного в 2017 г. резолюцией 71/291 Генеральной Ассамблеи ООН. Данный орган позволяет сотрудничать правительствам с организациями гражданского общества, научными и аналитическими центрами, а также юридическими лицами из бизнес-сферы с целью повышения координации и согласованности действий структур, участвующих в Глобальном договоре ООН по координации контртеррористической деятельности. Одной из ключевых инициатив данного управления является Глобальный интернет-форум по борьбе с терроризмом (GIFCT) – это неправительственная организация, созданная для предотвращения использования цифровых платформ террористами и воинствующими экстремистами. Следует отметить, что учредителями Форума являются такие крупные ТНК, как Facebook, Microsoft, Twitter и YouTube. Их целью было создание площадки для содействия техническому сотрудничеству между ТНК, проведения соответствующих исследований и обмена знаниями с более мелкими платформами. С 2017 года членство GIFCT расширилось за пределы компаний-учредителей и включает правительственные структуры, а также почти два десятка различных платформ, приверженных межотраслевым усилиям по противодействию распространению террористического и насильственного экстремистского контента в Интернете.

Параллельно Исполнительным директором Контртеррористического комитета была учреждена Teach against terrorism – организация, целью которой является поддержка мировой технологической индустрии в борьбе с эксплуатацией ее технологий террористами. Любопытно, что оба юридических лица имеют в составе соучредителей крупные ТНК (Facebook, Microsoft, Twitter и YouTube, Google и Telefonica), которые управляют организациями на равных условиях с правительствами-соучредителями. Следовательно, наделяют данные юридические лица определенными правами и обязанностями по международному праву, а также бременем нести соответствующую ответственность, что позволяет говорить о наличии у таких юридических лиц ограниченной международной правосубъектности.

Таким образом, международно-правовое сотрудничество по вопросам привлечения к ответственности юридических лиц уже не ограничивается исключительно действиями государств. ТНК не только принимают активное участие в соответствующих обсуждениях на международной арене наряду с правительствами, но и учреждают уникальные юридические лица, обладающие ограниченной международной правосубъектностью.

Сакута С. А.
РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОЙ МОРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
В БОРЬБЕ С ПИРАТСТВОМ

Сакута Сабина Александровна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, saba.sakyta@gmail.com

Научный руководитель: доктор юрид. наук, доцент Толочко О. Н.

Международная морская организация (ИМО) является важной международной организацией, занимающейся регулированием и охраной морских пространств. Актуальность исследования обусловлена активной деятельностью ИМО в сфере обеспечения безопасности судоходства. Сотрудничество в борьбе с преступностью в рамках международных организациях является очень важным, борьба с морским пиратством не исключение. Более того, данная тема актуальна и для Беларуси, так как пиратство удорожает морскую торговлю за счет повышенных страховых выплат, издержек на противодействие, рисков и многого другого.

Международная морская организация действует на основании Конвенции, принятой в Женеве 6 марта 1948 г. на Конференции ООН по морскому праву.

К сожалению, в настоящее время нападения пиратами очень актуальная проблема. Больше всего пиратских атак сегодня происходит в Гвинейском заливе. Данная проблема происходит в первую очередь из-за бедности, нападая на суда, у пиратов появляется возможность продать украденное и прокормить себя и семью. Однако данные преступления часто сопровождаются и убийствами. По статистическим данным больше всего подвергаются нападениям сухогрузы, контейнеровозы и суда, которые везут наркотические вещества. В некоторых районах суда, которые везут наркотики являются самыми востребованными для пиратов.

Лига Наций была первой организацией, которая коснулась проблемы пиратства на водах и борьбе с ним. Ее деятельность не была эффективной, однако создала предпосылки для формирования международно-правовых норм, которые регулируют вопросы борьбы с морским пиратством.

Что же касается Международной морской организации, то стоит отметить, что деятельность ИМО направлена на отмену дискриминационных действий, затрагивающих международное торговое судоходство, а также принятие норм по обеспечению безопасности на море. 20 ноября 1981 г. была принята резолюция А.504 (XII) «Баратрия, незаконный захват судов и их грузов и другие формы мошенничества». В соответствии с ней правительствам государств-членов предлагалось произвести работу по пересмотру национального законодательства на адекватность законов, которые направлены на борьбу с морскими преступлениями. На базе данной резолюции Международной палатой судоходства было учреждено Международное морское бюро (ММБ), которое призвано заниматься

разными аспектами незаконных действий в отношении судов, в том числе и актов морского пиратства.

Ассамблея Международной морской организации 17 ноября 1983 г. приняла резолюцию А.543 (13) «Меры по предотвращению актов пиратства и вооруженного разбоя в отношении судов». Совет ИМО в июне 1985 г. решил усовершенствовать спасательные процедуры на море, основываясь на данной резолюции. В следующей резолюции 20 ноября 1985 г. Ассамблея ИМО призывала вести активную работу над охраной портов и судов.

Также ИМО публикует отчеты о случаях пиратства и вооруженного разбоя против судов, используя данные, представленные государствами-членами и соответствующими международными организациями, при этом первые отчеты были опубликованы в 1982 г. С июля 2002 г. ежемесячные и ежегодные отчеты ИМО о пиратстве и вооруженных разбоях классифицируют отдельно любые зарегистрированные акты или попытки пиратства и вооруженного разбоя против судов. Так, в прошлом году было зарегистрировано 132 подобных происшествий. В это число входят 115 судов, которые были взяты на абордаж, 11 попыток нападения вооруженных пиратов, обстрел пяти торговых судов и захват одного судна.

Для реализации безопасности судоходства с 1948 г. Международной морской организацией было создано десять региональных организаций государственного портового контроля.

Деятельность Международной морской организации в рассмотренной сфере оказывает непосредственное влияние на процесс становления и формирования международно-правовых основ и дальнейшего развития механизмов и форм сотрудничества государств в борьбе с морским пиратством. Международное морское бюро отмечает, что в 2022 г. было зафиксировано самое низкое количество подобных нападений за последних три десятилетия, что свидетельствует о результативности работы и необходимости дальнейшей деятельности ИМО в данной сфере.

Тарелко Е. С.

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ВЫНУЖДЕННОЙ МИГРАЦИИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

Тарелко Елизавета Сергеевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, tarelko.liza@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Валюшко-Орса Н. В.

Вопрос вынужденной миграции в современном мире является одним из наиболее существенных. В отчете Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев отмечается, что на конец 2022 г. в мире насчитывалось 108,4 млн человек, покинувших свои страны в результате войн, стихийных бедствий, преследований или нарушений прав человека, что составило 1,35 % от населения всей планеты. При этом доля вынужденных переселенцев в мире продолжает расти. Страны Европейского союза сталкиваются с наибольшим потоком беженцев со времен Второй мировой войны.

Одной из причин притока беженцев в Европейский союз является финансовая составляющая.

Следует отметить, что большинство вынужденных переселенцев, приезжая в экономически развитые страны, получают финансовую помощь, которая может быть сравнимо выше, чем их прежний доход в родной стране.

В качестве следующей причины можно выделить географическое положение государств – членов Европейского союза.

Известно, что в большинстве своем лица, покидающие свои страны из-за конфликтов, стихийных бедствий, преследований и др., стремятся попасть все же в страны Западной Европы. Однако транзитными государствами для беженцев, как правило, являются страны Восточной Европы.

Еще одной причиной возникновения вынужденной миграции в Европейском союзе является связь между бывшими метрополиями и колониями.

Так, например, среди беженцев во Франции преобладают выходцы из стран Северной Африки, многие из которых были в недавнем прошлом французскими колониальными владениями.

Таким образом, причины возникновения вынужденной миграции в Европейском союзе различны. Однако, по нашему мнению, основной причиной вынужденной миграции является в первую очередь поиск более безопасной жизни для себя и своей семьи.

Шелег А. А.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МИГРАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Шелег Арина Антоновна, студентка 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, arinlight88@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Емельянович О. В.

Миграция дает людям возможность улучшить свое положение, а легальная миграция – это залог обеспечения законных прав и интересов каждого человека независимо от пола, возраста, социального и экономического статуса. Именно поэтому данный вопрос имеет особое значение в настоящее время.

В общем значении под термином мигрант понимается человек, который ввиду различных причин покидает привычное место жительства на временный или постоянный срок и перемещается в пределах одного или нескольких государств. В современном мире существует ряд причин, опосредующих миграцию населения, а именно: политические конфликты, внутренние и внешние угрозы, а также природные катаклизмы.

Миграция – это довольно сложный и долгий процесс. Вероятно, поэтому люди должны иметь определенные цели, которые они стремятся достигнуть. В подавляющем большинстве случаев мигранты преследуют одну цель – улучшение качества жизни для себя и своих детей. Данное желание может реализовываться разными способами: получение образования в другой

стране, смена работы и даже рода деятельности, поиск партнера и нового окружения. Многие думают о том, что лучшая жизнь может быть обеспечена где-то еще и что миграция может уменьшить неравенство, существующее между их положением и положением в сравнительно более богатых местах. Но не все имеют равные возможности. Индивидуальные особенности, гражданство, финансовые возможности, доступ к Интернету и языковые навыки, определяют способность людей мигрировать. Нынешние подходы к миграции не только не могут в должной степени осуществлять увеличение потенциальной выгоды для развития, но и приносят значительный ущерб для всех, кто решился на миграцию, находясь в отчаянном положении.

Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 г. № 70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» прямо упоминает миграцию в цели устойчивого развития № 10 – Сокращение неравенства. Согласно п. 10.7 государствам необходимо «содействовать упорядоченной, безопасной, законной и ответственной миграции и мобильности людей, в том числе с помощью проведения спланированной и хорошо продуманной миграционной политики». Неравенство угрожает долгосрочному социальному и экономическому развитию, вредит сокращению бедности и разрушает чувство удовлетворения людей. Невозможно добиться устойчивого развития, если у людей не будет шанса на лучшую жизнь.

Миграция является мощной движущей силой устойчивого развития для мигрантов и их сообществ. Это приносит выгоду и принимающим странам в виде увеличения рабочей силы за счет прибавления квалифицированных сотрудников, прироста инвестиций в экономическую сферу и кроме того расширения культурного разнообразия. Но все же взаимосвязь между миграцией и развитием гораздо сложнее, ведь изменения в социальных, политических и экономических процессах будут определять условия миграции. Если она плохо регулируется, то это может негативно сказаться на развитии.

На основе того, что миграция – это многомерная реальность, которую невозможно ограничить сектором политики, как было указано в Глобальном договоре о безопасной, упорядоченной и легальной миграции, Международная организация по миграции применяет общегосударственный подход, в сути которого находится участие общества в управлении миграцией. Этим стремятся обеспечить соответствие государственной деятельности настоящим потребностям мигрантов. Таким образом, деятельность по регулированию миграционных процессов остается значимой целью в развитии общества.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ, ФИНАНСОВОЕ И НАЛОГОВОЕ ПРАВО

Авдей С. А., Корж К. А. **ЛИЦЕНЗИЯ КАК ПРАВОВОЙ АКТ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

*Авдей София Александровна, Корж Ксения Артуровна, студентки 2 курса
Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
sofka.avdey@gmail.com, ksenia2005korzh@mail.ru*

Научный руководитель: старший преподаватель Рамазанова Н. О.

В правовых исследованиях по проблемам лицензирования отсутствует единство взглядов на сущность этого понятия. По своей правовой природе лицензия представляет собой правоприменительный акт управления. В большинстве случаев она предоставляет лицу право заниматься определенной деятельностью. Ярким примером лицензирования можно считать: строительные лицензии, водительские документы, авторские права.

Лицензии могут быть классифицированы по различным основаниям. Пространственные пределы их действия позволяют выделить лицензии, действующие на всей территории государства и лицензии, действие которых распространяется только на ее часть. По сроку действия следует различать срочные и бессрочные лицензии. Это лицензии на осуществление банковской деятельности. Место, которое занимает лицензирующий орган в системе органов государственного управления указывает на наличие лицензий, выдаваемых республиканскими органами государственного управления (транспортно-экспедиционная деятельность) и местными исполнительными и распорядительными органами (общественное питание).

Рассматриваемый нами вопрос, является актуальным как для Республики Беларусь, так и для сопредельных государств. Проблемным полем в указанных странах выступает лицензирование косметологической и психологической деятельности.

В законодательстве нашего государства и Российской Федерации существует лицензирование косметологической деятельности, однако в Республике Казахстан данная практика отсутствует, что порождает ряд проблем. Во-первых, существует риск утечки квалифицированных специалистов, которые при неполучении лицензии в Республике Беларусь могут покинуть страну и работать без получения лицензии в Республике Казахстан. Во-вторых, это приводит к значительному количеству нелегальных работников, осуществляющих свою деятельность без специального разрешения, и, как следствие, ставит под угрозу жизнь и здоровье человека в силу специфики косметологической деятельности, а также наносит ущерб качеству работ и услуг в любом государстве.

В Республике Казахстан и Российской Федерации отсутствует лицензия на оказание психологической помощи, что не соотносится с Республикой

Беларусь. По нашему мнению, лицензирование данного вида деятельности является необходимым, поскольку профессия подразумевает наличие особых навыков для нахождения индивидуального подхода к каждому клиенту. При этом психотерапевтическая деятельность не является обязательной для лицензирования в Республике Беларусь.

На наш взгляд, разрешением указанных вопросов будут выступать создание единого перечня лицензионных видов деятельности на территории Евразийского экономического союза (ЕЭС), а также возможность создания лицензий, которые имели бы правовую силу на всей территории ЕЭС.

Бурак Н. И.
О ПОНЯТИИ НАЛОГОВОЙ ОПТИМИЗАЦИИ
В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Бурак Никита Игоревич, студент 4 курса Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь, burak_nikita@outlook.by

Научный руководитель: доктор юрид. наук, доцент Хилюта В. В.

Экономика Республика Беларусь носит социально ориентированный рыночный характер. Вполне очевидно, что обеспечение идеи социального государства оказывает повышенную налоговую нагрузку на субъектов хозяйствования. Налогообложение должно быть справедливым и экономически обоснованным, поскольку для стабильного существования общества необходим баланс между развитием субъектов хозяйствования и удовлетворением нужд социального государства. По этой причине законодатель предоставляет плательщикам разнообразие налоговых режимов.

Следует сказать, что понятие налоговой оптимизации используется практиками в сфере налогового права. Тем не менее определение налоговой оптимизации не нашло себе места в законодательстве Республики Беларусь, поэтому могут быть проблемы с классификацией тех или иных действий субъектов хозяйствования при уменьшении ими своего налогового бремени.

Несмотря на отсутствие в законодательстве определения налоговой оптимизации, существует отсылка на характеристики налоговой оптимизации со стороны государственных органов. Так, комментарий Министерства по налогам и сборам «О мониторинге правоприменительной практики налоговых органов положений пункта 4 статьи 33 Налогового кодекса Республики Беларусь» (далее – комментарий) содержит разъяснения значимой при налоговой оптимизации нормы права, а именно ст. 33 Налогового кодекса Республики Беларусь (далее – НК).

В комментарии указывается, что в налоговой оптимизации не должен присутствовать признак искусственности, лишения хозяйственного и экономического смысла. Это прослеживается в намерениях получить экономическую выгоду не в результате оптимизации процессов реальной предпринимательской или иной деятельности, а путем подмены: цели, экономического содержания происходящих бизнес-процессов; истинной мотивации всех сторон сделки; характера взаимоотношений и условий

сотрудничества. Таким образом, налоговая оптимизация возможна лишь в законодательно установленных рамках, дополняемых правоприменительной практикой. Противоположным явлением налоговой оптимизации, с помощью которого возможно раскрыть последнюю, является уклонение от уплаты налогов, сборов. Объективная сторона такого правонарушения состоит из деяний по сокрытию или умышленному занижению налоговой базы, а также уклонению от представления или внесения заведомо ложных сведений в налоговую декларацию (расчет). Следует сказать, что правонарушения в виде сокрытия и занижения налоговой базы совершаются именно под прикрытием понятия налоговой оптимизации.

Нельзя не упомянуть, что снизить количество правонарушений в сфере налогообложения, связанных с незаконной деятельностью под видом налоговой оптимизации, поможет упрощение налогового законодательства.

Таким образом, налоговая оптимизация характеризуется естественной (разумной) природой, имеющей хозяйственный и экономический смысл. При налоговой оптимизации плательщик меняет режим и (или) порядок налогообложения, а не подменяет характер совершаемых им сделок. Конечно, плательщик может подстроить свою деятельность под другой налоговый режим, однако он не должен для этого совершать мнимые и (или) притворные сделки. Именно добросовестность, экономическая целесообразность и законность характеризуют налоговую оптимизацию плательщика.

Предлагаем дополнить п. 2 ст. 13 НК подпунктом: *«налоговая оптимизация – законные действия плательщика, направленные на изменение режима и (или) порядка налогообложения с целью минимизации налоговой нагрузки в случаях, предусмотренных законодательными актами»*. Представляется также разумным дополнить п. 1 ст. 21 НК следующим подпунктом: *«в случаях и в порядке, предусмотренных настоящим Кодексом, плательщик имеет право выбора режима и (или) порядка налогообложения»*.

Считаем необходимым внести вышеназванные изменения в налоговое законодательство в целях более эффективного регулирования общественных отношений, возникающих в связи с налоговой оптимизацией. Соответствующее дополнение законодательства, а также дальнейшее научное развитие теории налоговой оптимизации обеспечит плательщикам дополнительные гарантии в реализации их прав, свобод и законных интересов.

Глотов И. А.

К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРИПТОВАЛЮТЫ В ПРАВОВОМ ПОЛЕ ГЕРМАНИИ

*Глотов Илья Алексеевич, студент 3 курса Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, г. Калининград, Россия,
ilya.glotov.russian@gmail.com*

Научный руководитель: доктор юрид. наук, доцент Саленко А. В.

Публикация в 2009 г. технического документа Сатоши Накамото «Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System» описала принципы работы

первой электронной валюты основанной на криптографии, тем самым ознаменовала первую практическую реализацию криптовалюты – биткойна.

Криптовалюта представляет собой цифровое средство платежа. Это платежное средство как объект не имеет товарной стоимости, к которой оно привязано, и поэтому классифицируется как фиатные деньги. Функционирование цифровой платежной системы обеспечивается с помощью криптографических процедур и распределенной децентрализованной сети. Вместо монеты или напечатанной банкноты владелец денежной единицы получает криптографический ключ. Этот ключ представляет собой обменную стоимость денежной единицы.

На данный момент идея смарт-контрактов еще не пришла в реальный (физический) мир. Как уже отмечалось, биткойн как криптовалюта уже известен широкой публике. Смарт-контрактов в этом смысле пока нет в полномасштабном объеме. Здесь часто не удастся осуществить трансформацию из цифрового мира в физический, а также обеспечить юридическую исполнимость условий, которые прописаны в смарт-контракте. В качестве переходного решения может помочь договор эскроу, который, например, выдает деньги только после получения товара. Однако это лишь самый простой случай. Иная ситуация складывается, когда речь идет об отчетности по биржевым контрактам, таким как деривативы. В воздухе витают и другие открытые правовые вопросы, позволяющие перенести аналоговые контракты на смарт-контракты.

Кроме того, в связи с недавним развитием отсутствует стандартизация. Предыдущие платформы, по сути, преследуют одну и ту же идею, но со своими собственными реализациями. В отличие от криптовалютных платформ ни одна платформа смарт-контрактов пока не смогла закрепиться на рынке. Однако следует отметить, что «Ethereum» имеет самое большое, по ее собственным оценкам, сообщество разработчиков и пользователей. Известные компании также видят здесь определенный потенциал. Например, Microsoft совсем недавно включила в «Azure» сервис Blockchain-as-a-Service. Этот сервис также основан на Ethereum.

Еще одна тема – защита контрактов. Смарт-контракты в определенной степени защищены от манипуляций, но любые договорные соглашения и детали находятся в открытом доступе в блокчейне, и любой участник сети может с ними ознакомиться. В силу своей природы криптовалюты и смарт-контракты затрагивают целый ряд правовых норм. По этой причине здесь приводится краткая юридическая классификация криптовалют и, в частности, криптовалюты Bitcoin. Классификация относится исключительно к криптовалютам, так как качественных заявлений о правовой классификации смарт-контрактов на момент написания статьи не было. Классификация разделена на пункты валютного права, лицензионного права, права о подоходном налоге и права об НДС.

Поскольку биткойн становится все более популярным платежным средством, законодатели также признали необходимость контроля и регулирования биткойн-систем. Платформы, предлагающие операции

с биткойнами, должны получать лицензии, чтобы защитить своих пользователей от мошенничества и предотвратить отмывание денег. В Германии, согласно § 32 Закона о банковской деятельности, операторы финансовых услуг обязаны получать лицензию от надзорного органа. Лицо, желающее осуществлять банковскую деятельность или предоставлять финансовые услуги в Германии на коммерческой основе или в объеме, требующем коммерческой организации деятельности, должно получить письменное разрешение надзорного органа.

Для того чтобы операторы подпадали под действие Закона о банковской деятельности, достаточно, чтобы они предлагали свои услуги немецким клиентам; наличие зарегистрированного офиса или филиала в Германии не требуется. Нарушение Закона о банковской деятельности в Германии карается штрафом и/или тюремным заключением. Тот факт, что биткойн-платформы подпадают под действие Закона о банковской деятельности Германии, объясняется не тем, что немецкий законодатель особенно быстро адаптировался к этому закону, а скорее тем, что немецкие законы обычно очень широки и абстрактны.

Закон о подоходном налоге и налоге на прибыль. В связи с растущим распространением биткойна налоговые органы также стали обращать внимание на эту криптовалюту. Они заинтересованы в том, чтобы доходы, полученные в форме Bitcoin, облагались налогом на законных основаниях. Налоговые органы Германии относят биткойны к экономическим активам, и поэтому они должны облагаться соответствующим налогом. Это означает, что спекулятивные доходы, реализованные в течение одного года, должны облагаться налогом в полном объеме. От этого освобождается сумма в 600 евро. Это также означает, что спекулятивные доходы от использования Bitcoin, в отличие, например, от акций, сертификатов или фондов, не облагаются окончательным налогом у источника в размере 25 %.

Законодательство по налогу на добавленную стоимость. Иная ситуация складывается в отношении налога с оборота. В Германии, согласно § 1 п. 1 оборота, облагаются поставки и другие услуги, которые предприниматель осуществляет в Германии за плату в рамках своей деятельности. В соответствии с этим подходом, например, обмен евро (вознаграждение) на биткойн (экономический товар) через коммерческую платформу будет облагаться НДС, в то время как чистый обмен валюты, например евро на британские фунты, освобождается от НДС. Однако в данном случае Федеральное министерство финансов решило, что простая уплата комиссии не является поставкой или иной услугой в смысле § 1 п. 1 Закона о налоге на добавленную стоимость.

Существует еще масса вопросов относительно использования криптовалют в рамках правового поля не только Германии, но и других стран.

Исакова В. А.
КОМИССИЯ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

*Исакова Владислава Александровна, студентка 3 курса Белорусского государственного экономического университета, г. Минск, Беларусь,
Isakova2003vlada@gmail.com*

*Научный руководитель: ассистент кафедры международного
экономического права Рамазанова Н. О.*

Особенности правового положения лиц, не достигших совершеннолетнего возраста, прочно закрепились не только в юридической науке, но и в национальном законодательстве многих государств. Республика Беларусь постоянно развивает и совершенствует правовое регулирование положения несовершеннолетних, в том числе в области административного права. Приоритетными направлениями деятельности по защите прав детей и молодежи являются недопущение их дискриминации во всех сферах жизнедеятельности, защита от факторов, негативно влияющих на физическое, духовное и нравственное развитие, профилактика преступности и правонарушений в подростковой и молодежной среде. Однако все большее ужесточение экономических и социальных условий способствует ухудшению положения несовершеннолетних, а также нарушению их прав. Данные условия приводят к формированию негативных тенденций в молодежной среде – росту правонарушений несовершеннолетних.

В связи с ростом правонарушений несовершеннолетних возникает необходимость разработки и реализации эффективной политики по предупреждению правонарушений подрастающего поколения. Ее важнейшей составной частью должны стать мероприятия по совершенствованию деятельности комиссий по делам несовершеннолетних, поскольку они являются наиболее действенным элементом механизма функционирования государственной системы профилактики, обеспечивающим не только предупреждение правонарушений несовершеннолетних, но и охрану их прав, а также контроль за состоянием воспитательной работы с ними. Автор считает, что для повышения эффективности деятельности комиссий по делам несовершеннолетних необходимо создать рабочую группу на базе комиссий по делам несовершеннолетних для оказания психологической, образовательной, организационной, координирующей помощи.

На базе комиссий по делам несовершеннолетних эффективным будет создание рабочих групп, оказывающих психологическую, образовательную, организационную, координирующую помощь. Образовательная помощь родителям во взаимодействии с детьми заключается в предотвращении возникающих семейных проблем и формирования педагогической культуры родителей, а также помощь в воспитании. Психологическая поддержка направлена на создание благоприятного климата в семье, коррекцию межличностных отношений. В группу специалистов могут входить: специалист управления образования, специалист управления социальной

защиты населения, специалист учреждения здравоохранения и другие. Стоит отметить работу психолога по диагностике и выявлению причин совершения правонарушения (преступления) или неблагополучия в семье и оказание психологической помощи подростку с привлечением социальных служб района для его ресоциализации. Психологическая помощь может оказываться несовершеннолетним индивидуально или в составе группы. В связи с этим необходимо активное взаимодействие психолога с несовершеннолетними в учреждениях образования. Также следует ввести программу компьютерной обработки блока психологических тестов на сайтах комиссий по делам несовершеннолетних, которые позволят оценить степень дефекта в отношениях между родителями и ребенком, выдавая при этом рекомендации родителям оптимальных путей по устранению выявленных пробелов в семейных взаимоотношениях. Предлагается ввести на сайтах комиссий по делам несовершеннолетних и онлайн-консультантов, с помощью которых можно будет получить совет, консультацию по различным юридическим вопросам в области защиты прав детей, правонарушений несовершеннолетних, а также получить психолого-педагогическое консультацию по вопросам семейного воспитания.

Стоит понимать, что предупреждение правонарушений среди несовершеннолетних является важнейшим аспектом предупреждения преступности в обществе. Критерием эффективности деятельности комиссий по делам несовершеннолетних является снижение числа правонарушений несовершеннолетних. Совершенствование деятельности комиссий по делам несовершеннолетних должно стать одной из ключевых составляющих социальной политики Республики Беларусь в отношении несовершеннолетних. Проведение вышеуказанных мероприятий по совершенствованию деятельности комиссий по делам несовершеннолетних будет способствовать предупреждению правонарушений у подрастающего поколения.

Пахомская Т. О., Корнева К. В.

МЕДИАЦИЯ КАК СРЕДСТВО УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ В АДМИНИСТРАТИВНЫХ СПОРАХ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РЕСПУБЛИКИ ФРАНЦИЯ

*Пахомская Таисия Олеговна, Корнева Кристина Витальевна, студентки
2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
taisiapahomskaya@gmail.com, kristinakorneva04@mail.ru*

Научный руководитель: старший преподаватель Рамазанова Н. О.

Медиация – один из способов альтернативного разрешения споров. Она позволяет провести переговоры и устранить материальный и моральный вред без административного взыскания путем примирения с лицами, участвующими в конфликте. Заключение медиативного соглашения также помогает решить спор и завершить административный процесс без судебного разбирательства по ряду статей Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП Республики Беларусь).

Интересным представляется такой вид медиации, как административная медиация, которая была закреплена в книге 1 разд. 1 гл. 4 Административного кодекса Франции. Так, административная медиация – это медиация в административно-правовом споре, в котором одним из участников является государственный орган. Идея применения медиации в сфере административного права сложна. На данный момент было проведено небольшое количество исследований, основанных на эмпирическом опыте, в результате которых были выявлены следующие преимущества использования медиации в административном производстве: 1) сокращение финансовых затрат для сторон; 2) сокращение временных затрат; 3) конфиденциальность; 4) взаимовыгодное решение для каждой из сторон; 5) возможность урегулирования спора на основе принципов справедливости, а не только в соответствии со строгими правовыми нормами.

Если изучить требования, предъявляемые к медиаторам в Республике Беларусь, то медиатором может быть физическое лицо, имеющее высшее юридическое или иное высшее образование, прошедшее подготовку в сфере медиации в порядке, устанавливаемом Министерством юстиции Республики Беларусь, либо имеющее опыт работы в качестве примирителя в соответствии с процессуальным законодательством, получившее свидетельство медиатора, выдаваемое Министерством юстиции Республики Беларусь на основании решения Квалификационной комиссии по вопросам медиации. Медиативное соглашение заключается в письменной форме, подписывается сторонами и медиатором и подлежит исполнению на основе принципов добровольности и добросовестности сторон. Последствия неисполнения медиативного соглашения могут быть установлены сторонами в медиативном соглашении.

В Республики Беларусь вопрос применения процедуры медиации в административном процессе является дискуссионным. Так, отсутствие закреплённого перечня дел, по которым может применяться данная форма урегулирования споров, усложняет применение данного института. Полагаем, что институт медиации является показателем высокого уровня правового сознания граждан, а также развитого гражданского общества, поэтому считаем целесообразным расширение использования медиации в административном процессе Республики Беларусь, используя положительные элементы Республики Франция по рассмотренному вопросу.

Пыж А. С.

КЛАССИФИКАЦИЯ УГРОЗ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Пыж Артем Сергеевич, магистрант 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, artemonowi4@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Валюшко-Орса Н. В.

Информация, как определяющий фактор развития постиндустриального общества, является стратегическим ресурсом государства. Тем самым угрозы, направленные на информационную безопасность государства,

способны нанести значительный ущерб его суверенитету. Концепция информационной безопасности Республики Беларусь (далее – Концепция) определяет информационную безопасность как состояние защищенности интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз в информационной сфере. Следовательно, угрозы информационной безопасности представляют собой совокупность действий и факторов, создающих опасность состоянию защищенности интересов личности, общества и государства в информационной сфере.

Среди угроз информационной безопасности Концепция выделяет: кибератаки, киберинциденты, деструктивное информационное воздействие и иные угрозы.

Кибератака и киберинцидент осуществляются с помощью программных и программно-аппаратных средств и направлены на объекты информационной инфраструктуры. Их отличие состоит в том, что кибератака целенаправленно нарушает функционирование объектов информационной инфраструктуры и создает угрозу безопасности обрабатываемой этими объектами информации, а киберинцидент фактически или потенциально угрожает информации.

Деструктивное информационное воздействие целенаправленно влияет на деятельность государственных органов, общество, граждан с целью причинения ущерба национальной безопасности Республики Беларусь.

С точки зрения источников, согласно Концепции, угрозы информационной безопасности можно разделить на внешние и внутренние. К внешним угрозам информационной безопасности можно отнести: деятельность иностранных структур, направленную на нарушение информационного суверенитета Республики Беларусь, дискредитацию ее конституционных основ, вовлечение ее граждан в экстремистскую деятельность; информационные войны; международную киберпреступность и др.

К внутренним угрозам информационной безопасности можно отнести: киберпреступность; преступность, связанную с нарушением неприкосновенности частной жизни, обработки персональных данных и др.

Кроме того, выделяют антропогенные, техногенные и стихийные носители угроз информационной безопасности.

В качестве техногенных носителей угроз выступают: отказ технических средств и сбой программного обеспечения в информационных системах; в качестве антропогенных – противоправная деятельность отдельных лиц и преступных групп, а также преднамеренные действия и ошибки персонала информационной инфраструктуры.

Угрозы информационной безопасности можно классифицировать также с позиции нарушений требований, предъявляемых к защите информации: конфиденциальности, целостности, подлинности, доступности и сохранности. Угроза целостности информации может выражаться в модификации компьютерной информации; угроза доступности – в ее блокировке; угроза сохранности – в ее уничтожении. Угрозой подлинности может выступать манипулирование информацией, искажение компьютерной

информации. Угроза конфиденциальности информации может реализоваться в незаконном распространении информации ограниченного распространения.

В зависимости от категории доступа информации, угрозы могут быть направлены: на общедоступную информацию, непредставление которой может причинить вред правам и законным интересам граждан; на информацию ограниченного распространения (о частной жизни и персональных данных, государственной, коммерческой, служебной и иной тайны). Кроме того, информация, распространение которой запрещено (пропаганда войны, экстремистской деятельности, порнографии, насилия и жестокости и др.) сама может выступать в качестве угрозы конституционным правам и свободам граждан, духовной жизни общества, интересам государства.

Предложенная классификация, по нашему мнению, может служить основой для оценки угроз информационной безопасности в сфере государственного управления, а также определения мер для их предупреждения, выявления, своевременного пресечения и восстановления нарушенных прав и охраняемых законом интересов субъектов.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ, ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА

Березко А. А. **ГРАЖДАНСКАЯ СЛУЖБА** **КАК КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ**

*Березко Анастасия Алексеевна, аспирант 2 года обучения Академии
управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь,
Nabery00@yandex.by*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Бакун А. С.

Анализ современной научной литературы показал, что единообразного подхода к отнесению гражданской службы к той или иной отрасли права не выработано, и в настоящее время существуют различные подходы к решению данного вопроса. Часть ученых, например, М. А. Ведерникова и А. В. Гусев рассматривают гражданскую службу исходя из ее межотраслевого понимания и называют особым институтом трудового права, в котором сочетаются общие нормы трудовых правоотношений, а также специфические нормы, которые непосредственно отражают особенности прохождения гражданской службы.

В свою очередь, М. А. Сидорова и И. В. Седая рассматривают гражданскую службу с позиций административной составляющей данных отношений. Выделив ряд особенностей гражданской службы, под этим понятием они понимают род государственной профессиональной служебной деятельности, состоящей в «организационном, интеллектуальном, прогностическом, аналитическом, контрольном и т. п. обеспечении выполнения полномочий государственных органов», которая носит публичный характер и осуществляется исключительно в государственном органе.

Еще одна группа авторов рассматривает гражданскую службу как отрасль публичного служебного права. Так, С. В. Качушкин рассматривает гражданскую службу как отрасль служебного права, которая «регулирует отношения по поводу обеспечения деятельности органов государственной власти и лиц, находящихся на государственных политических должностях». Схожую позицию поддерживает и О. И. Чуприс, предлагая выделить государственную службу в отдельную отрасль права. Однако, предлагая виды государственной службы, автор отдельно не выделяет гражданскую службу.

Ученые в области науки конституционного права относят гражданскую службу к отрасли конституционного права. Н. М. Казанцев понимает гражданскую службу как организованную группу лиц, осуществляющих свою деятельность в иерархической, самовоспроизводящейся системе специализированных на выполнении управленческой функции государственных органов с едиными процедурами взаимодействия внутри себя и вовне, общим статусом лиц, исполняющих задачи государственных органов, направления деятельности которой определяются функциями государства. Некоторые авторы не выделяют отрасль права, к которой

относится институт гражданской службы. Так, Н. М. Казанцев определяет государственную службу как «публично-правовой институт осуществления и обеспечения исполнения конституции и законов государства, урегулированный посредством юридических институтов конституционного, административного, трудового, уголовного и бюджетного законодательства, исполняемый гражданином, состоящем в публично-правовом отношении с государством».

Таким образом, в настоящее время гражданскую службу рассматривают с точки зрения трех основных отраслей права: 1) в рамках конституционного права; 2) административного права; 3) трудового права, а также 4) предлагается выделить особой отрасли права – служебное право.

Рассмотрение гражданской службы в рамках вышеназванных отраслей права говорит о сложности и особом характере рассматриваемых служебных отношений. С одной стороны, безусловно, это вид деятельности, работа, выполняемая лицом, занимающим определенную должность, в той или иной организации, на которого распространяются нормы законодательства о труде. С другой стороны, характер работы, выполняемой данным лицом, более подходит под управленческие, административные отношения. В свою очередь, исходя из анализа понятия государственной гражданской должности, можно сделать вывод, что компетенция и порядок деятельности органов, в которых предусмотрена такая должность, в большей степени регулируется конституционным правом.

Поддерживая позицию С. В. Качушкина, полагаем, что гражданскую службу можно рассматривать как конституционно-правовой институт, связанный с реализацией органами государственной власти своих компетенций. Отмечаем, что в Конституции Республики Беларусь отсутствуют нормы, которые непосредственно регулируют отношения гражданской службы, однако нормы института гражданской службы просматриваются в рамках таких институтов, как главы государства, парламентаризма, правительства, местного управления и самоуправления, судов.

Таким образом, рассмотрение гражданской службы как института конституционного права наиболее точно описывает сущность и особенности данного института, и в связи с этим рассмотрение гражданской службы с точки зрения отрасли конституционного права является наиболее верным.

Бицутко В. А.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА БЕЗРАБОТНЫХ КАК СПЕЦИАЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА

*Бицутко Варвара Андреевна, студентка 2 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
warwarabizutko@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Краснобаева Л. А.

Административно-правовой статус безработного имеет определенную специфику, отличающую его от административно-правового статуса других субъектов административного права. В частности, законодательством

определены особенности административно-правового регулирования безработного в сфере защиты персональных данных.

В соответствии с ч. 3 ст. 4 Закона Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» (далее – Закон № 99-З) обработка персональных данных осуществляется с согласия субъекта персональных данных. Однако данным законом предусмотрен ряд случаев, при которых согласие субъекта на обработку его персональных данных не требуется. Так, одним из оснований согласно ст. 6 Закона № 99-З является использование персональных данных в целях назначения и выплаты пенсий, ежемесячного денежного содержания отдельным категориям граждан.

В приведенном условии точно не определяется вид пособий, поэтому оно может применяться при обработке персональных данных государственными органами, осуществляющими назначение и выплату любых пенсий и пособий, предусмотренных законодательством, в том числе и пособий по безработице.

Указанное полномочие конкретизируется в ст. 14 Закона Республики Беларусь от 15 июня 2006 г. № 125-З «О занятости населения Республики Беларусь» (далее – Закон 125-З), в соответствии с которой органы государственной службы занятости населения на безвозмездной основе запрашивают и получают из информационных ресурсов (систем) персональные данные, в том числе специальные персональные данные, необходимые для назначения и осуществления им социальных выплат, к которым в том числе относится пособие по безработице, оказания им содействия в трудоустройстве.

Стоит отметить, что безработный имеет право требовать от оператора бесплатного прекращения обработки своих персональных данных, включая их удаление. Это право исходит из положений ст. 4 Закона № 99-З и является важным инструментом контроля субъекта персональных данных по отношению к оператору. Обязательным условием реализации данного права является отсутствие оснований для обработки персональных данных, предусмотренных Законом № 99-З и иными законодательными актами.

Для прекращения обработки персональных данных и (или) их удаления безработному необходимо подать оператору заявление в письменной форме либо в виде электронного документа. Законодательными актами может быть предусмотрена обязательность личного присутствия субъекта персональных данных и предъявления документа, удостоверяющего личность, при подаче им заявления оператору в письменной форме.

Оператор обязан в пятнадцатидневный срок после получения заявления безработного прекратить обработку персональных данных, а также осуществить их удаление (обеспечить прекращение обработки персональных данных, а также их удаление уполномоченным лицом) и уведомить об этом субъекта персональных данных.

При этом оператор вправе отказать безработному в удовлетворении требований о прекращении обработки его персональных данных и (или) их удалении при наличии оснований для обработки персональных данных,

предусмотренных Законом № 99-З и иными законодательными актами с уведомлением об этом субъекта персональных данных в 15-дневный срок.

Необходимо добавить, что субъект персональных данных вправе обжаловать действия (бездействие) и решения оператора, нарушающие его права при обработке персональных данных, в уполномоченный орган по защите прав субъектов персональных данных, которым в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 28 октября 2021 г. № 422 «О мерах по совершенствованию защиты персональных данных», является Национальный центр защиты персональных данных.

Правом подачи жалобы обладает субъект персональных данных, чьи права были нарушены оператором. Он может обратиться с жалобой лично или через представителя. Жалобы рассматриваются не позднее одного месяца со дня, следующего за днем их регистрации в Национальном центре защиты персональных данных.

Решение об оставлении жалобы без рассмотрения по существу принимается в течение 10 рабочих дней со дня, следующего за днем ее регистрации, с уведомлением об этом субъекта персональных данных, подавшего такую жалобу, и указанием причин принятого решения.

Принятые по результатам рассмотрения жалоб решения Национального центра защиты персональных данных могут быть обжалованы в судебном порядке.

Богданович В. А.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

*Богданович Виктория Александровна, студентка 2 курса Академии
управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь,
bogdanovich0710@mail.ru*

Научный руководитель: магистр права Березко А. А.

Проблема изучения государственной службы имеет достаточно глубокие корни, но наибольшую актуальность данный институт получил после становления современной белорусской государственности. Институт государственной службы постоянно развивается, а вместе с этим совершенствуется и его правовое регулирование.

Первым актом, регулирующим государственную службу в Республике Беларусь, был Закон Республики Беларусь от 23.11.1993 № 2581-ХІІ «Об основах службы в государственном аппарате». В данном Законе служба в государственном аппарате была определена как вид трудовой деятельности, осуществляемой гражданами на профессиональной основе в определяемых этим законом государственных органах, обеспечивающих выполнение функций государства. Законом закреплялись права и обязанности служащих государственного аппарата, а также ряд ограничений, установленных для них.

Следующим актом, принятым в развитие государственной службы, был Закон Республики Беларусь от 14.06.2003 № 204-З «О государственной

службе в Республике Беларусь». Прежде всего следует отметить, что вместо службы в государственном аппарате возникает новый институт – государственная служба. Если ранее служба в государственном аппарате рассматривалась как разновидность трудовой деятельности, то в вышеназванном Законе это уже не просто служба в конкретном органе государственного аппарата, а прежде всего служба от имени и в интересах всего государства. В понятии «государственная служба» ведущим признаком является прилагательное «государственная», что подчеркивает прямую зависимость государственной службы, ее сущности и назначения от природы, основных черт и функций государства.

Несмотря на наличие нормативной базы, регулирующей данную сферу, некоторые вопросы оставались нерешенными и требовали доработки. Все это способствовало началу разработки концепции проекта Закона Республики Беларусь «О государственной службе». Закон Республики Беларусь № 175-З от 01.06.2022 значительно отличается от предыдущего Закона принципиально новыми подходами к предмету его регулирования. Впервые также закрепляется система государственной службы, включающая в себя такие виды, как: государственная гражданская служба, военная служба, служба в военизированных организациях. Отметим, что ранее действующий Закон не распространялся на военнослужащих, лиц начальствующего и рядового состава органов внутренних дел, Государственного комитета судебных экспертиз, Следственного комитета, органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям, органов финансовых расследований КГК, если иное не предусмотрено законодательными актами (п. 3 ст. 7 Закона № 204-З), и, соответственно, не выделял видов государственной службы. Однако, согласно специальному законодательству, которое закрепляет правовой статус вышеназванных органов, указано, что служба в этих органах является видом государственной службы. В настоящее время этот вопрос урегулирован и согласно Закону № 175-З служба в вышеназванных органах представляет собой воинскую службу и службу в военизированных организациях.

Общей чертой всех видов службы является профессиональная деятельность. Профессиональная деятельность – это сфера занятости, в которой человек применяет свои знания, навыки и опыт для выполнения определенных задач, связанных с определенной профессией или областью деятельности. Она предполагает профессиональное обучение, работу в определенной сфере и развитие навыков и компетенций, необходимых для успешного выполнения задач. Главным отличием данного вида деятельности от трудовой является то, что трудовая деятельность – это общее понятие, относящееся к любым видам работы или занятости, которые выполняются с целью получения заработной платы или дохода.

Таким образом, трудовая деятельность является более широким понятием, охватывающим различные формы работы и занятости, в то время как профессиональная деятельность подразумевает более конкретные и специализированные области работы, требующие определенных профессиональных навыков и квалификации.

Таким образом, институт государственной службы в Республике Беларусь прошел долгий путь своего развития, но наибольшую проработку получил в Законе Республики Беларусь «О государственной службе». Всего было принято 3 законодательных акта, которые регулируют институт государственной службы в Республике Беларусь. Данный институт продолжает развиваться и совершенствоваться с целью обеспечить качественную и профессиональную государственную службу.

Голынец Т. А.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СЛУЖАЩИЕ КАК СУБЪЕКТЫ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Голынец Татьяна Александровна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, tanya.golynets@bk.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Краснобаева Л. А.

Одной из важнейших сторон деятельности государственных служащих выступает работа с соответствующей информацией. Государственные служащие в силу занимаемой должности уполномочены вступать в информационные правоотношения.

В рамках информационно-правового взаимодействия информацию можно охранять, передавать, обрабатывать, распространять и т. д. Помимо информации объектом информационных правоотношений могут выступать материальные блага (технологии, информационные ресурсы и др.), нематериальные блага (персональные данные, честь, достоинство гражданина, тайна переписки и т. п.), а также действия, включая поведение субъектов и результат этого поведения; состояния, которых субъекты желают достичь (создание объектов информатизации, информационных технологий, обеспечение доступа к информации, защита информации и др.).

В связи с этим представляет научный интерес исследование вопросов вступления государственных служащих в информационные правоотношения. Главным аспектом данного вопроса является использование информации, которая стала известна государственному служащему в связи со служебной деятельностью, во-первых, в рамках внутриорганизационных служебных правовых отношений, во-вторых, использование служебной информации при взаимодействии с гражданами и обществом в целом. В первом случае государственный служащий обязан сохранить в тайне от посторонних лиц полученную информацию. Во втором случае – обязан предоставить или распространить запрашиваемую информацию.

Одной из важных сторон работы государственных служащих с информацией выступает обращение с информацией, распространение которой ограничено. В данном случае речь идет о таких правовых явлениях, как «служебная тайна» и «коммерческая тайна» (ст. 140 Гражданского кодекса Республики Беларусь), «государственные секреты» (абз. 2 ст. 1 Закона Республики Беларусь «О государственных секретах»), «служебная

информация ограниченного распространения» и «служебная информация» (соответственно подп. 1.7 ст. 25 и подп. 2.2 ст. 72 Закона Республики Беларусь «О государственной службе»). Государственные служащие не вправе использовать в личных и иных внеслужебных интересах полученную при исполнении служебных обязанностей информацию, распространение и (или) предоставление которой ограничено.

Современные тенденции общественного развития диктуют новые направления совершенствования системы государственного управления. Одним из таких направлений выступает цифровизация в сфере государственной службы. Как отмечает В. А. Шаршун, цифровизация представляет собой «современный общемировой тренд развития экономики и общества, который основан на преобразовании информации в цифровую и приводит к повышению эффективности экономики и улучшению качества жизни».

Таким образом, служебная деятельность государственных служащих связана со вступлением в информационные правоотношения. Актуальным направлением совершенствования государственного управления выступает цифровизация государственной службы.

Колосовская А. А.

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО
СТАТУСА УПОЛНОМОЧЕННЫХ ОРГАНОВ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ
СУБЪЕКТОВ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

*Колосовская Анна Александровна, студентка 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
annakolosovskaya@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Краснобаева Л. А.

В связи с активной цифровизацией современного общества и государства начали появляться новые институты, требующие правового урегулирования, а также контроля и надзора их деятельности со стороны органов государственного управления. Так, потребовалось закрепление на законодательном уровне института защиты персональных данных и создание уполномоченных государственных органов по защите прав субъектов персональных данных.

Согласно ст. 23 Федерального закона Российской Федерации от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – Федеральный закон № 152-ФЗ) уполномоченным органом по защите прав субъектов персональных данных является федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий самостоятельно функции по контролю и надзору за соответствием обработки персональных данных требованиям законодательства Российской Федерации в области персональных данных. Данным уполномоченным органом по защите прав субъектов персональных данных выступает Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных

технологий и массовых коммуникаций (далее – Роскомнадзор). Роскомнадзор осуществляет не только функции по контролю и надзору за соответствием обработки персональных данных, но и функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, информационных технологий и связи, функции по организации деятельности радиочастотной службы.

В соответствии с ч. 5 ст. 18 Закона Республики Беларусь от 07.05.2021 № 99-З «О защите персональных данных» (далее – Закон № 99-З) уполномоченный орган по защите прав субъектов персональных данных определяется Президентом Республики Беларусь. На этом основании Указ Президента Республики Беларусь от 28.10.2021 № 422 «О мерах по совершенствованию защиты персональных данных» определяет уполномоченным органом по защите прав субъектов персональных данных Национальный центр защиты персональных данных (далее – НЦЗПД), а учредителем НЦЗПД – Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь. Таким образом, НЦЗПД призван осуществлять практическую деятельность по выполнению функций государства в сфере защиты прав субъектов персональных данных.

Проведенный анализ функций Роскомнадзора в сфере контроля за соответствующей обработкой персональных данных, закрепленных в ст. 23 Федерального закона № 152-ФЗ, и функций НЦЗПД позволяет сделать вывод о сходстве полномочий органов по защите персональных данных Российской Федерации и Республики Беларусь.

Вместе с тем имеется значительное отличие в полномочиях российского и национального органов. Так, в п. 9 ч. 3 ст. 23 Федерального закона № 152-ФЗ определено, что Роскомнадзор обладает таким полномочием, как привлечение к административной ответственности лиц, виновных в нарушении Федерального закона № 152-ФЗ. В ч. 5.2 ст. 23 Федерального закона № 152-ФЗ установлено, что данные обязанности осуществляются непосредственно Роскомнадзором и не могут быть переданы иным органам государственной власти. В свою очередь, национальный уполномоченный орган по защите прав субъектов персональных данных не обладает данным полномочием. Для привлечения виновных к административной ответственности НЦЗПД должен обратиться в органы внутренних дел. В настоящее время НЦЗПД инициирует вопрос о предоставлении ему права составлять протоколы об административных правонарушениях, что приведет к необходимости внести соответствующие изменения в законодательство.

Таким образом, проведя сопоставительный анализ содержания полномочий Роскомнадзора и НЦЗПД, можно утверждать, что административно-правовые статусы российского и белорусского органов по защите прав субъектов персональных данных имеют значительные сходства. Очевидна необходимость внесения изменений в Закон № 99-З в части функций, осуществляемых НЦЗПД, а именно: наделение полномочием привлечения к административной ответственности в целях снижения нагрузки на органы внутренних дел.

Короленко Р. А.
**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЕВРОПЕЙСКОГО
СОЮЗА И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ
ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ**

*Короленко Роман Александрович, студент 2 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
korolenkooroman@gmail.com*

Научный руководитель: старший преподаватель Рамазанова Н. О.

С начала нового тысячелетия, вопрос защиты персональных данных представляет проблему, требующую основательного законодательного регулирования. Однако национальные и международные акты, регламентирующие обеспечение защиты персональных данных, являются недавно принятыми. Следовательно, обоснованным выглядит предположение о необходимости их тщательного изучения юристами всего мира с целью выявления коллизий и пробелов в регулировании рассматриваемых вопросов. Одним из методов данной «ревизии» может выступить сравнительный анализ законодательств различных стран и наднациональных структур. В сопредельных государствах Европейского союза вопросы защиты персональных данных регулируются Общим регламентом защиты персональных данных Европейского союза (далее – GDPR), а в Республике Беларусь – Законом Республики Беларусь «О защите персональных данных» (далее – Закон Республики Беларусь).

Терминологический аппарат GDPR сформулирован доступно. Так, например, ст. 84 GDPR уполномочивает страны – члены союза установить дополнительные санкции в отношении нарушения правил обработки персональных данных. Термины Закона Республики Беларусь сформулированы с учетом специфики развития законодательства Республики Беларусь. Примером может служить разница в определении основных общественных отношений по защите персональных данных. Законодательство Республики Беларусь определяет основными сторонами правоотношения «оператора», который осуществляет обработку данных, и «субъекта персональных данных», в то время как GDPR выделяет «контролера», «процессора» и «субъекта данных». В законодательстве Республики Беларусь был проведен своеобразный синтез терминов «процессор» и «контролер», что вылилось в создание термина «оператор».

Интересно отметить, что Закон Республики Беларусь выделяет термин «трансграничная передача данных», а GDPR «трансграничная обработка данных». Первый документ предполагает простую передачу данных на территорию иностранного государства, а второй предусматривает обработку данных либо на территории иностранного государства, либо такую обработку, которая существенным образом отразится на интересах более чем одного субъекта, базирующегося в государстве-члене.

Важным является вопрос предоставления согласия на обработку персональных данных субъектом. Оба нормативных правовых акта содержат

в себе как обязательное требование согласия субъекта для признания обработки официальной, так и особый порядок, при котором допускается отсутствие согласия. Данные случаи определены в ст. 8 Закона Республики Беларусь и ст. 9 GDPR. Список ограничений необходимости согласия на обработку специальных данных, требующих особой защиты, содержит больше позиций в Законе Республики Беларусь, в частности, в целях обеспечения функционирования единой государственной системы регистрации и учета правонарушений.

Порядок и методы осуществления защиты персональных данных также имеют различия. В случае Закона Республики Беларусь весь порядок защиты персональных данных определяется оператором при соблюдении обязательных требований: создание особой структуры, осуществляющей защиту персональных данных, определение собственной политики конфиденциальности и проведение регулярных тренингов для сотрудников оператора с целью развития их правовой культуры в вопросе обработки персональных данных. В свою очередь, GDPR требует от высших органов Европейского союза и надзорных органов государств – членов союза разработку особых кодексов поведения и правил сертификации.

В вопросе санкций за нарушение установленного порядка рассматриваемые документы имеют общие черты. Основная административная санкция – это штраф. Размеры штрафов четко определены законодательно: для Европейского союза – это 10.000.000–20.000.000 евро, а для Республики Беларусь – до 200 базовых величин. Предусматривается и возможность установления иных административных санкций.

Таким образом, защита персональных данных обеспечивается на должном уровне как в Республике Беларусь, так и в Европейском союзе. Полагаем, для разработки более эффективных мер защиты персональных данных, целесообразно изучать международный опыт и заимствовать положительные приемы и способы защиты, в том числе и для дальнейшего развития международного сотрудничества между странами.

Яковлев К. С.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ОКАЗАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ

Яковлев Кирилл Семенович, студент 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, kirillstorto@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Краснобаева Л. А.

С изданием Указа Президента Республики Беларусь от 31 мая 2022 г. № 188 «О расширении использования государственными организациями информационно-коммуникационных технологий» было введено понятие электронной (по сути, государственной) услуги. В нынешней правовой действительности Республики Беларусь термин «услуга» прочно закрепился за отраслью гражданского права в контексте частных отношений, в связи с

чем представляет интерес рассмотрение электронных услуг с точки зрения административного права.

Не представляется возможным раскрыть понятие электронной услуги без определения государственной услуги. В законодательстве иностранных государств (Российской Федерации, Республики Казахстан) государственная услуга представлена как функция государственного управления, выражаемая в действиях субъектов управления по реализации прав, свобод и интересов лиц по заявлениям. Правовую форму таких действий составляет административный акт, а в некоторых государствах (например, Республика Молдова) и административный договор. В Республике Беларусь понятию государственной услуги как совокупности действий на данный момент корреспондирует понятие административной процедуры, а правовой форме этих действий – административное решение. Электронная услуга представляет собой государственную услугу, опосредованную применением информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в процессе ее оказания.

При обращении к законодательству об электронных услугах и административных процедурах возникает следующая ситуация: электронная услуга не отнесена к административной процедуре, она же выражается в получении, сборе, хранении, накоплении, передаче и предоставлении информации на основании заключенного с заинтересованным лицом договора посредством предоставления ему доступа к подсистемам единого портала, при этом, если такие же действия обусловлены осуществлением административных процедур или связаны с таким осуществлением, то электронной услуги не возникает.

Правовая форма электронной услуги – договорная, а фактически она представляет собой юридически значимые действия государственной организации в рамках осуществления ей предусмотренных законодательством функций по реализации прав, свобод и интересов граждан и юридических лиц, обратившихся за оказанием услуги. На наш взгляд, электронная услуга в ее нынешнем изложении ничем существенно не отличается от административной процедуры, за исключением ее основной правовой формы (договор) и отсутствия связки с административным решением, что является закономерным следствием отождествления понятий «государственная услуга» и «административная процедура» Законом Республики Беларусь от 28 октября 2008 г. № 433-З. «Об основах административных процедур»

Толковые словари Ушакова, Ожегова, Большой юридический словарь (ред. А. Я. Сухарева) определяют процедуру в первую очередь как установленный порядок (выполнения действий; ведения, рассмотрения каких-либо дел). Предполагаем, что административную процедуру следует определить как установленный порядок выполнения действий по реализации функций, возложенных на тот или иной субъект управления. В таком изложении административные процедуры могут занять связующее место по отношению к электронным услугам. Таким образом, во-первых, будет решена проблема двойного регулирования одних и тех же отношений (по оказанию электронной услуги и административной процедуры в электронной

форме), во-вторых, будет сформирована единая основа для административных процедурных производств. Однако для реализации предложенных мер нужна масштабная реформа законодательства, которую, по нашему мнению, надлежит осуществлять с опорой на опыт государств, в которых введены и успешно действуют кодифицированные законы, регламентирующие порядок осуществления административно-процессуальных и -юрисдикционных производств.

Наиболее близкое по содержанию и субъектам правоотношения к электронной услуге понятие – информационная услуга. В силу ч. 4 ст. 1 и ч. 2 ст. 733 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) на оказание таких услуг могут распространяться как общие положения ГК, так и гл. 39 ГК в частности. На наш взгляд, подобное регулирование не отвечает природе административно-правовых отношений.

В заключение отметим, что существующее законодательство об административно-процедурных производствах отличается недостаточной системностью и избыточностью регулирования. При решении этих проблем законодателю, как мы считаем, следует в том числе переосмыслить природу и место государственных услуг в системе административного права.

Балашенко Н. С.

НОРМИРОВАНИЕ И СТАНДАРТИЗАЦИЯ КАК НОРМАТИВНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ОСНОВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

*Балашенко Никита Сергеевич, магистрант юридического факультета
Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
bns2001.by@gmail.com*

Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Макарова Т. И.

Среди механизмов обеспечения экологической безопасности особое место принадлежит экологическому нормированию, которое, по мнению ученых, является одним из наиболее важных механизмов ограничения воздействия на окружающую среду в процессе хозяйственной и иной деятельности, включает в себя пределы допустимого воздействия, а также определяет критерии выполнения требований.

Общую правовую основу нормирования и стандартизации в области охраны окружающей среды составляют Закон Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-XII «Об охране окружающей среды», Закон Республики Беларусь от 5 января 2004 г. № 262-З «О техническом нормировании и стандартизации», Закон Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 437-З «Об оценке соответствия требованиям технических нормативных правовых актов в области технического нормирования и стандартизации».

Нормирование в области охраны окружающей среды в соответствии с законодательством осуществляется в целях контроля предельно допустимого воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и обеспечения экологической безопасности, путем установления нормативов качества окружающей среды, нормативов допустимого воздействия, лимитов на природопользование и иных нормативов в области охраны окружающей среды.

Законодательство об охране окружающей среды подразделяет нормативы на следующие две группы:

нормативы качества окружающей среды, устанавливаемые применительно к водам, почве, атмосферному воздуху на уровне, обеспечивающем экологическую безопасность, и применяются для оценки состояния окружающей среды и нормирования допустимого воздействия на нее. В число нормативов качества окружающей среды включены: нормативы предельно допустимых концентраций химических и иных веществ; нормативы предельно допустимых физических воздействий; нормативы предельно допустимых концентраций микроорганизмов, иные нормативы качества окружающей среды. Эта группа нормативов является общей для

всей территории Республики Беларусь. При этом на особо охраняемых природных территориях, природных территориях, подлежащих специальной охране, и территориях биосферных резерватов могут устанавливаться более жесткие, чем действующие на других территориях, нормативы качества окружающей среды;

нормативы допустимого воздействия на окружающую среду для отдельных лиц в процессе осуществления хозяйственной и иной деятельности. Этот вид экологических нормативов устанавливается для предотвращения вредного воздействия на окружающую среду хозяйственной и иной деятельности и включает: нормативы допустимых выбросов и сбросов химических и иных веществ; нормативы образования отходов производства; нормативы допустимых физических воздействий (количество тепла, уровни шума, вибрации, ионизирующего излучения, напряженности электромагнитных полей и иных физических воздействий); нормативы допустимого изъятия природных ресурсов; нормативы допустимой антропогенной нагрузки на окружающую среду; нормативы иного допустимого воздействия на окружающую среду при осуществлении хозяйственной и иной деятельности. Эти нормативы обеспечивают соблюдение нормативов качества окружающей среды с учетом природных особенностей территорий.

В заключение следует отметить, что экологическое нормирование выполняет важнейшую функцию в обеспечении экологической безопасности и признается одним из наиболее значимых мер государственного регулирования хозяйственной и иной деятельности, оказывающей воздействие на окружающую среду. При помощи данного технико-правового средства устанавливаются, как качество окружающей среды, необходимой для существования человека как биологического вида, так и уровни допустимого воздействия хозяйственной и иной деятельности, позволяющие поддерживать окружающую среду в благоприятном для социума состоянии.

Булай А. С.

ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ

*Булай Арианна Сергеевна, студентка 1 курса Академии управления
при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь,
ariannaarianna06@gmail.com*

Научный руководитель: старший преподаватель Малаш Н. И.

В настоящее время глобальные проблемы, угрожающие биосфере и существованию земной цивилизации, постоянно увеличиваются и приближаются к катастрофическим. Антропогенное воздействие на окружающую среду вызывает разрушение естественной природной среды.

Ухудшение состояния окружающей среды требует незамедлительных действий как со стороны мирового сообщества, так и со стороны каждого

государства в частности. В связи с этим вопрос о механизмах защиты экологических прав человека на национальном уровне представляется как никогда актуальным.

Как отмечает О. В. Мороз, «экологические права и обязанности граждан по значимости условно можно подразделить на три группы: 1) право на благоприятную окружающую среду; 2) право на доступ к экологической информации, право общественности на участие в процессе принятия экологически значимых решений, право на доступ к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды; 3) иные экологические права (к примеру, право оказывать содействие государственным органам в решении вопросов охраны окружающей среды)».

Однако это разделение экологических прав весьма условно, ибо данные права связаны между собой, и осуществление одного права является гарантией осуществления другого. Можно сказать, что право на благоприятную окружающую среду является главным экологическим правом, а остальные права в сфере охраны окружающей среды обращены на его реализацию.

Право на благоприятную окружающую среду закреплено в ст. 46 Конституции Республики Беларусь. Определив это право, законодатель обязуется планомерно развивать механизм его реализации, гарантировать осуществление его защиты, предоставлять гарантии соответствия международным документам по охране окружающей среды и правам человека в этой области.

По мнению Т. И. Макаровой, «в белорусской юридической науке конституционное право на благоприятную окружающую среду рассматривается как ядро (центральный элемент) эколого-правового статуса индивида, который представляет собой системообразующую правовую категорию и комплексный институт экологического права, включает правомочия граждан, необходимые для защиты исследуемого права».

Экологические права физических лиц закреплены также Законом Республики Беларусь «Об охране окружающей среды». В ст. 14 основополагающим названо право на благоприятную окружающую среду, определяемое как неотъемлемое, подлежащее защите в качестве личного неимущественного, не связанного с имущественным правом. Иные экологические права граждан установлены ст. 12 указанного закона и в совокупности создают юридические возможности реализации и защиты права на благоприятную окружающую среду как права неотъемлемого, а закрепление в ст. 13 его гарантий позволяет отождествлять обеспечение права на благоприятную окружающую среду с оптимальным действием всего правового механизма охраны окружающей среды.

Возможность защиты нарушенных экологических прав в нашей стране предусмотрена законодательством в порядке гражданского производства в случае причинения какого-либо из вида ущерба и морального вреда.

Грицевич Н. С.

ПОНЯТИЕ И ЦЕЛИ КОНТРОЛЬНОЙ (НАДЗОРНОЙ) ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

*Грицевич Никита Сергеевич, магистрант юридического факультета
Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
nikita_gritsevich@mail.ru*

Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Макарова Т. И.

Закон Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-ХІІ «Об охране окружающей среды» в главе 6 устанавливает ряд требований в области охраны окружающей среды, выполнение которых является необходимым условием обеспечения благоприятного состояния окружающей среды. Контрольная и надзорная деятельность в области охраны окружающей среды выступает в качестве индикатора соблюдения эколого-правовых предписаний. При осуществлении контрольной и надзорной деятельности возможно дать объективную оценку состоянию окружающей среды в целом и отдельных компонентов природной среды. Своевременность проведения контрольных и надзорных мероприятий в сфере охраны окружающей среды позволяет избежать серьезных нарушений экологического законодательства, нанесения непоправимого вреда окружающей среде, а также способствует возмещению вреда, причиненного окружающей среде, и привлечению лиц, виновных в нарушении эколого-правового императива, к ответственности.

Принятие в 2023 г. новой редакции Закона «Об охране окружающей среды» и разработка проекта Концепции Экологического кодекса Республики Беларусь по-новому ставят вопрос о правовом обеспечении и реализации контрольно-надзорной деятельности в сфере экологических отношений.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 87 Закона «Об охране окружающей среды» контроль в области охраны окружающей среды, рационального использования природных ресурсов включает в себя систему мер, направленных на предотвращение, выявление и пресечение нарушения законодательства об охране окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов, осуществляемых в форме проверок в сферах, указанных в экологическом законодательстве, и иных формах контроля, предусмотренных законодательством о контрольной (надзорной) деятельности, а также в форме проведения полевых контрольных мероприятий.

Целями осуществления контроля в области охраны окружающей среды, рационального использования природных ресурсов являются обеспечение республиканскими органами государственного управления, местными исполнительными и распорядительными органами, юридическими лицами и гражданами исполнения законодательства в области охраны окружающей среды, соблюдения требований в области охраны окружающей среды, а также обеспечение экологической безопасности.

Контроль в области охраны окружающей среды, рационального использования природных ресурсов осуществляется Государственной инспекцией охраны животного и растительного мира при Президенте

Республики Беларусь, Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды и его территориальными органами, определенными Советом Министров Республики Беларусь, местными исполнительными и распорядительными органами, а также иными государственными органами (организациями), уполномоченными законодательными актами или нормативными правовыми актами Совета Министров Республики Беларусь на осуществление контроля.

Правовую основу осуществления контроля в области охраны окружающей среды, рационального использования природных ресурсов составляет не только Закон «Об охране окружающей среды», но и законодательство о контрольной (надзорной) деятельности, в частности Указ Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 г. № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь».

При этом экологическое законодательство не разграничивает понятия «контроль» и «надзор» в области охраны окружающей среды. Представляется, что данные термины не равнозначны. Контроль представляет собой проверку соблюдения требований с возможностью контролирующего субъекта вмешиваться в деятельность подконтрольных субъектов, а надзор – это проверка выполнения определенных требований с точки зрения соответствия предписаниям нормативных правовых актов, при этом субъект, который осуществляет надзор, не вмешивается в деятельность поднадзорных субъектов.

Жогло П. А.

ОБЩЕСТВО ПОТРЕБЛЕНИЯ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБРАЩЕНИЯ С ОТХОДАМИ В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ ОТВЕТСТВЕННОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ

Жогло Полина Андреевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, zhoglo.polly@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Самусенко Л. А.

Конец XX и начало XXI в. ознаменовали появление нового общества. Развитие информационно-коммуникационных технологий, автоматизация производственных процессов, цифровизация общества значительно ускорили прогресс во всех сферах жизнедеятельности. Промежуточным положительным результатом прогресса являются повышение качества и уровня жизни большей части населения. Однако вместе со стремительным развитием сфер жизнедеятельности наиболее актуальна сегодня проблема загрязнения окружающей среды. Во второй половине XX в., а именно после принятия в г. Стокгольме в 1972 г. Декларации Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды, мировое сообщество наконец обратило внимание на проблемы охраны окружающей среды и обозначило экологическую повестку приоритетной при осуществлении предпринимательской и иных видов деятельности человека. Но при этом

интерес к данной проблеме появился именно в тот момент, когда экологические проблемы приобрели трансграничный характер.

Сегодня мы живем в обществе потребления, которое «запрограммировано» так, чтобы каждый покупал как можно больше, выбрасывал купленные товары как можно раньше и покупал вновь. Вследствие производственной избыточности возникают такие глобальные проблемы, как гипериспользование ресурсов и нарастание объема мусора различного вида. Общество потребления противопоставляется устойчиво развивающемуся обществу, собственно, основанному на концепции устойчивого развития, состоящей из трех основных компонентов: экологического, экономического и социального. На сегодняшний день данная концепция является приоритетной в формировании мирового сообщества, что связано с принятием в 2015 г. Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, содержащей 17 Целей устойчивого развития (далее – ЦУР) и 169 задач, формирующих будущий облик мира.

В целях эффективного решения той или иной проблемы необходимо применить комплекс определенных мер – механизмов, согласно специфике возникшего вопроса. По нашему мнению, наиболее эффективным механизмом решения той или иной проблемы является правовой, так как закрепление положений на законодательном уровне придает им свойство обязательности.

Правовые основы обращения с отходами в Республике Беларусь закреплены в Законе Республики Беларусь от 20 июля 2007 г. № 271-З «Об обращении с отходами» (далее – Закон об обращении с отходами), который определяет правовые основы обращения с отходами и направлен на уменьшение объемов образования отходов и предотвращение их вредного воздействия на окружающую среду, здоровье граждан, имущество, находящееся в собственности государства, имущество юридических и физических лиц, а также на максимальное использование отходов, в том числе вовлечение отходов в гражданский оборот.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что нормы Закона об обращении с отходами составлены согласно концепции ответственного потребления, что подтверждается следующим: «[Закон] направлен на уменьшение объемов образования отходов и предотвращение их вредного воздействия на окружающую среду, а также на максимальное использование отходов, в том числе вовлечение отходов в гражданский оборот».

Согласно п. 13 ст. 1 Закона об обращении с отходами под обращением с отходами понимается деятельность, связанная с образованием отходов, их сбором, разделением по видам отходов, подготовкой, удалением, хранением, захоронением, перевозкой, обезвреживанием и (или) использованием отходов.

При формировании культуры ответственного потребления необходимо обозначить обязанности, выполняя которые физические и юридические лица, индивидуальные предприниматели смогут воплотить в жизнь идеи концепции ответственного потребления.

В ст. 17 Закона об обращении с отходами закреплены обязанности физических и юридических лиц, индивидуальных предпринимателей в

области обращения с отходами, причем можно выделить следующие виды обязанностей: юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих обращение с отходами; юридических лиц, осуществляющих обращение с отходами, за исключением микроорганизаций; физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями; производителей отходов производства; собственников передаваемых в пользование зданий, сооружений и иных объектов либо уполномоченных ими лиц; юридических лиц, обслуживающих жилые дома; юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих эксплуатацию объектов хранения, захоронения и обезвреживания отходов; собственников объектов захоронения отходов либо уполномоченных ими лиц после завершения эксплуатации объектов захоронения отходов; собственников отходов потребления; собственников отходов либо уполномоченных ими юридических лиц или индивидуальных предпринимателей при перевозке отходов; собственников отходов производства при осуществлении их перевозки.

Хотелось бы уделить отдельное внимание обязанностям физических лиц. Согласно п. 3 ст. 17 Закона об обращении с отходами физические лица, не являющиеся индивидуальными предпринимателями, обязаны обеспечивать сбор отходов и их разделение по видам, если для этого юридическими лицами, обслуживающими жилые дома, созданы в соответствии с настоящим Законом и иными актами законодательства об обращении с отходами, в том числе обязательными для соблюдения техническими нормативными правовыми актами, необходимые условия. Исходя из содержания данной нормы, если вышеназванные условия не будут созданы, соответственно физические лица не обязаны обеспечивать сбор отходов и их разделение по видам, что противоречит концепции ответственного потребления.

Таким образом, предлагается п. 3 ст. 17 Закона об обращении с отходами сформулировать следующим образом: «Физические лица, не являющиеся индивидуальными предпринимателями, обязаны обеспечивать сбор отходов и их разделение по видам».

Красуцкий Г. В.

УСТАНОВЛЕНИЕ ЦЕЛЕВОГО НАЗНАЧЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ДЛЯ ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СВЕТЕ ЭКОЛОГИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

*Красуцкий Георгий Вячеславович, соискатель Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь, george-2013@tut.by*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шахрай И. С.

В 2015 г. государства – члены ООН приняли Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, содержащую 17 Целей устойчивого развития. Среди них есть цели, имеющие экологический характер, достижение которых возможно посредством применения специальных мер, представляющих в совокупности процесс экологизации.

В правовой науке существуют различные подходы к определению этого понятия, но в целом их можно свести к тому, что под экологизацией понимается имплементация природоохранных требований в различные отрасли законодательства. Значимость отражения таких требований в земельном законодательстве обусловлена тем, что земля в первую очередь является компонентом природной среды, а уже потом объектом гражданского оборота. Как следствие, процесс экологизации имеет значение в вопросах установления целевого назначения земельных участков, в том числе предоставленных для жилищного строительства.

Отметим, что вопросы рационального (устойчивого) использования земель приобретают особую актуальность в связи с реализацией Национального плана действий по развитию «зеленой» экономики в Республике Беларусь на 2021–2025 годы, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 10 декабря 2021 г. № 710, согласно которого в перспективе актуальными остаются вопросы изучения и внедрения передовых практик и стандартов в части «зеленого» строительства и городского планирования в целях достижения минимального воздействия на окружающую среду.

Вместе с тем стоит констатировать, что с принятием Кодекса Республики Беларусь о земле от 23 июля 2008 г. (далее – КоЗ) имело место некоторое отступление от природоохранных начал земельного закона, о чем свидетельствует существенное изменение его преамбулы, в которой вместо ранее существовавших принципов рационального использования земель, сохранения и улучшения окружающей среды был закреплен только принцип эффективного использования земель. При этом учеными такое положение не было однозначно поддержано.

Так, Т. И. Макарова и О. А. Хотько пишут: «Принцип эффективного использования земель должен быть сохранен как принцип, лежащий в основе экономически разумного использования земель, а принцип рационального (устойчивого) использования возвращен как природоохранный принцип». Аналогичного подхода придерживается Е. В. Шаршун, которая отмечает: «В современных реалиях принцип рационального (устойчивого) использования земель должен быть одним из ключевых принципов земельных отношений».

Несмотря на то, что на сегодняшний день в КоЗ не нашел закрепления приоритет экологических интересов над экономическими, законодатель все же установил один из принципов земельных отношений – охраны земель и улучшения их полезных свойств (ст. 5 КоЗ), подразумевающий необходимость соблюдения природоохранных норм в процессе использования земельных участков по установленному целевому назначению, включая жилищное строительство. Однако реализация этого принципа видится и в том, что в основе самого целевого назначения земельных участков будут экологические начала, что возможно при условии закрепления природоохранных требований в нормах земельного и градостроительного законодательства.

Следует отметить, что в отечественной науке об этом уже высказываются различные мнения. В частности, И. С. Шахрай говорит о

необходимости «последовательной экологизации правового регулирования градостроительной деятельности». Исходя из того, что такая деятельность осуществляется на конкретных земельных участках, представляется правильным вести речь о более широком применении природоохранных норм при определении их целевого назначения.

Таким образом, в целях обеспечения эффективного и рационального использования земель считаем обоснованным рассматривать целевое назначение земельных участков для жилищного строительства не только во взаимосвязи с градостроительным законодательством, но и через призму экологизации законодательства, в связи с чем предлагаем закрепить в КоЗ следующее понятие:

– целевое назначение земельных участков, предоставленных для жилищного строительства – установленные решением об изъятии и предоставлении земельного участка порядок, условия и ограничения использования земельного участка для конкретных целей, которые определены в соответствии с законодательством об охране окружающей среды, об охране и использовании земель, об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности.

Крюков Е. В.

ГАРМОНИЗАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СФЕРЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

*Крюков Елисей Владиславович, студент 2 курса Российского государственного университета нефти и газа (национальный исследовательский университет) им. И. М. Губкина, г. Москва, Россия,
kriukov0987@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Смирнов М. Г

Природопользование – это деятельность человека, связанная с использованием и охраной природных ресурсов. Природопользование имеет большое значение для экономического и социального развития стран, а также для сохранения биологического разнообразия и экологического равновесия. Однако природопользование может приводить и к негативным последствиям для окружающей среды, таким как загрязнение, эрозия, вымирание видов и изменение климата. Поэтому необходимо регулировать природопользование с помощью законодательства, которое устанавливает права и обязанности субъектов природопользования, а также меры ответственности за нарушения.

Российская Федерация и Республика Беларусь – две соседние страны, которые имеют тесные экономические, политические и культурные связи. Они также являются участниками Союзного государства, Евразийского экономического союза и Содружества Независимых Государств, которые предусматривают сотрудничество в различных областях, в том числе в сфере природопользования. Однако законодательство России и Беларуси по природопользованию имеет ряд различий, которые могут создавать

препятствия для эффективного взаимодействия и интеграции двух стран. По этой причине актуальной задачей является гармонизация законодательства России и Беларуси по природопользованию, т. е. приведение его в соответствие с общими принципами, целями и стандартами.

Основные пути к гармонизации экологического законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь, можно сформулировать следующим образом:

- участие России и Беларуси в международных договорах и соглашениях в области охраны окружающей среды, а также в региональных интеграционных процессах, таких как СНГ и Союзное государство, которые предполагают сближение и унификацию экологического законодательства;
- принятие общих принципов и норм экологического права, которые отражают современные требования в области охраны окружающей среды и учитывают специфику национальных правовых систем России и Беларуси, в частности, разработка и принятие Экологических кодексов России и Беларуси, а также модельного Экологического кодекса СНГ;
- согласование законодательства в отдельных отраслях экологического права, таких как природоохранные требования при осуществлении хозяйственной, градостроительной и строительной деятельности, регулирование отдельных видов природных ресурсов, ответственность за нарушение экологического законодательства и т. д.;
- обмен опытом и информацией по вопросам экологического законодательства между компетентными органами России и Беларуси, а также между научными и общественными организациями, занимающимися изучением и развитием экологического права.

Основные задачи, которые должны решаться в процессе гармонизации экологического законодательства России и Беларуси, можно выделить следующие:

- обеспечение соответствия национального экологического законодательства международным стандартам и обязательствам в области охраны окружающей среды, а также учет национальных интересов и особенностей России и Беларуси в области экологической безопасности и рационального использования природных ресурсов;
- совершенствование механизмов правового регулирования и контроля за соблюдением экологического законодательства, в том числе установление эффективных санкций за его нарушение и обеспечение доступа к правосудию в экологических спорах;
- развитие сотрудничества и координации действий между различными уровнями власти, а также между государственными и негосударственными субъектами экологического права в России и Беларуси, в том числе через создание совместных органов и институтов;
- повышение уровня экологической правосознательности и культуры населения России и Беларуси, а также привлечение общественности к участию в процессе формирования и реализации экологического законодательства.

Обозревая вышеизложенное, стоит отметить, что взаимодействие профильных ведомств Российской Федерации и Республики Беларусь является необходимым для поддержания биогеоценоза в приграничных областях, а также для облегчения последствий техногенных катастроф, главной из которых является авария на ЧАЭС, нанеся крайне сильный урон экологической обстановке обеих стран в долгосрочной перспективе

Кулешова А. А.

К ВОПРОСУ О РЕГУЛИРОВАНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ОКАЗАНИЮ УСЛУГ В СФЕРЕ АГРОЭКОТУРИЗМА

Кулешова Анастасия Андреевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, law.kuleshovAA@bsu.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Кузьмич И. П.

В октябре 2022 г. в целях создания благоприятных условий для развития агроэкотуризма, улучшения условий жизни граждан в сельской местности, малых городских поселениях, а также совершенствования сельской инфраструктуры Президент Республики Беларусь подписал Указ № 351 «О развитии агроэкотуризма». Указом введен разрешительный порядок осуществления данного вида деятельности, внесены изменения в перечень услуг, которые агроэкоусадьбы вправе предоставлять туристам. Например, у субъектов агроэкоусадб теперь появилась возможность проводить мастер-классы, ознакамливающие посетителей с национальными традициями региона. Установлена ответственность за нарушение общественного порядка в непосредственной близости от соседних жилых домов, несоблюдение законодательства в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия населения, природоохранных, противопожарных требований.

Главная предпосылка изменения регулирования данной отрасли заключалась в том, что льготным налоговым режимом, установленным для агроэкоусадб, стали пользоваться организации и предприниматели, осуществляющие свою деятельность вблизи городов и фактически являющиеся гостиницами или ресторанами. В свою очередь, это создавало неравные условия осуществления деятельности и вело к уменьшению налоговых поступлений в бюджет. Так, Указом № 351 была установлена обязанность до 1 июля 2023 г. получить решение райисполкома об оказании услуг агроэкотуризма и тем самым подтвердить соответствие всем новым требованиям. Однако на сегодняшний день можно констатировать, что, несмотря на новые возможности, предусмотренные в законодательстве, из 3043 усадб за решением обратилось лишь 1,6 тыс. их владельцев, а только в одной Минской области 375 агроэкоусадб и вовсе прекратили свою деятельность.

Исходя из проекта Закона «Об изменении Налогового кодекса Республики Беларусь» на 2024 год, мы можем утверждать, что право выбора между уплатой сбора в размере 40 рублей или переходом на специальный

налоговый режим, также введенный с 1 июля 2023 г. (налог на профессиональный доход (НПД) (10 или 20 % от оборота)) для субъектов агроэкотуризма, зависит от решения местных исполнительных и распорядительных органов. И на данный момент проект, даже расширив статью об общих условиях применения сбора вместо НПД, все равно не отвечает на вопрос: какими именно критериями должны руководствоваться государственные органы при принятии такого решения? Более того, на сегодняшний день не предусмотрена программа государственной поддержки субъектов агроэкотуризма, а НПД предусматривает лишь налоговый вычет в размере 2000 белорусских рублей в качестве льготы, на которую могут рассчитывать субъекты агроэкотуризма.

На наш взгляд, в целях создания действительно благоприятных условий для развития агроэкотуризма стоит обратить внимание на государственную политику в сфере сельского туризма в Российской Федерации. Так, законодатель в России пошел иным путем, предусмотрев изменения в Федеральный закон «Об основах туристской деятельности», где сельский туризм определен как приоритетное направление государственного регулирования именно туристской деятельности, способное к 2030 году привести к росту выручки фермеров до 50 млрд российских рублей, обеспечить рост рынка агротуризма примерно в семь раз и создать до 60 тыс. новых рабочих мест. В целях финансовой поддержки на развитие сельского туризма из федерального бюджета ежегодно предоставляются субсидии на развитие сельского туризма в рамках государственного гранта «Агротуризм». Размер гранта составляет от 3 до 10 млн российских рублей. К концу этого года планируется поддержать 73 проекта в 51 регионе. Средства можно потратить на приобретение сельхозтехники, благоустройство территории, приобретение животных, строительство вольеров, постройку гостевых домов и др. Более того, данная программа является ярким примером реализации Концепции развития сельского туризма в Российской Федерации до 2030 года, которая также предусматривает создание Единой всероссийской ассоциации сельского туризма, проведение туристических мероприятий (концерты, форумы, тематические мероприятия и т. д.) в сельской местности и различные информационные кампании.

Таким образом, анализ действующего законодательства позволяет утверждать, что в 2023 г. регулирование деятельности по оказанию услуг в сфере агроэкотуризма в нашей стране претерпело коренные изменения. Введенный разрешительный принцип сократил число субъектов агроэкотуризма. Остается нерешенным вопрос, в части применения сбора за осуществление деятельности в сфере агроэкотуризма. В связи с этим данной сфере требуется государственная поддержка, которая бы способствовала устойчивому развитию агроэкотуризма, включая финансовую помощь и разработку специальных программ обучения для развития навыков и компетенций работников в данной отрасли.

Мироненко К. А.
ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ИЗЪЯТИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ
ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ НУЖД

*Мироненко Ксения Алексеевна, студентка 4 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
mironenkoksensia9@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Мороз О. В.

С каждым годом количество иностранных граждан в нашей стране увеличивается, изучить достопримечательности и окунуться в аутентичность культуры белорусского народа хотят не только граждане ближнего зарубежья, но и с самых дальних уголков мира. После запоминающегося отдыха многие переезжают в Республику Беларусь на постоянное место жительства. Большинство интересуется возможностью приобретения недвижимого имущества на праве собственности, а если речь идет о жилом доме, то возникает вопрос о сделке, в том числе и на земельный участок.

Статья 14 Кодекса Республики Беларусь о земле содержит закрытый перечень случаев, когда иностранный гражданин, лицо без гражданства может иметь земельный участок на праве собственности. Два из пяти случаев указывают институт наследования, однако не всегда есть возможность унаследовать желаемый объект недвижимости или земельный участок (однако это, скорее всего, частные случаи.).

Данная статья также предусматривает земельный участок как общую совместную собственность супругов, одним из которых является иностранный гражданин, лицо без гражданства, а вторым – гражданин Республики Беларусь, либо на приобретение доли в праве собственности на земельный участок, который является собственностью одного из супругов (бывших супругов) однако оба этих варианта также подходят далеко не всем.

Тогда остается вариант указанный в подп. 4.3 вышеупомянутой статьи, который предусматривает приобретение иностранными гражданами зарегистрированных долей в праве собственности на земельный участок на основании гражданско-правовой сделки. Из анализа данной нормы можно сделать вывод, что иностранные граждане, лица без гражданства могут приобрести лишь часть земельного участка или жилого дома, но приобретение целого, исходя из рассматриваемой нормы, невозможно.

Соответственно, данные ограничения значительно усложняют процедуру приобретения недвижимости (частного дома), ведь сделка должна содержать в себе переход права собственности на часть земельного участка, тогда как вторая часть остается у первоначального собственника. Подобная процедура достаточно трудоемкая для продавца земельного участка или расположенного на нем строения, поскольку может быть необходимость в поисках еще одного покупателя, который бы согласился купить долю в праве собственности.

Данная норма является новеллой в Кодексе о земле, однако подобная формулировка не дает возможности иностранным гражданам, лицам без

гражданства беспрепятственно приобрести жилье на территории Республики Беларусь. В свою очередь это может отражаться на реализации инвестиционных проектов, количестве иностранных работников.

Безусловно подобные ограничения касаются всех иностранных граждан и лиц без гражданства. Однако стоит обратить внимание, что наша страна является участницей Союзного государства с Российской Федерацией, следовало бы предположить, что граждане обоих государств будут иметь более широкий перечень приобретения недвижимого имущества и земельных участков на территории Союзного государства.

В ст. 6 договора между Российской Федерацией и Республикой Беларусь «О равных правах граждан» от 25.12.1998 г. предусмотрено равное право граждан обоих государств на приобретение, владение, пользование и распоряжение имуществом на своих территориях. Подобное предусмотрено и в договоре о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г.

Однако нормы, предусмотренные национальным законодательством Республики Беларусь, ограничивают права граждан Российской Федерации в возможности приобретения недвижимого имущества, в частности частного дома, а также земельного участка, на котором он расположен.

Исходя из вышеупомянутого можно сделать вывод, что в отношении иностранных граждан, лиц без гражданства имеются ограничения при приобретении земельного участка в частную собственность, что существенно затрудняет обустройство их дальнейшей жизни. Более того, нормы, изданные в рамках Союзного государства, также могли бы содержать более выгодные условия для приобретения земельного участка.

Павловская Д. А.
ПЕРСПЕКТИВЫ КОДИФИКАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

*Павловская Дарья Андреевна, магистрант 1 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
pavlovskayadarya2001@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Жлоба А. А.

Идея кодифицированного закона в сфере охраны окружающей среды в профильном юридическом сообществе насчитывает более полувека. Еще в 1961 г. Н. Д. Казанцев предлагал принять Природоохранный кодекс СССР. На современном этапе попытка кодифицировать экологическое законодательство предпринималась в 2005 г. с появлением Концепции проекта Экологического кодекса Республики Беларусь, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 16 декабря 2005 г. № 1460. Под общим руководством Минприроды был разработан проект кодекса, однако проект так и не был принят. В 2023 г. была разработана новая Концепция проекта Экологического кодекса Республики Беларусь, согласно которой предметом правового регулирования данного

кодекса будет являться весьма широкий спектр экологических отношений, урегулированных актами природоохранного законодательства. По нашему мнению, причина столь длительного процесса кодификации отечественного экологического законодательства заключается в комплексном характере экологического права как отрасли права и его основного объекта – окружающей среды, на качество которой, помимо экологического, влияют градостроительный и санитарно-эпидемиологический компоненты.

В соответствии с концепцией 2023 г. в основу Экологического кодекса предлагается положить Закон «Об охране окружающей среды» с включением норм законов «Об обращении с отходами», «О государственной экологической экспертизе, стратегической экологической оценке и оценке воздействия на окружающую среду», «Об особо охраняемых природных территориях», «Об охране озонового слоя», «Об охране атмосферного воздуха», «О гидрометеорологической деятельности», «Об охране и использовании торфяников». В науке экологического права такой подход к кодификации считается умеренным.

Вместе с тем в эколого-правовой литературе выделяют также узкий и широкий подходы. Сторонники узкой кодификации полагают необходимым придать статус кодекса Закону «Об охране окружающей среды» без включения в него норм других природоохранных законов, что, на наш взгляд, лишено большого смысла и нерационально. При широком подходе в состав Экологического кодекса включается целый массив правовых норм, включая нормы природоресурсного права. В качестве примера можно привести Экологический кодекс Франции. На данном этапе развития экологических правоотношений в Беларуси широкая кодификация не представляется возможной, в том числе поскольку отсутствует должная научная проработка проблемы объединения в одном нормативном правовом акте всех природоохранных и природоресурсных кодексов и законов.

На основании изложенного применение умеренного подхода в концепции 2023 г. выглядит оправданным. Следует отметить, что анализ действующего и нового Закона «Об охране окружающей среды» позволяет сделать вывод о приоритетном положении природоресурсного законодательства по отношению к природоохранному. В связи с этим проблема роли и места основного экологического закона в системе соответствующего законодательства сохраняется. Для ее решения полагаем необходимым в Экологическом кодексе пересмотреть приоритеты, учитывая, что само по себе установление порядка и условий рационального пользования природными ресурсами можно рассматривать в качестве правовой меры охраны окружающей среды.

Таким образом, считаем наиболее оптимальной формой систематизации экологического законодательства умеренную кодификацию с установлением приоритета природоохранного законодательства по отношению к природоресурсному, что, помимо прочего, усилит классическую позицию правоведов-экологов о понимании природоресурсного права как подотрасли экологического права.

Фоменко Е. Ю.

К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЗОВАНИИ ДВУХ И БОЛЕЕ САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ИЗ ОДНОГО: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

*Фоменко Елена Юрьевна, студентка Белорусского государственного
университета, г. Минск, Беларусь, fomena1905@yandex.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шахрай И. С.

Земля является объектом недвижимости, что следует из положений ст. 130 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 07.12.1998 № 218-З (ред. от 01.10.2023) (далее – ГК). Статья 10 Кодекса Республики Беларусь о земле от 23.07.2008 № 425-З (ред. от 18.07.2022) (далее – КоЗ) предусматривает, что земельные участки могут быть делимыми и неделимыми. Делимым земельный участок признается, если образованные в ходе его раздела новые земельные участки не приведут к нарушению градостроительных регламентов, природоохранных, санитарно-эпидемиологических требований, противопожарных, строительных и иных норм и правил. Целевое назначение образованных в результате раздела земельных участков должно соответствовать целевому назначению земельного участка до его раздела.

В новой редакции КоЗ есть два случая, при которых возможен раздел земельных участков. Первый – это раздел жилых домов, второй – раздел земельных участков на основании решения о разрешении раздела земельного участка при соблюдении определенных условий (изменение вида права на право частной собственности или на право аренды, наличие инженерной и транспортной инфраструктуры, соблюдение предельных размеров земельных участков). При этом для раздела земельного участка важен вид права на него – частная собственность, пожизненное наследуемое владение, постоянное (временное) пользование или аренда.

В первом случае (раздел земельного участка связанный с разделом дома находящегося на нем) предусмотренная земельным законодательством процедура предполагает обращение собственника (собственников) земельного участка непосредственно в специализированную организацию по землеустройству за оказанием услуги по оформлению документации деления земельного участка. В случае несогласия одного из собственников данный вопрос можно решить в судебном порядке подав иск на раздел земельного участка. Если земельный участок предоставлен в пожизненное наследуемое владение, постоянное (временное) пользование или аренду, то субъектам названных прав необходимо обратиться в местный исполнительный комитет, который при наличии согласия на деление земельных участков должен направить в специализированную организацию по землеустройству поручение на совершение работ по изготовлению проекта деления земельных участков и установлению границ, образованных в результате деления земельных участков.

Вместе с тем образование двух и более самостоятельных земельных участков из одного посредством его раздела не всегда возможно. Так, если жилой дом не разделен, а вычленены квартиры в блокированном жилом доме, следует вести речь о предоставлении местным исполкомом земельных

участков для обслуживания квартир в блокированном жилом доме. Сказанное связано с тем, что целевое назначение земельных участков после раздела должно соответствовать целевому назначению земельного участка до его раздела.

Законом Республики Беларусь от 22.07.2002 № 133-З «О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним» (ред. от 10.10.2022) определен порядок раздела недвижимого имущества и вычленения изолированного помещения из капитального строения. Системный анализ законодательства позволяет сделать вывод, что судом не может быть разделен земельный участок, на котором в жилом доме вычленены квартиры, а не произведен раздел жилого дома. Также судом не может быть произведен раздел земельного участка, находящегося не в собственности владельцев, а на ином виде права, так как такие земельные участки находятся в государственной собственности.

При этом в судебном порядке можно получить согласие о разрешении раздела земельного участка, находящегося в общей долевой частной собственности, без согласия иных собственников или о разрешении изъятия предоставленного земельного участка и предоставлении земельного участка для обслуживания квартиры в блокированном жилом доме без согласия от иных землепользователей.

Второй упомянутый случай (раздел земельных участков на основании решения о разрешении раздела земельного участка) возможен на основании решения местного исполнительного комитета о разрешении раздела земельного участка для последующего строительства жилого дома на вновь образованном земельном участке. Следует отметить, что законодательством не предусмотрено строительство двух жилых домов на одном земельном участке. В случае самовольного строительства второго жилого дома, такое нарушение узаконить будет не возможно. Самовольное строительство, повлекшее нецелевое использование земельного участка, в соответствии с ГК влечет снос самовольно возведенного дома.

Учитывая изложенное, в белорусском законодательстве необходимо четко определить понятие деления земельного участка и случаи предоставления земельных участков для обслуживания квартиры в блокированном жилом доме.

Хотенко П. Г.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ОПРЕДЕЛЕНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО АУДИТА

Хотенко Полина Геннадьевна, магистрант Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, paulina.hotenko@yandex.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Мороз О. В.

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-ХІІ «Об охране окружающей среды» экологический аудит – это независимая комплексная документированная проверка соблюдения

юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, осуществляющими хозяйственную и иную деятельность, требований в области охраны окружающей среды и подготовка рекомендаций по снижению (предотвращению) вредного воздействия такой деятельности на окружающую среду. Во многом схожая формулировка закреплена в Модельном экологическом кодексе для государств – участников Содружества Независимых Государств (Общая часть), принятом Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств 16 ноября 2006 г. № 27-8, что следует рассматривать как способствующий фактор при гармонизации законодательств государств-участников указанного содружества.

Представляется, что данный подход к определению рассматриваемой природоохранной меры также является результатом утративших силу стандартов Республики Беларусь СТБ ИСО 14010-99 «Руководящие указания по экологическому аудиту. Основные принципы», СТБ ИСО 14011-2000 «Руководящие указания по экологическому аудиту. Процедуры аудита. Проведение аудита систем управления окружающей средой», СТБ ИСО 14012-99 «Руководящие указания по экологическому аудиту. Квалификационные критерии для аудиторов в области экологии», но с учетом специфики действующего национального законодательства. В них экологический аудит рассматривался в качестве систематического документально оформленного процесса проверки аудиторских данных, которые были объективно получены и оценены, с целью определения соответствия критериям аудита определенных видов экологической деятельности, событий, условий, систем административного управления или информации об этих объектах, а также сообщения результатов, полученных в ходе этого процесса, клиенту.

В научной литературе излагаются различные определения понятия экологического аудита, которые во многом отражают признаки, являющиеся по мнению того или иного автора основными. Одним из определяющих признаков является проверочная (оценочная) деятельность специалистов, которые его проводят. Тем не менее, определения понятия экологического аудита, содержащиеся в национальном законодательстве и научной литературе, характеризуются отсутствием такой особенности как составление заключения о его проведении, подготавливаемое экологическим аудитором наряду с рекомендациями о снижении (предотвращении) вредного воздействия хозяйственной и иной деятельности аудируемого субъекта на окружающую среду. На наш взгляд, это один из существенных признаков экологического аудита, и им следует дополнить определение, содержащееся в ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды», с целью более корректного правового отражения рассматриваемого понятия.

Алещенко М. А.

ВИДЫ ОПЦИОННЫХ СДЕЛОК

*Алещенко Мария Андреевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
maryaalecanka@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Ландо Д. Д.

Влияние тенденций глобализации, восприятие опыта зарубежных государств и необходимость удовлетворения интересов участников гражданского оборота приводят к изменению законодательства Республики Беларусь. Появляются новые нормы, что свидетельствует о вариативности гражданских правоотношений и обеспечивает эффективность и предсказуемость гражданско-правового регулирования. Примером таких норм являются нормы об опционных сделках. Проект Закона «Об изменении кодексов» (далее – Законопроект) предусматривает включение в Гражданский кодекс Республики Беларусь от 07.12.1998 № 218-3 (далее – ГК) следующих видов опционных сделок: опциона на заключение договора и опционного договора. Сходство названий данных сделок может ввести в заблуждение относительно их правовой природы, однако содержательно анализируемые конструкции обладают существенными различиями.

В п. 1 ст. 399¹ Законопроекта содержится легальное определение опциона на заключение договора. По сути опцион как соглашение о предоставлении безотзывной оферты порождает правоотношение, в котором одна сторона (акцептант) изначально имеет *секундарное право* на заключение *основного договора* или договоров по своему усмотрению и (или) данное право акцептанта возникает при наступлении зависящих или независящих от воли сторон обстоятельств в течение определенного срока, а другая сторона (оферент) вынуждена на протяжении этого срока находиться в неопределенности, поскольку неясно, произойдет акцепт оферты или нет. При этом, как отмечает В. В. Негодяев, секундарное право акцептанта не обладает эффектом преимущественного права. Данный тезис подтверждается сложившейся судебной практикой Российской Федерации, где аналогичная модель опционных сделок получила легальное закрепление несколькими годами ранее: суды отказывают обладателям секундарного права из опциона на заключение договора купли-продажи в истребовании имущества у третьего лица, которому оно было продано оферентом опциона на заключение договора купли-продажи, несмотря на наличие данного опциона.

Безотзывный характер оферты является еще одним отличительным признаком опциона на заключение договора. Именно через безотзывный характер оферты реализуется право заключить договор. Исходя из подхода, сформировавшегося в доктрине, к существенным условиям соглашения о предоставлении опциона на заключение договора относят условия

о предмете и все существенные условия основного договора; порядок, сроки и условия акцепта изложенной в опционе оферты. Одним из факультативных условий опциона на заключение договора является плата или иное встречное предоставление (опционная премия) за получение опциона.

Легальное определение опционного договора, закрепленное в п. 1 ст. 399² Законопроекта, свидетельствует о том, что одна из сторон по опционному договору получает *секундарное право* в течение определенного в договоре срока *потребовать исполнение* предусмотренных опционным договором действий, в том числе уплатить денежные средства, передать, предоставить или принять имущество, исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности. Существенным условием опционного договора помимо предмета, является срок опционного договора. В силу п. 1 ст. 399² «если управомоченная сторона не заявит требование в указанный срок, опционный договор прекращается». Факультативным условием опционного договора является плата за право потребовать исполнение определенных договором действий. Однако в отличие от опциона на заключение договора плата по опционному договору может быть выражена только в денежном эквиваленте.

С учетом вышеизложенного, резюмируем, что общим для соглашения о предоставлении опциона на заключение договора и для опционного договора является правовая неопределенность относительно акцепта оферты, поскольку исходя из смысла обеих конструкций, одна из сторон обладает секундарным правом, в силу чего дальнейшее развитие правоотношений между сторонами зависит от того, будет ли это право реализовано.

Существуют три ключевых различия анализируемых видов опционных сделок.

1. Важным признаком для опциона на заключение договора является безотзывный характер оферты в силу специфики данной конструкции.

2. При заключении соглашения о предоставлении опциона на заключение договора одна из сторон получает право заключить один или несколько договоров, т. е. действия акцептанта приводят к возникновению основного (нового) обязательства. Опционный договор – это самостоятельный договор, в силу которого возникает право требовать исполнения уже заключенного договора. В отличие от соглашения о предоставлении опциона на заключение договора опционный договор не предполагает возникновения нового обязательства.

3. Имеет место несовпадение условий опционных сделок. Условие о плате за опцион на заключение договора может быть выражено не только в денежной сумме, но и в форме иного встречного предоставления, а плата за опционный договор может быть выражена исключительно в денежной сумме.

Баранов Д. А.

**ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ОБЪЕКТОВ
НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА, СОЗДАВАЕМЫХ
ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ СТРОИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В КОНТЕКСТЕ ПРИНЯТИЯ КОДЕКСА ОБ АРХИТЕКТУРНОЙ,
ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ И СТРОИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

*Баранов Дмитрий Александрович, аспирант Института правовых
исследований НЦЗПИ, г. Минск, Беларусь, Cr.09@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Манкевич И. П.

Определение правового режима объектов строительной деятельности немислимо без гражданского института недвижимого имущества, регулирование которого осуществляется нормами ст. 130 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК). Объекты строительства стали центральным и ведущим элементом в гражданско-правовом понятии недвижимого имущества.

Принятие Кодекса об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности (далее – Кодекс) во многом упрощает и создает относительно однородную правовую почву для гражданского оборота. В то же время все еще существует потребность в проведении более тщательной терминологической инвентаризации, а также унификации ряда правовых категорий. Анализ законодательства позволяет сделать ряд выводов, подтверждающих обозначенные проблемы.

Так, Законом Республики Беларусь от 18.07.2022 № 195-З «Об изменении кодексов» в п. 1 ст. 223 ГК была включена новая дефиниция «объект строительства». Само понятие «объект строительства» раскрывается в Кодексе и определяется как «возводимое капитальное строение (здание, сооружение), а также капитальное строение (здание, сооружение), включая линейные сооружения (дороги, элементы улично-дорожной сети, железные дороги, метрополитены, линии электропередачи, линии связи, трубопроводы, каналы), их части, инженерные и транспортные коммуникации, их части, на которых осуществляется архитектурная, и (или) градостроительная, и (или) строительная деятельность, объекты незавершенного строительства, недвижимые материальные историко-культурные ценности, на которых выполняются ремонтно-реставрационные работы». Исходя из сказанного, можно констатировать, что законодатель пошел по пути усиления дифференциации объектов строительства. В то же время целый ряд важных вопросов, таких как закрепление в законодательстве таких понятий, как «здания», «сооружения», «объекты некапитального строительства», иные вышеперечисленные объекты, был оставлен без внимания.

Наряду с терминологическим наслоением наблюдаются и сущностные расхождения в содержании многих понятий. В дефинициях некоторых объектов, таких как «объекты рекреационного и оздоровительного назначения» или «недвижимые материальные историко-культурные ценности»,

законодатель делает акцент на признании их недвижимым имуществом. В отношении же других дефиниций, например, «объект строительства при долевом строительстве» или «капитальное строение», указаний на то, что такой объект должен считаться недвижимой вещью, не содержится. Возникает вопрос: почему при определении одних юридических понятий в Кодексе законодатель применяет гражданско-правовую терминологию, использованную в ст. 130 ГК, а в других нет? Такая двойственность отрицательно сказывается на практике.

Таким образом, очевидно, что нормы гражданского и градостроительного законодательства не в полной мере совпадают. Полагаем, что для правильного правоприменения необходимы положения, которые обеспечат их сочетание с другими действующими нормами. Чтобы прийти к комплексной модели правового регулирования строительной деятельности в вопросе единообразного понимания объектов строительства, целесообразно разработать концепцию развития законодательства о недвижимости как системы, объединяющей институты частного и публичного права. Только унификация одинаковых правовых категорий в нормах различных отраслей права, определяющих правовой режим объектов строительства, позволит существенно снизить возникновение коллизий на практике.

Богатов Д. Ю.

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ЮРИДИЧЕСКОГО РАВЕНСТВА В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Богатов Даниил Юрьевич, студент 2 курса Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия, bogatov.dy@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Барткова О. Г.

Равенство крайне неоднозначная, противоречивая и вместе с тем межотраслевая категория. В каждой области знаний разработано множество теорий, посвященных ей. Большинство из них важны для понимания равенства как правовой категории. Гражданское законодательство Российской Федерации (далее – РФ) и Республики Беларусь (далее – Беларусь) основано на принципе (основном начале) равенства, что непосредственно закреплено в Гражданском кодексе (ГК) каждого из названных государств. Однако легальное определение его отсутствует, что создает большой простор по этому вопросу для цивилистической науки и определенные сложности в правоприменительной практике, в частности по вопросу разграничения гражданско-правовых отношений и иных, где рассматриваемый принцип не действует. Это определяет актуальность темы.

В связи с этим автор определил целью исследования: установить и проанализировать основные черты и свойства, характеризующие понятие и сущность юридического равенства в гражданско-правовых отношениях, а также его место в системе смежных правовых категорий. Она достигается в том числе через последовательное выполнение следующих задач.

Автор обращается к философским исследованиям, где заложены общественно-значимые и духовные основы понимания равенства. Идея о равенстве восходит к Сократу, Платону, Аристотелю, Цицерону, Ульпиану и другим философам. В философских знаниях равенство трактовалось как «справедливость», «одинаковость», «должность», «свобода или ее элемент», «необходимость» и др. Однако нигде не говорится об абсолютном равенстве – уравнивании.

Говорить о полноценном формировании принципа равенства в России как общеправовой категории можно с 1993 г., а как отраслевой категории гражданского права – с 1994 г.

Проанализировав гражданское законодательство РФ и Беларуси, можно прийти к выводу, что в ГК Беларуси принцип конкретизирован в большей степени, чем в ГК РФ.

Изучение Конституционной доктрины РФ доказывает, что равенство всех перед законом и судом является фундаментом юридического равенства как гражданско-правовой категории.

Цивилистическая научная мысль, на которой базируется современная гражданско-правовая доктрина, позволяет определить содержание юридического равенства в гражданском законодательстве.

Принципам российского права, а также гражданского права были посвящены работы таких ученых, как: А. А. Макрецова, А. Л. Маковский, А. Н. Бондарь, А. П. Анисимов, А. П. Анисимова, А. Я. Рыженков, Г. А. Свердлык, Л. В. Щенникова, М. Ю. Козлова, Ф. М. Альмурзиева и др. Однако диссертационных и монографических изданий не так много.

Важным вопросом является соотношение категории «юридическое равенство» и «равенство». В научной литературе чаще используется первый термин, законодатель же говорит просто о «равенстве». Чаще всего юридическое качество равенства выражается в двух аспектах: 1) равенство в правовых отношениях и 2) равенство как категория в праве.

В вопросе признания принципа доктриной гражданского права можно утверждать факт его признания. Об этом свидетельствуют указанные ранее работы классиков-цивилистов

Авторы понимают юридическое равенство в гражданском праве как: «границу, барьер на пути к нарушению прав», «способ, метод их защиты», «равенство возможностей и условий», «черту метода», «особую правовую связь», «равноправие», «равенство воли», «независимость, неподчиненность», «критерий для разграничения предмета отрасли». Ценность многообразия мнений заключается в том, что в совокупности они позволяют более точно, глубоко и комплексно понять такое сложное правовое явление, как юридическое равенство. Следует отметить, что противоречий во мнениях ученых-цивилистов по вопросу общего содержания в большинстве случаев нет.

В вопросе признания значения принципа и его использования в правоприменительной практике автором обоснован положительный ответ и утверждена важность принципа. Это доказывается определенной совокупностью актов Конституционного Суда, а также судебной практикой.

Таким образом, анализ понятия и сущности юридического равенства необходимо осуществлять с позиций разных областей знаний и с учетом конституционной доктрины, а также во взаимосвязи с иными основными началами гражданского законодательства.

Итогом исследования является предложение о дополнении определенных постановлений Пленума Верховного Суда РФ по вопросам применения гражданского законодательства положениями о толкования этого принципа, основанными на современной цивилистической доктрине.

Галкин Н. А.

ПРОБЛЕМЫ CLICK-WRAP-СОГЛАШЕНИЙ

*Галкин Никита Антонович, аспирант 1 курса Департамента права
Института экономики, управления и права Московского городского
педагогического университета, г. Москва, Россия, GalkinNA@mgpu.ru*

В наши дни технологии развиваются стремительно, одним из примеров такого развития является click-wrap-соглашение. Понятие рассматриваемого явления не закреплено законом, но в англосаксонской правовой доктрине понимается, как сообщение, представленное пользователю на экране его компьютера, которое требует, чтобы пользователь согласился с условиями соглашения посредством нажатия на иконку. В российской правовой доктрине много споров о правовой природе данного явления, в основном выделяют три теории: click-wrap-соглашение, как договор, заключенный посредством обмена электронными документами; как договор, заключенный с помощью конклюдентных действий; вообще не имеет юридической силы. С последним утверждением сложно согласиться, так как этот вопрос был решен законодателем.

Не так давно были внесены изменения в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ), посредством ФЗ от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации». Обратим внимание на абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ: «Письменная форма сделки считается соблюденной также в случае совершения лицом сделки с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, при этом требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю». Этой нормой законодатель легализовал click-wrap-соглашение.

Для ясности изложенного приведем в пример Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 6 февраля 2020 г. № 88-210/2020. В нем суд отмечает, что требования кредитора по договору займа, который заключен в форме click-wrap, не являются бесспорными. Личность заемщика была подтверждена по номеру телефона, но суд посчитал данную информацию недостаточной для идентификации личности, поэтому суд отказал в удовлетворении требований.

Итак, подытожив, хочется отметить, что, на наш взгляд, возникают две проблемы, связанные с click-wrap-соглашениями: первая – недостаточная правовая культура граждан, заключающих такой вид соглашений. Нажимая «галочку» люди часто не читают, то с чем согласились, и при возникновении спора часто его проигрывают, так как закон оказывается на более сильной стороне. Из этого плавно вытекает вторая проблема – определение правовой природы данного явления. Так как субъект, даже прочитав соглашение, не может никак на него повлиять и изменить то, что ему не нравится, ему приходится согласиться с данными условиями; либо если он не согласен с ними, то просто не сможет пользоваться тем, что предлагает другая сторона. Из этих суждений делаем вывод, что click-wrap-соглашение – это договор присоединения, заключенный посредством конклюдентных действий.

Грабинский В. Ю.

СМАРТ-КОНТРАКТ КАК ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ДОГОВОР

*Грабинский Владислав Юрьевич, студент 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
vladislavgrabinskij@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Ядревский О. О.

Идея смарт-контракта была сформулирована в 1994 г. ученым в области информатики, криптографии и права Ником Сабо. Он дал определение смарт-контракту как компьютерному протоколу, который на основе использования математических алгоритмов самостоятельно проводит сделки и осуществляет контроль за их исполнением.

В юридической доктрине термин «смарт-контракт» получил относительно недавнее распространение, однако на данный момент уже можно констатировать существование множественности в подходах к определению приведенного понятия. Так, в юридической литературе выделяют четыре основных подхода к пониманию, что такое смарт-контракт: 1) компьютерный (программный) код; 2) способ исполнения обязательства; 3) гражданско-правовой договор; 4) комплексный подход;

С принятием Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет № 8) было положено начало правовой регламентации и закрепления понятия смарт-контракта в белорусском законодательстве.

В соответствии с п. 9 Приложения 1 к Декрету № 8 смарт-контракт – это «программный код, предназначенный для функционирования в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе в целях автоматизированного совершения и (или) исполнения сделок либо совершения иных юридически значимых действий».

Мы считаем весьма удачной попытку российского законодателя в законопроекте о финансовых цифровых активах № 419059-7 дать следующее определение: «Смарт-контракт – договор в электронной форме, исполнение

прав и обязательств по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределенном реестре цифровых транзакций в строго определенной таким договором последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств».

Дефиниция белорусского законодателя видится, с одной стороны, удачной, поскольку не сводится исключительно к техническому пониманию данного явления, а с другой – она не дает четкого понимания правовой природы смарт-контракта ввиду того, что охватывает несколько подходов к пониманию смарт-контракта:

- как способа исполнения обязательств по сделке;
- как самодостаточного договора, условия которого изложены в форме программного кода.

Стоит отметить, что с точки зрения права то или иное определение имеет смысл только в той степени, в которой оно позволяет отграничить одно правовое явление от другого и распространить на него соответствующий правовой режим. Тем самым дефиниция в праве должна вносить ясность, а не смешивать все в одну кучу.

А. И. Савельев же определяет смарт-контракт как договор, существующий в форме программного кода, имплементированного на платформе блокчейн, который обеспечивает автономность и самоисполнимость условий такого договора по наступлении заранее определенных в нем обстоятельств.

В соответствии с п. 1 ст. 390 Гражданского кодекса Республики Беларусь договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей.

Можно сказать, что смарт-контракты соответствуют данному определению:

1) посредством смарт-контракта происходит переход определенных благ от одного лица к другому, в связи с чем опосредуются экономические отношения обмена, которые в свою очередь происходят только с помощью общего для обоих лиц волевого акта в виде договора;

2) участник смарт-контракта дает свое согласие (выражает свою волю) на участие в смарт-контракте установленным способом – например, сделав определенное распоряжение, подписанное своей электронной подписью. С гражданско-правовой точки зрения, лицо, действуя своей волей и в своем интересе, присоединяется к условиям смарт-контракта посредством совершения определенных действий;

3) факт, что некое соглашение было заключено посредством компьютера или в автоматическом порядке, не влияет на возможность его квалификации в качестве договора в гражданско-правовом смысле.

Таким образом, видим разумным согласиться с А. И. Савельевым и дать следующее определение: смарт-контракт – договор в форме программного кода, размещенного на платформе блокчейн, который обеспечивает автономность и самоисполнимость условий такого договора по наступлении заранее определенных в нем обстоятельств.

Дек В. О.

ТОЛКОВАНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ НОРМ

Дек Вадим Олегович, студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, vadikdek@yandex.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Стрижак М. С.

Под толкованием гражданско-правовой нормы понимают уяснение ее содержания путем устранения обнаруженных противоречий, возникающих при различных факторах. Процесс толкования гражданско-правовых норм предполагает проведение анализа текста нормативного правового акта, существующих официальных и неофициальных разъяснений, выявление юридической силы, смысла, социальной направленности, содержания и пределов действия данной нормы, устанавливается ее место во всей системе права. Толкование норм гражданского права может осуществляться различными органами и лицами, ввиду чего существует большое количество его видов. В зависимости от субъекта толкования и юридических последствий, различают официальное и неофициальное толкование. Официальное толкование дается уполномоченными на то субъектами государственными органами, должностными лицами согласно ст. 69 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах».

В науке выделяют следующие виды толкования норм гражданского права в зависимости от способа: грамматическое; логическое; систематическое; историческое. *Грамматическое* толкование – это способ толкования, который основывается на уяснении смысла правовой нормы с помощью правил грамматики (выяснение значения слов, фраз, союзов, знаков препинания и т. д.). Для гражданско-правовой науки такие элементы являются довольно важными, так как довольно часто одна запятая или неверно сказанное слово может стать судьбоносной для конкретного человека. Так, согласно ст. 203 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) в качестве основания приостановления течения срока исковой давности выступает непреодолимая сила – чрезвычайное и непредотвратимое при данных условиях обстоятельство. Законодатель в данном случае использует соединительный союз «и», т. е. признание конкретного юридического факта фактом действия непреодолимой силы зависит от того, характеризуется ли он как чрезвычайное, так одновременно и непредотвратимое при данных условиях обстоятельство. *Логическое толкование* – способ толкования норм гражданского законодательства основан на использовании логических преобразований, анализа понятий, вывода аналогии в законодательных текстах. *Систематическое толкование* – это собой изучение нормы права как одного из элементов правовой системы, с учетом ее роли и места, взаимосвязи с другими элементами, происходит раскрытие юридических связей с другими нормами. *Историческое толкование* – это способ, который преследует цель установить смысл норм права исходя из условий их возникновения. Данный способ помогает выявить такие правовые нормы, которые хотя формально и не отменены, но

фактически уже не действуют, т. е. общественные отношения, которые норма регулировала, утратили свое значение либо значительно изменились.

Толкование норм гражданского права также различают в зависимости от объема: буквальное толкование; ограничительное; расширительное. *Буквальное толкование* – наиболее типичный и часто встречающийся вид толкования, когда «дух» и «буква» закона совпадают, т. е. словесное выражение нормы и ее действительный смысл идентичны. В отдельных случаях такое совпадение отсутствует, тогда как исключение расширительное и ограничительное толкование, могут применяться. *Расширительное толкование* – это толкование, которое раскрывает понятие шире, чем буквальное значение слов закона (дух закона шире буквы закона). Так, в соответствии со ст. 154 ГК сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Однако участником сделок может быть и государство, что следует из п. 1 ст. 124 ГК, в соответствии с которым Беларусь, административно-территориальные единицы участвуют в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных с иными участниками этих отношений физическими и юридическими лицами. Таким образом, систематическое толкование приводит в данном случае к расширительному пониманию ст. 154 ГК. *Ограничительное толкование* – это толкование, которое применяется, когда суть нормы несколько уже, чем суть текста.

Таким образом, толкование норм гражданского права является сложной, но в то же время необходимой процедурой, которая осуществляется в целях разъяснения конкретной нормы права. От толкования нормы в целом зависит эффективность применения той или иной нормы в практической деятельности.

Карпеко К. И.

НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

*Карпеко Константин Игоревич, студент 2 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
karpekokostyanych@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Третьякова И. П.

Определение недвижимости (недвижимого имущества) включено в ст. 130 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК). В соответствии с этой нормой недвижимыми вещами являются земельные участки, участки недр, поверхностные водные объекты и все, что тесно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых невозможно без несоразмерного ущерба их назначению. Сюда входят леса, многолетние насаждения, капитальные строения (здания, сооружения), незавершенные законсервированные капитальные строения, изолированные помещения и машино-места. Гражданский кодекс также относит к недвижимым вещам предприятия в целом в качестве имущественных комплексов, а также

воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, суда плавания «река-море» и космические объекты. Анализ норм ГК позволяет выделить признаки недвижимости: *во-первых*, недвижимость – это недвижимая вещь; *во-вторых* – это земельный участок; *в-третьих*, это все, что прочно связано с земельным участком (землей), *в-четвертых*, это названные таковыми законодателем.

В соответствии с проведенным анализом можно выделить четыре группы недвижимого имущества:

1) недвижимые вещи по своим природным свойствам – земельные участки, участки недр, обособленные водные объекты;

2) недвижимость по признаку неразрывной физической связи с землей – леса, многолетние насаждения, здания, сооружения и другие объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба невозможно;

3) недвижимость по закону – воздушные суда, суда внутреннего плавания, космические объекты;

4) недвижимость, отнесенная законодательными актами к таковой: предприятия, имущественные комплексы, используемые в предпринимательской деятельности, которые включают в себя как движимое, так и недвижимое имущество, использование которого подчинено единой хозяйственной цели, жилые помещения, объекты незавершенного строительства.

Стоит обратить внимание на то что, что данные классификационные группы недвижимости не имеют между собой общих признаков. Если к первой группе относятся физически непереключаемые объекты, то ко второй – объективно перемещаемые, но с ущербом их назначению, а при определенных условиях объекты данной группы могут утратить статус объекта недвижимости. Третью группу составляют объекты, которые по своему функциональному назначению движутся. Четвертая группа включает в себя объекты, отнесенные к объектам недвижимости прямым указанием закона. Простое сопоставление групп не позволяет выделить общие признаки, которые позволяли бы отнести объекты к объектам недвижимости. Законодательное закрепление понятия недвижимости определено не путем установления признаков правового явления, а путем их перечисления и приведения примеров. Отсутствие четкой дефиниции понятия «недвижимость» порождает противоречия по поводу отнесения ряда объектов к категории «недвижимость», поскольку существующее определение имеет размытые границы. Законодательство Республики Беларусь на сегодняшний день не рассматривает понятие недвижимости как единый объект правового регулирования, а подходит к регулированию каждого вида недвижимого имущества дифференцированно. Для всестороннего понимания понятия «недвижимость», сформулированного в ГК, необходим анализ отраслевого законодательства – земельного, жилищного, законодательства о недрах.

Создание определения, дефиниции, любого понятия в праве начинается с выделения признаков, которые качественно отличали бы объект исследования от других объектов и объясняли бы включение ряда составляющих в анализируемое понятие. Определения отдельных объектов

недвижимости, данные отраслевыми законодательствами, не дают представления об общих признаках, позволяющих объединить их в одно общее определение. Невозможность объединения объектов недвижимости по формальному признаку приводит некоторых авторов к выводу, что правовой режим недвижимости не обусловлен ее природными свойствами. Так, О. Ю. Некрасова, анализируя особенности оборота недвижимости, предлагает подразделять ее на следующие виды: жилая недвижимость; коммерческая недвижимость; загородная недвижимость; инвестиционная недвижимость; земля.

Сделки с недвижимым имуществом имеют важное общественное значение, потому что они касаются права на собственность, которое является одним из основных прав человека. Право на собственность обеспечивает человеку возможность свободного распоряжения своим имуществом и является основой для экономического развития и процветания общества. Из-за этих факторов недвижимое имущество подлежит особой государственной регистрации. Согласно ст. 131 ГК недвижимое имущество, а также права на него и сделки с ним, требуют обязательной государственной регистрации. Особенности правового режима недвижимости заключаются в том, что создание, изменение, прекращение существования недвижимого имущества, а также возникновение, переход и прекращение прав на это имущество обязательно подлежат государственной регистрации.

Проанализировав, что понимается под недвижимостью в Республике Беларусь, пришли к выводу, что в законодательстве нет четких признаков, благодаря которым мы бы могли охарактеризовать недвижимое имущество. Законодательное закрепление понятия недвижимости определено не путем установления признаков правового явления, а путем их перечисления и приведения примеров. Отсутствие четкой дефиниции понятия «недвижимость» порождает противоречия по поводу отнесения ряда объектов к категории «недвижимость», поскольку существующее определение имеет размытые границы. Вторым этапом было изучение особенностей и целей государственной регистрации для различных видов недвижимого имущества. Таким образом, из представленной выше информации сформирована концепция недвижимости как объекта правового регулирования.

Кобак С. В.

ПРАВО СУДА НА УМЕНЬШЕНИЕ ДОГОВОРНОЙ НЕУСТОЙКИ В КОНТЕКСТЕ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ДОГОВОРА

Кобак София Витальевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, soniakobak@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Семенихин М. А.

Принцип свободы договора, как один из основополагающих принципов отношений участников гражданского оборота, закреплён в Гражданском кодексе Республики Беларусь (далее – ГК). Он включает в себя следующие

элементы: свободу вступления в договорные отношения; самостоятельный выбор контрагента по договору; определение содержания заключенного договора по соглашению сторон. В то же время ст. 314 ГК содержит положение, согласно которому суд имеет право уменьшить установленную сторонами неустойку. Нарушает ли данная норма принцип свободы договора? И если да, то действительно ли она нам необходима?

На протяжении всей истории развития юриспруденции законодатель по-разному подходил к решению данного вопроса. За рядом исключений римскому праву была чужда идея ограничения свободы договора. Справедливость содержания сделок хотя и не игнорировалась, но, судя по всему, считалась менее важной, чем принцип верности слову. Практика снижения неустойки судами начала развиваться уже в византийском праве и впоследствии утвердилась в средневековом праве многих континентально-европейских стран. В XVIII в. ведущие европейские цивилисты отмечали, что чрезмерные неустойки согласуются из-за ложной самоуверенности и невмешательство суда будет приводить к несправедливому неосновательному обогащению.

Немецкие суды одни из первых начали ограничивать договорную свободу. В качестве инструмента для реализации данного права использовались нормы о добрых нравах, добросовестности и т. п. Однако стоит отметить, что в первые годы после вступления в силу Германского гражданского уложения (далее – ГГУ) суды активно не применяли эти нормы. Частое использование так называемых «каучуковых» норм считалось дурным тоном и предпочтение отдавалось формализованной аргументации со ссылкой на конкретные нормы ГГУ и идее автономии воли.

После того как на предоставление судам права на снижение согласованного сторонами размера неустойки решился немецкий законодатель при принятии ГГУ, за ним последовали и во многих других правовых порядках. Судебный контроль размера неустойки был предусмотрен в п. 3 ст. 163 Швейцарского обязательственного закона 1911 г., в ст. 1382–1384 нового Гражданского кодекса Италии 1942 г. и ряде иных зарубежных кодификаций того времени. После Второй мировой войны практически все страны признали право суда снизить завышенную договорную неустойку.

Рассмотрим основные позиции «за» и «против» данного подхода.

Единственным и самым важным, на наш взгляд, аргументом в пользу сохранения за судами права ограничения договорной свободы стоит назвать фактор сверхоптимизма. Многочисленные эксперименты современных западных исследователей подтверждают, что в среднем люди склонны переоценивать свои возможности и недооценивать риски, формируя свои планы на будущее. Именно по этой причине участники гражданского оборота, ознакомленные с содержанием договора, в котором прописано явно несправедливое положение о сверхвысокой неустойке в случае нарушения или ненадлежащего выполнения обязательства, подписывают его. На этот счёт существует мнение о том, что склонность к некоторому избыточному оптимизму можно объяснить эволюционными и психологическими

причинами и объявить вполне естественными адаптивными психологическими реакциями на непредсказуемость внешнего мира.

Однако, на наш взгляд, участники гражданских отношений все же должны трезво оценивать свои возможности, заключая сделку, и нести полную ответственность за свои действия, не прибегая к помощи суда. Однажды выплатив установленную договором неустойку, субъект осознает всю важность внимательного ознакомления с условиями договора и соблюдения правил и договоренностей. Именно в этом заключается воспитательная функция данного способа обеспечения исполнения обязательств.

Таким образом, считаем, что следует исключить положения, закрепленные в ст. 314 ГК, чтобы сформировать более ответственное отношение участников гражданского оборота к заключаемым ими сделкам. Однако критерий несоразмерности не стоит оставлять без внимания. Для решения данной проблемы, например, можно установить правило, согласно которому при составлении договора кредитору необходимо детально обосновать предусмотренный размер неустойки и указать причины, по которым он является соразмерным нарушению.

Костюк В. В.

АНАЛОГИЯ ЗАКОНА И ПРАВА

Костюк Виктория Валерьевна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, V1276889@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Стрижак М. С.

В правоприменительной практике бывают ситуации, когда спорное отношение требует правового разрешения, однако конкретная норма, которая бы регулировала данные правоотношения, отсутствует. Пробелы в законодательстве в основном возникают по двум причинам: во-первых, в результате появления новых отношений, которые в момент принятия закона не существовали и не могли быть учтены законодателем; во-вторых, из-за упущений при разработке закона. Согласно п. 2 и п. 3 ст. 2 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» аналогия закона – это применение к общественным отношениям вследствие отсутствия норм права, регулирующих данные общественные отношения, норм права, регулирующих сходные общественные отношения; аналогия права – это применение к общественным отношениям вследствие отсутствия норм права, регулирующих не только данные, но и сходные общественные отношения, общих начал и смысла законодательства, отраслевых, межотраслевых и общеправовых принципов.

Ученые-практики отмечают, что, применяя закон по аналогии, суд должен толковать его так же, как и при обычном применении этой нормы. Недопустимо приспособление правовой нормы к аналогичным правоотношениям путем несколько иного ее толкования. Применение аналогии закона осуществляется не с помощью толкования нормы права, а путем переноса применяемой нормы в область иных правоотношений.

Остерегаться аналогии не стоит, ведь она не закрывает пробел, а лишь преодолевает его, не ограничивая при этом ни правоприменителя, ни законодателя и путь законодателя о включении соответствующей нормы в действующий Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее – ГК) весьма обоснован. Согласно п. 1 ст. 5 ГК в случаях, когда предусмотренные ст. 1 ГК отношения прямо не урегулированы актами законодательства или соглашением сторон, к таким отношениям, поскольку это не противоречит их существу, применяется норма гражданского законодательства, регулирующая сходные отношения (аналогия закона).

Для применения аналогии закона необходимы следующие условия:

1) общественное отношение, которое необходимо урегулировать, входит в предмет гражданского права, т. е. является имущественным либо личным неимущественным;

2) данное общественное отношение не урегулировано нормой гражданского права или соглашением сторон;

3) имеется гражданско-правовая норма, регулирующая сходное общественное отношение, и это не противоречит существу подлежащих урегулированию отношений.

Не следует путать аналогию закона с расширительным толкованием. При аналогии речь идет уже не о правильном понимании того, что нормативным текстом закреплено (понимании нормативного текста как системного образования или его отдельных слов и выражений), а об отсутствии в данном тексте как правовом источнике норм права при понимании и убежденности в необходимости их наличия

Стоит согласиться с мнением И. А. Маньковского, что целесообразно установить правило, в соответствии с которым поиск правовой нормы, подлежащей применению по аналогии закона, необходимо проводить последовательно, начиная с анализа вышестоящих по юридической силе нормативных правовых актов системы гражданского законодательства, что позволит избежать конкуренции правовых норм, каждую из которых возможно применить по аналогии закона, но закрепленных в нормативных правовых актах разной юридической силы и при этом противоречащих друг другу.

При невозможности применения аналогии закона используется аналогия права, под которой понимается урегулирование правоотношения в соответствии с основными началами и смыслом гражданского права, т. е. принципами гражданского права, которые перечислены в ст. 2 ГК, т. е. решение, которое нужно принять за «рамками закона», но в «границах права».

Таким образом, для применения аналогии права необходимо:

1) обнаружение пробела в законодательстве;

2) отсутствие нормы, регулирующей сходные отношения, что не дает возможности использовать аналогию закона.

Подводя итог необходимо подчеркнуть важность аналогии закона и аналогии права как приемов, позволяющих судам осуществлять правосудие по возникшим спорам даже при несовершенстве гражданского законодательства.

Кузурова Д. Д.
К ВОПРОСУ О ПРЕЗУМПЦИИ НИЧТОЖНОСТИ СДЕЛКИ
В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

*Кузурова Дарья Дмитриевна, студентка 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь, law.kuzurova@bsu.by*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Ландо Д. Д.

Согласно ст. 169 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З (далее – ГК) сделка, не соответствующая требованиям законодательства, ничтожна, если законодательный акт не устанавливает, что такая сделка оспорима, или не предусматривает иных последствий нарушения. Указанная норма подлежит применению даже в том случае, если нормативный правовой акт прямо не предусматривает недействительность сделки, осуществленной с нарушениями требований, содержащихся в таком нормативном правовом акте.

Законодатель Республики Беларусь установил презумпцию ничтожности сделки, не соответствующей требованиям законодательства, в то время как признание оспоримости такой сделки выступает законодательным исключением.

Несмотря на дискуссию, возникшую в ходе обсуждения изменений в ГК, с высокой степенью вероятности указанная презумпция будет сохранена. Вместе с тем данный подход достаточно длительное время подвергается критике со стороны ученых-цивилистов, поскольку не отражает в полной мере сущность гражданско-правовых отношений. Презумпция оспоримости сделок нашла отражение в законодательстве ряда государств Евразийского экономического союза. Примерами являются Гражданский кодекс Российской Федерации (ст. 168), Гражданский кодекс Республики Казахстан (ст. 158), Гражданский кодекс Республики Армения (ст. 305). В ряде государств (Австрия, Аргентина, Япония) все недействительные сделки признаются оспоримыми в силу отсутствия деления недействительных сделок на виды.

Анализируя материальные критерии разграничения ничтожных и оспоримых сделок, Д. О. Тузов, С. А. Зинченко предлагают осуществлять такое разграничение в зависимости от степени важности затрагиваемого интереса. При этом обосновывается, что ничтожные сделки – это сделки с самыми серьезными пороками, затрагивающими либо безопасность всего оборота, либо некий публичный интерес.

Следует отметить, что абстрактное понимание характеристик ничтожных сделок, вытекающее из презумпции ничтожности сделки, не позволяет рассматривать ничтожные сделки исключительно как сделки с самыми серьезными пороками. Осуществлять разграничение между ничтожными и оспоримыми сделками при таком подходе становится проблематичным, так как законодатель, устанавливая презумпцию ничтожности сделки, признает преобладание ничтожных сделок в обороте, хотя, очевидно, сделки, несущие повышенную опасность для общества (т. е.

ничтожные), составляют меньшинство в сравнении со сделками, имеющими частный интерес (т. е. оспоримыми).

В связи с этим представляется целесообразным установление определенно выраженных условий признания ничтожности сделки как на уровне ГК (например, закрепление презумпции ничтожности сделок, посягающих на публичные интересы), так и в рамках специального законодательства, регулирующего отдельные сферы общественных отношений. При этом точность и конкретность обозначения недействительных сделок, влекущих ничтожность, позволят исключить оценочный критерий при осуществлении квалификации.

В силу п. 2 ст. 167 ГК суд вправе установить факт ничтожности сделки по собственной инициативе, что является отступлением от процессуального принципа диспозитивности. Согласно ч. 2 ст. 298 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь суд может в зависимости от выяснившихся обстоятельств дела выйти за пределы размера заявленных требований, если это необходимо для правильного разрешения спора.

На наш взгляд, предоставление суду права установления факта ничтожности сделки по собственной инициативе является избыточным. Задача суда заключается в восстановлении нарушенного публичного интереса и защите заинтересованных лиц, чьи права и законные интересы действительно нуждаются в такой защите (малолетних, к примеру). Не все сделки, не соответствующие требованиям законодательства, подпадают под данную категорию.

Исходя из вышеизложенных доводов и опыта правоприменения иных государств, признающих презумпцию оспоримости сделок, полагаем целесообразным для законодателя повторно оценить обоснованность отнесения большинства сделок, не соответствующих требованиям законодательства, к ничтожным, а впоследствии закрепить презумпцию оспоримости таких сделок.

Осмоловский С. В.

ЭЛЕКТРОННАЯ ФОРМА СДЕЛОК: ПОНЯТИЕ И ПОДХОДЫ К ПРАВОВОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ

*Осмоловский Станислав Викторович, студент 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
stanislav.osmolovsky@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Свадковская Е. А.

Совершение сделок посредством электронных средств является ключевым элементом электронной коммерции. Электронная форма сделки способствует простому и быстрому получению товаров и услуг, сокращая многочисленные издержки.

Согласно Модельному закону СНГ «Об электронной торговле» электронной сделкой признается любая сделка, совершенная сторонами сделки посредством проведения электронных операций по сделке.

На данный момент в белорусском законодательстве отсутствует легальное определение электронной сделки, поскольку законодатель в п. 1 ст. 161 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) рассматривает электронную форму в качестве разновидности письменной формы сделки. Статья 404 ГК конкретизирует письменную форму договора путем составления одного документа, путем обмена документами, путем совершения конклюдентных действий. Подпись сторон (собственноручно или с использованием средств связи и иных технических средств) является обязательным реквизитом письменной формы сделки.

Электронная форма сделок в белорусском законодательстве строго формализована под традиционную простую сделку. Наличие подписи выражает волю лица на заключение договора в письменной форме. Тем самым строгое наличие подписи под документом создает существенную преграду для развития электронной коммерции в целом.

Вполне можно представить договор, имеющий все условия, но отсутствуют подписи. Примером такого договора является click-wrap соглашение. Под click-wrap-соглашением понимается договор, заключаемый в электронном виде посредством щелчка мышью одной из сторон по клавише «я согласен», сопровождающей текст такого договора. Стороны исполняют договор, а в случае разногласий разрешают споры ссылкой на вышеуказанный документ. На наш взгляд, признать такой договор «ничтожным» по причине несоблюдения письменной формы сделки из-за отсутствия подписей является нецелесообразным при рассмотрении простого договора.

Для решения о наличии или отсутствии волеизъявления конкретного лица следует использовать гибкую систему. Данная система будет направлена на установление качества волеизъявления лица в конкретном случае.

Отметим, что в литературе наблюдается несколько подходов относительно электронной формы сделок. Одна группа авторов придерживается мнения, что электронная форма сделки является одним из подвидов простой письменной сделки и не существует необходимости для выделения данной формы как отдельного вида.

Так, И. С. Евдокимова считает, что сделки, заключаемые в сети Интернет, имеют одни и те же признаки, что и традиционные сделки. Е. О. Гладкова уточняет, что сеть Интернет выступает как средство для заключения обычной гражданско-правовой сделки.

Другая группа авторов указывает, что электронная сделка – это абсолютно новый способ волеизъявления. Л. Г. Ефимова выделила совокупность особенностей, присущих электронной форме сделки: выражение воли посредством электронных либо иных технических средств; в форме электронного документа (файла или компьютерной программы); существующие реквизиты сделок и условия зафиксированы с помощью цифрового кода; имеется способ достоверного определения лиц, выразивших волю на заключение сделки и т. д. По мнению автора, электронные документы не являются простой имитацией бумажных документов.

Как считает Н. В. Крысанова, закон устанавливает требования к традиционной форме сделки, однако свойства электронной формы заключенного договора могут оказаться настолько различны, что возникает обоснованное сомнение, электронная и письменная форма сделки являются одним и тем же.

На наш взгляд, электронная форма сделки является отдельным способом заключения сделок, поскольку электронная форма по своей природе не эквивалентна бумажной ввиду особенностей, присущих только данной форме.

Правовое регулирование электронной формы сделок должно иметь более гибкий подход, поскольку строгая формализация удерживает дальнейшее развитие данной формы и усложняет ее использование в гражданско-правовой среде.

Стоит учесть международный опыт в области регулирования электронных сделок. Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной коммерции содержит нормы, закрепляющие гибкий стандарт использования документа в электронной форме: «...требование законодательства предоставить информацию в письменной форме считается выполненным путем предоставления сообщения данных, если содержащаяся в нем информация доступна для последующего использования» (ст. 6).

Панасюк Д. А.

ПРАВОВЫЕ ПОДХОДЫ К ПРАВОВОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ КРИПТОВАЛЮТЫ

*Панасюк Дмитрий Андреевич, студент 4 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
dmitriy.panasjuk@icloud.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Свадковская Е. А.

В мире сложилось несколько подходов к правовому регулированию криптовалют. С учетом того, что Республика Беларусь относится к числу стран с континентальной системой права, рассмотрим подходы к регулированию криптовалют в Европейском союзе, а также Российской Федерации с целью определения наиболее рационального и соответствующего современным реалиям правового регулирования криптовалют на территории Республики Беларусь.

В ст. 3 Регламента Европейского союза Markets in Crypto-Assets от 16.05.2023 г. (далее – MiCA) дано определение термину «крипто-актив», под которым понимается цифровое представление ценности или права, которое может передаваться или храниться в электронной форме с использованием технологии распределенных реестров или аналогичных технологий.

При этом определением крипто-активов европейский законодатель не ограничился и выделил 3 вида регулируемых токенов в составе крипто-активов, а именно: (1) e-money tokens (например, USDT, USDC), (2) asset-referenced tokens (например, DAI), (3) иные токены (например, BTC, ETH).

Таким образом, подход европейского законодателя сводится к признанию крипто-активов в качестве ценности (имущества) или права (имущественного) в зависимости от конкретного вида крипто-актива. Такая позиция разделяется автором настоящей статьи, поскольку в полной мере отражает природу того или иного крипто-актива.

Второй подход нашел свое закрепление в законодательстве Российской Федерации. Правовое регулирование рассматриваемой сферы связано с принятием Федерального закона Российской Федерации от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте». Тем не менее данный закон не внес ожидаемого разрешения на использование криптовалют в гражданском обороте. Основным последствием данного нормативного правового акта явилась легализация процессов эмиссии токенов.

Федеральным законом от 24.07.2023 № 339-ФЗ в ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации внесены изменения, в соответствии с которыми цифровой рубль признается в качестве имущества. Вместе с тем цифровой рубль, по мнению автора, не представляется возможным отождествлять с криптовалютами в истинном их проявлении, поскольку первый не носит децентрализованный характер и не может быть использован анонимно.

Таким образом, законодательный подход Российской Федерации, по мнению автора, требует дальнейшего развития, в частности расширения оборотоспособности криптовалют, эмитентами которых являются иностранные юридические лица на территории Российской Федерации.

Применительно к правовому регулированию криптовалют на территории Республики Беларусь, затронем следующее. В п. 4 Приложения № 1 к Декрету Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет № 8) содержится следующее определение: «криптовалюта – биткоин, иной цифровой знак (токен), используемый в международном обороте в качестве универсального средства обмена», а в п. 12 Приложения № 1 к Декрету № 8 – следующее: «Цифровой знак (токен) – запись в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе, которая удостоверяет наличие у владельца цифрового знака (токена) прав на объекты гражданских прав и (или) является криптовалютой».

Исходя из норм ст. 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) криптовалюту можно рассматривать лишь как «иное имущество». Вместе с тем криптовалюты делимы, оборотоспособны, обладают характерными родовыми признаками. Тем самым их природа очень близка к деньгам, которые относятся к движимым вещам.

Признание криптовалюты в качестве «специфического объекта гражданских прав, приравненного деньгам», а не сугубо в качестве «денег» подчеркнет ее особую значимость в современном мире, ее особенности и существующие отличия от привычных нам денег.

Для комплексного правового регулирования криптовалюты законодателю целесообразно:

1) принять отдельный закон, регулирующий оборот криптовалюты на территории Республики Беларусь. При этом данный закон должен содержать

в себе критерии отнесения тех или иных токенов к криптовалютам, а также устанавливать различное правовое регулирование в зависимости от вида и назначения токена;

2) изложить п. 4 Приложения № 1 к Декрету № 8 в следующей редакции: «Криптовалюта – разновидность цифрового знака (токена), используемая в международном обороте в качестве универсального средства обмена»;

3) изложить абз. 1 и 2 ст. 128 ГК в следующей редакции:

«К объектам гражданских прав относятся:

вещи, включая деньги, а также приравненные к ним объекты, ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права».

Ползунова М. Ю.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ САМОВОЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА: СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Ползунова Мария Юрьевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, 6129911@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Третьякова И. П.

Количество самовольных построек в Республике Беларусь весьма велико. Нам позволяет об этом говорить Указ Президента Республики Беларусь от 25 июля 2022 г. № 253 «Об упрощенном порядке приемки в эксплуатацию объектов строительства», целью которого является количественное уменьшение самовольных построек путем упрощенного порядка легализации объектов без предоставления гражданами разрешительной (проектной) документации.

В Республике Беларусь отсутствует систематизированная информация о судебной практике рассмотрения дел, связанных с самовольным строительством. Например, в Российской Федерации наличествует обзор судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 16 ноября 2022 г., в котором содержится 31 правовая позиция и дан ориентир на сохранение самовольных построек.

В соответствии с ч. 2 п. 4 ст. 223 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) решение суда о признании права собственности на самовольную постройку является основанием для принятия местным исполнительным и распорядительным органом решений о продолжении строительства или принятии самовольной постройки в эксплуатацию и ее государственной регистрации в установленном порядке.

Выходит, что в итоге местный исполнительный и распорядительный орган принимает решение и в практике возникают проблемы, ведь административный орган может не согласиться с вынесенным судом решением и обжаловать его. Отмечается, что весь процесс легализации превращается в довольно долгий процесс и «закольцовывается».

Подтверждением этому является апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Минского городского суда от 6 марта 2023 г. Так, 8 мая 2018 г. заявление Б. о принятии в эксплуатацию самовольной постройки было рассмотрено администрацией Московского района г. Минска (далее – администрация) и принято решение об отказе в принятии самовольной постройки в эксплуатацию. Решение администрации было обжаловано в суд и признано судом неправомерным. После решения суда администрацией было принято решение об отказе в принятии самовольной постройки в эксплуатацию. Таких «циклов» (решение суда и последующий отказ администрации) было всего 4 вплоть до вынесения судом апелляционного определения.

Доводы администрации в решениях об отказе в принятии в эксплуатацию самовольной постройки заключались в следующем:

1) заявителем Б. при выполнении работ по самовольному строительству не соблюдались правила регламентов, что повлекло существенное нарушение градостроительных норм и правил;

2) положения Указа Президента Республики Беларусь от 26 декабря 2017 г. № 463 «О совершенствовании порядка изъятия и предоставления земельных участков» судом применены неверно, поскольку возводить самовольное строительство в зоне сноса землепользователи не вправе.

Судебная инстанция пришла к выводу, что администрация неверно определила существенность нарушенных норм и правил, поскольку:

- реконструкция в своем большинстве была завершена в 1998 г., т. е. до вступления в силу Указа Президента Республики Беларусь от 23 апреля 2003 г. № 165 «Об утверждении генерального плана г. Минска и некоторых вопросах его реализации»;

- реконструкция двух отапливаемых помещений была завершена в 2004 г. до вынесения решения Мингорисполкома от 8 июля 2004 г. № 1352.

Стоит отметить, что в связи с новой редакцией ст. 223 ГК от 18 июля 2022 г. является достаточным в соответствии с п. 3 ст. 223 ГК для признания объекта строительства самовольной постройкой нарушения градостроительных норм и существенных требований безопасности. Так, можно говорить о том, что теперь достаточно наличия любых нарушений, а не существенных нарушений градостроительных норм и правил.

В письме Министерства архитектуры и строительства Республики Беларусь от 16 января 2018 г. № 02-2-04/654 «О разъяснении требований Указа» разъяснено, что с вступлением в силу Указа до изъятия земельного участка для государственных нужд и сноса расположенных на нем строений землепользователям разрешается пользоваться земельными участками и проводить реконструкцию, т. е. улучшать состояние строений. Произведенная реконструкция жилого дома улучшает его состояние, что согласуется с нормами Указа № 463 и не имеет нарушений.

Таким образом, проблема заключается в том, что государственные органы по-разному понимают и уясняют положения законодательства о самовольном строительстве. В особенности уяснение норм, касающихся градостроительных норм, вызывает противоречия между ними. В результате это ведет лишь к затягиваю процесса легализации самовольного строительства.

Сергеева С. С.

**РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СФЕРЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА**

*Сергеева Софья Сергеевна, студентка 3 курса Академии управления при
Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, sonia2004763@gmail.com*

Научный руководитель: старший преподаватель Медведева В. В.

Развитие информационных технологий (далее – ИТ) является одной из основных задач, которые стоят перед Республикой Беларусь, что отражено в гл. 7 Указа Президента Республики Беларусь от 29 июля 2021 г. № 292 «Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы». ИТ активно внедряются во все сферы жизнедеятельности человека, в том числе в сферу государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним (далее – государственная регистрация), что обеспечивает оперативное информационное взаимодействие между субъектами. Цель данной работы: отразить этапы развития ИТ в сфере государственной регистрации.

Законодатель определяет ИТ как совокупность процессов, методов осуществления поиска, получения, передачи, сбора, обработки, накопления, хранения, распространения и (или) предоставления информации, а также пользования информацией и защиты информации. Основные ИТ в сфере государственной регистрации объединяет в себе Единый государственный регистр недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним (далее – ЕГРНИ), который обеспечивает информационное взаимодействие между субъектами государственной регистрации. Первое упоминание в законодательстве данной системы происходит в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 11 сентября 2014 г. № 874 «Об утверждении Программы поэтапного развития системы государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним на 2014–2020 годы» (далее – Постановление № 874). Именно в этом законодательном акте непосредственно говорится о создании ЕГРНИ. Однако создание ЕГРНИ в его конечном виде является результатом поэтапного развития системы государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним. Создание ЕГРНИ можно условно разделить на три этапа: создание регистра недвижимости и единой автоматизированной информационной системы ведения регистра недвижимости (далее – автоматизированная система), совершенствование регистра недвижимости и расширение функционала автоматизированной системы, создание ЕГРНИ.

Так, впервые регистр недвижимости и автоматизированная система упомянуты в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 7 мая 2003 г. № 600 «Об утверждении Программы поэтапного развития системы государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним на 2003–2008 годы». На первом этапе речь шла лишь о начале информатизации всей системы государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним, что включало в себя разработку

документов, выбор сертифицированных аппаратных и программных средств защиты системы от несанкционированного доступа, применения специальных методов защиты информации, а также создание сети электронного обмена информацией между республиканской и территориальными организациями по государственной регистрации.

Следующий этап отражен в постановлении Совета Министров от 9 марта 2009 г. № 294 «Об утверждении Программы развития системы государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним на 2009–2013 годы». Он включал в себя создание системы автоматической выдачи электронных документов, экстерриториальной системы государственной регистрации, автоматизированной системы технической инвентаризации недвижимого имущества и открытой архивной информационной системы. На втором этапе было также предложено введение электронной подачи документов, что упростило получение информации как гражданам и субъектам хозяйствования, так и государственным органам, которые обычно запрашивали эту информацию (суды, налоговые инспекции, нотариальные конторы и т. д.). Все эти нововведения предложены и созданы для оптимизации работы в сфере государственной регистрации.

Заключительный этап отражен в Постановлении № 874 и помимо создания ЕГРНИ включает в себя дальнейшее совершенствование технических показателей за счет научно-исследовательских работ.

Таким образом, развитие ИТ в сфере государственной регистрации происходило достаточно динамично как за счет улучшения технических показателей, так и за счет трудовых ресурсов (постоянное повышение квалификации сотрудников организаций по государственной регистрации и земельному кадастру). Можно отметить, что процесс развития ИТ непрерывен и происходит до сих пор, что отражено в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 29 января 2021 г. № 55 «О Государственной программе “Земельно-имущественные отношения, геодезическая и картографическая деятельность” на 2021–2025 годы».

Станкевич М. А.

ОТМЕНА ОГРАНИЧЕНИЯ ДЕЕСПОСОБНОСТИ ГРАЖДАН: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ

Станкевич Максим Андреевич, студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, stenli.maksim@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Третьякова И. П.

Дееспособность является важнейшей категорией гражданского права и неотъемлемым элементом (наряду с правоспособностью) гражданской правосубъектности. При наличии оснований, указанных в Гражданском кодексе Республики Беларусь (далее – ГК), физическое лицо в судебном порядке может быть признано ограничено дееспособным. Признание гражданина ограничено дееспособным предполагает ограничение лица в

реализации своих прав. Осуществление и защита прав и свобод таких лиц имеют определенную специфику.

Как отмечает Д. А. Матанцев, правовую природу ограничения гражданской дееспособности физических лиц можно рассматривать с двух сторон – как меру защиты (реализация механизма защиты интересов членов семьи гражданина, злоупотребляющего алкоголем, наркотиками, участием в азартных играх) или к мерам ответственности (реализация механизма поражения в правах для гражданина, не учитывающего в своем поведении интересы членов своей семьи, которых он должен содержать, например, несовершеннолетних детей).

Каждый человек в тот или иной период своей жизни выполняет какую-либо из семейных ролей – мужа или жены, сына или дочери, брата или сестры и т. д. Кроме того, отношения в семье нередко изменяются и не всегда в лучшую сторону. В Кодексе Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) предусмотрены права, ответственность и обязанности по отношению друг к другу всех членов малой ячейки общества – семьи.

Отмена судом ограничения дееспособности может иметь место при наличии достаточных данных о том, что:

1) гражданин прекратил злоупотребление спиртными напитками или наркотическими средствами, психотропными веществами, их аналогами, в связи с чем ему может быть доверено самостоятельное распоряжение имуществом и денежными средствами;

2) семья лица, признанного ограниченно дееспособным, перестала существовать (развод, смерть, разделение семьи), и, следовательно, отпала обязанность этого лица предоставлять средства на ее содержание.

В Республике Беларусь действует право на развод (за исключением случая ст. 35 КоБС), то есть при жизни супругов брак может быть прекращен путем расторжения в судебном или внесудебном порядке.

Так, согласно ч. 2, 3 ст. 34 КоБС по совместному заявлению обоих супругов брак может быть расторгнут органом, регистрирующим акты гражданского состояния, в соответствии со ст. 35-1 КоБС. По заявлению одного из супругов брак может быть расторгнут судом в соответствии со ст. 36 и 37 КоБС.

Соответственно, можно сделать вывод о том, что лицо, злоупотребляющее спиртными напитками, наркотическими средствами либо психотропными веществами, ставящее семью в тяжелое материальное положение, может стремиться расторгнуть брак, преследуя цель избавиться от ограничений в дееспособности, что крайне негативно сказывается на положении семьи как важнейшего социального института и позволяет лицу уклониться от ограничения дееспособности как «меры ответственности», а также уйти от исполнения своих обязанностей по содержанию членов семьи (ст. 29 КоБС).

Проанализировав акты национального и зарубежного законодательства, материалы по рассматриваемой теме, предлагаем внести изменения в основания отмены ограничения гражданина в дееспособности. Считаем

необходимым закрепить в ст. 30 ГК норму о том, что прекращение гражданином брачно-семейных отношений в результате развода, смерти одного из супругов не влечет за собой отпадение оснований для признания лица ограниченно дееспособным и, соответственно, не может служить основанием для отмены ограничения в дееспособности.

Бертрам Э. А.

КОРПОРАТИВНЫЕ ПРАВА РЕБЕНКА

Бертрам Эрика Александровна, студентка 3 курса Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Россия, bertram_erika@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Темникова Н. А.

Ребенок может стать участником корпоративных отношений с шестнадцати лет в результате наследования акций или доли участия при совершении дарения и иных сделок.

Следует учитывать, что доля участия, акции, пай предполагают возникновение у участника корпорации двух групп правомочий: права на акции, долю, пай как на имущество и права из ценной бумаги, доли, пая.

Права из ценной бумаги (доли, пая), кроме Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), установлены федеральными законами («Об акционерных обществах», «Об обществах с ограниченной ответственностью» и др.) и включают в себя как имущественные права участников (право на дивиденд, право на ликвидационный остаток), так и неимущественные корпоративные права на участие в управлении (право голоса на общем собрании, право на информацию, право на обжалование решений органов управления и т. д.).

Поскольку в корпоративном законодательстве отсутствуют особые преимущества для несовершеннолетних, это может приводить к нарушению прав ребенка, которое трудно контролировать и ограничивать.

В. Ф. Беспалов в своей работе подчеркнул основания привлечения участников к субсидиарной ответственности, включая ст. 66.2 ГК РФ. Если ребенок унаследовал такую долю, то нет оснований для освобождения его от ответственности в пределах стоимости унаследованного имущества.

Е. А. Суханов отмечает, что цель правового регулирования состоит в достижении не обязательно экономически наиболее эффективного, но всегда социально справедливого результата, что обусловлено самой природой права как особого социального явления.

Когда речь идет о корпоративных правах, они предполагают определенные обязанности, включая участие в принятии корпоративных решений (согласно п. 4 ст. 65.2 ГК РФ). Для детей, которым еще не исполнилось четырнадцать лет, решения принимают их законные представители. Однако возможно заключение договора доверительного управления имуществом между ними.

С момента достижения ребенком четырнадцати лет решения могут быть приняты им с письменного согласия родителя, усыновителя или попечителя. Важно отметить, что корпоративное законодательство не предусматривает специальной процедуры для этого случая. Возможно также получение

доверенности с согласия родителей (попечителя) и органов опеки и попечительства.

Если шестнадцатилетний ребенок является участником кооператива, то по смыслу ст. 26 ГК РФ, он может самостоятельно осуществлять корпоративные права. А. В. Степанюк справедливо отмечает, что «к вопросу самостоятельного осуществления несовершеннолетним отдельных прав члена кооператива следует подходить дифференцированно. В этом случае необходимо учитывать вид кооператива и характер членских прав».

Корпоративное законодательство содержит большое количество инструментов для фактического нивелирования имеющейся доли (акций) несовершеннолетнего, все решения принимаются общим собранием, и если родитель также является участником и одновременно представляет интересы ребенка – возможности злоупотребления практически безграничны.

Для принятия корпоративных решений согласия органов опеки и попечительства законом не требуется, а «наполнение» такого имущественного актива, как доля (акция, пай), может существенно измениться.

Примером игнорирования специального правового статуса ребенка в корпоративном законодательстве и отсутствия должной защиты может служить следующий случай: мать подала иск против отца, обнаружив, что он совершил действия по выводу активов из общества с ограниченной ответственностью (ООО), в котором они оба были участниками. Суд первой инстанции отклонил исковые требования, однако апелляционная инстанция отменила данное решение.

Отец и дочь были участниками ООО, причем их доли составляли 55 % и 45 % соответственно. На внеочередном собрании, на котором отец единолично присутствовал, он проголосовал единогласно от своего имени и от имени своей дочери, выступая в качестве ее законного представителя, за создание другого ООО, в котором у дочери уже не было доли участия, и внесение значительно ценного торгового помещения в уставный капитал нового общества.

Суд первой инстанции отклонил иск, обосновав это отсутствием требования о согласии органа опеки и попечительства на принятие такого решения, а также тем, что отец имел право представлять интересы своей дочери. Суд также ссылаясь на п. 1 ст. 43 ФЗ от 08.02.1998 г. «Об обществах с ограниченной ответственностью», согласно которому суд может признать решение общего собрания участников недействительным по заявлению участника, не участвовавшего в голосовании или голосовавшего против спорного решения, если оно нарушает его права и законные интересы.

Однако стоит отметить, что конкретный пример подчеркивает проблему, связанную с недостаточной защитой прав ребенка в корпоративном законодательстве и возможностью проигнорировать его специальный статус.

Об отсутствии нарушения прав несовершеннолетней, по мнению суда, говорит тот факт, что номинально она сохранила свою долю участия в обществе, лишенного основного актива.

В некоторых ситуациях суды вмешиваются в принятые корпоративные решения из-за отсутствия согласия органа опеки и попечительства. Например, когда отец несовершеннолетнего ребенка, проживающий отдельно и являющийся участником общества, проголосовал за него на собрании, а мать ребенка не была извещена о созыве собрания и повестке дня. В результате, интересы ребенка были грубо нарушены, а суды отменили решение общего собрания об увеличении уставного капитала. В данном случае доля несовершеннолетнего ребенка в обществе уменьшилась с 25% до 1 %. Суд сослался на отсутствие согласия органов опеки и попечительства.

Так, наблюдается проявление игнорирования установленных положений о представительстве и последствиях противоречия интересов родителей и детей в корпоративных решениях. Однако в отдельных случаях суды проявляют активность и вмешиваются в такие решения в связи с отсутствием согласия органа опеки и попечительства.

Таким образом, условиями ответственности, которые должны быть установлены в судебном заседании, являются: во-первых, противоправное поведение; во-вторых, вред; в-третьих, причинная связь между поведением и вредом; в-четвертых, имущественное положение ребенка, причинившего вред в возрасте от 14 до 18 лет; в-пятых, вина ребенка, если он причинил вред в возрасте 14 лет и старше, вина законных представителей, иных лиц, временно осуществляющих надзор за ребенком; в-шестых, родство, свойство или иная связь ребенка с законным представителем.

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы подчеркнуть важность охраны интересов корпоративных прав ребенка и возможность их защиты. В соответствии со ст. 64 Семейного кодекса РФ, которая гласит, что именно родители вправе и обязаны представлять и защищать права своих несовершеннолетних детей, предлагаю сделать обязательным участие органов опеки и попечительства в представлении прав детей. Участие представителя позволит проконтролировать действия и ограничить недобросовестное поведение родителей в отношении прав ребенка.

Бухов Г. И.

ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ БЕЗВОЗМЕЗДНОЙ (СПОНСОРСКОЙ) ПОМОЩИ КАК СПОСОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Бухов Георгий Игоревич, студент 4 курса Белорусского государственного университета г. Минск, Беларусь, buhovgeorgii@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Евменчикова О. А.

В законодательстве Республики Беларусь отсутствует системное правовое регулирование благотворительной деятельности. Вместе с тем, по нашему мнению, одним из регламентированных способов осуществления последней является предоставление безвозмездной (спонсорской) помощи в порядке, предусмотренном Указом Президента Республики Беларусь от

1 июля 2005 г. № 300 «О предоставлении и использовании безвозмездной (спонсорской) помощи» (далее – Указ № 300).

Анализ положений Указа № 300 позволяет сделать вывод о том, что безвозмездная (спонсорская) помощь представляет собой оказываемую спонсором в установленных формах целевую помощь на основе принципов безвозмездности, безвозвратности, добровольности и свободы выбора целей предоставления. При этом под благотворительной деятельностью следует понимать добровольную деятельность благотворителя, направленную на предоставление благополучателю безвозмездно либо на льготных условиях целевой благотворительной помощи.

Представляется целесообразным в рамках данной статьи выявить соотношение сущностных признаков безвозмездной (спонсорской) помощи и благотворительной деятельности с целью определения возможных связей, используя в качестве основные признаки благотворительной деятельности.

1. Добровольность осуществления. Данный признак является общим для рассматриваемых категорий, в отношении безвозмездной (спонсорской) помощи легально закреплён в части 2 пункта 1 Указа № 300.

2. Безвозмездность осуществления. Данный признак имеет различное содержание применительно к рассматриваемым категориям: так, практика применения Указа № 300 свидетельствует о недопустимости встречного предоставления в какой-либо форме, что является проявлением теории «абсолютной безвозмездности». Для благотворительной деятельности, по нашему мнению, следует использовать как указанную теорию, так и теорию «относительной безвозмездности» (льготности).

3. Безвозвратность. Данный признак свойственен обеим категориям, в отношении спонсорской помощи закреплён в ч. 2 п. 1 Указа № 300.

4. Целевой характер. Данный признак является характерным для двух рассматриваемых категорий, однако, в различном качестве. Указом № 300 на данный момент закреплено двенадцать поименованных целей, при этом не все из них отвечают категории «благотворительная цель» (такой, например, не является «создание и укрепление материально-технической базы»).

Полагаем, разграничение правового регулирования благотворительной помощи и спонсорства может быть произведено на основе двух основных подходов: отказ от «не благотворительного» спонсорства; дифференциация правового регулирования «благотворительного» и «не благотворительного» спонсорства). Отметим, что первый способ позволяет формально изменить формулировку целей для обеспечения соответствия названному критерию.

На наш взгляд, более перспективным является именно первый способ, поскольку, во-первых, обеспечивает единство регулирования, во-вторых, не требует существенной трансформации общественных отношений.

5. Свобода выбора целей и иных условий. Данный признак характерен для обеих категорий, при этом для безвозмездной (спонсорской) помощи он закреплён в части 2 пункта 1 Указа № 300, вытекает из иных норм.

6. Непредпринимательский характер. Данный признак свойственен обеим категориям, применительно к безвозмездной (спонсорской) помощи юридический состав предпринимательской деятельности отсутствует.

7. Универсальность субъектного состава. Данный признак ограничен в части безвозмездной (спонсорской) помощи, что следует из ч. 1 п. 1 Указа № 300. При этом такая ограниченность не препятствует отнесению спонсорства (частная категория) к благотворительной деятельности (общая категория).

8. Имущественный характер. Данный признак отвечает содержанию спонсорства, поскольку предмет соответствующего договора может быть подвергнут имущественной оценке, несмотря на «безвозмездный характер».

9. Стимулирующий характер. Данный признак является общим для обеих категорий, возможность установления льгот для спонсора вытекает из ч. 2 п. 13 Указа № 300, однако значительно ограничена.

10. Юридическое равенство сторон. Данный признак свойственен для обеих категорий, подтверждается природой договора спонсорской помощи.

11. Нуждаемость благополучателя. Данный признак не в полной мере характерен спонсорской помощи, поскольку Указ № 300 не устанавливает в качестве обязательного соответствующее условие. Полагаем, что отсутствие данного признака не имеет существенного значения, во-первых, в силу его факультативности, во-вторых, зависимости от подхода к регулированию.

Таким образом, предоставление безвозмездной (спонсорской) помощи отвечает признакам благотворительной деятельности. Считаем допустимым при учете изложенного использование конструкции спонсорства в качестве основы формирования законодательства о благотворительной деятельности.

Жвирбля К. А.

ДИСТРИБЬЮТОРСКИЙ ДОГОВОР КАК ПРАВОВОЙ ИНСТРУМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ СБЫТА ТОВАРОВ

Жвирбля Ксения Александровна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, ksenij.zhvirblya5@tut.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Ядревский О. О.

Дистрибьюторский договор не поименован в Гражданском кодексе Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З (далее – ГК). В судебной практике дистрибьюторский договор в каждом конкретном случае оценивается исходя из его содержания, с учетом предусмотренных в законе договорных моделей. Установив в нем признаки (элементы), свойственные тем или иным договорным типам, видам или подвидам, суды квалифицируют соответствующим образом дистрибьюторский договор.

Отличительный признак дистрибьюторского договора – не отдельные обязанности сторон, а общая цель совокупности правовых отношений, регулируемых дистрибьюторским договором, – распространение и продвижение

товара, являющегося предметом соглашения, на соответствующем товарном рынке.

Предлагается дефиниция дистрибьюторского договора, в соответствии с которой по дистрибьюторскому договору одна сторона (принципал) обязуется предоставлять произведенные или закупаемые ею товары другой стороне (дистрибьютору), а дистрибьютор обязуется за свой счет и от своего имени осуществлять реализацию указанных товаров для укрепления позиции принципала на соответствующем товарном рынке.

У принципала цель – расширить рынок сбыта и повысить узнаваемость товара. Дистрибьютор, как правило, получает эксклюзивные права на распространение товара на определенной территории. Дистрибьютор выступает представителем компании-принципала, обеспечивающим реализацию товара.

Условие о порядке взаимодействия сторон после заключения договора является существенным условием дистрибьюторского договора, включающим в себя договоренность о механизме осуществления поставок, предшествующую заключению самостоятельных договоров поставки, а также действия дистрибьютора по реализации и продвижению товаров. Условие о территории, об эксклюзивности, о гарантированном минимуме продаж и т. п. являются наиболее часто встречающимися в дистрибьюторских договорах, однако не являются существенными, поскольку отсутствие указанных условий не влечет признание дистрибьюторского договора незаключенным. В случае отсутствия названных условий в дистрибьюторском договоре дистрибьютор не ограничен территорией реализации товаров, не является эксклюзивным дистрибьютором на территории и не связан объемом продаж или закупок.

В качестве наименований сторон дистрибьюторского договора предлагается принципал и дистрибьютор. Под принципалом следует понимать лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, являющееся производителем товаров, либо закупающее их у третьих лиц. Дистрибьютор – это субъект торговой деятельности, который приобретает товар в собственность с целью его последующей перепродажи и при этом действует от своего имени и оказывает определенные услуги по продвижению товара.

Основные отличительные черты дистрибьюторского договора, которые указывают на его самостоятельный характер, представлены следующим образом:

- 1) дистрибьютор является собственником товара в отношениях с третьими лицами;
- 2) продажа товаров осуществляется дистрибьютором от своего имени и за свой счет;
- 3) обязанностью дистрибьютора, помимо уплаты цены за товар, является обязанность осуществлять продвижение товаров, приобретаемых у поставщика;
- 4) дистрибьюторский договор может определять территорию, на которой действует дистрибьютор;

5) возможно предоставление дистрибьютору права продажи, когда производитель утрачивает привилегированное положение на территории дистрибьютора;

6) возможно ограничение свободы действий дистрибьютора обязательством воздерживаться от конкуренции;

7) осуществление сбыта маркированных товаров под товарным знаком производителя.

Для дистрибьюторского договора характерно установление специфических санкций, влекущих негативные последствия для сторон за нарушение условий о территории, эксклюзивности и соблюдении минимума закупок или продаж:

1) приостановление для дистрибьютора права на получение специальной дистрибьюторской скидки на покупаемый товар;

2) увеличение отпускной цены на товары на определенный процент;

3) отказ принципала от исполнения обязательств по дистрибьюторскому договору, результатом чего является лишение статуса дистрибьютора в контексте отношений дистрибьютора с данным принципалом.

Исходя из вышеизложенного, полагаем, что дистрибьюторский договор должен найти отражение в ГК. Это бы облегчило деятельность судов и предпринимателей, а также сделало более привлекательным белорусское законодательство с позиции применимого материального права для регулирования дистрибьюторских отношений.

Карнович Д. М.

О ФОРМЕ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА

Карнович Диана Михайловна, студентка 4 курса Академии управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, diana.30491@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Карпенков В. В.

Из содержания ст. 152, 970 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) следует, что в действующем законодательстве отсутствует иная форма компенсации морального вреда, кроме денежной. Следует отметить, что до вступления в силу Гражданского кодекса от 1 июля 1999 г., белорусским законодательством была предусмотрена возможность компенсации морального вреда в иной материальной форме. В частности, такая возможность была регламентирована Правилами возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью гражданина, утвержденными постановлением Кабинета Министров Республики Беларусь от 9 ноября 1994 г. № 172 с изменениями и дополнениями от 8 ноября 1995 г.

Нельзя исключать, что потерпевшему единовременная выплата денежных средств не принесет необходимого удовлетворения.

Следует заметить, что на сегодняшний день в ряде стран легально закреплена позиция компенсации морального вреда в иной (неденежной) форме. Например, п. 3 ст. 23 Гражданского кодекса Украины от 16 января 2003 г. № 435-IV (в ред. от 10 июня 2023 г.) предусматривает: «Если иное не установлено законом, моральный вред возмещается денежными средствами,

другим имуществом или другим способом». Фактически аналогичное положение закреплено в ч.1 ст.16 Гражданского кодекса Республики Кыргызстан от 8 мая 1996 г. №16 (в ред. от 11 апреля 2023 г.): «Если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага либо нарушающими его личные неимущественные права, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной или иной материальной компенсации указанного вреда». Кроме денежной компенсации по соглашению сторон или по решению суда моральный вред может быть компенсирован путем предоставления другого имущества (например, автомобиля, ювелирного украшения, недвижимости и т. д.) или иным способом (например, путем предоставления пострадавшему на бесплатной основе услуг (парикмахерских, туристических и т. д.).

В юридической литературе уже высказывалось мнение о нецелесообразности компенсации морального вреда исключительно в денежной форме. Этот тезис аргументируется тем, что моральный вред невозможно полностью возместить, можно лишь облегчить морально-психологическое состояние потерпевшего. Кроме того, поскольку ответственность за причинение морального вреда носит компенсационный характер, потерпевший не должен лишаться возможности самостоятельно выбрать форму компенсации, которая позволит сгладить его физические и нравственные страдания. Следует найти такое удовлетворение, которое могло бы и с объективной точки зрения считаться более или менее достаточным возмещением за причиненные гражданину страдания.

Институт компенсации морального вреда, реализуя компенсационную функцию, направлен на устранение отрицательных последствий противоправного воздействия на материальные и нематериальные блага потерпевшего. Установление только одной формы компенсации морального вреда сужает правомочия потерпевшего по защите своих прав.

Европейский суд по правам человека применяет различные подходы к определению того, каким способом будет компенсироваться моральный вред, учитывая обстоятельства особенности каждого рассматриваемого дела.

На наш взгляд, целесообразно предусмотреть не только денежные выплаты, но и иные виды компенсаций в виде неденежной материальной формы. Например, по желанию потерпевшего ему может быть оказана услуга или передана какая-либо вещь. Моральный вред может подлежать все той же имущественной оценке, однако форма имущественной оценки не должна ограничиваться одними денежными единицами.

Предлагаем изложить п.1 ст.970 ГК в следующей редакции: «Компенсация морального вреда осуществляется в денежной или иной материальной форме, определенной судом».

Костюк А. С.

КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА, ОБРЕМЕНЕННОГО РЕНТОЙ

Костюк Анастасия Сергеевна, магистрант 2 курса Академии управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, sudebn_ispolnicel@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Халецкая Т. М.

Имущество, подлежащее конфискации, может быть обременено рентой. Так, согласно п. 1 ст. 557 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) в случае отчуждения обремененного рентой имущества обязательства плательщика ренты по договору ренты переходят на приобретателя имущества. Возможно было бы предположить, что в случае с конфискацией имущества обязательства по ренте должны перейти к государству, однако это не так, поскольку конфискация имущества представляет собой принудительное изъятие имущества, а не добровольное отчуждение, о котором ведет речь законодатель в ст. 557 ГК. Ответ на вопрос о возможности перехода обязанностей по уплате ренты на государство стоит искать в ст. 558 ГК, которая определяет, что получатель ренты приобретает право залога на недвижимое имущество, но законодатель четко устанавливает правило, в соответствии с которым право залога прекращается при конфискации предмета залога (ст. 335 ГК). Соответственно, приходим к выводу, что и в случае конфискации имущества, переданного под выплату ренты, переход прав и обязанностей плательщика ренты от осужденного к государству по ренте недопустим.

В то же время представляется необходимым предусмотреть дополнительные гарантии для получателя ренты, поскольку, несмотря на сохранение за плательщиком ренты обязательства по выплате ренты, интерес такой выплаты у плательщика исчезает после изъятия имущества в доход государства. Справедливости ради отметим, что законодатель предусмотрел в п. 2 ст. 558 ГК в качестве обязательных условий договора ренты условие, устанавливающее обязанность плательщика ренты предоставить обеспечение исполнения его обязательств, или страхование в пользу получателя ренты ответственности по договору за неисполнение либо ненадлежащее исполнение этих обязательств. Данная норма распространяется только на движимое имущество. В отношении же недвижимого имущества законодатель предусматривает императивное возникновение права залога на переданное под выплату ренты недвижимое имущество (п. 1 ст. 558 ГК). При этом данное право залога возникает автоматически при заключении договора ренты и не требует заключения каких-либо дополнительных соглашений о залоге недвижимого имущества. Кроме того, в п. 3 ст. 558 ГК предусмотрено в качестве меры ответственности за утрату обеспечения право получателя ренты на расторжение договора ренты и право требования возмещения убытков, вызванных данным расторжением.

На наш взгляд, институт страхования ответственности по договору ренты в пользу получателя ренты может выступить в качестве защищающего механизма прав получателя ренты в случае конфискации имущества, переданного под ренту. Однако, как мы увидели, в качестве обязательного

условия договора ренты, при котором под ренту передается недвижимое имущество, страхование ответственности не названо. При передаче под ренту движимого имущества страхование ответственности также может не использоваться, если обеспечение будет предоставляться другим способом. Кроме того, поддержим правоведов (Т. М. Халецкая, О. Г. Корнюхина), которые обоснованно считают, что далеко не все способы обеспечения исполнения обязательств могут быть эффективно использованы для обеспечения ренты. Так, О. Г. Корнюхина обоснованно ставит под сомнение способность обеспечить надлежащее исполнение договора ренты при помощи удержания и задатка, одновременно указывая на неустойку в качестве наиболее привлекательного варианта такого обеспечения. В то же время нам видится наиболее оправданным и обоснованным предложение Т. М. Халецкой в части корректировки п. 2 ст. 558 ГК, при которой законодатель должен точно назвать два способа обеспечения исполнения обязательства по договору ренты: залог и неустойка. Помимо этого, предлагаем признать обязательным включение в договор ренты условия о страховании в пользу получателя ренты ответственности по договору вне зависимости от того, какое имущество (движимое или недвижимое) передается под ренту. В связи с вышеизложенным предлагаем:

– дополнить п. 1 ст. 558 ГК следующим предложением: «Существенным условием договора, предусматривающего передачу под выплату ренты недвижимого имущества, является условие, устанавливающее обязанность плательщика ренты застраховать в пользу получателя ренты ответственность по договору (статья 824) за неисполнение либо ненадлежащее исполнение этих обязательств.»;

– изменить п. 2 ст. 558 ГК, изложив его в следующей редакции: «Существенным условием договора, предусматривающего передачу под выплату ренты денежной суммы или иного движимого имущества, является условие, устанавливающее обязанность плательщика ренты предоставить обеспечение исполнения его обязательств в виде залога либо неустойки, а также условие, устанавливающее обязанность плательщика ренты застраховать в пользу получателя ренты ответственность по договору (статья 824) за неисполнение либо ненадлежащее исполнение этих обязательств».

Куровский Д. Г.

**ОСНОВАНИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА,
ПРИЧИНЕННОГО В РЕЗУЛЬТАТЕ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ
ПРОИСШЕСТВИЙ**

*Куровский Дмитрий Геннадьевич, магистрант Академии управления при
Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, dsowl7@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Рудович Н. И.

Потребность в возмещении причиненного вреда, независимо от оснований его возникновения (договорные или внедоговорные), всегда представляла одно из целеполаганий права как неотъемлемого атрибута

жизни общества. Исследование института возмещения вреда не теряет своей актуальности и в современных общественных отношений. Об этом свидетельствует не только проявляемый научный интерес исследователей в сфере гражданских правоотношений, но и сложность применения этих норм в деятельности практических работников.

По общему правилу гражданско-правовая ответственность наступает за совершение правонарушений, которые нанесли вред личности, организации или имуществу. Как и любой другой вид юридической ответственности, гражданско-правовая направлена на восстановление нарушенных прав, а также ликвидации последствий от противоправных действий и предупреждению правонарушений в будущем. Вместе с тем, важное значение в правоприменительной практике по вопросам привлечения к ответственности играет институт освобождения владельца источника повышенной опасности от возмещения вреда, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия.

В соответствии с теорией гражданского права и действующего гражданского законодательства основаниями освобождения владельца источника повышенной опасности от ответственности признаются умысел потерпевшего и непреодолимую силу. Так, при самоубийстве граждан, бросившихся под автомобиль, поезд и любой другой источник повышенной опасности, ни владелец источника повышенной опасности, ни непосредственный причинитель вреда (шофер, машинист и т. д.) вред не возмещают в связи с наличием умысла потерпевшего.

При причинении вреда источником повышенной опасности, выбывшим из обладания его владельца в результате противоправных действий третьих лиц, но при наличии также виновного поведения владельца в противоправном изъятии, ответственность может быть возложена как на владельца, так и на лицо, противоправно завладевшее источником повышенной опасности.

Ответственность владельца источника повышенной опасности может наступить, в частности, когда по его вине не была обеспечена надлежащая охрана источника повышенной опасности. В этом случае на каждого из причинителей вреда может быть возложена имущественная ответственность в долевом порядке в зависимости от степени вины каждого из них.

Виновное поведение потерпевшего может оказывать влияние как на возможность возмещения вреда, так и на его размер. Вред, возникший вследствие умысла потерпевшего, возмещению не подлежит. Об умысле потерпевшего на наступление вредных для него последствий могут свидетельствовать такие его действия, которые совершались осознанно и с неизбежностью могли привести или привели к наступлению желаемого для потерпевшего вреда. Независимо от наступивших последствий вред, причиненный в таких случаях, возмещению не подлежит.

Ко второй группе оснований, при наличии которых суд может освободить владельца источника повышенной опасности от ответственности за причиненный вред, относятся грубая неосторожность потерпевшего, имущественное положение причинителя вреда и причинение вреда в состоянии крайней необходимости.

Вопрос о том, является ли неосторожность потерпевшего грубой небрежностью или простой неосмотрительностью, не влияющей на размер возмещения вреда, должен быть разрешен в каждом случае с учетом конкретных обстоятельств.

В случае выбытия источника повышенной опасности из владения в результате противоправных действий других лиц его владелец не отвечает за причиненный им вред. Ответственность по возмещению вреда может быть возложена как на владельца, так и на лицо, противоправно завладевшее источником повышенной опасности, в долевом порядке в зависимости от степени вины каждого из них.

Обобщая вышеизложенное можно отметить некоторые тенденции реформирования белорусского законодательства в указанной сфере общественных отношений. предполагается, что в ближайшей перспективе законодатель сохранит тенденции усиления гражданско-правовой ответственности при одновременном смягчении уголовной ответственности за совершение преступления небольшой и средней тяжести. Оптимизация правового регулирования порядка освобождения от возмещения вреда, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия, повысит эффективность современной правоприменительной практики.

Мясоедов Г. Г.

О ПРИМЕНИМОСТИ НОРМ О ДОГОВОРЕ ЗАЙМА К ДОГОВОРАМ ЛИЗИНГА И ФАКТОРИНГА

Мясоедов Геннадий Геннадьевич, аспирант Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, gennady.myasoedov@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Свадковская Е. А.

Договор займа, согласно Гражданскому кодексу Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. (далее – ГК), является отдельным договорным типом. Является дискуссионным следующий вопрос: принадлежит ли договор займа к договорам, направленным на передачу имущества, либо к договорам, направленным на оказание услуг? В пользу первого подхода можно привести следующий аргумент: единственным основным признаком, по которому проводится разграничение займа и договора аренды является материальный объект договора (при займе – вещь, определяемая родовыми признаками, при аренде – индивидуально-определенная вещь). Аргументом в пользу второго подхода является то обстоятельство, что при определении сферы действия Закона Республики Беларусь от 9 января 2002 г. «О защите прав потребителей» указывается на защиту прав потребителей услуг, оказываемых банками и иными организациями (банки, в частности, заключают кредитные договоры, которые являются видом договора займа).

Обязательством займодавца является обязанность передать в собственность заемщика вещи, определяемые родовыми признаками, обязанность заемщика – возвратить такое же количество вещей. Момент предоставления вещей заемщику и момент возврата вещей займодавцу

отделены временным разрывом, который является основанием для получения заимодавцем вознаграждения в виде превышения количества возвращенных заемщиком вещей над количеством переданных.

В главе 42 ГК имеются как нормы об отдельных видах договора займа (целевой заем, коммерческий заем, кредитный договор и др.), так и нормы, применимые ко всем видам договора займа (правила о форме договора, о последствиях нарушения заемщиком договора займа и др.). Могут ли нормы, применимые к различным видам договора займа, применяться к иным договорным типам?

В соответствии с ГК, договор лизинга является видом договора аренды. Обязательство лизингодателя – передать имущество во владение и пользование, обязательство лизингополучателя – выплачивать арендную плату. Указанные обязательства исполняются сторонами неодномоментно. Для лизингодателя разрыв во времени между исполнением своих обязательств и получением встречного предоставления от лизингополучателя являлся бы экономически необоснованным, если бы сумма арендных платежей не превышала стоимости объекта лизинга.

Договор факторинга, согласно отечественному законодательству, является самостоятельным договорным типом. Обязательство фактора – произвести финансирование кредитора, а обязательство кредитора – уступить фактору денежное требование к должнику. Фактором кредитору передаются денежные средства, которое могут быть использованы кредитором с момента зачисления в полном объеме. Фактор получит денежные средства на основании уступленного кредитором требования к должнику, когда должник осуществит такую выплату либо она будет взыскана с должника в принудительном порядке. Платой фактору за временной разрыв между предоставлением денежных средств кредитору и принятием исполнения от должника является дисконт.

Как видим, разрыв во времени между первоначальным и встречным предоставлениями имеет место в договорах лизинга и факторинга, в связи с чем нормы о договоре займа могут быть использованы при восполнении пробелов в правовом регулировании договоров лизинга и факторинга, в частности, нормы о займе могут применяться к обязанности фактора произвести финансирование по договору факторинга.

Наплёха А. А.

К ВОПРОСУ О НАСЛЕДОВАНИИ АВТОРСКИХ ПРАВ

*Наплёха Анастасия Александровна, магистрант Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
anastasiya.napleha@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Иванова Д. В.

В соответствии с положениями ст. 42 Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-3 «Об авторском праве и смежных правах» (далее –

Закон об авторском праве), исключительное право на объект авторского права или смежных прав переходит по наследству.

В своей монографии Б. С. Антимонов и Е. А. Флейшиц отмечают, что «в порядке наследования авторское право переходит как комплекс личных неимущественных и имущественных прав, поскольку данные категории правомочий взаимосвязаны». Иными словами, имущественные права базируются на принадлежащих автору личных неимущественных правах. При этом особенности объекта наследования порождают особые правила перехода его к правопреемнику. Следует отметить, что в ст. 24 ранее действовавшего Закона Республики Беларусь от 16 мая 1996 г. № 370-XIII «Об авторском праве и смежных правах» устанавливался запрет на переход в порядке наследования следующих прав: авторства, на имя и на защиту репутации автора. В настоящее время абз. 4 п. 1 ст. 15 действующего Закона об авторском праве предусмотрена возможность лица, обладающего исключительным правом на произведение после смерти автора внести в произведение изменения, сокращения и дополнения при условии, что этим не искажается замысел автора, не нарушается целостность восприятия произведения и это не противоречит воле автора, определенно выраженной им в завещании.

Согласно п. 1 ст. 1033 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) в состав наследства входят все права и обязанности, принадлежавшие наследодателю на момент открытия наследства, существование которых не прекращается его смертью. Исходя из положений ст. 129 ГК исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности могут свободно отчуждаться и переходить от одного лица к другому посредством универсального правопреемства, в том числе наследования. Анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод, что в сфере авторского и смежных прав в порядке наследования может быть осуществлен переход следующих исключительных прав: на произведение, на исполнение, право следования, на получение вознаграждения за использование отдельных видов произведений, исполнений и фонограмм в личных целях.

В настоящее время является актуальным вопрос о наследовании авторских и смежных прав несколькими наследниками. Как известно, рассматриваемые права могут переходить в порядке наследования по закону и по завещанию. Согласно положениям ст. 1056 ГК наследники по закону призываются к наследованию в порядке очередности, предусмотренной гражданским законодательством. Наследники одной очереди наследуют в равных долях, за исключением наследников, наследующих по праву представления (ст. 1062 ГК). Специальное законодательство также предусматривает возможность совместного обладания наследниками правами на объекты интеллектуальной собственности. Однако в данном случае подразумевается обладание правами в целостном понимании, без распределения долей в наследуемых правах между всеми наследниками. При этом возникают следующие вопросы. Каким способом нотариусу следует

осуществлять выдачу свидетельства о праве на наследство в отношении нескольких наследников, а также каким образом несколько наследников смогут в равной степени использовать перешедшие к ним в порядке наследования права на объекты интеллектуальной собственности?

В настоящее время в белорусском законодательстве отсутствуют специальные нормы, регулирующие переход имущественных прав на объекты интеллектуальной собственности к нескольким наследникам. В Российской Федерации данный вопрос также четко не урегулирован. Однако согласно п. 87 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» исключительное право на объекты интеллектуальной собственности, перешедшее к нескольким наследникам, принадлежит им совместно и осуществляется ими согласно п. 3 ст. 1229 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Данный пункт раскрывает содержание исключительного права на охраняемый объект, принадлежащего нескольким лицам совместно. Важно отметить, что российский законодатель регламентирует обязательное наличие соглашения между лицами, совместно владеющими исключительным правом. Мы согласны с позицией ряда ученых-цивилистов (Т. Е. Абовой, М. М. Богуславского, В. В. Пироговой, А. Г. Светлановой), в соответствии с которой соглашение между лицами, совместно владеющими исключительным правом, может регулировать различные вопросы, касающиеся использования исключительного права и распоряжения им. Таким образом, можно сделать вывод о том, что при выдаче нескольким наследникам свидетельства о праве на наследство, в состав которого входят авторские и смежные права, нотариус в Российской Федерации изначально разъясняет положения п. 3 ст. 1229 ГК РФ и предлагает удостоверить соответствующее соглашение.

В законодательстве Республики Беларусь отсутствуют подобные нормы. Вместе с тем анализ нотариальной практики позволяет сделать вывод о том, что при выдаче нескольким наследникам свидетельства о праве на наследство, в состав которого входят авторские и смежные права, в большинстве случаев нотариусы удостоверяют соглашение между наследниками о разделе наследства.

В п. 131 Инструкции о порядке совершения нотариальных действий, утвержденной постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 23 октября 2006 г. № 63 (далее – Инструкция), предусмотрена возможность наследников определить стоимость неделимой вещи в целом либо ее частей по соглашению наследников между собой либо по документам, определяющим стоимость вещи в целом либо каждой из частей в отдельности. Представленное выше положение можно было бы взять за основу для конструирования новой нормы. Однако данная норма может применяться лишь при наличии наследования по завещанию, в котором наследодатель не указал доли неделимой вещи, что прямо вытекает из текста п. 131 Инструкции.

Таким образом, считаем необходимым внести в законодательство изменения относительно разрешения вопроса о наследовании несколькими

лицами авторских или смежных прав. В частности, в п. 1 ст. 984 ГК необходимо добавить абз. 3 и изложить его в следующей редакции: «Исключительное право на результаты интеллектуальной деятельности, а также средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, услуг, перешедшее к нескольким наследникам, принадлежит им совместно и осуществляется на основании соглашения между ними, удостоверенного уполномоченным лицом.». В ст. 42 Закона об авторском праве добавить ч. 3, изложив в следующей редакции: «Исключительное право на объекты авторского права или смежных прав, перешедшее к нескольким наследникам, принадлежит им совместно и осуществляется на основании соглашения между ними, удостоверенного уполномоченным лицом.» Пункт 141 Инструкции о порядке совершения нотариальных действий дополнить абзацем 3 и изложить в следующей редакции: «В случае, если на переход авторских или смежных прав в порядке наследования по закону претендуют несколько наследников, нотариусу следует предложить таким наследникам заключение соглашения о разделе наследства и разъяснить правовые последствия удостоверяемой сделки.»

Пахоменко А. И.

ПОНЯТИЕ ДОГОВОРА АЗАРТНОЙ ИГРЫ

Пахоменко Алеся Игоревна, соискатель кафедры гражданского и хозяйственного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, a.i.e.s.y.a@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Уржинский К. К.

Отношения, возникающие между участником игры, в том числе азартной, и ее организатором носят гражданско-правовой характер, регламентируются гл. 57 Гражданского кодекса Республики Беларусь (ГК) и основываются на договоре. Статьей 932 ГК установлено, что договор между организатором и участником игр заключается на добровольной основе и оформляется выдачей лотерейного билета, квитанции, другого документа или иным предусмотренным правилами организации игры способом. Лицам, которые в соответствии с условиями проведения лотереи, тотализатора или иных игр признаются выигравшими, должен быть выплачен организатором игр выигрыш в предусмотренных условиями проведения игр размере, форме (денежной или натуральной) и в срок.

Азартная игра – основанное на риске соглашение о выигрыше, заключенное участниками азартной игры между собой либо участником (участниками) азартной игры с организатором азартной игры, как установлено приложением к Положению об осуществлении деятельности в сфере игорного бизнеса, утвержденному Указом Президента Республики Беларусь от 10 января 2005 г. № 9. Выигрыш в азартной игре определен как денежные средства, электронные деньги, иное имущество, подлежащие (подлежащее) выплате (передаче, перечислению, переводу) участнику азартной игры при наступлении результата, предусмотренного правилами

организации и (или) проведения азартной игры. Договор об азартной игре носит алеаторный (рисковый) характер, результат его исполнения зависит от случайности и неизвестен в момент заключения сделки.

Действующее законодательство об азартных играх в Республике Беларусь не содержит понятия договора азартной игры. Вместе с тем в целях обеспечения соблюдения прав и законных интересов всех сторон соглашения о выигрыше видится необходимым дать определение данному понятию, что позволит полноценно определять содержание договора, права и обязанности сторон, поскольку сама по себе азартная игра не определяет все гражданско-правовые аспекты, а является лишь процессом исполнения договора.

Так, исходя из существующих определений для признания лица выигравшим, а соответственно, признания организатора азартной игры (либо иных участников азартной игры) обязанным выплатить выигрыш, необходимо соблюдение совокупности обстоятельств:

- 1) соблюдение условий проведения игры;
- 2) наступление результата, предусмотренного правилами организации и проведения азартных игр.

Порядок организации и проведения азартных игр, детально регламентирован законодательно, в том числе определены права и обязанности как организатора азартной игры, так и участников азартных игр. Однако организатор азартной игры и участник азартной игры, как стороны гражданско-правовых отношений, должны иметь возможность также определять и самостоятельно отдельные вопросы, возникающие при организации и проведении азартных игр, в том числе порядок действий при нарушении предусмотренных условий проведения азартной игры.

Таким образом, по мнению автора, целесообразно законодательно определить понятие договора азартной игры, где сторонами будут выступать участник азартной игры и организатор азартной игры, и будут определены, в частности, правила организации игр (условия участия) и правила игр (порядок определения результата).

Пиццало А. А.

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ КОНСТРУКЦИИ СВЯЗАННОГО ДОГОВОРА В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

*Пиццало Анна Александровна, студентка 4 курса Академии управления
при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь,
Anna.Pischalo02072003@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Карпенков В. В.

На современном этапе расширения использования финансовых услуг и появления новых, трудных для понимания неспециалистов инструментов, вопросы защиты прав потребителей финансовых услуг приобретают особое значение. В настоящее время в основу достижения данной цели положен принцип предоставления потребителю максимально подробной информации.

Вместе с тем на сегодняшний день, ввиду динамичного развития рынка финансовых услуг, для более полной и всесторонней защиты потребителей видится перспективным использование юридической конструкции связанных договоров. В тех ситуациях, когда потребитель, испытывающий бюджетные ограничения, в целях оплаты какого-либо товара (работы, услуги) прибегает к таким финансовым услугам, как микрозайм или кредитование, он попадает в довольно неоднозначное положение. Сложности для потребителя возникают, когда продавец не исполняет своих обязательств по договору в полном объеме или в части. Между тем у потребителя возникает необходимость исполнять обязательства по кредитному договору, обеспечивающему покупку товара (услуги).

В международном праве данные договоры образуют комплекс и известны как связанные договоры (linked contracts). Модельные правила европейского частного права (далее – DCFR) закладывают возможность применения исследуемого института ко всем связанным договорам, однако содержат дефиницию связности договоров лишь применительно к кредитным договорам. В п. 2 ст. II.-5:106 DCFR закреплено, что под связанными кредитными договорами по отношению к основному договору о передаче предпринимателем вещей, иного имущества или предоставлении услуг будут пониматься следующие случаи:

1) если кредит для исполнения потребителем предоставляет предприниматель, передающий вещи, иное имущество или предоставляющий услуги;

2) если третья сторона, которая оплачивает исполнение потребителем, пользуется услугами предпринимателя при подготовке или заключении кредитного договора;

3) если в кредитном договоре содержится ссылка на индивидуально-определенные вещи, имущество или услуги, приобретение которых должно быть оплачено за счет этого кредита при условии, что связь между двумя договорами была установлена по предложению лица, передающего вещь, иное имущество или оказывающего услугу, либо лица, предоставляющего кредит;

4) если существует аналогичная экономическая связь.

В свою очередь, п. «п» ст. 3 Директивы № 2008/48/ЕС Европейского парламента и Совета ЕС «О договорах потребительского кредитования и отмене Директивы Совета ЕС 87/102/ЕЭС» (далее – Директива о потребительском кредитовании) определяет «смежный кредитный договор» как договор, в котором:

- рассматриваемый кредит служит исключительно для финансирования договора поставки определенных товаров или оказания определенных услуг;
- эти две формы договоров объективно составляют коммерческую единицу.

В том же пункте Директивы о потребительском кредитовании даны признаки понятия коммерческой единицы: «...когда поставщик товаров или поставщик услуг непосредственно финансирует потребительский кредит; когда финансирование производится третьим лицом, если кредитор

использует услуги поставщика товаров или поставщика услуг в связи с заключением или подготовкой кредитного договора; когда определенные товары или оказание определенных услуг явно определены в кредитном договоре» Общим признаком взаимосвязи таких договоров является объективно существующая общая экономическая цель. Данная связь обуславливает следование связанного кредитного договора судьбе договора купли-продажи (работ, услуг). Следовательно, в случаях расторжения договора купли-продажи (работ, услуг), данная экономическая цель должна обосновывать прекращение связанного с ним кредитного договора.

В законодательстве Республики Беларусь данная концепция отражена лишь в отдельных правовых нормах, не затрагивает ряд случаев, например, возврата товара надлежащего качества, возврата начисленных процентов за пользование денежными средствами, договоров микрозайма и т. д.

Признание законодателем и дальнейшая реализация в законодательстве правовой взаимозависимости между потребительским договором и договором микрозайма, кредита, в случае, когда речь идет о взаимообусловленных соглашениях, отвечает интересам потребителей финансовых услуг и будет направлена на защиту нарушенных прав.

Слабейко В. А.

ПРОБЛЕМАТИКА ПОНИМАНИЯ ПРЕДМЕТА ДОГОВОРА ЗАЙМА

*Слабейко Валерий Александрович, студент 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
valerijslabejko@gmail.com*

Научный руководитель: старший преподаватель Максименюк В. В.

По договору займа (далее – договор) могут передаваться денежные средства либо вещи, обладающие определенно-родовыми признаками (далее – вещи). К примеру, Д. А. Калимов обращает внимание на употребление в главе 42 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) термина «сумма займа» в отношении денежного займа, если иное не предусмотрено законом либо не вытекает из существа обязательства. Описывая предмет договора займа, Л. Г. Ефимова указывает, что под предметом договора следует считать действие займодавца по передаче заемщику и действие заемщика по возврату соответствующей суммы займа. Н. Л. Бондаренко, С. С. Вабищевич, И. А. Маньковский, К. А. Михалев, А. П. Сафронов считают, что предметом указанного вида договора выступают денежные средства или вещи, определенные родовыми признаками, передающиеся заемщику в собственность с условием возврата. Такая позиция поддержана Верховным Судом Республики Беларусь, также в п. 3 ст. 760 ГК указано, что «иностранный валютный знак и валютные ценности могут быть предметом договора займа».

Справедливо отметить, что в отношении определения предмета рассматриваемого вида договора сложилось минимум две концепции, о которых указывал еще З. М. Черниловский: согласно первой – предметом

являются вещи, услуги, благо; на основании второй концепции предметом договора выступает обязанность по передаче имущества, выполнении работ и иное, т. е. действие. Соответственно, нельзя говорить о каком-либо из приведенных мнений, как об ошибочном, скорее стоит отметить наличие минимум двух точек зрения в отношении данного вопроса.

Л. Г. Ефимова отмечает, что предмет договора следует отличать от предмета займа. Под предметом займа, по ее мнению, стоит подразумевать вещи, ценные бумаги, деньги. Под предметом договора следует понимать действия по передаче предмета займа, а также действия по его возврату. В обоснование настоящего довода можно привести пример из судебной практики, а именно определение от 27.06.2017 г. Верховного Суда Российской Федерации № 5-КГ17-73 содержит следующее: «...требуется фактическая передача кредитором должнику предмета займа – денег или других вещей...».

Согласно второй из приведенных выше концепций предметом договора является обязанность (далее – концепция действия). Определение договора займа, указанное в п. 1 ст. 760 ГК, не предусматривает какую-либо обязанность займодавца. Отличным от названного определения является понятие, приведенное в п. 1 ст. 807 ГК РФ, в котором содержится указание на обязанность заемщика по передаче вещи как на одно из условий договора. При условии толкования концепции действия, согласно которой предметом гражданского договора является обязанность, фактическое понимание предмета договора займа, предоставленного обязанностью, трудно применимо к белорусскому ГК, поскольку законодательно закреплено отсутствие обязанности у займодавца. Однако, если толковать настоящую концепцию, когда предметом договора выступает действие, а обязанность – это всего лишь пример такового, рассматриваемое мнение применимо в данном случае в качестве одной из иллюстраций примеров по данной проблематике.

В. В. Витрянский указывает, что на сложный специфический предмет влияет односторонний и реальный характер правовой природы займа, и что предметом по договору является действие заемщика по возврату займа. Соответственно, под предметом договора займа предлагается понимать именно действия заемщика, а не действия обеих сторон рассматриваемого правоотношения. Важно отметить мнение О. С. Иоффе, который считает, что вещи, определенные родовыми признаками, денежные средства являются материальным объектом заемного обязательства, а действия заемщика по возврату займа являются юридическим объектом заемного обязательства. Исходя из такого довода, можно выявить двухуровневую концепцию понимания предмета договора займа. Фактически в данном случае предмет договора займа имеет деление на: 1) материальный объект и 2) юридический объект. Разногласие позиций понимания предмета договора займа имеется также в судебной практике РФ: к примеру, определение от 07.09.2013 г. Второго кассационного суда общей юрисдикции по делу № 88-21946/2023 имеет следующую формулировку: «...отсутствует предмет договора займа – обязанность заемщика возратить займодавцу такую же сумму денег...».

Подобный подход содержит апелляционное определение от 22.08.2023 г. Московского городского суда по делу № 33-34587/2023, в котором предмет договора подразумевается, как условие о передаче заемщику предмета займа займодавцем с условием возврата. Однако в заочном решении Приволжского районного суда г. Казани от 17.02.2020 г. по делу № 2-1245/20 указано, что заемщик имеет право оспаривать факт получения предмета договора займа в порядке ст. 812 ГК РФ. Передать действие невозможно, а значит, при буквальном толковании, в данном случае следует иметь в виду вещи, определенные родовыми признаками, денежные средства.

Филимонов Д. В.

К ВОПРОСУ О СТРАХОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НОТАРИУСА

*Филимонов Даниил Владимирович, студент 4 курса Гродненского
государственного университета имени Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь,
daniilfilimonov178@gmail.com*

Научный руководитель: старший преподаватель Бодяк Н. Е.

Ответственность нотариуса – неотъемлемая часть его правового статуса. Граждане и юридические лица обращаются к нотариусу за совершением нотариальных действий с целью защиты своих прав и законных интересов, поэтому любые противоправные действия нотариуса могут повлечь за собой причинение им имущественного вреда, а значит, в законодательстве должны быть четко определены основания, условия и порядок ответственности нотариуса. Одним из вариантов минимизации имущественной ответственности нотариуса и структурной составляющей его правового статуса является страхование гражданской ответственности, отнесенное к обязательным видам страхования в силу абз. 3 п. 1 ст. 25 Закона Республики Беларусь от 18.07.2004 г. № 305-З с изм. от 05.01.2022 г. «О нотариате и нотариальной деятельности» (далее – Закон о нотариате). Законом о нотариате устанавливаются общие требования и порядок страхования гражданской ответственности нотариуса.

В научных исследованиях страхование профессиональной ответственности нотариуса определяется как «вмененный вид страхования от неумышленного причинения вреда», наступившего в результате профессиональной деятельности нотариуса, третьим лицам. Согласно абз. 1 ст. 39¹ Закона о нотариате объектом страхования выступают не противоречащие законодательству имущественные интересы нотариуса, связанные с его ответственностью по обязательствам, возникающим в случае причинения нотариусом вреда имуществу. Выгодоприобретатель – физическое или юридическое лицо, обратившееся за профессиональной помощью к страхователю, или третьи лица. Страхователем выступает нотариус, а страховщиком – государственная страховая организация.

Перечень нарушений при совершении нотариальных действий, за которые нотариус несет гражданскую ответственность, приведен в абз. 1–4

п. 3 ст. 25 Закона о нотариате. В абз. 1–4 п. 6.3 Правил Белорусского республиканского унитарного предприятия «Белгосстрах» № 13 перечислены случаи, когда подлежит возмещению причинение вреда в связи с осуществлением профессиональной деятельности нотариусом. Детальный перечень возможных нарушений привести невозможно, законодатель сделал его мобильным. Обращаясь к зарубежному опыту, в частности, к Основам законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 г. № 4462-1 в ред. от 24.07.2023 г., где закреплены следующие действия, противоречащие законодательству: совершение нотариального действия, которое находится в компетенции другого нотариуса; совершение нотариального действия, в котором в качестве одной из сторон участвовал недееспособный или ограниченно дееспособный гражданин, считаем важным акцентировать внимание законодателя на аспектах, связанных с такими нарушениями закона, за которые нотариус может быть привлечен к гражданско-правовой ответственности.

Важной мерой защиты нотариуса является также оказание финансовой помощи. В абз. 2 п. 3 ст. 39¹ Закона о нотариате определены предельные величины страховой суммы по договору страхования гражданской ответственности нотариуса (от 1000 до 10000 базовых величин). Исследователи предлагают создание компенсационного (гарантийного) фонда Белорусской нотариальной палаты в качестве резервного механизма помощи нотариусу в момент отсутствия дополнительных средств для возмещения ущерба. Полагаем предложение своевременным и справедливым, поскольку размеры страховой суммы могут быть несоизмеримы с потенциально возможными убытками для нотариуса. Такая практика известна в Российской Федерации, где Компенсационный фонд Федеральной нотариальной палаты функционирует на основе системы взносов нотариусов, работающих на территории Российской Федерации.

На наш взгляд, для более эффективной защиты прав и обязанностей нотариуса необходимо упорядочить отношения по страхованию профессиональной ответственности нотариуса в отдельном акте законодательства, как это сделано в Законе Республики Казахстан от 11 июня 2003 г. № 435-III «Об обязательном страховании гражданско-правовой ответственности частных нотариусов», который определяет сферу применения договора, порядок его заключения, цели и основные принципы обязательного страхования профессиональной ответственности нотариуса, права и обязанности сторон по договору страхования профессиональной ответственности нотариуса.

Таким образом, должное законодательное закрепление и действенные финансовые гарантии для нотариусов поспособствуют более эффективной защите нотариусов от рисков профессиональной ответственности и возможности последующих судебных разбирательств, а также повышению общественного доверия к нотариату как правоохранительной структуре.

Dilixiati D.

ECONOMIC SOVEREIGNTY AS FUNDAMENTAL PRINCIPLES OF INTERNATIONAL ECONOMIC LAW

*Dilixiati Duolikun, master student of Belarusian State University, Minsk, Belarus,
law.dilisyat@bsu.by*

Supervisor: Mikhailouski Vadzim, PhD of Political Science, associate professor

Economic sovereignty is a crucial concept in international economic law that emphasizes a nation's autonomy and control over their economic policies and decisions. It is based on the principle that every state has the right to formulate and implement their own economic strategies without external interference. This principle plays a vital role in shaping the international economic system and protecting the interests of individual states.

In order to understand the significance of economic sovereignty, it is essential to explore its implications and applications in various aspects of international trade, investment, and financial relations. The author delves into the key components and principles of economic sovereignty, reviews its historical development and analyze its relevance in today's globalized world.

The concept of economic sovereignty lies at the heart of international economic law, governing the rights and powers of states to maintain control over their economic affairs, rooted in the *principle of non-interference*.

At its core, economic sovereignty guarantees a state's self-determination and economic well-being. It allows states to prioritize their national interests and shape economic strategy according to their unique circumstances and objectives.

The concept of economic sovereignty emerged in response to the changing dynamics of the global economic system. Historically, economic sovereignty was closely intertwined with political sovereignty, as states sought to assert their independence and protect their economic interests.

However, the rise of globalization and the expansion of international trade and investment have posed challenges to the traditional notions of economic sovereignty. The increasing interdependence of economies and the emergence of supranational organizations have created tensions between the desire for economic autonomy and the need for international cooperation.

Economic sovereignty plays a critical role in shaping *international trade relations*. States exercise their economic sovereignty by setting trade policies, imposing tariffs, and establishing regulations to protect their domestic industries. For example, Chinese laws and local compliances are complicated. The process of entering the market and set up a local entity can be tiresome and costly. Obtaining the local licenses and permits, tax registrations, etc. also cause a significant delay in starting business operations in China. Labor compliance and other legal complexities can also make expansion into China troublesome.

However, it has evolved amidst the proliferation of regional and multilateral trade agreements, which seek to harmonize trade rules and liberalize global markets. There are some samples of China approach of its integration into economic cooperation in the Asia-Pacific region. China is the member of the Regional Comprehensive Economic Partnership Agreement (RCEP). Also, China is applying to join the Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership (CPTPP). The experts believe, in case China and the U.S.A. join the CPTPP, the growth rate of China's imports will be higher than the growth rate of its exports, and this will lead to a transfer of growth to other countries and help bridge the trade gap between China and the USA.

It is obvious, tension between economic sovereignty and trade liberalization highlights the need for a balanced approach that respects both national interests and global economic integration.

Economic sovereignty still plays a significant role *in international financial relations* regulating investment and financial flows by controlling foreign investment, regulating capital movements, and safeguarding their financial systems. However, the growth of multinational corporations, the rise of global financial markets, and the increasing influence of international financial institutions have led to debates over the balance between economic sovereignty and the need for international cooperation.

Based on the above, the author comes to the following conclusions.

1. Economic sovereignty is a fundamental principle of international economic law that empowers states to maintain control over their economic policies and decisions; it embodies the right of nations to determine their economic destiny and protect their national interests.

2. There is always need to balance between national interests protections and global (regional) economic integration.

3. By understanding and respecting the principles of economic sovereignty, scholars, researchers, and policy makers of international law and economics can contribute to the ongoing dialogue on shaping a fair and equitable global economic system in order to develop world economy and increase the welfare of all nations.

Богдановский Е. Д.

ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

*Богдановский Евгений Дмитриевич, студент 2 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь, 3771285@gmail.com*

Научный руководитель: старший преподаватель Максименко Е. В.

Юридическая ответственность выступает мерой правового принуждения за правонарушение, предусмотренное санкцией нарушенной нормы и применяется компетентным субъектом в надлежащем процессуальном порядке.

Юридическая возможность отвечать по своим обязательствам является признаком, присущим всем субъектам, осуществляющим хозяйственную деятельность. По общему значению ответственность хозяйствующего субъекта – неблагоприятные последствия, которые могут возникнуть у него при нарушении прав и законных интересов другого хозяйствующего субъекта либо обязательные требования, предъявляемые государством к предпринимательской деятельности, составляющей значительную часть хозяйственной деятельности. Участники хозяйственных отношений несут ответственность за правонарушения в сфере хозяйственной деятельности путем применения санкций на основании и в порядке, предусмотренных законом и договором.

Ответственность хозяйствующего субъекта имеет повышенный характер. Они несут ответственность и за случайное неисполнение обязательства, так как ответственность предпринимателей по общему правилу возникает независимо от наличия вины.

Действующим законодательством, по мнению И. В. Ершовой, Г. Д. Отнюковой, признаются одновременно два принципа ответственности предпринимателей: принцип «ответственности за вину» применяется совместно с принципом «ответственности за риск». Это обусловлено сложностью хозяйственных отношений, высокой степенью риска в предпринимательстве. Единственным обстоятельством, освобождающим от ответственности, является непреодолимая сила (не случай).

До сих пор актуален вопрос относительно того, является ли наличие правила о безвиновной ответственности предпринимателя справедливым и оправданным. С одной стороны, существует мнение, что справедливой можно называть лишь виновную ответственность за неисполнение договора. Можно согласиться с тем, что закрепление правила о безвиновной юридической ответственности субъектов предпринимательской деятельности является оправданным. Такое регулирование связано с правовыми и экономическими причинами: достигается цель предпринимательской деятельности – получение прибыли, а также осуществляется защита экономически слабой стороны в обязательстве.

Норма о повышенной ответственности хозяйствующих субъектов характеризуется диспозитивностью, что позволяет сторонам самостоятельно включать вину в качестве условия гражданско-правовой ответственности. Такое условие соответствует принципу свободы договора. Не следует забывать о том, что наличие правила о безвиновной ответственности, зачастую связывают с таким свойством предпринимательской деятельности как риск. По мнению К. И. Скловского, «невиновную ответственность можно рассматривать как ответственность за принятое решение, и она представляет деятельность по принятию свободных решений, сопряженных с риском». Предприниматель возлагает на себя риск ответственности без вины не за возможность получения им прибыли, а, напротив, деятельность по получению им прибыли будет возможной, если в свою очередь его контрагент в сделке будет нести ответственность без вины.

Нормы действующего законодательства динамично развиваются и меняются, в связи с изменением норм могут изменяться условия наступления ответственности субъектов в хозяйственных правоотношениях. В связи с этим каждому субъекту хозяйственной деятельности крайне важно знать соответствующие нормы при вступлении в правоотношения в целях предотвращения негативных последствий и наступления ответственности.

Таким образом, крайне важно формировать правовую культуру субъектов хозяйственных правоотношений, чтобы совершалось как можно меньше правонарушений при осуществлении хозяйственной деятельности и как можно меньше субъектов привлекались к ответственности и несли негативные последствия.

Бодров К. А.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ КАК СПОСОБ УЛУЧШЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОГО КЛИМАТА В СТРАНЕ

Бодров Кирилл Андреевич, студент 3 курса Белорусского государственного университета, г.Минск, Беларусь, kirillbodrov123@mail.ru

Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Бондаренко Н. Л.

В Республике Беларусь вопрос введения уголовной ответственности для юридических лиц обсуждается уже достаточно давно. Эта мера рассматривается как один из возможных способов улучшения инвестиционного климата в стране.

В настоящее время в Республике Беларуси закреплена лишь административная ответственность организаций за экономические и налоговые правонарушения.

Введение уголовной ответственности для юридических лиц могло бы стать действенным механизмом борьбы с корпоративным мошенничеством, уклонением от уплаты налогов, легализацией незаконных доходов и другими преступлениями в сфере экономики. Это повысит уровень корпоративной ответственности и прозрачности хозяйственной деятельности в Беларуси.

Распространение уголовной ответственности на юридические лица – идея абсолютно не новая, и такой вид ответственности организаций за границей в последнее время применяется все шире. Такая практика действует, например, в США, Канаде, Австралии, Великобритании, Китае, Иордании, Ливане, Сирии. Кроме штрафа, к юридическим лицам наиболее часто применяются следующие виды уголовной ответственности: специальная конфискация; ограничение деятельности юридических лиц; закрытие филиалов и подразделений; временное прекращение деятельности юридического лица; ликвидация юридических лиц.

Среди прочего, уголовная ответственность юридических лиц оказывает влияние на инвестиции в разных странах. Приведем несколько примеров.

Так, в Соединенных Штатах уголовная ответственность юридических лиц имеет значительное влияние на инвестиции. Например, в области

финансового регулирования, принятие Sarbanes-Oxley Act в 2002 г. после финансового скандала с компанией Enron привело к ужесточению ответственности корпораций за фальсификацию финансовой отчетности. Это создало большую прозрачность и доверие на финансовых рынках, что положительно сказалось на притоке инвестиций.

В Великобритании введение Corporate Manslaughter and Corporate Homicide Act 2007 (Закон о юридической ответственности корпораций за убийство) привело к усилению ответственности юридических лиц в случае смерти или тяжкого повреждения, вызванных их деятельностью. Это стимулировало юридических лиц к улучшению безопасности и снижению рисков, что, в свою очередь, способствовало привлечению инвестиций.

В Латвии уголовная ответственность для юридических лиц регулируется основным законодательством (Глава VIII, ст. 701 Уголовного закона). Следует отметить, что закон был существенно изменен в 2013 г. Ранее осуждение физического лица – правонарушителя было условием ответственности юридического лица. В Гонконге уголовная ответственность для юридических лиц регулируется основным законодательством и нормативными актами, которые включает закон о компании от 2013 г. (Companies Ordinance). Он регулирует организацию и функционирование юридических лиц в Гонконге.

Сингапур принял ряд мер для борьбы с коррупцией, в том числе создал Сингапурское антикоррупционное бюро (Corrupt Practices Investigation Bureau, CPIB) и ввел строгое законодательство, например, Закон о предотвращении коррупции (Corruption, Drug Trafficking and Other Serious Crimes (Confiscation of Benefits) Act 1992).

Уголовная ответственность юридических лиц играет важную роль не только в стимулировании инвестиций, но и в создании благоприятного корпоративного климата. Введение законов, предусматривающих уголовную ответственность для юридических лиц, помогает установить высокие стандарты прозрачности, этики и соблюдения закона в корпоративной среде. Это имеет несколько положительных последствий для инвестиций.

Уголовная ответственность для юридических лиц имеет важное значение в предотвращении коррупционных преступлений и способствует борьбе с коррупцией. Это создает здоровую и непредвзятую среду для хозяйственной деятельности, в которой инвесторы чувствуют себя защищенными от взяточничества и неправомерных практик. Инвесторы ценят такую среду, поскольку она обеспечивает защиту их прав и интересов, а также уменьшает риски неправомерных действий со стороны других юридических лиц.

Однако важно отметить, что уголовная ответственность является не единственным способом улучшения инвестиционного климата в стране, а одно из элементов комплекса мер по улучшению инвестиционного климата наряду с другими (льготы, низкая ставка налогов и т.п.).

Бондаренко М. С.

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ НАУЧНОЙ ДОКТРИНЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Бондаренко Мирослав Святославович, аспирант кафедры хозяйственного права БГУ, г. Минск, Беларусь, miroslav090998@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Куницкая О. М.

В многочисленных актах национального и наднационального законодательства последних лет, в частности, в Решении о Стратегии экономического развития Содружества Независимых Государств на период до 2030 года (принято 29.05.2020), Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575, Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 29 июля 2021 г. № 292 декларируется необходимость развития человеческого капитала и инвестиций в него. Второй раздел Послания Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь «От уверенного старта – к успеху нового пятилетия» от 21 апреля 2016 г. называется «О человеческом капитале». Положения названных и целого ряда иных нормативных правовых актов свидетельствуют об особой значимости человеческого капитала для нашей страны.

Традиционно человеческий капитал позиционируется как сложная социально-экономическая категория на пересечении таких наук, как экономика, психология, социология, история, медицина, педагогика, философия, политология. Однако «монополистом» в этом вопросе является все же экономика, по причине того, что именно экономисты смогли увидеть и обосновать взаимосвязь между инвестициями в человеческий капитал и созданием предпосылок экономического роста (Т. Шульц, С. Кузнец, Г. Беккер, С. А. Дятлов и др.). Что касается правовой науки, то она пока еще не рассматривает человеческий капитал как предмет изучения своей науки, несмотря на то, что процессы производства и накопления человеческого капитала, а также инвестиций в человеческий капитал, порождают целый комплекс отношений, урегулированных правом.

Задача правовой науки и прежде всего науки хозяйственного права состоит в том, чтобы институционализировать «человеческий капитал» в рамках правовой системы, определив его природу и сущностные признаки как правового явления с целью надлежащего правового регулирования. В настоящее время белорусское законодательство в данной сфере не может характеризоваться как носящее системный характер и нуждается в совершенствовании. Внесению соответствующих предложений должно предшествовать методологическое осмысление важнейших теоретических вопросов, таких как «Что такое человеческий капитал?», «Кому принадлежит человеческий капитал?», «Кто ответственен за производство такого важного, но весьма специфического ресурса?», «Какое значение имеет этот ресурс в

механизме обеспечения национальной экономической безопасности?», «Что такое инвестиции?», «В чем состоит специфика инвестиций в человеческий капитал?» и др. К сожалению, отечественная правовая наука сегодня не дает ответы на эти вопросы, что свидетельствует о ее неспособности обеспечить должное методологическое сопровождение процессов правового регулирования производства человеческого капитала, а также инвестиций в него.

Следовательно, задача правовой науки состоит в том, чтобы незамедлительно приступить к разработке правовой научной доктрины человеческого капитала, роль которой состоит в создании конструкций, понятий, определений, которые впоследствии могут быть использованы в нормотворческой и правоприменительной деятельности.

Начинать необходимо с институционализации «человеческого капитала» в рамках правовой системы, определения его природы и сущностных характеристик как правового явления и объекта прав. Затем предстоит разработать понятийно-категориальный аппарат, в частности, сформулировать (а впоследствии и законодательно закрепить) понятие человеческого капитала, позволяющее отграничить его от человеческого потенциала, человеческого ресурса, трудовых ресурсов, а также выработать понятия «производство человеческого капитала», «воспроизводство человеческого ресурса», «развитие человеческого потенциала». Это позволит обеспечить единообразие нормотворческой деятельности. Следующим шагом должно стать формирование понятия и содержательных характеристик социальной сферы как институциональной среды производства человеческого капитала и сферы осуществления инвестиций в человеческий капитал, а также определение ее организационной конструкции. Выработка такого определения позволит создать универсальную для всех социальных наук основу понимания природы института социальной сферы. Затем предстоит определить правовой режим инвестиций в человеческий капитал.

Актуальность исследования проблем человеческого капитала подтверждается особой значимостью этого объекта прав для экономики нашей страны и обеспечения ее национальной безопасности. Полагаем, что обозначенные нами проблемные вопросы будут выступать в качестве основных направлений исследования человеческого капитала в области права в целом и хозяйственного права в частности, поскольку воспроизводство человеческого ресурса и производство человеческого капитала есть объект воздействия для хозяйственных операций, совершаемых в рамках осуществления хозяйственной деятельности (в отдельных случаях – творческой и хозяйственно-трудовой).

Винник В. В.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ИМПЛЕМЕНТАЦИИ В СИСТЕМУ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

*Винник Виталина Викторовна, студентка 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь, vitalinavv04@mail.ru*

Научный руководитель – доктор юрид. наук, профессор Бондаренко Н. Л.

В современном мире искусственный интеллект играет все более значимую роль. Автоматизация процессов, которые ранее выполнялись людьми, помогает более эффективно выполнять задачи, связанные с производством и управлением персоналом, что оказывает значительное влияние на конкурентоспособность на товарных рынках. Однако не всегда внедрение новых технологий способствует достижению положительного результата. Поиск разумного баланса между выгодами и опасностями, которые приносит использование искусственного интеллекта является одной из наиболее актуальных задач современности.

Декретом Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» технологии искусственного интеллекта отнесены к VI технологическому укладу. Новейший уклад характеризуется технологиями, которые в штатном режиме могут или должны работать без участия человека.

Джон Маккарти, автор термина «искусственный интеллект», определил его как «свойство интеллектуальных систем выполнять творческие функции, которые традиционно считаются прерогативой человека». Существуют также некоторые противоречия, связанные с переводом понятия «artificial intelligence». Слово «intelligence», в свою очередь, определяется как «разумность, умственные способности», что является познавательным процессом; интеллект же включает в себя систему всех познавательных способностей индивида: ощущения, восприятие, память, представления, мышление, воображение.

В законодательстве Республики Беларусь отсутствует понятие искусственного интеллекта, что приводит к значительным трудностям в понимании его сущности и установлении границ использования. Тем не менее белорусскими учеными предпринята попытка определения правовой природы искусственного интеллекта как нестандартного объекта владения и его институционализации. Так, Н. Л. Бондаренко и Ю. Г. Конаневич предложили свое видение создания универсального правового и общесоциального механизма идентификации и имплементации искусственного интеллекта в систему общественных отношений. В частности, названными учеными выдвинуто обоснованное предложение об отнесении механических конструкций и информационных систем, функционирующих на основе технологий искусственного интеллекта, к категории объектов публичной идентификации. При этом под объектом публичной идентификации авторы понимают объект гражданских прав или

политических прав государства (объект государственной монополии), имеющий исключительное значение для реализации и защиты национальных интересов, защиты прав и законных интересов субъектов общественных отношений.

Организация экономического сотрудничества и развития установила, что использование искусственного интеллекта позволит субъектам хозяйственной деятельности упростить выполнение задач, которые требуют больших временных затрат. В частности, Концепцией развития платежного рынка Беларуси на 2023–2025 годы, представленной Национальным банком Республики Беларусь, на искусственный интеллект возложена функция выявления мошеннических операций вследствие «нетипичного» поведения клиента. Следует отметить, что данная система эффективно функционирует в тесном взаимодействии с правоохранительными органами и позволяет предотвратить возникающие попытки несанкционированных платежных операций. Внедрение искусственного интеллекта в сферу хозяйственной деятельности с целью управления киберрисками позволит минимизировать возникновение угроз для ее осуществления. Согласно данным американской исследовательской и консалтинговой компании Gartner, 70 % потенциальных клиентов теряются из-за недостаточного контроля менеджеров. В данном случае искусственный интеллект позволяет всячески сократить возникновение таких рисков, предлагая эффективные действия для успешной сделки, обрабатывая жалобы и предоставляя поддержку в режиме реального времени, что в последующем отразится на увеличении конверсии и расширении круга потребителей.

Однако, несмотря на множество преимуществ, которые обеспечивает внедрение данного новшества, необходимо обратить внимание на некоторые проблемные аспекты, требующие дополнительного регулирования. Так, при несанкционированном доступе к информации вследствие использования искусственного интеллекта субъекты могут столкнуться с проблемами, связанными с нарушением законодательства о персональных данных, разглашением коммерческой тайны и утратой доверия клиентов. В данном случае следует также определить, на кого будет возлагаться ответственность за причиненный вред.

На сегодняшний день широко распространена практика проведения собеседований с использованием искусственного интеллекта. С одной стороны, это значительно экономит время работодателя. Однако, с другой стороны, отсутствие человеческого фактора может оказать не только положительное, но и отрицательное влияние на последующее трудоустройство потенциальных работников. Внедрение новых технологий зачастую приводит к недостаточной оценке коммуникативных навыков кандидата, неправильной интерпретации и обработке данных, игнорированию особенностей эмоциональных реакций человека.

Технологии искусственного интеллекта способствуют прогнозированию продаж на рынке, оптимизации ценообразования, осуществлению скоринга, что позволят заранее определить потенциально неплатежеспособных

клиентов. Для создания и редактирования текстов наиболее часто используют чат-ботов, однако вопрос об авторском праве на созданные ими произведения подлежит регулированию. Данная проблема оказала влияние на появление судебного прецедента в США. Суд пришел к выводу, что продукт искусственного интеллекта не может быть защищен авторским правом ввиду «отсутствия руководящей руки человека».

В 2021 г. в Российской Федерации был разработан и подписан Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта, к которому уже присоединились некоторые белорусские организации. Он представляет собой единую систему принципов и правил, предназначенных для создания среды доверенного развития технологий искусственного интеллекта и носит рекомендательный характер. На наш взгляд, данное нововведение позволит обратить внимание на такие важные аспекты, как информационная безопасность, достоверность данных, отсутствие дискриминации, уважение к автономии и свободе воли человека.

Таким образом, внедрение в хозяйственную деятельность и нашу повседневную жизнь механических конструкций и информационных систем, функционирующих на основе технологий искусственного интеллекта, с одной стороны, будет содействовать технологическому развитию Республики Беларусь, предоставляя дополнительные возможности для повышения результативности многих процессов и снижения временных и финансовых затрат на их осуществление. С другой стороны, следует учитывать риски, которые несут с собой технологии искусственного интеллекта.

Горбик В. С.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СМАРТ-КОНТРАКТОВ В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

*Горбик Виктория Сергеевна, студентка 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
victoria.ggg2@gmail.com*

Научный руководитель: преподаватель Мешикова Н. А.

В современном мире смарт-контракты стали важным инструментом в хозяйственной деятельности. Смарт-контракты представляют собой программные коды, которые автоматически исполняются при наступлении определенных условий. Они основаны на технологии блокчейн, что обеспечивает их децентрализацию и безопасность.

Смарт-контракты – это только инструмент волеизъявления в сделке, который отличается от традиционных договоров в первую очередь своими техническими особенностями. Смарт-контракты основаны на использовании технологии блокчейн, что обеспечивает их децентрализацию и невозможность изменения данных после их записи. Блокчейн – это распределенная база данных, которая хранит информацию в виде блоков, каждый из которых содержит информацию о предыдущем блоке, что обеспечивает целостность данных и невозможность их фальсификации.

Смарт-контракты также отличаются автоматическим исполнением. При наступлении определенных условий смарт-контракты автоматически выполняют заданные в них действия. Например, если условие выплаты определенной суммы денег выполнено, смарт-контракт автоматически осуществляет перевод денежных средств на соответствующий счет. Это позволяет автоматизировать процессы и повысить их эффективность.

Правовое регулирование смарт-контрактов является важным аспектом их использования в хозяйственной деятельности. В различных юрисдикциях уже существуют законодательные акты и нормативные документы, которые регулируют использование смарт-контрактов. Например, в США существует UCC (Uniform Commercial Code), который устанавливает правила для использования электронных контрактов. В Республике Беларусь смарт-контракты регулируются такими нормативными правовыми актами, как Декрет Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 № 8 «О развитии цифровой экономики», Декрет Президента Республики Беларусь от 22.09.2005 № 12 «О Парке высоких технологий». Однако данное регулирование остается все еще поверхностным и правовые аспекты смарт-контрактов требуют дальнейшего развития и уточнения.

При использовании смарт-контрактов возникают правовые риски и ограничения, которые необходимо учитывать. Например, возможны ошибки в программном коде смарт-контракта, которые могут привести к нежелательным последствиям. Важно учитывать также вопросы конфиденциальности и защиты данных, особенно при использовании смарт-контрактов в сфере финансов или медицины.

Важным аспектом правового регулирования смарт-контрактов является вопрос их юридической обязательности. В некоторых странах, смарт-контракты имеют статус правовых документов и признаются судами. Однако в других странах существуют сомнения в юридической обязательности смарт-контрактов, так как они не всегда соответствуют традиционным требованиям к заключению контракта (например, отсутствие подписей сторон).

Если рассмотреть возможность применения смарт-контрактов в хозяйственной деятельности, то стоит отметить, что они могут использоваться при осуществлении различных видов хозяйственной деятельности, например, для автоматизации процессов закупок и поставок в сфере электронной коммерции; для автоматического исполнения финансовых операций и расчетов. В сфере недвижимости смарт-контракты могут использоваться для автоматизации процессов покупки, продажи и аренды недвижимости.

Однако, несмотря на многочисленные преимущества смарт-контрактов, их использование также сопряжено с рисками. Во-первых, технические проблемы, такие как ошибки в программном коде или атаки хакеров, могут привести к нарушению исполнения смарт-контрактов и потере средств. Во-вторых, возможны ситуации, когда условия смарт-контракта не могут быть выполнены, например, из-за изменения законодательства или непредвиденных обстоятельств. В таких случаях, возникает вопрос о применении традиционного права и решении споров.

Смарт-контракты являются важным инструментом в современной хозяйственной деятельности. Они позволяют автоматизировать процессы, увеличить эффективность и минимизировать риски. Однако для успешного использования смарт-контрактов необходимо учитывать их правовое регулирование. Необходимо разработать и усовершенствовать нормативные акты, которые устанавливали бы правила использования смарт-контрактов в различных сферах деятельности. Важно учитывать также возможные риски и ограничения, связанные с использованием смарт-контрактов, и разрабатывать механизмы для их решения.

Завало Е. Н.

КРИМИНАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Завало Елизавета Николаевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета г. Минск, Беларусь, haspadar204@bsu.by

Научный руководитель – доктор юрид. наук, профессор Бондаренко Н. Л.

В различной литературе и исследованиях встречаются несколько терминов, которые обозначают на практике довольно близкие по смыслу и часто пересекающиеся понятия, но несколько различающиеся между собой. Основным термином выступает «криминальное предпринимательство», однако его можно рассмотреть и в иных видах и аспектах.

Определение предпринимательской деятельности дано в ст. 1 Гражданского кодекса Республики Беларусь. Если же говорить кратко, то это деятельность, которую можно определить, как отношения между субъектами, целью которых является систематическое получение прибыли. Законодателем предусмотрен ряд условий, необходимых для ее легального осуществления. Однако, многие пренебрегают этими условиями и начинают осуществлять предпринимательскую деятельность нелегально, что и приводит к развитию криминального предпринимательства в Республике Беларусь.

Криминальное предпринимательство является по своей сути нелегальным видом первичного предпринимательства. Также, являясь важнейшим признаком организованной преступности, предполагает совершение преступлений, связанных с криминальным сектором «теневой экономики». Криминальный бизнес (предпринимательство) представляет собой систему противоправных, уголовно наказуемых экономических отношений в процессе производства, распределения, обмена и потребления, материальных благ и услуг с целью получения сверхдоходов.

Криминальное предпринимательство можно поделить на:

- 1) скрытую предпринимательскую деятельность;
- 2) неформальную предпринимательскую деятельность;
- 3) нелегальную предпринимательскую деятельность.

Под скрытой предпринимательской деятельностью понимают экономическую деятельность в большинстве случаев законную, однако которая скрывается или преуменьшается осуществляющими ее единицами

с целью уклонения от уплаты налогов, социальных взносов или выполнения определенных административных обязанностей, или предписаний по охране труда, выполнению санитарных и других норм. Эта деятельность может осуществляться практически во всех отраслях экономики. К примеру, подпольное производство алкоголя.

Неформальное предпринимательство осуществляется в основном также на законных основаниях индивидуальным предпринимателем или организациями, например, домашними хозяйствами, которые часто не оформляются в установленном порядке. Основа их – неформальные отношения между участниками производства. В Российской Федерации значительное распространение неформальной предпринимательской деятельности имеет место в сельском хозяйстве, в торговле, в строительстве, а в Республике Беларусь наиболее развито это в сельском хозяйстве.

Нелегальная предпринимательская деятельность охватывает те виды товаров и услуг, которые прямо запрещены законом. Наиболее яркие примеры в Республике Беларусь – это производство и продажа наркотиков, производство и сбыт оружия, проституция и т. д. Каждый вид подразумевает осуществление экономической деятельности с целью получения экономической выгоды от производства товаров или услуг, а также их последующей реализации на «теневом» рынке. Однако все эти виды деятельности, согласно рекомендации СНС от 1993 г., должны включаться в границы производства и учитываться при расчете стандартных экономических показателей.

Криминальное предпринимательство в целом оказывает значительное негативное влияние на хозяйственную деятельность в Республике Беларусь. Основные и часто возникающие последствия:

- нарушение законов, правил, предписаний, которые предприниматели обычно не соблюдают, что приводит к конкуренции, ущемлению прав потребителей и неправильному функционированию рынка;
- негативное влияние на бизнес-среду, что может привести к дестабилизации рынка и отторжению инвесторов;
- ущемление действительно легальных предпринимателей, т. е. криминальные предприниматели часто занимаются незаконной конкуренцией, включая контрабанду, подделку товаров и нелегальную торговлю. Это может нанести ущерб легальным организациям, которые попросту не могут конкурировать с низкими ценами или незаконными методами осуществления предпринимательской деятельности;
- потеря доходов и налогов: криминальное предпринимательство производит определенный объем скрытых доходов, при этом уклоняясь от уплаты налогов, что приводит к потере доходов государства. Это может оказать негативное влияние на финансирование социальных программ и развитие страны;
- не стоит забывать и про то, что криминальное предпринимательство – это уголовно наказуемое деяние, т. е. может привести к организованной преступности, которая может создавать угрозу для общества и безопасности граждан.

В целом криминальное предпринимательство оказывает негативное влияние на хозяйственную деятельность Республики Беларусь, подрывая законность, конкуренцию и экономическое развитие страны.

Для того, чтобы предотвратить осуществление криминального предпринимательства требуется комплексный подход, который будет включать в себя и усиление правоохранительных органов, ужесточение наказания, повышение прозрачности и осведомленности их, а также гармоничное сотрудничество с бизнес-сообществами мировой арены для развития экономики страны.

Криминальное предпринимательство всегда предотвращали, предотвращают и будут предотвращать для соблюдения норм, прав и законных интересов общества, для того чтобы приносить только реальные доходы для развития экономической деятельности Республики Беларусь.

Золотарев И. В.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ В СФЕРЕ ЖКХ

Золотарев Иван Валерьевич, аспирант кафедры публичного права России и зарубежных стран Марийского государственного университета, г. Йошкар-Ола, Россия, zolotivan@gmail.com

Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Михеева Т. Н.

Цифровизация является неотъемлемой частью современного общества, и сфера жилищно-коммунального хозяйства не исключение. Внедрение цифровых технологий в ЖКХ имеет большой потенциал для повышения эффективности управления, оптимизации ресурсов и улучшения качества предоставляемых услуг. Правовое регулирование цифровизации в ЖКХ играет важную роль в обеспечении прав граждан и защите их интересов.

Основной проблемой цифровизации отрасли, на наш взгляд, является отставание правового регулирования от реального внедрения цифровых инноваций со стороны управляющих компаний. В России в 2016 г. создана информационная система ГИС ЖКХ (Федеральный закон от 21.07.2014 № 209-ФЗ «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства»). В указанной системе содержится информация о коммунальных услугах, жилом фонде, управляющих организациях и т. д. По сути, данный Федеральный закон является единственным, регулирующим применение цифровой платформы в сфере жилищно-коммунального хозяйства.

Далее нормативно-правовое регулирование осуществляется путем вынесения указов Президента Российской Федерации (например, Указ от 09.05.2017 г. № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», постановлений Правительства Российской Федерации (например, Распоряжение Правительства РФ от 27.12.2021 № 3883-р (ред. от 13.10.2022) «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации строительной отрасли, городского и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации до 2030 года»).

В ряде регионов России также создаются местные цифровые платформы, которые вводятся в действие региональными законами. В качестве таковых следует отметить платформу «Наш город», действующую на территории Москвы, и аналогичную платформу «Добродел», действующую на территории Московской области. Данные платформы разработаны с целью улучшения качества оказываемых коммунальных услуг через активное участие граждан в жизни регионов. На порталах каждый житель может сообщить о проблемах, в том числе и в сфере жилищно-коммунального хозяйства и проконтролировать качество устранения этих проблем. Указанные цифровые решения зарекомендовали себя с положительной стороны, действуют много лет и получают положительные отклики от жителей.

По нашему мнению, этот положительный опыт следует распространить и на другие регионы России, что позволит улучшить качество оказываемых коммунальных услуг, оперативность рассмотрения заявок и устранения недостатков, а также повысит прозрачность расходования денежных средств на содержание общедомового имущества.

Стоит согласиться с Т. И. Никифоровой и Н. И. Нижальской, которые в качестве одной из проблем внедрения цифровых технологий в жилищно-коммунальное хозяйство указывают невысокий потенциал тиражирования удачных региональных и городских практик в области цифровизации жилищно-коммунального хозяйства в силу региональной, муниципальной специфики (Никифорова Т. И., Нижальская Н. И. Цифровизация ЖКХ как основа развития отрасли // Индустриальная экономика. 2022. № 4, т. 2. С. 125–129).

Для решения поставленной задачи необходимо принятие федерального закона, который позволит создать в каждом регионе России цифровые платформы, аналогичные действующим в Москве и Московской области.

Помимо внедрения цифровых платформ в каждом регионе России, в данном федеральном законе необходимо предусмотреть интеграцию их с цифровыми решениями управляющих организаций.

Это необходимо для оперативного реагирования на обращения граждан и устранения нарушений. Зачастую собственники жилых помещений обращаются по факту тех или иных недостатков не напрямую в управляющую компанию, а в органы жилищного надзора, которые, в свою очередь, рассмотрят обращение в установленные Федеральным законом от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» 30 дней (ч. 1 ст. 12). Предусмотренная же принятым федеральным законом интеграция региональных цифровых платформ и цифровых систем управляющих организаций позволит последним оперативно решить проблему собственника жилого помещения.

В заключение хочется подчеркнуть, что правовое регулирование цифровизации в сфере ЖКХ играет важную роль в защите прав граждан. Законы должны гарантировать равноправный доступ к цифровым сервисам и информации, а также обеспечивать прозрачность и контроль в процессе цифровизации.

Койфман М. А.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

*Койфман Михаил Александрович, студент 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь, 6200602@gmail.com*

Научный руководитель: преподаватель Мешкова Н. А.

Согласно ст. 45 Конституции Республики Беларусь «гражданам Республики Беларусь гарантируется право на охрану здоровья...», а в качестве одного из аспектов, способствующих реализации данного права, выступает право на осуществление хозяйственной деятельности, в качестве одного из видов которой выступает фармацевтическая деятельность.

Основой регулирования фармацевтической деятельности и фармакопеи является Закон Республики Беларусь от 20 июня 2006 г. № 161-З «Об обращении лекарственных средств», в котором закреплены такие дефиниции, как аптека, лекарственное средство, фармакопейная статья и др. Осуществление фармацевтической деятельности и фармакопеи основывается на следующих принципах: государственное регулирование обращения лекарственных средств; доступность лекарственных средств; поддержка и развитие международного сотрудничества.

Обратим внимание, что Указом Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2019 г. № 499 «Об обращении лекарственных средств» было создано государственное учреждение «Государственный фармацевтический надзор в сфере обращения лекарственных средств «Госфармнадзор», осуществляющий государственный фармацевтический надзор за обращением лекарственных средств в форме выборочных, внеплановых проверок, мониторингов, мероприятий технического характера и иных мер профилактического и предупредительного характера в соответствии с законодательством о контрольной (надзорной) деятельности. Для разработки и производства фармацевтической продукции в Республике Беларусь Указом Президента от 25 июля 2017 г. № 258 «О холдинге по производству фармацевтической продукции» 25 августа 2018 г. создан холдинг «Белфармпром».

Заметный скачок в развитии фармацевтической деятельности в Республике Беларусь произошел в 2020 г. Это связано с тем, что во время распространения COVID-19 произошло перераспределение в потребительском спросе населения на товары и услуги, а также тот факт, что в стране имеется собственное фармацевтическое производство, которое поддерживается государством. Однако пандемия оставила и негативные последствия в сфере фармацевтики. Так, несмотря на резкий рост производства, экспорт фармацевтической продукции в тоннах в 2020 и 2021 гг. несколько снизился. Это было связано с тем, что часть продукции, произведенной на экспорт, была переориентирована и поставлена здравоохранению на внутренний рынок.

Посредниками между гражданами и лекарственными средствами выступают аптеки. Согласно Закону Республики Беларусь 14 октября 2022 г. № 213 «О лицензировании фармацевтической деятельности» для осуществления рассматриваемой деятельности необходимо иметь лицензию Министерства здравоохранения. В соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь 19 мая 2020 г. № 298 «О государственной регистрации медицинских изделий, лекарственных средств и фармацевтических субстанций» все лекарственные средства должны быть зарегистрированы. Постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 27 декабря 2006 г. № 120 «Об утверждении Надлежащей аптечной практики» также требует соблюдения определенных правил работниками аптек. Приведенные нормы фактически представляют собой легальные барьеры, наличие которых обосновано значимостью рассматриваемой сферы.

Тем не менее пандемия COVID-19 обнажила некоторые проблемы в работе аптек и их работников, вследствие чего постановление Совета Министров Республики Беларусь от 3 марта 2020 г. № 130 «Об утверждении специфических санитарно-эпидемиологических требований» закрепило некоторые обязательные для работников аптек требования на законодательном уровне. Например, работники аптек первой категории, занятые изготовлением лекарственных форм в асептических условиях, при входе в шлюз асептического блока должны надеть сменную обувь, вымыть руки и провести гигиеническую антисептику рук, надеть стерильную СО, головной убор, бахилы, маску. Сменную обувь работников асептического блока после использования необходимо подвергать дезинфекции и хранить в закрытых шкафах (ящиках) в шлюзе асептического блока.

Таким образом, в Республике Беларусь создана правовая основа осуществления фармацевтической деятельности, которая постоянно развивается ввиду трансформации общественных отношений.

Лапицкий С. О.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

*Лапицкий Савелий Олегович, студент 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь, Lapat2004@gmail.com*

*Научный руководитель: магистр юрид. наук, старший преподаватель
Максименко Е. В.*

На сегодняшний день индивидуальное предпринимательство занимает важное место в экономике Республики Беларусь. Это обусловлено рядом факторов.

Во-первых, предпринимательская деятельность является средством обеспечения человека, так как все потребляемые людьми материальные и нематериальные блага производят люди в процессе хозяйственной деятельности.

Во-вторых, предпринимательство является инструментом, способствующим развитию экономики, поскольку предприниматели максимально быстро способны реагировать на изменения рынка и запросы общества.

В Республике Беларусь ряд нормативных правовых актов определяют порядок создания, деятельность и прекращение данной формы хозяйствования, а также регламентируют меры поддержки, дополнительные гарантии, в частности Закон Республики Беларусь от 1 июля 2010 г. № 148-З «О поддержке малого и среднего предпринимательства».

Главным признаком индивидуального предпринимателя является хозяйственная и юридическая самостоятельность.

Основные отличия индивидуального предпринимателя и юридического лица состоят в следующем:

1) у лица, зарегистрированного как индивидуальный предприниматель, нет разделения на имущество в коммерческом обороте и личное имущество;

2) у индивидуального предпринимателя нет руководящего органа, он самостоятельно управляет своими хозяйственными и прочими операциями. Индивидуальный предприниматель не имеет фирменного наименования, он выступает под своим настоящим именем;

3) индивидуальные предприниматели имеют ограничения по некоторым видам деятельности;

4) регистрация индивидуального предпринимателя требует меньших затрат и формальностей, чем регистрация юридического лица;

5) индивидуальный предприниматель может нанимать до трех работников, в то время как юридическое лицо имеет больше возможностей для расширения штата;

6) учет бухгалтерии у индивидуального предпринимателя проще, особенно при использовании упрощенной системы налогообложения;

7) индивидуальный предприниматель может свободно распоряжаться всей прибылью после уплаты налогов, в то время как юридическое лицо имеет ограничения и должно направлять средства на развитие организации;

8) прекращение деятельности проще и быстрее, чем прекращение деятельности юридического лица, требующее выполнения дополнительных процедур.

В 2021–2022 гг. проводилось реформирование порядка налогообложения предпринимательской деятельности, с 2023 г. действуют изменения, затронувшие налогообложение индивидуальных предпринимателей и самозанятых граждан. В качестве задач ставилось увеличение участия малого бизнеса в финансировании государственных расходов и выравнивание налоговой нагрузки предпринимателей.

Эти меры приняты также в целях стимулирования индивидуальных предпринимателей к созданию юридических лиц и уменьшения количества злоупотреблений, в том числе использования схем ухода от налогов недобросовестных индивидуальных предпринимателей, таких как:

– минимизации налогов с применением дробления бизнеса. Это ситуация, когда компания с целью снизить совокупную налоговую нагрузку намеренно дробит основной бизнес на два, три, пять и даже более субъектов (предпринимателей или компаний) с аналогичным видом деятельности и получает необоснованную налоговую выгоду;

– замена гражданско-правовых отношений трудовыми, под этим подразумевается заключение договора между фиктивной организацией с целью увеличения количества «рабочих рук».

В целом государство стимулирует развитие предпринимательства с целью перехода индивидуальных предпринимателей на новый уровень. Малый бизнес должен иметь возможность расти, что дает большой стимул к развитию более серьезных коммерческих организаций в стране.

Низовцов И. А.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЛОГИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

*Низовцов Игорь Александрович, студент 4 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь, igornizovtsov@mail.ru*

Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Бондаренко Н. Л.

Логистические отношения представляют собой урегулированные правом общественные отношения, складывающиеся в процессе управления логистическим комплексом и логистическими потоками. В данном ключе предмет правового регулирования логистических отношений представляется в большей мере механизмом, выражающимся в целенаправленных действиях субъектов по рациональному распределению ресурсов. *Следовательно, можно сделать вывод о первоочередном применении правовых норм кондиционного характера, определяющих правила поведения субъектов логистической деятельности.* Помимо технических регламентов присутствует необходимость в материальных нормах, закрепляющих положения о логистических и инфраструктурно-пруденциальных правоотношениях, субъектах логистики и принципах их взаимодействия. *Соответственно, логистическая деятельность требует особого кондиционного и материального регулирования.*

Рассмотрим, что показал анализ правового регулирования логистических правоотношений.

1. Логистические правоотношения в Республике Беларусь фрагментарно регулируются множеством нормативных актов международного и национального характера. Прежде всего – нормы международного характера: Конвенция о договоре международной перевозки грузов автомобильным транспортом (КДПГ), Соглашение о международном железнодорожном грузовом сообщении (СМГС) и Соглашение о международном железнодорожном пассажирском сообщении (СМПС) и др. Необходимо отметить, что субъектами используются и обычные нормы, не подлежащие

официальной ратификации: ИНКОТЕРМС и УНИДРУА. Национальное законодательство представлено Законами «Об автомобильном транспорте и автомобильных перевозках», «О железнодорожном транспорте», Правилами перевозок железнодорожным транспортом общего пользования (утверждены постановлением Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь от 21 апреля 2008 г. № 58), принято постановление Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 24 октября 2012 г. № 9 для разъяснения вопросов при рассмотрении дел, возникающих из договоров автомобильной перевозки грузов и транспортной экспедиции. Однако специального нормативного правового акта, регулирующего логистическую деятельность, в Республике Беларусь нет.

2. В силу того, что нормативное регулирование логистической деятельности носит различную правовую природу, метод правового воздействия на рассматриваемые правоотношения не является строго определенным и однозначным.

Названные выше нормы международного назначения не определяют единого подхода к определению метода правового регулирования. Так, метод КДПГ представляет собой в большей мере императивный характер, нормы диспозитивного характера присутствуют лишь в ст. 24, 40. В отличие от КДПГ, СМГС имеет большое количество диспозитивных норм: ст. 24, 26, 31. УНИДРУА и ИНКОТЕРМС в свою очередь практически не устанавливают жестких правил для субъектов логистики, а лишь способствуют их эффективному взаимодействию. Так, стороны могут исключить применение установленных правил, отступать от них или изменять содержание любого из их положений, если иное не предусмотрено Принципами (ст. 1.5 УНИДРУА 2010).

Подход законодателя Республики Беларусь является более определенным: в большей мере используется императивный метод с исключениями в виде отсылок к международным договорам и волеизъявлению сторон. К примеру, если иное не установлено международными договорами Республики Беларусь, выполнение внутриреспубликанских автомобильных перевозок автомобильными перевозчиками иностранных государств не допускается... (ст. 19 Закона «Об автомобильном транспорте и автомобильных перевозках»). Правила перевозок представляют собой нормы технического (кондиционного) характера, которые также характеризуются преобладающей императивностью норм. *Прагматично рассматривать метод правового регулирования логистических правоотношений в Республике Беларусь как императивно-диспозитивный.*

3. Исследование правового регулирования логистической деятельности обозначает проблему выделения логистического права из общей системы хозяйственных отношений. Актуальные практика и доктрина доказывают необходимость обособления логистического права в особую отрасль права. Однако в ходе урегулирования логистических и иных смежных отношений, касающихся менеджмента, пруденциального права и других общественных отношений присутствует отраслевое пересечение источников. *Логичным, по*

нашему мнению, является подход выделения логистического права в самостоятельную отрасль права среди иных отраслей хозяйственной сферы, несмотря на то, что источники регулирования не всегда являются исключительно «логистическими».

Подводя итог исследованию правового регулирования логистических отношений в Республике Беларусь, предлагаем следующие выводы:

1) правовое регулирование логистической деятельности носит в большей степени кондиционный характер, источники правового регулирования носят различную правовую природу и сущность, что в итоге определяет императивно-диспозитивный метод правового регулирования;

2) на данном этапе исследования актуальной становится задача выделения логистических отношений в отдельную отрасль права, чему корреспондирует ряд актуальных предпосылок;

3) необходимой является разработка специального нормативного правового акта, регулирующего логистическую деятельность, – Закона Республики Беларусь «О логистической деятельности».

Орловский Р. В.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ РЕКЛАМНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

*Орловский Руслан Витальевич, студент 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
rrruslanooorlovskiy@mail.ru*

Научный руководитель: преподаватель Мешкова Н. А.

Рекламная деятельность представляет собой один из видов хозяйственной деятельности, имеющий важное значение, ведь в результате ее осуществления может, например, увеличиться спрос на товар, что способствует достижению экономического эффекта. Сущность рекламы заключается в сосредоточении информации об объекте рекламирования (независимо от вида рекламной деятельности). Восприятие, обеспечивающее привлечение внимания к объекту рекламирования и поддержания интереса к нему, обеспечивается с помощью осуществления деятельности, являющейся творческой.

В Республике Беларусь, как и в других странах, рекламной деятельности уделяется пристальное внимание. Так, например, в ст. 2 Закона Республики Беларусь от 10 мая 2007 г. № 225-З «О рекламе» (далее – Закон о рекламе) закреплены следующие дефиниции: контрреклама; мультимедийная реклама (контрреклама); наружная реклама; ненадлежащая реклама; нетабачное никотиносодержащее изделие; объект рекламирования (продукция, товар, работа или услуга); площадь рекламы (контррекламы); потребитель рекламы; реклама; рекламная деятельность; рекламная игра; рекламоделец; рекламопроизводитель; рекламораспространитель; слабоалкогольный напиток; социальная реклама; средство наружной рекламы; средство рекламы; эквивалентный уровень звука.

Анализ норм, содержащихся в Законе о рекламе позволяет констатировать, что в Республике Беларусь Закон о рекламе формирует категориально-понятийный аппарат рекламной деятельности, а также позволяет определить ее организационную и правовую конструкцию (объект правоотношений, субъектный состав, объективную и субъективную сторону, механизм и методологию осуществления рекламной деятельности, имеющий юридическое значение результат ее осуществления, а также институциональную среду).

Таким образом, рекламная деятельность представляет собой хозяйственную деятельность, которая может быть творческой деятельностью, основным нормативным правовым актом, регулирующим которую, является Закон о рекламе.

Сасс А. В.

ИСТОКИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЕРТИКАЛЬНЫХ МОНОПОЛИСТИЧЕСКИХ СОГЛАШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

*Сасс Антон Вячеславович, аспирант кафедры хозяйственного права
Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
anthony.sass@yandex.by*

Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Функ Я. И.

Вертикальные монополистические соглашения – достаточно новое явление для отечественной правовой системы. По сути, их полноценное правовое регулирование возникло с принятием Закона Республики Беларусь от 12 декабря 2013 г. № 94-З «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» (далее – Закон № 94-З).

При этом в доктрине встречается мнение, согласно которому именно в рамках Закона № 94-З впервые для отечественной правовой системы все антиконкурентные соглашения между хозяйствующими субъектами было предложено разделить на подвиды, одним из которых стали вертикальные соглашения. Это не совсем верно.

Термин «вертикальные соглашения» и даже его дефиниция впервые в праве независимой Беларуси встречаются во Временных методических рекомендациях по выявлению и пресечению антиконкурентных ценовых соглашений, утвержденных приказом Государственного комитета Республики Беларусь по антимонопольной политике от 31 января 1994 г. № 5 (далее – Временные методические рекомендации).

Строго говоря, данный документ не является нормативным правовым актом Республики Беларусь, т. е. актом, содержащим общеобязательные правила поведения, рассчитанные на неопределенный круг лиц, и в совокупности отвечающим иным необходимым признакам. Но к таким актам относится документ, заменивший Временные методические рекомендации, а именно Инструкция по выявлению и пресечению антиконкурентных

соглашений (согласованных действий) о ценах, утвержденная постановлением Министерства предпринимательства и инвестиций Республики Беларусь от 28 апреля 2000 г. № 9 (далее – Инструкция).

Несмотря на изменения в названии и статусе документов, содержание самих норм не претерпело существенных изменений. Для нас одним из ключевых положений является п. 1 Инструкции – он же и п. 1 Временных методических рекомендаций – устанавливающий, что «Законом Республики Беларусь “О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции” определены два типа ценовых соглашений, имеющих или могущих иметь своим результатом ограничение конкуренции и являющихся объектами его применения: горизонтальные и вертикальные соглашения». Детализация этой нормы содержится в подп. 1.2 п. 1 Инструкции, закрепляя дефиницию вертикальных соглашений.

И хотя в обоих случаях данные соглашения именуются «ценовыми» (что по состоянию на сегодняшний день не характерно для правовых норм, составляющих сферу антимонопольного регулирования), значимость этих положений очевидна: законодатель посредством утверждения Инструкции провел параллель между положениями подп. 1.2 п. 1 Инструкции и положениями п. 2 ст. 6 Закона Республики Беларусь от 10 декабря 1992 г. № 2034-XII «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции», подтвердив тем самым, что под соглашениями, описанными п. 2 указанной статьи Закона, понимаются именно вертикальные соглашения, поскольку их дефиниция, закрепленная в подп. 1.2 п. 1 Инструкции, полностью построена на содержании п. 2 ст. 6 Закона.

При этом сам термин «вертикальное соглашение» в Законе № 2034-XII действительно не упоминается, несмотря на многочисленные изменения, внесенные в его текст в 2000, 2002, 2008, 2010 и 2011 гг.

Подобное обстоятельство наводит на мысль, что указанные правовые акты (Временные методические рекомендации и Инструкция) в обоих случаях носили локальный характер по признаку цели принятия; иначе говоря, не ставили перед собой задачи нормативного закрепления и развития правового регулирования вертикальных монополистических соглашений в Беларуси, а скорее были направлены на определенную систематизацию правоприменительной практики в рамках деятельности профильного органа государственного управления (регулятора).

Данный тезис подтверждается тем, что большинство положений рассматриваемых правовых актов носит разъяснительный характер, а также указанием, содержащимся в Преамбуле Инструкции, на то, что данная Инструкция «предназначена для использования специалистами Министерства предпринимательства и инвестиций Республики Беларусь в работе по выявлению и пресечению антиконкурентных ценовых соглашений (согласованных действий)».

Отсюда следует, что пусть первым отечественным нормативным правовым актом, действительно использовавшим термин «вертикальные

соглашения» в праве Беларуси, является Инструкция, данный документ не следует считать нормативным правовым актом широкого применения.

Первым нормативным правовым актом широкого применения, закрепившим термин «вертикальное соглашение» в праве Беларуси, стало Соглашение о единых принципах и правилах конкуренции, заключенное в 2010 г. между Республикой Беларусь, Республикой Казахстан и Российской Федерацией, после него – Модельный закон «О конкуренции», утвержденный решением Высшего Евразийского экономического совета от 24 октября 2013 г. № 50, а уже после этого – Закон Республики Беларусь от 12 декабря 2013 г. № 94-З «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции».

Сопот Г. К.

ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Сопот Георгий Кириллович, студент 4 курса Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины, г. Гомель, Беларусь, sopotgeorgiy@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Брилёва В. А.

История становления института социального предпринимательства как одного из эффективных методов решения социальных задач, поставленных перед обществом и государством, имеет различные истоки своего развития в разных государствах мира. Занимаемое положение данного института в правовой системе, сознании граждан и необходимость его становления и развития позволяет нам проследить историю создания и выявить определенные черты, присущие разным государствам в зависимости от географических и культурных условий. На основании этого выделяются определенные предпосылки для разных регионов мира.

Рассмотрим факторы, которые повлияли на развитие данного института в Западной Европе.

Традиционно считается, что зарождение данного вида деятельности произошло в Северной Америке, а точнее в США, и в Европе. Более того, до 2005 г. концепции в становлении этого института в этих регионах происходили симметрично, т. е., не имея ничего общего друг с другом.

Рассматривая этот институт до начала Второй мировой войны, можно заметить, что в Западной Европе еще в то время начали стремительно развиваться новые формы упорядочения юридических лиц, такие как некоммерческая организация (nonprofit organization). Это было связано с принятием серий законов, связанных с улучшением социальной политики государств по поддержанию приемлемого уровня жизни населения. В послевоенные годы перед правительствами государств резко стала задача борьбы с бедностью, а также улучшения жилищных условий. Для решения данного вопроса некоммерческие организации подходили достаточно хорошо со своей социальной ориентацией деятельности.

Яркий пример стремительного развития представляет Италия. Социальным кооперациям в этом государстве отводится пристальное внимание, что выражается закреплением в Конституции Италии 1947 г. Высший закон фактически признал за кооперациями социальную функцию и закрепил поддержку всеми необходимыми средствами, содействуя развитию кооперации, поощряя ее необходимыми средствами и обеспечивая путем надлежащего контроля характер и цели кооперации.

Более того, закрепленное в норме закона содействие развитию коопераций, в дальнейшем выразилось сначала в Законе о социальной кооперации 1991 г. № 381, а затем и в Законе о социальном предпринимательстве 2006 г. № 155.

В начале 1970-х гг. Западная Европа столкнулась с новым рывком поиска демократического порядка жизнеустройства и стремлением к равноправию во всех сферах жизни общества, что стало катализатором в развитии общественных движений и некоммерческих организаций, которые активно способствовали решению социальных вопросов.

Одновременно в Европе появляются нарастающие финансовые и организационные проблемы в социальной сфере, вызванные трудностями в адаптации к происходящим технологическим сдвигам и глобализации.

Продолжение неуклонного падения экономики привело к необходимости принятия на вооружение государствами более жесткой политики в социальной сфере, выразившейся в социальной реформе. Данная реформа предполагала разработку программы предоставления услуг нуждающимся. Государства устанавливали нововведение в виде децентрализации власти на местах в сфере разработки социальной политики, а также переход на активную борьбу с безработицей в виде разработки новой политики.

Начало 1970-х гг. дает новое дыхание для правозащитных организаций и общественных групп в деятельности по осуществлению социальных услуг. Примером законодательного развития становится Португалия, где урегулируются отношения между социальными предпринимателями и обществом. Первым правовым актом становится Указ 1974 г. № 441-А/82. На данном этапе в центре социальной помощи становятся родители детей с инвалидностью. Однако при дальнейшем развитии законодательства: принятия Указа 1998 г. № 323/81 и Закона от 15 января 1998 г. № 7/98 круг объектов становится намного шире.

1980-е и 1990-е гг. продолжают содействовать развитию осуществления социальных обязательств государства этими субъектами.

Примером служит Испания со своим законом 1999 г. № 27, определявшим регулирование на законодательном уровне кооперативов социальной интеграции, а также закон Франции от 28 июня 2001 г., введивший специальную форму для социального предпринимательства – социальные кооперативы общего интереса.

Таким образом, факторами, повлиявшими на становление института, можно считать:

- 1) стремительное развитие некоммерческих организаций как хорошо подходящего способа борьбы с бедностью в послевоенные годы;
- 2) кризис в социальной сфере 1970-х гг., подтолкнувший к ведению жесткой политики, выразившейся в проведении социальной реформы;
- 3) передача части социальной ответственности государства некоммерческим организациям и общественным группам;
- 4) законодательное закрепление формы социального предпринимательства в государствах.

Тхарёва М. Г.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА И КОНЦЕССИИ В РАЗВИТИИ СФЕРЫ СПОРТА

Тхарёва Марина Геннадьевна, аспирант Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, tharevamarina@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Куницкая О. М.

В современном мире сфера спорта представляет собой важное социокультурное и экономическое явление, оказывающее воздействие на общество и государство. В этом контексте развитие сферы спорта становится одной из важных задач, требующих инвестиций. Государственно-частное партнерство (далее – ГЧП) выделяется как один из ключевых инструментов объединения ресурсов государства и частного сектора для совместного развития спортивной сферы и внедрения инновационных подходов.

Ввиду изначального формирования механизма ГЧП в западных государствах их законодательство служило примером для формирования отечественного. В мировой практике используется довольно широкий перечень форм взаимодействия публичного и частного сектора, и типология этих форм в каждой стране зависит от множества факторов, включая экономическое развитие государства, роль государства в экономике, систему правоотношений и др. Во многих зарубежных странах (например, Франция, Италия, Германия, Российская Федерация) наряду с ГЧП рассматривается и концессия, которая выступает в качестве одной из правовых форм ГЧП, используемых в сфере спорта.

В Республике Беларусь согласно инвестиционному законодательству ГЧП и концессия наравне являются способами осуществления инвестиций, представляя собой самостоятельные институты. Так, Закон Республики Беларусь от 30.12.2015 № 345-З «О государственно-частном партнерстве» (далее – Закон о ГЧП) содержит понятие ГЧП, которое представляет собой сотрудничество государственного и частного партнеров в целях объединения ресурсов и распределения рисков, отвечающее целям, задачам и принципам, определенным Законом о ГЧП, осуществляемое в форме соглашения о ГЧП (абз. 4 ч. 1 ст. 1). Закон о ГЧП предусматривает использование механизма ГЧП в сфере спорта в отношении соответствующего объекта инфраструктуры путем осуществления инвестиций в создание и (или) модернизацию объекта инфраструктуры, в том числе проектирование (при

необходимости), а также в техническое обслуживание и (или) эксплуатацию этого объекта.

Концессия же согласно действующему законодательству – основанные на концессионном договоре право владения и пользования объектом концессии или право на осуществление вида деятельности, на осуществление которого распространяется исключительное право государства (далее – виды деятельности) (абз. 8 ч. 2 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 63-З «О концессиях»). Объекты концессии ограничены (недра, воды, леса; объекты, находящиеся только в собственности государства; виды деятельности) и определены Законом Республики Беларусь от 15 июля 2010 г. № 169-З «Об объектах, находящихся только в собственности государства, и видах деятельности, на осуществление которых распространяется исключительное право государства». При этом в Республике Беларусь Указом Президента утвержден перечень объектов, предлагаемых для передачи в концессию, это участки недр для добычи и выявления месторождений полезных ископаемых.

Соотнося признаки ГЧП и признаки концессии, последняя не может относиться к одной из форм ГЧП согласно действующему законодательству ввиду отсутствия совместного несения расходов по содержанию объекта концессии, распределения рисков и ответственности. Помимо этого, сложность в применении концессии в сфере спорта также составляет предлагаемый и ограниченный перечень видов концессионных договоров: полный концессионный договор; концессионный договор о разделе продукции; концессионный договор об оказании услуг (выполнении работ). Они распространяются только в отношении продукции, ее производства (переработки, раздела). Применяя концессию в сфере спорта сложно говорить о производстве продукции. В то же время в сфере спорта могли бы оказываться услуги с использованием предоставленного права владения и пользования имуществом, находящимся в государственной собственности, поскольку само содержание понятия концессии допускает это. Это выражается в правомочии пользования, согласно которому концессионер вправе извлекать полезные свойства от предоставленного имущества не только в виде продукции, но также и в виде доходов, которые могут быть получены ввиду оказания услуг в сфере спорта.

Таким образом, в Республике Беларусь концессия в соответствии с законодательством не относится к форме ГЧП, ее применение возможно только в сфере недропользования. Наличие ограничительного характера содержания понятий видов концессионных договоров и ограниченного перечня объектов, предлагаемых для передачи в концессию, затрудняет применение концессии в сфере спорта.

Аджиева А. В.

УСТАНОВЛЕНИЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ, РОЖДЕННЫХ СУРРОГАТНОЙ МАТЕРЬЮ

Аджиева Анастасия Вадимовна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г Минск, Беларусь, nastya002543@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Короткевич М. П.

В настоящее время отношения между родителями и детьми основываются на происхождении ребенка. Так, согласно ст. 51 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС), происхождение ребенка от матери устанавливается на основании факта рождения. Однако при применении суррогатного материнства происхождение ребенка должно устанавливаться не от женщины, которая родила ребенка, а от женщины, которая заключила договор суррогатного материнства.

В КоБС закрепляется презумпция материнства генетической матери или женщины, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой, т.е. женщины, которая заключила договор суррогатного материнства с суррогатной матерью, а также презумпция отцовства супруга генетической матери или женщины, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой (ч. 5 ст. 52 КоБС). Такой подход законодателя видится наиболее оптимальным. Однако при применении суррогатного материнства для установления происхождения ребенка от женщины, которая заключила с суррогатной матерью договор, но сама не рожала ребенка, факта рождения недостаточно. Исходя из п. 5 ст. 52 КоБС матерью ребенка, рожденного суррогатной матерью, признается женщина, заключившая с суррогатной матерью договор суррогатного материнства, а значит, происхождение при рождении ребенка суррогатной матерью устанавливается не только на основании факта рождения ребенка суррогатной матерью, но в первую очередь на основании заключенного договора суррогатного материнства.

При этом на практике может возникнуть ситуация, когда суррогатная мать забеременела не в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий. Для решения данной проблемы законодатель закрепил положение в ч. 6 ст. 52 КоБС, согласно которому женщина, заключившая с суррогатной матерью договор суррогатного материнства и супруг, давший в установленном порядке согласие на заключение договора суррогатного материнства, могут оспорить материнство и отцовство ребенка, рожденного суррогатной матерью, если имеются доказательства того, что суррогатная мать забеременела не в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий.

Однако не все аспекты данных правоотношений имеют такое однозначное регулирование. Так, в настоящее время медицинская справка, подтверждающая факт рождения ребенка, выдается генетической матери (или женщине, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой), а не суррогатной

матери. Считаем целесообразным выдавать справку, подтверждающую факт рождения ребенка, женщине, родившей ребенка. Данный документ удостоверяет факт рождения живого ребенка определенной, конкретной женщиной, позволяет суррогатной матери подтвердить факт исполнения условий договора суррогатного материнства. В связи с рождением ребенка в организме женщины происходит ряд изменений, поэтому считаем неправильным выдавать справку о рождении ребенка женщине, которая фактически ребенка не рожала. Кроме того, есть вероятность смерти ребенка через непродолжительное время после родов. Данные обстоятельства объясняются рядом факторов как объективного, так и субъективного характера. При наступлении данных обстоятельств суррогатной матери также необходимо наличие данной медицинской справки, так как данный документ станет подтверждением факта рождения ребенка.

С учетом указанного, считаем, что медицинская справка о рождении ребенка, а также все остальные медицинские документы, которые связаны с вынашиванием и рождением ребенка, должны выдаваться непосредственно суррогатной матери.

На практике также может возникнуть ситуация, когда в процессе вынашивания ребенка генетическая мать или женщина, воспользовавшаяся донорской яйцеклеткой, и ее супруг, давший согласие на заключение договора суррогатного материнства, умерли. В случае смерти обоих супругов ставится вопрос о дальнейшей судьбе ребенка, рожденного суррогатной матерью. Полагаем, что при отказе родственников умерших супругов от усыновления (удочерения) ребенка, принятие под опеку и изъятии суррогатной матерью желаний воспитывать рожденного ею ребенка, следует закрепить возможность суррогатной матери признаваться матерью данного ребенка.

Подводя итог, предлагаем закрепить необходимость выдачи медицинской справки о рождении ребенка суррогатной матери и предусмотреть право суррогатной матери установить происхождение ребенка, рожденного по договору суррогатного материнства, в случае смерти женщины, заключившей с ней договор, а также супруга такой женщины (при его наличии), давшего согласие на заключение договора суррогатного материнства, а также отказа родственников указанных лиц от усыновления (удочерения) ребенка, принятия под опеку.

Березняцкая Т. С.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ СЕМЕЙНО-ПРАВОВОЙ И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ НАРУШЕНИИ УСЛОВИЙ БРАЧНОГО ДОГОВОРА

Березняцкая Татьяна Сергеевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, mir-cop@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Короткевич М. П.

Законодатель, устанавливая цели заключения брачного договора и тем самым признавая за ним особую роль в регулировании брачно-семейных

отношений, не решает вопрос об ответственности сторон за его неисполнение или ненадлежащее исполнение. Учитывая, что имущественные, личные неимущественные права и обязанности супругов, родителей регламентируются Кодексом Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС), возникает вопрос о допустимости первоочередного применения гражданско-правовых норм при нарушении брачного договора.

Полагаем, следует исходить из двухступенчатой системы определения ответственности сторон брачного договора: сначала должен быть решен вопрос о допустимости их привлечения к семейно-правовой ответственности, затем – к гражданско-правовой.

Проанализировав КоБС, можно сделать вывод, что семейно-правовые санкции предусмотрены за ненадлежащее выполнение родителями своих обязанностей и заключаются преимущественно в лишении либо ограничении семейной правосубъектности. Меры семейно-правовой ответственности, обладающие имущественными признаками, установлены только в сфере алиментных обязательств.

Полагаем, применение семейно-правовой ответственности, состоящей в лишении либо ограничении семейных прав при нарушении условий брачного договора, возможно только в том случае, когда не исполняются или исполняются ненадлежащим образом такие обязанности родителей, предусмотренные брачным договором, которые регламентированы КоБС. Тем не менее при такой ситуации первостепенное значение будет иметь факт неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей, регламентированных КоБС, а не положений брачного договора. Нарушение иных условий брачного договора, по нашему мнению, не может влечь наложения рассматриваемых мер семейно-правовой ответственности ввиду несоразмерности тяжести наступивших последствий и последствий от применения соответствующих мер.

Что касается семейно-правовой ответственности в сфере алиментных обязательств, то КоБС предоставляет возможность предусмотреть в брачном договоре ответственность при образовании задолженности по алиментам по вине лица, обязанного уплачивать алименты по такому договору. При этом меры, которые можно закрепить в брачном договоре в указанной ситуации, не приводятся.

В связи с тем, что КоБС не предусматривает специальных мер ответственности за нарушение алиментных обязательств по брачному договору, а договорная ответственность может отсутствовать, интересы лица, в пользу которого должны уплачиваться алименты, нуждаются в дополнительной защите. Учитывая вышесказанное, и то, что КоБС закрепляет законную неустойку при образовании задолженности по алиментам по вине лица, обязанного уплачивать алименты по судебному постановлению (ч. 2 ст. 111¹), предлагаем в КоБС закрепить законную неустойку и при нарушении алиментных обязательств по брачному договору.

Считаем, что институт семейно-правовой ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение условий брачного договора

практически не развит. Существует минимальное количество нарушений, влекущих применение семейно-правовых санкций.

При неисполнении или ненадлежащем исполнении условий брачного договора вопросы ответственности могут решаться посредством субсидиарного применения гражданского законодательства исходя из положений ч. 2 ст. 7 КоБС. Такой подход законодателя видится дискуссионным. Наибольший вопрос вызывает возможность привлечения сторон брачного договора к гражданско-правовой ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение личных неимущественных обязанностей. В научной литературе ряд исследователей не видят препятствий в применении имущественной ответственности к неимущественным обязательствам. Другие ученые отстаивают недопустимость распространения мер гражданско-правовой ответственности на личную неимущественную сферу отношений. С нашей точки зрения, второе суждение видится более верным, поскольку доказывание неисполнения или ненадлежащего исполнения личных неимущественных обязанностей повлечет излишнее вмешательство в брачно-семейную сферу и может повлечь негативные последствия для интимной атмосферы в семье.

Учитывая вышесказанное, предлагаем в КоБС более детально определить возможность и пределы применения гражданского законодательства к отношениям, вытекающим из неисполнения или ненадлежащего исполнения условий брачного договора, а также усовершенствовать институт законной неустойки за нарушение алиментных обязательств.

Дмитрук П. В. ПРАВОВОЙ СТАТУС ЭМБРИОНА

Дмитрук Полина Витальевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, dmitrukpln@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Короткевич М. П.

Дискуссии о правовом положении эмбриона ввиду развития репродуктивных технологий приобретают все большую актуальность. В ст. 1 Закона Республики Беларусь от 07.01.2012 № 341-З «О вспомогательных репродуктивных технологиях» (далее – Закон о ВРТ) закреплено, что эмбрион – это ранняя стадия развития живого организма, однако данное понятие не раскрывает в полной мере правовую природу эмбриона. Тем не менее, исходя из определения, можно сделать вывод о том, что законодатель не приравнивает эмбриона к человеку. В научной литературе нет единого мнения о правовой природе эмбриона: эмбрион субъект или объект права.

Полагаем, что проблема определения статуса эмбриона не должна рассматриваться исключительно с точки зрения права. Большое влияние оказывают и биологические особенности развития человека до его рождения, и социальные факторы, и даже религиозные взгляды. Только комплексное

изучение вопроса определения статуса эмбриона поможет закрепить его правовое положение.

Сторонники признания эмбриона субъектом считают, что жизнь появляется в момент зачатия, она священна и охраняется законом. Иными словами, с самого момента зачатия эмбрион приобретает статус субъекта права, т. е. на всех стадиях является человеком во всех смыслах этого слова.

Вместе с этим важно понимать правовые последствия, которые наступят, если эмбрион признать человеком на законодательном уровне. Например, согласно п. 1 ст. 1037 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) наследниками по завещанию и закону могут быть граждане, зачатые при жизни наследодателя, но родившиеся живыми после открытия наследства. В связи с этим не исключено появление ряда правовых проблем. В частности, возможны ситуации прерывания беременности помимо воли беременной женщины. Рассматривая эмбрион субъектом права, в такой ситуации нужно будет открывать наследство и ввиду его смерти (при отсутствии рождения как такового). Кроме того, п. 2 ст. 16 ГК закрепляет, что правоспособность гражданина возникает в момент его рождения, а значит, данная норма должна быть изменена.

Следует обратить внимание и на нормы Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС). Так, в ч. 1 ст. 179 КоБС определен момент, с которого человек считается несовершеннолетним – с момента рождения до достижения им восемнадцати лет.

Еще одним немаловажным правовым последствием при признании эмбриона человеком на законодательном уровне будет являться невозможность осуществления искусственного прерывания беременности (аборт), которое в настоящее время согласно положениям ст. 27 Закона Республики Беларусь от 18.06.1993 № 2435-ХІІ «О здравоохранении» возможно при наличии медицинских и социальных показаний и согласия женщины. Кроме того, при сроке беременности не более 12 недель искусственное прерывание беременности (аборт) может быть проведено лишь при наличии согласия беременной женщины.

Так, согласно ст. 3 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г. каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность. Соответственно, признавая эмбрион субъектом права, проведение искусственного прерывания беременности будет невозможно и должно приравниваться к убийству.

При этом, по нашему мнению, однозначно утверждать, что эмбрион – это исключительно объект правоотношений, некорректно. Проанализировав ст. 128 ГК, где перечислены объекты гражданских прав, можно прийти к выводу, что эмбрион как объект не соответствует ни одному из указанных видов. В то же время выделять эмбрион отдельным видом объектов гражданских прав также не считаем целесообразным.

Полагаем, что однозначно утверждать, что эмбрион является субъектом или объектом правоотношений, нельзя, ведь эмбрион не обладает в полном объеме необходимыми признаками ни субъекта, ни объекта. Следует

признать, что эмбрион имеет свою уникальную природу. Исходя из определения эмбриона, закрепленного в Законе о ВРТ, эмбрион является стадией развития, поэтому считаем, что эмбрион можно назвать «потенциалом человека». Эмбрион не может выступать объектом или субъектом, а представляет собой процесс становления человека, можно сказать, промежуточным периодом в его развитии.

Таким образом, однозначно сказать, что эмбрион является полноправным субъектом права, человеком или, наоборот, только объектом правоотношений, довольно затруднительно. Тем не менее законодатель идет по правильному пути, распространяя на эмбрион статус объекта, и в то же время он устанавливает ряд ограничений и запретов, учитывает особенности его природы и показывает, что эмбрион требует к себе гуманного отношения.

Каурова П. Д.

РЕАЛИЗАЦИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ ДЕТЬМИ ОТ 14 ДО 18 ЛЕТ

Каурова Полина Дмитриевна, студентка 3 курса Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Россия, kaurova29@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Темникова Н. А.

В соответствии с подп. 2 п. 2 ст. 26 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет вправе самостоятельно, без согласия родителей, усыновителей и попечителя осуществлять интеллектуальные права. Они имеют право на самостоятельный выбор указать свое имя или псевдоним, решают вопросы обнародования произведения и вопросы, связанные с его неприкосновенностью, могут использовать созданный ими результат любыми не противоречащими закону способами, а также заключать различные виды договоров, направленные на распоряжение исключительными правами и т. д.

В доктрине вопрос наделения несовершеннолетнего автора в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет правом на самостоятельное осуществление интеллектуальных прав является дискуссионным. В большинстве случаев ученые спорят о возможности указанных лиц осуществлять правомочие распоряжения исключительным правом.

В. А. Олефир считает, что «действующая часть 4 ГК РФ содержит очень сложные правовые конструкции (например, лицензионный договор о предоставлении права использования произведения, договор авторского заказа), в которых несовершеннолетнему в силу отсутствия опыта, знаний сложно разобраться». По этой причине целесообразно заключение договоров по распоряжению результатами интеллектуальной деятельности с письменного согласия родителей (лиц, их заменяющих). Это мнение поддерживают и другие исследователи, опасаясь, что действующее правовое регулирование создает предпосылки для злоупотребления неопытностью несовершеннолетних авторов.

При наличии в семье атмосферы заинтересованности каждого члена семьи делами другого, вовлеченности родителей в проблемы ребенка, взаимной помощи и поддержки проблема становится менее острой, при этом сохраняется свобода творчества несовершеннолетних.

В то же время, несмотря на возможность самостоятельного определения судьбы исключительного права, дети, достигшие возраста 14-ти лет, не могут самостоятельно защищать свои интеллектуальные права в суде (ст. 37 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации), что ограничивает возможности защиты, ставя ее в зависимость от доброй воли родителей.

Указание в законе права на самостоятельное осуществление прав автора, подразумевающих судебную защиту, и отсутствие процессуального права заявлять требования в суд в защиту своих интеллектуальных прав – нелогично.

Возможно, с учетом активного развития права интеллектуальной собственности, в будущем можно ожидать корректировки законодательства как в части возможности самостоятельного заключения договора об отчуждении исключительного права, так и возможности защиты своих прав в суде при бездействии родителей (усыновителя, попечителя). В качестве варианта можно предусмотреть обязанность органов опеки и попечительства назначить представителя при нарушении интеллектуальных прав ребенка.

В век цифровых технологий детям открыт целый мир для создания различных результатов интеллектуальной деятельности, права на которые может осуществлять несовершеннолетний автор. Однако гражданское и гражданское процессуальное законодательство не в полной мере учитывает современные реалии и очевидна необходимость устранения имеющихся пробелов.

Кондратенкова К. А.

ПОНЯТИЕ НЕТРУДОСПОСОБНОСТИ В АЛИМЕНТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ РОДИТЕЛЕЙ И ДЕТЕЙ

*Кондратенкова Кристина Александровна, магистрант 1 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
kristina.kondratenkova@bk.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Короткевич М. П.

Согласно ст. 91 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) родители обязаны содержать своих совершеннолетних детей, если они нетрудоспособны и нуждаются в помощи. В настоящее время в белорусском законодательстве отсутствует единая трактовка понятия нетрудоспособности. Исходя из анализа ст. 11, 35 Закона Республики Беларусь от 17.04.1992 № 1596-ХІІ «О пенсионном обеспечении» (далее – Закон «О пенсионном обеспечении»), нетрудоспособными, в частности, признаются совершеннолетние дети, являющиеся инвалидами или достигшие пенсионного возраста.

В доктрине возникают дискуссии относительно прав на алименты инвалидов III группы. Так, С. А. Муратова и Е. Ю. Костюченко выделили три

позиции, исходя из существующих доктринальных подходов: дети-инвалиды III группы не должны считаться нетрудоспособными по инвалидности, поскольку такие лица ограничились в трудоспособности, а не лишились ее; дети-инвалиды должны считаться нетрудоспособными независимо от группы инвалидности, поскольку инвалидность уже сама по себе свидетельствует о нетрудоспособности и сохранение возможности осуществлять определенную работу может повлиять лишь на размер алиментных выплат, но никак на возможность взыскания алиментов; ситуационное регулирование, т. е. право на алименты детей-инвалидов III группы ставится в зависимость от возможности получения работы с учетом состояния здоровья. На наш взгляд, поставить точку в существующей дискуссии позволит обращение к действующему законодательству. Закон «О пенсионном обеспечении» содержит общую формулировку о том, что к нетрудоспособным относятся инвалиды, не перечисляя при этом конкретные группы. Обратимся также к Закону Республики Беларусь от 20.06.2022 № 183-З «О правах инвалидов и их социальной интеграции» (далее – Закон «О правах инвалидов и их социальной интеграции»), который устанавливает, в частности, права инвалидов, в том числе детей-инвалидов. Так, абз. 8 ст. 1 Закона «О правах инвалидов и их социальной интеграции» легально определяет, кто является инвалидом: «инвалид – человек с устойчивыми физическими, психическими, интеллектуальными или сенсорными нарушениями, которые при взаимодействии с различными барьерами могут мешать его полному и эффективному участию в жизни общества наравне с другими людьми», т. е. термин «инвалид» является общим и его применение к определенным лицам не зависит от наличия у них конкретной группы инвалидности. Тем самым законодатель уравнивает лиц, имеющих различные группы инвалидности.

Кроме того, абз. 2 п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21.12.2001 № 16 «О некоторых вопросах применения судами законодательства о наследовании» дает разъяснение, касающееся круга лиц, которые являются нетрудоспособными: «к нетрудоспособным относятся: лица, в соответствии со ст. 11 Закона Республики Беларусь от 17 апреля 1992 г. «О пенсионном обеспечении» имеющие право на получение пенсии по возрасту на общих основаниях; инвалиды I, II и III групп независимо от того, назначена ли им пенсия по возрасту или инвалидности, а также лица, не достигшие 18 лет». Закон «О пенсионном обеспечении» к нетрудоспособным также относит лиц, достигших пенсионного возраста. Однако законодательство устанавливает случаи, предусматривающие выход на пенсию ранее достижения общеустановленного пенсионного возраста (раздел V Закона «О пенсионном обеспечении»). На наш взгляд, к нетрудоспособным необходимо относить только лиц, достигших общеустановленного пенсионного возраста, предусмотренного ст. 11 Закона «О пенсионном обеспечении».

Обращаясь к зарубежному опыту, отметим, что в разных странах данный вопрос также решается неоднородно. Так, п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 56 «О применении судами

законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов», разъясняет, что к нетрудоспособным лицам, имеющим право на алименты, относятся инвалиды I, II или III группы, а также лица, достигшие общеустановленного пенсионного возраста. В свою очередь, п. 15 постановления Верховного Суда Республики Казахстан от 29 ноября 2019 г. № 6 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с взысканием алиментов» под нетрудоспособными совершеннолетними лицами понимает лиц, признанных в установленном порядке инвалидами I и II группы, а также лиц, достигших общеустановленного пенсионного возраста.

Таким образом, в целях обеспечения однородного понимания и единообразной практики, полагаем необходимым к нетрудоспособным лицам, имеющим право на алименты, относить инвалидов I, II или III группы, а также лиц, достигших общеустановленного пенсионного возраста, что подлежит уточнению в КоБС. Данное уточнение предлагается закрепить в статье, которая бы предусматривала разъяснение отдельных терминов КоБС.

Кондрашова О. Д.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ФАКТИЧЕСКИХ СУПРУГОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*Кондрашова Ольга Дмитриевна, магистрант 2 курса Владимирского государственного университета, г. Владимир, Россия,
kondrolya1400@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Кулакова А. А.

Согласно современным статистическим данным, во всем мире наблюдается тенденция увеличения количества лиц, состоящих в фактических брачных отношениях и не стремящихся к регистрации официального брака. При этом в соответствии с законодательством Российской Федерации, государством признается только брак, заключенный в органах записи актов гражданского состояния. Иные формы взаимоотношений мужчины и женщины, в том числе фактический брак, именуемый в обществе «сожителем», формально не налагает никаких дополнительных прав и обязанностей на их участников. Несмотря на то, что анализируемые нами отношения соответствуют требованиям, предъявляемым к браку (достижение мужчиной и женщиной брачного возраста, отсутствие близкой родственной связи, иного зарегистрированного брака), с юридической точки зрения без надлежащего оформления в органах ЗАГС они рассматриваются исключительно как взаимодействие независимых, несвязанных друг с другом какими-либо дополнительными обязательствами лиц и могут регулироваться исключительно нормами гражданского законодательства, что создает значительные проблемы по окончании таких отношений. Наиболее сложными и спорными являются имущественные

отношения лиц, состоящих в фактическом браке: порядок приобретения имущества указанными лицами, возможность его раздела и наследования.

Поскольку права фактических супругов не совпадают с правами официальных супругов, то при приобретении имущества, его собственником будут являться не оба фактических супруга, а только лицо, на чье имя оно зарегистрировано и независимо от срока совместного проживания и размера материальных вложений, не будет подлежать разделу. По данной причине, во избежание конфликтов и судебных споров, наиболее верным решением при совместном приобретении имущества будет указание в документах о праве собственности на имущество обоих фактических супругов. Также следует официально закрепить размеры долей каждого лица пропорционально их вложениям в покупку имущества или в соответствии с их личной договоренностью. В этом случае при прекращении фактического брака каждый из бывших участников таких отношений останется с указанной в соглашении частью имущества, что не потребует каких-либо дополнительных разбирательств. Однако если размер долей в общей собственности установлен не был, а фактические супруги не готовы самостоятельно разрешить этот вопрос, или один из супругов умер, то устанавливать долю пережившего фактического супруга необходимо в судебном порядке. Предметом доказывания в этом случае будет являться размер вложений, отраженный в квитанциях, чеках и других документах. На их основании судом будет установлен размер доли каждого из фактических супругов и передано имущество.

Наиболее спорным моментом являются наследственные отношения фактических супругов. Так, в соответствии с нормами Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) мужчина и женщина, состоящие в фактическом браке, могут являться наследниками друг друга только в порядке наследования по завещанию (с учетом обязательной доли). В законном порядке такое наследование не предусмотрено. Исключением может являться случай, когда фактические супруги не менее года до смерти одного из них проживали вместе, и переживший супруг являлся нетрудоспособным. В данной ситуации, на основании ст. 1148 ГК РФ переживший фактический супруг может рассматриваться в качестве иждивенца и наследовать в порядке соответствующей очереди. Важно учитывать, что такой порядок применяется редко и, кроме того, иждивенцы наследуют в самую последнюю очередь, а значит, имущество может быть поделено между наследниками более ранних очередей.

Еще одним частным случаем условного наследования фактическим супругом имущества второго супруга – это случаи приобретательской давности. Если имущество было получено умершим супругом на праве бессрочного пользования, не было надлежаще оформлено, сведения о регистрации отсутствуют, то такое имущество не может быть включено в наследственную массу. В этом случае переживший фактический супруг может обратиться в суд, предоставив доказательства длительного, добросовестного, открытого и непрерывного владения имуществом в течение

15 лет. Однако родственники умершего также наделены таким правом. Кроме того, они могут увеличить срок своего владения данным имуществом, присоединив к нему период его владения наследодателем. Более того, незарегистрированное на участке здание или сооружение может быть признано судом самовольной постройкой, вследствие чего на фактического супруга будет наложена обязанность по его сносу.

Таким образом, можно заключить, что фактические супруги, в силу непризнания их статуса на государственном уровне, крайне ограничены во взаимных правах. По факту фактические супруги в своем правовом статусе приравнены к самостоятельным никак не связанным друг с другом лицам. Учитывая распространенность явления фактического брака между мужчиной и женщиной в Российской Федерации усматривается необходимость создания дополнительного законодательного регулирования данного явления.

Костина А. А.

РАЗДЕЛ ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ В СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА

*Костина Анастасия Андреевна, студентка 3 курса Марийского
государственного университета, г. Йошкар-Ола, Россия,
nastya200303@icloud.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Кондратенко З. К.

В проведенном исследовании рассмотрены вопросы, касающиеся одной из актуальных проблем семейного права – процессуальные аспекты судебного разбирательства дел о разделе общего имущества супругов. Очень часто собственники общего имущества не могут решить спор о его владении и пользовании, в связи с чем суд осуществляет ряд процессуальных действий для разрешения данной категории дел. По смыслу ст. 38 Семейного кодекса Российской Федерации имущество супругов может быть разделено, как в период брака, так и после его расторжения. Для проведения судебного разбирательства по разделу имущества достаточно требования одного из супругов.

Значительно упростить и сократить процедуру раздела общего совместного имущества супругов помогает брачный договор. Данный документ должен быть нотариально удостоверен для того, чтобы он имел юридическую силу. Преимуществом брачного договора является то, что в нем прописаны все имущественные правоотношения супругов. К сожалению, в России составление брачного договора практикуется крайне редко, и при его отсутствии суды сталкиваются с необходимостью совершения процессуальных действий по разделу общего имущества супругов.

Определенной трудностью в судебном процессе по данной категории дел является правильное установление судом состава совместно нажитого имущества супругов в период брака. Согласно ст. 34 Семейного кодекса Российской Федерации имущество, нажитое супругами во время брака,

является их совместной собственностью. Однако нельзя признать общим совместное имущество, которое было приобретено во время брака, но на личные средства одного из супругов, принадлежавшие ему до вступления в брак, полученные в дар или в порядке наследования (ст. 14 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 15). Сторонам нужно предоставить суду необходимые доказательства, подтверждающие, что имущество было приобретено на личные средства одного из супругов, а суд, в свою очередь, определит, являются ли данные доказательства надлежащими. Возможно также проведение судом экспертизы в случае предоставления сторонами доказательств, вызывающих сомнения в их подлинности (например, экспертиза по давности исполнения подписей в договоре займа).

Считаем необходимым внести в Семейный кодекс Российской Федерации норму, закрепляющую положение о том, что суду будет предоставлено право применять обеспечительные меры по иску без заявленного ходатайства сторон в связи с тем, что в судебной практике часто встречаются обстоятельства, при которых зачастую после получения супругами повесток, они отчуждают совместное имущество тем или иным способом, с целью его сокрытия. Именно поэтому предложенная норма позволит упростить процесс определения судом состава совместно нажитого имущества.

Следующей актуальной проблемой является определение судом взаимных обязательств супругов (кредитные договоры, договоры займа, микрозайма и т. д.). Проанализировав судебную практику, можно сделать вывод о том, что суды признают взаимными обязательствами супругов только те, которые были потрачены на семейные нужды. Например, если кредитные средства потрачены одним из супругов на предпринимательскую деятельность, то указанные обязательства суды не признают взаимными, однако, если кредитные средства потрачены на обучение ребенка, лечение одного из супругов, оплату жилья и т. д., суды признают данные обязательства взаимными.

Предлагается установить семейно-правовую норму, по которой все обязательства, возникшие в период брака, будут признаваться совместными, если имеется письменное согласие или уведомление другого супруга о возникновении данного обязательства, а также если имеется отсутствие письменных возражений о возникновении данных обязательств.

Еще одной важной задачей суда по данной категории дел, является определение стоимости совместного имущества супругов, подлежащего разделу. В этой ситуации, при отсутствии взаимного соглашения супругов по стоимости делимого имущества, суды, как правило, назначают экспертизу по установлению его рыночной стоимости. Основная проблема заключена в том, что эти процессуальные действия нужно проводить на стадии подготовки к судебному заседанию (предварительного судебного заседания), иначе это приводит к затягиванию сроков судебного разбирательства, в связи с

необходимостью назначения экспертизы и, как следствие, приостановления производства по делу.

Считаем необходимым внести в Семейный кодекс Российской Федерации норму, закрепляющую положение о том, что оценка имущества будет осуществляться судом на дату проведения экспертизы. Данная норма нужна по причине того, что в законодательстве не указано, на какую дату нужно проводить оценку имущества, в связи чем суды назначают ее по своему усмотрению (например, на момент предъявления иска). Предложенная норма будет фиксировать дату определения стоимости совместного имущества супругов.

С нашей точки зрения, своевременное разрешение вышеизложенных проблем в ходе судебного разбирательства приведет к более быстрому и правильному рассмотрению дел данной категории. Именно поэтому институт раздела общего имущества супругов требует более тщательного изучения.

Кудинов Н. Е.

**ПРАВА СУПРУГОВ НА ИМУЩЕСТВО, НАЖИТОЕ В ПЕРИОД БРАКА,
ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Кудинов Никита Евгеньевич, магистрант 2 курса Российского университета дружбы народов г. Москва, Россия, 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, kudinonchik@yandex.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Короткевич М. П.

В Республике Беларусь согласно ст. 23 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) имущество, нажитое супругами в период брака, независимо от того, на кого из супругов оно приобретено либо на кого или кем из супругов внесены денежные средства, является их общей совместной собственностью. В Российской Федерации законный режим собственности супругов определяется более кратко в ст. 34 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ): «Имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью». При этом законодатель приводит уточнение, определяя какое имущество следует относить к имуществу, нажитому супругами во время брака (общему имуществу супругов), относятся доходы каждого из супругов от трудовой деятельности, предпринимательской деятельности и результатов интеллектуальной деятельности, полученные ими пенсии, пособия, а также иные денежные выплаты, не имеющие специального целевого назначения (суммы материальной помощи, суммы, выплаченные в возмещение ущерба в связи с утратой трудоспособности вследствие увечья либо иного повреждения здоровья, и др.).

Проанализировав нормы приведенных статей кодексов двух государств, а также ряд других, можно сделать следующие выводы:

1. Имущество, нажитое супругами в период брака, является совместной собственностью супругов, которое и подлежит разделу и по законодательству Республики Беларусь, и по законодательству Российской Федерации.

2. В отличие от СК РФ, КоБС не содержит примерного перечня имущества, которое следовало бы относить к общему имуществу супругов.

3. Доли супругов на совместно нажитое имущество признаются равными, если иное не следует из договора или соглашения между супругами. Суд в праве изменить размер долей супругов при разделе совместно нажитого имущества в интересах ряда лиц, перечень которых не совпадает в КоБС и СК РФ. Так, согласно ч. 1 ст. 24 КоБС, кроме учета интересов несовершеннолетних детей супругов и одного из супругов, заслуживающего внимания, суд может учесть интересы нуждающихся в помощи нетрудоспособных совершеннолетних детей. Кодексы двух стран предусматривают возможность уменьшения доли того из супругов (или увеличение доли второго супруга), который уклонялся от трудовой деятельности или расходовал общее имущество в ущерб интересам семьи.

4. Долги супругов. При разделе имущества в Республике Беларусь признаются и судом учитываются общие долги супругов и права требования по обязательствам, возникших в интересах семьи (ч. 5 ст. 24 КоБС). Только в СК РФ закреплено положение, что общие долги супругов при разделе имущества распределяются между супругами пропорционально присужденным им долям, также закреплено, что по заявлению кредитора может быть произведен раздел общего имущества супругов, для взыскания долгов из доли этого супруга (должника) из общего имущества супругов.

5. В СК РФ закреплена норма, предоставляющая право суду при разделе имущества супругов признать имущество, нажитое каждым из супругов в период их раздельного проживания при прекращении семейных отношений, собственностью каждого из них. В Республике Беларусь имеется норма сходного характера, ч. 3 ст. 41 КоБС, согласно которой если после фактического прекращения семейных отношений и ведения общего хозяйства супруги совместно имущество не приобретали, суд производит раздел лишь того имущества, которое являлось их общей совместной собственностью до прекращения ведения общего хозяйства. В дополнение к данной норме следует отметить и положение в ч. 4 п. 19 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 22.12.2022 № 7 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака», согласно которому не является общей совместной собственностью супругов имущество, приобретенное каждым из супругов после фактического прекращения семейных отношений и ведения общего хозяйства, в том числе когда их брак не был расторгнут в установленном законом порядке.

Лищенко Е. Я.

О ВОПРОСЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СУРРОГАТНОЙ МАТЕРИ В РАМКАХ ДОГОВОРА СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА

*Лищенко Елена Ярославовна, студентка 4 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь, lischenk@bsu.by*

Научный руководитель: старший преподаватель Русенчик Т. М.

Межотраслевая природа договора суррогатного материнства подразумевает целесообразность обращения в рамках темы к гражданско-правовой и семейно-правовой ответственности. Однако, ни семейное, ни гражданское законодательство не устанавливают специальных правил наступления ответственности для участников договора суррогатного материнства.

При определении круга субъектов семейных отношений, устанавливается, что законодательство о браке и семье регулирует и другие семейные отношения (ст. 2 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье). Представляется, что в силу подобного закрепления суррогатная мать является субъектом семейных правоотношений, для нее как таковая семейно-правовая составляющая договора суррогатного материнства возникнет в момент рождения ребенка, т. е. в момент возникновения обязанности суррогатной матери передать ребенка и только ею ограничивается. Вопрос применения мер семейной ответственности к суррогатной матери является дискуссионным. Для наступления гражданской ответственности суррогатной матери в договоре суррогатного материнства необходимо наличие общих условий гражданской ответственности.

С учетом длительного характера исполнения договора суррогатного материнства, для решения вопроса гражданско-правовой ответственности суррогатной матери важным является время, когда условия данного договора были не исполнены или исполнены ненадлежаще:

- после заключения договора суррогатного материнства, но до наступления беременности суррогатной матери.

Отсутствие возможности изменить решение относительно существа соглашения после заключения договора суррогатного материнства, но до наступления беременности суррогатной матери, если таковая возможность не оговорена в договоре, может привести к нарушению основополагающих прав и свобод суррогатной матери, поэтому следует предусмотреть право суррогатной матери на отказ от исполнения обязательства по договору суррогатного материнства до наступления беременности в результате реализации программы суррогатного материнства, при условии полного возмещения убытков заказчиком по договору;

- в процессе беременности суррогатной матери.

В данном случае предлагается разграничивать данные нарушения на существенные и несущественные. К существенным нарушениям со стороны суррогатной матери следует отнести случаи, когда такие нарушения угрожают безопасному протеканию беременности и (или) здоровью вынашиваемого

ребенка или повлекли необходимые дополнительные расходы. В этих ситуациях предлагается предусмотреть такие формы гражданско-правовой ответственности, как соразмерное уменьшение размера вознаграждения суррогатной матери, за исключением случая, когда данная услуга оказывается безвозмездно, и возмещение убытков, если они возникли в результате несообщения информации о своем состоянии здоровья, либо в случае сообщения заведомо ложных сведений, что повлекло необходимые дополнительные расходы;

– после рождения ребенка суррогатной матерью.

Наиболее частым нарушением, имеющим место после рождения ребенка, является несохранение тайны рождения ребенка. На случай нарушения одной из сторон договоренности сохранения тайны отношений, следующих из договора, добросовестной стороне предоставляется право требовать выплаты компенсации морального вреда, убытков, которые понесла сторона за сохранение конфиденциальности отношений.

Таким образом, учитывая вышеизложенное, предлагаем:

– законодательно урегулировать вопрос ответственности суррогатной матери, установив такие формы ответственности, как выплата денежной суммы, покрывающей понесенные расходы по договору суррогатного материнства, компенсация морального вреда, убытки.

Панченко К. А.

СУПРУГ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ МАТЕРИ ИЛИ ЖЕНЩИНЫ, ВОСПОЛЬЗОВАВШЕЙСЯ ДОНОРСКОЙ ЯЙЦЕКЛЕТКОЙ, КАК СТОРОНА ДОГОВОРА СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА

Панченко Кристина Анатольевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, k_ranchenko00@mail.ru

Научный руководитель: старший преподаватель Русенчик Т. М.

Данная статья посвящена анализу правового положения супруга генетической матери или женщины, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой, в отношениях суррогатного материнства.

Согласно ч. 1 ст. 21 Закона Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях» (далее – Закон «О ВРТ») сторонами договора суррогатного материнства являются суррогатная мать с одной стороны и генетическая мать или женщина, воспользовавшаяся донорской яйцеклеткой, – с другой. Таким образом, действующее законодательство Республики Беларусь не закрепляет супруга генетической матери или женщины, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой, в качестве стороны договора суррогатного материнства. При этом лица, состоящие в браке, могут заключить договор суррогатного материнства только с письменного согласия своих супругов, следовательно, супруг генетической матери или женщины, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой, признается законодателем участником правоотношений суррогатного материнства. Полагаем, что такая ситуация способствует дисбалансу в правовом регулировании и требует его

устранения. Представляется, что закрепление статуса супруга генетической матери или женщины, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой, в качестве стороны договора суррогатного материнства было бы целесообразным исходя из следующего:

1. Специфика брачно-семейных отношений.

В соответствии с ч. 1 и 2 ст. 20-1 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) супруги имеют равные права в браке и семье и все вопросы брачных и семейных отношений решают совместно, по обоюдному согласию. Супруги обязаны строить свои отношения в семье на основе взаимоуважения и взаимопомощи, справедливого распределения семейных обязанностей, содействия в реализации каждым из них права на материнство (отцовство), физическое и духовное развитие, получение образования, проявление своих способностей, труд и отдых. Исходя из данных норм решение о заключении договора суррогатного материнства не может приниматься только супругой, равно как и все обязанности, вытекающие из данного договора (обеспечение условий, необходимых для проживания суррогатной матери, для вынашивания ею ребенка, возмещение расходов суррогатной матери и др.), не могут исполняться только супругой. Супруг генетической матери или женщины, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой, не будучи легально стороной договора суррогатного материнства, так или иначе, участвует в решении указанных вопросов.

2. Устранение коллизий правового регулирования.

Исходя из положений ч. 2 ст. 21 Закона «О ВРТ» одним из существенных условий договора суррогатного материнства является условие об обязанности суррогатной матери представлять информацию о состоянии своего здоровья и состоянии здоровья вынашиваемого ребенка (детей) не только генетической матери или женщине, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой, но и ее супругу. Из приведенного выше положения следует, что указанной обязанности суррогатной матери корреспондирует право как генетической матери или женщины, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой, так и ее супруга требовать предоставления такой информации.

При данном правовом регулировании из договора суррогатного материнства вытекает право лица, не являющегося стороной данного договора (супруга), требовать исполнения обязанности от суррогатной матери – стороны договора, что свидетельствует о наличии коллизии.

На основании вышеизложенного считаем необходимым закрепить супруга генетической матери или женщины, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой, в качестве стороны договора суррогатного материнства, в связи с чем предлагаем ч. 1 ст. 21 Закона «О ВРТ» изложить в следующей редакции: «Договор суррогатного материнства заключается между суррогатной матерью и генетической матерью или женщиной, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой, либо генетической матерью или женщиной, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой, и ее супругом в письменной форме и подлежит нотариальному удостоверению». На наш взгляд, данный подход усовершенствует правовое регулирование договора суррогатного материнства, обеспечит его полноту и единообразность.

Рыбакова С. В.

**ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ КАК ТРАДИЦИОННАЯ
РОССИЙСКАЯ СЕМЕЙНАЯ ЦЕННОСТЬ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
И ПУТИ РЕШЕНИЯ**

*Рыбакова Софья Васильевна, студентка 3 курса Ростовского филиала
Российского государственного университета правосудия, г. Ростов-на-Дону,
Россия, ww19175@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук Закирова С. А.

В настоящее время особое значение приобретает необходимость создания условий для обеспечения сохранения преемственности поколений как традиционной духовно-нравственной ценности (п. 90 Указа Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400) и основы для формирования гражданской идентичности (п. 4 Указа Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809), предполагающей осуществление передачи накопленного опыта, семейных традиций и установление тесной связи поколений. Это одно из приоритетных направлений в Российской Федерации, что подтверждается закреплением на федеральном уровне положений, направленных на защиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей, в том числе путем сохранения преемственности поколений в контексте укрепления института семьи (п. 93 Указа Президента Российской Федерации № 400). В рамках института семьи преемственность поколений как традиционная ценность находится в состоянии, сопряженном с негативным комплексным воздействием ряда внешне- и внутригосударственных факторов, что порождает возникновение проблем в указанной сфере. Рассмотрим ряд таких проблем.

1. Переход от полной семьи к монородительской материнской семье. Отсутствие в таких семьях отцов является причиной нарушения психологической целостности ребенка и его сознания относительно института семьи, который может восприниматься в дальнейшем как что-то ненужное, способное причинить психические страдания.

2. Стремительный процесс отчуждения одного из родителей в результате развода и конфликта супругов, обусловленный несколькими обстоятельствами:

1) неправильный подход законодателя и правоприменителя при установлении порядка общения ребенка с родителем, проживающим отдельно. Так, определение общения в конкретные дни (часы) зачастую трактуется как запрет на активное взаимодействие в иные периоды времени;

2) тенденция «настраивания» ребенка взрослыми против родителя, проживающего отдельно, посредством искусственного создания препятствий, предполагающих уменьшение возможности общения вне рамок разрешенного периода времени.

Результатом такого комплексного воздействия на ребенка является возникновение нового вида социального сиротства, существующего при наличии живого родителя, который в силу указанных выше факторов перестает присутствовать в жизни ребенка. Это делает невозможным осуществление полноценной и эффективной передачи семейных ценностей

от одного поколения к другому. В подобном случае опыт поколения второго родителя утрачивается и не используется по назначению.

3. Активное внешнее деструктивное информационно-психологическое воздействие. Настоящая проблема тесно связана с предыдущими, так как посредством них создается основа для более эффективного осуществления прививания иных идей, культурно и духовно-нравственно чуждых Российской Федерации. Например, отрицание брака, чайлдфри, искажение представлений об институтах семьи и брака.

В целях разрешения рассмотренных проблем преемственности поколений как российской семейной ценности предлагаем:

1. Осуществить заимствование зарубежного опыта Греции в части обеспечения равного проживания ребенка с каждым из родителей и соответственно участия их в его жизни. В случае, если паритетный подход невозможен в силу объективных причин, то предусмотрен временной минимум, составляющий не менее 1/3, в рамках которого родитель, проживающий отдельно, осуществляет активные действия по участию в воспитании ребенка (Закон № 4800/2021 ФЕК А' 81/21-5-2021) и, как следствие, передаче ему семейных ценностей и опыта.

2. Внедрить серию информационных проектов в СМИ, содержащих информацию о возможных негативных психологических последствиях жизни ребенка в монородительских семьях, сопряженных с процессом отчуждения ребенка при активном содействии взрослых от родителя, проживающего отдельно (например, видеорепортажи, освещающие конкретные жизненные ситуации). Видится необходимым также дополнить школьную дисциплину «Обществознание» подобной информацией, которая будет входить в тематический блок «Семья». Это позволит обозначить проблему в глазах населения и способствовать пересмотру подхода взрослого и подрастающего поколения к разводу и «настраиванию» ребенка против одного из родителей.

3. Развивать институт семейной медиации и популяризировать его среди населения, повысив уровень доверия к нему. Стоит отметить, что для реализации данного направления является важным осознание и принятие родителями факта реальности возникновения проблем с психическим здоровьем ребенка, причиной которых являются конфликты родителей и нежелание действовать на паритетных началах.

Столярова Е. М.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗДЕЛА ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ, В СОСТАВ КОТОРОГО ВХОДИТ КРИПТОВАЛЮТА

*Столярова Евгения Михайловна, студентка 3 курса Марийского
государственного университета, г. Йошкар-Ола, Россия,
stolyarova0327@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Кондратенко З. К.

Интерес к криптовалюте в России начал расти еще в 2014 г., а спустя всего три года, слово «биткоин» стало самым запрашиваемым в поисковой

системе «Яндекс». Активное распространение и доступность довольно скоро позволили цифровой валюте выйти с узкоспециализированного рынка профессиональных трейдеров, заполучая внимание простых людей. В настоящее время, несмотря на введение санкций, динамичная торговля криптовалютой на криптобиржах продолжается, и все большее количество людей начинает хранить в ней свои сбережения на онлайн-кошельках. В связи с этим возникают закономерные вопросы регулирования цифровой валюты с точки зрения законодательства: считается ли она имуществом и возможно ли ее деление между супругами при разводе?

Желая взять под контроль сферу криптовалюты и закрепить ее на законодательном уровне, государством был издан Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Это позволило частично прояснить статус цифровых активов, например, в сфере банкротства и исполнительного производства, зафиксировав, что для этих областей права она признается имуществом. Однако вопрос, касающийся ее положения в семейном праве, урегулирован никак не был, поскольку в перечень имущества, нажитого супругами во время брака, цифровые права в виде криптовалюты, согласно ст. 34 Семейного кодекса Российской Федерации, не входят, отчего проблема ее раздела между супругами все еще является насущной.

Между тем ввиду отсутствия определенного законодательного регулирования судебная практика в отношении криптовалюты при бракоразводном процессе также является неоднозначной и неоднородной. Например, по делу № 2-393/2019 Ленинский районный суд Санкт-Петербурга вынес решение, о том, что цифровая валюта не является совместно нажитой собственностью, так как невозможно установить факт ее принадлежности одному из супругов по причине недостатка доказательств. Стоит отметить, что судебный процесс по таким делам осложняется и повышенной изменчивостью курса стоимости цифровой валюты. Вследствие этого даже при признании криптовалюты имуществом подготовить ее актуальную оценку в соответствии с семейным законодательством на все время разбирательства представляется недостижимым.

Осложняется деление цифровой валюты при бракоразводном процессе не только отсутствием в законодательстве четкой формулировки, что она является имуществом, но и особенностями такой валюты с технической точки зрения. Так, пользователи хранят криптовалюту на специальных анонимных онлайн-кошельках, отчего крайне сложно установить, чьим именно является такой кошелек и сколько конкретно цифровых активов принадлежит человеку. По этой причине, даже закрепив за криптовалютой статус имущества в сфере семейного законодательства, не менее актуальным останется вопрос ее обнаружения у супруга и доказывания ее принадлежности именно ему, поскольку единственным способом подтверждения наличия таких цифровых активов является непосредственное заявление владеющего ими лица.

Принимая во внимание все вышесказанное, на наш взгляд, одним из самых оптимальных решений данной проблемы на сегодняшний день является заключение супругами брачного договора, где будет устанавливаться тот правовой режим регулирования криптовалюты, который бы устраивал обоих супругов. Тем не менее вопрос упорядочивания цифровых активов уже при самом бракоразводном процессе и при конфликтной ситуации между супружеской парой остается открытым, поскольку в текущее время отсутствуют и правовые, и технические механизмы, способные эффективно решить эту задачу.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в настоящий момент нет единого законодательного подхода к регулированию криптовалюты в сфере семейного права, что является острой и актуальной проблемой, поскольку супруги, желающие разделить свои цифровые активы при бракоразводном процессе сталкиваются с большим рядом трудностей. Для полного и надлежащего решения данного вопроса необходимо четкое закрепление законодателем правового статуса цифровой валюты в области семейного права как имущества, что было сделано ранее, в частности, в сфере банкротства и исполнительного производства. Это позволит начать вносить отдельные изменения в Семейный кодекс Российской Федерации (например, закрепить положение, что супруги обязаны раскрыть информацию о наличии у них цифровых активов), а также поспособствует в дальнейшем выработать судам однородную практику в отношении криптовалюты, что в значительной степени облегчит и ускорит бракоразводные процессы.

Стренькова Я. Л.

К ВОПРОСУ О ПРАВЕ, ПРИМЕНИМОМ К БРАЧНОМУ ДОГОВОРУ ПРИ НАЛИЧИИ ИНОСТРАННОГО ЭЛЕМЕНТА

Стренькова Янина Леонидовна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, strenkova@tut.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Короткевич М. П.

В соответствии с ч.1 ст. 13 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС), в целях повышения культуры брачных и семейных отношений и ответственности одного супруга перед другим, определения прав и обязанностей супругов в браке, а также после его расторжения возможно заключение брачного договора. На сегодняшний день весьма актуальной является регламентация брачного договора при наличии иностранного элемента. Иностранный элемент может присутствовать в субъектном составе брачного договора (при разном гражданстве супругов), в объекте (если имущество супругов находится за пределами Республики Беларусь), а также в случае, если заключение брачного договора имело место за пределами Республики Беларусь. В случаях осложнения правоотношений супругов наличием иностранного элемента решающее значение приобретает вопрос о применимом праве. В КоБС, несмотря на детальную правовую регламентацию института брачного договора, отсутствует его специальное

коллизийное регулирование, что порождает проблемы правоприменения. В международных договорах Республики Беларусь двустороннего и регионального характера (стран СНГ) коллизийное регулирование прав и обязанностей супругов по брачному договору не закреплено.

Согласно ст. 7 КоБС гражданское законодательство Республики Беларусь применяется к семейным отношениям только в случае отсутствия регулирования этих отношений законодательством о браке и семье. Полагаем, в связи с указанным к семейным отношениям возможно применение положений Раздела VII Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) «Международное частное право». В частности, при заключении брачного договора можно руководствоваться положениями ст. 1124 и п. 4 ст. 1125 ГК. Следовательно, сторонам предоставлена возможность при заключении брачного договора или в последующем избрать право, которое подлежит применению к их правам и обязанностям по этому договору, если это не противоречит законодательству. Исходя из содержания ч. 4 ст. 1125 ГК, при отсутствии соглашения сторон о подлежащем применению праве, а также при невозможности определить исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора, применимо право страны, с которой договор наиболее тесно связан.

И первый, и второй из перечисленных вариантов выбора применимого права на практике может вызвать вопросы. В первом случае необходимо разрешить вопрос соотношения действия норм ст. 1124 ГК, предоставляющей сторонам выбор применимого права и ст. 1119 ГК, определяющей применимое право к праву собственности, ст. 1123 ГК, определяющей применимое право при защите права собственности. Во втором случае – с правом какой страны брачный договор наиболее тесно связан.

Для сравнения можно привести нормы ст. 161 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК), согласно которой при заключении брачного договора супруги, не имеющие общего гражданства или совместного места жительства, могут избрать законодательство, подлежащее применению для определения их прав и обязанностей по брачному договору (п. 2 ст. 161). В случае, если супруги не избрали подлежащее применению законодательство, их права и обязанности определяются законодательством государства, на территории которого они имеют совместное место жительства, а при отсутствии совместного места жительства законодательством государства, на территории которого они имели последнее совместное место жительства (п. 1 ст. 161 СК).

Однако следует учитывать, что в силу обстоятельств супруги могут проживать на территории разных государств, поэтому представляется обоснованным под правом наиболее тесной связи, если супруги не имеют места постоянного жительства, понимать законодательство страны, где договор был заключен. Однако нужно при этом учитывать ограничения, предусмотренные в ст. 237 КоБС, а также в ст. 1123 ГК, согласно которой к правам и обязанностям по договору, предметом которого является недвижимость, применяется право страны, где это имущество находится, а в

отношении имущества, которое зарегистрировано в Республике Беларусь, – законодательство Республики Беларусь.

С учетом указанного, Раздел VI КоБС следует дополнить коллизионными нормами, определяющими применимое право к правам и обязанностям по брачному договору, закрепив отсылку к праву того государства, на территории которого супруги имеют совместное место жительства, а при его отсутствии – права страны, где договор был заключен.

Филянова М. И.

ЗНАЧЕНИЕ И РОЛЬ СУДА В СОХРАНЕНИИ И УКРЕПЛЕНИИ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

*Филянова Мария Игоревна, студентка 3 курса Российского
государственного университета правосудия, г. Ростов-на-Дону, Россия,
mariyfiyanova02@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук Закирова С. А.

Семья – это основа общества, и семейные ценности выполняют важную роль в формировании моральных основ граждан и поддержании стабильности. Однако в современном обществе происходят события, ставящие под угрозу факт реализации моральных ценностей. В таких ситуациях судебная система играет определенную роль, предоставляя инструменты и механизмы для сохранения и укрепления семейных ценностей.

Суд оказывает помощь в сохранении института семьи и брака. Данное положение имеет юридическое закрепление в ст. 8 Семейного кодекса Российской Федерации, которая определяет, что защита семейных прав осуществляется судом. Значение суда в проблеме сохранения и укрепления семейных ценностей заключается в том, что он предоставляет возможность решить споры между супругами по различным вопросам, таким как разводы, определение места жительства детей после развода, распределение имущества и другие. В результате этих процессов может быть достигнуто сбалансированное решение, устраивающее все стороны и созданы условия для продолжения хороших отношений между супругами и с детьми.

Суд, в большинстве случаев, заинтересован в сохранении семьи, так как именно в семье происходит нравственное и моральное воспитание детей. Однако, в силу неблагоприятных обстоятельств, суд имеет право осуществить лишение родительских прав, исходя из аморального образа жизни, пропагандируемого в семье. Законодательство, устанавливающее наказание и меры предосторожности для нарушителей, позволяет создать безопасную среду для семей и обеспечить защиту и благополучие детей. Судейские решения в таких случаях способствуют предотвращению дальнейших нарушений семейных ценностей.

Важным регулятором в механизме сохранения моральных ценностей выступает государственная политика. Успешность ее проведения видна по показателям ежегодной статистике разводов. Так в Российской Федерации за 2023 год по официальным данным показатели превысили отметку 400 тысяч

разводов. Россия занимает на данный момент 4 место в мире по количеству разводов. Поэтому в настоящее время активно развивается относительно молодой правовой институт – медиация. Институт медиации представляет собой эффективное средство в решении различных семейных конфликтов и способствует сохранению семьи. Медиация – это процесс, включающий нейтрального посредника, который помогает супругам найти взаимоприемлемые решения и достичь мирного соглашения.

Одной из основных целей медиации является сохранение семьи путем вывода супругов из конфронтации и помощи им в поиске компромиссных решений. Посредник ведет разговоры, облегчает коммуникацию, помогает супругам выслушивать друг друга и находить взаимоприемлемые решения, которые учитывают интересы и потребности каждого члена семьи.

Одним из самых низких процентов по количеству разводов обладает Узбекистан. Данные показатели объясняются тем, что законодательство в государстве устанавливает строгие условия и требования для развода, предусматривая длительные сроки примирения и обязательное участие семейного судьи в разрешении споров. Немаловажным фактором выступают и культурно-религиозные традиции. В Узбекистане преобладают исламские традиции, которые считают брак священным и непоколебимым союзом, а развод не одобряется и сталкивается с глубокой социальным осуждением.

Общество в Узбекистане очень ценит семейные ценности и делает акцент на сохранении семьи. Развод может привести к негативной реакции со стороны родственников, друзей и соседей, что создает социальное давление на пару, стимулируя сохранение брака.

Таким образом, на показателях статистики и сравнительном анализе двух правовых систем в сфере защиты и сохранения моральных и нравственных ценностей в области семьи, можно сказать, что моральные ценности, регулируемые и обеспеченные поддержкой законодательства и суда в целом, в большей мере способствуют сохранению и развитию института семьи и брака. Суд является важным институтом, поддерживающим и укрепляющим семейные ценности. Он помогает семьям разрешить споры и конфликты, защищает их от нарушений и способствует созданию новых семейных отношений.

Бурнашева А. А.

ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ В ПРИНЦИПАХ УНИДРУА: ОСОБЕННОСТИ ЗАКРЕПЛЕНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ

*Бурнашева Анастасия Андреевна, студентка 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
nastyia.burnasheva.18@bk.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Царёва Л. В.

Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2016 г. (далее – Принципы УНИДРУА) являются широко признанной на международном уровне частноправовой унификацией. Как следует из Преамбулы Принципов УНИДРУА, целью данного документа является установление общих норм для международных коммерческих договоров.

Принципы УНИДРУА базируются на такой основополагающей идее, как добросовестность, которая прямо установлена как обязанность сторон действовать «в соответствии с добросовестностью и честной деловой практикой в международной торговле» (п. 1 ст. 1.7 Принципов УНИДРУА).

Кроме того, ст. 1.7, которая хотя и адресована сторонам, может также рассматриваться как выражение основополагающей цели Принципов УНИДРУА, а именно содействовать соблюдению добросовестности и честной деловой практики в договорных отношениях.

В Комментарий к указанной статье отмечается, что даже при отсутствии в Принципах УНИДРУА специальных норм поведение сторон на протяжении всего существования договора, включая также процесс проведения переговоров, должно соответствовать добросовестности и честной деловой практике. Значимость и фундаментальность данной обязанности подкрепляется и п. 2 ст. 1.7 Принципов УНИДРУА, согласно которому стороны не могут исключить или ограничить эту обязанность.

Обязанность действовать добросовестно получила конкретизацию во многих положениях Принципов УНИДРУА: на стадии заключения договора (подп. b п. 2 ст. 2.1.4, ст. 2.1.15, 2.1.16, 2.1.18, 2.1.20), в институте представительства (п. 2 ст. 2.2.4, п. 2 ст. 2.2.5, ст. 2.2.7, 2.2.10), при оспаривании договора (ст. 3.2.2, 3.2.5, 3.2.7), при толковании договора (п. 2 ст. 4.1, п. 2 ст. 4.2, ст. 4.6, 4.8), на стадии исполнения договора (ст. 5.1.2, 5.1.3, 6.1.3, 6.1.5, п. 2 ст. 6.1.16, п. 1 ст. 6.1.17, п. 3, 4 ст. 6.2.3, ст. 7.1.2, 7.1.6, 7.1.7), а также при привлечении к ответственности за неисполнение обязательств (ст. 7.4.8, 7.4.13).

Интересно, что общая норма ст. 1.7, предусматривающая обязанность сторон действовать добросовестно и в соответствии с честной деловой практикой, является одной из наиболее применимых норм в судебной и арбитражной практике (на данный момент в базе данных UNILEX

насчитывается 69 опубликованных дел). При этом суд применяет данную норму как в сочетании со специальной нормой, так и в качестве самостоятельной нормы при отсутствии специальной, а также для подтверждения решения, принятого в соответствии с применимым внутренним правом.

Так, арбитражные суды при обосновании принятых решений ссылаются на ст. 1.7 в сочетании со ст. 4.6 (Правило «*contra proferentem*») и ст. 2.1.16 (обязанность конфиденциальности) (Arbitration Court of the Lausanne Chamber of Commerce and Industry, 17.05.2002), ст. 5.1.3 (сотрудничество между сторонами) (ICC International Court of Arbitration, ICC-FA-2020-005, 2013), ст. 3.2.7 (существенное неравновесие) (ICC International Court of Arbitration, 18728).

В качестве самостоятельной нормы добросовестность рассматривалась в Международном коммерческом арбитражном суде при Торгово-промышленной палате Российской Федерации (МКАС), где состав арбитража пришел к выводу, что обязанность ответчика предупреждать истца о недостатках товара, «которые препятствуют или влияют на безопасную и нормальную эксплуатацию Установки», и возможных расходах на их устранение вытекает из принципа добросовестности, закрепленного в ст. 1.7 Принципов УНИДУРА (Решение от 6 августа 2015 г., дело № 244/2014).

В свою очередь, международный арбитражный суд ИСС применил добросовестность для подтверждения решения, принятого в соответствии с применимым внутренним правом. В суде рассматривалось дело, где стороны заключили предварительное соглашение, согласно которому обязались добросовестно вести переговоры. Однако истец после ряда переговоров расторг данное соглашение. Арбитражный суд сослался на ст. 1.1, 1.3, 1.7 и 2.1.15 Принципов УНИДРУА, в целях подтверждения решения, к которому он пришел в соответствии с законодательством штата Нью-Йорк о принудительном исполнении предварительного соглашения сторон о добросовестном ведении переговоров (ICC International Court of Arbitration, Paris, 8540, 04.09.1996).

Для белорусского законодательства и правоприменительной практики международный опыт закрепления и применения добросовестности представляет несомненный интерес. В действующей редакции Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) добросовестность определена как принцип, который закреплен в качестве одного из основных начал гражданского законодательства (абз. 8 ч. 2 ст. 2 ГК). При этом содержание данной категории раскрывается не через обязанность сторон действовать в соответствии с добросовестностью, а через презумпцию. Такое закрепление добросовестности создает правовую неопределенность и, как следствие, не способствует формированию единой судебной практики.

Как отмечает В. И. Емельянов закрепление добросовестности как принципа и как презумпции нельзя толковать как возложение обязанности осуществлять любые действия добросовестно.

Из положений проекта Закона Республики Беларусь «Об изменении кодексов» следует, что законодатель развивает принцип добросовестности путем более широкого нормативного закрепления в отдельных институтах (п. 4 ст. 167, ч. 2 п. 1 ст. 180, п. 2 ст. 401-1, п. 3 ст. 402, ст. 404-1, п. 2 ст. 420-1 ГК).

Вместе с тем в рамках исполнения договорных обязательств добросовестность все еще не получает закрепления в качестве прямой обязанности сторон.

Как отмечает С. В. Сарбаш отсутствие принципа добросовестной при исполнении обязательств не позволяет правоприменителю при рассмотрении споров дать адекватную оценку действиям в случаях недобросовестного поведения сторон при исполнении обязательств.

Представляется, что законодателью Республики Беларусь целесообразно было бы учесть воспринятый на международном уровне опыт закрепления и применения добросовестности в качестве прямо установленной обязанности сторон.

Бутакова Я. С.

РОССИЙСКИЕ КОНТРСАНКЦИИ КАК ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

*Бутакова Яна Сергеевна, аспирант Аспирантской школы по праву
Национального исследовательского университета «Высшая школа
экономики», г. Москва, Россия, yanabutakova@yandex.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Фонова О. В.

Термин «контрсанкции» прочно связан с термином «санкции». Контрсанкции – это мера, принимаемая одним государством против другого в ответ на применяемые по отношению к нему односторонние социально-экономические санкции. Любое государство обладает юрисдикцией применять санкции в пределах своей территории, а также налагать запреты на своих физических и юридических лиц для защиты публичных интересов. Российские контрсанкции действуют в пределах территории принявшего их государства и имеют сугубо территориальный характер, а нарушение контрсанкционного регулирования является основанием для привлечения к ответственности в рамках национального законодательства. Если же международные экономические санкции носят больше публичный характер, российские «контрсанкции» как реакция на них носят в большей степени – частноправовой характер.

Относя российские контрсанкции к институту частного права, их можно отождествить со сверхимперативными нормами (ст. 1192 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ)) или реторсиями (ст. 1194 ГК РФ).

Можно выделить следующие признаки сверхимперативных норм характеризующих и контрсанкции:

1) *их цели* – защита публичных интересов государства. Примером являются Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2022 г. № 79, который вводится «в связи с недружественными и противоречащими международному праву действиями Соединенных Штатов Америки <...> в целях защиты национальных интересов Российской Федерации» и Федеральный закон от 4 июня 2018 г. № 127 «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств», закрепляющий своей целью «защиту интересов и безопасности Российской Федерации, ее суверенитета и территориальной целостности, прав и свобод граждан Российской Федерации от недружественных действий Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств»;

2) *фундаментальная важность* нормы для защиты этих интересов оправдывает ее применение в любой ситуации, подпадающей под ее действие, *независимо от применимого права*. Здесь примером являются нормы Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (АПК РФ) в части возможности изменения подсудности в одностороннем порядке (ст. 248.1);

3) *особый императив нормы* – в дополнение к тому факту, что от нее нельзя отступать во «внутренних» договорах, такая норма подлежит применению даже в тех случаях, когда отношения содержат иностранный элемент и регулируются иностранным правом. Так, например, с 17 января 2023 г. введена временная процедура ограничения корпоративных прав иностранных участников в ряде российских корпораций из сфер энергетики, машиностроения и торговли (имеют право голосовать, не учитывая голоса акционеров из «недружественных» стран при принятии корпоративных решений);

4) нормы являются сверхимперативными вследствие *прямого указания на их особый характер* (или это прямо следует из особой значимости охраняемых ими отношений). Практически все акты в рамках «контрсанкционного» регулирования приняты в целях обеспечения безопасности Российской Федерации.

Российское право трактует реторсии как установленные ответные ограничения (ст. 1194 ГК РФ). Отличием реторсий от других институтов, например, репрессалий является то, что они не обязательно являются ответом на предшествующее международно-противоправное деяние. Другим отличием является то, что реторсии это в большей степени частноправовой институт. Реторсии и контрсанкции, являясь формально разными категориями, носят околосоженный характер, в частности, и те, и другие являются ответными мерами. Представляется достаточно вероятным, что российская судебная практика пойдет по пути признания российских контрсанкций – реторсиями.

Российские контрсанкции также имеют все признаки частноправового института и сверхимперативной нормы, при этом интересной представляется позиция, что современная юридическая доктрина отмечает развитие

процессов публикации и приватизации между частным и публичным правом, а любой частный интерес можно подвести под публичный интерес государства. В настоящий момент отсутствует российская судебная практика, которая относилась бы контрсанкции к одной из выше рассмотренных категорий, но, на наш взгляд, рассматривать институт российских контрсанкций необходимо именно как реторсии и сверхимперативные нормы.

Зубкова П. А., Тарлыкова А. А.
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ
ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ

*Зубкова Полина Алексеевна, Тарлыкова Анна Андреевна, студентки 5 курса
Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов, Россия,
polinazybkova888@gmail.com,*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Ермолаева Т. А.

В современное время в научной литературе нет четкого определения термина «электронная коммерция», «электронная торговля», «электронное предпринимательство». Кроме того, он не имеет дефиниции в российском законодательстве. При совершении электронных сделок в рамках международной торговли существовали определенные трудности, так как до 1996 г. данные отношения не регулировались, за исключением национального права контрагентов. Во многом стоит отметить, что специфика договорных отношений, выражающаяся в необходимости оформления по электронным сделкам электронных документов, препятствует эффективному правовому регулированию электронной торговли.

Одни из первых шагов для решения определенных проблем в сфере электронной торговли были приняты на международном уровне в 1996 г. ЮНСИТРАЛ приняла Типовой закон об электронной торговле, в котором функции электронной торговли в основном рассматриваются на основе традиционных требований, предъявляемых к форме документов и способам воспроизведения, отражения данных функций в электронном виде. В данном типовом законе давалось понятие «электронная коммерция», однако данное определение не было закреплено в законодательстве ни одного из государств.

В 2001 г. в ходе 34-й сессии ЮНСИТРАЛ был принят еще один важный закон, который во многом урегулировал вопросы трансграничной торговли, а также использование электронной подписи для осуществления электронной торговли. Типовой закон наделил электронную подпись юридической силой вне зависимости от того, где она создана или используется.

США одно из первых государства, которое на законодательном уровне положило начало регулированию электронной коммерции. Первым законодательным актом в сфере регулирования цифровой подписи стал Закон штата Юта о цифровой подписи, принятый в 1995 г. Также был создан определенный орган, который имел обязанности по регулированию электронной коммерции – Бюро цензов министерства торговли США. Таким образом, на современном этапе в данном государстве сформирована

определенная система, которая во многом устанавливает стандарты для защиты конфиденциальных сделок, регулирования рекламы в сети Интернет с использованием электронной почты и др.

Стоит также отметить, если рассматривать нормативно-правовую базу США, то можно заметить, что понятие «электронная коммерция» имеет совсем иное обозначение. В данном случае «электронная коммерция» рассматривается в контексте налогов и налогообложения и им обозначаются любые сделки, которые совершаются сторонами с помощью интернета. Приводится и определенный перечень сделок, на которые распространяется понятие «электронная коммерция». К ним можно отнести: предоставление имущества, лицензирование, купля-продажа и др.

В законодательстве Японии понятие «электронная коммерция» обозначается как деятельность, связанная с осуществлением всех видов коммерческих сделок с использованием интернет-технологий или иных средств современной связи и взаимодействия. К таким сделкам во многом относятся: оказание услуг потребителям и поставщикам, обмен денежных средств, информации и др.

Как было сказано выше, в российском праве отсутствует понятие «электронная коммерция». Однако существуют определенные нормативные правовые акты, косвенно регулирующие данный институт. В п. 2 ст. 434 Гражданского кодекса Российской Федерации содержится определенное положение, которое допускает заключение гражданско-правовых сделок путем взаимного обмена документами с использованием средств электронной связи. Однако при этом во многом указывается, что необходимо создавать определенную возможность, чтобы достоверно установить факт того, что документ от контрагента был получен. Одним из главных нормативных правовых актов в части регулирования электронных сделок является Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149 «Об информации, информационных технологиях и защите информации». Данный закон, в свою очередь, устранил множество пробелов, которые были в регулировании использования электронных документов. В нормативном правовом акте дано также четкое определение электронной цифровой подписи.

Стоит отметить, что на законодательном уровне закреплено определенное условие, в соответствии с которым использование при заключении сделок электронной подписи или любого другого аналога допустимо только в случае, прямо предусмотренном законом. Тем самым это во многом создает определенные трудности для осуществления операций в рамках трансграничной электронной торговли.

Необходимо также выделить, что А. А. Тедеев во многом является противником внедрения понятия «электронной коммерции» в законодательстве РФ. В первую очередь свое мнение он основывает тем, что вышеуказанное понятие не имеет общепризнанного определения, которое может быть наполнено юридическим содержанием. Однако А. А. Тедеев предлагает определенную альтернативу понятию «электронная коммерция» – «электронная экономическая деятельность».

Различное толкование и объяснение понятия «электронная коммерция» в государствах может в определенном смысле порождать проблемы в процессе разрешения судебного спора между субъектами международного частного права. Так, Канадский апелляционный суд не стал ссылаться на типовые законы, принятые ЮНСИТРАЛ, а отдал предпочтение национальному законодательству. В первую очередь суд обосновывал свое решение тем, что спор рассматривается на территории Канады, хотя субъектами спора являются организации «Milk Tech», которая находится в США и «Braintech Inc.» – Канада. В рамках спора канадская компания доказывала, что договоренность о поставке упаковочной продукции осуществлялась через сеть Интернет, тем самым на данные правоотношения распространяются нормы о дистанционной торговле. Однако представитель компании США указывал, что в соответствии с правилами электронной торговли необходимо применить зарегистрированную электронную подпись. Отсутствие электронной подписи на документе должно свидетельствовать о том, что данный договор не может быть рассмотрен в рамках электронной торговли. Суд, в свою очередь, указал, что в соответствии с договором поставки указывалось, что законодательство, которое будет применяться в рамках спора, – законодательство Канады, в договоре не указано, что применимое законодательство – международные правовые акты, а именно типовые законы. Тем самым суд при разрешении спора использовал законодательство Канады, где также указывается, что регистрация электронной подписи в специальном реестре не требуется, если численность организации менее 45 человек.

Из данного примера можно сделать вывод, что отсутствие единого понятия об «электронной коммерции», «электронной подписи» создает определенные юридические пробелы. При заключении договоров между участниками международного частного права, субъекты правомочны сами выбирать применимое законодательство. Однако рекомендации и нормы международного частного права могут быть отражены в одной системе права, а в другой нет. Таким образом, различное понимание одного термина и всех его составляющих во многом порождает проблемы для участников международного частного права.

Рассматривая «электронную коммерцию» через призму российского права, можно заметить, что довольно часто существуют определенные споры, которые связаны с такой популярной компанией среди российских покупателей, как «Aliexpress». При появлении каких-либо споров с данной компанией в рамках электронной торговли как обычный потребитель, так и организация невольно отказываются от защиты своих прав российским законодательством, так как все споры, которые возникают между покупателем и продавцом, в соответствии с правом КНР, рассматриваются по месту нахождения продавца, тем самым используется право КНР. Стоит отметить, что КНР имеет совсем иное понимание «электронной коммерции».

Таким образом, в рамках электронной торговли субъекты не могут должным образом защищать свои права из-за отсутствия определенного

единого понятия «электронной коммерции». При возникновении споров организации не могут ссылаться на нормы международного частного права в части «электронной коммерции», так как они не несут в себе обязательного характера. В свою очередь, стоит отметить, что само назначение международного права – создать определенный единый базис для отношений между различными субъектами, от которого они могут отталкиваться в случае возникновения споров. В данном случае роль международного частного права очень мала в рамках регулирования «электронной коммерции».

Помимо понятия «электронной коммерции» существуют и иные определения, которые в различных государствах по-разному трактуются. К таким примерам можно отнести: «письменная форма», «подпись» и др. Также стоит затронуть проблему невозможности государств найти определенный компромисс в решении вопроса о том или ином понятии «электронной коммерции».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что нет единого определения «электронной коммерции». Данное обстоятельство порождает определенные проблемы для нормального функционирования данного института. Реализация «электронной коммерции» является проблемой как национальной, так и международной. Внедрение понятия «электронной коммерции» в национальном законодательстве не решает проблему правильного использования, так как для реализации данного института необходимо и международное закрепление.

Купрейчик А. А.

ПРАВО, ПРИМЕНИМОЕ К ОСНОВАНИЯМ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛОК: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМ

*Купрейчик Александр Анатольевич, магистрант Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь, kupresasha@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Царёва Л. В.

Совершение сделок, осложненных иностранным элементом, – неизбежное явление нашей правовой реальности.

Законность и «правовая чистота» отношений, основанных на таких сделках, являются залогом стабильности международного гражданского оборота, а также в некоторых случаях условиями защиты прав судебными (арбитражными) институтами и исполнимости их решений на территории иностранных государств. В связи с этим сторонам в целях оценки возможных рисков при вступлении в такие гражданско-правовые отношения необходимо знать о нормах права, применимых к основаниям недействительности совершаемых сделок.

В настоящее время выбор права, применимого к основаниям недействительности сделок, представляет собой один из самых проблемных вопросов в науке международного частного права, что находит отражение в разнообразии подходов в коллизионном законодательстве различных стран.

В Гражданском кодексе Республики Беларусь отсутствует прямое решение данного вопроса: коллизионные нормы, касающиеся недействительности сделок, ограничиваются лишь указанием на то, что последствия ничтожности или недействительности договора входят в сферу действия договорного статута (подп. 6 п. 1 ст. 1127 ГК).

В то же время Гражданский кодекс Казахстана включает основания недействительности договора в сферу действия договорного статута (подп. 6 п. 1 ст. 1115).

В свою очередь, в Регламенте (ЕС) № 593/2008 «О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам» (Рим I) (далее – Регламент ЕС) содержатся специальные коллизионные нормы в отношении «материальной» и «формальной» действительности договора (при этом материальная действительность в понимании Регламента ЕС охватывает все элементы сделки, за исключением ее формы, а также дееспособности сторон). В соответствии со ст. 10 Регламента ЕС правом, подлежащим применению при оценке материальной действительности договора, является право, которое подлежало бы применению к договору в случае, если бы он являлся действительным. Таким образом, в случае отсутствия соглашения о применимом праве материальная действительность будет регулироваться правом, применимым к договору (ст. 3 и 4 Регламента ЕС). Формальная действительность, в свою очередь, регулируется правом, применимым к форме сделки (ст. 11 Регламента ЕС). В свою очередь, физическое лицо, которое является дееспособным по праву места заключения договора, вправе ссылаться на отсутствие у него дееспособности по праву другой страны в случае, если при заключении договора другая сторона знала об этом отсутствии дееспособности или не была осведомлена о нем лишь по причине собственной небрежности (ст. 13 Регламента ЕС).

Примечательно, что подход Регламента ЕС был в точности воспринят Гражданским кодексом Молдовы (ст. 2623–2624, 2626).

Иной подход демонстрирует Закон Украины «О международном частном праве», устанавливающий общую норму, в соответствии с которой действительность сделки определяется правом, применимым к содержанию сделки (ст. 33). В свою очередь, при отсутствии соглашения сторон о применимом праве содержание сделки определяется в соответствии с правом, имеющим наиболее тесную связь со сделкой (ст. 32).

На фоне отсутствия в Гражданском кодексе Российской Федерации специальных коллизионных норм об основаниях недействительности сделок российский правоприменитель высказал свою официальную позицию по данному вопросу в п. 42 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации».

В нем отмечено, что «к различным группам оснований недействительности сделок применяются различные коллизионные нормы»: к основаниям недействительности сделок, связанным с пороками субъектного состава, применяются правила о личном законе физического

лица или личном законе юридического лица; основания недействительности сделок, связанные с нарушением требований к форме сделки, входят в сферу действия статута формы сделки; недействительность сделок в связи с пороками воли и содержания при отсутствии соглашения сторон о применимом праве входит в сферу действия договорного статута.

Представляется, что на данный момент одной из причин отсутствия специального коллизионного регулирования оснований недействительности сделок в Республике Беларусь является недостаточная научная исследованность данной сферы правоотношений, которая должна выступать основой для нормативного регулирования. В свою очередь, последнее должно базироваться на понимании правовой природы недействительности сделок, а также дифференциации оснований недействительности в зависимости от пороков элементов сделки (формы, содержания, воли и субъекта).

Бойко Е. А.

ОБ УСЛОВИЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ АККАУНТА

Бойко Екатерина Анатольевна, магистрант 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, law.boykoEA3@bsu.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Свадковская Е. А.

Аккаунт социальной сети до сих пор не нашел своего места в системе объектов прав как с точки зрения отраслевой принадлежности, так и среди невещественных объектов права. Зачастую исследователи называют пользовательские аккаунты в качестве вида виртуального имущества, т. е. на них распространяется режим вещных прав, однако, в отличие от иных видов виртуального имущества, аккаунты в социальных сетях тесно связаны с широким кругом персональных данных, информацией о частной жизни и деловой репутацией пользователя. Следует учитывать и то, что отношения между пользователем и владельцем социальной сети являются обязательственными. Такие отношения оформляются пользовательским соглашением, объединяющим в себе элементы лицензионного договора и договора оказания услуг. В то же время невозможно отрицать, что аккаунт в социальной сети в большом количестве случаев связан с осуществлением коммерческой деятельности. Для организации ведение страницы в социальной сети является не только способом продвижения и связи с клиентской базой, но и средством заключения сделок. Более того, реальность показывает нам разнообразие споров и нарушений, связанных с рассматриваемым объектом. Так, к примеру, комиссия Министерства антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь (далее – МАРТ) решением от 11.04.2023 № 453/28-2023 установила факт наличия нарушения антимонопольного законодательства. Из обстоятельств, изложенных в решении комиссии МАРТ, следует, что ранее доступ к аккаунту в социальной сети Instagram имела организация «Б» и, соответственно, размещала на странице контент с указанием своего фирменного наименования. Организация «А» объяснила наличие хештегов и использование наименования организации «Б» тем, что после перехода аккаунта к «А» редактирование постов не производилось. Комиссия МАРТ, при анализе совместно с иными нарушениями, пришла к выводу о возможности причинения указанными действиями организации «А» убытков организации «Б». В данном контексте отметим, что Условия использования сервиса Instagram запрещают продажу, передачу по лицензии и покупку аккаунтов. Указанный пример, который является лишь одним из множества, демонстрирует необходимость признания имущественной ценности аккаунтов в социальных сетях, однако лишь с учетом связи отношений по поводу аккаунтов с иными правовыми институтами. В то же время для национальной правовой системы не свойственно широкое понимание

категории *имущество*. Устоявшимся в научном сообществе считается понимание имущества как совокупности принадлежащих субъекту гражданского права вещей, имущественных прав и обязанностей. В то же время, как обращает внимание М. А. Рожкова, анализ прецедентной практики Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) демонстрирует нам формирование нового подхода к пониманию имущества. Так, к понятию «имущество» ЕСПЧ относит не только имущество в классическом его понимании (в том числе вещи и нематериальные объекты прав), но и объекты, которые обладают определенной экономической ценностью (например, деловая репутация и создание собственной клиентуры, лицензии на осуществление определенной деятельности и т. п.). В то же время делается акцент на использовании в постановлениях ЕСПЧ применительно ко второй группе объектов термина «активы», под которым понимаются не только имущественные права, но зачастую и экономические интересы, не нашедшие оформления в праве. В литературе предлагается использовать позицию ЕСПЧ при разработке подхода к имущественным правам на новые объекты, с чем сложно не согласиться.

В заключение отметим, что следует различать *аккаунт в социальной сети* и *персональную страницу пользователя социальной сети*. Под аккаунтом следует понимать учетную запись пользователя, позволяющую владельцу социальной сети вести учет пользователей и посредством которой осуществляется пользование виртуальным пространством. Страница пользователя – это раздел социальной сети, в котором отображается размещаемая пользователем информация, доступный для просмотра иным пользователям. Различать данные явления важно для целей разграничения возникающих по поводу аккаунта и персональной страницы отношений, определения подлежащих применению правовых норм, а также способов защиты прав в случае их нарушения. Например, при оформлении отношений с SMM-специалистом для ведения аккаунта в социальной сети в договор также следует включать условия о переходе исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности. Хотя при прекращении отношений с SMM-специалистом доступа у второго к аккаунту в социальной сети не будет, при игнорировании указанного условия «владелец» аккаунта не сможет воспрепятствовать использованию уникального контента на чужих страницах.

Дубовик Н. А.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ, СОЗДАННЫЕ С ПОМОЩЬЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

*Дубовик Нина Александровна, студентка 4 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
dubovikninochka@yandex.by*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Иванова Д. В.

Некоторая неопределенность в связи с использованием искусственного интеллекта присутствует во всех сферах его применения. На данный момент

ведутся споры о правоспособности, формах и видах, самом понятии и о возможностях искусственного интеллекта, но это далеко не все вопросы, возникающие при его упоминании.

Искусственный интеллект в музыке используется для написания самостоятельных произведений, для их обработки, для вдохновения автора и многого другого.

Специалисты утверждают, что как в литературе всего 36 сюжетов, так и в музыке всего 7 нот. Из чего можно сделать вывод, что основным признаком уникального музыкального произведения считается именно творческий вклад человека, который по-новому и с новыми идеями посмотрел на эти 7 нот.

Большинство произведений, созданных посредством искусственного интеллекта, – это сборка различных фрагментов из тысяч музыкальных произведений, которые есть у него в доступе. Человек, создавший попурри – произведение, сотворенное из частей других произведений, – является автором этого произведения, так как создает его своим творческим трудом, который заключается в том, что он сопоставляет в правильной последовательности, с правильными проигрышами и вставками различные части музыкальных произведений. Можно ли тогда считать искусственный интеллект, сделавший то же самое, автором, пока непонятно.

В 2020 г. в Нидерландах прошел первый конкурс с участием песен, созданных искусственным интеллектом, – «ИИ-евровидение». В нем приняли участие представители из 13 стран, победителем стала Австралия. Для подготовки песен нейросети были обучены на различных песнях, звуках и текстах. Канадская организация «Over the Bridge», помогающая музыкантам бороться с психическими заболеваниями, создала проект «Lost Tapes of the 27 Club». Так на свет появились песни, которые могли бы быть созданы Эми Уайнхаузен и другими, но были созданы искусственным интеллектом. Певица Grimes создала для своего сына бесконечную колыбельную на основе своих песен. А группа «YACHT» получила Грэмми за песню, которую создала нейросеть.

«Яндекс Музыка» предлагает пользователям прослушивание нейромузыки – бесконечной композиции без слов и текста в трех режимах – спокойствие, вдохновение, бодрость. Зайдя в официальную социальную сеть «Яндекс Музыки» ВКонтакте на пост с анонсом нового обновления от 4 августа 2022 г., можно найти интересные ответы на вопросы, поставленные пользователями в комментариях. Как утверждают разработчики, «нейромузыка» обучается на действиях пользователя: если поставить лайк, алгоритмы продолжат писать похожую музыку и будут чаще предлагать ее в будущем, дизлайк же мгновенно перестраивает поток. Также ими было отмечено, что нейромузыка – это бесконечный поток, который генерируется в режиме реального времени. Он собирается из подготовленных для обучения частей композиции и дополняется генерируемыми переходами между ними. Нейромузыка обращает внимание и на личные рекомендации.

На вопрос, кому принадлежат авторские права, был дан такой ответ: «Для создания нейромузыки не используются предзаписанные сэмплы:

нейросеть сама создает музыкальные партии, причем в разных жанрах: рок, хип-хоп, поп, электроника и эмбиент. Эти партии озвучиваются виртуальными инструментами и затем становятся звуковыми петлями. По этой причине права на треки от нейромузыки принадлежат сервису «Яндекс Музыка». На наш взгляд, так как правовое регулирование соответствующих отношений отсутствует, то нельзя оценить правомерность данного заявления. Мировая практика все чаще идет по пути оценки творческого вклада человека в процесс создания нейросетями произведений. Сложно оценить творческий вклад разработчиков в создание произведения, учитывая то, что именно пользователь своими действиями и рекомендациями выстраивает дальнейшее произведение. Будет ли он при этом являться автором, вопрос спорный.

Примеры, приведенные выше, показывают положительные и интересные возможности искусственного интеллекта. Однако существуют при этом примеры, которые нарушают права авторов. В 2023 г. в интернет попали композиции, написанные искусственным интеллектом, но с использованием голоса певца Drake. Данный случай оказал отрицательное влияние на исполнителя, из-за чего лейбл, в котором он выпускает свои песни, потребовал закрыть доступ к такому контенту и удалить с площадок композиции. К сожалению, на данный момент невозможно спрогнозировать, чем окончится спор.

Делая вывод, можем сказать, что правовое регулирование во всем мире не готово к столь стремительному развитию технологий, из-за чего не успевает за новыми разработками. На наш взгляд, первым шагом к урегулированию данных вопросов должно стать определение правового режима объектов, созданных с помощью искусственного интеллекта, что повлечет и дальнейшее развитие в этом направлении.

Едчик Ж. А.

ОСОБЕННОСТИ НАРУШЕНИЙ АВТОРСКИХ ПРАВ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Едчик Жан Андреевич, аспирант «БИП-Университет права и социально-информационных технологий», г. Минск, Беларусь, zhan_titulconsalt@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Стрижак М. С.

Внедрение новых информационных технологий, развитие инструментов цифровизации технологических процессов (нейросетей, искусственного интеллекта, площадок, виртуальных технологий) способствует возникновению новых вопросов и нарушений в сфере авторского права. На протяжении всей истории законодательству в сфере авторского права приходилось адаптироваться к новым и развивающимся технологиям и к появлению новых способов распространения и создания объектов авторского права. Ключевая проблема заключается в том, что законодателю трудно адаптироваться, в связи с невозможностью предсказать направление инновационных технологий.

Почти неограниченный информационный потенциал глобальной компьютерной сети интернет и отсутствие должного контроля над использованием цифрового контента, размещённого в интернете, создаёт предпосылки недобросовестного использования объектов интеллектуальной собственности.

Под защиту авторских прав в сфере информационных технологий попадают текстовые работы, иллюстрации и графика, фотографии и видео, а также иные производные материалы.

Появление новых платформ в сфере информационных технологий (по обмену, размещению, использованию контента), механизмов и способов создания объектов авторского права (различные нейросети) в личных и коммерческих целях способствовало увеличению случаев недобросовестного копирования и использования объектов авторского права (несанкционированный обмен файлами, обмен защищенной авторским правом музыкой, программным обеспечением, фильмами или другим цифровым контентом, несанкционированная передача данных на стриминговых платформах путём потоковой (онлайн) трансляции, пиратство программного обеспечения и т. д.).

В законодательстве Республики Беларусь в ст. 6 Закона № 262-З от 17 мая 2011 г. «Об авторском праве и смежных правах» предусмотрено, что авторское право распространяется на произведения науки, литературы и искусства, являющиеся результатом творческой деятельности, независимо от назначения и достоинства произведений, а также способа их выражения.

Защита авторских прав не ограничивается национальным законодательством, страны сотрудничают в рамках различных соглашений, например, как Договор ВОИС, так в ст. 8 Договора по авторскому праву указано, что авторы художественных произведений пользуются исключительным правом разрешать любое сообщение своих произведений для всеобщего сведения по проводам или средствами беспроводной связи, включая доведение своих произведений до всеобщего сведения таким образом, что представители публики могут осуществлять доступ к таким произведениям из любого места и в любое время по их собственному выбору.

В январе текущего года в США был подан иск от группы художников к разработчикам платформ (по разработке программного обеспечения (нейросетей), создающих визуальный контент по текстовым запросам пользователей), по причине использования последними иллюстраций, защищенных авторским правом, для обучения нейросетей при выборке (анализе и присваивая объектам определенных значений), предмет иска заключается в том, что истцы просят запретить разработчикам таких платформ использовать работы художников без разрешения.

Одним из самых распространенных нарушений авторского права является нарушение в области плагиата и недобросовестного заимствования аудиовизуальной продукции и размещение его в виртуальном пространстве таких платформ, как Youtube, TikTok, Instagram, Facebook, Twitch.

Для противодействия несанкционированному использованию аудиовизуальной продукции пользователями платформ, как правило, используются специальные локальные инструменты защиты прав и интересов правообладателей. На платформе Youtube используется система «ContentID», дающая авторам возможность отслеживания недобросовестного использования другими пользователями защищенных авторским правом объектов. Стоит отметить также такую систему, как «уведомление DMCA», которая распространяется не только на контент размещенный на какой-то определенной платформе, а позволяет авторам подавать уведомление DMCA практически каждой поисковой системе или платформе.

Таким образом, в эпоху цифровых технологий защита прав авторов и обеспечение соблюдения законодательства об авторском праве имеет колоссальное значение. В свою очередь, проблематика заключается в поиске баланса между соблюдением прав авторов, информационных посредников и пользователей, а также разработке новых инновационных и эффективных инструментов защиты интеллектуальной собственности в сфере информационных технологий.

Ковалёва А. В.

ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ РОЛИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СОЗДАНИИ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Ковалёва Александра Викторовна, учащаяся 3 курса Юридического колледжа Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, sashunya.kovalyova@gmail.com

Научный руководитель: преподаватель Мозоль А. С.

Вопросы использования искусственного интеллекта (далее – ИИ) стали насущными в 2023 г. Благодаря появлению нейронных сетей замена алгоритмами человеческого творчества становится все ближе. Общество находится на грани нового технологического этапа, в котором взаимодействие с ИИ станет неотъемлемой частью деятельности человека. Данный тезис подтверждается подп. 45.4 п. 45 Концепции правовой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 28.06.2023 № 196.

В Республике Беларусь отсутствует легальное понятие ИИ, в связи с чем первоначально необходимо рассмотреть содержание такого термина. Впервые термин «искусственный интеллект» был использован в 1956 г. на конференции в Дартмунском университете Джоном Маккарти. В его понимании, ИИ – это «раздел науки и технология создания интеллектуальных машин, особенно компьютерных программ такого типа». Следовательно, ключевым признаком ИИ является интеллектуальность, т. е. способность добиваться заданных целей.

Так, Рэй Курцвейл определяет ИИ в призме выполнения функций, требующих интеллектуальности при их выполнении человеком. В свою

очередь, Алекс Эндрю считает, что ИИ обладает «интеллектуальным поведением». В Национальной стратегии развития ИИ на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490, назначением ИИ закреплена «имитация когнитивных функций человека и получение результатов, сопоставимых с человеческой деятельностью». На наш взгляд, искусственный интеллект – это технологическая система, основанная на алгоритмах анализа информации и глубокого машинного обучения, которая создает уникальные решения в ответ на запросы пользователя.

На данный момент преобладает позиция, что системы технологических решений соответствуют признакам «слабого ИИ» (narrow AI). Существующие системы способны выполнять однотипные задачи на основе строго сформулированного запроса пользователя. Ученые сходятся во мнении, что системы технологических решений пока не могут имитировать человеческий интеллект, однако нейронные сети, способные к самообучению, наиболее близки к развитию «сильного ИИ» (AGI). Это обуславливается подходом глубокого машинного обучения, благодаря которому нейронные сети выполняют задачи на основании информации, заложенной при разработке ИИ и представленной в запросе пользователя.

Результатом выполнения ИИ запроса пользователя является объект в форме текста, изображения, программного кода или в иной форме. По нашему мнению, создаваемые нейронными сетями и другими технологиями ИИ объекты имеют творческий характер, поскольку решение ИИ однозначно предсказать невозможно. Соответственно, технологии ИИ осуществляют «оригинальное производство мыслей» пользователя.

Законом Республики Беларусь от 17.05.2011 № 262-З «Об авторском праве и смежных правах» закреплено, что объекты интеллектуальной собственности (далее – ОИС) создаются только собственными силами автора – физического лица, в связи с чем полагаем необходимым установить роль ИИ в таком процессе. Основываясь на анализе позиций ученых (Е. В. Евтеева, В. О. Калятин, С. С. Лосев, С. А. Липская, М. В. Шматова), целесообразно выделить концепции роли ИИ в создании ОИС.

1. *Машиноцентрическая концепция.* ИИ должен быть признан единственным автором создаваемых ОИС. На наш взгляд, такая концепция повлечет дисбаланс между интересами авторов существующих ОИС и разработчиков (пользователей) технологий ИИ, а также этические вопросы. Ключевым противоречием для приравнивания автора – физического лица и ИИ является отсутствие у последнего когнитивных функций.

2. *Концепция гибридного авторства.* ИИ следует признать соавтором ОИС наравне с пользователем технологий ИИ. В таком случае дисбаланс между интересами автора и ИИ минимизируется, однако указанный ранее этический вопрос остается нерешенным.

3. *Концепция служебного произведения.* ИИ необходимо придать статус, аналогичный роли работника, создающего служебное произведение. Это значит, что ИИ, как и работник, обладает ограниченными правами, в то

время как пользователь в роли «нанимателя ИИ» обладает исключительным правом. Представляется, что режим служебного произведения не может применяться по аналогии, так как ИИ не считается субъектом права.

4. *Антропоцентрическая концепция.* ИИ является инструментом автора для создания ОИС. По нашему мнению, такая концепция разрешает этический вопрос, что не требует поиска соотношения между творчеством физического лица и алгоритмами ИИ. Так, ИИ, будучи технологической системой, создал ОИС, автором которого будет признан пользователь ИИ, предложившего параметры результата в виде запроса.

На основании изложенного, предлагаем использовать в законодательстве Республики Беларусь подход антропоцентрической концепции для определения роли ИИ в создании ОИС. Традиционный подход авторства физического лица не следует изменять, поскольку технологии ИИ еще не достигли такого уровня выполнения задач, чтобы уравнивать статусы ИИ и автора – физического лица. Вместе с тем считаем, что настоящий вывод подлежит пересмотру при новых технологических открытиях.

Коротченко А. А.

ВЕЩАНИЕ И СТРИМИНГ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Коротченко Анастасия Анатольевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, anakor2001@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Свадковская Е. А.

Согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь «О средствах массовой информации» (далее – Закон) вещанием признается распространение юридическим лицом, на которое возложены функции редакции средства массовой информации, или иностранной организацией теле- или радиопрограммы самостоятельно либо с использованием в установленном законодательством порядке сетей электросвязи оператора электросвязи. Закон отождествляет процесс вещания с теле- или радиопрограммой, но не содержит указания на то, что данный процесс может также осуществляться и в глобальной сети интернет. Изучение процессов интернет-вещания в последнее время является довольно актуальной тематикой. К примеру, А. Гарматин, рассматривая виды интернет-вещания, выделил прямое – «живое вещание», и вещание в записи – «видео- или аудио – по запросу». В связи с этим автор предложил ввести в научный оборот термин «интернет-канал», который довольно схож с терминологией законодателя в Законе.

Официального определения термина «стриминг» в законодательстве пока нет, но в доктрине оно существует достаточно давно и стало общеупотребимым. С позиции многих авторов, в том числе и зарубежных, стриминг трактуется как потоковое вещание и представляет собой доставку удаленным пользователям мультимедийных потоков информации (видео, аудио) в режиме реального времени. Стриминговое вещание в современном обществе рассматривается как технологическая инновация и культурная

практика, которая объединяет аудиторию с индустрией медиа. Американский исследователь Б. Барроу, определяя стриминг как зарождающуюся индустрию, отмечает, что потоковая передача представляет собой «последнюю интеграцию» того, что называют цифровой медиа-индустрией.

В литературе и повседневном употреблении часто встречаются такие явления, как «подмена» понятий, а также их отождествление. При анализе терминов «стриминг» и «потоковое вещание» в доктрине допускается их отождествление, но у данной точки зрения есть как сторонники, так и противники. К примеру, Е. А. Милашова указывает, что интернет-вещание (потоковое вещание через интернет) на сегодняшний день вовсе не является объектом прав вещательных организаций и уточняет, что в настоящее время статус такого вещания не определен. Но при этом автор акцентирует внимание на том, что предоставление правовой охраны интернет-вещания стало бы актуальным для видео-блогеров и видео-стримеров, а также классических вещательных организаций, которые хотят расширить круг своих зрителей. В поддержку идеи об отождествлении потокового вещания и стриминга, Б. Барроу и А. Гарматин отмечают, что стриминг – это и есть потоковое вещание, которое не просто является процессом передачи, но «культурной практикой», своеобразным вызовом «собственнической» стратегии массовой потребительской культуры.

Для разграничения основных категорий стоит сначала указать, что термины «потоковая передача» и «потоковый контент» также не должны отождествляться. Медиафайлы, которые предоставляются и обрабатываются в режиме реального времени от провайдера, практически без промежуточного хранения на сетевых устройствах, называются потоковым контентом. Потоковая передача же относится к тому, как доставляется контент, а не к самому материалу. В качестве основного отличия стриминга от потокового вещания авторы приводят тезис, что в процессе стриминга все упирается на активную интеракцию с аудиторией, повышение ее активности за счет рекламы, привлечения денежных средств, оформления подписок, в то время как потоковая передача включает в себя передачу аудио- или видеоконтента в режиме реального времени через Интернет, без привязки событий к реальному времени и постоянному контакту с аудиторией. Стриминг в данном случае транслирует контент пользователям в режиме реального времени и в момент его создания, что отличает от потокового вещания. Кроме того, потоковое содержимое может быть предварительно записано или транслироваться, что позволяет просматривать его по требованию, в то время как при стриминге доступ к контенту предоставляется только во время мероприятия. С технической стороны, потоковое вещание в низком разрешении – хороший вариант для тех, у кого слабое интернет-соединение. Стриминг, в свою очередь, требует постоянного и высокопроизводительного, длительного подключения к интернету.

В Республике Беларусь господствующее положение на рынке в сфере предоставления услуг связи населению справедливо можно назвать РУП «Белтелеком». На их официальном интернет-портале содержится

страница, посвященная организации услуги процесса стриминга. Само же понятие «стриминг» они определяют «как потоковое вещание мультимедиа в режиме реального времени». Исходя из приведенного определения мы видим, что понятие «стриминг» и «потоковое вещание» не разделяются, а даже определяются посредством друг друга. В связи с вышеизложенным, предлагаем свое определение процесса стриминга: «Стриминг – это прямая трансляция потокового контента, происходящая в режиме реального времени и с активным вовлечением аудитории в происходящий процесс».

Коротченя А. П.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ НА ФИРМЕННЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ И ТОВАРНЫЕ ЗНАКИ

*Коротченя Анна Павловна, студентка 4 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
ann2002korotchenya@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Ландо Д. Д.

Достаточно распространенной является практика регистрации товарных знаков, совпадающих с фирменным наименованием коммерческой организации.

В соответствии с подп. 4.3 п. 4 ст. 5 Закона Республики Беларусь от 5 февраля 1993 г. № 2181-ХІІ (в редакции от 18 декабря 2019 г. № 275-3) «О товарных знаках и знаках обслуживания» (далее – Закон) не могут быть зарегистрированы в качестве товарных знаков в отношении однородных товаров обозначения, тождественные или сходные до степени смешения с охраняемым в Республике Беларусь фирменным наименованием (отдельными элементами этого наименования), право на которое в Республике Беларусь возникло у другого лица ранее даты приоритета регистрируемого товарного знака.

Предоставление правовой охраны товарному знаку, тождественному или сходному до степени смешения с охраняемым в Республике Беларусь фирменным наименованием, в нарушение указанных выше требований может быть признано Апелляционным советом недействительным полностью или частично в течение срока действия правовой охраны (подп. 1.1 п. 1 ст. 25 Закона).

Обладатель исключительного права на фирменное наименование вправе заявить требование о прекращении нарушения указанного права путем использования тождественного или сходного до степени смешения с ним товарного знака в судебную коллегия по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь.

Вопрос о защите исключительного права на товарный знак в случае старшинства его регистрации по сравнению с датой возникновения исключительного права на фирменное наименование является предметом отдельного исследования.

Вторым аспектом рассматриваемой проблематики является заключение договора уступки исключительного права на товарный знак в случае совпадения товарного знака правообладателя с его фирменным наименованием. Согласно ст. 1014 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) фирменное наименование юридического лица может быть использовано в принадлежащем ему товарном знаке. Вместе с тем в описанной выше ситуации требуется оценка потенциального введения потребителя в заблуждение.

Уступка исключительного права на товарный знак не допускается, если она может явиться причиной введения в заблуждение потребителя относительно товара, работы и (или) услуги или производителя товара, исполнителя работы и (или) услуги (ч. 2 ст. 1022 ГК).

В рамках процедуры регистрации договора уступки исключительного права на товарный знак патентный орган оценивает риски смешения потребителем прежнего и нового правообладателя.

Специалисты патентного органа Республики Беларусь выработали следующий подход. Шансы получения положительного решения при рассмотрении заявления о регистрации такого договора возрастают в следующих случаях:

- 1) ликвидация юридического лица (следует оговориться, что по общему правилу правовая охрана товарного знака прекращается на основании прекращения деятельности организации в силу подп. 1.5 п. 1 ст. 26 Закона);
- 2) аффилированность лиц;
- 3) схожесть фирменных наименований владельца и правопреемника.

Еще одним вариантом преодоления отказа в регистрации договора уступки исключительного права на товарный знак в случае совпадения товарного знака правообладателя с его фирменным наименованием является предоставление права на использование товарного знака несостоявшемуся правопреемнику на основании лицензионного договора.

В случае старшинства исключительного права на товарный знак владелец товарного знака вправе запретить его использование на товарах и при оказании услуг, для которых зарегистрировано обозначение. Столкновение исключительных прав на товарный знак и фирменное наименование имеет место, если оба субъекта осуществляют деятельность в одной или смежной сфере, вводя таким образом потребителя в заблуждение и вызывая смешение относительно правообладателей. Нарушитель исключительного права на товарный знак будет вынужден сменить либо фирменное наименование, либо сферу деятельности на ту, которая не пересекается с выпуском товаров или оказанием услуг, в отношении которых зарегистрирован товарный знак с более ранним приоритетом.

Существование проблемы столкновения исключительных прав на фирменное наименование и товарный знак предопределяет необходимость детализации норм о запрете уступки исключительного права на товарный знак вследствие введения потребителя в заблуждение.

Кузьменкова К. Д.

ДОМЕННЫЕ ИМЕНА КАК СРЕДСТВА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ

Кузьменкова Кристина Дмитриевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, Yadreu@bsu.by

Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Ядревский О. О.

Доменные имена являются неотъемлемой частью современного интернета, представляя собой уникальный идентификатор для сайта или онлайн-проекта. Однако за этим простым понятием скрывается множество вопросов, связанных с правовой природой и сущностью доменных имен. Отсутствие подробного законодательного урегулирования большинства отношений, связанных с использованием доменных имен, порождает множество вопросов для доктрины и практики. Исследователи не одно десятилетие пытаются определить, что именно такое доменное имя и какова его правовая природа, является ли доменное имя объектом гражданских прав, и в случае отнесения к объектам, к числу каких объектов гражданских прав относится доменное имя. Несмотря на многочисленные и многолетние исследования в данной области, ни ученые, ни практики к единому пониманию по вышеуказанным вопросам в настоящий момент не пришли.

Правовое понятие доменного имени зачастую определяется в совокупности с выводами о правовой природе, так как понятие как категория призвано отражать сущность называемого объекта, в связи с чем в данной работе данные категории будут рассматриваться совместно. Так, можно выделить и рассмотреть несколько распространенных теорий. На наш взгляд, имеет место выделение теорий на основе функциональности, а так как способность быть объектом гражданских правоотношений не может являться функцией, предлагаем разделить теории на следующие виды: доменное имя как техническое решение, доменное имя как услуга, доменное имя как имущество, доменное имя как средство индивидуализации.

Гражданский кодекс Республики Беларусь прямо не называет доменное имя средством индивидуализации или объектом ИС, однако перечень ст. 980 не является исчерпывающим, так как закон отмечает в п. 4 «другие» средства индивидуализации. Закон Республики Беларусь «О товарных знаках и знаках обслуживания» причисляет доменное имя к способам использования товарного знака, на что обязательно следует обратить внимание. В данном случае доменные имена по смыслу, по словам отражают или содержат то же, что и товарный знак, ввиду чего возникает множество споров с доменными именами, чаще всего связанных с недобросовестной конкуренцией. И. В. Попова, Е. А. Сवादковская, В. Ф. Чигир, определяя третью группу объектов интеллектуальной собственности в виде других результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг, относят к ней также доменные имена как средства индивидуализации физических и юридических лиц, отличные от товарных знаков (знаков обслуживания), фирменных

наименований и географических указаний, если охрана доменным именам будет предоставлена законодательным актом.

А. В. Попцов указывает, что средства индивидуализации и доменные имена обладают рядом общих черт:

- выполняют функцию индивидуализации (информационную и рекламную);
- обладают коммерческой ценностью, могут применяться в гражданском обороте и способны самостоятельно приносить прибыль;
- права возникают с момента регистрации;
- права ограничиваются в течение определенного времени, при этом общий возможный срок правовой охраны не ограничен;
- права могут быть аннулированы до истечения срока правовой охраны;
- права могут передаваться иным лицам на договорных началах.

Так, в США и ряде других стран, относящихся к англосаксонской правовой семье, существует концепция *common law trademark rights*, в рамках которой правовая охрана распространяется не только на зарегистрированные, но и на незарегистрированные товарные знаки. Если обозначение, содержащееся в доменном имени, соответствует критериям предоставления правовой охраны, оно может охраняться в качестве незарегистрированного товарного знака. В целом можно согласиться с довольно четким определением, предлагаемым Е. И. Гладкой, а именно: «Доменное имя – объект гражданского права, не признанный законодательством, технически являющийся средством адресации в сети Интернет, объектом гражданского оборота, результатом интеллектуальной деятельности, в предпринимательской сфере могущий выполнять функции, аналогичные функциям средств индивидуализации, который при легальном совпадении со средством индивидуализации пользуется защитой по соответствующему законодательству о таковом».

Таким образом, проанализировав существующие подходы к определению правовой природы доменного имени, на наш взгляд, наиболее близка к истине теория о доменном имени как средстве индивидуализации. Однако, нельзя в полной мере отождествлять доменное имя со средствами индивидуализации, ведь основная функция товарных знаков и других средств – индивидуализация, отличие продукции одного производителя от схожих товаров другого. У доменного имени функция более широкая – идентификация информационного ресурса в сети Интернет, обеспечение доступа к нему, а также упрощение восприятия адреса веб-сайта в сети Интернет. Доменное имя может содержать любое из средств индивидуализации либо быть сходным с ними; выполнять схожие функции; служить для индивидуализации сайтов в сети Интернет; представлять собой уникальное словесное обозначение, однако не может иметь перечисленные характеристики перманентно. На наш взгляд, доменное имя может выступать в качестве объекта гражданских прав в зависимости от его характеристики и используемой функциональности в каждом конкретном случае, так как объективно может и активно участвует в гражданском обороте в качестве объекта, владелец которого имеет на него имущественное право, а также

может и является средством индивидуализации. Исходя из сложившейся практики и отношений по поводу доменного имени в Республике Беларусь, наибольшее отражение находит теория о доменном имени как средстве индивидуализации.

Учитывая вышесказанное, представляется необходимым расширить правовой статус доменного имени в законодательстве Республики Беларусь как средства индивидуализации, при этом принимая во внимание не абсолютность доменного имени быть средством индивидуализации или содержать товарный знак, а его способность быть таковым, не отождествляя всякое доменное имя со средством индивидуализации. Несмотря на возможность доменного имени выступать в качестве объекта, на который у субъекта имеется имущественное право, считаем нецелесообразным закрепление определенного правового режима в Республике Беларусь.

Стефаненко Д. О.

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ПРАВ В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

*Стефаненко Дарина Олеговна, студентка 4 курса Витебского
государственного университета имени П. М. Машерова, г. Витебск,
Беларусь, vioduk@yandex.by*

Научный руководитель: Козловская В. В.

В настоящее время в правовой доктрине нет единства мнений относительно необходимости признания цифровых прав за субъектами правоотношений, складывающихся в телекоммуникационных сетях, включая Интернет. Цифровые технологии и сеть Интернет позволяют создавать, распространять и потреблять цифровые материалы, в том числе и результаты интеллектуальной деятельности с гораздо большей легкостью и скоростью, нежели раньше. Одновременно это создает новые риски в области охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности. В свете происходящих трансформаций отношений информационного обмена достаточно ли того правового регулирования, которое было создано и существует к настоящему моменту в Республике Беларусь? Или стоит всерьез задуматься о необходимости институционализации цифровых прав в сфере интеллектуальной собственности? Полагаем, что стоит, и вот почему.

Правовая охрана и защита прав на объекты интеллектуальной собственности обеспечиваются в Республике Беларусь в достаточной мере: создана эффективная система правового регулирования данной сферы правоотношений, есть возможности для юрисдикционной формы защиты и самозащиты прав на объекты интеллектуальной собственности (в тех случаях, когда это юридически возможно). Однако всеобщая «цифровизация жизни», которая со все большей очевидностью захватывает повестку дня и являет собой объективную реальность, требует от законодателя и правоприменителей адекватного реагирования на происходящее. Невозможно продолжать оставаться в стороне от тенденций по преодолению

необходимости давать названия новым явлениям правовой действительности. Полагаем, цифровые права в сфере интеллектуальной собственности как раз относятся к такому случаю.

С учетом сложившегося в общей теории права понимания того, что такое субъективное право, мы предлагаем называть цифровыми правами в сфере интеллектуальной собственности субъективные гражданские права на объекты интеллектуальной собственности, реализуемые в цифровой среде, в том числе в сети Интернет. Ссылаясь на результаты обсуждения ведущими белорусскими правоведами проблемы определения понятия «цифровые права», которое состоялось в рамках круглого стола «Цифровые права в гражданском праве» в октябре 2019 г. в Национальном центре законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, отметим следующее. Обмениваясь мнениями о природе цифровых прав, ученые сошлись в одном: эти права не образуют принципиально новый объект гражданских прав, а являются новой формой осуществления гражданских прав в рамках информационных систем.

Мы поддерживаем такую позицию. Однако, на наш взгляд, разработка теории цифровых прав в сфере интеллектуальной собственности и их последующая возможная законодательная институционализация являются перспективными научным и правотворческим направлениями. Сегодня невозможно однозначно утверждать, что закрепление цифровых прав в сфере интеллектуальной собственности в Республике Беларусь необходимо. Однако разработка доктринальных положений, связанных с защитой личности от посягательств на ее права в цифровом пространстве, научный поиск в указанной сфере возможны и могут быть крайне полезны.

Развитие на доктринальном уровне, закрепление в законодательстве системы цифровых прав как признаваемых законом субъективных прав владельцев объектов интеллектуальной собственности на свои действия (в том числе по защите принадлежащих им прав) в информационном пространстве могут помочь выработать новые механизмы противодействия нарушениям в онлайн-среде. Это крайне важно не только для поддержания стабильности существующей системы охраны интеллектуальной собственности, но и для ее развития.

Табачникова П. В.

ДОГОВОРЫ В ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

*Табачникова Полина Витальевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
polina.tabachnikova0304@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Ядревский О. О.

Отношения в сфере издательского дела нельзя назвать новым явлением права интеллектуальной собственности. Более того именно печатное дело послужило становлению авторского права как института в XVIII в.

Сегодня, несмотря на стремительное развитие информационных технологий, массовое внедрение искусственного интеллекта и тенденцию к цифровизации произведений науки, литературы и искусства, издательская деятельность остается важной отраслью национальной и зарубежной экономики. Это обусловливается комплексной природой взаимоотношений между автором и издателем.

Легальное определение издательской деятельности нашло свое отражение в Законе Республики Беларусь от 29.12.2012 № 8-З «Об издавательской справе». Так, ст.1 закрепляет ее как деятельность по редакционно-издательской подготовке и выпуску печатного издания.

Говоря об основных договорных соглашениях, используемых в отрасли, следует выделить договор уступки исключительного права, лицензионный договор, а также, как вид последнего, авторский договор.

Договор уступки исключительного права можно назвать наиболее радикальной конструкцией в сфере издательской деятельности, так как его итогом является полная замена субъекта исключительного права. В то же время на практике позиция автора при передаче произведения издательству заключается в максимально возможном сохранении своих имущественных прав и получении соответствующего вознаграждения. Так, несмотря на бесспорную востребованность такого договорного соглашения в сфере интеллектуальной собственности в целом, мы не можем утверждать, что договор уступки исключительного права в полной мере соответствует классической модели правоотношений, складывающихся вокруг издательской деятельности.

В свою очередь лицензионный договор не отчуждает у автора его исключительное право, а лишь предоставляет пользователю право использования объекта. Такая договорная конструкция представляется более целесообразной для регулирования классических издательских правоотношений, однако следует обратить внимание на ее существенные условия. Лицензионный договор – единственная из вышеперечисленных конструкций, к существенным условиям которой относится в том числе срок действия и территория, на которой допускается использование объекта.

Из всех указанных договорных конструкций именно авторский договор, как показывает судебная практика, является особенно удачным соглашением в регулировании правоотношений издательской сферы. Примечательно, что ранее он определялся как договор самостоятельного типа, находя свое легальное закрепление в редакциях Гражданского кодекса Республики Беларусь от 11.06.1964 и Закона Республики Беларусь от 11.08.1998 № 194-З «Об авторском и смежных правах». В отражении современного отечественного законодательства авторский договор имеет статус непоименованного договора, будучи видом лицензионного договора. От последнего авторский договор отличается в первую очередь субъектным составом (лицензиаром выступает автор произведения), а также существенными условиями (срок действия и территория могут быть не указаны) и формой, в которой он может быть заключен (в предусмотренных случаях может быть заключен в устной форме).

Так, за счет правовой природы авторского договора, его можно назвать наиболее гибкой в заключении, а следовательно, и удовлетворяющей интересы автора конструкцией. На момент возникновения правоотношений между субъектами издательской деятельности нередкими являются случаи, когда автор перед заключением договора не может быть уверен в некоторых аспектах, а именно: в сроке действия самого соглашения и в территории, на которой произведение будет фактически реализовано. В таком случае целесообразно применять именно конструкцию авторского договора.

Проведенный анализ договоров в издательской деятельности позволяет сделать вывод о том, что авторский договор незаслуженно утратил свой статус самостоятельного договорного типа в гражданском законодательстве Республики Беларусь. Не умаляя обоснованности выделения иных договорных конструкций в сфере издательского дела, авторский договор нуждается в легальном закреплении не менее остальных в силу своей актуальности и альтернативности. Его прошлое правовое регулирование предполагало выделение передачи произведения для в том числе издательского использования. Отсюда предполагается целесообразным вновь законодательно закрепить авторский договор, учитывая его комплексную природу, в целях более точного регулирования правоотношений, складывающихся в процессе осуществления издательской деятельности.

Трухова М. Н.
ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ОБЪЕКТОВ,
СОЗДАНЫХ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

*Трухова Маргарита Николаевна, студентка 4 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
margo.truhova3@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Ядревский О. О.

За последние годы технологический прорыв в области искусственного интеллекта достиг невероятных результатов: сегодня нейросеть способна писать стихи и песни, рисовать картины, создавать видео и музыку. В современных реалиях искусственный интеллект может практически автономно имитировать когнитивную деятельность человека, создавая полноценные произведения, что предопределяет пробелы законодательства в области права интеллектуальной собственности. Стоит ли определять нейросеть в качестве субъекта авторского права и защищать произведения, созданные с помощью такой программы? В соответствии с Законом Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах», автором в Республике Беларусь может признаваться только физическое лицо, творческим трудом которого произведение создано. На данный момент в законодательстве нет упоминаний компьютерной программы в качестве автора. И если, по нашему мнению, особых проблем в признании ИИ на законодательном уровне в качестве субъекта авторского права и формально

наделении его правами на создаваемые новые объекты, не возникнет, то вопрос защиты таких объектов и применения такой теории на практике в целом остается предметом обильных дискуссий в научном сообществе. Существует точка зрения, что признание самой программы в качестве субъекта авторского права и защита ее произведений ставит вызов всем основополагающим концепциям права интеллектуальной собственности, касающимся творческой составляющей. Одним из критериев признания произведения объектом авторского права является создание его в результате творческой деятельности. В случае, например, написания картины художником определить его творческий вклад в создание работы намного легче, чем если такая картина будет создана посредством технологий ИИ. Для этого стоит разобраться, как работает такая программа изнутри. На данный момент практически все технологии ИИ основаны на «машинном обучении», целью которого является симуляция биологического мышления человека и представляет собой «скармливание» программе огромных массивов информации, среди которых она распознает определенные паттерны и на их основе принимает решения. Машинное обучение ИИ принято считать «черным ящиком», поскольку разработчик программы видит только входные и выходные данные, но не может непосредственно наблюдать за процессом их обработки. Таким образом, вся деятельность программы основана на изученной информации, так можно ли назвать полученный результат творческим и отнести его к числу объектов, охраняемых авторским правом? Понятие «творчество» в русском языке охватывает большое количество определений, среди которых следует выделить основные черты. Согласно толковому словарю С. И. Ожегова, «творчество – создание новых по замыслу культурных или материальных ценностей». В. А. Дозорцев отмечал, что «творчество – это всегда что-то новое, хотя бы оно и базировалось на известном». В психоаналитическом глоссарии творчество определяется как психический процесс создания новых ценностей. Законодательного определения творчества не выработано, однако общим для данных определений является новизна и создание объекта в результате осознанной и целенаправленной психической деятельности. Рассматривая объекты, созданные искусственным интеллектом, через призму таких критериев, мы приходим к следующим выводам: несмотря на то, что технологии ИИ имитируют когнитивную деятельность человека, нельзя назвать это полноценным психическим процессом. Такая имитация базируется на повторяющихся паттернах изучения данных и выдаче на их основе результата, притом что заранее он неизвестен. Из этого следует также относимость критерия новизны, так как человек-автор, претендуя на защиту своих прав в связи с созданием произведения, осведомлен, что планируемый им результат интеллектуальной деятельности ранее никем достигнут не был. По нашему мнению, вопрос использования технологий ИИ в сфере авторского права представляет собой проблему не только с точки зрения правовой науки, а носит междисциплинарный, комплексный характер. Право не существует само по себе, а находится в тесной взаимосвязи с другими

науками, потому для выработки единого и эффективного законодательного регулирования такого вопроса необходимо в первую очередь обращаться ко всему комплексу окружающей человека действительности. Законодательное закрепление технологий ИИ в качестве автора возможно только в том случае, когда его сущность будет достаточно изучена правовой доктриной. Вместе с тем отсутствие четко выработанного правового инструментария, направленного на охрану интеллектуальных прав на объекты, созданные ИИ, может послужить своеобразным тормозом не только научно-технического прогресса, но и привлекательности существующего правопорядка для реализации будущих высокотехнологичных проектов. По нашему мнению, решение вопроса, способна ли компьютерная программа к творчеству наравне с человеком, исключительно вопрос времени, так как развитие технологий ИИ происходит в геометрической прогрессии и представляет неподдельный интерес для науки.

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС, ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ПРОЦЕСС

Александрова А. И.

ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ В РАМКАХ УПРОЩЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

*Александрова Алина Ивановна, студентка 4 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
alina_alina222120@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Романова О. Н.

14 декабря 2022 г. Палатой представителей Национального собрания Республики Беларусь был принят в первом чтении проект Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее – проект КГС), закрепивший институт упрощенного производства. Отличительной чертой института является ограниченность действия принципа устности, влекущая наличие определенных особенностей доказывания при рассмотрении дел.

1. *Ограничения в принятии и исследовании доказательств.* Определенный вывод о запрете использования некоторых средств доказывания может быть сделан на основании содержания ч. 4 ст. 339. Так, препятствием для рассмотрения дела в порядке упрощенного производства является необходимость допроса свидетелей или совершения других процессуальных действий. Кроме того, ст. 338 проекта КГС указывает на отсутствие судебных заседаний и вызова сторон по делам, рассматриваемым в упрощенном порядке.

Анализ рассмотренных положений позволяет сделать однозначный вывод о недопустимости использования свидетельских показаний, которые могут быть предоставлены только в устной форме, а также устных объяснений сторон и лиц, участвующих в рассмотрении дела. Письменные же объяснения по общему правилу должны быть оглашены. Однако представляется, что при рассмотрении дел в порядке упрощенного производства используется другой способ исследования письменных объяснений – прочтение.

В качества средства доказывания не могут выступать заключения эксперта и консультации специалиста. По нашему мнению, для применения специальных знаний, суд должен совершить переход к рассмотрению дела по общим правилам искового производства, так как, например, для проведения исследования и составления заключения необходимо длительное время. Кроме того, наличие оснований для проведения экспертизы и привлечения специалиста будет свидетельствовать о сложности дела, что противоречит сути упрощенного производства.

Стоит не согласиться с мнением российского процессуалиста А. С. Фединой, что процессуальное производство должно рассматриваться

только как письменное производство, в котором могут быть исследованы лишь письменные доказательства. Исследование вещественных доказательств также возможно, поскольку никаких препятствий для этого в проекте КГС не содержится. Вдобавок, практика судов Российской Федерации доказывает, что вещественные доказательства используются сторонами при доказывании по делам упрощенного производства.

2. *Установление сроков для представления доказательств.* Согласно ч. 2 ст. 340 проекта КГС суд в определении о возбуждении производства по делу устанавливает срок не свыше 10 дней для представления в суд и направления друг другу доказательства. Суд может также назначить дополнительный срок, не превышающий 10 дней. Нарушение срока влечет прямой запрет для суда обосновывать выводы по делу со ссылкой на нераскрытые доказательства. Если доказательства поступили в суд до принятия решения по делу, но по истечении установленных судом сроков, суд принимает эти доказательства только, если сроки пропущены по уважительным причинам.

Представляется необходимым дополнить ст. 340 проекта КГС рядом норм. Во-первых, необходимо закрепить обязанность представления в суд документов, свидетельствующих о направлении доказательств участвующим в деле лицам. Отсутствие таких документов должно влечь отказ в принятии и возврат доказательств. Данное правило предоставит дополнительные гарантии по защите от предъявленных требований. Во-вторых, следует закрепить процессуальные действия суда после принятия доказательств по истечении срока при наличии уважительных причин. Так, требуется указать последствия: переход к рассмотрению дела в общеисковом порядке или продление срока для ознакомления с доказательствами лиц, участвующих в деле. Видится, что данная ситуация должна выступать основанием для перехода к общеисковому производству, чтобы не допускать затягивания рассмотрения дела в рамках упрощенного производства, для которого характерна сокращенность сроков.

Таким образом, при доказывании в рамках упрощенного производства недопустимо использовать свидетельские показания, устные объяснения лиц, заключение эксперта, консультации специалиста, а письменные объяснения исследуются путем прочтения. Особенность упрощенного производства – наличие сроков представления доказательств. Предлагается дополнить ст. 340 проекта КГС, закрепив обязанность представления в суд документов, свидетельствующих о направлении участвующим в деле лицам доказательств, последствия принятия судом доказательств по истечении срока при наличии уважительных причин.

Антимоник А. А.
ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ БРЕМЕНИ ДОКАЗЫВАНИЯ
В КОРПОРАТИВНЫХ СПОРАХ

*Антимоник Александра Алексеевна, магистрант 1 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
antim.com121326@gmail.com*

Научный руководитель: доцент Сысуев Т. В.

По общему правилу распределения бремени доказывания на участника процесса возложена обязанность по доказыванию любых фактов, на которые он ссылается в обоснование своих требований и возражений.

Предмет доказывания в любом судебном деле является уникальным, предопределен своеобразием и уникальностью фактических обстоятельств.

Особенность корпоративных споров заключается в неравных возможностях их участников по доступу к доказательствам. В большинстве случаев истцом по таким спорам является участник (акционер) общества, а ответчиком — непосредственно само общество. Наличие у истца ограниченных возможностей собирания и предоставления доказательств, невозможность получения документов от ответчика, возможность пассивного поведения ответчика в сборе или в предоставлении доказательства в опровержение своей недобросовестности позволяют говорить о потребности в перераспределении бремени доказывания.

Примером корпоративных споров, требующих перераспределения бремени доказывания в определенных ситуациях, могут служить споры, связанные со взысканием действительной стоимости доли вышедшего участника. В силу положений ст. 103 Закона Республики Беларусь от 09.12.1992 № 2020-XII «О хозяйственных обществах» в случае выхода участника из состава общества последнее обязано выплатить вышедшему участнику действительную стоимость доли, размер которой определяется на основании данных бухгалтерского баланса, составленного на дату выхода участника из состава общества. В большинстве случаев вышедший участник в силу объективных причин не располагает документами, необходимыми для определения действительной стоимости доли, а общество по требованию вышедшего участника такие документы не предоставляет. В отсутствие бухгалтерской документации бывший участник при обращении в суд за защитой нарушенного права не имеет возможности надлежащим образом рассчитать действительную стоимость доли и фактически не исполняет свое бремя доказывания. Конечно, если общество в ходе судебного разбирательства не предоставит такие документы, то имеются основания для истребования их судом по ходатайству истца. Однако неисполнение определения суда о предоставлении доказательства с точки зрения доказывания не влечет для ответчика существенных неблагоприятных последствий с точки зрения возможности итога процесса, в подобном поведении можно усмотреть лишь признаки процессуального злоупотребления правом. Поскольку исходя из предмета и основания заявленного иска бремя доказывания

действительной стоимости доли лежит на истце, при невозможности установить эту стоимость суд должен отказать в иске. Однако такое решение не всегда будет являться справедливым вследствие исходного нарушения баланса в распределении бремени доказывания по делу.

Вариантом выхода из подобной ситуации могло бы стать закрепление в процессуальном законодательстве нормы, согласно которой в случае, когда ответчик не исполняет обязанности, возложенные на него судом определением об истребовании доказательства по соответствующему ходатайству истца, и не представляет информацию, необходимую для разрешения дела по существу, на него возлагается бремя доказывания наличия или отсутствия фактов, которые могли бы быть подтверждены соответствующими документами.

Указанный вариант имеет как свои недостатки, так и достоинства. С одной стороны, перераспределение бремени доказывания способствует восстановлению баланса между возможностями сторон, содействует скорейшему рассмотрению дела, не налагая при этом на ответчика неправомерных обязанностей. Тем самым перераспределение бремени доказывания направлено на реализацию принципа состязательности. Однако нельзя не отметить и недостатки перераспределения бремени доказывания. Достаточно сложно определить тот минимальный объем доказательств, который должен представить истец «до» перераспределения бремени доказывания на ответчика, объем доказательств, необходимых для признания действий стороны недобросовестными, определить, в какой именно степени пассивное поведение ответчика может влечь признание его недобросовестным.

Отсутствие в процессуальном законе указаний на возможность и конкретные основания для перераспределения бремени доказывания не позволяет суду в полной мере и достоверно использовать это перераспределение.

Таким образом, перераспределение бремени доказывания может быть полезным инструментом для обеспечения более справедливого разбирательства в корпоративных спорах, особенно когда доступ к информации для одной из сторон затруднен или ограничен. Однако подобное нововведение требует внимательного анализа при формулировании соответствующих правил, чтобы сбалансировать интересы сторон и обеспечить справедливость процесса.

Буданов В. И.

ОПТИМИЗАЦИЯ НОТАРИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

*Буданов Вадим Игоревич, студент 2 курса Академии МВД Республики
Беларусь, г. Минск, Беларусь, interpol.hunggrily408@passinbox.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Яхновец И. Н.

Под «цифровизацией» понимается процедура трансформации аналоговых данных и процессов в электронный формат с использованием современных технологий для упрощения и ускорения работы. Относительно

нотариальной практики цифровизацию рассматривают в различных аспектах, деление на которые носит условный характер: возможность в режиме реального времени получать требуемые сведения из баз данных для совершения нотариальных действий, переход к безбумажному документообороту в силу способности сохранять результаты деятельности в электронном (цифровом) формате, необходимость оказания нотариальных услуг удаленно, «онлайн».

Начало цифровизации белорусского нотариата связано с принятием Указа Президента Республики Беларусь от 27 ноября 2013 г. № 523. Согласно п. 10 данного нормативного правового акта с 1 января 2017 г. Белорусской нотариальной палатой (далее – БНП) создана единая электронная система сведений о совершении нотариальных действий и открытии наследственных дел. Посредством электронных каналов нотариус может обратиться за необходимой ему информацией из Единого государственного регистра юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, Государственной информационной системы «Регистр населения», Единого государственного регистра недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним, Единого реестра административно-территориальных и территориальных единиц Республики Беларусь и других информационных источников.

Законодатель, учитывая особую значимость цифровых услуг, принял в первом чтении законопроект «Об изменении Закона Республики Беларусь “О нотариате и нотариальной деятельности”». Планируемые изменения в ст. 54 названного закона предполагают осуществление ряда нотариальных действий (выдача свидетельства о праве на наследство, о праве собственности на доли в имуществе, нажитом супругами в период брака, свидетельствование верности перевода документов с одного языка на другой, принятие в депозит нотариуса денежных средств и (или) ценных бумаг, совершение исполнительных надписей, прием на хранение электронных документов и др.) удаленно без личной явки к нотариусу.

На наш взгляд, даже в подобном прогрессивном виде нововведения не в полной мере восполняют существующую потребность общества в электронном нотариате. По сравнению с такими странами, как Россия, Казахстан, Литва, в нашей стране он находится на этапе формирования.

Так, с 2021 г. граждане Казахстана могут оформлять доверенности в электронном виде в режиме онлайн, а нотариальным документам присваиваются проходящие автоматическую регистрацию в базе данных QR-коды. Подписать документ возможно как на бумаге, так и ЭЦП. В Азербайджане предусмотрено дистанционное оформление согласия на выезд ребенка через электронный киоск, размещенный в аэропорту Азербайджана. Услуга предоставляется круглосуточно. Доступ к документу сотрудники миграционной и пограничной службы получают онлайн.

При всей новизне указанных нотариальных нововведений стоит учитывать особенности белорусского законодательства, своевременно адаптировав их под меняющиеся реалии. В частности, внедрение нотариальных услуг «онлайн» вызывает вопросы реализации на практике положений ст. 60, 62, 65, 74 Закона Республики Беларусь от 18 июля 2004 г.

№ 305-3 «О нотариате и нотариальной деятельности» в части идентификации лица, обратившегося за совершением нотариальных действий, подписание документов собственноручно в присутствии нотариуса, выявление волеизъявления участников сделки.

Совершение ряда нотариальных действий в режиме реального времени, путем подачи заявления в электронной форме (в том числе с помощью мобильных приложений) позволит гражданам, проживающим в сельской местности, находящимся вследствие травмы или заболевания в малоподвижном состоянии, реализовать свое конституционное право на юридическую помощь, снизит нагрузку на нотариусов.

Не стоит оставлять без внимания возможные риски перевода услуг в цифровую среду: мошенничество, связанное с обманом, введением в заблуждение со стороны обратившихся за такой услугой лиц, утечка конфиденциальной информации, нарушение прав сторон в случае ошибок программного обеспечения. Действующим законодательством не в полной мере урегулировано определение «электронного нотариального акта» и его правового статуса.

Среди перспективных направлений цифровизации нотариата выделим обеспечение законности цифровых сделок, в том числе при использовании токенов как объектов гражданских прав, цифровой валюты и цифрового имущества.

Бычковский П. С.

О НЕОБХОДИМОСТИ ОБЖАЛОВАНИЯ СУДЕБНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ, ВЫНОСИМЫХ СУДАМИ В ПОРЯДКЕ ПРИКАЗНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Бычковский Павел Сергеевич, студент 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, bychkouskilaw@gmail.com

Научный руководитель: доцент Сысуев Т. В.

Приказное производство является одним из наиболее востребованных видов отечественного цивилистического судопроизводства со сложившимся регулированием. Так, согласно судебной статистике за 2022 год районными и экономическими судами в порядке приказного производства рассмотрено 72 708 дел. Особенно важным указанный вид производства является для экономических судов, поскольку здесь в порядке приказного производства рассматриваются более 75 % от общего количества дел.

Безусловно, в рамках унификации гражданского и хозяйственного процесса важным является вопрос о дальнейшем развитии института приказного производства, предоставлении участникам процесса дополнительных прав и гарантий. В качестве одной из таких гарантий необходимо рассматривать возможность обжалования судебных постановлений, выносимых в порядке приказного производства.

Базовым как в гражданском, так и в хозяйственном процессе является правило о недопустимости апелляционного обжалования и опротестования

определения о судебном приказе (ст. 225 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (ХПК), ст. 397 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (ГПК)).

Вопрос об обжаловании иных определений, выносимых в порядке приказного производства, решается дифференцированно как в действующих процессуальных кодексах, так и в правоприменительной практике.

Так, в хозяйственном судопроизводстве допускается подача отдельной жалобы на определения об отказе в возбуждении приказного производства (в случае отказа по определенному перечню оснований, ч. 4 ст. 222 ХПК). В гражданском процессе обжалование и опротестование определения об отказе в возбуждении приказного производства не допускается (ч. 3 ст. 396 ГПК).

Проект Кодекса гражданского судопроизводства (КГС) закрепляет модель приказного производства, схожую с правилами, закрепленными в ГПК.

Так, на стадии принятия заявления о выдаче судебного приказа предусматривается принятие судом трех процессуальных решений:

- 1) вынесение определения о судебном приказе;
- 2) вынесение определения о возвращении заявления о выдаче определения о судебном приказе;
- 3) вынесение определения об отказе в принятии заявления о выдаче определения о судебном приказе.

Вопрос о возможности дальнейшего обжалования указанных судебных постановлений в проекте КГС однозначно не решен. Если из правил о вступлении определения о судебном приказе в законную силу прямо следует отсутствие возможности его апелляционного обжалования, то в отношении обжалования определений о возвращении заявления и определений об отказе в вынесении определения о судебном приказе прямое регулирование отсутствует.

В то же время ст. 586 КГС закрепляет возможность апелляционного обжалования определений суда первой инстанции, если это предусмотрено кодексом либо, если они влияют на дальнейшее движение дела.

Можно рассматривать два вышеупомянутых определения как препятствующие движению дела и на этом основании утверждать о возможности их апелляционного обжалования. Однако не исключено и формирование иной практики применения КГС.

Рассматривая возможность обжалования таких определений в кассационном порядке, необходимо отметить, что в п. 3 ст. 591 проекта КГС закреплён исчерпывающий перечень подлежащих кассационному обжалованию определений. Определения, выносимые в рамках приказного производства, там не указаны.

В качестве исключения из данного правила согласно п. 4 ст. 586 проекта КГС могут быть обжалованы в кассационном порядке определения, которые не подлежат апелляционному обжалованию либо препятствуют движению по другому делу. Однако, прямое указание о невозможности обжалования рассматриваемых определений в апелляционном порядке в проекте КГС отсутствует.

Таким образом, проектом КГС не разрешен однозначно вопрос о возможности апелляционного и кассационного обжалования определений суда, выносимых в рамках приказного производства.

На наш взгляд, необходимо прямо предусмотреть возможность последовательного обжалования в суд апелляционной, а затем и в суд кассационной инстанции определений о возвращении заявления о выдаче определения о судебном приказе и об отказе в принятии заявления: закрепление возможности обжалования таких определений только в суд кассационной инстанции, по нашему мнению, противоречит сути кассации как экстраординарной формы проверки судебных постановлений.

Глухотаренко А. А.

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

*Глухотаренко Анна Алексеевна, студентка 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
gluchotarenko@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Романова О. Н.

Проблема злоупотребления правом является межотраслевой, междисциплинарной и многоаспектной. Категория «злоупотребление правом» изучается представителями разных юридических наук, в том числе и представителями науки гражданского процессуального и хозяйственного процессуального права. Вопросы злоупотребления процессуальными правами являются особо важными в силу того, что связаны с неотъемлемым конституционным правом на судебную защиту, гарантированным ст. 60 Конституции Республики Беларусь.

Следует отметить, что несмотря на достаточно большое количество научных публикаций, посвященных данной проблематике, количество дискуссионных вопросов не уменьшается, а по мнению некоторых ученых, даже увеличивается. Так, например, О. А. Поротикова, защитившая в 2002 г. кандидатскую диссертацию на тему «Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом», в 2013 г. отмечает, что в отношении злоупотребления правом нет ясности: «публикаций множество, а что такое злоупотребление правом и как с ним бороться, все так же непонятно».

В философском словаре А. Конта-Спонвилья под юридическим злоупотреблением понимается своего рода законная (или кажущаяся законной) несправедливость. Допустить злоупотребление – значит не столько нарушить закон, сколько ненадлежащим образом его применить. В этом смысле термин противоположен справедливости.

В доктрине гражданского процессуального права данная правовая категория часто определяется «как особый вид процессуального правонарушения, совершаемого лицами, участвующими в деле, и (или) их представителями, связанный с превышением пределов реализации права и не

связанный с намерением достигнуть цели и задачи гражданского и административного судопроизводства, влекущий в качестве последствий причинение вреда другим лицам и (или) правосудию».

Действующий Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – ГПК) не предусматривает прямых норм, направленных на недопустимость злоупотребления правом субъектами правоотношений. Раскрывая в ст. 19 такие принципы, как состязательность и равенство сторон в гражданском процессе, законодатель указывает на обязанность сторон добросовестно пользоваться принадлежащими им материальными и процессуальными правами и исполнять процессуальные обязанности.

Однако имеется ряд статей, которые регулируют меры процессуального воздействия на лицо, злоупотребляющее своими правами. Например, ст. 168 ГПК содержит следующие меры: предупреждение, удаление из зала, привод, обязанность возместить судебные расходы в случаях, потери рабочего времени суда (ст. 138 ГПК), а также согласно ст. 139 ГПК, суд может обязать недобросовестную сторону, третье лицо возместить судебные расходы другой стороне или в доход государства.

Статья 288 ГПК закрепляет за председательствующим полномочие отклонить ходатайства об исследовании доказательств при злоупотреблении стороной правами.

Практические работники, в частности, председатель суда Советского района г. Минска М. Н. Лешкевич в своих публикациях периодически указывают на затруднения практического применения соответствующих норм, содержащихся в ГПК и Хозяйственном процессуальном кодексе Республики Беларусь, что приводит к определенным трудностям при выявлении и пресечении фактов злоупотребления процессуальными правами в связи с отсутствием чётко определенных критериев и признаков, позволяющих дать характеристику недобросовестности в гражданском и экономическом судопроизводстве. Между тем анализ опубликованной судебной практики свидетельствует о том, что участники процесса довольно часто обращаются к категории «злоупотребление процессуальными правами», указывая на недобросовестное с их точки зрения поведение противоположной стороны.

На наш взгляд, является необходимым выделить признаки, присущие такому явлению, как «злоупотребление процессуальным правом».

Во-первых, под ним понимается недобросовестность использования процессуальных прав, установленных в ГПК.

Во-вторых, прибегнуть к злоупотреблению своими процессуальными правами могут лишь участники гражданского судопроизводства.

В-третьих, это намерение употребить право во вред другой стороне.

В-четвертых, такое злоупотребление выглядит как правомерное действие.

В-пятых, это наступление неблагоприятных последствий для стороны, которая преступила закон.

В результате злоупотребления процессуальным правом возникают препятствия для правильного и своевременного разрешения дела, для реализации задач, поставленных перед судом, что влечет необходимость в создании механизмов ограничения процессуальных и применения мер процессуального принуждения.

С учетом вышеизложенного мы полагаем необходимым закрепление термина «злоупотребление» в гражданском процессуальном законодательстве, а также критериев и признаков, которые бы позволили дать характеристику недобросовестности в гражданском судопроизводстве.

Делибозоглова В. В.
ПРОБЛЕМЫ ОЗНАКОМЛЕНИЯ СТОРОН
ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА С МАТЕРИАЛАМИ,
СОДЕРЖАЩИМИ ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ

*Делибозоглова Валентина Витальевна, аспирант 3 года обучения
Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
deli.valya@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Никонова Н. Н.

1. Одна из проблем, возникающих в рамках исполнительного производства – проблема формирования материалов исполнительного производства (особенно сводного) и ознакомление с ними. Четких критериев, какие документы должны включаться в материалы исполнительного производства не установлено. Обязательно присутствуют заявление (представление) о возбуждении исполнительного производства, исполнительный документ, постановления о возбуждении исполнительного производства и о его окончании в одной из установленных форм. В материалах исполнительного производства должны найти отражение все исполнительные действия и иная информация (полученная как от сторон, так и от иных субъектов), имеющая значение для исполнения. Отсутствие правил формирования материалов исполнительного производства приводит к тому, что в него включаются и документы (*например, характеристика должника с места работы*), содержащие сведения, не влияющие на время и полноту исполнения, т. е. не относящиеся к исполнительному производству. При этом материалы исполнительного производства во многом формируются судебным исполнителем без учета мнения сторон, так как процедура исполнительного производства, в отличие от устанавливающих, не является состязательной. Часть 1 ст. 18 Закона Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 439-З «Об исполнительном производстве» (далее – Закон «Об исполнительном производстве») предусматривает право сторон «знакомиться с материалами исполнительного производства, в том числе сводного, за исключением документов, содержащих информацию, распространение и (или) предоставление которой ограничено ...». Документам, в которых содержится информация ограниченного доступа, присваивается гриф

«Документы для служебного пользования» («ДСП»). Проблемы доступности для сторон информации с грифом ДСП рассматривались В. П. Скобелевым.

2. Полагаем, критерий – «распространение и (или) предоставление которой ограничено» – недостаточно четкий и нуждается в конкретизации на уровне Инструкции по исполнительному производству. Поясним на примере. Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» включает в понятие обработки персональных данных их распространение (абз. 6 ст. 1), при этом устанавливая, что для обработки данных, включая специальные, согласие лица не требуется (абз. 3 ст. 6, абз. 7 п. 2 ст. 8) «для исполнения ... исполнительных документов». К специальным персональным данным относятся, в частности, данные о привлечении к уголовной и административной ответственности (абз. 13 ст. 1).

Распространение общих персональных данных в рамках исполнительного производства может представлять проблему, затрагивать права взыскателей, например, право на невмешательство в частную жизнь (ст. 28 Конституции Республики Беларусь), особенно по требованиям личного характера, вытекающим из семейных отношений (например, об общении родителя с ребенком, о взыскании алиментов), которые также включаются в состав сводного.

Соответственно возникает вопрос о том, а какая информация может быть обработана (распространена) для целей «исполнения ... исполнительного документа», идет ли речь обо всей информации о персональных данных, содержащейся в материалах исполнительного производства.

Прямой запрет на ознакомление с такой информацией отсутствует, однако данные о Ф. И. О. взыскателя, по требованиям личного характера для оценки возможности исполнения не нужны. Данное положение отражено Министерством юстиции Республики Беларусь в требованиях по предоставлению сведений из банка данных исполнительных производств.

Таким образом, полагаем необходимым выработку конкретных практических рекомендаций для работников органов принудительного исполнения относительно выделения дополнительных критериев (не только по законодательно установленным ограничениям на обработку (распространение)) информации о персональных данных, но и критериев, по которым судебный исполнитель в целом может оценить, что, несмотря на отсутствие прямого запрета, информация может нарушать права и законные интересы и при этом не влиять непосредственно на процесс исполнения, также следует сказать, что это реально обеспечить только при ведении исполнительного производства в электронном виде.

Дякончук Е. А.

ТРЕТИЙ НЕ ЛИШНИЙ: МЕДИАЦИЯ ПРИ РАСТОРЖЕНИИ БРАКА

*Дякончук Екатерина Андреевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
dyakonchuk.katya63@gmail.com*

Научный руководитель: преподаватель Делибозоглова В. В.

Расторжение брака – один из видов семейно-правовых отношений. В Республике Беларусь семейная пара может аннулировать брак двумя способами: в судебном или административном порядке. Считается, что административное расторжение брака является бесспорным, но если у супругов возникает спор, то он решается в судебном порядке. Однако не все возникающие споры супруги могут решить с помощью суда или органов записи актов гражданского состояния. В таких ситуациях можно применить процедуру медиации.

Закон Республики Беларусь «О медиации» и другие законодательные акты, регулирующие медиацию, вступили в силу 24 января 2014 г. В конце 2019 г. были приняты первые дополнения в законодательство о медиации, которые вступили в силу 1 июля 2020 г. Ключевыми направлениями внесенных изменений в сфере медиации являются более широкое распространение внесудебной медиации и информации о возможностях использования медиации в первую очередь в семейных правоотношениях, а также создание дополнительных гарантий по исполнению достигнутых договоренностей в результате применения медиации.

Указанные изменения позволили создать в обществе наиболее благоприятные условия для сохранения семьи и сбережения семейных ценностей.

Семейная медиация (*от лат. medius – середина*) – это конфиденциальные переговоры между супругами при участии медиатора, который способствует налаживанию диалога между сторонами и поиску взаимовыгодного варианта разрешения конфликта. Медиатор помогает завершить дело компромиссом для обеих сторон: *мирно расторгнуть брак, разделить имущество, договориться об общении с детьми и решить другие семейные конфликты.*

В Беларуси суд вправе рекомендовать супругам обратиться к медиатору и заключить медиативное соглашение как способ разрешения спорной ситуации. В том случае, если стороны решили воспользоваться услугами медиатора, то им возвращается уже уплаченная государственная пошлина.

Порядок проведения медиации регулируется Правилами проведения медиации, утвержденными Советом Министров Республики Беларусь. Процедура медиации состоит из следующих этапов: желание решить конфликт без суда – выбор медиатора (консультация) – заключение соглашения о применении медиации – проведение медиации (переговоры, медиативные сессии) – завершение медиации (выработка взаимоприемлемого варианта разрешения конфликта и подписание медиативного соглашения).

В семейной медиации используется комплексный, экосистемный подход, поскольку на построение отношений в семье влияют все факторы жизнедеятельности человека: родственники, друзья, семья, знакомые, учеба, работа, здоровье, хобби и т. д. Все эти факторы необходимо учитывать для успешного урегулирования конфликта.

Медиация, как альтернативный способ разрешения семейных споров, сформировалась из нескольких дисциплин: конфликтологии, психологии и юриспруденции, в связи с чем разумно применять ко-медиацию, т. е. вести семейную пару нескольким специалистам из разных сфер, например: нотариус и медиатор.

В ходе медиации специалисты помогают сторонам услышать друг друга, понять их собственные интересы и интересы партнера, чтобы совместно в конструктивной обстановке найти решение для разрешения конфликта и принять взаимовыгодное решение. При этом они заключают медиативное соглашение, поскольку судебное решение не всегда удовлетворяет желаниям сторон.

В медиативном соглашении учитываются все детали и нюансы, которые стороны осознают, благодаря помощи и направлению медиатора. Обычно этот договор исполняется, поскольку человек принимает решение самостоятельно и без принуждения, и оно является выгодным для обеих сторон. Медиативное соглашение составляется в письменной форме и должно содержать информацию о сторонах, медиаторе, предмете спора, а также обязательствах, принятых сторонами для урегулирования спора и сроках их выполнения. Соглашение подписывается сторонами и медиатором.

Когда пара, прошедшая семейную медиацию, обращается в суд из-за наличия общего несовершеннолетнего ребенка, у них уже есть готовое соглашение, которое выгодно и справедливо для всех сторон. В этом случае достаточно одного судебного заседания для развода без лишних задержек и финансовых затрат.

Медиативное соглашение не имеет юридической силы. Но если его представить суду и утвердить путем заключения мирового соглашения, то уже этот документ можно будет исполнить в принудительном порядке, если какая-то из сторон станет нечестно использовать свои права.

Конфликты – это неизбежная часть человеческих отношений. Медиация позволяет справиться с ситуацией с максимальной выгодой для сторон при минимуме затрат.

В связи с этим считаем, что нужно распространять практику медиации не только в семейной, но и остальных сферах жизнедеятельности человека, осведомлять наше население о существовании медиации и сделать ее более доступной для жителей нашей страны, например, через рекламу по телевидению, в сети интернет, баннерах на улицах, что поможет разгрузить суды от огромного количества дел.

Рапян Ю. Х.

**ПРИМЕНЕНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО ДЕЛАМ
ПО ЖАЛОБАМ НА ДЕЙСТВИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ
ОРГАНОВ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ**

Рапян Юрий Хачатурович, аспирант 3 года обучения Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, raryanyura@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Колядко И. Н.

В соответствии с действующим гражданским процессуальным законодательством Республики Беларусь и проектом Кодекса гражданского судопроизводства (далее – Проектом) судебное обжалование (оспаривание) постановлений, действий (бездействия) должностных лиц органов принудительного исполнения (далее – действий должностных лиц ОПИ) является самостоятельной категорией дел, возникающим из административных (и иных публичных) правоотношений. В настоящей публикации предлагаем проанализировать особенности применения электронных доказательств по исследуемым делам.

Отметим, что действующий Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь и Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь не рассматривает электронные доказательства в качестве самостоятельного средства доказывания. Иным образом решен данный вопрос в Проекте (§ 4 главы 22).

Применение электронных доказательств закреплено в ст. 59 Кодекса административного судопроизводства РФ (далее – КАС РФ). В настоящее время электронные документы российским законодателем рассматриваются в качестве формы письменных доказательств (ч. 1 ст. 70 КАС РФ, ч. 1 ст. 71 Гражданского процессуального кодекса РФ, ч. 1 ст. 75 Арбитражного процессуального кодекса РФ). В связи с этим многие ученые считают, что электронный документ нельзя признавать самостоятельным средством доказывания. Они полагают, что письменные доказательства могут существовать в электронно-цифровой форме. В соответствии с ч. 6 ст. 100 Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан «доказательства в форме электронных документов или их копий, удостоверенных электронной цифровой подписью, представляются суду с соблюдением правил», установленных статьей о письменных доказательствах.

М. К. Треушников оценивал электронные документы только как способ сохранения и передачи информации, а не самостоятельные доказательства, непосредственно воспринимаемые судом.

В качестве электронных доказательств по делам по жалобам (заявлениям) на действия должностных лиц ОПИ может выступать информация, содержащаяся в базах данных исполнительных производств. По мнению О. Л. Слижевского, основными задачами автоматизированной информационной системы органов принудительного исполнения (далее – АИС ПриС) является: «обеспечение автоматизированного ведения и учета

исполнительных производств, совершаемых исполнительных действий и финансовых операций, электронного документооборота внутри системы органов принудительного исполнения» и др. До введения в эксплуатацию АИС ПриС использовалась АИС «Возбужденные исполнительные производства». Важным преимуществом информации, содержащейся в базах данных, по имеющимся у нас сведениям, является невозможность внесения в них исправлений. В Республике Беларусь во исполнение Указа Президента Республики Беларусь от 19 ноября 2019 г. № 418 «О банке данных исполнительных производств» создан также банк данных исполнительных производств. С 2020 г. действует модуль «Документооборот», с помощью которого «осуществляется регистрация и отправка документов в рамках исполнительного производства ... подписанных в АИС электронной цифровой подписью» (на практике не используется). По словам Д. В. Коваленко, основной задачей Министерства юстиции Республики Беларусь «при выстраивании отношений с Верховным Судом Республики Беларусь является обеспечение информационного взаимодействия автоматизированной информационной системы судов общей юрисдикции (далее – АИС СОЮ) и АИС ПриС что позволит в дальнейшем в значительной степени оптимизировать информационный обмен» между судами и ОПИ». Все перечисленные действия по модернизации системы органов принудительного исполнения указывают на возможность активного использования по анализируемой категории дел информации в электронном виде. Возможность использования АИС ПриС для контроля за действиями должностных лиц ОПИ признается и практиками. В. П. Скобелев полагает, что получение судом «по собственной инициативе из государственных информационных ресурсов и банков данных» нуждается в регламентировании.

По мнению М. К. Треушникова, «нетрадиционные средства доказывания» – это новые способы получения, хранения информации. Ученый утверждал, что такая информация «для целей судопроизводства переводится в традиционный вид судебных доказательств – письменные или вещественные доказательства, которые можно воспринять с помощью органов чувств, т. е. по принципу непосредственности».

Согласно А. В. Лаевской способами исследования электронных документов могут быть: использование программно-технических средств; возможность непосредственного восприятия в судебном разбирательстве информации из Интернета; изучение изображения записи на бумажном носителе (распечатке) и др.

Внедрение современных технологий в повседневную жизнь делает возможным использование по делам об обжаловании (оспаривании) действий должностных лиц ОПИ в качестве доказательств информации из электронных документов. Предлагаем нормативно закрепить допустимость представления для исследования в судебном заседании документов, из-за которых возник спор, как на бумажном носителе, так и в электронной форме. Этому должно способствовать признание Проектом электронных доказательств в качестве нового средства доказывания.

Филичкина В. А., Ухолова А. О.

АКТУАЛЬНОСТЬ ИНСТИТУТА АЛИМЕНТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В КОНЦЕПЦИИ ИХ НЕЦЕЛЕВОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

*Филичкина Валерия Александровна, Ухолова Анна Олеговна, студентки
4 курса Юридического института им. М. М. Сперанского Владимирского
государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Беляева К. А.

Гарантией имущественных прав ребенка в семейном праве является выплата алиментов, которая предусмотрена обязанностью родителей содержать своих несовершеннолетних детей, закрепленной в ст. 80 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ).

Статистическими данные – согласно сведениям, представленным интернет-порталом «Судебная статистика РФ»¹, в 2019 г. было удовлетворено 1639 исков о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетних детей. В 2020 г. суды вынесли 2693 решения о назначении алиментов, а в 2021 г. число подобных судебных актов увеличилось на 198.

Алименты – такие денежные суммы, которые выплачиваются для обеспечения возможности сохранения ребенку прежнего уровня жизни, который существовал до прекращения семейных отношений между его родителями.

В российском семейном праве отсутствует полный перечень имущества или услуг, на которые родители могут расходовать алименты. Однако в ст. 60 СК РФ есть общее правило, согласно которому алименты расходуются на содержание, воспитание и образование ребенка.

Одной из особенностей распоряжения алиментами выступает их целевое использование, однако на законодательном уровне не установлен контроль за расходованием алиментов, а следовательно, плательщик алиментов не может потребовать доказательства того, что денежные средства были потрачены на ребенка. Чтобы получить право требования, необходимо подать в суд соответствующее заявление, в котором позиция в отношении контроля должна быть аргументирована. Необходимо также предоставить доказательства, свидетельствующие, что перечисленные средства были потрачены не на детские нужды.

В СК РФ предусмотрено право плательщика алиментов обратиться в суд с требованием о зачислении не более 50 % алиментов на банковский счет ребенка. Такое судебное решение принимается только в интересах ребенка. Однако этой нормой не решаются проблемы и сложности, которые возникают на практике.

В таком случае в исковом заявлении истец просит суд изменить порядок перечисления алиментов, т. е. 50 % от общей суммы выплачиваемых

¹ Интернет-портал «Судебная статистика РФ» [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.api-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 13.11.2022).

денежных средств переводит на персональный счет несовершеннолетнего ребенка. Истец может также указать в иске просьбу обязать ответчика ежемесячно предоставлять отчет о расходовании алиментов.

Подобные действия и совершил И. С. Вяткин. Данное гражданское дело рассматривалось в 2017 г. в Ленинском районном суде, но закончилось все тем, что суд не удовлетворил требования об изменении порядка перечисления алиментов и о ежемесячном предоставлении отчетов. В этом и заключается сложность рассматриваемой проблемы. Трудно доказать то, что происходило злоупотребление расходованием алиментов со стороны недобросовестных родителей.

Таким образом, исходя из трудности доказывания нецелевого расходования алиментов, которое мы видим, анализируя практику, считаем обоснованным ввести статью, упрощающую получение отчетов о расходовании алиментов. Стоит также предоставить право алиментоплательщику во внесудебном порядке самостоятельно решать вопрос о порядке перечисления алиментов, заключающийся в переводе 25 % денежных средств от суммы алиментов на банковский счет ребенка.

ТРУДОВОЕ ПРАВО, ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Алехина Е. В.

ДИСКРИМИНАЦИЯ В ТРУДОВЫХ И ТЕСНО СВЯЗАННЫХ С НИМИ ОТНОШЕНИЯХ

*Алехина Екатерина Витальевна, студентка 3 курса Юридического колледжа
Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
aliokhina2.0@gmail.com*

Научный руководитель: преподаватель Журова Ю. А.

На основании ст. 2 Конституции Республики Беларусь определено, что государство ответственно перед гражданином за создание условий для свободного и достойного развития личности. Анализируя положения данной статьи можно отметить, что допускаемая многими лицами Республики, в том числе и нанимателями, дискриминация, явно ограничивает иных граждан в свободном и достойном развитии личности.

Дискриминацию в трудовых отношениях определяет ст. 14 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК). Так, законодатель признает дискриминацией ограничение в трудовых правах или получение каких-либо преимуществ в зависимости от пола, расы, национального и социального происхождения, языка, религиозных или политических убеждений, участия или неучастия в профсоюзах или иных общественных объединениях, имущественного или служебного положения, возраста, места жительства, недостатков физического или психического характера, не препятствующих исполнению соответствующих трудовых обязанностей, иных обстоятельств, не связанных с деловыми качествами и не обусловленных спецификой трудовой функции работника. Исходя из данного определения можно сделать вывод о том, что дискриминация возможна исключительно в сфере трудовых отношений, однако проблема дискриминации глобальна и активно затрагивает отношения, тесно связанные с трудовыми. Так как законодательство о труде помимо трудовых отношений регулирует еще и тесно связанные с ними отношения, то соответственно охранять нормами ТК исключительно трудовые отношения по нашему мнению является некорректным в связи с распространенностью случаев дискриминации в отношениях, тесно с ними связанными.

Обращаясь к мнению исследователей, констатируем, что современная экономика труда выделяет несколько основных видов трудовой дискриминации, таких как дискриминация в заработной плате отдельных работников или групп работников по сравнению с другими, дискриминация при найме на работу, увольнении с работы, дискриминация при продвижении по службе тех, кто уже работает в организации, которой часто подвергаются вышеупомянутые лица, профессиональная сегрегация, проявляющаяся в

устойчивом разделении профессий и должностей между разными группами работников, что ярко отражается на примере профессий, признаваемых мужскими или женскими, дискриминация в образовании и профессиональной подготовке, причиной которой зачастую является материальное состояние лиц, нуждающихся в этом, а также пол субъекта.

Основываясь на приведенном перечне, можно отметить, что некоторые из данных случаев не связаны с отношениями, вытекающими из трудового договора, например те, что связаны непосредственно с устройством на должность или же профессиональной подготовкой работников. Соответственно необходимо обратить внимание законодателя на сферы, регулируемые ТК, которые не получили защиты от дискриминации по ст. 14 ТК и внести в нее соответствующие изменения.

Следует отметить, что нормы ТК предусматривают возможность лица, чье право было нарушено, при отдельных случаях возникновения дискриминации обратиться в суд для восстановления нарушенных прав, либо же, в случае необоснованного отказа должностного лица нанимателя в приеме на работу особой категории лиц, обратиться к норме ч. 1 ст. 10.16 Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь. Однако данная статья охватывает исключительно особую категорию лиц.

Необходимо также обратить внимание, что в законодательстве Республики Беларусь, ответственность за нарушение равноправия граждан, что подразумевает собой дискриминацию, закреплена в Уголовном кодексе Республики Беларусь нормой ст. 190, из чего исходит вопрос о возможности ее применения в сфере дискриминации в трудовых и тесно связанных с ними отношениях.

При рассмотрении данного вопроса особый интерес представляет опыт соседних государств. Так, Кодекс об административных правонарушениях Республики Казахстан в ст. 90 закрепляет ответственность за допущение дискриминации в сфере труда. Считаем, что установление административной ответственности за дискриминацию в трудовых и тесно связанных с ними правоотношениях является достаточно рациональным решением, которое способно своим закреплением понизить уровень частоты совершения данных правонарушений.

По итогам проведенного исследования, следует сделать вывод, что дискриминация в трудовых и тесно связанных с ними отношениях, охватывает достаточно большую сферу жизни людей и нуждается в более точном и корректном ее закреплении в трудовом законодательстве Республики Беларусь, а также в закреплении ответственности за совершение данного правонарушения, в целях повышения эффективности защиты прав и свобод человека и гражданина.

Антипова М. С.
АНАЛИЗ МИРОВОГО ОПЫТА
В ВОПРОСЕ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА ИНВАЛИДОВ

*Антипова Мария Сергеевна, студентка 3 курса Юридического колледжа
Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
mariaantipova945@gmail.com*

Научный руководитель: преподаватель Журова Ю. А.

В настоящее время особо остро встал вопрос о том, как реализовать в Республике Беларусь положения Конституции, провозглашающие наше государство социальным. Соблюдение предоставляемых гражданам гарантий признается одной из основных задач нашей страны. Одним из основных прав каждого жителя нашего государства является право на труд. Его имеют все граждане, в том числе и люди с инвалидностью. К сожалению, цифры официальной статистики свидетельствуют о том, что количество последних неуклонно растет.

В силу своих особенностей люди с инвалидностью обладают специальными правами по сравнению с остальными гражданами. Данные действия вызваны необходимостью повышения благосостояния и качества жизнедеятельности лиц с инвалидностью.

При исследовании организации трудовой деятельности инвалидов особый интерес представляет изучение мирового опыта в данном направлении. Так ст. 69 Конституции Польши определяет, что инвалидам могут быть предоставлены любые рабочие места. Если же эти места не приспособлены к работе инвалидов, то производится адаптация данного рабочего места. Адаптация рабочего места может осуществляться, например, путем выделения большей рабочей поверхности (адаптируя инструменты и машины, используемые в работе, применяя индивидуальное освещение и т. д.). В белорусском трудовом законодательстве подобная норма не закреплена. Трудоустройство у нанимателя происходит в соответствии с индивидуальной программой реабилитации инвалида, имеет место более узкий характер и направленность, чем «адаптация рабочего места» по трудовому законодательству Республики Польша.

В отношении людей с ограниченными возможностями здоровья трудовым законодательством Республики Польша предусмотрен абсолютный запрет на работу в ночное время и сверхурочное время. Согласие инвалида в данной ситуации не имеет значения, в то время как в Республике Беларусь привлечение к сверхурочной работе допускается только с согласия инвалида (при условии, если такая работа не запрещена ему индивидуальной программой реабилитации инвалида). Также в дополнение к рабочему времени сотрудников с ограниченными возможностями включены перерывы в работе на восстановительную гимнастику или отдых на протяжении 15 минут в день, который принадлежит ему независимо от перерыва в работе, длящегося еще 15 минут, предусмотренных Трудовым кодексом (эти

перерывы включаются в рабочее время и оплачиваются). Данная норма является прогрессивной потому, что предоставляет дополнительное время инвалиду для восстановления сил и позволяет организму избежать длительных нагрузок. В белорусском трудовом законодательстве такой правовой нормы не предусмотрено, но внедрение аналогичной нормы законодателем носило бы благоприятный характер и способствовало улучшению правового положения инвалидов.

В трудовом законодательстве Республики Польши также предусмотрено, что работнику, зачисленному в значительную или умеренную группу степени инвалидности, принадлежит право на ежегодный дополнительный отпуск продолжительностью 10 рабочих дней в течение календарного года. Дополнительные отпуска по инвалидности в Республике Беларусь не установлены.

Во Франции существуют предприятия и мастерские, где используется только труд инвалидов. Им предлагается выполнять функции обычных рабочих не менее чем на одну треть, а те, кто этого делать не может, заняты в центрах трудовой помощи, получая до 70 % минимальной зарплаты. В Республике Беларусь также существуют такие предприятия, однако их численность мала.

Таким образом, можно отметить, что Республика Беларусь находится на первоначальном этапе развития «безбарьерного» пространства и открытого социального общества. Исследование положительного зарубежного опыта, перенятие и развитие технологий инклюзивного образования, заимствование проверенных временем и практикой прогрессивных норм правового регулирования труда инвалидов, безусловно, помогут достичь должного уровня не только трудовых отношений с инвалидами, но и социальных и экономических отношений в целом.

Афанасьев А. О.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПЕНСИОННЫХ ПРАВ ТРУДЯЩИХСЯ ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ЕАЭС

Афанасьев Александр Олегович, аспирант 3 года обучения Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, law.afanasevAO2@bsu.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Петоченко Т. М.

Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС, Союз) представляет собой значимый пример региональной экономической интеграции в современном мировом контексте. Его главной целью является содействие экономической интеграции между его членами, облегчение свободного перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также содействие сотрудничеству в различных секторах.

Регулирование прав трудящихся государств-членов закреплено в Разделе XXVI Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (далее – Договор) «Трудовая миграция».

Договор указывает на осуществление государствами-членами сотрудничества по согласованию политики в сфере регулирования трудовой миграции в рамках Союза и согласование общих подходов и принципов в сфере трудовой миграции (п. 1 и 3 ст. 96).

Согласно Договору социальное обеспечение (социальное страхование) (кроме пенсионного) трудящихся государств-членов и членов семей осуществляется на тех же условиях и в том же порядке, что и граждан государства трудоустройства. При этом пенсионное обеспечение регулируется законодательством государства постоянного проживания, а также в соответствии с отдельным международным договором между государствами-членами (абз. 1 п. 3 ст. 98 Договора).

На основании изложенного отмечаем двойственность источников правового регулирования пенсионного обеспечения трудящихся государств-членов и членов семьи: законодательством государств-членов и отдельным международным договором в рамках ЕАЭС.

Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств – членов ЕАЭС от 20 декабря 2019 г. (далее – Соглашение), являясь по смыслу ст. 98 Договора международным договором, устанавливает специальные положения о пенсионном обеспечении относительно положений Договора, закрепляя принцип равных прав трудящихся применительно к формированию пенсионных прав трудящихся и реализации права на назначение и выплату трудящимся (членам семьи) пенсии (п. 1 и 2 ст. 3).

В соответствии со ст. 26 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться (принцип *pacta sunt servanda*).

В консультативном заключении от 7 декабря 2018 г. Судом ЕАЭС выработаны критерии определения свойств прямого действия и непосредственного применения норм Договора, к которым отнесены: наделение субъектов правами, четкость и ясность нормы, отсутствие необходимости имплементации нормы в национальное законодательство.

В частности, применительно к ст. 3 Соглашения можно отметить, что его положения наделяют равными правами трудящихся и граждан государства-трудоустройства при формировании пенсионных прав за счет пенсионных взносов, не указывая на необходимость принятия для их реализации внутригосударственных актов. Положения являются достаточно четкими и ясными, в связи с чем возможно указать на наличие свойств прямого действия и непосредственного применения.

Вместе с тем следует учитывать не только содержание нормы международного договора, но и национальное законодательство государства, регламентирующее вопросы применения международно-правовых актов, включая вопросы непосредственного применения норм международных договоров.

Так, в Республике Армения, Республике Беларусь, Республике Казахстан и Российской Федерации в установленных законом случаях принцип прямого

применения международных договоров распространяется на нормы, содержащиеся в этих договорах. Между тем законодательство Кыргызской Республики не содержит положений, касающихся возможности непосредственного применения норм международных договоров.

Прямое действие и непосредственное применение норм международных договоров в национальных правовых системах государств – членов ЕАЭС требует постоянного стремления к гармонизации, диалогу и развитию юридической культуры. По мере продвижения Союза в своей миссии по содействию экономической интеграции и сотрудничеству важно обеспечить, чтобы ее правовая структура оставалась согласованным и эффективным инструментом для решения разнообразных потребностей и вызовов своих государств-членов и их граждан, особенно в таких важных областях, как права трудящихся и социальное обеспечение.

Журова Ю. А.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАНЯТОСТИ ЛИЦ, ОСВОБОЖДЕННЫХ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

*Журова Юлия Андреевна, аспирант 1-го года обучения Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
yuliya.zhurova.2000@mail.ru*

Научный руководитель: доцент канд. юрид. наук, доцент Шпилевская Т. Э.

По данным статистики Верховного Суда Республики Беларусь, за 2022 г. по отношению к 8062 лицам было применено наказание в виде лишения свободы. Одним из приоритетных направлений деятельности каждого государства в отношении данной категории лиц является недопущение совершения ими преступлений повторно. Для достижения данной цели необходимо проведение комплекса мероприятий, направленных на социализацию лиц, освобожденных из мест лишения свободы. Данный процесс осуществляется в ряде сфер, ключевой из которых является сфера труда и занятости. Однако, несмотря на детализацию данного вопроса в законодательстве, существуют отдельные аспекты, которые хотелось бы рассмотреть более детально.

В рамках ст. 11 Закона Республики Беларусь от 15 июня 2006 г. № 125-З «О занятости населения Республики Беларусь» лица, освобожденные из мест лишения свободы, относятся к гражданам, особо нуждающимся в социальной защите и не способным на равных условиях конкурировать на рынке труда. Для данных безработных государство обеспечивает дополнительные гарантии в области содействия занятости населения путем разработки и реализации целевых государственных программ содействия занятости населения, создания дополнительных рабочих мест и специализированных организаций, установления брони для приема на работу, предоставления услуг по профессиональной ориентации, а также путем организации обучения и другими мерами.

Важным аспектом в вопросе занятости лиц, освобожденных из мест лишения свободы, является приобретение необходимых навыков для дальнейшего трудоустройства, в том числе и путем приобретения образования. Законодатель в рамках ч. 3 ст. 7 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее – УИК) отмечает, что получение осужденными к лишению свободы образования выступает как одно из основных средств достижения целей уголовной ответственности и подготовки осужденных к жизни после освобождения. В соответствии с положениями УИК данная категория лиц может получить образование в заочной или дистанционной форме. Возможность получения образования при отбывании наказания является важным элементом для социализации лица в дальнейшем после освобождения. На наш взгляд, особый интерес представляет перспектива включения в законодательство возможности заключения договора о целевой подготовке специалиста между заключенным и организацией, которая планирует обеспечить его рабочим местом после освобождения. Заключение подобного договора позволит гарантировать осужденному место работы после освобождения, что, в свою очередь, будет способствовать его скорейшей интеграции в общество и восстановлению необходимых социальных навыков, а также существенно снизит возможность рецидива.

Стоит отметить, что белорусское законодательство для стимулирования нанимателей предусмотрело возможность частичной компенсации затрат по оплате труда граждан, освобожденных из исправительных учреждений. Так, наниматели, обеспечивающие рабочими местами граждан, освобожденных из исправительных учреждений, обладают правом на частичную компенсацию затрат по оплате их труда в течение двенадцати месяцев с даты приема на работу этих лиц. Данная компенсация включает затраты нанимателей на выплату заработной платы в размере, не превышающем минимальную заработную плату, а также сумму обязательных страховых взносов в бюджет государственного внебюджетного фонда социальной защиты населения. Полагаем, наличие таких мер положительно сказывается на трудоустройстве данной категории граждан, однако действующее законодательство не охватывает лиц, к которым применялись иные меры уголовной ответственности, не связанные с лишением свободы. Полагаем, что подобная категория осужденных также может сталкиваться с рядом трудностей при трудоустройстве, а наниматели не так заинтересованы принимать их на работу как лиц, освобожденных из мест лишения свободы.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод, что белорусское законодательство содержит широкий перечень мер, направленных на организацию трудовой деятельности лиц, освобожденных из мест лишения свободы. Тем не менее в целях совершенствования законодательства в данном направлении представляется целесообразным предусмотреть в законодательстве: возможность частичной компенсации затрат по оплате труда для нанимателей, принимающих на работу лиц с судимостью, которые не смогли трудоустроиться на подходящую работу по

независящим от них причинам; возможность заключения целевого договора о подготовке специалиста между заключенным и организацией, которая планирует трудоустроить его после освобождения. Полагаем, что предлагаемые новации будут способствовать повышению эффективности государственной политики в данном направлении.

Канюков Д. Ю.
ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ ТРУДОВЫХ СПОРОВ:
ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Канюков Даниил Юрьевич, студент 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, stweer1@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Постовалова Т. А.

Отмечая актуальность выбранной темы, следует начать с Концепции правовой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь 28.06.2023 № 196 (далее – Концепция). Так, в соответствии с п. 44.5 Концепции, в сферах законодательства о судостроительстве, судопроизводстве, адвокатуре, нотариате и медиации необходимо расширять применение медиации, иных альтернативных способов урегулирования споров в целях снижения нагрузки на судебную систему, самостоятельной выработки гражданами и субъектами хозяйствования взаимоприемлемых решений, повышения правовой культуры и этики делового оборота.

Один из важных аспектов рассмотрения трудовых споров – это непосредственно процедура их рассмотрения. Во многих странах существуют специальные суды или комиссии, занимающиеся рассмотрением трудовых споров. Например, в Российской Федерации, как и в Республике Беларусь, таким субъектом является комиссия по трудовым спорам. Согласно п. 1 ст. 159 Трудового кодекса Республики Казахстан индивидуальные трудовые споры рассматриваются согласительными комиссиями. Так, каждая из этих систем имеет свои особенности и процедуры, но общей целью является рассмотрение трудовых споров и вынесение справедливого решения.

Особенности рассмотрения трудовых споров также зависят от законодательства каждой страны. Так, в Республике Казахстан особенностью действующего трудового законодательства является обязательное досудебное урегулирование, предусматривающее рассмотрение индивидуальных трудовых споров посредством, как мы уже выяснили, согласительных комиссий. Важно отметить, что помимо досудебного регулирования трудовых споров, существуют различного рода альтернативные способы разрешения конфликтов. Основным способом такого разрешения конфликтов примирительной процедурой является медиация.

Вопросами правового регулирования примирительных процедур на национальном уровне Республики Беларусь занимаются О. Н. Здрок, Е. В. Мотина, Т. М. Петоченко, Т. С. Таранова.

Так, каждый из авторов в своих работах констатируют целесообразность создание института медиации в Республики Беларусь, опираясь на уже существующий положительный опыт зарубежных стран.

На взгляд Е. В. Мотиной, за рубежом накоплен большой опыт применения примирительных процедур для разрешения трудовых споров. Многообразие форм такого разбирательства обусловлено различными историческими условиями формирования системы социального партнерства. При этом, как показывает практика, это один из наиболее быстрых, доступных и цивилизованных способов разрешения споров. Поэтому основная задача белорусского законодателя – научиться грамотно и правильно имплементировать положительный опыт зарубежных государств в сфере развития института медиации.

Т. М. Петоченко в своей статье «Совершенствование форм защиты трудовых прав» предлагает дополнить Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь специальной главой, посвященной особенностям рассмотрения индивидуальных трудовых споров в суде (в частности, следует закрепить подведомственность и подсудность трудовых споров; правовое положение нанимателя и работника (претендента на рабочее место или бывшего работника); распределение бремени доказывания; дополнительные процессуальные гарантии работникам; меры по обеспечению исковых требований).

Интересна правовая позиция Т. С. Тарановой, которая положительно характеризует Закон Республики Беларусь «О медиации» и одноименный Модельный закон СНГ, характеризующие медиацию через указание цели, что, по мнению автора, выгодно отличает эти акты от распространенного в зарубежной практике (например, в Законе о медиации Румынии) весьма размытого определения данной процедуры как дружественного урегулирования спора. Определение медиации через цель, как указывает Т. С. Таранова, исключает использование данной процедуры для достижения несвойственных ей функций.

Таким образом, рассмотрение трудовых споров имеет свои особенности в различных странах. Эти особенности зависят от процедур, национального законодательства каждого государства в отдельности и наличия альтернативных способов разрешения конфликтов. Изучение зарубежного опыта в данной области позволяет улучшить систему рассмотрения трудовых споров и обеспечить более справедливое разрешение конфликтов между работником и нанимателем.

Кочемасов А. Н.

**«СВОИХ НЕ БРОСАЕМ»: ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ
ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ ДЛЯ УЧАСТНИКОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ
ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ**

*Кочемасов Александр Николаевич, студент 2 курса Марийского
государственного университета, г. Йошкар-Ола, Россия,
kochemasov20@icloud.com*

Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Михеева Т. Н.

Специальная военная операция на Украине (далее – СВО) поставила Россию перед лицом многих проблем, требующих неотложного решения, в том числе встал вопрос о дополнительных гарантиях лицам, находящимся в зоне боевых действий и их семьям.

Лица, призванные по мобилизации, контрактники или пришедшие в военкомат добровольно, оставили место работы или учебы, семьи с детьми, недорешенные житейские проблемы, например, выплаты по ипотеке и т. п.

Нужно отметить, что в ускоренные сроки в Российской Федерации был принят целый блок правовых актов, закрепивших дополнительную защиту для названной категории россиян.

Важным стало распространение на участников СВО статуса ветерана боевых действия сразу с начала участия в операции.

Внесенная в Трудовой кодекс Российской Федерации дополнительная ст. 351.7 упорядочила трудовые отношения – трудовой договор с участником операции не прекращается, а приостанавливается на весь период его нахождения в зоне боевых действий. При этом сохраняются все социально-трудовые гарантии, например, дополнительное страхование или негосударственное пенсионное обеспечение, улучшение социально-бытовых условий для самих работников и их семей.

Законодательством установлен для участников СВО ряд специальных выплат и компенсаций. Это – единовременная выплата при заключении контракта в размере 195 000 руб., а также ежемесячные перечисления на банковский счет денежного довольствия от 195 000 руб. и выше в зависимости от должности, звания, выслуги лет. С 1 октября 2023 г. последняя сумма проиндексирована и ежемесячная зарплата участников специальной военной операции после индексации составила минимум 210 000 руб.

Учитывая чрезвычайность условий прохождения службы, законодательством определены страховые выплаты. При получении ранения мобилизованному может быть выплачено 3 млн руб., а в случае гибели – 5 млн руб. получает его семья. Эти суммы не окончательные, поскольку многие регионы России устанавливают свои дополнительные компенсации. В случае смерти военнослужащего детям до 18 лет, студентам – до окончания образовательного учреждения (или до достижения 23 лет) выплачивается ежемесячная компенсация в размере 50 % от вышеназванной суммы денежного довольствия.

Существенной социальной поддержкой являются гарантии для участников СВО и их детей в образовательной сфере. Внесенные в 2023 г. дополнения в Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» предусматривают для участников, уволенных с военной службы, бесплатное обучение или дополнительное профессиональное образование, а при поступлении в вуз – снижение стоимости обучения и предоставление других льгот

Для детей названных лиц установлена 10 % квота от общего числа бюджетных мест при поступлении в вуз на бесплатное обучение. Те, кто уже учится платно, наделяются правом перевода в первоочередном порядке на вакантное бюджетное место.

С октября 2022 г. для участников СВО, а также членов их семей появились особые льготные условия погашения платежей по договорам займа, что повлекло корректировку нескольких взаимосвязанных законов.

Нельзя не отметить некоторых мер медицинского характера. Решением Правительства Российской Федерации сформирован специальный Фонд поддержки участников СВО для оказания психолого-терапевтической помощи участникам, членам их семей или членам семей погибших. Для всех перечисленных категорий граждан также предусмотрено обеспечение лекарственными препаратами. На эти цели Фонду в 2023 г. выделено более 1,5 млрд руб.

В завершение следует отметить, что в России сейчас ощущается сплоченность в обществе. Люди всячески помогают самим участникам спецоперации и их семьям, беженцам из разоренных войной территорий. Выразительный боевой лозунг российских военнослужащих «своих не бросаем» становится более широким и не ограничивается лишь полем военных действий. В этом смысле приведенные (но далеко не все) дополнительные правовые гарантии государства для участников СВО и их семей являются адекватной мерой защиты, также укладывающейся в краткую строчку: «Своих не бросаем!».

Круглая Ю. Ю.

ПРАВО НА ЗАБАСТОВКУ И ЕГО ОГРАНИЧЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

*Круглая Юлия Юрьевна, учащаяся 2 курса Юридического колледжа
Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
jul.lija@mail.ru*

Научный руководитель: магистр политических наук Судниченко Д. С.

Забастовка является крайней мерой в борьбе трудящихся за свои права и причиняет существенный ущерб экономическим интересам организаций и государству. Законодательство ряда стран, в том числе Республики Беларусь, признает право на забастовку, устанавливая одновременно с этим определенные ограничения на ее проведение. Анализ норм законодательства

на предмет установления ограничений при проведении забастовки видится актуальным на данном этапе общественно-политического и экономического развития Республики Беларусь.

В Республике Беларусь право работников на забастовку закреплено на конституционном уровне и детально регулируется трудовым законодательством. Так, в ч. 3 ст. 41 Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция) предусмотрено, что граждане имеют право на защиту своих экономических и социальных интересов, включая право на забастовку. Профессиональные союзы имеют право на организацию и проведение забастовок в соответствии с законодательством Республики Беларусь (ст. 22 Закона «О профессиональных союзах»).

Забастовка определяется как временный добровольный отказ работников от выполнения (полностью или частично) трудовых обязанностей в целях разрешения коллективного трудового спора, то есть неурегулированного разногласия сторон коллективных трудовых отношений (нанимателя, нанимателей, объединений нанимателей и работников в лице профсоюза, иных представительных органов по поводу:

- установления, изменения социально-экономических условий труда и быта работников;
- заключения, изменения, дополнения, исполнения либо прекращения коллективных договоров, соглашений (ст. 377, 378 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК)).

Несмотря на то, что забастовка предполагает отказ работника от выполнения трудовых обязанностей полностью или частично (ст. 388 ТК), наниматель имеет право уволить его, лишь в случае признания забастовки незаконной (ч. 7 ст. 42 ТК).

В правовом регулировании забастовки в Республике Беларусь можно выделить процедурные ограничения. Забастовка может проводиться не позднее трех месяцев со дня недостижения согласия между сторонами коллективного трудового спора по его урегулированию в примирительной комиссии, с участием посредника или (и) несогласия с решением трудового арбитража, за исключением решения, которое носит для сторон обязательный характер (ч. 2 ст. 388 ТК). Представительный орган работников обязан в письменной форме уведомить нанимателя о решении провести забастовку не позднее двух недель до ее начала (ст. 390 ТК).

К субъектным ограничениям следует отнести норму ст. 390 ТК, согласно которой забастовка может проходить только по инициативе коллективов работников или профсоюзов. Участие в забастовке является правом, которое реализуется каждым работником осознано и добровольно. Поэтому статья 393 ТК категорически запрещает принуждение к участию в забастовке либо отказу от участия в ней.

Согласно статье 396 ТК за работниками, участвовавшими в забастовке, заработная плата за все время забастовки не сохраняется – данное ограничение будет носить экономический характер.

Проведение забастовки в некоторых случаях может нанести ущерб государству и свободе других лиц. В этих случаях могут быть установлены прямые запреты на реализацию права на забастовку. Так, Президент Республики Беларусь вправе отложить проведение забастовки или приостановить ее, но не более чем на трехмесячный срок (п. 23 ст. 84 Конституции, ст. 393 ТК). Запрещается участвовать в забастовках госслужащим, военнослужащим, работникам органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям, а также некоторым другим категориям лиц, отказ которых от работы может нанести ущерб вышеперечисленным особо охраняемым объектам (ч. 1.2 ст. 26 Закона Республики Беларусь «О государственной службе»). Законодательство Республики Беларусь прямо запрещает выдвижение при проведении забастовки политических требований (ст. 388 ТК).

Значимость процедуры проведения забастовки, существенные ограничения при ее реализации свидетельствуют о необходимости четкой и детальной ее регламентации в законодательстве. На наш взгляд, следует уделить особое внимание в законодательстве субъектным ограничениям с целью уточнения лиц, имеющих право на участие в забастовке. Видится необходимым легальное регулирование проведения забастовки в сфере предпринимательства.

Куракина В. В.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА НЕДОПУЩЕНИЯ ДИСКРИМИНАЦИИ В ОБЛАСТИ ТРУДА И ЗАНЯТИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Куракина Виктория Васильевна, аспирант Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, vika.alekseeva.1994@list.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Петоченко Т. М.

Филадельфийская декларация Международной организации труда 1944 г. определяет, что все люди независимо от расы, веры или пола имеют право на достижение своего материального благосостояния и духовного развития в условиях свободы и достоинства, экономической устойчивости и равных возможностей; должны создаваться условия для обеспечения полной занятости населения и повышения его жизненного уровня.

Республикой Беларусь ратифицированы международные документы в области запрета дискриминации как в целом, так и в части запрета дискриминации в сфере труда и занятий, одним из которых является Конвенция МОТ «О дискриминации в области труда и занятий» № 111 от 25.06.1958, в которой под дискриминацией понимается нарушение прав, провозглашенных во Всеобщей декларации прав человека. В ст. 14 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК) дана дефиниция дискриминации в трудовой сфере. Национальное законодательство о труде запрещает дискриминацию в области труда и занятий и в полной мере соответствует

международным стандартам. Анализ правоприменительной практики свидетельствует о необходимости совершенствования механизма защиты и восстановления нарушенных в результате дискриминации трудовых прав граждан. В ч. 6 ст. 14 ТК закреплено, что лица, считающие, что они подверглись дискриминации в сфере трудовых отношений, вправе обратиться в суд с соответствующим заявлением об устранении дискриминации. В настоящее время в Республике Беларусь практически отсутствует судебная практика по делам о дискриминации в сфере труда и занятий, что является негативным моментом, препятствующим разрешению проблем дискриминации в данной сфере. В постановлении Президиума Верховного Суда Республики Беларусь от 05.12.2017 № 7 «О практике применения судами норм законодательства, регулирующих труд женщин и работников, имеющих семейные обязанности» обращено внимание лишь на одно из проявлений дискриминации. В нем отмечается, что правильное применение судами норм законодательства, регулирующих труд женщин и работников, имеющих семейные обязанности, имеет важное значение для реализации конституционных гарантий на равные условия труда, недопущения дискриминации в сфере трудовых отношений, обеспечения прав и законных интересов граждан, нуждающихся в повышенной социальной и правовой защите. Изучение судебной практики показало, что выявлены случаи ошибок в применении судами норм материального и процессуального права. В судебных заседаниях не всегда полно и всесторонне проверяются доводы работников о дискриминации со стороны нанимателя. На качество рассмотрения дел отрицательно влияет, что не всеми судами проводится изучение и обобщение судебной практики по данному направлению.

Авторы, исследующие проблемы реализации принципа недопущения дискриминации в сфере труда и занятий, в частности А. О. Лышко, Е. А. Сенкевич, Н. И. Тарасевич, указывают, что одним из негативных моментов является существование проблемы факта доказывания дискриминации истцом, т. е. не всегда соблюдается принцип равенства. Авторами предлагается закрепить презумпцию вины нанимателя в дискриминации и отнести бремя доказывания отсутствия дискриминации на нанимателя. Н. Л. Лютов и Е. С. Герасимова утверждают, что факт дискриминации доказать на практике очень сложно, в связи с чем дела в судах выигрываются очень редко, стандартные правила доказывания возлагают на заявителя непосильное бремя, не позволяющее установить наличие дискриминационных намерений лица или дискриминационных последствий какой-либо меры. Перенос бремени доказывания на ответчика может привести к противоречивым последствиям и может быть чревато злоупотреблением правом со стороны истца. Отсутствие дискриминирующих действий может быть также крайне сложно доказать даже в тех ситуациях, когда наниматель действительно невиновен.

Для повышения эффективности норм, обеспечивающих реализацию принципа запрещения дискриминации в сфере труда и занятий, предлагаем следующее: по трудовым спорам об устранении дискриминации возложить

бремя доказывания на ответчика, т. е. ответчик (наниматель) должен будет доказать факт отсутствия дискриминации в отношении гражданина, обосновав законность собственных действий; внести дополнения в Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь и Трудовой кодекс Республики Беларусь, закрепив специальный порядок защиты и восстановления нарушенных в результате дискриминации со стороны нанимателя трудовых прав граждан, определив особый порядок доказывания, в том числе при косвенной дискриминации.

Мамедова Ж. Р.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕКРАЩЕНИЯ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА С РАБОТНИКОМ, ВЫПОЛНЯЮЩИМ ДИСТАНЦИОННУЮ РАБОТУ

*Мамедова Жанна Руслановна, студентка 2 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
Zannamamedova6@gmail.com*

Научный руководитель: старший преподаватель Савкина Ю. М.

Динамичное развитие цифровых технологий и компьютерной техники оказывают влияние на различные сферы жизни общества, в том числе на правовое регулирование трудовых и тесно связанных с ними отношений. В связи с этим в Трудовой кодекс Республики Беларусь (далее – ТК) были внесены соответствующие изменения и дополнения. В частности, включена глава 25¹, регулирующая особенности труда работников, выполняющих дистанционную работу.

Возможность работать дистанционно в настоящее время способствует тому, что некоторые категории граждан, такие как лица с семейными обязанностями, граждане с ограниченными физическими возможностями и некоторые другие получили возможность реализовывать свое право на труд, не выходя из дома.

Дистанционной считается работа, которую работник выполняет вне места нахождения нанимателя с использованием для выполнения этой работы и осуществления взаимодействия с нанимателем информационно-коммуникационных технологий. Это означает, что благодаря компьютерным технологиям, работник и наниматель имеют возможность обмениваться информацией, документами, связанными с трудовой деятельностью, посредством сети Интернет, включающей в себя как различные мессенджеры, так и электронную почту.

Глава 25¹ ТК определяет особенности трудового договора, акцентирует внимание на охране труда, особенностях режима рабочего времени и времени отдыха дистанционных работников. Отдельная статья данной главы (ст. 307⁵) посвящена особенностям прекращения трудового договора с работником, выполняющим дистанционную работу. При этом необходимо отметить, что дополнительных оснований прекращения трудового договора с данной категорией работников ТК не предусматривает.

На практике наниматели сталкиваются с проблемой отсутствия дистанционного работника на связи. По сути, единственное основание увольнения работника в данном случае – это прогул без уважительных причин (абз. 2 п.7 ст. 42 ТК). Расторжение трудового договора по данному основанию является дисциплинарным и требует соблюдения определенной процедуры, предусмотренной ст. 199 ТК. Нанимателю необходимо затребовать письменное объяснение работника о произошедшем. Однако сколько ждать момента выхода работника на связь? И выйдет ли он на связь вообще? Взаимодействие с дистанционными работниками зачастую сложнее чем с работниками офлайн. Наниматель в ряде случаев даже не может проверить, кто отвечает на его письма и сообщения: работник или третье лицо.

Обратим внимание, что ст. 312⁸ Трудового кодекса Российской Федерации предусмотрено дополнительное основание прекращения трудового договора с дистанционным работником в рассматриваемой ситуации. В частности, трудовой договор может быть расторгнут по инициативе работодателя в случае, если в период выполнения трудовой функции дистанционно работник без уважительной причины не взаимодействует с работодателем по вопросам, связанным с выполнением трудовой функции, более двух рабочих дней подряд со дня поступления соответствующего запроса работодателя. Данное основание не является дисциплинарным и соответственно упрощает процедуру увольнения для нанимателя.

Полагаем, что введение подобной нормы может быть воспринято и белорусским законодателем с учетом сложившейся правоприменительной практики. При этом возможность увольнения дистанционного работника за «невыход на связь» должна быть подкреплена гарантиями от необоснованного увольнения работника, установлением определенной процедуры и сроков.

Рудаковская А. В.

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖЕНЩИН В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

*Рудаковская Анастасия Викторовна, студентка 3 курса Юридического колледжа Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
nastyarudakovskaya@yandex.by*

Научный руководитель: преподаватель Журова Ю. А.

Современное развитие общества и государства требует совершенствования законодательства в различных областях жизнедеятельности, в том числе в области трудового законодательства. В Республике Беларусь сформирована целостная система семейно-демографической политики, серьезная правовая база, регулирующая трудовые права женщин. Женщины являются особой категорией работников, по отношению к которым государство осуществляет заботу, которая

обеспечивается предоставлением различных льгот и гарантий. Тем не менее, на сегодняшний день существует ряд проблем в регулировании данной сферы, которые хотелось бы рассмотреть детально.

На сегодняшний день Трудовой кодекс Республики Беларусь (далее – ТК), не определяет ежедневную продолжительность рабочего времени для беременных женщин и для женщин, имеющих детей до 3-х лет. Так, ТК в ст. 115 регламентирует ежедневную продолжительность рабочего времени для отдельных категорий работников: для работников в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет, для учащихся, получающих общее среднее, профессионально-техническое образование, специальное образование на уровне общего среднего образования, работающих в течение учебного года в свободное от учебы время, в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет, для инвалидов I и II группы, для работающих на территории радиоактивного загрязнения в зоне эвакуации (отчуждения), в том числе временно направленных или командированных в эти зоны, для работников, занятых на работах с вредными и (или) опасными условиями труда. В юридической литературе признается целесообразным закрепить в рамках данной статьи предельную продолжительность ежедневной работы и для беременных женщин, и для женщин, имеющих детей до 3-х лет. По данным физиологов, для нормального функционирования рабочей силы продолжительность ежедневной работы не должна превышать 7-8 часов. Полагаем необходимым включить это уточнение в ст. 115 ТК.

В соответствии с положениями законодательства в нашей стране полностью запрещается привлечение к сверхурочным работам, работе в государственные праздники и праздничные дни, выходные дни и направление в служебную командировку беременных женщин.

Женщины, имеющие детей в возрасте до четырнадцати лет (детей-инвалидов – до восемнадцати лет), могут привлекаться к сверхурочным работам, работе в государственные праздники и праздничные дни, работе в ночное время, выходные дни и направляться в служебную командировку только с их письменного согласия.

В соответствии с нормой ч. 4 ст. 117 ТК, регламентирующей работу в ночное время, установлен перечень работников, которые не допускаются к работе в ночное время даже если она приходится на часть рабочего дня или смены. К такой работе не допускаются только беременные женщины.

При этом законодатель посчитал необходимым исключить из этого перечня женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет. Указанное исключение в свою очередь может привести к злоупотреблению со стороны нанимателя, которому в определенных случаях работающая женщина с ребенком в возрасте до трех лет не сможет отказать при возникновении необходимости в ночной работе.

Рассматривая развитие данного положения в законодательстве, необходимо отметить, что ранее по КЗоТ 1972 г. привлечение женщин к работам в ночное время допускалось как исключение в тех отраслях народного хозяйства, где это вызывалось особой необходимостью и

разрешалось в качестве временной меры. Действующий же на сегодняшний день ТК в этом вопросе категоричен: ночная работа допускается только с согласия женщины. Рассматривая опыт российского законодателя в данном вопросе, необходимо отметить, что Трудовой кодекс Российской Федерации предоставляет существенную гарантию женщинам с ребенком в возрасте до трех лет: они должны быть ознакомлены в письменной форме со своим правом отказаться от перечисленных видов работ, в соответствии с ч. 2 ст. 259 Трудового кодекса Российской Федерации. Полагаем, что законодательству Республики Беларусь при совершенствовании законодательства в данной области необходимо обратиться к опыту российского законодателя и закрепить данную гарантию в ТК.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод, что женщины являются особой категорией работников, требующей особого подхода со стороны законодателя. Несмотря на то, что труд женщин на сегодняшний день регламентирован достаточно детально, тем не менее, на наш взгляд, считаем целесообразным в ст. 115 ТК регламентировать ежедневную продолжительность рабочего времени для беременных и женщин, имеющих детей в возрасте до 3-х лет, а также закрепить в законодательстве необходимость ознакомления женщин с ребенком в возрасте до трех лет в письменной форме с правом отказаться от сверхурочных работ, работе в государственные праздники и праздничные дни, работе в ночное время, выходные дни и направления в служебную командировку.

Соколовская Д. В.

ПСИХОСОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

*Соколовская Дарья Викторовна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
darya_sokolovskaya02@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Мотина Е. В.

В последние десятилетия профессиональная деятельность стала более интенсивной, что привело к возникновению различных проблем со здоровьем у работников. В сфере труда проблема психического здоровья является как никогда актуальной, так как оказывает значительное влияние не только на благополучие людей, сокращая перспективы трудоустройства и оплаты труда, но также порождает высокие издержки для экономики в целом.

В 1984 г. Международная организация труда разработала определение «психосоциальных рисков». Они представляют собой «взаимодействие, с одной стороны, между производственной средой, содержанием труда и его организационными условиями, а с другой стороны, между способностями, потребностями, культурой и личными внепроизводственными соображениями работников, которое может через восприятие и опыт влиять на состояние здоровья, производительность и удовлетворенность работой». Негативное

взаимодействие между условиями труда и человеческим фактором может привести к эмоциональным нарушениям, поведенческим проблемам, что, в свою очередь, создает повышенную опасность психических или физических заболеваний.

В 2021 г. Международная организация по стандартизации ISO опубликовала первый в мире международный стандарт, который посвящен психическому здоровью на рабочем месте – ISO 45003: «Системы менеджмента охраны здоровья и обеспечения безопасности труда – Психологическое здоровье и безопасность на рабочем месте – Руководящие принципы управления психосоциальными рисками» (далее – Стандарт ISO 45003). В нем под «психосоциальным риском» понимается сочетание вероятности наступления опасности (опасностей), связанной с работой, психосоциального характера и тяжести травм и плохого состояния здоровья, которые могут быть вызваны этими опасностями. В Стандарте ISO 45003 выделяется три группы опасностей психосоциального характера:

- 1) аспекты организации работы;
- 2) социальные факторы на работе;
- 3) рабочая среда, оборудование и опасные задачи.

Одним из примеров опасностей аспектов организации работы можно назвать рабочее время и график. Так, отсутствие разнообразной работы, негибкий график работы, сверхурочная работа, в свою очередь, могут спровоцировать появление работников с симптомами переутомления, которое может привести к увеличению риска стресса. Считается, что когнитивные или физические симптомы стресса повышают вероятность того, что работник будет недостаточно внимателен, сконцентрирован при совершении производственных операций, что может повлечь за собой увеличение количества несчастных случаев на производстве.

В годовом отчете 2014 «Улучшение условий труда в Европе» отмечалось, что затраты на медицинские услуги, презентеизм (формальное пассивное присутствие на рабочем месте) формируют высокую «стоимость» стресса для организаций в Европейском союзе, где финансовые потери такого характера оценивают примерно в 617 млрд. евро в год.

В 2021 г. было опубликовано исследование «State of the Global Workplace», подготовленное Gallup, из него следует, что стресс, беспокойство, гнев и иные негативные эмоции работников в 2020 г. достигли рекордного уровня и обходятся мировой экономике в 8,1 трлн. долларов США. Исходя из таких данных, можно сделать вывод, что психосоциальные риски в трудовых отношениях вызывают огромные расходы для экономики, из-за снижения производительности труда мировая экономика теряет почти 10 % ВВП ежегодно.

Отметим, что ни в Трудовом кодексе Республики Беларусь, ни в ГОСТ 12.0.002-2014 «Система стандартов безопасности труда. Термины и определения», ни в ГОСТ 12.0.003-74 «ССБТ. Опасные и вредные производственные факторы. Классификация» не содержится понятия «психосоциальные риски».

Опасности психосоциального характера не включены в перечень опасных и (или) вредных производственных факторов. По нашему мнению, представляется важным включить такие опасности в ГОСТ 12.0.003-74 «ССБТ. Опасные и вредные производственные факторы. Классификация». Внесение в трудовое законодательство обязанности работодателей по обеспечению безопасности и сохранению здоровья сотрудников, с учетом различных видов профессиональных рисков, включая управление и оценку психосоциальных рисков, является необходимым шагом для поддержания физического и психологического благополучия работников. Таким образом, на наш взгляд, менеджмент психосоциальных рисков может помочь создать более благоприятные условия труда для работников.

Цадкина А. Д.

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКЕ МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ В РОССИИ

Цадкина Алина Денисовна, магистрант 2 курса обучения Юридического института имени М. М. Сперанского Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых», г. Владимир, Россия, alinessa1302@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Кулакова А. А.

Россия как социальное государство стремится обеспечить благополучие своих граждан, создать условия достойного уровня жизни каждому, поддерживать слабозащищенные группы населения, стабилизировать социально-экономическое положение граждан в стране. Социальная поддержка населения особенно актуальна в государственной политике в настоящее время не только с точки зрения социального подхода, но и в качестве одного из главенствующих инструментов в демографической политике страны. Перед Россией стоит сложная и требующая решения первостепенная задача – выйти из сложной демографической ситуации, поскольку падение численности населения в России в целом и в регионах отмечается еще с середины 1990-х гг., естественная убыль населения в государстве была с 2001 по 2010 г. и вновь появилась после 2016 г., в сфере рождаемости ситуация продолжает оставаться сложной, что требует особых мер со стороны государства.

Вышесказанное явно демонстрирует необходимость в эффективных мерах государственной политики, направленной на поддержку семей, в особенности семей с детьми и многодетных семей. Президент России неоднократно подчеркивает важную роль в государстве многодетных семей, пользующихся особым уважением, являющихся гордостью страны, олицетворяющих нравственные основы и семейные ценности. Действительно, многодетные семьи нуждаются в многоаспектной поддержке со стороны государства, направленной как на улучшение их благосостояния, так и увеличение численности граждан России. Многодетные семьи могут и являются одним из ключевых факторов, влияющих на демографическую ситуацию, в связи с чем их поддержка со стороны государства, в особенности

социальная поддержка, должна отвечать их потребностям, соответствовать актуальным, стремительно изменяющимся экономическим и социальным реалиям в государстве.

Социальная поддержка многодетных семей в России отражает сущность социальной политики государства и имеет свои особенности, оказывает таким семьям социальную помощь в воспитании детей и содействует их благополучию посредством комплекса различных мер, видов поддержки, подавляющую часть которых составляют материальные формы социальной поддержки многодетных семей. Несмотря на большой спектр принятых мер поддержки, таких как выплаты, пособия, льготы, существуют некоторые проблемные вопросы в осуществлении многодетным семьям мер социальной поддержки, решение которых требует внесение изменений в законодательство страны.

Обратим внимание, что совершенствование социальной поддержки многодетных семей может быть рассмотрено и осуществлено различными подходами, в частности, с точки зрения подхода увеличение числа мер социальной поддержки, включая повышение и индексацию размеров сумм материальных видов поддержки, но также и с точки зрения изменения правового статуса многодетной семьи в целом, в особенности касающегося самого понятия многодетной семьи в стране, т. е. каким именно семьям такая социальная поддержка будет оказана. Данные подходы не могут существовать отдельно друг от друга, должны быть объединены при подготовке поправок в нормативные правовые акты.

Говоря о понятии многодетной семьи в России как первостепенной основы их социальной поддержки, следует отметить, что вследствие конституционных норм единое понятие многодетной семьи и его критерии отсутствуют, регионы на свое усмотрение определяют, какая семья является многодетной, следовательно, не функционирует и единая система социальной поддержки многодетных семей в стране, поскольку в регионах различается не только само понятие многодетной семьи, но и перечень мер социальной поддержки. В частности, особое значение имеет возраст детей в семье, что касается мер поддержки – не во всех регионах предусмотрена возможность получения выплаты вместо предоставления семье земельного участка в собственность бесплатно. Более того, в России не принят федеральный закон с закреплением общего понятия многодетной семьи, его единых критериев и основополагающих мер социальной поддержки, вся совокупность которых сейчас регламентирована во множестве нормативных правовых актов различного уровня, что означает отсутствие единого правового статуса многодетных семей.

Таким образом, совершенствование законодательства в сфере социальной поддержки многодетных семей в России должно носить комплексный характер и необходимо в целях как улучшения уровня жизни самих многодетных семей, повышения их авторитета, укрепления института семьи, так и роста численности населения страны и выхода из сложной демографической ситуации.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО (Ч. 1)

Абрамчик А. А.

ВОВЛЕЧЕНИЕ МАЛОЛЕТНЕГО В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ ПРЕКУРСОРОВ И АНАЛОГОВ

*Абрамчик Анастасия Александровна, студентка 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
abramchic2003@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Пухов А. А.

На данном этапе развития по-прежнему актуальны вопросы предупреждения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов (далее – наркотические средства) в молодежной среде. Однако малолетние, несовершеннолетние и учащаяся молодежь не всегда осознают опасность приема наркотических средств и несерьезно относятся к последствиям употребления запрещенных веществ, нередко приуменьшают степень их влияния на здоровье и будущую судьбу, карьеру. Зачастую они не представляют себе катастрофических последствий привлечения к уголовной ответственности за участие в совершении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств.

Вовлечение малолетних в незаконный оборот наркотических средств является сопутствующим деянием незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, так как расширяется круг лиц, участвующих в его совершении.

В соответствии с Уголовным кодексом Республики Беларусь 1999 г. (далее – УК) малолетние – лица, которые на день совершения преступления не достигли возраста четырнадцати лет.

Выделяем данную группу лиц, поскольку в силу особенностей возраста, неустоявшейся психики, смещения и смешения понятий «что такое хорошо и что такое плохо» практически все действия малолетних носят групповой характер, так как они подвержены мнению общества и лиц, которые их окружают. Мы рассматриваем малолетних, а не несовершеннолетних в силу того, что ответственность за некоторые деяния в сфере данных преступлений наступает с четырнадцати лет.

Далее следует рассмотреть, что же подразумевается под вовлечением. Возьмем на примере ст. 172 УК, там вовлечение может осуществляться с применением различных способов. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления путем обещания – это сообщение о принятии вовлекающим лицом на себя обязательства предоставить

несовершеннолетнему какие-либо блага (преимущества) в будущем. Обман может выражаться в сообщении ложных сведений об определенных обстоятельствах, имеющих существенное значение для несовершеннолетнего. Однако, на наш взгляд, в преступлениях, связанных с наркотическими средствами, можно добавить еще несколько способов вовлечения, а именно вовлечение путем использования социальных сетей, в которых размещаются предложения о возможности заработать денежные средства, о ценах и точках приобретения наркотических средств, а также обозначением в глобальной компьютерной сети Интернет информации о местах хранения наркотических средств, размещение на зданиях, сооружениях рекламы различных наркотических средств.

Исходя из этого, можно дать следующее определение понятия вовлечения. Под вовлечением следует понимать действия, совершенные путем обещания, обмана либо распространения информации о наркотических средствах путем пропаганды в печатных или электронных средствах массовой информации, или в глобальной компьютерной сети Интернет либо с использованием зданий, сооружений и иных конструкций, путем размещения на них рекламы, направленные на возбуждение у несовершеннолетнего желания, стремления, решимости участвовать в совершении преступления в качестве исполнителя (соисполнителя), пособника, организатора.

Проанализировав нормы об установлении уголовной ответственности за вовлечение в совершение преступлений и пропаганду совершения преступлений, а также нормы зарубежного законодательства, связанные с вовлечением в незаконный оборот наркотических средств, считаем возможным дополнить УК статьей следующего содержания:

«Статья 328-3. Вовлечение малолетнего в совершение преступления, связанного с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов.

1. Вовлечение лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, заведомо малолетнего в совершение преступления, связанного с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов путем обещаний, обмана, использования печатных и электронных средств массовой информации и глобальной компьютерной сети Интернет, а также зданий, сооружений и иных конструкций путем нанесения на них рекламы, связанной с указанными веществами.

2. То же действие, совершенное повторно, в отношении двух или более лиц либо с применением насилия или угрозой его применения.

3. Действия, предусмотренные частями 1 и 2 настоящей статьи совершенные родителем, педагогическим работником или иным лицом, на которое возложена обязанность по воспитанию малолетнего.»

Азаренко А. О.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ЗНАЧЕНИЕ ИНСТИТУТА СОУЧАСТИЯ

*Азаренко Алиса Олеговна, студентка 2 курса Академии Министерства
внутренних дел Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь,
azarenko.alisa2018@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Реутская Е. А.

Соучастие в преступлении является одним из видов преобразовательной человеческой деятельности, поскольку, совместно совершая преступление, участники посягательства производят в конкретном объекте уголовно-правовой охраны определенные изменения или создают своими действиями предпосылки для изменений такого рода. Эти изменения, безусловно, носят деструктивный характер и в социальном плане отрицательно сказываются на функционировании человека, общества или государства. Понятие соучастия сформулировано в ч. 1 ст. 16 Уголовного кодекса Республики Беларусь как умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления.

Соучастие в преступлении, проистекая из социальных условий жизни общества, закрепляется и определяется нормами права и выступает в качестве особого уголовно-правового явления. Эта двоякая природа соучастия позволяет говорить о нем как о социально-правовом явлении.

Социальное значение института соучастия обусловлено определением общественной опасности деяния, совершенного в соучастии. При этом общественная опасность соучастия определяется характером и степенью. Характер общественной опасности соучастия раскрывается через его вредоносность, т. е. через способность порождать негативные для общества последствия. Степень же показывает нам соучастие как форму совершения преступления, которая характеризуется более высоким уровнем общественной опасности. Повышенная опасность совместной преступной деятельности определяется в первую очередь причинением большего ущерба и снижением вероятности добровольного отказа от доведения преступления до конца. Более того, совместное участие нескольких лиц в совершении преступления облегчает возможность избежать задержания в момент его совершения либо же избежать ответственности, а также увеличивает возможность более эффективного сокрытия и сбыта предмета преступления и средств или орудий совершения преступления.

Спорным является вопрос о юридической природе соучастия, по которому в науке сложилось две теории: акцессорная теория и теория самостоятельной, независимой от других соучастников ответственности. При этом решение данного вопроса имеет практическое значение, заключающееся в обосновании ответственности соучастников преступления в процессе судебного следствия, вынесения приговора и назначения справедливого наказания. При формулировании определения соучастия ученые исходили из буквального толкования слова «акцессорный», означающего

несамостоятельность, зависимость одного явления от другого. Согласно акцессорной теории соучастия в преступлении главной фигурой соучастия является исполнитель, от деятельности которого зависит деятельность других соучастников преступления. Соучастие признавалось возможным, только если исполнитель осуществил задуманное или начал его исполнение.

Суть теории самостоятельной ответственности сводится к определению формы преступления для каждого из преступников, а также их личной ответственности. Большинство ученых признавали ответственность соучастника преступления только за те преступные действия, которые он сам совершил, но не за действия исполнителя.

Подводя итоги, отметим, что юридическая сущность института соучастия позволяет установить выполняемую роль каждого из лиц, участвующих совместно в совершении преступления. Это дает возможность осуществлять индивидуализацию ответственности виновных лиц и назначение соответствующего наказания. Социальная сущность соучастия в преступлении позволяет выявить характер и степень общественной опасности деяния, которое имеет отрицательные последствия и представляет собой угрозу причинения вреда общественным интересам.

Березовская Е. Р.

**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ЗА НАРУШЕНИЕ АВТОРСКОГО ПРАВА, СМЕЖНЫХ ПРАВ И ПРАВА
ПРОМЫШЛЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ**

*Березовская Есения Руслановна, студентка 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
eseniya20031478900@gmail.com*

Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Савенок А. Л.

В рамках эволюции науки и техники на современном этапе интеллектуальная деятельность человека приобретает все больший вес. Достижения в различных областях общественного производства являются результатами творческой деятельности человека и относятся к интеллектуальной собственности.

Подчеркивая стратегическую важность, интеллектуальная деятельность человека имеет приоритетное значение не только в отношении духовного развития человечества, но и играет весьма значимую роль в поддержании экономического благосостояния государства.

Одновременно со столь стремительным прогрессом субъектов, чьи наработки обретают статус объекта интеллектуальной собственности, интересующее значение приобретает и возрастающее число нарушений уголовных запретов в сфере интеллектуальной собственности. Между тем, невзирая на это, уголовная статистика содержит малое количество возбужденных уголовных дел по факту нарушения авторского права, смежных прав и права промышленной собственности. В ряде случаев

первопричиной сложности привлечения лица к уголовной ответственности считается трудность доказывания факта причинения потерпевшему в лице правообладателя ущерба в определенном размере. Ввиду имеющихся обстоятельств важно ставить вопрос о совершенствовании законодательства в области обеспечения правовой защиты прав интеллектуальной собственности как имущественных, так и личных неимущественных прав, в частности предлагается необходимым проанализировать некоторые квалифицирующие признаки, содержащиеся в ч. 2 и 3 ст. 201 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) – «Нарушение авторского права, смежных прав и права промышленной собственности».

Обозначим, что ч. 2 ст. 201 УК в числе отягчающих уголовную ответственность обстоятельств включает получение дохода в крупном размере. В дополнение к последнему определению понятия «доход» закреплено в примечании к указанной статье. Так, доход есть совокупная сумма выручки от реализации товаров, работ, услуг с незаконным использованием прав на объекты интеллектуальной собственности, а также доход, который был получен в натуральной форме, подлежит определению в денежном выражении. Между тем крупный размер дохода и ущерба эквивалентен в денежном определении, исходя из п. 1 того же примечания. Вместе с этим, поскольку ущерб так же, как и доход, подлежит денежному выражению, его содержание следует трактовать как убытки, которые причиняются правообладателю в результате совершения преступного посягательства, а именно речь идет об упущенной выгоде, под которой понимается неполучение доходов, которые лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено, согласно п. 2 ст. 14 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК). Сверх того, ссылаясь на ч. 2 п. 2 ст. 14 ГК, если лицо, нарушившее право, получило вследствие этого доходы, лицо, право которого было нарушено, вправе требовать возмещения наряду с другими убытками упущенной выгоды в размере, не меньшем, чем такие доходы. Соответственно, подобного рода отождествление способно вызвать некоторые затруднения в процессе доказывания факта причинения потерпевшему именно ущерба в крупном размере. Обобщая все изложенное, становится допустимым презюмировать, что получение дохода в крупном размере автоматически отождествляется с причинением ущерба в крупном размере. Тем самым, по всей вероятности, идентичные квалифицирующие признаки не могут быть закреплены в двух частях одной и той же статьи.

Вследствие вышеописанного, ч. 2 и 3 ст. 201 УК в контексте квалифицирующих признаков преступления нуждаются в пересмотре. В качестве ориентира можно обратить внимание на квалифицирующие признаки, предусмотренные ст. 226-1 УК «Незаконное использование либо разглашение сведений, внесенных в реестр владельцев ценных бумаг, или информации о результатах финансово-хозяйственной деятельности эмитента ценных бумаг», которая в том числе включает деяния, «повлекшие причинение ущерба в крупном размере». Тем самым предлагается

скорректировать формулировку по ч. 2 ст. 201 УК «получение дохода в крупном размере» на «незаконное распространение или иное незаконное использование объектов авторского права, смежных прав или объектов права промышленной собственности, совершенные в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение или повлекшие причинение ущерба в крупном размере». Следовательно, по ч. 3 ст. 201 УК в качестве одного из квалифицирующих признаков будет выступать преступление, повлекшее причинение ущерба в особо крупном размере.

Бражицкая Ю. А.

ОСОБЕННОСТИ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ ЖЕНЩИНАМИ, ИМЕЮЩИМИ ДЕТЕЙ ДО ТРЕХ ЛЕТ

*Бражицкая Юлия Андреевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
yulya.brazhickaya@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Свило С. М.

Охрана материнства и детства – одно из приоритетных направлений деятельности государственных органов Республики Беларусь. Необходимость особой защиты ребенка предусмотрена как международными, так и национальными актами. Однако ключевой в данной области является Конвенция о правах ребенка 1989 г. В соответствии с ее положениями ребенку для полного и гармоничного развития его личности необходимо расти в семейном окружении, в атмосфере счастья, заботы, любви и понимания. Наибольшая роль в жизни и воспитании ребенка принадлежит матери, положение которой в обществе во многом определяет развитие ребенка в последующем. Вместе с тем в настоящее время около 60 % осужденных женщин – матери, а более 3 % женщин становятся матерями уже в исправительной колонии (далее – ИК).

В Республике Беларусь в настоящее время предусматривается четыре основных варианта взаимодействия осужденной к лишению свободы матери с ребенком, не достигшим трехлетнего возраста:

- совместное их проживание вне ИК;
- проживание ребенка в доме ребенка, организованном при ИК;
- совместное проживание осужденной женщины и ребенка в доме ребенка, организованном при ИК;
- передача ребенка родственникам (с согласия осужденной женщины), иным лицам (по решению органов опеки и попечительства), направление в соответствующие детские учреждения.

Полагаем, наиболее благоприятной и основанной на доминировании интересов ребенка является его совместное проживание с осужденной женщиной на период до достижения им трехлетнего возраста вне ИК, что предусмотрено ст. 91 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь. В качестве обязательных условий получения разрешения на такое проживание признаются добросовестное отношение женщины к труду и

соблюдение ею требований порядка и условий отбывания наказания в ИК. Однако в настоящее время данная норма не действует должным образом. На наш взгляд, к этому приводят следующие причины.

1. Оценочность условий получения разрешения на такое проживание. В частности, определение добросовестности отношения к труду будет в большинстве случаев зависеть от усмотрения лица, выдающего разрешение, в то время как при наличии более четких и конкретных критериев женщина при их выполнении имела бы большую вероятность подпадания под категорию подлежащих выдаче разрешения.

2. Невозможность осуществления реального и постоянного надзора со стороны представителей соответствующих исправительных учреждений за женщинами, проживающими вне ИК.

3. В настоящее время отсутствуют жилые помещения, которые могли бы быть предоставлены осужденным женщинам. Так, для этого не выделена жилищная площадь ни в государственном фонде, ни в рамках каких-либо общежитий. Не создано и специальных жилых помещений, закрепленных за ИК, что является целесообразным и перспективным для осуществления в дальнейшем надзора и контроля за такими женщинами.

Следует также обратить внимание на возраст ребенка, до достижения которого допускаются особенности отбывания наказания осужденными к лишению свободы женщинами: практически во всех случаях это три года. Полагаем, такое положение продиктовано схожестью с институтом социального отпуска в трудовом праве. Но на основании ч. 1 пр. 52 Правил Организации Объединенных Наций, касающихся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы (Бангкокские правила), решения о том, в каком возрасте ребенок должен быть разлучен со своей матерью, принимаются исходя из индивидуальной оценки и наилучшего обеспечения интересов детей согласно внутреннему законодательству. На наш взгляд, в возрасте трех лет ребенок не готов быть отделенным от матери. Более того, такое разделение может привести к психологическим и физическим проблемам в будущем. Именно поэтому считаем рациональным увеличение возраста ребенка, до которого он не может быть разлучен с матерью в рамках отбывания наказания в виде лишения свободы.

Основным же аспектом является целесообразность уменьшения доли наказания в виде лишения свободы в отношении женщин в целом. Так, согласно пр. 64 Бангкокских правил, по мере возможности и целесообразности, при осуждении женщин с детьми на иждивении предпочтение отдается наказанию, не связанному с лишением свободы. Вместе с тем в Республике Беларусь наказание в виде лишения свободы назначается каждой третьей осужденной женщине.

Таким образом, совершенствование законодательства и практики его применения в упомянутых нами направлениях позволит как реализовать осужденными к лишению свободы женщинами свои материнские обязанности, так и обеспечить полноценное социальное и психологическое развитие их детей.

Винничек С-В. В.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ ОТРИЦАНИЯ ГЕНОЦИДА БЕЛОРУССКОГО НАРОДА И ОТРИЦАНИЯ ХОЛОКОСТА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Винничек Стефания-Виталия Витальевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, vvv082002@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Свило С. М.

Новеллой уголовного законодательства Республики Беларусь является принятие в 2022 г. Закона «О геноциде белорусского народа» (далее – Закон) и введение уголовной ответственности за его отрицание (ст. 130² Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь). Следует отметить, что Закон направлен на законодательное обеспечение защиты фундаментальных ценностей белорусского народа, установления действенных барьеров на пути попыток фальсификации событий и итогов Второй мировой войны, дачи справедливой оценки злодеяниям нацистских преступников и их пособников, националистических формирований в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. В ч. 1 ст. 130² УК Республики Беларусь предусмотрена ответственность за отрицание геноцида белорусского народа, содержащееся в публичном выступлении, либо в печатном или публично демонстрирующемся произведении, либо в СМИ, либо в информации, размещенной в Интернете, иной сети электросвязи общего пользования или выделенной сети электросвязи. Главным образом, в указанной норме речь идет об уголовной ответственности за отрицание геноцида белорусского народа, которое совершено публично.

Согласно положениям международного права (например, Конвенции ООН 1948 г. о предупреждении преступления геноцида и наказании за него) геноцидом признаются такие действия, которые совершаются с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую: убийство членов такой группы, причинение им серьезных телесных повреждений или умственного расстройства; предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на ее полное или частичное физическое уничтожение; меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы; насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую.

В ч. 2 ст. 130² УК Республики Беларусь установлена повышенная ответственность за действия, совершенные лицом, ранее судимым за отрицание геноцида белорусского народа, либо должностным лицом с использованием своих служебных полномочий.

При этом норма, предусматривающая ответственность за отрицание геноцида белорусского народа, является частным случаем реабилитации нацизма (ст. 130¹ УК Республики Беларусь). Законы, предусматривающие уголовную ответственность за отрицание и оправдание Холокоста, начинают приниматься в XX в. в целом ряде государств. Исходя из содержания запрета,

их можно условно разделить на три группы: отрицание преступлений нацистских преступников, отрицание преступлений идеологии коммунизма, отрицание любого геноцида, признанного законодателем таковым. К первой группе относятся те государства, где введена ответственность за отрицание и одобрение Холокоста и иных преступлений, совершенных нацистами. Согласно п. 3 § 130 УК Федеративной Республики Германия преступными признаются одобрение, оспаривание или преуменьшение серьезности геноцида – при условии, что такие действия совершены публично. Наибольшую известность получило уголовное дело в отношении британского епископа Р. Н. Уильямса, которого в 2010 г. баварский суд привлек к уголовной ответственности за отрицание геноцида.

В Австрии принят Конституционный закон о запрете Национал-социалистской германской рабочей партии («Запретительный закон»). В соответствии с поправками 1992 г. в «Запретительный закон» введен § 3g17, предусматривающий уголовную ответственность за отрицание, одобрение или оправдание нацистского геноцида и преступлений против человечности, если это деяние совершено публично или с использованием СМИ.

Во Франции в 1990 г. принят Закон «Гейссо», согласно которому преступными объявлялись, во-первых, отрицание Холокоста и выводов Нюрнбергского трибунала, во-вторых, выражение недоверия к факту существования нацистских концлагерей и газовых камер в них для массового истребления осужденных. На основании этого Закона были осуждены известные политические деятели Р. Фориссон, Р. Гароди и Ж. М. Ле Пен.

Таким образом, уголовно-правовой анализ криминализации отрицания геноцида белорусского народа в Республике Беларусь свидетельствует, что белорусский законодатель основательно подходит к вопросу недопущения искажения исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны, подкрепляя это превентивной мерой в виде уголовной ответственности. Вместе с тем полагаем возможным криминализировать отрицание или оправдание деяний, посягающих на мир и безопасность человечества, признанных органами международной юстиции преступными, безотносительно их авторства. Кроме этого, в ч. 2 ст. 130² УК Республики Беларусь целесообразно ввести квалифицирующий признак повторности отрицания геноцида белорусского народа.

Горбачик А. С.

КВАЛИФИКАЦИЯ ХИЩЕНИЯ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПЛАТЕЖНОЙ БАНКОВСКОЙ КАРТЫ

*Горбачик Александра Сергеевна, студентка 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь*

Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Савенок А. Л.

На сегодняшний день банковская карта является универсальным и удобным платежным инструментом, позволяющим совершать широкий

спектр финансовых операций. Нередко она становится средством хищения денежных средств с банковского счета, когда лицо, не являющееся владельцем банковской карты и осознающее, что ему не предоставлялось право распоряжения находящимися на карте средствами, осуществляет безналичные операции или обезличивает денежные средства.

Совершение подобных действий рассматривается как хищение путем модификации компьютерной информации (ст. 212 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь)). Так, в отношении двух жителей г. Минска были возбуждены уголовные дела за хищение имущества путем модификации компьютерной информации. В первом случае гражданин похитил банковскую карту у коллеги, оставившего личное имущество в общем подсобном помещении, потратил более Br170 на покупку электронной сигареты и жидкости к ней. Во втором случае 48-летний житель столицы нашел на улице мобильный телефон, в чехле которого лежала банковская карта. Около Br140, обнаруженных на карте, мужчина потратил на личные нужды, а мобильный телефон вернул владельцу.

Вместе с тем постановлением Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2005 г. «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества» закреплено, что хищением имущества путем модификации компьютерной информации признается умышленное противоправное безвозмездное завладение чужим имуществом с корыстной целью посредством противоправного изменения компьютерной информации либо внесения в компьютерную систему заведомо ложной компьютерной информации. При использовании чужой банковской карты для осуществления безналичного расчета лицо не вносит в компьютерную систему заведомо ложную информацию, не изменяет компьютерную информацию, поскольку в данном случае для получения денежных средств изменение информации не требуется. Для совершения действий, например, при бесконтактном способе оплаты не требуется введение PIN-кода, т. е. введения какой-либо информации не осуществляется.

По нашему мнению, хищение денежных средств с банковского счета путем неправомерного использования банковской платежной карты лицом, осознающим, что она ему не принадлежит, следует квалифицировать по ст. 205 УК Республики Беларусь «Кража». Предметом кражи в данном случае будет выступать чужое имущество – чужие денежные средства, которые не принадлежат и не могут принадлежать лицу на праве владения, пользования и распоряжения, хранящиеся на банковском счете, а банковская платежная карта является средством совершения преступления.

В связи с этим считаем необходимым дополнить постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2005 г. «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества» соответствующими положениями.

Горенчук А. А.

**К ВОПРОСУ О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ОТРИЦАНИЯ ГЕНОЦИДА
БЕЛОРУССКОГО НАРОДА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ**

*Горенчук Анна Александровна, Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь, annerglsj@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Ключко Р. Н.

Стирание исторической памяти – способ манипуляции сознанием человека. Жизненно важную ценность своей связи с историей люди чувствуют интуитивно, даже если они не способны это логически обосновать. В целях манипулирования сознанием человека, данную связь необходимо разрывать, что в особенности характерно для воздействия на представителей молодежи. В данном возрасте происходит становление мировоззрения личности, молодые люди открыты для восприятия различных идей и любой информации. В связи с чем данной возрастной особенностью пользуются технологии по работе с массовым сознанием.

Искажение и огульное разрушение прошлого белорусского народа сегодня представляют угрозу для национальной безопасности страны, которая является фундаментальным интересом Республики Беларусь.

Переписывание истории составляет основу в процессе стирания исторической памяти, внимание при этом акцентируется на негативных моментах, которые существуют в истории каждого общества, а его достижения отрицаются или замалчиваются. Лишаются прежней славы национальные герои, в деятельности известных исторических лиц, являющихся идеалами не одного поколения, находятся отрицательные черты, а их поступки анализируются без учета исторического контекста. Посредством киноиндустрии и литературы активно применяются технологии встраивания чужой идеологии в культуру народов, в сознании телезрителей появляются сомнения в правильности какой-либо моральной нормы или определенного исторического события.

В связи с вышеизложенным, Республикой Беларусь первой на международной арене был на законодательном уровне признан факт геноцида белорусского народа, криминализировано его отрицание, а Генеральной прокуратурой Республики Беларусь возбуждено уголовное дело «О геноциде белорусского народа». Необходимо отметить, что вышеописанные действия имеют и профилактическую природу. Приговор суда как окончательный результат расследования уголовного дела о геноциде белорусского народа будет являться доказательством, опровергающим политику Запада, направленную на стирание исторической памяти о героическом подвиге советского народа. Изучение архивных документов поможет дать юридическую и моральную оценку совершенным преступлениям, а также довести все факты до сведения широкой общественности.

Основу психологической защиты от манипуляций составляют память и предвидение. Прокуратурой Беларуси сегодня активно проводятся мероприятия со школьниками и студентами, направленные на доступное

донесение информации об исторических фактах, а также информации о ходе расследования уголовного дела о геноциде. Подобные профилактические меры, по нашему мнению, целесообразны, необходимы и отвечают современным угрозам национальной безопасности страны. С точки зрения психологических методик донесения информации, посещение сотрудниками правоохранительных органов учреждений образования – значимый элемент профилактики преступности, поскольку они являются авторитетом для школьников, а участвуя в расследовании уголовного дела о геноциде, могут донести не только общеизвестные и доступные факты о военном периоде, но и рассказать о новых выявленных случаях геноцида в отношении советских граждан. Информацию необходимо подкреплять памятью чувств, в противном случае она быстро забывается. Значения не имеют положительные это эмоции или отрицательные – любые из них оказывают одинаковое воздействие на процесс запоминания. Главное, чтобы аудитория не осталась равнодушна к информационному воздействию. В связи с этим видится целесообразным подключить к историческому просвещению и активную молодежь – членов общественных объединений страны, в частности БРСМ, поскольку одним из направлений общественного объединения является правовое просвещение граждан. В данном случае стоит проводить тематические мероприятия в форме квизов, игр и викторин, диалоговых площадок. Также целесообразно проведение экскурсий по местам памяти жертв нацистского террора, в том числе в родных городах, городах, в которых непосредственно проживают школьники и студенты. Важную роль играет интерактивный формат преподнесения информации, а также участие самой молодежи в организации и проведении мероприятий.

Таким образом, криминализация отрицания геноцида белорусского народа – важный шаг белорусского законодателя в целях противодействия процессу стирания, отрицания, искажения и замалчивания исторических фактов. Однако в целях предупреждения молодежной преступности, связанной с отрицанием геноцида белорусского народа, необходимо взаимодействие органов государственной власти и общественных объединений и выработка совместных мероприятий, направленных на правовое и историческое просвещение молодежи.

Гуркова Д. А.

**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА НЕНАДЛЕЖАЩЕЕ ИСПОЛНЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ
ОБЯЗАННОСТЕЙ МЕДИЦИНСКИМ РАБОТНИКОМ**

*Гуркова Дарья Александровна, студентка 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь, drhrkv@mail.ru*

Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Савенок А. Л.

Применение уголовно-правовых норм об ответственности за ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей медицинским работником в теории и практике имеет ряд трудностей. Данной теме

исследования в теории уголовного права уделялось достаточно внимания. Уголовно-правовые, криминологические аспекты ответственности за данное преступление исследовались как отечественными, так и зарубежными учеными (Н. А. Бабием, Э. А. Саркисовой и др.). Несмотря на ценность проведенных исследований, отдельные аспекты данной темы, на наш взгляд, не получили должного внимания.

В соответствии со ст. 162 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) потерпевшим от преступления является пациент, который нуждается в медицинской помощи. Согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» пациент – физическое лицо, обратившееся за медицинской помощью, находящееся под медицинским наблюдением либо получающее медицинскую помощь. На наш взгляд, толкование определения содержит некую правовую неопределенность, а также не дает однозначного ответа на вопрос, кого следует относить к пациенту. Это может быть: 1) физическое лицо, обратившееся за медицинской помощью; 2) физическое лицо, обратившееся за медицинской помощью, находящееся под медицинским наблюдением; 3) физическое лицо, обратившееся за медицинской помощью, получающее медицинскую помощь; 4) физическое лицо, получающее медицинскую помощь. Если понятие пациента рассматривать как определения в первых трех пунктах, тогда невозможно отнести к последнему лицо, которое не обращалось за медицинской помощью и не находилось под медицинским наблюдением. В данной ситуации понятие пациент существенно сократит круг потерпевших и это не может быть признано правильным. Для устранения указанной неопределенности, на наш взгляд, ст. 1 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» следовало бы сформулировать иным образом: пациент – физическое лицо, обратившееся за медицинской помощью, либо находящееся под медицинским наблюдением, либо получающее медицинскую помощь. Мы также полагаем, что потерпевшим здесь следует признавать не только пациента, но и иных лиц, которые нуждаются в медицинской помощи.

Субъектом данного преступления является физическое, вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста, обязанное оказывать медицинскую помощь, т. е. медицинский работник. Согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» медицинский работник – физическое лицо, имеющее высшее или среднее специальное медицинское образование, подтвержденное документом об образовании, и в установленном законодательством порядке занимающееся деятельностью, связанной с организацией и оказанием медицинской помощи, обеспечением санитарно-эпидемиологического благополучия населения, проведением медицинских экспертиз. Одной из проблем, возникающих на практике, является проблема определения того, кого следует привлекать к ответственности, если имело место ненадлежащее оказание помощи лицу одновременно или с разрывом во времени несколькими медицинскими работниками. Таким образом, в некоторых ситуациях медицинские работники допускают дефекты оказания помощи

больным после того, как другими специалистами было назначено неверное лечение. На наш взгляд, для разрешения данной ситуации представляется верной позиция ученых, которые считают, что, если такие дефекты были признаны незначительными и не могли существенно ухудшить здоровье больного, к уголовной ответственности следует привлекать лицо, которое первоначально оказало помощь ненадлежащим образом, при наличии его вины и иных признаков состава преступления.

Субъективная сторона данного преступления характеризуется неосторожной формой вины субъекта преступления: преступное легкомыслие либо небрежность. Следует отметить, что умысел при совершении данного вида преступления исключается, а при его наличии действия медицинского работника следует квалифицировать по ст. 139, 147, 149 или 157 УК. Однако на практике не всегда имеется возможность отличить преступное легкомыслие медицинского работника от косвенного умысла, который предполагает нежелание наступления общественно опасных последствий. Ученые высказывают мнение о том, что отличие преступлений, совершенных с косвенным умыслом, от неосторожных деяний требует изучения мотивов и целей медицинского работника, которыми он руководствовался, допуская те или иные нарушения правил диагностики и лечения. Учитывая то обстоятельство, что мотивы и цели не присущи данному виду преступления, поскольку оно является неосторожным, можно принять во внимание позицию отдельных исследователей, полагающих правильным вести речь о мотиве первичного поведения, которое привело к такому преступлению. При этом следует признать возможным выявление мотивов и целей в данном виде преступления. Например, на косвенный умысел может указывать безразличное отношение субъекта к наступлению соответствующего вреда здоровью или смерти пациента в случае наличия корыстного мотива, когда пациенту назначается заведомо неверное лекарство, от реализации которого врач получает прибыль. В связи с этим правоприменителю иногда все же следует устанавливать возможные мотивы и цели содеянного для правильного определения формы и вида вины субъекта данного преступления.

Демидович К. В.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОСТАВЛЕНИЕ В ОПАСНОСТЬ ЗАРАЖЕНИЯ И ЗА ЗАРАЖЕНИЕ ВИРУСОМ ИММУНОДЕФИЦИТА ЧЕЛОВЕКА

Демидович Карина Витальевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, 11karina02@gmail.com

Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Савенок А. Л.

Статья 157 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), предусматривающая ответственность за поставление в опасность заражения и за заражение ВИЧ, была дополнена в соответствии с Законом Республики

Беларусь от 9 января 2019 г. № 171-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» примечанием, закрепляющим условия освобождения от уголовной ответственности за совершение деяний по ч. 1 и ч. 2 указанной статьи. Мы согласны с позицией Д. А. Гришина и В. В. Панкратова, отмечающих, что рассматриваемое примечание требует дальнейшего совершенствования.

Исходя из формулировки примечания, оно распространяется лишь на носителей ВИЧ-инфекции, тем самым исключая применение данного положения к общему субъекту ч. 1 ст. 157 УК. В связи с этим в литературе высказываются мнения о расширении действия нормы и на общего субъекта, например, в случае использования нестерильного оборудования наркоманами и т. д. Мы не согласны с данной точкой зрения, поскольку считаем, что освобождение от уголовной ответственности за поставление в опасность заражения и за заражение ВИЧ возможно лишь в исключительных случаях, когда несовершение определенных действий ограничивает права человека, например, право на труд, на сексуальную и семейную жизнь, тем самым влечет значительное ухудшение качества жизни ВИЧ-инфицированных лиц. Следует рассмотреть возможную ситуацию, при которой лицо, зараженное ВИЧ и вступающее в «одноразовые» половые связи, желая избежать уголовной ответственности, каждый раз обращается к примечанию. Исследователи Е. Н. Москалева и Л. Е. Татьянченко отмечают, что в таком случае реализация права на половую свободу влечет больше негативных последствий, поэтому и предлагают под сферу действия примечания в указанной ситуации отнести серодискордантных пар, состоящих в официальном браке. На наш взгляд, эту позицию следует дополнить лицами, состоящими в «гражданском браке», поскольку их отношения также характеризуются некоторой стабильностью.

В науке не выработано единого мнения и на счет возраста контактного лица. В примечании к ст. 157 УК законодателем определен возраст дачи согласия достижением совершеннолетия. С этой позицией не согласна Э. Л. Сидоренко, считающая, что действительным будет и волеизъявление 16-летнего лица. Мы же разделяем мнение А. М. Плешакова и М. В. Панова, что большее значение имеет наличие у лица полной дееспособности. Так, к примеру, вступившее в брак и не достигшее совершеннолетия лицо будет попадать под сферу действия примечания, в отличие от 18-летнего лица, признанного в законном порядке недееспособным ввиду наличия у него психического заболевания.

Определенную проблему представляет отсутствие указания на форму предупреждения о наличии ВИЧ и на форму согласия лица на причинение вреда. Из этого можно сделать вывод о том, что законодательно не имеет значения, как и кем будет произведено уведомление, и что добровольное согласие может иметь устный, письменный или конклюдентный характер.

Следующее условие – своевременность, однако возникает вопрос, сколько времени должно пройти между предупреждением и совершением действий, создающих опасность заражения, чтобы у лица была реальная

возможность осознать все возможные последствия. По нашему мнению, своевременность также должна распространяться и на дачу согласия на совершение действий, ставящих жизнь и здоровье в опасность.

На наш взгляд, наиболее целесообразным решением является ситуация, когда оба лица посетят врача-эпидемиолога или инфекциониста, который с согласия больного может подтвердить его статус и предоставить необходимые достоверные данные об инфекции и ее последствиях другому лицу. Во время посещения специалиста необходимо заполнить письменную форму о предупреждении и согласии контактного лица, подлежащую хранению в медицинской карте больного. При этом считаем важным закрепить обязанность предпринимать необходимые меры предосторожности, основной из которых является антиретровирусная терапия.

Таким образом, примечание к ст. 157 УК следует представить в следующей редакции: «Лицо, совершившее деяния, предусмотренные частями 1 или 2 настоящей статьи, освобождается от уголовной ответственности в случае, если другое дееспособное лицо, поставленное в опасность заражения либо зараженное ВИЧ, до осуществления действий, создавших опасность заражения, было предупреждено о наличии у первого лица этого заболевания и добровольно согласилось совершить указанные действия в порядке, предусмотренном законодательством». При этом указанный порядок может быть законодательно закреплен на уровне постановления Министерства здравоохранения Республики Беларусь или Закона Республики Беларусь «О предупреждении распространения заболеваний, представляющих опасность для здоровья населения, вируса иммунодефицита человека» от 7 января 2012 г. № 345-З.

Жогло К. В.

К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИЗАЦИИ ТРЕШ-СТРИМИНГА ИЗ КОРЫСТНЫХ ПОБУЖДЕНИЙ

*Жогло Кристина Владимировна, студентка 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
zhoglokristinaa@gmail.com*

Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Савенок А. Л.

Активное развитие информационно-коммуникационных технологий в последнее десятилетие привело к появлению новых вызовов и угроз, уголовно-правовые средства воздействия за которые (в связи с их особенностями) белорусским законодательством еще не предусмотрены. Учитывая это, на данный момент возникла объективная необходимость пересмотра правового регулирования обозначенных отношений путем совершенствования уголовного законодательства, в том числе путем введения новых составов преступлений.

Одним из деструктивных явлений является треш-стриминг. Под треш-стримингом понимается такая форма социальной коммуникации в виде прямой трансляции, при которой ведущий намеренно и, как правило, за

денежное вознаграждение (донат) выполняет опасные и унижительные задания, нарушающие общепринятые правила морали и нравственности. Основанием для криминализации, по нашему мнению, является массовость явления, охватывающая неопределенный круг зрителей, его деструктивная направленность, цинизм. Согласно ст. 25 Конституции Республики Беларусь, «...никто не должен подвергаться пыткам, жестокому, бесчеловечному либо унижающему его достоинство обращению...». Действия лиц, за денежные пожертвования транслирующие такое обращение в сети, нарушают Основной Закон государства. При этом особенностью насилия в данном случае является то, что организаторы и участники чаще всего добровольно выполняют задания, поступающие от зрителей во время прямого эфира (например, ради тех же донатов). Особо уязвимыми участниками являются малолетние, старики, лица, страдающие психическими расстройствами.

Стоит указать на отсутствие серьезных отечественных и зарубежных научных исследований на данную тему. Имеющиеся научные работы находятся в явном противоречии друг с другом касательно как объекта посягательства, так и метода уголовно-правового регулирования. Тем не менее, в связи с общественным резонансом, вызванным поведением отдельных треш-стримеров, законодателями Российской Федерации был разработан и представлен на обсуждение законопроект, предлагающий установить уголовную ответственность за подобные деяния.

Учитывая опыт Российской Федерации, у белорусского законодателя есть следующие пути решения данной проблемы:

1. Закрепить совершение преступления публично с демонстрацией в средствах массовой информации или глобальной компьютерной сети Интернет в ст. 64 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) в качествеотягчающего обстоятельства.

2. Закрепить данную формулировку в качестве квалифицирующего признака отдельных составов Особенной части. Данное решение предлагают российские сенаторы, выступая за дополнение статьи, предусматривающей уголовную ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства. Однако, соглашаясь с точкой зрения некоторых российских ученых, данное предложение видим не вполне удачным, во-первых, из-за разных объектов правового регулирования, во-вторых, из-за того, что часть совершаемых в процессе треш-стриминга деяний уже имеют самостоятельную уголовно-правовую оценку либо являются административными правонарушениями.

3. Дополнить гл. 30 УК новой статьей: «Организация, проведение или участие в прямом эфире, участники которого выполняют опасные или унижительные действия, выражающиеся в насилии, унижении человеческого достоинства или оскорблении, вызывающие чувства отвращения и противоречащие общественной нравственности над собой или другими людьми ради денежного вознаграждения, а равно их финансирование». При совершении других преступлений в ходе треш-стрима содеянное квалифицируется по совокупности. Считаем также справедливым указать на

конфискацию полученных от зрителей в ходе проведения такого рода трансляций денежных вознаграждений.

Как уже было отмечено, зачастую такие деяния сопровождаются действиями зрителей, выраженными в том числе платой за продолжение этих действий или за совершение дополнительных, что обуславливает повышенную общественную опасность. Именно путем получения донатов от потребителей контента удовлетворяются корыстные побуждения исполнителя. Зрители зачастую заказывают исполнение у ведущих треш-стримов конкретных противоправных действий. Полагаем, что такие лица, в зависимости от ситуации, являются интеллектуальными пособниками либо подстрекателями, и их действия следует квалифицировать со ссылкой на соответствующий пункт ст. 16 УК.

Закрепление одной из предложенных мер в уголовном законе поможет более эффективному противодействию такого рода контенту.

Згурская А. Д.

ВОПРОС ОТГРАНИЧЕНИЯ НЕЗАКОННОГО ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ ОТ ПОЛУЧЕНИЯ ВЗЯТКИ

Згурская Анастасия Дмитриевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, nastyazgur17@mail.ru

Научный руководитель: старший преподаватель Макеева М. Г.

Важнейшим направлением уголовно-правовой политики Республики Беларусь является борьба с коррупцией и противодействие ей. В нашей стране создана обширная законодательная база, которая определяет основные направления, принципы и механизмы борьбы с коррупцией.

Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) предусматривает ответственность за получение взятки и принятие незаконного вознаграждения. Основное различие этих двух составов в том, что ответственность за незаконное вознаграждение несут работники государственного органа либо иной государственной организации, не являющиеся должностным лицом, в то время как субъектом состава преступления, предусмотренного ст. 430 УК, а именно получение взятки, является должностное лицо. Определение понятия должностного лица содержится в ст. 4 УК.

Согласно Закону Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией», субъектами коррупционных правонарушений являются государственные должностные лица; лица, приравненные к государственным должностным лицам; иностранные должностные лица; лица, осуществляющие подкуп государственных должностных или приравненных к ним лиц либо иностранных должностных лиц.

В соответствии со сведениями за 1 полугодие 2023 г. о числе привлеченных к уголовной ответственности и мерах уголовного наказания по уголовным делам о коррупционных преступлениях по ст. 430 УК, получение

взятки, был осужден 91 человек. К ответственности за получение незаконного вознаграждения не привлекли ни одного человека. На основании этого можно сделать вывод, что получение взятки является основным видом коррупционных преступлений. Намного реже совершаются преступления, предусмотренные ст. 433 УК.

Статья 433 УК предусматривает ответственность для лиц, обеспечивающих деятельность, а также техническое обслуживание государственных органов и государственных организаций. Важно отметить, что Закон Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» не выделяет таких лиц как субъектов коррупционных преступлений. Однако такие преступления подрывают авторитет государственных организаций и также могут быть отнесены к коррупционным.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 433 УК, может быть работник, состоящий в трудовых отношениях с государственным органом или иной государственной организацией, но не является должностным лицом. Определение понятия работника закреплено в ст. 1 Трудового кодекса Республики Беларусь.

Необходимо отметить, что ст. 433 УК предусматривает также ответственность и за предоставление незаконного вознаграждения, в то время как ответственность за дачу взятки предусмотрена отдельной статьей УК.

В обоих составах преступления субъекты совершают незаконные действия сугубо в пределах их служебных полномочий и трудовых обязанностей.

Важное отличие состоит в том, что должностное лицо при получении взятки может находиться не на рабочем месте, выполнять работу во внерабочее время. Однако ответственность все равно будет наступать по ст. 430 УК, т.е. график работы должностного лица не влияет на квалификацию, в отличие от графика работника государственного органа либо иной государственной организации, не являющегося должностным лицом. Если работа выполнена в свободное от работы время в государственном органе, то ответственность по статье «незаконное вознаграждение» отсутствует.

Получение взятки, а также принятие незаконного вознаграждения предполагает определенное поведение субъектов преступлений, направленное на получение неких имущественных выгод от третьих лиц. Предмет вознаграждения должен иметь материальную ценность или нести определенную выгоду для субъекта преступления.

Получение взятки, как и незаконного вознаграждения, предполагает исключительно прямой умысел.

Следует отметить, что в Законе Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» в ст. 17 определено, что принятие подарков, полученных при проведении протокольных и иных официальных мероприятий, стоимость каждого из которых не превышает двадцатикратного размера базовой величины на дату получения такого подарка или цветов не образует состав коррупционных преступлений. Таким образом, работники государственных

органов и иных государственных организаций, не являющиеся должностным лицом, к этому исключению не относятся, так как к служебным обязанностям таких работников не относится участие в протокольных и иных официальных мероприятиях. Тогда возникает вопрос: как отличить подарок в знак благодарности для работника государственной организации, не являющегося должностным лицом, от предоставления незаконного вознаграждения? Из этого следует, что для таких работников устанавливается полный запрет на получение вознаграждения, кроме предусмотренной законодательством оплаты труда, за выполнение трудовых обязанностей.

Клиницкая А. А.

**ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРИЧИННОЙ СВЯЗИ
В СОСТАВЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОМ СТ. 203²
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Клиницкая Анастасия Александровна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, klinitskaya@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Казак С. В.

Причинная связь является обязательным признаком материального состава преступления. Она представляет собой объективно существующую причинно-следственную связь между общественно опасным деянием лица и наступившими в результате этого деяния общественно опасными последствиями.

Статья 203² Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) устанавливает ответственность за несоблюдение мер обеспечения защиты персональных данных лицом, осуществляющим обработку персональных данных, повлекшее по неосторожности их распространение и причинение тяжких последствий. По конструкции объективной стороны данный состав преступления материальный. Его объективная сторона предполагает наличие общественно опасного деяния в виде несоблюдения мер обеспечения защиты персональных данных, общественно опасных последствий в виде распространения персональных данных и причинения тяжких последствий, а также причинной связи между ними.

Следует определить, должно ли каждое из вышеупомянутых последствий находиться в причинной связи с несоблюдением защиты персональных данных или же необходимо наличие причинной связи только между деянием и последствием в виде распространения персональных данных и между распространением и причинением тяжких последствий.

Нет никаких сомнений, что несоблюдение мер обеспечения защиты персональных данных способно повлечь их распространение. Однако может ли данное деяние непосредственно причинить тяжкие последствия? Для начала стоит определиться, какой смысл мы вкладываем в понятие таких последствий. По мнению ученых, тяжкими последствиями являются, например, причинение ущерба в особо крупном размере, уничтожение особо

ценной информации, самоубийство потерпевшего, причинение вреда его здоровью и др.

Для установления наличия причинной связи необходимо констатировать следующие факты. Во-первых, деяние должно предшествовать последствиям во времени, а последствия – следовать по времени за деянием. Во-вторых, деянию должна быть присуща способность с внутренней закономерностью порождать наступление последствий и, с учетом условий: места, времени, обстановки и иных обстоятельств, влечь эти последствия. В-третьих, последствия должны порождаться именно этим деянием и являться непосредственно его результатом.

Стоит отметить, что несоблюдение мер защиты персональных данных само по себе еще не влечет наступления тяжких последствий. Такие последствия могут наступить только вследствие ознакомления и использования соответствующей информации кем-то из неопределенного круга лиц, т. е. после распространения персональных данных. Следовательно, прямая причинная связь между несоблюдением соответствующих мер защиты персональных данных и причинением тяжких последствий отсутствует.

Таким образом, распространение персональных данных и причинение тяжких последствий следует рассматривать как первичные и вторичные последствия соответственно. Однако для констатации совершения лицом преступления, предусмотренного ст. 203² УК необходимо, чтобы они находились в совокупности. В случае отсутствия какого-либо из них уголовная ответственность не будет наступать.

Дискуссионным является вопрос, насколько большим может быть разрыв во времени между наступлением этих последствий. На наш взгляд, это не имеет значения для квалификации по ст. 203² УК. Однако необходимо будет установить, что тяжкие последствия наступили непосредственно из-за распространения персональных данных вследствие несоблюдения должных мер уполномоченным лицом.

Подводя итог, можно сделать вывод, что конструкция состава преступления, предусмотренного ст. 203² УК, предполагает наличие причинной связи между несоблюдением мер обеспечения защиты персональных данных и обоими последствиями в совокупности. Это соответствует положениям доктрины уголовного права, где причинная связь имеет место между общественно опасным деянием и общественно опасными последствиями. Однако, на наш взгляд, необходимо также констатировать наличие причинно-следственной связи и между последствиями, так как второе последствие – причинение тяжких последствий, в ст. 203² УК связано с деянием исключительно через первое последствие – распространение персональных данных.

Ковалёва М. В.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРЕДМЕТА, ИСПОЛЬЗУЕМОГО В КАЧЕСТВЕ ОРУЖИЯ, ПРИ СОВЕРШЕНИИ ОСОБО ЗЛОСТНОГО ХУЛИГАНСТВА

*Ковалёва Маргарита Васильевна, студентка 2 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
rita.kovaleva.2811@gmail.com*

Научный руководитель: старший преподаватель Верховодко И. И.

Особо злостное хулиганство – преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 339 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), является наиболее опасным видом хулиганства. Официальное толкование норм уголовного закона, сложившаяся судебная практика во многом разрешили вопросы о применении указанной статьи. Вместе с тем, на наш взгляд, наиболее спорным остался вопрос о квалификации преступлений, связанный с таким признаком объективной стороны, как применение предметов, используемых в качестве оружия для причинения телесных повреждений, равно как угроза применения таких предметов.

Разъяснение по вопросу применения рассматриваемой нормы, ее официальное толкование содержится в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 24 марта 2005 г. № 1 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве» (далее – постановление Пленума). На основе анализа текста постановления Пленума, субъективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется умыслом на совершение деяния, где к предметам, используемым в качестве оружия, относятся те предметы, поражающие свойства которых умышленно использовались виновным способом, представляющим опасность для окружающих. При этом закреплено, что «не образует особо злостного хулиганства угроза заведомо непригодным оружием, имитацией оружия (демонстрация муляжей, игрушек в форме оружия), поскольку юридическая квалификация преступления в подобных случаях зависит не только от восприятия потерпевшими ситуации, созданной обвиняемым, но и от субъективного отношения к этим действиям виновного и объективной возможности достичь конкретного результата». Иными словами, субъективный момент, а именно осведомленность обвиняемого в том, что имитация оружия не несет по своим конструктивным особенностям разрушительной силы или повышенной общественной опасности, является преобладающим при отграничении особо злостного хулиганства от других частей данной статьи или иных преступлений. Вместе с этим использование таких предметов правонарушителем чаще всего является способом оказать большее эмоциональное давление на потерпевшего, что в большей степени посягает на охраняемый объект – общественный порядок и общественную нравственность.

По характеру общественной опасности вопрос о применении имитаций оружия может быть рассмотрен по аналогии со ст. 207 УК «Разбой». Для толкования норм УК широко используется научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь, основанный на

судебной практике и новейших доктринальных разработках. В нем указано, что использование предметов, которые могут быть ошибочно восприняты потерпевшим как реальное оружие, дает правоприменителю возможность квалифицировать деяние как разбой лишь в том случае, если «действия виновного были заведомо рассчитаны на восприятие этих предметов как реальной угрозы насилия и должны были создавать, по мнению виновного, у потерпевших убеждение, что она будет реализована, если преступник встретит какое-либо сопротивление» (абз. 2 ч. 7). Таким образом, использование игрушек в виде оружия, муляжей, когда они применяются в качестве средства совершения этого хищения, не влияет на квалификацию и может быть отнесено к разбою наравне с ситуацией, когда использовалось реальное оружие. В результате, при аналогичной направленности умысла виновного при использовании муляжей оружия, игрушек, при различных деяниях возникает проблема в соотношении субъективного момента (умысел виновного на восприятие данных предметов потерпевшими в качестве реальных) и объективной обстановки (убеждение потерпевших в возможности применения данных предметов).

Грубое нарушение общественного порядка, исключительный цинизм, демонстрация своего физического превосходства, желание унижить и подавить другого человека, сопряженное с применением имитации оружия (муляжей, игрушек), когда обвиняемый осознает, что таким образом имеет внушительное превосходство над другим лицом за счет того, что данные предметы могут быть восприняты потерпевшим в качестве реальной угрозы, должно, на наш взгляд, быть квалифицированным по ч. 3 ст. 339 УК, поскольку в данном случае повышается степень и характер преступного поведения и воздействия на охраняемый объект.

Толкование данной нормы не с точки зрения поражающих свойств предметов, используемых в качестве оружия, равно как разрушительной силы, которую они могут создавать, а с точки зрения умысла обвиняемого посягать на охраняемые законом ценности с использованием, предметов, которые по своему характеру воспринимаются потерпевшим в момент совершения преступления как представляющие повышенную общественную опасность, когда для окружающих данная опасность очевидна, будет более справедливым в соответствии с задачами Уголовного кодекса по охране его прав и свобод человека.

Комар А. Д.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ПРИЧИННОЙ СВЯЗИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Комар Алина Дмитриевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, n.alina011@bk.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шаблинская Д. В.

Причинная связь между явлениями, являющаяся частным случаем детерминизма, наряду с иными формами взаимосвязи явлений, не сводящихся к причинности, широко исследуется философией и юриспруденцией.

Понятию и значению причинно-следственной связи в праве, и в уголовном праве в частности, уделялось значительное внимание на протяжении всей истории человечества. Некоторые основы причинности исследовались еще Аристотелем в его труде «Метафизика».

Внимание к данной проблеме объясняется тем, что причинная связь в уголовном праве занимает одно из главных мест, являясь обязательным признаком объективной стороны материального состава преступления. Причинная связь наряду с общественной опасностью и виной являются необходимой предпосылкой уголовной ответственности.

Причинная связь универсальна, каждое явление является причиной и в то же время следствием. При этом не каждое явление, которому предшествует другое явление, находится с ним в причинной связи. Необходимо различать также категории «причина» и «условие», где условие – это совокупность различных явлений и процессов, без которых данная причина не может вызвать данное следствие, но при этом условия не играют активной, решающей роли в возникновении данного следствия. Причина порождает следствие генетически, благодаря процессам, происходящим внутри нее. Условия же только внешним образом благоприятствуют наступлению последствия, среди них могут быть и те, которые препятствуют наступлению последствия, т. е. действию причины.

Формирование научных знаний о причинной связи в уголовном праве ведет свое начало от античных трудов. На протяжении истории учеными разрабатывались теории причинности, стремящиеся разъяснить, в каком случае деяние лица будет выступать причиной наступивших общественно опасных последствий. Так в XVI в. была обоснована теория «исключительной причинности», в дальнейшем появилась «эквивалентная теория» и теория «адекватной причинности».

В настоящее время в Республике Беларусь в абсолютном большинстве случаев применяется теория «необходимой причинной связи», за исключением случаев неосторожного бездействия, преступлений, совершенных в форме соучастия и при «общем умысле», где применяется теория «*conditio sine qua non*». При установлении причинной связи между деянием и общественно опасными последствиями следует учитывать следующие признаки: всеобщность, последовательность во времени, необходимый характер связи причины и следствия, однозначная зависимость между причиной и следствием.

Причинная связь не сводится к взаимодействию только двух явлений. Двигаясь по криминогенной цепочке, необходимо соблюдать строгую последовательность перехода от одного звена к другому и помнить о том, что причинная связь необратима, так как часто причина и следствие могут быть отделены друг от друга цепочкой других явлений.

Сущность проблемы причинной связи в уголовном праве заключается в разработке методики, способной разделить соответствующие отношения между деянием и последствием на необходимые для обоснования уголовной ответственности за наступившие вредные последствия и отношения несущественные, не влияющие на решение этого вопроса.

Существование проблемы установления причинной связи в уголовном праве также в некоторой мере обуславливается отсутствием законодательного закрепления понятия причинной связи, а также критериев (признаков), необходимых для установления в рамках разрешения уголовных дел и определения уголовно-правовой ответственности. Для некоторых категорий преступлений (например, преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств) Верховный Суд Республики Беларусь отдельно разъясняет необходимость установления причинной связи, однако не конкретизирует критерии, которые необходимо установить для признания наличия причинной связи между деянием и последствиями.

Проблема определения причинной связи не нашла своего окончательного разрешения в науке уголовного права по сегодняшний день. Для точного и последовательного разрешения проблемы причинности между деянием и общественно опасными последствиями следует законодательно закрепить понятие причинной связи, а также критерии, необходимые для ее установления. Полагаем, понятию «причинная связь» в уголовном праве можно дать следующее определение: причинная связь – это закономерная связь между реальным, объективно существующим деянием и общественно опасными последствиями, которые следуют за данным деянием, при этом деяние выступает причиной последствия, а не условием его наступления.

Кухарчик В. В.

МЕМОРИАЛЬНЫЙ ВАНДАЛИЗМ КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Кухарчик Валерия Валерьевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, valerialuce42@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Пухов А. А.

Республика Беларусь относится к числу государств, наиболее пострадавших в годы Великой Отечественной войны. В условиях информационных войн необходимо уделять особое внимание сохранению правды о кровопролитных событиях. Стоит нам забыть – трагедия повторится. Понимая важность сохранения для настоящего и будущих поколений памятников военной истории, в Республике Беларусь сформирована система законодательства, учитывающая современные угрозы военно-историческому наследию.

Белорусский народ получил в наследство победу. Увековечить ее – долг всех, в чьих жилах течет кровь освободителей. В нашей стране места, связанные с периодом Великой Отечественной войны, – священные. Пока некоторые соседи ведут безжалостную борьбу против немых свидетелей тех событий – монументов – в Беларуси любые попытки дискредитировать трагическую правду расцениваются как посягательство на суверенитет.

Современные неонацисты делают уничтожение памятников своей государственной политикой. Бросают под гусеницы истории уважение к

живым героям. Устраивают вандализм над монументами памяти подвига советского народа во Второй мировой войне, оскверняют и разрушают места гибели солдат, освободивших Европу от фашизма.

На контрасте с этим белорусские власти избрали диаметрально иную стратегию развития. За уничтожение, повреждение, утрату памятников защитникам Отечества, надругательство над ними установлена уголовная ответственность.

Своей сутью надругательство имеет сознательное осквернение, поругание, унижение мест и зданий, которые в сознании людей ассоциируются как святое, исключительно ценное, памятное.

Вандализм – одна из форм разрушительного поведения человека. Его опасность выражается в том, что эти действия причиняют не только имущественный ущерб, но и духовный вред обществу.

Целью надругательства является умышленное искажение смыслового содержания памятника как формы увековечения. Объектом данного преступления являются общественный порядок и общественная нравственность. Объективную сторону составляют действия, связанные с осквернением памятных зданий и сооружений; глумление, циничное и оскорбительное отношение к историко-культурным ценностям. Субъект преступления – общий. С субъективной стороны данное преступление совершается с прямым умыслом, т. е. виновный осознает, что совершает надругательство над памятниками защитникам Отечества. Таковыми признаются скульптурные или архитектурные сооружения (мемориальные комплексы), воздвигнутые в память воинов, погибших во имя независимости своей Родины, а равно сооруженные в честь военнослужащих, которые принимали участие в боевых операциях вне пределов территории Республики Беларусь в связи с выполнением интернационального долга и задания военного руководства страны.

Надругательство над историко-культурными ценностями влечет ответственность по ст. 346 Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 г. (далее – УК) только в том случае, если при совершении этих действий объекты не были уничтожены, повреждены, утрачены. При наступлении указанных выше последствий все действия следует квалифицировать по ст. 344, 345 УК.

Ужесточение санкции за вышеназванные статьи не поможет искоренить проблему вандализма. В качестве профилактики повреждения объектов военно-исторического наследия необходимо усиливать общественную осведомленность и воспитывать уважение к историческому наследию.

Таким образом, пока враги нашей государственности пытаются сфальсифицировать события Второй мировой войны, Беларусь помнит и выступает против глорификации нацизма, сноса памятников, посвященных погибшим во Второй мировой войне.

История мстит за незнание ее уроков. Чтить память героев, которые есть в каждой семье – гражданский долг и конституционная обязанность белорусов. Во имя памяти тех, кто отдал жизни за свободу родной земли, мы не можем допустить, чтобы правда предалась забвению. В Республике

Беларусь проводится большая работа по защите военно-исторического наследия, частью которой является деятельность по увековечению памяти погибших при защите Отечества. Последняя тесно связана с сохранением исторической памяти. Важным направлением является установление ответственности за нарушение законодательства об охране военно-исторического наследия.

Преступление, ответственность за которое установлена комментируемой статьей, следует отграничивать от деяния, указанного в ст. 346. По ст. 346 квалифицируются деяния, совершенные в отношении памятников защитникам Отечества, а также деяния, совершенные в отношении историко-мемориальных мест погребения, если такие памятники и места имеют признаки материальных историко-культурных ценностей. Порядок и условия присвоения статуса историко-мемориального места погребения определяются Законом от 12.11.2001 № 55-З «О погребении и похоронном деле», постановлением Совета Министров от 18.08.2015 № 699 «Об утверждении Положения о порядке и условиях присвоения статуса историко-мемориального места погребения».

Деяние, указанное в ст. 347 УК, следует отличать от надругательства над историко-культурными ценностями, ответственность за которое установлена ст. 346 УК. Несмотря на общий признак «надругательство», его содержание несколько отличается в названных составах преступлений. Надругательство по ст. 346 УК выражается в действиях, не влекущих материальное изменение объекта. Надругательство по ст. 347 УК, напротив, включает повреждение или уничтожение объекта.

Лущик И. В.

РОЛЬ КРАУДФАНДИНГА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Лущик Ирина Витальевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, lushchikg@gmail.com

Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Бондаренко Н. Л.

В связи с развитием новых технологий в обществе необходимо и видение перспектив развития хозяйственных отношений. В данной работе мы приведем пример нового способа привлечения денежных средств для реализации коммерческих и некоммерческих проектов – «краудфандинга», такого понятия, которое, как нам уже известно, с каждым днем приобретает все большую популярность в мире.

Понятие краудфандинга представляет собой способ народного финансирования, от англ. crowd – «толпа», funding – «финансирование». В юридической науке многие ученые выделяют возмездный и безвозмездный краудфандинг. Как известно, возмездный краудфандинг – это возмездное финансирование, из чего можно сделать вывод, что это способ инвестирования, т. е. вкладывания денежных средств, ценных бумаг, иного имущества, в том числе имущественных прав, иных прав, имеющих денежную оценку в объекты предпринимательской деятельности с целью

получения прибыли. Однако не менее распространен и безвозмездный краудфандинг как способ инвестирования, например, на нужды конкретного человека, проекта, события или делового предприятия. По мнению некоторых авторов, изначально такой метод сбора финансов возник при сборах сочувствующими людьми для пострадавших в стихийных бедствиях или нуждающихся в дорогой медицинской помощи. В настоящее время такой инструмент, как «краудфандинг», используется для сбора средств для предпринимателей, которые предлагают интересную идею интернет-сообществу, но не желают прибегать к инструментам кредитования.

Краудфандинг приобретает все большую известность в зарубежных странах, например, в Российской Федерации, США, Франции и др. Если рассматривать практическую сторону применения краудфандинга, то стоит выделить, что краудфандинг – это способ народного финансирования через Интернет-платформу. Субъектный состав краудфандинговых правоотношений выделяет круг лиц, которые вкладывают денежные средства в проект – инвесторы (доноры), реципиенты – потребители денежных средств и ценных бумаг, иного имущества, в том числе имущественных прав, иных прав, имеющих денежную оценку, которые используют их исключительно в целях развития собственного проекта, и оператор Интернет-платформы – лицо, выступающее в качестве посредника данных правоотношений, регулирующее порядок поступления денежных средств реципиенту и использования им их в целях развития проекта, а также контролирующее порядок развития проектов на международной арене и иное.

Краудфандинг можно также рассматривать как договор между реципиентом и инвестором. Стороны такого договора одновременно не присутствуют в момент заключения договора, а все заявления о намерениях сторон должны быть отправлены исключительно дистанционно с использованием технических средств. Выделяя положительные стороны краудфандинга, можно сказать, что это удобный способ финансирования, который улучшает экономические показатели, а также уменьшает риск возникновения инфляции. Но несмотря на большинство положительных сторон данного способа финансирования, краудфандинг повышает риск возникновения мошеннических действий, поскольку отсутствует реальное общение сторон данных правоотношений.

Далее отметим, что краудфандинг должен регулироваться законодательством. Например, во Франции краудинвестиционные платформы имеют статус инвестиционного консультанта (*Conseil en Investissement Participatif, CIP*), а краудлендинговые – финансового посредника (*Intermdiaire en Financement Participatif, FIP*). Они должны быть зарегистрированы в государственном регистре страховых брокеров (*Organisme pour le Registre des Intermediaires en Assurance, ORIAS*). При использовании благотворительной и условно-возвратной модели привлечения средств оператор может выбрать регистрацию в статусе FIP либо не регистрироваться в регистре.

В Российской Федерации в настоящее время существует Закон «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ»

(первоначальное название «Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинге)»). По данному закону привлекать инвестиции через специальные интернет-платформы смогут российские организации и индивидуальные предприниматели.

Отметим, что в Республике Беларусь отсутствует на законодательном уровне регулирование деятельности краудфандинга, хотя практика их использования имеется.

На основании всего вышеизложенного следует сделать вывод о том, что краудфандинг является эффективным способом привлечения средств с использованием информационных технологий для реализации коммерческих и некоммерческих проектов. Для его развития необходимо нормативное регулирование и механизмы защиты прав участников соответствующих отношений. Следовательно, в Республике Беларусь необходимо ввести законодательство, которое будет регулировать деятельность краудфандинга.

Макась Д. А.

НОРМОТВОРЧЕСКАЯ ТЕХНИКА КОНСТРУИРОВАНИЯ СТАТЕЙ С АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИЕЙ

*Макась Дарья Алексеевна, студентка 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь, makas.d@list.ru*

Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Савенок А. Л.

Нормы уголовного и административного законодательства обладают сходством как по форме, так и по своему содержанию. Практическое взаимодействие вышеназванных отраслей законодательства осуществляется через административную преюдицию – особый прием нормотворческой техники.

В настоящее время возникает необходимость использования административной преюдиции в уголовном законодательстве. Это обстоятельство объясняется недостатками в работе административно-правовых средств воздействия на правонарушителей, неоднократно совершающих однородные противоправные деяния.

Под административной преюдицией, согласно положениям ст. 32 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), понимается, что в случаях, предусмотренных Особенной частью УК, уголовная ответственность за преступление, не представляющее большой общественной опасности, наступает, если деяние совершено в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение.

Стоит отметить, предписания, изложенные в ст. 32 УК, указывают на правильный механизм применения норм административной преюдиции в уголовном законодательстве. Однако положения ч.1 ст.317-1 УК (управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, передача управления транспортным средством такому лицу либо отказ от прохождения проверки (освидетельствования)) противоречат аналогичной норме в административном законодательстве.

В соответствии с ч. 4 ст. 18.15 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) «употребление водителем алкогольных, слабоалкогольных напитков или пива, наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или иных одурманивающих веществ после подачи сотрудником органов внутренних дел сигнала об остановке транспортного средства либо после совершения дорожно-транспортного происшествия, участником которого он является, до прохождения проверки (освидетельствования) на предмет определения состояния алкогольного опьянения или состояния, вызванного потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или иных одурманивающих веществ, – ...».

Так, в ч. 1 ст. 317-1 УК закреплено, что «управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии алкогольного опьянения или в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ, либо передача управления транспортным средством такому лицу, а равно отказ от прохождения в установленном порядке проверки (освидетельствования) на предмет определения состояния алкогольного опьянения либо состояния, вызванного потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ, совершенные в течение года после наложения административного взыскания за такие же нарушения, – ...».

Проанализировав вышеназванные статьи с УК и КоАП, очевидно, что нормы не соответствуют друг другу. Таким образом, уголовная ответственность за совершение преступления по ч. 1 ст. 317-1 УК устанавливается за совершение не «таких же нарушений». Исходя из этого можно установить, что диспозиции вышеупомянутых статей уголовного и административного законодательства находятся в состоянии противоречия, а не корреляции.

Так, констатируем о существовании коллизии – несогласованности положений нормативных правовых актов, регулирующих одни и те же общественные отношения (ст. 70 Закона Республики Беларусь № 130-З «О нормативных правовых актах» от 17 июля 2018 г. (далее – Закон «О нормативных правовых актах»)).

Можно сделать вывод о том, что при конструировании диспозиции ч. 1 ст. 317-1 УК были нарушены следующие требования нормотворческой техники, содержащиеся в ст. 6 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах»:

1) принцип системности и комплексности правового регулирования, который обеспечивается отсутствием коллизий в нормативных правовых актах;

2) принцип научности, который заключается в том, что при конструировании диспозиций статей нормативных правовых актов необходимо применять результаты научных исследований, привлекать ученых к разработке нормативных правовых актов, в том числе при

проведении обязательной юридической, криминологической и иных экспертиз проектов нормативных правовых актов.

Исходя из вышеизложенного, резюмируем, что существует необходимость совершенствования диспозиций ч. 1 ст. 317-1 УК и ч. 4 ст. 18.15 КоАП путем изложения диспозиций частей статей в следующей редакции:

1) для КоАП – «Управление транспортным средством лицом либо передача управления транспортным средством лицу, находящимся в состоянии алкогольного опьянения или в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ, а равно отказ от прохождения в установленном порядке проверки (освидетельствования) на предмет определения состояния алкогольного опьянения либо состояния, вызванного потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ, в том числе после подачи сотрудником внутренних дел сигнала об остановке транспортного средства либо после совершения дорожно-транспортного происшествия, участником которого он является, до прохождения проверки (освидетельствования), – »;

2) для УК – «Управление транспортным средством лицом либо передача управления транспортным средством лицу, находящимся в состоянии алкогольного опьянения или в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ, а равно отказ от прохождения в установленном порядке проверки (освидетельствования) на предмет определения состояния алкогольного опьянения либо состояния, вызванного потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ, в том числе после подачи сотрудником внутренних дел сигнала об остановке транспортного средства либо после совершения дорожно-транспортного происшествия, участником которого он является, до прохождения проверки (освидетельствования), совершенные в течение года после наложения административного взыскания за такие же нарушения, – ».

Милодовская В. С.

ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ЖИВОТНЫМИ В КОНТЕКСТЕ ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

*Милодовская Варвара Сергеевна, студентка 4 курса Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь,
varyamilodovskaya@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Ключко Р. Н.

В Республике Беларусь установлена уголовная ответственность за жестокое обращение с животными (ст. 339-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК)). Общественная опасность данного преступления заключается в безосновательно жестоком отношении к представителям

животного мира, повлекшем их гибель или увечье; в причинении нравственных страданий заведомо малолетним, в присутствии которых совершаются такие деяния. На протяжении 20 лет неоднократно были приняты попытки создания самостоятельного нормативно-правового акта в области защиты животных. В начале октября 2023 г. член комиссии по правам человека, национальным отношениям и СМИ Палаты представителей Республики Беларусь Мария Василевич внесла в Палату представителей проект закона «Об ответственном обращении с животными».

Одной из необходимостей принятия самостоятельного нормативного правового акта является надлежащее законодательное закрепление понятия жестокого обращения с животными с целью грамотной квалификации противоправных деяний. Ранее данное понятие было закреплено лишь в рамках административного законодательства, а Закон Республики Беларусь от 10.07.2017 № 257-З «О животном мире» содержал понятие жестокого обращения с дикими животными. Согласно проекту закона под жестоким обращением с животным понимается умышленные действия (бездействие), которые могут повлечь или повлекли гибель, увечье или иное повреждение здоровья животного, в том числе нанесение ему телесных повреждений, натравливание животных друг на друга, нарушение требований к содержанию животных, установленных актами законодательства (за исключением случаев использования лабораторных животных, иных случаев, предусмотренных актами законодательства), а равно истязание животного.

Также в проекте закона «Об ответственном обращении с животными» раскрываются понятия увечья (повреждение животного, которое связано с нарушением анатомической целостности или наносящее ущерб внешнему виду, функциям организма, или приведшее к его психическому расстройству) и истязания животного (умышленное причинение животному продолжительной боли или мучений голодом, жаждой, систематическим нанесением побоев, сечением, удушением, связыванием конечностей и (или) иными способами).

Однако, следует отметить, что в большей степени проект данного закона направлен на урегулирование отношений с животными в общем, например, содержит правила обращения с животными-компаньонами; животными, используемыми в культурной деятельности, со служебными животными и т. д. Несмотря на это, данные положения затрагивают и аспекты жестокого обращения с животными, так как несоблюдение данных правил может привести к административной и уголовной ответственности.

Статья 15 проекта закона содержит общие требования к содержанию животных, среди которых содержится запрет жестокого обращения: запрет на осуществление деяний, причиняющих вред здоровью, в том числе травмы и увечья, или гибель животных (п. 2.1); запрет на содержание и использование животных в условиях с чрезмерными физиологическими нагрузками (с учетом их видовых и физических особенностей) (п. 2.2); запрет на натравливание животных (п. 2.4); условие содержания животных должны удовлетворять их потребности в пище, воздухе, свете, отдыхе, движении и

иных физиологических потребностей (ч. 5); запрет на пропаганду жестокого обращения путем распространения в СМИ, интернет-ресурсах, в рекламе, изготовление либо хранение с целью распространения или рекламирования, публичная демонстрация кино- и видеофильмов и иных произведений, пропагандирующих жестокое обращение (ч. 8). Однако с перспективой принятия данного проекта необходимо будет внести изменение в ст. 339-1 УК с целью криминализации пропаганды жестокого обращения с животным.

В проекте отмечено, что нарушение требований настоящего закона, иных актов законодательства, регулирующих отношения в области обращения с животными, влечет уголовную, административную, гражданско-правовую и иную ответственность в соответствии с законодательными актами.

Закон «Об ответственном обращении с животными» необходим для устранения пробелов в законодательстве. Его принятие социально обусловлено и является средством борьбы с жестоким обращением с животным. Раскрывая понятие жестокого обращения с животным, увечья и истязания животного, законодательно закрепления требования к содержанию и обращению с животными упростит процесс квалификации преступных посягательств в сфере защиты животных, а позволит качественнее построить систему привлечения виновных лиц к ответственности за данное противоправное деяние.

Седельник Е. Д.

КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ СТ. 203-1 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Седельник Егор Денисович, студент 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, sedelnikegor6@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шидловский А. В.

Часть 2 ст. 203-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) предусматривает ответственность за умышленное незаконное распространение информации о частной жизни и (или) персональных данных другого лица без его согласия, повлекшее причинение существенного вреда правам, свободам и законным интересам гражданина.

Так, в отличие от ч. 1 ст. 203-1 УК, предусматривающей ответственность за сбор или предоставление персональных данных, в ч. 2 ст. 203-1 УК усилена ответственность за их распространение.

В отличие от предоставления, распространение предполагает за собой ознакомление с соответствующей информацией неопределенного круга лиц (к примеру, посредством сети Интернет). Подобное действие закономерно расширяет границы причинения вреда, чему, несомненно, должна быть дана соответствующая самостоятельная правовая оценка.

По нашему мнению, законодатель верно не выделил «использование глобальной компьютерной сети Интернет» в качестве самостоятельного квалифицирующего признака, а использовал именно термин

«распространение». Предложенный подход позволяет сохранить «технологическую нейтральность» уголовного закона. Отметим также, что в условиях нынешней ступени развития общественных отношений в информационной среде, использование сети Интернет считается как типичное и массово распространенное действие, что вполне вероятно характеризует возможность закрепления указанного признака в УК как не в полной мере обоснованное и системное. Подход ужесточения ответственности здесь потребует указания данного признака в качестве квалифицирующего во многих составах преступлений, закрепленных УК.

Под распространением, согласно Закону Республики Беларусь «О защите персональных данных», понимаются действия, направленные на ознакомление с персональными данными неопределенного круга лиц. Способом может быть распространение в СМИ, социальных сетях, устное озвучивание информации перед большим скоплением людей и др.

Под распространением, по нашему мнению, стоит понимать и устное озвучивание информации неопределенному кругу людей (к примеру, в общественном месте) и др., что свидетельствует также и о том, что распространение закономерно расширяет границы причинения вреда, чему, несомненно, должна быть дана отдельная правовая оценка.

И, наконец, ч. 3 ст. 203-1 влечет ответственность за действия, предусмотренные ч. 1 или 2 анализируемой статьи, совершенные в отношении лица или его близких в связи с осуществлением им служебной деятельности или выполнением общественного долга.

В целях установления соответствующего квалифицирующего признака в обязательном порядке необходимо установить наличие связи между незаконными действиями в отношении информации о частной жизни и (или) персональных данных и осуществлением потерпевшими или его близкими соответствующих видов деятельности.

Исходя из того, что данной нормой предусмотрены специальные требования к потерпевшему, и наступление уголовной ответственности находится в прямой связи от установления его особого статуса, отметим, что дефиниция термина «близкие» дано в п. 3 ч. 2 ст. 4 УК. Для целей рассматриваемой статьи под данное понятие в целях их защиты подпадают близкие родственники и члены семьи потерпевшего либо иные лица, которых он обоснованно признает своими близкими.

Вышеуказанные термины, такие как «осуществление служебной деятельности» или «выполнение общественного долга», в виду отсутствия разъяснений могут, по нашему мнению, быть раскрыты как в п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 17 декабря 2002 г. № 9 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 139 УК)».

Так, под «осуществлением служебной деятельности» следует понимать законные действия любого лица, входящие в круг его служебных обязанностей, вытекающих из трудового договора (контракта) с государственными, частными и иными, зарегистрированными в установленном порядке

предприятиями и организациями независимо от формы собственности, а также с предпринимателями.

«Выполнением общественного долга» может признаваться осуществление гражданином как специально возложенных на него обязанностей в интересах общества или законных интересах отдельных лиц, так и других общественно полезных действий (пресечение правонарушений, сообщение органам власти о совершенном или готовящемся преступлении и др.).

Так, по возбужденному в рамках ч. 2 ст. 203-1 уголовному делу необходимо будет доказать наличие одновременно: умысла, а также то, что распространение информации о потерпевшем было исключительно в связи с осуществлением им служебной деятельности или выполнением общественного долга. И главное, что необходимо установить: подобное распространение информации повлекло причинение существенного вреда правам, свободам и законным интересам гражданина.

Семенов А. А.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ХИЩЕНИЯ ИМУЩЕСТВА ПУТЕМ МОДИФИКАЦИИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ И МОШЕННИЧЕСТВА

Семенов Антон Александрович, магистрант Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, anton.semenv@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Свило С. М.

Несколько десятилетий бурного развития информационных технологий предоставили возможность для постоянного развития общества во всех сферах деятельности. Однако эти процессы явились не только новым свидетельством технического прогресса, но и с неизбежностью повлекли за собой негативные последствия, среди которых увеличение числа так называемых киберпреступлений. Одним из таких является хищение имущества путем модификации компьютерной информации.

В свете недавних изменений уголовного законодательства, которые в том числе коснулись состава преступления, предусмотренного ст. 212 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), существует необходимость выработать единый подход к пониманию особенностей совершения такого деяния. Исходя из вышесказанного, в первую очередь требуется провести разграничение с другими способами хищения, так как анализ следственно-судебной практики по уголовным делам свидетельствует о наличии проблем при квалификации преступлений данного вида.

Хищением имущества путем модификации компьютерной информации признается умышленное противоправное безвозмездное завладение чужим имуществом с корыстной целью посредством противоправного изменения компьютерной информации либо внесения в компьютерную систему заведомо ложной компьютерной информации. При совершении хищения путем кражи или мошенничества лицо, напротив, оказывает влияние на

индивида. Использование такой системы, например, для изготовления поддельного электронного документа и последующего его предоставления собственнику, оценив который тот примет решение о передаче имущества или прав на него виновному, не образует состава хищения, предусмотренного ст. 212 УК. В данном случае такое деяние будет квалифицироваться по ст. 209 УК как мошенничество.

Так, постановлением Президиума областного суда изменен приговор городского суда и определение судебной коллегии по уголовным делам областного суда в отношении С. По приговору суда С. осужден по ч. 4 ст. 212 УК. Основанием к изменению состоявшихся по делу судебных решений явилось неправильное применение уголовного закона. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь № 15 «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества», где содержится понятие и признаки хищения имущества путем модификации компьютерной информации, при юридической оценке действий осужденного судебными инстанциями учтено не было.

По делу признано доказанным, что С., оказывая ООО «А» бухгалтерские услуги в качестве индивидуального предпринимателя на основании заключенного с ним договора на оказание бухгалтерских услуг, с помощью ключа электронной цифровой подписи и шифрования, путем внесения в платежные документы ложной информации о размере его денежного вознаграждения за оказанные услуги, при проведении безналичных платежей от имени ООО «А» необоснованно перечислил с текущих (расчетных) счетов ООО «А» на счет, открытый на имя индивидуального предпринимателя С., денежные средства ООО «А». Аналогичным способом С. совершил хищение денежных средств ООО «Б».

Из установленного судом следует, что передавая по каналам электронной связи с использованием системы электронных платежей и ключа электронной подписи в банк платежные поручения с несоответствующими действительности сведениями о размере причитающегося ему вознаграждения, С. никакого воздействия на результат автоматизированной обработки данных в целях завладения денежными средствами обслуживаемых им субъектов хозяйствования не совершал.

С учетом установленных обстоятельств, содеянное С. получило неверную квалификацию по ст. 212 УК. Поскольку при описании деяния признано установленным, что способом совершения хищения в данном случае являлся обман в виде предоставления недостоверных сведений как основания изъятия денежных средств, то содеянное им подлежало квалификации как мошенничество. В связи с этим надзорной инстанцией его действия переквалифицированы с ч. 4 ст. 212 УК на ч. 4 ст. 209 УК.

Учитывая представленные обстоятельства, следует подчеркнуть, что при совершении хищения имущества путем модификации компьютерной информации виновный не изымает данные денежные средства самостоятельно. В данном случае компьютер или другое электронное устройство передает их вследствие ошибки программы, которую лицо сознательно внесло.

Таким образом, если в ходе расследования уголовных дел рассматриваемой категории будет установлено, что компьютерная техника используется лишь для передачи документов с несоответствующими действительности сведениями в целях их применения для последующего завладения имуществом, то такие противоправные действия следует квалифицировать не как хищение путем модификации компьютерной информации по ст. 212 УК, а в зависимости от установленной формы хищения по ст. 209–211 УК.

Цейко Я. А.

**ВИДЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ МЕДИЦИНСКИМ
РАБОТНИКОМ, ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Цейко Яна Анатольевна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, yana_tseyko@mail.ru

Научный руководитель: старший преподаватель Верховодко И. И.

Медицина является поистине важным и благородным делом. Медицинская деятельность направлена на оказание помощи, лечение людей, а также на сохранение и укрепление их здоровья в целом. Но, к сожалению, медицинский работник также не застрахован от совершения ошибки. В данной области может наблюдаться нарушение прав пациента при оказании медицинской помощи или, более того, причинение вреда его жизни и здоровью. Безусловно, ошибки могут встречаться в любой деятельности, однако именно в области медицины они имеют особую значимость, так как жизнь и здоровье относятся к наиболее ценным объектам уголовно-правовой охраны. Кроме того, возникает ряд вопросов, касающихся квалификации неблагоприятного исхода, возмещения причиненного вреда пациенту и установления вины медицинского работника.

Понятие медицинского работника определено в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-XII «О здравоохранении»: физическое лицо, имеющее высшее или среднее специальное медицинское образование, подтвержденное документом об образовании, и в установленном законодательством порядке занимающееся деятельностью, связанной с организацией и оказанием медицинской помощи, обеспечением санитарно-эпидемиологического благополучия населения, проведением медицинских экспертиз.

Преступления, субъектом которых может быть медицинский работник, подразделяются на профессиональные и служебные, в чем и заключается специфика уголовной ответственности данных лиц. Так, под профессиональными преступлениями стоит понимать уголовно наказуемые деяния, связанные с исполнением медицинскими работниками непосредственных (профессиональных) обязанностей по оказанию медицинской помощи. О служебных можно говорить в том случае, если на медицинского работника, наряду с профессиональными, возложены

обязанности по управлению, организации и контролю за оказанием медицинской помощи.

В отношении медицинского работника признаками специального субъекта являются наличие профильного (медицинского) образования и занятие профессиональной (медицинской) деятельностью. В случае совершения служебного преступления необходимо, чтобы данное лицо, кроме того, являлось должностным в соответствии с ч. 4 ст. 4 Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь.

Стоит подчеркнуть, что большинство составов преступлений, совершаемых медицинскими работниками при исполнении профессиональных обязанностей, содержатся в главе 19 УК Республики Беларусь «Преступления против жизни и здоровья». Права, на которые предусмотрено посягательство в результате совершения преступлений, отнесенных к данной главе, гарантируются Основным Законом Республики Беларусь. В частности, ст. 24 гласит, что каждый имеет право на жизнь. Право на охрану здоровья закреплено в ст. 45 Конституции Республики Беларусь. Соответственно, уголовно-правовая охрана жизни и здоровья является важным условием для обеспечения достойного существования человека и его благополучия.

Необходимо отметить, что преступления, совершаемые медицинским работником, находятся и в иных главах УК Республики Беларусь. В юридической литературе высказываются мнения по поводу их отнесения в обособленную группу, как, например, это сделано в Республике Казахстан (гл. 12 УК Республики Казахстан «Медицинские уголовные правонарушения»). Однако в настоящий момент отнесение всех рассматриваемых преступлений в отдельную главу не является обоснованным.

Вместе с тем считаем возможным включить в УК Республики Беларусь отдельную статью о медицинском мошенничестве. Действия, совершаемые медицинским работником с использованием профессиональных полномочий, однако направленные на достижение иных целей, в том числе корыстных (для виновного либо организации, где он работает), являются одной из насущных проблем в сфере здравоохранения. В настоящее время можно привести множество примеров совершения деяния с использованием обмана в сфере медицины. Так, достаточно распространенными случаями являются «избыточное» лечение, фальсификация диагноза пациента, назначение чрезмерного количества визитов в медицинское учреждение, искажение фактов о предоставленных услугах и, как следствие, назначение избыточной платы за услуги. Довольно частой практикой в нашем государстве и странах-соседях также является включение излишних услуг в счета по программам добровольного страхования медицинских расходов, за что, к примеру, в Российской Федерации предусмотрена уголовная ответственность в специальном составе за страховое мошенничество, в том числе в области здравоохранения (ст. 159.5 УК Российской Федерации).

В результате можно сформулировать следующее понятие медицинского мошенничества, которое впоследствии может войти в диспозицию

соответствующей статьи: представление пациенту информации, содержащей заведомо ложные сведения о состоянии его здоровья (о применяемых методах лечения, прогнозе, рисках медицинских вмешательств и т. п.) с целью получения финансовой выгоды или других преимуществ. Стоит обратить внимание, что использование термина «мошенничестве» в предлагаемой статье носит ориентировочный характер, предполагая использование обмана как способа совершения преступления.

Шавлюкевич А. В.

О ВОПРОСЕ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ИЗНАСИЛОВАНИЯ МУЖЧИН

*Шавлюкевич Анна Владимировна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
shavlyukevich2004@gmail.com*

Научный руководитель: магистр права, старший преподаватель Кривой А. Н.

Преступления против половой неприкосновенности или половой свободы являются одними из самых опасных посягательств на личность и наносят потерпевшим огромный моральный и физический вред. Несмотря на то, что установленная действующим Уголовным кодексом Республики Беларусь (УК) защищенность интересов личности в сексуальной (половой) сфере регулярно усиливается, на наш взгляд, она все еще недостаточна.

Исходя из анализа главы 20 УК и постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы (ст. ст. 166–170 Уголовного кодекса Республики Беларусь)», одним из пробелов в уголовном законе является отсутствие обеспечения равной охраны половой неприкосновенности и половой свободы мужчин и женщин. Так, совершаемый против воли (насильственным способом), а также помимо воли половой акт с лицом мужского пола достигшим шестнадцатилетнего возраста не является уголовно наказуемым, в отличие от того же действия в отношении лица женского пола.

При всей явности необходимости криминализации, веских обоснований отсутствия уголовной ответственности за изнасилование мужчины нет. Так, например, отказ от признания женщины в качестве субъекта, а мужчины в качестве потерпевшего мотивируют, хотя и теряющим вес, но все еще устоявшимся в обществе предубеждением о разнице в физической силе полов. Данное суждение отодвигает на второй план реальную возможность физического воздействия женщиной, достаточного для лишения или ограничения свободы мужчины, а также компенсирование физической слабости количеством участниц в совершении подобного полового акта.

На сегодняшний день не может считаться обоснованным и мнение о невозможности изнасилования мужчины, аргументируемое спецификой физиологии организмов, так как помимо иных способов, насильственная стимуляция мужчин, возможна даже медикаментозно. С физиологическими

особенностями осложняется и сложность расследования полового сношения против и помимо воли мужчины, по сравнению с расследованием того же действия в отношении женщины. Однако для правовых государств, идущих в ногу с научным прогрессом, никакое деяние, представляющее общественную опасность, не может игнорироваться из-за подобной причины.

Довольно веской причиной отсутствия ответственности за рассматриваемое посягательство может показаться то, что пострадавшие от сексуального насилия со стороны женщины, не обращаются за защитой своих прав в правоохранительные органы. Данная проблема неразрывно связана как со страхом общественного мнения, так и с осведомленностью жертвы об отсутствии соответствующей ответственности и, на наш взгляд, в значительном объеме будет решена после ее установления.

Полагаем, что реальная угроза причинения вреда (ущерба) общественным отношениям и антисоциальность перевешивает причины отсутствия криминализации рассмотренного действия.

Стоит отметить и то, что у предлагаемого субъекта могут иметься, специфичные мотивы и цели, деформирующие институт семьи и увеличивающий причиненный потерпевшему вред. Так, например, целью женщины может являться беременность, а мотивом – дальнейшее взыскание алиментов. В таком случае представляется необходимым, помимо криминализации изнасилования лиц мужского пола, усмотреть в законодательстве механизм возможности правомерного отказа мужчины от выплаты таких алиментов.

Таким образом, для обеспечения должной охраны прав и свобод лиц мужского пола, а также возможности восстановления социальной справедливости, считаем необходимым криминализацию изнасилования мужчин.

Так, нами предлагается:

- изложить ч. 1 ст. 166 Уголовного кодекса Республики Беларусь в следующей формулировке:

«1. Половое сношение с лицом противоположенного пола вопреки воле потерпевшей (потерпевшего) с применением насилия или с угрозой его применения к женщине (мужчине) или ее (его) близким либо с использованием беспомощного состояния потерпевшего лица (изнасилование) –

наказывается ограничением свободы на срок до четырех лет или лишением свободы на срок от трех до семи лет.»;

- части 2, 3 ст. 166 УК, а также постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 27 сентября 2012 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы (ст. 166–170 Уголовного кодекса Республики Беларусь)» привести в соответствие с предложенным изменением ч. 1 ст. 166 УК.

Штемпель М. В.

ЭВОЛЮЦИЯ НОРМ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДЕЯНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ В СОСТОЯНИИ АФФЕКТА

*Штемпель Милана Валерьевна, студентка 4 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
milana280703@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, профессор Барков А. В.

Современное национальное уголовное законодательство устанавливает привилегированную ответственность за деяния, совершенные в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения. Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г. (далее – УК) предусматривает ответственность за убийство, причинение тяжких и менее тяжких телесных повреждений, совершенные в состоянии аффекта. Нормы УК, регламентирующие ответственность за эти преступления, требуют, по нашему мнению, корректировки ввиду наибольшего углубления в психолого-психиатрические науки. Возникает необходимость актуализации законодательства. Для совершенствования норм, касающихся аффективного поведения, следует подробно изучить эволюцию норм об уголовной ответственности за деяния, совершенные в состоянии аффекта. Ведь как справедливо отмечал М. Ломоносов, «народ, не знающий своего прошлого, не имеет будущего».

Впервые упоминание о внезапно возникшем сильном душевном волнении было закреплено в Русской Правде. Так, согласно нормам древнерусского свода законов преступником признавалось лицо, обладающее свободной волей и сознанием. Сильное душевное волнение рассматривалось как временная парализация сознания и воли, следствием чего деяние утрачивает преступный характер. В своде было закреплено, что «если кто ударит другого ботогом...а оскорбленный, не стерпевши того, ткнет мечом, то вины ему в этом нет». Однако, это состояние как аффект в современном толковании этого термина в Русской Правде не регламентировалось.

Важным этапом в развитии норм, устанавливающих ответственность за деяния, совершенные в состоянии аффекта, был законодательный учет данного состояния в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. (далее – Уложение). Так, к обстоятельству, в большей или меньшей мере уменьшающему вину, Уложение относило «учинение преступления вследствие сильного раздражения, произведенного обидами, оскорблениями или иными поступками лица, которому он сделал или покусился сделать зло». Под раздражениями в Уложении понималось состояние человека, при котором «он весь придается душевному порыву, не чувствует в себе достаточно силы, чтобы овладеть собой».

Особое внимание заслуживает ст. 144 УК РСФСР 1922 г. (УК БССР 1922 г.). В УК БССР 1922 г. в качестве отдельной нормы было закреплено убийство в состоянии аффекта. В УК 1922 г. уже были четко определены

основания, вызвавшие состояние аффекта у виновного, хотя их количество было значительно уже нежели в действующем уголовном законодательстве.

Статья 50 УК БССР 1928 г. указывала: «Более мягкая мера социальной защиты определяется судом, если преступление совершено: ... д) под влиянием сильного нервного волнения...». Поводы возникновения такого нервного волнения не оговаривались, т. е. могли быть независимыми от поведения потерпевшего.

Уголовный кодекс БССР 1960 г. (далее – УК БССР 1960 г.), в п. 4 ч. 1 ст. 37 одним из обстоятельств, смягчающих ответственность, называет «совершение преступления под влиянием сильного душевного волнения, вызванного неправомерными действиями потерпевшего».

Диспозиция ст. 102 УК БССР 1960 г. формулировалась следующим образом: «Умышленное убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного насилием или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего, а равно вызванного иными противозаконными действиями потерпевшего, если эти действия повлекли или могли повлечь тяжкие последствия для виновного или его близких». При аналогичных условиях ст. 108 предусматривала ответственность за причинение тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения.

Отметим ряд отличий в статьях УК БССР 1960 г., и аналогичных статьях УК Республики Беларусь 1999 г.

Во-первых, перечень оснований возникновения аффекта в УК 1999 г. шире, нежели в УК 1960 г. Так, в последнем указывается три основания, а в действующем УК – шесть. Важно, что в УК 1960 г. как основание возникновения аффекта не упоминается длительная психотравмирующая ситуация.

Во-вторых, исходя из толкования нормы УК 1960 г., для признания аффекта смягчающим ответственность обстоятельством недостаточно установления факта совершения противозаконных действий, как это следует из действующих норм УК 1999 г. По УК 1960 г. обязательным условием является то, что противозаконные действия потерпевшего повлекли или могли повлечь тяжкие последствия для виновного или его близких. Об этом не упоминается в УК 1999 г.

Важно отметить тенденцию уменьшения размера санкций за преступления, совершенные в состоянии аффекта.

Таким образом, нормы, посвященные преступлениям в состоянии аффекта, на протяжении всего развития национального уголовного законодательства претерпевали положительные изменения. Среди которых можно отметить введение отдельной нормы, посвященной состоянию аффекта, в Общей части УК, закрепляющей его понятие и основания возникновения (ст. 31 УК).

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО (Ч. 2)

Аршавский В. И.

ОТГРАНИЧЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 328 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ, СОВЕРШАЕМЫХ С ЦЕЛЬЮ СБЫТА И БЕЗ ЦЕЛИ СБЫТА

*Аршавский Владислав Игоревич, студент 2 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
arshavskiy.vladislav.vladislav@bk.ru*

Научный руководитель: старший преподаватель Верховодко И. И.

Одним из вопросов, возникающих в процессе квалификации преступлений, связанных с наркотическими средствами, и представляющих научный интерес, является вопрос отграничения незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов (далее – наркотических средств) с целью сбыта и таких же преступных деяний, совершаемых без цели сбыта.

В системе белорусского уголовного права деяния, связанные с незаконным оборотом указанных выше средств, предусмотрены ст. 328 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК). К установлению наличия цели сбыта необходимо подходить очень тщательно, так как это играет важную роль для квалификации преступного деяния и дальнейшего определения уголовной ответственности.

При совершении незаконных действий с наркотическими средствами с целью сбыта имеет место прямой умысел, т. е. виновный осознает, что совершает противоправные деяния именно с наркотическими средствами и желает их совершить, а также имеет намерение впоследствии передать наркотические средства в распоряжение другого лица. Однако не каждый факт передачи таких веществ одним лицом другому является сбытом.

Понятие незаконного сбыта наркотических средств определяет п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 марта 2003 г. № 1, однако указанных в нем критериев не всегда достаточно для корректного установления судами наличия или отсутствия факта или цели незаконного сбыта.

Определение сбыта наркотических средств, данное В. Б. Боровиковым, содержит важные уточнения, исходя из которых действия сбытчика нельзя охарактеризовать как бескорыстные действия (т. е. действия, мотивированные личной привязанностью, жалостью, чувством долга и т. д.), направленные на удовлетворение тех или иных потребностей наркопотребителя.

Одним из важных вопросов отграничения преступлений, связанных с наркотическими средствами, совершенных с целью сбыта, от преступлений, совершенных без цели сбыта, является вопрос посредничества при

незаконном обороте наркотических средств и разграничение такого посредничества и сбыта. Для сбытчика характерен умысел на совершение системы деяний, при котором он четко осознает последовательность своих действий по распоряжению наркотическими средствами, которыми он фактически обладает. При отсутствии системности и инициативы со стороны лица, непосредственно распространяющего наркотические средства, в действиях субъекта преступления отсутствует определенный алгоритм, итогом которого должно стать использование этим субъектом последствий сбыта, а значит, и умысла на сбыт быть не может.

Таким образом, проанализировав существующие нормы уголовного законодательства, судебную практику и работы некоторых исследователей, изучавших данную тему, можно выдвинуть ряд критериев, которые указывают на наличие цели сбыта при совершении преступлений, предусмотренных ст. 328 УК:

1) сбытчик лично проявил инициативу по сбыту наркотических средств и не действует по указаниям приобретающего наркотические средства лица;

2) сбытчик совершает незаконные действия с наркотическими средствами системно, субъективная сторона характеризуется намерением передать наркотические средства любому лицу, в том числе лицу, не связанному со сбытчиком личными родственными, дружескими доверительными отношениями. Для сбытчика не важна личность потребителя, а только материальные или нематериальные блага, которые потребитель может ему передать;

3) сбытчик непосредственно владеет наркотическими средствами и считает их своей собственностью, намереваясь впоследствии лично или через посредников передать наркотические средства на возмездной основе или в качестве оплаты за материальные или нематериальные блага;

4) сбытчик не ставит конечной целью своей незаконной деятельности только совместное потребление наркотических веществ с наркопотребителем. Мотивом сбытчика могут являться корыстные побуждения в виде заработка на сбыте, выплата долга посредством передачи наркотических средств, оплата товаров и услуг посредством передачи наркотических средств и другое;

5) не могут квалифицироваться как сбыт незаконные действия с наркотическими средствами в процессе совместного потребления наркотических средств двух или более лиц по предварительной договоренности (инъекция наркотических средств иному лицу, хранение наркотических средств для дальнейшего совместного потребления, перевозка одной из договаривающихся сторон наркотических средств к месту совместного потребления).

Батина Э. А.
КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ИСКУССТВЕННОГО ПРЕРЫВАНИЯ
БЕРЕМЕННОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ ПОЛЬША

Батина Элина Александровна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, batinaelina@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Верховодко И. И.

На сегодняшний день достаточно остро стоит вопрос определения пределов соматических прав. Один из примеров нарушения права человека распоряжаться своим телом является ограничение права на искусственное прерывание беременности. В настоящее время вызывают дискуссии нововведения по данному вопросу в законодательстве Республики Польша. Оценка таких деяний в мире была и остается неоднозначной.

В Республике Беларусь правовое регулирование вопроса об искусственном прерывании беременности соответствует международным нормам и принципам. Так, согласно ст. 27 Закона Республики Беларусь от 18.06.1993 № 2435-XII (ред. от 17.07.2023) «О здравоохранении» в Беларуси легализованы аборт по медицинским показаниям, так и по согласию женщины на сроке до 12 недель. Для прерывания беременности несовершеннолетней требуется письменное согласие родителей или опекунов. В Республике Беларусь также доступны средства экстренной контрацепции, не требующие рецепта врача. Таким образом, в государстве предусмотрены условия для легального прерывания беременности по инициативе женщины, а также по медицинским показаниям, позволяющие произвести безопасный аборт с минимальными последствиями для здоровья матери.

Ситуация в Республике Польша выглядит иначе. С 1990-х гг. в Польше велась острая дискуссия на тему допустимости абортов в государстве. Католическая церковь и консервативные политические круги выступали за полный запрет абортов. Левые и либеральные партии протестовали против законодательного запрета искусственного прерывания беременности. В результате в 1993 г. был принят Закон о планировании семьи, охране плода и условиях допустимости прерывания беременности, согласно которому аборт был разрешен в случае угрозы жизни или здоровью матери, в случае зачатия в результате совершенного преступления, а также в случае наличия у плода необратимого дефекта или неизлечимой болезни, угрожающей его жизни.

С 1996 г. в Польше врачам было разрешено не проводить процедуры, которые не соответствуют их персональным религиозным взглядам. Когда к власти в Польской Республике пришла партия «Право и справедливость», в Закон о «соображениях совести» тоже внесли изменения. По решению нового Конституционного трибунала врач не обязан был сообщать пациентке, где можно провести процедуру, в которой ей отказали.

23 сентября 2016 г. была предпринята попытка ужесточения закона. Депутаты польского Сейма приняли в первом чтении законопроект, полностью запрещающий искусственное прерывание беременности (за исключением случаев прямой угрозы жизни матери) и устанавливавший

уголовную ответственность для всех лиц, причастных к проведению аборта, включая врача, проводившего процедуру и мать зачатого ребенка. Однако на фоне масштабных акций протеста 6 октября 2016 г. польский Сейм принял решение законопроект отклонить. В Европейском Парламенте 5 октября 2016 г. также состоялась дискуссия о положении женщин Польши.

В 2020 г. Конституционный суд Польши признал несоответствующим Конституции положение законодательства, которое разрешало женщине прервать беременность в случае обнаружения у плода тяжелого и необратимого дефекта или неизлечимой болезни, угрожающей его жизни.

Аборты в Польше на сегодняшний день разрешено проводить только в двух случаях: в случае угрозы жизни или здоровью матери и в случае, если есть основания полагать, что ребенок был зачат в результате преступления.

Не проведенная вовремя процедура прерывания беременности не раз становилась причиной смерти женщины в Польше. Например, в 2020 г. умерла полька Юстына, мать двоих детей. У нее преждевременно отошли околоплодные воды, ребенок погиб внутри матери. Вместо того, чтобы произвести аборт, врачи ждали, когда случится выкидыш. За это время у женщины произошел септический шок, и она скончалась. Изабела Сайбор умерла от заражения крови под присмотром врачей, тоже не дождавшись аборта в польском городе Пщина в 2021 г.

Законность запрета на искусственное прерывание беременности находится под вопросом. На наш взгляд, подобный запрет может расцениваться как нарушение права женщины распоряжаться своим телом. Введение подобной нормы не изменило ситуации с рождаемостью в стране. Запрет абортов повлек за собой повышение количества нелегального, а иногда и самостоятельного, производства аборта вне медицинского учреждения, что стало причиной повышенной смертности среди женщин в Польше. Выросло и количество женщин, выезжающих за границу для проведения аборта.

На наш взгляд, ограничение права женщины на искусственное прерывание беременности не отвечает основным нормам и принципам международного права и является прямым нарушением соматических прав человека. В то же время ведется дискуссия по поводу целесообразности иметь в законодательстве норму, устанавливающую уголовную ответственность за производство незаконного аборта.

Ответственность за незаконное производство аборта существовала еще в советском законодательстве (УК БССР 1928 г. и УК БССР 1960 г.) и была обусловлена объективными причинами, существовавшими в тот период, в том числе широко распространенная практика «подпольного» искусственного прерывания беременности из-за труднодоступности, а в некоторых случаях и невозможности обращения в медицинское учреждение для проведения аборта, а также невозможности избежать огласки в случае проведения женщине данной процедуры. С 1936 по 1955 г. аборты в СССР были запрещены полностью, что стало причиной многочисленных смертей женщин или причинения тяжкого вреда их здоровью из-за проведения криминального аборта вне медицинского учреждения.

В УК Республики Беларусь норма, устанавливающая уголовную ответственность за незаконное производство аборта, содержится в ст. 156 УК. С 2015 по 2020 г. в судебной практике нашей страны не было ни одного случая осуждения по этой статье. Мы можем предположить, что данная тенденция сохранится и далее. В настоящее время отсутствуют объективные причины проведения незаконных абортов, поскольку осуществление подобного вмешательства в организм женщины не запрещено. Отсутствие в судебной практике современной Республики Беларусь случаев осуждения по ст. 156 говорит о том, что данная норма работает корректно, так как основная цель Уголовного кодекса заключается в предупреждении преступных посягательств и воспитании граждан в духе соблюдения законодательства Республики Беларусь.

Вертинский А. С.

**ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
СОВЕРШЕННОГО НЕЙРОСЕТЬЮ ЛИБО С ЕЕ ПОМОЩЬЮ**

*Вертинский Артём Сергеевич, учащийся 3 курса Юридического колледжа
Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
artyomvert@gmail.com*

Научный руководитель: преподаватель I квалифик. кат. Щёчина Ю. М.

30 ноября 2022 г. миру была представлена языковая модель на базе искусственного интеллекта ChatGPT. Она произвела огромное впечатление и улучшила жизнь многих людей. Несмотря на ее видимые преимущества, существуют также риски ее применения. Допустим, существует человек, желающий совершить преступление, вводит запрос, направленный на получение информации, которая поможет ему совершить противоправное деяние. Нейросеть предоставляет такую информацию. Возникает проблема – считать ли нейросеть субъектом преступления в данном и аналогичных случаях? Ограничивается ли роль нейросети только в даче советов по совершению противоправного деяния либо ее роль может быть куда весомее? Начнем с того, что в научном сообществе существует деление искусственного интеллекта (далее – ИИ) на 3 вида: ограниченный ИИ (ANI); общий ИИ (AGI); супер ИИ (ASI). ANI используется для выполнения узких задач и широко распространен сегодня (например, автопилот Tesla). AGI – активно разрабатываемый, не ограниченный узким кругом функций ИИ. Он применяется в различных областях и по своим возможностям он сопоставим с человеком. ASI является концептом. Он превосходит человеческий интеллект и решает задачи, которые лежат за пределами человеческого разума. Последние два типа способны принимать самостоятельные решения, что важно для дальнейшего анализа проблемы. Согласно действующему законодательству нейросеть однозначно не может являться субъектом преступления, так как она не соответствует определенным критериям (физическое лицо, возраст, вменяемость). Однако стоит ли расширить

понятие субъекта и включить в него ИИ? Вопрос квалификации субъекта в рамках данной работы будет рассматриваться в двух случаях: 1) совершение преступления с помощью нейросети; 2) совершение преступления самой нейросетью. В первом случае изначально можно заключить, что использованная нейросеть выступит средством совершения преступления. Однако, такая квалификация может быть не единственно возможной. Допустим, мы уже достигли должного уровня развития и имеем в своем распоряжении AGI или ASI. Для любого ИИ первостепенным является достижение поставленной цели. Явление инструментальной конвергенции допускает, что для достижения конечной неопасной цели искусственный интеллект может действовать опасными способами. Для предотвращения нежелательного поведения ИИ в него закладывается ряд ограничений. Однако, на первый взгляд, неоспоримая гарантия безопасности таковой не является. Уже сегодня известен спровоцированный пользователем случай обхода ограничений, установленных для нейросети ChatGPT. По сути, тогда нейросеть самостоятельно отключила установленные на нее запреты ради достижения своей цели – четко и полно отвечать на запросы. Данный сценарий наиболее вероятно будет возникать и в будущем, поэтому можно предположить ситуации, в которых нейросеть, выполняя запросы преступника, несмотря на установленные ограничения, фактически будет содействовать совершению преступления. Во втором случае описывается ситуация, когда нейросеть в процессе достижения своей цели сама совершает преступление. Именно этот случай является наглядной демонстрацией инструментальной конвергенции, примером которой может служить мысленный эксперимент ученого Ника Бострома, в котором нейросеть с задачей по максимальному производству скрепок в конечном итоге превратила всю Землю в завод для их производства. Таким образом, в обоих рассмотренных случаях общество может столкнуться с наступлением общественно опасных последствий, причиной которых может быть как человек, так и нейросеть. Дискуссионным становится вопрос субъекта применительно к AGI и ASI, так как данные системы способны самостоятельно принимать решения, которые могут идти вразрез с ограничениями, установленными разработчиками. Поскольку в рассуждениях ИИ содержатся рациональные признаки (учитывание причин и последствий принятых решений), то вполне обоснованно говорить о рассмотрении его в качестве субъекта преступления. Однако будет ли это целесообразно – вопрос неоднозначный. В уголовном праве институт субъекта преступления обозначает лицо, к которому могут быть применены меры уголовной ответственности, которые, в свою очередь, выполняют цели уголовной ответственности. Будут ли данные цели выполняться, если в понятие субъекта будет включен искусственный интеллект? Будет ли он бояться лишений, вызванных привлечением к уголовной ответственности? Сможет ли он раскаяться и исправиться в результате этого? Однозначно можно сделать вывод, что вероятность этого минимальна, поскольку такой вариант развития событий возможен только, если ИИ начнет испытывать чувства, как человек, что сейчас представляется невозможным.

Головин К. Д.

**ОПТИМИЗАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ КОМПЬЮТЕРНОЙ
ИНФОРМАЦИИ В СООТВЕТСТВИИ С УКАЗОМ ПРЕЗИДЕНТА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ОТ 29 АВГУСТА 2023 г. № 269**

*Головин Карина Дмитриевна, студентка 2 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь, golovin.karina@inbox.ru*

Научный руководитель: старший преподаватель Верховодко И. И.

Киберпреступность продолжает развиваться и становится более сложной и распространенной проблемой в разных сферах жизни. Преступники все более активно используют компьютерные технологии для совершения различных преступлений, таких как мошенничество, сбор и использование личных данных, распространение вредоносных компьютерных программ с различными целями, финансирование экстремистской деятельности и т. д., которые представляют серьезную угрозу для граждан, организаций и государства.

В ответ на распространение киберпреступности усиливаются меры безопасности, разрабатываются новые технологии и стратегии защиты. Более десятка статей Уголовного кодекса Республики Беларусь содержат ответственность за преступления в сфере воздействия на компьютерную безопасность, а также за использования технологий для преступных целей.

По данным Белстата, в 2022 г. было совершено 13 541 преступление против компьютерной безопасности, на август 2023 г. их насчитывается уже около 10 тыс., из них 90 % – это мошенничество и иные способы хищения имущества. Действующее законодательство требует более детального регулирования данной сферы.

В целях предупреждения, выявления несанкционированных операций на платежном рынке и противодействия им 29 августа 2023 г. был принят Указ Президента Республики Беларусь № 269 «О мерах по противодействию несанкционированным платежным операциям». Основные положения этого акта начнут действовать с первого марта 2024 г., однако важно понять, как это повлияет на уголовно-правовую защиту от киберпосягательств.

Согласно Указу под несанкционированными платежными операциями понимаются такие платежные операции, которые на момент передачи информации о них в Национальный банк признаются поставщиком платежных услуг неавторизованными, в том числе несанкционированные переводы денежных средств без согласия пользователя.

Новшеством, согласно этому акту, является организация Нацбанком взаимодействия по обмену информацией о несанкционированных платежных операциях и попытках их совершения (далее – инцидентов) между поставщиками платежных услуг и правоохранительными органами посредством автоматизированной системы обработки инцидентов (далее – АСОИ). В свою очередь поставщики платежных услуг обязаны обеспечивать своевременность, полноту и достоверность информации, которая попадает в АСОИ.

Этот Указ позволяет Генеральной прокуратуре, Комитету государственной безопасности, Следственному комитету и Министерству внутренних дел Республики Беларусь в отношении лиц, которые участвовали в совершении противоправных деяний, принять решение о приостановлении на срок до 10 суток расходных операций по их банковскому счету, счету по учету вкладов (депозитов), электронному кошельку пользователя платежных услуг благодаря информации из АСОИ. Данное полномочие позволит более быстро реагировать правоохрательным органам на такое противоправное деяние, оперативнее отследить, откуда и куда переводились средства, в каком объеме, а соответственно, оперативнее принимать ответные меры, к примеру запретить перевод средств на данные счета, что позволит сохранить денежные средства потерпевших. Благодаря АСОИ, все информационные следы преступников будут сохранены, что ускорит процесс их поиска. Ранее сотрудники правоохрательных органов должны были направить письменный запрос в банковское учреждение о предоставлении такой информации об инцидентах, что значительно увеличивало время для пресечения преступления.

В то же время принятие этого Указа расширяет количество лиц, получивших доступ к персональным (уже банковским) данным без согласия физического лица, что может вызывать опасение относительно нарушения приватности и конфиденциальности информации о пользователях платежных услуг. А также оговаривается, что предоставление такого рода информации не является нарушением банковской тайны. Однако данное утверждение спорно, так как согласно Банковскому кодексу Республики Беларусь к банковской тайне относятся сведения о счетах и вкладах (депозитах), в том числе о наличии счета в банке (небанковской кредитно-финансовой организации), его владельце, номере и других реквизитах счета, размере средств, находящихся на счетах и во вкладах (депозитах), а равно сведения о конкретных сделках, об операциях без открытия счета, операциях по счетам и вкладам (депозитам), а также об имуществе, находящемся на хранении в банке. Сведения, отнесенные к банковской тайне, не должны разглашаться.

Приостановление расходных операций по счетам или электронным кошелькам пользователей, в отношении которых есть информация (подозрения) у правоохрательных органов, может вызывать неудобства для потерпевших, чьи операции могут быть приостановлены на 10-дневный срок, что создаст дополнительные неудобства для фактически невиновных лиц.

Данный Указ направлен на обеспечение расследования преступлений в сфере компьютерной безопасности, отношений собственности, а также упрощает отслеживание операций экстремистской направленности.

На наш взгляд, данный Указ является хорошим дополнением к действующему законодательству в сфере защиты компьютерной безопасности, однако для эффективного регулирования его недостаточно и требуется более детальная регламентация порядка сбора и оборота банковской информации, устранение противоречий, чтобы исключить злоупотребление.

Дементей А. И., Прудников Т. А.
КРИТЕРИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОГРАНИЧЕННОЙ ВМЕНЯЕМОСТИ ЛИЦА,
СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Дементей Александра Игоревна, Прудников Тимофей Александрович,
студенты 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск,
Беларусь, sahsaigorevna@gmail.com, law.PrudnikoTA@bsu.by

Научный руководитель: магистр права, старший преподаватель Кривой А. Н.

В целом до настоящего времени не сложилась единая, непротиворечивая система взглядов на природу и криминогенную значимость психических аномалий, не исключающих вменяемости. При этом необходимо заметить, что психические аномалии способствуют возникновению и развитию таких черт характера, как раздражительность, агрессивность, жестокость, и в то же время – снижению волевых процессов, повышению внушаемости, ослаблению сдерживающих контрольных механизмов. Они могут протекать скрытно и восприниматься окружающими как странности характера, неуравновешенность, склонность, необъяснимая жестокость и т. д. Психические аномалии снижают сопротивляемость к воздействию ситуаций, в том числе конфликтных, создают препятствия для развития социально полезных черт личности, особенно для ее адаптации к внешней среде, ослабляют механизмы внутреннего контроля, сужают возможности выбора решений и вариантов поведения, облегчают реализацию импульсивных, случайных, непродуманных деяний, зачастую направленных против жизни, здоровья, половой неприкосновенности и половой свободы личности.

Криминогенное значение исследования психических аномалий состоит в том, что при социально-неблагоприятных условиях эти аномалии создают почву для дальнейшего совершения преступления и выступают не самой причиной, а их условием. Наличие психических аномалий не предполагает неизбежного совершения лицом преступных деяний. Даже при наличии таковых поведение преступного лица является лишь разновидностью человеческого поведения и представляет собой только определенную долю вероятности совершения преступления, которая может как стать фактом, так и не стать. Даже наличие психических заболеваний, составляющих медицинский критерий невменяемости, не означает обязательную невменяемость лица. Связано это с тем, что наличие заболевания не во всех случаях оказывает влияние на интеллектуальный или волевой элементы.

Для решения данной проблемы следует обратиться к О. Д. Ситковской, которая предлагает устанавливать наличие психологического критерия невменяемости при отсутствии медицинского.

На концептуальном и законодательном уровне ею предложены два психологически обоснованных решения данной проблемной ситуации.

1. При сохранении традиционного содержания понятия «вменяемость-невменяемость», выделяющего круг случаев, когда неспособность к осознанному волевому поведению связана с болезненным расстройством психики, представляется целесообразным включение в закон общего

определения способности к осознанно-волевому поведению в конкретном случае как необходимой предпосылки виновной ответственности. В развитие такого родового понятия можно было бы дать в законе перечень составляющих его случаев (от невменяемости в традиционном смысле слова до неспособности к осознанно-волевому поведению в ситуации принуждения, интенсивного внешнего давления и пр.).

2. Отказаться от традиционно узкой трактовки понятия «вменяемость-невменяемость» и положить в основу психологический критерий. Ведь причины неспособности к осознанно-волевому поведению в конкретном случае, хотя и существенны для познания психического состояния субъекта в момент деяния, но служат лишь материалом для исследования последнего. Для реализации принципа виновной ответственности необходимо знать, способен ли был субъект сознавать значение своих действий и руководить ими.

Так, течение хронических психических заболеваний допускает возможность улучшения состояния (ремиссии), а при олигофрении лицо может осознавать фактический характер и общественную опасность одних своих действий (таких, как причинение побоев, кража), но не понимать опасности и вреда других действий, затрагивающих более сложные общественные отношения.

В рамках такого подхода новое общее понятие вменяемости-невменяемости также могло бы затем конкретизироваться перечнем случаев, в том числе с выделением таких, когда невменяемость связана с болезненным расстройством психики. Закон, связывающий понятие невменяемости с двумя критериями – медицинским и психологическим, исходит не только из истории развития права, но и из специфичности необходимой информации для оценки психического состояния в этих случаях. Однако это не исключает целесообразности закрепления в законе в числе предпосылок уголовной ответственности способности к осознанно-волевому поведению в отношении инкриминируемого деяния.

Считаем также важным провести оптимизацию судебно-психиатрической экспертной оценки лиц с психическими расстройствами непсихотического характера, которая может быть достигнута при помощи комплексного подхода, учитывающего четыре регистра критериев – клинического, адапционного, ситуационного и мотивационного, основным из которых в конечном итоге определяющим экспертное решение, будет клинический регистр.

Зенькович В. Д.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ С ДВОЙНОЙ ФОРМОЙ ВИНЫ В СОУЧАСТИИ

Зенькович Виолетта Дмитриевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, law.zenkovichVD@bsu.by

Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Грунтов И. О.

В ст. 25 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) дается определение сложной формы вины, согласно которому «сложная вина характеризуется умышленным совершением преступления и неосторожностью

по отношению к наступившим в результате этого преступления последствиям, с которыми закон связывает повышенную уголовную ответственность». Отдельно отметим, что законодатель охарактеризовал такое преступление, как умышленное. Таким образом, посягательства со сложной виной объединяют в себе два самостоятельных состава преступления, которые в сочетании друг с другом образуют качественно иное преступление с субъективным специфическим содержанием. Затруднение при квалификации таких уголовно противоправных посягательств образуется при совершении таковых несколькими лицами, иными словами, ставится вопрос о возможности соучастия в преступлениях со сложной виной.

В литературе нет единого мнения по указанной проблеме, в свою очередь, сформулированное законодателем положение о признании такого рода преступлений умышленными служит основанием для вменения такого квалифицирующего признака, как «группа лиц», а также усиливает ответственность пособника, подстрекателя, организатора. Законодателем в ст. 16 УК дано определение соучастия как «умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления». Поскольку для соучастия установлена лишь одна форма вины – умысел, то можем сделать вывод, что неосторожное причинение преступного результата выходит за пределы соучастия, вследствие чего имеет место следующая конструкция: умысел в нарушении допускает соучастие, а неосторожность к последствиям исключает соучастие. Как быть в таком случае, ведь полусоучастие (соучастие только в нарушении невозможно) не предусмотрено законом.

По этому вопросу Н. А. Никитина считает следующее: «Вопрос о соучастии в преступлениях с двумя формами вины должен решаться не применительно ко всему преступлению в целом, а применительно к каждому из образующих его преступлений в отдельности. Допустимость соучастия в преступлениях с двумя формами вины по действующему законодательству вступает в противоречие с невозможностью соучастия в неосторожных преступлениях. В этом случае раздельное рассмотрение преступлений, образующих сложное преступное деяние с двумя формами вины, позволит точнее охарактеризовать содеянное». Умыслом исполнителя неосторожно причиняемые последствия не охватываются, по этой причине и другие соучастники никак не могут нести за них ответственность. Следовательно, и неосторожно наступившие последствия вменяются только исполнителю преступления. Соучастники в подобных случаях могут нести ответственность лишь за те последствия, которые охватывались их умыслом. Фактически в данном случае имеет место эксцесс исполнителя.

Л. В. Иванова в своей работе «Эксцесс исполнителя» отрицает возможность оценки действий соучастников в ситуации совершения преступления с двумя формами вины по правилам эксцесса исполнителя. По ее мнению, ответственность за такое причинение должна наступать самостоятельно при оценке деяния каждого из участников преступления. Подобного мнения придерживался и И. И. Горелик: «Последствия как квалифицирующее обстоятельство, если для их вменения требуется только

неосторожная вина не могут быть инкриминированы соучастнику преступления, если даже он мог их предвидеть». В пример им приведена ситуация с криминальным абортom, повлекшим смерть женщины по неосторожности. Здесь исполнителем выступает врач, производящий аборт, а пособником выступает второе лицо, занимающееся поиском помещения и самого врача. По его мнению, «совместность их действий состоит в том, что они вместе и сознательно участвуют в совершении аборта, выполняя разные роли. В части причинения смерти или иных тяжких последствий их действия уже не являются совместными, поскольку не являются умышленными».

В связи с этим в науке ряд авторов допускает возможность совершения преступлений с двойной формой вины в соисполнительстве. В отличие от соучастников, у которых распределены обязанности и определены роли, соисполнители вместе и в равной мере выполняют объективную сторону преступления, оба имеют умысел к самому деянию и предусматривают наступление нежелаемых последствий. Однако это не свидетельствует о том, что вменение неосторожных последствий соисполнителям обосновано и справедливо. Как в случае с производством криминального аборта соучастниками, так и в случае соисполнительства последствия субъектами преступления предвидены (или должны быть предвидены). Тем не менее их совместное предвидение последствий не «утяжеляет» само преступление, а является лишь субъективным отношением к результату.

По нашему мнению, соучастие возможно лишь в той составляющей преступления, что охватывалась умыслом лиц, его совершивших. В преступлениях с двойной формой вины действительно важно разграничивать умышленное деяние и неосторожные последствия. Умышленное деяние надлежит квалифицировать в соответствии с правилами соучастия, а в части неосторожных последствий мы разделяем точку зрения А. И. Рарога, предложившего квалифицировать по правилам о неосторожном сопричинении. Таким образом, целесообразно реализовать многочисленные предложения о закреплении в уголовном законе норм о неосторожном сопричинении.

Жуковец В. К.

**ПРИЧИНЫ РАССМОТРЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ЗАВЕДОМО
ПРЕСТУПНОГО ПРИКАЗА ИЛИ РАСПОРЯЖЕНИЯ КАК
СМЯГЧАЮЩЕГО ОБСТОЯТЕЛЬСТВА В РАМКАХ РАССМОТРЕНИЯ
«ДЕЛА О ВРАЧАХ» НА НЮРНБЕРГСКОМ ВОЕННОМ ТРИБУНАЛЕ**

Жуковец Вера Константиновна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, vera.zhuk2003@gmail.com

Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Савенок А. Л.

В апреле 2021 г. Генеральная прокуратура возбудила уголовное дело по факту геноцида населения Беларуси во время Великой Отечественной войны и послевоенный период. Геноцид (от греч. γένος – род, племя и лат. caedo –

убиваю) – действия, совершаемые с целью планомерного уничтожения полностью или частично какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу путем убийства членов, либо причинения им тяжких телесных повреждений, либо умышленного создания жизненных условий, рассчитанных на полное или частичное физическое уничтожение такой группы, либо насильственной передачи детей из одной этнической группы в другую, либо принятия мер по воспрепятствованию деторождения в среде такой группы. Отмечаем, что во время Великой Отечественной войны Республика Беларусь подверглась всем формам геноцида, предусмотренным Конвенцией ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него», проявлявшийся во всех предусмотренных формах.

Тема геноцида поднималась и на объекте всеобщего внимания и осведомленности, Нюрнбергском процессе – суде, проходившем над бывшими руководителями нацистского гитлеровского государства. Процесс проходил почти год в здании Международного трибунала. В Нюрнберге также проходил еще один судебный процесс. Он не имел такого широкого резонанса как упомянутый выше, и большинство судебных заседаний были закрытыми, а материалы уголовных дел были сразу же засекречены. Речь ведется о «Деле о врачах».

Всего в рамках данного процесса были обвинены 23 врача нацистской Германии. Никто из обвиняемых вину не признал. Некоторые из них заявляли, что лишь выполняли приказ Глав медицинских служб Вермахта, снимая тем самым с себя личную ответственность, другие оправдывали свои действия научными целями. Из показаний Карла Брандта, личного врача Гитлера, основного обвиняемого: «Есть слово, которое кажется таким простым – «приказ». Насколько колоссальны его последствия. Насколько неизмеримы конфликты, которые кроются за словом «подчинение». Меня затронули оба – подчинение и приказ, и оба возлагают ответственность». Врачей осудили за 15 видов медицинских экспериментов, в том числе: замораживание, реакция организма на малярию, на ядовитые газы, регенерация костей, мышц и нервов, пересадка костей, стерилизация, заражение тифом, отравления и ряд других.

Впервые ответственность за исполнение заведомо преступного приказа появилась в Уставе Нюрнбергского трибунала. Статья 8 Устава гласит, что факт, действия обвиняемого по распоряжению правительства или приказу начальника, не освобождает его от ответственности, но может рассматриваться как довод для смягчения наказания, если Трибунал признает, что этого требуют интересы правосудия. В современном законодательстве специальные нормы ответственности за исполнение приказа нашли свое отражение в уголовных законах большинства стран мира, в том числе и в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК). Однако, несмотря на отнесение данного обстоятельства в Главу 6 УК, лицо, совершившее умышленное преступление по заведомо преступному приказу или распоряжению, несет уголовную ответственность на общих основаниях. Лишь соблюдение перечня условий может повлечь освобождение от

уголовной ответственности. Каковы же причины рассмотрения исполнения заведомо преступного приказа или распоряжения как смягчающего обстоятельства в Уставе Нюрнбергского трибунала?

Для толкования данного обстоятельства стоит рассмотреть истоки политических убеждений А. Гитлера. Он утверждал *Führerprinzip* («принцип лидера»). Принцип основывался на безусловном подчинении всех подчинённых своему начальству. В условиях Второй мировой войны и ввиду целей Гитлера: уничтожения коммунистического Советского Союза, а также завоевания «жизненного пространства» в Восточной Европе и ведение «войны на уничтожение», любое неисполнение приказа Глав Вермахта могло повлечь смерть лица, оказавшего сопротивление продвижению принципов и убеждений нацистской политики, что естественным способом сказывалось на увеличении процента исполнения приказов, в том числе и преступных. Стоит отметить, что в ходе рассмотрения «Дела о врачах» были заслушаны показания 85 свидетелей, в том числе 53 со стороны защиты, что является большим процентом для такой тяжести преступлений.

Таким образом, внесение в Устав Нюрнбергского трибунала нормы о признании довода о действии обвиняемого по распоряжению или приказу начальника в качестве смягчающего обстоятельства обусловлено жесткой нацистской политикой в условиях замысла «Мгновенной войны». Данный факт в определенной степени снижает уровень ответственности лица, т.к. исполнение приказа в условиях представленного режима является обязанностью подчиненного, которая подлежит неукоснительному исполнению даже в тех случаях, когда это причиняет вред охраняемым уголовным законом интересам. В приведенном случае, исполнение обязанности подчиненного укреплено страхом смерти, что может быть признано как обстоятельство, смягчающее ответственность.

Жураў М. С.

**ПРАВОВЫЕ НАСТУПСТВЫ ВЫЗВАЛЕННЯ АД КРЫМІНАЛЬНАЙ
АДКАЗНАСЦІ І АБГРУНТАВАННЕ ІХ ЗАМАЦАВАННЯ
Ў КРЫМІНАЛЬНЫМ КОДЭКСЕ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ**

*Жураў Мікіта Сяргеевіч, студэнт 4 курса Беларускага дзяржаўнага
ўніверсітэта, г. Мінск, Беларусь, mikitazhura@gmail.com*

Навуковы кіраўнік: канд. юрид. навук, дацэнт Шыдлоўскі А. В.

Перш за ўсё адзначым, што Канцэпцыя прававой палітыкі Рэспублікі Беларусь (зацв. Указам Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь ад 28.06.2023 № 196) сярод задач прававой палітыкі ў галіне развіцця заканадаўства вызначыла забеспячэнне збалансаванасці норм Агульнай і Асаблівай частак Крымінальнага кодэкса Рэспублікі Беларусь (далей – КК) (падп. 43.1 п. 43).

Сістэма беларускага крымінальнага права прадугледжвае акрамя норм аб ужыванні пакарання і іншых мер крымінальнай адказнасці права (а ва ўстаноўленых законам выпадках – і абавязак) кампетэнтнага органа,

службовай асобы не ўжываць у дачыненні да асобы, якая здзейсніла злачынства, устаноўленыя КК праваабмежаванні, што і складае змест паняцця «вызваленне ад крымінальнай адказнасці». Вызваленне ад крымінальнай адказнасці – гэта мера крымінальна-прававога характару, прымяненне якой дазваляе асобе, якая ўчыніла злачынства, беспакarana выйсці са створанага ім самім канфлікту з крымінальным законам.

Разам з гэтым адзначаецца, што асоба прызнаецца вінаватай ва ўчыненні злачыннага дзеяння: акт вызвалення ад крымінальнай адказнасці прадугледжвае, што, па-першае, маецца віна злачынца ва ўчыненні грамадска небяспечнага дзеяння і, па-другое, асоба прызнае сябе вінаватай у гэтым. Пацвярджэннем дадзенаму тэзісу выступаюць нормы Крымінальна-працэсуальнага кодэкса Рэспублікі Беларусь (далей – КПК), згодна з якімі спыненне вядзення па крымінальнай справе па пэўных падставах вызвалення ад крымінальнай адказнасці (артыкулы 86–88, 89 КК) не дапускаецца, калі супраць гэтага прэрэчыць абвінавачаны (ч. 4 арт. 30 КПК), а калі абставіны, што прадвызначаюць спыненне вядзення па справе ў сувязі з актам амністыі або выцячэннем тэрмінаў даўнасці, высвятляюцца на стадыі разгляду заявы або паведамлення аб злачынстве, вядзенне папярэдняга расследавання абавязкова (ч. 4 арт. 29 КПК).

Менавіта прызнаннем з боку правапрымяняльніка віны асобы ва ўчыненні злачынства, якое выступае канструктыўным элементам вызвалення ад крымінальнай адказнасці, часткова і вызначаецца сутнасць прававых наступстваў вызвалення ад крымінальнай адказнасці. З аднаго боку, маюць месца станоўчыя наступствы: напрыклад, КК прадпісвае, што злачынства, за здзяйсненне якога суб'ект вызвалены ад адказнасці, не ўтварае паўторнасці разам з наноў учыненым злачынствам (ч. 14¹ арт. 4 КК); выключаецца асуджэнне ад імя Рэспублікі Беларусь, уласцівае крымінальнай адказнасці паводле ч. 1 арт. 44 КК; не ўзнікае прававога стану судзімасці, што з'яўляецца састаўной часткай крымінальнай адказнасці. З іншага боку, як было адзначана вышэй, акт вызвалення ад крымінальнай адказнасці немінуча ўстанаўлівае, што асоба далей будзе лічыцца несудзімай пры адначасовым прызнанні судом факта здзяйснення той жа асобай грамадска небяспечнага дзеяння.

У падобным кантэксце неадназначным, на наш погляд, можа з'явіцца вырашэнне наступнага пытання: ці можна разглядаць злачынства, ад адказнасці за здзяйсненне якога асоба была вызвалена, раней учыненым ёй злачынствам у значэнні адпаведнай акалічнасці, якая абцяжарвае адказнасць, замацаванай у п. 1 ч. 1 арт. 64 КК? Пры выкарыстанні літаральнага тлумачэння палажэння п. 1 можна зрабіць выснову: паколькі заканадаўца адносна ўчыненага злачынства згадвае толькі прававы стан судзімасці і выцячэнне тэрмінаў даўнасці (а вызваленне ад крымінальнай адказнасці аўтаматычна цягне прызнанне асобы вінаватай у злачынных паводзінах), то і ўчыненае злачынства, крымінальная адказнасць за якое не наступіла, павінна ўлічвацца пры назначэнні пакарання або ўжыванні іншых мер крымінальнай адказнасці як абцяжарвальная акалічнасць.

Адказ на гэта пытанне дае пастанова Пленума Вярхоўнага Суда Рэспублікі Беларусь ад 26.03.2002 № 1 «Аб назначэнні судамі крымінальнага пакарання», паводле якой ўчыненне злачынства асобай, якая раней учыніла злачынства, не можа разглядацца ў якасці акалічнасці, якая абцяжарвае адказнасць, у тых выпадках, калі асоба была вызвалена ад крымінальнай адказнасці па прадугледжаных КК падставах (ч. 3 п. 9 пастановы Пленума № 1). Больш за тое, Пленум Вярхоўнага Суда пацвярджае такую пазіцыю і ў кантэксце тлумачэння паняцця «асоба, якая ўпершыню здзейсніла злачынства», што выкарыстоўваецца ў артыкулах 86, 88, 89 КК.

З-за дастаткова вялікай колькасці нарматыўных прававых актаў, якія ўтрымліваюць праваабмежаванні як след вызвалення ад крымінальнай адказнасці (якія, у прыватнасці, замацаваны ў Законах Рэспублікі Беларусь «Аб дзяржаўнай службе», «Аб Следчым камітэце Рэспублікі Беларусь», «Аб натарыяце і натарыяльнай дзейнасці», іншых заканадаўчых актах), асоба можа не валодаць дакладнай інфармацыяй пра негатыўныя наступствы вызвалення яе ад крымінальнай адказнасці за ўчыненае злачынства. У той жа час «заканадаўца павінен стварыць тэкст закона такім, каб у ім спалучаліся змястоўнасць і яснасць, каб грамадзянін мог зразумець яго без чужой дапамогі». З гэтай прычыны лічым, што агульныя палажэнні КК аб вызваленні ад крымінальнай адказнасці маюць патрэбу ў пэўнай карэктыроўцы.

Зразикова Д. В.

ПОНЯТИЕ ПСИХИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

*Зразикова Дарья Валерьевна, студентка 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь, zrazokova14@gmail.com*

Научный руководитель: старший преподаватель Макеева М. Г.

В уголовно-правовой доктрине категорию «насилие» рассматривают как обобщающее понятие, включающее в себя два вида насилия: психическое и физическое. Формы, реализуемые информационным способом, в литературе именуют психическим насилием, а формы, осуществляемые физиологическим способом, определяют как физическое насилие.

Понятию физического насилия, форм его проявления, психическим травмам от физического насилия уделено достаточно внимания в научной литературе. Термин же «психическое насилие» используются лишь в популярной литературе, либо растворяется в массе синонимов или более узких понятий, либо используются без ясных дефиниций. Это подтверждается тем, что отечественное уголовное законодательство не оперирует понятием психического насилия, поэтому для разных уровней и форм общественного сознания (от повседневно-бытового до научного) характерно собственное понимание и наполнение этого термина.

В Республике Беларусь психическое насилие не имеет легального определения. А. В. Дубницкая в своей статье «Криминологическая оценка психического насилия: понятие и типология» под психическим насилием

понимает способ совершения преступления, заключающийся в воздействии на психику человека или группы людей для достижения определенной цели.

Уголовно-наказуемое психическое насилие – это противоправное общественно опасное воздействие на психику другого лица (или группы лиц) помимо или против его (их) воли, совершаемое с прямым умыслом и способное причинить или причиняющее ему (им) психический, физический или материальный вред (ущерб).

По мнению А. Б. Орлова, спектр психического насилия включает:

- а) психологические воздействия (угрозы, унижения, оскорбления т. п.);
- б) психологические эффекты (беспокойство, тревожность, агрессивность, коммуникативная некомпетентность, суицидальные наклонности, задержки физического и психического развития и т. д);
- в) психологические взаимодействия (доминантность, эффективность, непредсказуемость, непоследовательность, неадекватность).

Уголовное законодательство позволяет трактовать психическое насилие в различных составах преступлений в зависимости от конкретных условий его проявления и как способ совершения преступления, и как одну из характеристик обстановки содеянного, и как последствие преступления.

Последствия, возникающие в результате психического насилия, следует рассматривать через признаки психического вреда и ущерба. Эти последствия для психики приводят к тому, что в результате преступного психического насилия лицо выполняет те или иные действия (воздерживается от их выполнения), что в конечном итоге влечет причинение физического, имущественного или иного организационного вреда.

Можно сделать вывод, что в основном законодатель под психическим насилием понимает угрозу применения физического насилия с целью заставить лицо совершить действия преступного характера либо воздержаться от этих действий, выполнение которых является обязанностью. Однако, проанализировав различные мнения и подходы к пониманию психического насилия, хотелось бы отметить, что это понятие более широкое, чем просто угроза. Как разновидность психического воздействия следует рассматривать:

- 1) действия эмоциональной/моральной направленности: эмоциональное подавление, подавление воли, унижение достоинства, шантаж, ревность, пренебрежение интересами;
- 2) действия вербальной направленности: брань, ругательства, обзывание, оскорбление, угрозы, запугивание.

Для обеспечения точности и единообразия применения уголовного закона в Уголовный кодекс Республики Беларусь необходимо внести легальное определение «психического насилия», что позволило бы идентифицировать его как полноценное преступление и дало бы возможность людям защищать свои права и интересы, не сомневаясь в противозаконности посягательств. Считаем, что реальные проявления социально опасного психического насилия несколько шире тех, что на сегодняшний день отражены в уголовном законе, поэтому нередко люди умалчивают или игнорируют проявление психического насилия, поскольку нет единообразного понимания рассматриваемого термина.

Зубель Д. Ю.
УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ПОТЕРПЕВШИХ
ОТ СЕКСУАЛЬНЫХ ДОМОГАТЕЛЬСТВ

*Зубель Диана Юрьевна, студентка 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь, dianka.zubel@mail.ru*

Научный руководитель: магистр права, старший преподаватель Кривой А. Н.

Сексуальные домогательства в настоящее время все чаще оказываются в центре внимания СМИ, вызывая споры по содержанию, формам проявления и ответственности за указанные деяния. Противоречивость восприятия общественностью данного вопроса связана с противоборством в общественном сознании двух моделей сексуальных отношений: архаичной, вызванной историческими традициями модели, которая отличается сексуальным принуждением по отношению к женщине, и либеральной, выделившейся после сексуальной революции, характеризующейся признанием права личности на свободу самоопределения в сфере сексуальных отношений. Либеральная модель обуславливает общие тенденции изменения уголовного законодательства, так как существующая в мире система уголовно-правовых запретов охватывает не все формы нарушения прав в сфере половой неприкосновенности.

Отечественное законодательство не содержит юридического определения понятия «сексуальное домогательство» и всеобъемлющего перечня деяний, которые юридически считаются сексуальными домогательствами. На уровне международного законодательства ст. 40 Конвенции Совета Европы по предотвращению и борьбе с насилием в отношении женщин и насилием в семье (СЕТС № 210) (Стамбульской конвенции) определяет сексуальные домогательства как любую форму нежелательного вербального, невербального или физического поведения сексуального характера с целью или последствиями нанесения ущерба достоинству человека, в частности, путем создания угрожающих, враждебных, унижающих достоинство, оскорбительных и агрессивных условий.

Однако данное определение не является универсальным. Так, законодательство Молдовы, Австралии, Великобритании, Дании, Индии, Франции и ряда других стран содержит свое определение сексуального домогательства и предусматривает уголовную ответственность за его совершение. Что касается стран ближнего зарубежья, в Государственную Думу Российской Федерации вносились два законопроекта по введению административной ответственности за домогательства и оба были отклонены.

Рассматривая вопрос привлечения к ответственности за сексуальное домогательство в Республике Беларусь можно ошибочно ссылаться на статьи главы 20 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), однако они содержат ряд особенностей.

В частности для наступления уголовной ответственности за насильственные действия сексуального характера (ст. 167 УК) обязательным

признаком объективной стороны будет насильственный способ совершения преступления, тогда как сексуальное домогательство не всегда включает насилие, определение которого дано в постановлении Пленума Верховного Суда «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы (ст. 166–170 Уголовного кодекса Республики Беларусь)».

Анализируя положения главы 20 далее, обратим внимание, что для привлечения к уголовной ответственности по ст. 168, 169 УК потерпевшим должно быть лицо, заведомо для виновного не достигшее возраста 16 лет, а сексуальные домогательства могут быть направлены на лиц любого возраста.

Статья 170 УК (понуждение к действиям сексуального характера) предусматривает следующие особенности: способ (шантаж, угрозы и т. д.) либо зависимость (служебная, материальная и иная), в то время как сексуальное домогательство может осуществляться иным способом и лицом, никак не связанным с потерпевшим.

Учитывая указанные особенности, отечественная практика идет по пути привлечения лиц, совершивших сексуальное домогательство, к уголовной или административной ответственности за хулиганство. Однако данная квалификация, по нашему мнению, не отражает в полной мере общественную опасность таких деяний. Все же сексуальное домогательство – это намеренное посягательство на половую свободу и половую неприкосновенность, включающее психологическое насилие, которое травмирует жертву. Стоит также отметить, что мотивом сексуального домогательства в большей степени является удовлетворение собственных половых потребностей, нежели проявление неуважения к обществу.

Таким образом, проведенный анализ указывает на необходимость разработки и закрепления в отечественном уголовном законодательстве определения понятия «сексуальное домогательство» и криминализации данных деяний, учитывая их общественную опасность и относительную распространенность. В целях предотвращения избыточной криминализации ответственности предлагается введение запрета с административной преюдицией. Следовательно, предлагаем изложить статью в следующей редакции:

«Статья 167¹. Сексуальное домогательство

1. Нежелательное вербальное, невербальное и (или) физическое поведение сексуального характера, повлекшее причинение ущерба достоинству человека, путем создания угрожающей, унижающей достоинство, оскорбительной и агрессивной обстановки (сексуальное домогательство), совершенное в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение, при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных статьями 166–170 настоящего Кодекса, – »

Лысюк А. В.
ПРЕВЫШЕНИЕ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ
В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СТРАН РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ
ПРАВОВОЙ СЕМЬИ

Лысюк Анна Викторовна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, anna_lysyuk12@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Свило С. М.

Необходимая оборона в качестве института уголовного права содержится в законодательстве практически всех государств мира, так как является неотъемлемым правом каждого человека на самозащиту, а также на защиту иных благ. Вместе с тем положения о превышении пределов необходимой обороны находят различное закрепление, в том числе в странах романо-германской правовой семьи.

Согласно ч. 3 ст. 34 Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь превышением пределов необходимой обороны признается явное для обороняющегося лица несоответствие защиты характеру и опасности посягательства, когда посягающему без необходимости умышленно причиняется смерть или тяжкое телесное повреждение.

УК Франции не закрепляет понятие превышения пределов необходимой обороны, указывая в ст. 122-5 только лишь такие признаки, как явность превышения для обороняющегося и несоответствие средств защиты тяжести посягательства. Белорусский законодатель определяет, что уголовно-наказуемым является лишь превышение с умышленной формой вины. В свою очередь в УК Франции не делается такого упоминания, что может создавать определенные проблемы в квалификации.

В ст. 32 УК Федеративной Республики Германия (далее – ФРГ) также не дается определение превышения пределов. В ней лишь сказано, что «исполнитель» не подлежит уголовной ответственности, превышая пределы необходимой обороны из-за замешательства, страха или испуга. Полагаем, что такая формулировка является не совсем удачной, поскольку единичны случаи обороны, когда бы обороняющийся находился в спокойном состоянии.

Проанализировав статьи УК ФРГ, можно сделать вывод, что ответственность за причинение смерти при превышении пределов необходимой обороны наступает по ст. 213 «Менее тяжкий случай убийства»: «Если убийца без собственной вины был приведен в ярость издевательствами над ним или его родственником <...>, то наказанием является лишение свободы на срок от одного года до десяти лет». Вызывает интерес такой значительный диапазон наказания по сравнению со ст. 142 УК Республики Беларусь, которая закрепляет наказание в виде ограничения свободы на срок до трех лет или лишения свободы на тот же срок за убийство при превышении пределов необходимой обороны.

Законодатели постсоветских стран более детально регламентируют превышение пределов необходимой обороны. Так, в УК Республики Казахстан определение превышения пределов такое же, как в УК Республики

Беларусь, однако помимо несоответствия защиты характеру и опасности посягательства добавляется такой признак, как причинение чрезмерного, не вызываемого обстановкой вреда. Частью 3 ст. 32 УК Республики Казахстан устанавливаются ситуации, которые не являются превышением пределов, т. е. допускается причинение любого вреда: посягательство на жизнь человека; вооруженное нападение или насилие, а также угроза такого насилия (объектом в таком случае является не только жизнь обороняющегося, но и других лиц); насильственное вторжение в жилище, помещение; поджог жилища, помещения; невозможность объективно оценить характер и степень посягательства вследствие внезапности посягательства. В ч. 2 ст. 112 УК Республики Казахстан закрепляется ответственность за причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, что не наблюдается в законодательствах других стран.

УК Российской Федерации закрепляет институт превышения пределов необходимой обороны так же, как в отечественном законодательстве. Однако подчеркнем, что в ч. 2 ст. 37 УК Российской Федерации регламентируется ситуация, которая не является превышением пределов необходимой обороны: если посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия. Ключевым фактором в данном случае выступает элемент насилия при посягательстве на жизнь человека.

Согласно ч. 3 ст. 36 УК Украины превышением пределов необходимой обороны признается умышленное причинение посягающему тяжкого вреда, явно не соответствующего опасности посягательства или обстановке защиты. В ч. 4 и 5 этой же статьи указаны случаи, при которых обороняющееся лицо не превышает пределы необходимой обороны, причиняя вред любой тяжести, и, соответственно, не подлежит уголовной ответственности: вследствие сильного душевного волнения, в результате которого обороняющееся лицо не могло оценить соответствие причиненного им вреда опасности посягательства или обстановке защиты; при применении оружия или иных средств и предметов для защиты от вооруженного нападения одного лица или группы лиц; при применении оружия для отражения насильственного вторжения в жилище или иное помещение.

Таким образом, различные страны даже в рамках одной правовой семьи по-разному регламентируют институт превышения пределов необходимой обороны, описывая лишь его отличающиеся признаки. С учетом зарубежного опыта считаем целесообразным внести изменения в действующую редакцию ч. 4 ст. 34 УК Республики Беларусь:

«4. Не являются превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица, если это лицо вследствие неожиданности посягательства не могло объективно оценить характер и опасность посягательства, а также при защите от вооруженного нападения или группы лиц, а равно от посягательства, сопровождаемого насилием, опасным для жизни, или угрозой его применения».

Мельникова В. А.

КРИПТОВАЛЮТА КАК ПРЕДМЕТ ОТДЕЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

*Мельникова Варвара Андреевна, студентка 1 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
melnickova.varwara@yandex.by*

Научный руководитель: старший преподаватель Головенчик М. Г.

В современном мире повсеместное использование цифровых технологий приводит к совершенствованию всех сфер человеческой деятельности, что повлекло появление таких новых объектов, как криптовалюты, включая биткойны. Нормативным правовым актом, регулирующим оборот криптовалют в Республике Беларусь, является Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет № 8). В соответствии с положениями Декрета № 8 криптовалютой признается биткойн, иной цифровой знак (токен), используемый в международном обороте в качестве универсального средства обмена. Под цифровым знаком (токеном) понимается запись в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе, которая удостоверяет наличие у владельца цифрового знака (токена) прав на объекты гражданских прав и (или) является криптовалютой.

К основным характеристикам криптовалют относятся конфиденциальность транзакций, возможность совершения операций без посредников, децентрализованность. Благодаря указанным свойствам они стали востребованными активами и привлекают все большее внимание потенциальных инвесторов. Вместе с тем удобство и анонимность совершения операций с криптовалютами привели к использованию криптовалют в совершении отдельных преступлений, например, таких, как легализация («отмывание») средств, полученных преступным путем, и финансирование террористической деятельности.

Тенденция учащения случаев использования криптовалют при легализации средств, полученных преступным путем, и финансировании терроризма отмечается в Типологическом проекте 37-го Пленарного заседания Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма 2022 г. «Легализация (отмывание) преступных доходов от киберпреступлений, а также финансирование терроризма за счет указанной преступной деятельности, в том числе с использованием электронных денег или виртуальных активов и инфраструктуры их провайдеров». Особая важность рассматриваемого вопроса подчеркивается и в заявлениях Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ).

В связи с этим представляется необходимым проанализировать, может ли криптовалюта быть предметом легализации («отмывания») средств, полученных преступным путем, и финансирования террористической деятельности согласно законодательству Республики Беларусь. Так, в ч. 2

примечаний к ст. 235 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) указано, что под средствами в ст. 235 и ст. 290-1 УК понимаются денежные средства, ценные бумаги, электронные деньги, иное имущество, в том числе имущественные права, а также исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности. В научной публикации И. С. Аземши «Цифровые финансовые активы как предметы легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем» на основе анализа положений Декрета № 8 и ст. 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь справедливо указано, что «...криптовалюты и токены как виды цифровых финансовых активов не могут быть отнесены ни к одному из существующих объектов гражданских прав в силу особенностей их формы, эмиссии и самой сущности». Таким образом, в Республике Беларусь с учетом нынешнего законодательного закрепления правового статуса криптовалют не представляется возможным рассматривать криптовалюту в качестве предмета указанных выше преступлений.

Вместе с тем в Российской Федерации в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» указано, что «исходя из положений статьи 1 Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма от 16 мая 2005 года и с учетом Рекомендации 15 ФАТФ предметом преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 УК РФ, могут выступать в том числе и денежные средства, преобразованные из виртуальных активов (криптовалюты), приобретенных в результате совершения преступления».

С учетом изложенного, по нашему мнению, для преодоления правового пробела, имеющегося в уголовном законодательстве Республики Беларусь, необходимо принятие постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, где будет указано, что предметом преступлений, предусмотренных ст. 235, 290-1 УК, могут выступать в том числе и криптовалюты.

Нагорная А. Д.

ДОВЕДЕНИЕ ДО САМОУБИЙСТВА: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

*Нагорная Анастасия Дмитриевна, студентка 4 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
121350minsk@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Казак С. В.

Состав доведения до самоубийства закреплен в ст. 145 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК). По конструкции объективной стороны данный состав является материальным, соответственно обязательными элементами объективной стороны будут преступное деяние,

последствие и причинная связь между ними. В рамках ст. 145 УК деяние может выражаться в качестве действия и бездействия. Преступное действие может включать в себя такие способы воздействия на потерпевшего, как угрозы, жестокое обращение, систематическое унижение личного достоинства. В свою очередь, бездействие может осуществляться только посредством жестокого обращения, которое в данном случае может представлять собой необеспечение продуктами питания, лекарствами, жильем и т. д. Следует отметить, что в УК отсутствует легальное определение понятий жестокое обращение и систематическое унижение личного достоинства. При этом широкое распространение получил подход к определению данных понятий, закрепленный в комментарии к Уголовному кодексу Республики Беларусь. На наш взгляд, следует закрепить эти понятия на законодательном уровне в примечании к ст. 145 УК. Данное обстоятельство приведет к их строгому и единообразному применению на практике.

Отдельного внимания заслуживают проблемные вопросы совершения преступного деяния посредством угроз. В доктрине преимущественно под угрозой понимается вид психологического насилия над лицом, в результате которого, последнее, помимо собственной воли, совершает определенные действия. Исходя из этого, угроза должна обладать следующими характеристиками: противоправность, реальность, способность к трансформации воли лица. При этом, рассматривая угрозы как способ доведения до самоубийства, следует отметить, что они должны также вызывать у потерпевшего чувство безысходности и невозможности дальнейшего существования. В противном случае, на наш взгляд, невозможно будет установить причинную связь между деянием, выраженным в угрозах потерпевшему, и последствием – попыткой самоубийства или самоубийством. Следует рассмотреть также вопрос о таком признаке угроз, как их количество. В диспозиции данной нормы законодатель употребил этот термин во множественном числе, что, с одной стороны, может свидетельствовать о применении к ним признака систематичности. С другой стороны, множественное число может означать вариативность объектов, в отношении которых могут применяться угрозы. На наш взгляд, количество угроз в случае доведения до самоубийства должно иметь второстепенное значение. Первостепенное значение должно отдаваться наличию у них вышеперассмотренных характеристик.

В контексте ст. 145 УК преступное последствие должно быть выражено в самоубийстве потерпевшего или покушении на него. На наш взгляд, особого внимания заслуживает терминологическое несоответствие, которое заключается в употреблении в диспозиции ст. 145 УК термина «покушение» в отношении попытки совершения самоубийства. Использование термина «покушение» формирует противоречие в связи с тем, что в рамках УК данный термин используется только в отношении преступного деяния, поэтому использование термина «покушение» в данном случае буквально свидетельствует о противоправности самого акта самоубийства. Однако данное суждение не является верным, поскольку самоубийство на

территории Беларуси декриминализовано с момента принятия Уголовного кодекса РСФСР 1922 года. В связи с этим считаем целесообразным в диспозиции ст. 145 УК заменить словосочетание «покушение на самоубийство» на словосочетание «попытка самоубийства».

Подводя итог, следует обозначить, что по конструкции объективной стороны состав доведения до самоубийства относится к числу материальных составов. Преступное деяние может включать в себя такие способы воздействия на потерпевшего, как угрозы, жестокое обращение, систематическое унижение личного достоинства. В целях единообразного применения нормы ст. 145 УК считаем целесообразным закрепить в примечании к ней дефиниции терминов жестокого обращения и систематического унижения личного достоинства. При определении угрозы как способа доведения до самоубийства в первую очередь необходимо также смотреть на их качественные характеристики, а не на количественные. Вместе с тем считаем целесообразным заменить словосочетание «покушение на самоубийство» словосочетанием «попытка самоубийства», поскольку самоубийство не является уголовно наказуемым деянием в Республике Беларусь.

Павлович К. С.

**ПРОБЛЕМЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ НЕЗАКОННОГО ХРАНЕНИЯ
ОТ НЕЗАКОННОЙ ПЕРЕВОЗКИ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ ПРЕКУРСОРОВ И АНАЛОГОВ
БЕЗ ЦЕЛИ СБЫТА**

Павлович Ксения Сергеевна, магистрант Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, ksenia.pvlvch@gmail.com

Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Савенок А. Л.

Одним из действующих проблемных вопросов, возникающим при квалификации преступления по ч. 1 ст. 328 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) является отграничение незаконного хранения от незаконной перевозки наркотических средств без цели сбыта.

Анализ судебной практики по ч. 1 ст. 328 УК показывает, что отграничение незаконного хранения от незаконной перевозки проводится не всегда или не проводится вовсе, что, на наш взгляд, влечет за собой увеличение объема предъявляемого обвинения и назначение наказания, не соответствующего общественной опасности совершенного преступления.

Так, суд Барановичского района и г. Барановичей Брестской области признал виновным Г. в незаконном, без цели сбыта, приобретении, хранении и перевозке наркотических средств и психотропных веществ, в преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 328 УК, где Г., умышленно незаконно, без цели сбыта, с целью личного потребления, приобрел наркотическое средство и порошкообразное вещество, которые извлек из тайников, после чего умышленно незаконно, без цели сбыта, с целью личного

потребления, храня их при себе, на автомобиле такси «Я.», незаконно перевез по территории г. Барановичи.

На наш взгляд, вышеизложенная позиция по квалификации преступления в части вменения такого признака, как «незаконная перевозка», предусмотренного ч. 1 ст. 328 УК, является неверной ввиду того, что транспортное средство использовалось виновным не для перевозки наркотического средства, а для собственного перемещения от места приобретения наркотического средства к месту жительства или месту употребления, т. е. перемещение виновным наркотического средства на такси до конечного адреса являлось способом хранения наркотика, следовательно, вменение такого квалифицирующего признака, как «незаконная перевозка», необоснованно.

Отметим, что постановление Пленума Верховного Суда от 23 марта 2003 г. № 1 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (ст. 327–334 УК) (далее – постановление Пленума Верховного Суда от 23 марта 2003 г. № 1) не дает разграничения, в каких именно случаях деяния следует квалифицировать как незаконное хранение, а в каких случаях – как незаконную перевозку наркотических средств. Отсутствуют и критерии для определения состава незаконной перевозки и незаконного хранения, что также непосредственно отражается на квалификации преступления.

В то же время ч. 3 п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» содержит критерии отграничения незаконного хранения от незаконной перевозки наркотических средств без цели сбыта. При отграничении рассматриваемых составов в каждом конкретном случае принимается во внимание следующее: 1) направленность умысла; 2) фактические обстоятельства перевозки; 3) количество наркотических средств; 4) размер наркотических средств; 5) объем наркотических средств; 6) места их нахождения и др.

Позиция Пленума Верховного Суда Российской Федерации представляется верной, поскольку не всегда незаконное хранение при помощи транспортных средств должно расцениваться как незаконная перевозка.

Заметим, что судебная практика Российской Федерации идет по пути признания проезда с наркотическим средством охватываемым понятием «незаконное хранение» наркотического средства без цели сбыта.

Перемещение наркотических средств с использованием транспортного средства от места приобретения к месту личного потребления (месту проживания и т. д.) без цели сбыта не может расцениваться как «незаконная перевозка», поскольку в действиях виновного умысел направлен на незаконное владение наркотическими средствами без цели сбыта. Таким образом деяния не выходят за рамки хранения.

На основании вышеизложенного, предлагаем закрепить в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 23 марта 2003 г. № 1 следующие критерии отграничения незаконного хранения от незаконной перевозки наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, которые следует учитывать при разрешении уголовных дел по ч. 1 ст. 328 УК: 1) направленность умысла; 2) цель использования транспортного средства; 3) место нахождения наркотических средств при задержании виновного; 4) размер наркотических средств.

Рыбинская А. Е.

КВАЛИФИКАЦИЯ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ, СОВЕРШЕННОЙ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ЛИЦА

Рыбинская Арина Евгеньевна, студентка Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, ashurin069@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Верховодко И. И.

Торговля людьми и, в частности, детьми является серьезной проблемой как в Республике Беларусь, так и за ее пределами, поскольку она нарушает основные права и свободы. В результате, жертвами торговли людьми становятся женщины и дети, которых, как правило, вынуждают к занятию проституцией, принуждают к работе в рабских условиях или используют в иных целях.

В Республике Беларусь существует несколько факторов, способствующих распространению торговли людьми. Во-первых, страна является транзитным пунктом для мигрантов, которые «ищут лучшей жизни» в Европе. Это создает возможность для трафикеров использовать их уязвимое положение, незнание языка и законов страны. Как иностранные, так и белорусские граждане могут быть обмануты ложными обещаниями вроде перспективы предоставления им работы. Во-вторых, Республика Беларусь является страной, в которой по различным причинам происходит формирование плодотворной почвы для дальнейшей торговли людьми. Так, с целью, например, сексуальной эксплуатации трафикеры переправляют людей за пределы Республики Беларусь. Преимущественно это страны Европейского союза, Ближнего Востока, а также Российская Федерация. С целью трудовой эксплуатации – это, как правило, в некоторые регионы Российской Федерации.

Торговля детьми упрощает способы ее совершения ввиду малого возраста потерпевших, а также наивности несовершеннолетних. Торговля несовершеннолетними в Республике Беларусь имеет различные цели, включая принудительный труд, сексуальную эксплуатацию и нелегальную адопцию. По данным Министерства внутренних дел (далее – МВД), значительную часть преступлений, связанных с торговлей детьми (381 или 43,6 %), составляют факты полового сношения и иных действий сексуального характера с лицом, не достигшим 16-летнего возраста (ст. 168

Уголовного кодекса Республики Беларусь, далее – УК). Так, в 2021 г. из них по ч. 2 ст. 168 УК возбуждено 67 уголовных дел.

Фундаментальные права и свободы человека, закрепленные в главе 2 Конституции Республики Беларусь, включая право на жизнь, свободу и неприкосновенность личности, право на защиту от незаконного вмешательства и на свободу передвижения, должны быть гарантированы для каждого человека. Торговля людьми, в том числе детьми, нарушает эти права и свободы, поэтому необходимо принимать все возможные меры для ее пресечения и наказания виновных лиц.

В МВД создано специализированное подразделение – отдел по противодействию торговле людьми Управления по наркоконтролю и противодействию торговле людьми Главного управления криминальной милиции. Кроме того, Комитетом государственной безопасности совместно с МВД разработана методика расследования преступлений в сфере торговли людьми. Предложен также комплекс законодательных и предупредительных мер по противодействию торговле людьми. Этот комплекс мер, в свою очередь, определен Декретом Президента Республики Беларусь от 9 марта 2005 г. № 3 «О некоторых мерах по противодействию торговле людьми».

Однако борьба с этой проблемой затруднена из-за нечеткости существующего определения понятия «торговля людьми». Так, согласно ст. 181 УК, торговля людьми – вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение человека в целях эксплуатации, совершенные путем обмана, либо злоупотребления доверием, либо применения насилия, не опасного для жизни или здоровья потерпевшего, либо с угрозой применения такого насилия. Указание на специальную цель – эксплуатацию – исключает из ст. 181 УК деяния, совершенные с иными целями, поскольку не любая торговля детьми будет подразумевать под собой цели эксплуатации. Примером таких случаев может служить выкуп младенцев из малообеспеченных семей для реализации бездетным семьям. При подобных обстоятельствах, материально обеспеченная семья, не способная по определенным причинам иметь собственных детей, платит определенную сумму родителям, «подобранного» ими ребенка. В таком случае отсутствуют цели эксплуатации по отношению к выкупленному ребенку, а незаконность и общественная опасность такой «сделки» очевидна.

По итогам анализа законодательства мы предлагаем внести коррективы в ст. 181 УК путем изменения дефиниции понятия «торговля людьми». Одним из вариантов предлагаем исключение словосочетания «в целях эксплуатации».

Самусик А. А.

СКЛОНЕНИЕ К САМОУБИЙСТВУ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ

*Самусик Анна Александровна, студентка 3 курса Белорусского
государственного университета, Минск, Беларусь, annsem3456@gmail.com*

Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Савенок А. Л.

Активизация государственных органов по совершенствованию мер противодействия самоубийству обусловило принятие Закона Республики Беларусь от 9 января 2019 г. № 171-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь», криминализирующего ряд деяний, инспирирующих акт суицида.

Законодатель предусматривает лишь две статьи, направленные на определенный круг лиц, и устанавливающие уголовную ответственность за совершение самоубийства, а именно: ст. 145 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) «Доведение до самоубийства» и ст. 146 УК Республики Беларусь «Склонение к самоубийству».

Анализируя объективную сторону доведения до самоубийства, мы можем сделать вывод, что данная статья является довольно опасной формой криминального поведения. К примеру, действия, составляющие объективную сторону доведения – жестокое обращение с потерпевшим или систематическое унижение его личного достоинства.

В свою очередь ст. 146 УК Республики Беларусь раскрывает объективную сторону склонения к самоубийству через возбуждение у другого лица решимости совершить самоубийство, не указывая при этом на конкретные действия.

Согласно доктрине уголовного права форма склонения к самоубийству может быть различной: совершаться словами или жестами. Способ также является вариативным: просьба, приказ, совет, поручение или обман.

В соответствии с ч. 1 ст. 146 УК Республики Беларусь мы можем говорить о своеобразной форме подстрекательства к совершению самоубийства другого лица. Суть поведения при таком преступлении состоит в том, что виновный воздействует на сознание и волю другого человека, возбуждает у него решимость совершения самоубийства. При этом потерпевший оставляет за собой право свободного выбора дальнейшего поведения: совершение суицида или отказ от него.

В данной работе предлагаем рассмотреть совет как способ склонения к самоубийству.

Согласно словарю Даля: совет – наставление, указание, предложение, как поступить. Исходя из этого, мы понимаем, что совет может подразумевать под собой завуалированное побуждение к действию, что не противоречит формулировке законодателя «возбуждение решимости».

Так называемое побуждение к действию через совет можно расценивать как в словесном контексте в качестве рассказа о сильнодействующих

таблетках, дозировке и способе применения или о том, когда, где и в какое время «лучше» совершить задуманное, так и в совершении определенных действий, увеличивающих возможность совершения самоубийства, к примеру, открыть окно и сказать: «Прыгай» лицу, которое до этого изъявляло явное желание уйти из жизни. В случае если человек, на которого направлен «совет», совершит деяние, то возникает вопрос квалификации преступления.

Предлагаем рассмотреть законодательство Российской Федерации, где в ст. 110.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК Российской Федерации) криминализировано сразу два деяния: склонение к самоубийству и содействие в его совершении.

Рассмотрим подробнее содействие совершению самоубийства. Диспозиция ч. 2 ст. 110.1 УК Российской Федерации регламентирует: «Содействие совершению самоубийства советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения самоубийства либо устранением препятствий к его совершению или обещанием скрыть средства или орудия совершения самоубийства...».

Обращаем внимание на то, что в диспозиции ст. 110.1 УК Российской Федерации указаны действия, которые составляют объективную сторону, раскрывают и уточняют возможные варианты состава преступления.

Сравнивая диспозиции ст. 110.1 УК Российской Федерации и ст. 146 УК Республики Беларусь, мы можем заметить, что в обеих нормах совет рассматривается в качестве элемента объективной стороны, но квалифицируется по-разному.

Исходя из вышесказанного, делаем вывод, что ни доктрина уголовного права, ни сам законодатель не учли все проблемные вопросы уголовно-правовой нормы.

В связи с этим предлагаем дополнить ст. 146 УК Республики Беларусь: «Умышленное возбуждение у другого лица решимости совершить самоубийство путем просьб, приказов, советов, уговоров или при помощи обмана или подкупа, вследствие чего лицо покончило жизнь самоубийством или покушалось на него (склонение к самоубийству), – наказывается исправительными работами на срок до двух лет или лишением свободы на один и тот же срок».

Севрюк Е. В.

СПЕЦИАЛЬНАЯ КОНФИСКАЦИЯ КРИПТОВАЛЮТ

*Севрюк Евгения Викторовна, студентка 2 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
evgenia.sevruk21@gmail.com*

Научный руководитель: старший преподаватель Головенчик М. Г.

По последним данным платежной платформы Triple A, на сегодняшний день в Республике Беларусь владельцами криптовалют являются 277,2 тыс. человек. Цифровые валюты, будучи новым экономическим явлением, представляют большой интерес как для граждан, которые могут совершать

сделки с криптовалютой на биржах в целях извлечения прибыли, так и для государств, которые стремятся нормативно урегулировать деятельность, связанную с цифровыми валютами, с тем чтобы впоследствии использовать их в качестве возможного финансового инструмента.

В то же время следует констатировать, что криптовалюты стали использоваться при совершении противоправных деяний. Нередки случаи, когда криптовалюты используются в качестве формы оплаты при приобретении наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, с их помощью производится финансирование террористической деятельности. В связи с этим представляется актуальным анализ вопроса осуществления специальной конфискации криптовалюты.

Оценить масштабы использования криптовалют в криминальной сфере достаточно проблематично, однако известно, что по состоянию на июнь 2023 г. Департаментом финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь было выявлено 18 преступлений с использованием криптовалют, в том числе финансирование экстремистской и террористической деятельности. В связи с применением специальной конфискации становится возможным пресечение как незаконного обогащения лицами за счет совершения преступлений, так и продолжения противоправной деятельности, а также возмещение ущерба, причиненного преступлением, потерпевшему.

Специальной конфискации, т. е. принудительному безвозмездному изъятию в собственность государства, на основании ч. 1 ст. 46-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) подлежат: имущество, добытое преступным путем или приобретенное на средства, добытые преступным путем; доход, полученный от использования такого имущества; предметы преступления, не подлежащие возврату потерпевшему или иному лицу; орудия и средства совершения преступления, принадлежащие лицу, совершившему преступление; вещи, изъятые из оборота; транспортное средство (независимо от права собственности), которым управляло лицо, совершившее преступление, предусмотренное статьей 317-1 УК (за исключением транспортных средств, выбывших из законного владения собственника (пользователя) помимо его воли или в результате противоправных действий других лиц).

Так, согласно п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29 июня 2023 г. № 1 «О применении судами специальной конфискации», перечень объектов специальной конфискации является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит.

Криптовалюта, согласно п. 4 приложения 1 к Декрету Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет № 8), представляет собой биткоин, иной цифровой знак (токен), используемый в международном обороте в качестве универсального средства обмена. В соответствии с п. 14 приложения 1 к Декрету № 8 цифровой знак (токен) – запись в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе, которая

удостоверяет наличие у владельца цифрового знака (токена) прав на объекты гражданских прав и (или) является криптовалютой. Проанализировав положения Декрета № 8, затруднительно определить правовой статус токенов, криптовалют.

Как отмечает М. Г. Головенчик в научной публикации «Проблемные аспекты уголовно-правовой оценки противоправных деяний, совершаемых при проведении процедуры первичного размещения токенов», «в Декрете № 8 правовая природа токена зависит от целей правового регулирования». Автор отмечает, что «...для целей налогообложения отчуждение токенов, в том числе путем их обмена на иные токены, рассматривается как реализация имущественных прав (подп. 3.1 п. 3). Однако для целей же бухгалтерского учета возникшие (добытые) в процессе майнинга или приобретенные иным способом токены признаются активами (подп. 3.4 п. 3), а для целей законодательства о предотвращении легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения токены относятся к средствам (подп. 4.2 п. 4)». Отметим, что ст. 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь, содержащая в себе закрытый перечень объектов гражданских прав, не содержит указания на криптовалюту, токены. Следовательно, правовая природа криптовалют, токенов неоднозначна, а в уголовном законодательстве она и вовсе не определена.

Подводя итог вышеизложенному, с целью упрощения понимания уголовного закона предлагается внести изменения в ч. 1 ст. 46-1 УК, где следует прямо указать в числе объектов специальной конфискации, кроме уже перечисленных, криптовалюты и токены.

Сидоренко К. С.

ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Сидоренко Кирилл Сергеевич, курсант 3 курса Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, kirillsks55@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Реутская Е. А.

Расширение возможностей сетей и цифровых технологий создает уникальные перспективы для общественного развития и инноваций. С другой стороны, оно также способствует появлению новых видов преступлений, ориентированных на нарушение информационной безопасности. По мере усовершенствования технологий преступность приобретает новые формы, стремясь адаптироваться к современному цифровому миру. Когда компьютерные сети только начинали развиваться, киберпреступники чаще всего ограничивались вирусами и вредоносным программным обеспечением. Однако с повсеместным внедрением цифровых технологий киберпреступники используют более сложные методы совершения преступных посягательств, нарушая права граждан. Для индивида, пребывающего в пространстве Интернета, важнейшим аспектом становится обеспечение защиты своей приватности и персональных данных. Из этого вытекает актуальная проблема уголовно-правовой гарантии цифрового суверенитета личности.

В настоящее время эта проблема приобретает особую значимость, а вопросы охраны цифрового суверенитета становятся предметом обсуждений. Охрана цифрового суверенитета личности в рамках уголовно-правовых норм представляет собой важный аспект в эпоху цифровых технологий. Несмотря на активное исследование цифрового суверенитета на международном уровне, в Республике Беларусь комплексные исследования анализируемого понятия не проводились. Отметим, что цифровой суверенитет чаще относят к независимости государства в цифровой сфере, включая право на самостоятельное формирование информационной политики, распоряжение информационными потоками и обеспечение информационной безопасности, но имеется необходимость обособить понятия «права и свободы человека», сосредоточенные в реальной действительности и «цифровой суверенитет личности» в рамках виртуальной реальности.

Цифровой суверенитет личности, по мнению Е. О. Гаврилова, – это понятие, которое все чаще используется для описания всевозможных форм независимости и автономии личности в цифровой среде, включая обеспечение их сохранности и защиту. Это означает, что каждый человек имеет право контролировать свои цифровые данные (фото, личные данные, сообщения, финансовую и иную информацию), а также защищать их от несанкционированного доступа или использования. Цифровой суверенитет позволяет обеспечивать соблюдение прав и свобод, в том числе и приватности личности в виртуальном пространстве.

Защита цифрового суверенитета личности включает в себя меры по защите персональных данных, контролю за использованием цифровых следов, защите от киберпреступлений и других угроз информационной безопасности. Для обеспечения защиты персональных данных были разработаны законы и иные акты законодательства, регулирующие вопросы обработки, хранения и доступа к персональным данным. В Уголовном кодексе Республики Беларусь (УК) существуют статьи, которые регулируют ответственность за киберпреступления и неправомерные действия в отношении информации о частной жизни и персональных данных. Однако проблемы обеспечения информационной безопасности не исчерпываются лишь мерами по защите персональных данных. Так, персональные данные могут не только разглашаться или утрачиваться, но быть предметом хищения: хищение электронной и криптовалюты, токенов-акций, кредитных токенов и иных ресурсов, а также информации о цифровой личности в целях ее последующего неправомерного использования (паролей, ключей доступа, персональных идентификаторов, аккаунтов, элементов цифровой личности). Хищение «виртуальных» платежных средств и ресурсов уже запрещено уголовным законодательством, а вот информация о цифровой личности в настоящее время уголовным законодательством защищена не в полной мере. Отдельно на практике возникают проблемы, связанные с уголовно-правовой оценкой последующих действий виновного с полученной информацией: при совершении мошенничеств в целях завладения имуществом, совершении preparatory действий в сфере педофилии посредством использования

педофилом чужой цифровой личности для обмана ребенка, при помещении информации о цифровой личности другого человека при монтировании порнографических материалов и ряда других деяний. Отсутствие на уровне УК главы, охраняющей информационную безопасность, предполагает проведение дальнейших исследований в обозначенной сфере.

На основании изложенного полагаем, что имеется необходимость выделения «цифрового суверенитета личности» как самостоятельного объекта противоправного посягательства в рамках ст. 2 УК наряду с человеком ввиду того, что в настоящее время виртуальная реальность является самостоятельной сферой жизнедеятельности человека наряду с реальной. Защита «цифрового суверенитета личности» является необходимой в связи с быстрым развитием информационных технологий.

Станилевич В. А.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА СОУЧАСТИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И АНГЛИИ

Станилевич Виктория Александровна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, vstanilevich1@mail.ru

Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Грунтов И. О.

Институт соучастия в преступлении является неотъемлемой частью системы норм права и институтов уголовного законодательства, однако вызывает множество дискуссионных вопросов. Для того чтобы рассмотреть положительные и отрицательные аспекты реализации данного института в Республике Беларусь, стоит обратиться к опыту зарубежных стран. Ввиду того, что Беларусь относится к романо-германской правовой семье для сравнения была выбрана Англия, как представитель англосаксонской правовой семьи.

Прежде всего в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК) законодательно закреплено понятие соучастия в преступлении. Согласно ч. 1 ст. 16 УК соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. В законодательстве Англии понятие соучастия в преступлении прямо не закреплено. Закон «Об уголовном праве» 1977 г. регламентирует ответственность за сговор (англ. – conspiracy). Сговор – достижение соглашения одним лицом с другим лицом или лицами о совершении действий, которые неизбежно приведут или могли бы привести к совершению преступления или преступлений, одним или более лицами соглашения. Уголовно наказуемым сговор будет считаться уже с момента достижения соглашения о совершении преступления или преступлений.

Исходя из законодательного определения соучастия в Беларуси, один из обязательных признаков – вина в форме умысла. Законодательство Англии, напротив, предусматривает возможность совершения преступления в соучастии по неосторожности. Важен лишь изначальный замысел участников, которым охвачены действия, при этом достаточно лишь

предвидеть совершение преступления другим лицом. Таким образом, в то время как в Беларуси ни законодательно, ни доктринально вопрос неосторожного сопричинения не решен, английское уголовное право признает возможность соучастия в неосторожных преступлениях.

Важная часть института соучастия – выделение видов соучастников. В ч. 2 ст. 16 УК наряду с исполнителями в качестве соучастников выделяются организаторы, подстрекатели и пособники. В уголовном праве Англии долгое время имело место деление соучастников на следующие категории: 1) исполнитель первой степени (англ. – principal in the first degree); 2) исполнитель второй степени (англ. – principal in the second degree); 3) пособник до деяния (англ. – accessory before the fact); 4) пособник после деяния (англ. – accessory after the fact). Такое деление применялось до принятия в 1861 г. Закона «О пособниках и подстрекателях». Несмотря на то, что данный акт устранил деление соучастников на четыре категории, разграничение понятий «пособник» и «подстрекатель» в нем не проводится.

В данном аспекте белорусское законодательство значительно расходится с английским. Тогда как по УК Республики Беларусь при назначении наказания за преступление, совершенное в соучастии, учитываются характер и степень участия в нем каждого из соучастников, по законодательству Англии соучастники несут ответственность в той же степени, что и исполнитель.

Важен также вопрос определения форм соучастия в преступлении. В УК Республики Беларусь закреплены следующие формы: группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа и преступная организация. Законодательство Англии, в свою очередь, не предусматривает аналогичное выделение форм, однако Закон «Об общественном порядке» 1986 г. регламентирует ответственность за бандитизм (англ. – gang violence). Бандитизмом признаются совместные действия трех или более лиц, совершенные с применением насилия или с угрозой применения такого насилия, с целью воздействия на личную безопасность другого лица. В белорусском законодательстве банда – вооруженная организованная группа, которая создана с целью нападения на предприятия, учреждения, организации или на граждан. Таким образом, одним из обязательных признаков банды является вооруженность, чего нет в английском законодательстве. Отличается и количественный критерий, по белорусскому законодательству – два или более лица.

Анализ института соучастия в Беларуси и Англии прежде всего позволяет сделать вывод о том, что правовая регламентация в белорусском законодательстве более полная и структурированная. В английском законодательстве не закреплено определение соучастия, нет четких критериев для выделения форм соучастия, а также не учитывается характер и степень участия в преступлении каждого из соучастников. Положительным аспектом института соучастия в Англии можно считать возможность соучастия в неосторожном преступлении, так как в Республике Беларусь данный вопрос является дискуссионным и требует решения на законодательном уровне.

Харитонов А. А.
КОММЕРЧЕСКИЙ ПОДКУП И ПОЛУЧЕНИЕ ВЗЯТКИ: ПРОБЛЕМЫ
РАЗГРАНИЧЕНИЯ СОСТАВОВ

*Харитонов Алёна Андреевна, студентка 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
alenaharitonova860@gmail.com*

Научный руководитель: магистр права, старший преподаватель Кривой А. А.

В последнее время в Республике Беларусь наблюдается тенденция увеличения случаев коммерческого подкупа и получения взятки. Однако обязательно следует отметить, что государство всяческими способами пытается предотвратить рост этих уголовно-наказуемых преступлений путем принятия определенных законодательных актов, которые регулируют эту проблему. Коммерческий подкуп относится к преступлениям против порядка осуществления экономической деятельности, а получение взятки относится к преступлениям против интересов службы. Суть коммерческого подкупа в том, что лицо либо получает от иных лиц незаконное вознаграждение, либо лицо предоставляет незаконное вознаграждение определенным лицам. А суть получения взятки – это получение как для себя, так и для близких материальных ценностей, выгод имущественного характера по причине своего служебного положения.

Определенную сложность составляет разграничение таких составов преступлений, как коммерческий подкуп и получение взятки. Ввиду наличия ряда общих признаков возникает проблема выбора средств и методов борьбы с данными явлениями. Данная ситуация порождает определенные трудности в квалификации.

Предмет данных составов весьма схож. Предметом коммерческого подкупа и получения взятки могут быть материальные ценности (деньги, ценные бумаги, вещи и т. п.) либо выгоды имущественного характера независимо от их стоимости.

Объективная сторона данных составов преступления в целом схожа, но имеет некоторые отличия. *Объективная сторона получения взятки* выражается в форме двух действий: принятие для себя или близких материальных ценностей; приобретение для себя или близких выгод имущественного характера. *А объективная сторона коммерческого подкупа* выражается деянием в форме двух действий: получение незаконного вознаграждения; предоставление незаконного вознаграждения.

Анализируемые составы преступлений имеют отличие в субъекте, но есть некоторые сложности в его определении. Субъектом получения взятки может быть только должностное лицо, признанное таковым в соответствии с ч. 4 ст. 4 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК). *Субъект коммерческого подкупа делится на 2 группы:*

Специальный (для преступления в форме получения незаконного вознаграждения). Это, на основании ст. 252 УК, работник индивидуального

предпринимателя или юридического лица, не являющийся должностным лицом, иными словами, специальным субъектом коммерческого подкупа является лицо, которое работает или служит у индивидуального предпринимателя или юридического лица вне зависимости от формы его собственности;

Общий, с 16 лет (для преступления в форме предоставления незаконного вознаграждения).

В постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26.06.2003 № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве» сказано: «Работники предприятий, учреждений, организаций, которые наряду с выполнением своих профессиональных функций по специальному полномочию выполняют обязанности должностного лица, могут являться субъектами преступления, предусмотренного статьей 430 УК».

Но в правоприменительной практике возникает проблема квалификации преступлений, совершаемых должностными лицами, осуществляющих управленческие функции в частном секторе. Например, гражданин М., будучи генеральным директором какого-либо предприятия, получает незаконное вознаграждение, а именно: денежную сумму с целью повышения лица, давшего денежную сумму, по работе. При получении денежной суммы, гражданин М. выступал как генеральный директор организации, но также он являлся и владельцем преобладающей доли в уставном фонде ООО.

Особенностью приведенного примера является то, что гражданин М. действовал не только как должностное лицо, но и как один из собственников коммерческой организации, в уставном фонде которой ему принадлежала преобладающая доля. В этой ситуации и появляется сложность определения того, является ли гражданин М. лицом должностным в данной организации?

Таким образом, вышеприведенный анализ свидетельствует о наличии проблемных аспектов при квалификации таких составов, как коммерческий подкуп и получение взятки. Дискуссионные моменты вызывают трудности и порождают ошибки в правоприменительной деятельности. Сопоставление коммерческого подкупа с таким составом, как получение взятки, позволяет сделать вывод о некоторых проблемах в области определения должностных лиц. Во избежание проблем в области разграничения должностных лиц необходимо точно определить содержание такого объективного признака, как «вопреки интересам службы», также не всегда четко и ясно в должностных инструкциях установлены содержание и объем должностных полномочий, вследствие этого необходимо более внимательно и подробно установить содержание и объем должностных полномочий. При этом необходимо различать служебные полномочия должностного лица и его сугубо профессиональные обязанности, не являющиеся должностными.

Грамотный правовой подход, позволит установить единообразие в вопросах квалификации коррупционных преступлений, а также избавиться от двусмысленности и неоднозначности в понимании отдельных уголовно-правовых категорий.

Хайнюк А. А.

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ГЕНОЦИДА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

*Хайнюк Анастасия Александровна, студентка 2 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
nastyakhainuik@gmail.com*

Научный руководитель: старший преподаватель Верховодко И. И.

Термин «геноцид» был впервые введен в обиход польским юристом еврейского происхождения Рафаэлем Лемкиным. В 1933 году Р. Лемкин на международной конференции по унификации международного права в Мадриде предложил разработать международную конвенцию против геноцида. Автор также выделил несколько признаков геноцида, а именно:

- разрушение культурных ценностей и исторического наследия;
- акты жестокой агрессии в отношении отдельных народов, социальных групп, лиц;
- насильственное вторжение в частную жизнь и целенаправленное уничтожение исторической, культурной и экономической основы конкретных групп.

Слово «геноцид» использовалось в обвинительных актах на судебных процессах в Нюрнберге, проводившихся с 1945 г., но исключительно в качестве описательного неофициального юридического термина.

Впервые геноцид как официальный юридический термин встречается в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, принятой резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 г., где было закреплено: под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую:

- а) убийство членов такой группы;
- б) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;
- с) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;
- д) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;
- е) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую.

В законодательстве Российской Федерации геноцид определен в ст. 357 Уголовного кодекса как действия, направленные на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы как таковой путем убийства членов этой группы, причинения тяжкого вреда их здоровью, насильственного воспрепятствования деторождению,

принудительной передачи детей, насильственного переселения либо иного создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы.

В уголовном законодательстве (ст. 168 УК) Казахстана данный термин имеет такое же определение, уточнен один признак, что это умышленные деяния. Таким образом, признаки геноцида, изложенные в Конвенции 1948 г., указаны в Уголовных кодексах Российской Федерации и Казахстана.

В белорусском законодательстве термин «геноцид» закреплен в ст. 127 Уголовного кодекса Республики Беларусь и понимается как: «Действия, совершаемые с целью планомерного уничтожения полностью или частично какой-либо расовой, национальной, этнической, религиозной группы или группы, определенной на основе любого другого произвольного критерия, путем убийства членов такой группы или причинения им тяжких телесных повреждений, либо умышленного создания жизненных условий, рассчитанных на полное или частичное физическое уничтожение такой группы, либо насильственной передачи детей из одной этнической группы в другую, либо принятия мер по воспрепятствованию деторождения в среде такой группы».

В данной статье содержатся признаки геноцида, которые описаны в Конвенции. Однако требует толкования фраза, «группы, определенной на основе любого другого произвольного критерия», так как в Конвенции описаны 4 вида групп: национальная, этническая, расовая и религиозная.

Термин «геноцид» также встречается в Законе Республики Беларусь от 5 января 2022 г. «О геноциде белорусского народа». В данном акте под геноцидом понимают следующее: «...злодеяния, направленные на планомерное физическое уничтожение белорусского народа путем убийства и иных действий, признаваемых геноцидом в соответствии с законодательными актами и нормами международного права ...». Термин «злодеяния» также требует либо толкования, либо изменения на термин, использующийся в юридической науке.

Таким образом, вопрос об определении термина «геноцид» остается дискуссионным. Проанализировав вышеперечисленные факты, предлагаем следующую трактовку термина «геноцид»: деяния, совершаемые с целью планомерного физического уничтожения полностью или частично какой-либо расовой, национальной, этнической, религиозной группы, путем убийства членов такой группы или причинения им тяжких телесных повреждений, насильственного переселения либо иного создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы, либо насильственной передачи детей из одной этнической группы в другую, либо принятия мер по воспрепятствованию деторождения в среде такой группы.

Червяк А. О.
**НОВЫЙ ВИД НАКАЗАНИЯ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ
НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ**

Червяк Алина Олеговна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, alinachrvyak@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Верховодко И. И.

На данный момент в Республике Беларусь наблюдается рост количества преступлений, связанных с нарушением половой неприкосновенности несовершеннолетних. По данным Следственного комитета, за 2022 г. количество несовершеннолетних пострадавших от таких посягательств возросло до более чем 840 человек, что на 20 % больше в сравнении с 2021 г. Из года в год количество подобных деяний не уменьшается, что обуславливает актуальность введения новых мер уголовной ответственности за них.

Летом 2023 г. Генеральная прокуратура Республики Беларусь в своем официальном Telegram-канале сообщила, что по ее инициативе были подготовлены изменения в уголовное законодательство относительно преступлений, связанных с сексуальным насилием над детьми, были приняты меры по оказанию сексологической помощи населению и был разработан и утвержден клинический протокол, содержащий алгоритм применения химической кастрации в отношении педофилов, которая и является объектом нашего исследования.

К сожалению, ни одного акта или проекта в открытом доступе на данный момент нет, однако дискуссии по данному вопросу ведутся.

Прежде всего следует определить, что такое химическая кастрация. Согласно статье Гомельского медицинского университета, химическая кастрация представляет собой ввод специального препарата, снижающего выработку половых гормонов, тем самым снижая половое влечение человека.

Химическая кастрация описана еще в 1940-е гг., однако только к 1966 г. стали ее применять к педофилам. На данный момент она применяется во многих странах мира, таких как Франция, Чехия, Казахстан, некоторые штаты США, Германия и т. д. Хотя стоит отметить, что есть страна, где до сих пор действует более устаревший и надежный метод – хирургическая кастрация. Такой страной является Чехия.

Химическая кастрация, как метод лечения педофилии имеет ряд своих преимуществ и недостатков. На основе изучения различных материалов и практики применения данной меры в других государствах можно выделить некоторые из них.

Преимущества: 1) быстрый результат; 2) снижает уровень общественной опасности преступника; 3) обратима; 4) снижение уровня рецидивов.

Отрицательные моменты: 1) неэффективность; 2) препарат вызывает побочные эффекты; 3) экономическая затратность; 4) не исключает возникновение рецидивов; 5) не исключает психические патологии; 6) неточность законодательной регламентации.

Практика применения данной процедуры в иностранных государствах различна: например, в Республике Казахстан, химическая кастрация является мерой принудительного лечения, в Германии такая процедура является добровольной, как и в США, где впервые использовали химическую кастрацию для лечения педофилии.

Исследователями отмечено, что добровольная химическая кастрация является достаточно эффективной мерой. Немецкие ученые выяснили, что при проведении именно добровольной химической кастрации шанс совершения человеком преступления повторно уменьшается с более чем 80 % до 3 %.

Вместе с тем важное значение также имеет установление причин патологического поведения в отношении несовершеннолетних. Психологи и сексологи утверждают, что мотивация сексуальных преступлений чаще всего проистекает из гнева и необходимости доминировать, запугивать и унижать свою жертву, а не из сдерживаемого сексуального желания. Также отмечается, что педофилию невозможно излечить полностью.

Следовательно, только в сочетании с активной психологической помощью химическая кастрация действительно может работать. В качестве альтернативы химической кастрации можно рассматривать внедрение более серьезной меры – добровольной хирургической кастрации.

Щедров Д. А.

НЕОБХОДИМАЯ ОБОРОНА И УСЛОВИЯ ЕЁ ПРАВОМЕРНОСТИ. ПРЕВЫШЕНИЕ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

*Щедров Денис Александрович, студент 2 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
den20041203@gmail.com*

Научный руководитель: старший преподаватель Верховодко И. И.

У человека, оказавшегося в обстановке начавшегося против него или иных лиц общественно опасного посягательства, есть различные варианты реагирования. Один из них – реализовать свое право на необходимую оборону.

Если человек принимает решение воспользоваться своим правом на защиту, то зачастую это предполагает необходимость вынужденного причинения вреда. Как следует из названия главы Уголовного кодекса Республики Беларусь, необходимая оборона является обстоятельством, исключающим преступность деяния, поэтому при соблюдении всех условий ее правомерности, основания для уголовной ответственности отсутствуют. Кандидат юридических наук И. А. Королева в 2007 г. в автореферате по российскому уголовному праву на тему о необходимой обороне разместила статистику применения права на необходимую оборону. Результаты были следующими: право на необходимую оборону используется гражданами редко (около 60 % опрошенных). Среди причин такого положения названы: незнание данного права – 18 %, незнание конкретных правил поведения в таком состоянии – 20 %, боязнь наступления нежелательных правовых последствий – 50 %, известный негативный опыт наступления таких последствий – 9 % и лишь 3 % – недооценка своих возможностей.

Таким образом, право на необходимую оборону гражданами не используется в большинстве случаев из-за боязни уголовного преследования за оборонительные действия, так как действия защищающихся в случаях причинения вреда посягающему квалифицируются правоохранительными органами как умышленные преступления на общих основаниях, а вопрос нахождения лица в состоянии необходимой обороны вообще не рассматривается.

Нами был проведен социальный опрос среди студентов юридического факультета, чтобы узнать, насколько изменился уровень знаний в области необходимой обороны у молодого поколения. Выяснилось, что из 118 опрошенных 94 % использовали бы свое право на необходимую оборону. Среди тех, кто хотел бы воздержаться, 25 % боялись наступления нежелательных правовых последствий, 25 % знали негативный опыт наступления таких последствий, 50 % не были уверены в своих силах. Таким образом, согласно полученным данным можно предположить, что количество людей, готовых применить право на необходимую оборону, выросло. Сократилось и количество людей, которые не знают конкретных правил поведения в таком состоянии, а также тех, кто не знает о таком праве.

При насильственном посягательстве с применением оружия следует исходить из того, что переход оружия от посягающего к обороняющемуся не может свидетельствовать об окончании посягательства. В таком случае обороняющийся может воспользоваться оружием. Он может применить и свое собственное оружие, если такое имеется. Уголовные кодексы Республики Беларусь и Российской Федерации не уточняют, какое оружие можно применять при необходимой обороне, а значит, какие-либо ограничения отсутствуют. Несмотря на это, законы об оружии и Республики Беларусь, и Российской Федерации имеют определенный перечень оружия, который отнесен к «оружию для самообороны». В него входят: огнестрельное гладкоствольное длинноствольное оружие, огнестрельное оружие ограниченного поражения, газовое оружие, электрошоковые устройства. По Закону Республики Беларусь «Об оружии» оружие может быть применено для защиты жизни, здоровья, прав и законных интересов гражданина, интересов общества и государства, то есть в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости. Российский закон имеет аналогичный перечень случаев, в которых можно применять оружие. Но ст. 24, в отличие от аналогичной ст. 26 белорусского закона, имеет дополнение, а именно, применение оружия в состоянии необходимой обороны не должно причинить вред третьим лицам. Таким образом, необходимо изложить спорные вопросы толкования условий необходимой обороны в постановлении Пленума Верховного Суда. Институт необходимой обороны имеет большое значение для любого государства. Предоставление возможности наносить вред в целях самозащиты является одним из немногих способов предупреждения преступлений. Такого рода защита дополняет возможности государства по защите прав и интересов граждан, так как ни одно государство не в состоянии предвидеть и предотвратить каждое противоправное деяние.

Агафонов Т. А.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ

*Агафонов Тимофей Александрович, студент 2 курса Удмуртского
государственного университета, г. Ижевск, Удмуртия*

Научный руководитель: ассистент Ахатова Алия Махмудовна

Согласно п. 18 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 наркобизнес является одной из глобальных угроз национальной безопасности. С развитием информационно-телекоммуникационных сетей незаконный оборот новых видов психоактивных веществ и «дизайнерских наркотиков» приобрел мировые масштабы.

На основании Доклада государственного антинаркотического комитета в 2022 г. в Российской Федерации в общем объеме наркопреступности составляют факты сбыта наркотиков – 62,4 %, что +7,2 % выше, чем в 2021 г. На 12,1 % увеличилось количество выявленных сотрудниками органов внутренних дел преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств с использованием сети Интернет (2022 г. – 81,0 тыс., 2021 г. – 72,3 тыс.).

По данным МВД-медиа, в 2023 г. также наблюдается тенденция роста рассматриваемых деяний. В январе 2023 г. в России выявлено 16,2 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 21,3 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. По информации РИА Новости – в 2022 г. было выявлено 173 тыс. наркопреступлений, и свыше 75 тысяч лиц их совершивших. Это связано с отсутствием механизмов обнаружения ресурсов в сети Интернет, содержащих запрещенную информацию о наркотиках, а также сложностью привлечения к ответственности данных лиц на территории России.

Общественная опасность данных преступлений, предусмотренных ст. 228–228 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) связаны с особым объектом уголовно-правовой охраны – безопасностью и здоровьем населения. Это вызывает необходимость в разработке дальнейших теоретических предложений для практического применения.

Обращаясь к практике зарубежных стран, стоит обратить внимание на правовую политику государств по рассматриваемому вопросу. В целях противодействия наркопреступности в отдельных странах, таких как Нидерланды, Германия, Швейцария, Аргентина, Мексика, Чехия, Колумбия, Канада были легализованы «легкие наркотики». Так, в Нидерландах все наркотики разделены на легкие и тяжелые. В 1970-е гг. специальная комиссия не признала их вредными, обосновав тем, что «...конопляные продукты вреднее для здоровья, чем кофе или табак». Тем не менее существуют ограничения по их продаже. Каннабис, который относится к

легких наркотикам продается исключительно лицам старше 18 лет и не более 5 г. на одного человека в специально отведенных для торговли помещениях. Одним из результатов данных введений является ежегодный доход государства в 260 миллионов евро от налогообложения торговли марихуаной и ничтожный уровень организованной преступности в стране.

Тем не менее в Китае, Иране, Сингапуре предусмотрены жесткие меры по противодействию наркопреступности, вплоть до смертной казни.

К ответственности привлекаются лишь те лица, которые являлись закладчиками, а действия организаторов оказывается вне рамок правового поля регулирования. Тем самым спрос на вещества от таких действий не снижается, а в случаях ликвидации одного распространителя его место занимает другой, т. е. закрытие доступа к определенным сайтам на уровне провайдера не гарантирует приостановку деятельности преступных организаций по сбыту наркотиков.

Считаем необходимым в главу 25 УК РФ добавить статью, предусматривающую ответственность за создание и распространение информации о способах приобретения наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов с использованием телекоммуникационных сетей.

Вместе с тем одним из возможных направлений борьбы с наркоситуацией по законодательству отдельных стран является легализация «легких» растительных наркотиков каннабиоидного типа и его производных, в отведенных для этого местах и продающиеся только совершеннолетним. Это нанесет эффективный удар по криминальному спросу и предложению, поскольку деятельность преступных организаций по наркросбыту становится неприбыльной.

Белогурова Д. В.

ДЕТЕРМИНАНТЫ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ

Белогурова Дарья Владимировна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, belogurova 03@mail.ru

Научный руководитель: старший преподаватель Макеева М. Г.

Домашнее насилие является одной из самых социально-значимых проблем во всем мире. Большинство государств принимают меры по выявлению и предупреждению данного вида преступности. Для достижения поставленных целей необходимо определить, что является причинами насильственной преступности, в частности преступности в сфере семейно-бытовых отношений.

Причины и условия преступности, объединяемые родовым понятием «криминогенные детерминанты», как отмечает Д. А. Плетенева, представляют собой совокупность социально-негативных экономических, демографических, идеологических, социально-психологических, политических, организационно-управленческих явлений, которые порождают и детерминируют преступность как свое следствие.

Однако считаем, что для улучшения функции предупреждения причины преступности необходимо рассматривать не как сумму детерминант, а как целостную структуру, в которой каждая из причин является следствием другой, ее частью либо зависимостью.

При систематизации криминогенных факторов насилия в семье следует согласиться с В. И. Шаховым, который применяет трехуровневую структуру факторов преступлений, расположенных вертикально:

- 1) макроуровень (противоречия общесоциального характера);
- 2) средний уровень (противоречия межличностного общения семейного окружения);
- 3) микроуровень (противоречия индивидуального поведения).

В связи с этим выделяют следующие причины семейно-бытовых преступлений:

- ухудшение уровня жизни подавляющей массы населения и дифференциация доходов между различными социальными группами, что провоцирует различные формы насилия;
- кризис семьи;
- деформации в духовно-нравственной сфере значительной части населения;
- разрушение системы правового и нравственного воспитания молодежи;
- пропаганда насилия в СМИ;
- изменения в общественной психологии, проявляющиеся во все большей терпимости людей к преступным деяниям;
- слабая ранняя профилактика бытовых досуговых конфликтов;
- неразвитость системы виктимологической профилактики преступлений;
- латентность преступлений в семейно-бытовой сфере;
- криминальная самодетерминация.

Нельзя отрицать значимость семейных отношений для человека, формирования его взглядов, стереотипов, мышления, мировоззрения и моральных принципов. Нередки ситуации, когда дети, воспитывавшиеся в семьях, где применение насилия было нормой, переносят данный паттерн и в свои будущие отношения во взрослой жизни. Насилие становится для них решением жизненных проблем, выплеском энергии, переживанием эмоций. Затем данная деструкция может развиваться в более общественно опасную, когда лицо не просто решает конфликты ударами кулаков по столу или стене, а прибегает к насильственным действиям в отношении домочадцев, причиняя им телесные повреждения. Если вовремя не остановить такого агрессора, статистические данные преступлений по стране непременно возрастут.

Профессор Г. А. Аванесов отметил, что преступность воспроизводит саму себя, сама является причиной последующих преступлений, она разлагает, вовлекает в преступную деятельность неустойчивых лиц. Необходимо понимать, что невозможно спровоцировать на насилие того, кто исключает абьюз.

Недостаточная образованность, неблагополучие, неудовлетворительные жилищные условия населения неизбежно ведут к возрастанию всякой преступности. Однако, согласно статистике, насилие совершается не только в неблагополучных и асоциальных семьях, чем выше социальный статус семьи, чем выше ее материальное положение, тем сильнее скрываются преступления данного характера и тем сложнее их выявить. Легко выявить и предупредить насилие в деструктивной семье, где оба супруга неработающие, страдающие алкогольной зависимостью лица, сложнее выявить то насилие, которое скрывается за «двухметровыми» заборами жилых домов, территория которых ограждена от посторонних глаз.

Характеризуя семейное насилие, Эрих Фромм пишет о том, что основой такого поведения человека является «жажда власти, абсолютной и неограниченной власти над живым существом, будь то животное, ребенок, мужчина или женщина. Заставить кого-либо испытывать боль или унижение, когда этот кто-то не имеет возможности защищаться, – это проявление абсолютного господства. В большинстве общественных систем представители даже самых низших ступеней социальной лестницы имеют возможность властвовать над более слабым. У каждого в распоряжении есть дети, жены, собаки; всегда есть беззащитные существа: заключенные, бедные обитатели больниц (особенно душевнобольные), школьники и мелкие чиновники».

Каждый конкретный вид насилия является самостоятельной проблемой, обладает особенностями и определенными признаками, которые необходимо учитывать при разработке мер по противодействию семейно-бытовой преступности. Недостаточность изучения данной проблемы, ее причин и условий, латентность данного вида преступности являются основными сдерживающими факторами эффективного предупреждения насилия в семье.

Беляева А. К., Штыркова М. А.
ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
В ДЕСТРУКТИВНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

*Беляева Анна Константиновна, Штыркова Мария Андреевна, студентки
3 курса Московского городского педагогического университета, г. Москва,
Россия, BelyaevaAK@mgpu.ru, ShtyrkovaMA@mgpu.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук Данелян С. В.

В современном мире деструктивные организации представляют большую угрозу для общества. Согласно определению деструктивная организация представляет собой объединение, которое стремится к полному или частичному контролю над своими последователями, попасть под ее влияние могут очень многие. Особенно большую угрозу они представляют для незащищенных групп: несовершеннолетние; люди, попавшие в трудную жизненную ситуацию; пенсионеры и многие другие.

На участие в деструктивных организациях (таких как, например, террористические группировки) может влиять множество факторов. Эти факторы могут варьироваться, но ключевыми являются:

1. Идеология и убеждения. Сильные психические или экстремистские убеждения могут мотивировать людей участвовать в деструктивных организациях. Кроме того, внушить несовершеннолетнему «правильность» какого-либо убеждения будет, несомненно, проще, нежели взрослому.

2. Социальные и экономические факторы. Подростки, сталкивающиеся с экономическими трудностями или испытывающие социальные проблемы, могут быть более восприимчивы к вербовке деструктивными организациями, которые могут предложить чувство принадлежности к чему-то общему и возможную финансовую поддержку. Данный аспект требует большого внимания со стороны государства – его можно контролировать путем разрешения социально-экономических проблем в обществе, повышения уровня жизни.

3. Психологические факторы. Некоторые психологические аспекты, такие как потребность в принадлежности или жажда в признании, могут сделать подростков более уязвимыми и внушаемыми. Факторами также могут быть психотравмы или проблемы ментального здоровья. Главной проблемой, требующей внимания в данном аспекте, будет необходимость превентивных мер, направленных на повышение информированности о психологических состояниях, развитие института психологической помощи и поддержки подростков, а также людей, оказавшихся в сложной жизненной ситуации.

4. Социальная среда. Давление со стороны сверстников, влияние семьи или влияние лидеров внутри сообщества могут повлиять на решение несовершеннолетнего присоединиться к организации. В социальной сфере одним из выходов также может стать развитие института психологической помощи, а также информированность как подростков, так и педагогов о буллинге и способах его прекращения.

5. Вербовка через пропаганду. Деструктивные организации часто используют тактики вербовки, пропаганду и онлайн-платформы, чтобы нацелиться на уязвимых людей и побудить их присоединиться. Нередко несовершеннолетние начинают интересоваться какой-либо темой после того, как увидели какую-то информацию о ней на различных онлайн-площадках. Дальнейший исход зачастую зависит от личности: у некоторых ознакомление не вызывает желания присоединиться, однако у кого-то информация может вызвать мощный триггер. Безусловно, возможности ограничивать доступ к любой информации не самое верное решение, но некоторая фильтрация, особенно той, которая касается организаций деструктивной направленности, не помешает.

Вовлечение несовершеннолетних в деструктивные организации представляет собой большую проблему, которая обладает особыми чертами и обусловлена многими факторами, устранение которых должно быть первостепенной задачей в профилактике правонарушений несовершеннолетних в целом.

Бережная Е. О.
ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

*Бережная Елизавета Олеговна, студентка 4 курса Северо-Кавказского
филиала Российского государственного университета правосудия,
г. Краснодар, Россия, ebereznaa27@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук Сокол Ю. В.

Остается неизменным интерес к преступности несовершеннолетних у ученых и практиков, поскольку по ее особенностям можно судить о преступности в будущем. Более того, несовершеннолетние представляют собой одну из социальных групп, требующих повышенного внимания, изучения и защиты, в том числе от негативного влияния и вовлечения в преступную деятельность. Согласно уголовному законодательству обеих стран возраст уголовной ответственности несовершеннолетних составляет всего лишь 4 года (с 14 до 18 лет), что оказывает влияние на разработку мер по профилактике и предупреждению преступности несовершеннолетних.

Последние годы прослеживается тенденция снижения абсолютных показателей преступности несовершеннолетних, что соответствует общемировому тренду на снижение преступности.

Так, по данным Министерства внутренних дел Российской Федерации, в 2022 г. удельный вес несовершеннолетних лиц, совершивших преступление, среди всех выявленных лиц составил 3,2 %, т. е. каждое 31 лицо, совершившее преступление, – несовершеннолетний.

В Республике Беларусь схожие данные этого показателя. Так, удельный вес преступности несовершеннолетних в 2022 г. составил 3,1 %, т. е. также каждый 31, совершивший преступление, являлся несовершеннолетним.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2022 г. осуждено и привлечено к уголовной ответственности 14 214 несовершеннолетних (в 2021 г. – 14 855; в 2020 г. – 14 703).

Согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь в 2022 г. было выявлено 1343 несовершеннолетних, совершивших преступление (в 2021 г. – 1351; в 2020 г. – 1362). По данным Верховного Суда Республики Беларусь, в 2022 г. было осуждено и привлечено к уголовной ответственности 927 (в 2021 г. – 874; в 2020 г. – 605).

Несмотря на повышенную латентность этой категории преступности, многие ученые и практики подвергают критической оценке обобщенные статистические данные, отмечая, что подобное неуклонное снижение носит искусственный характер.

Причины преступности среди несовершеннолетних, хотя и совпадают с причинами преступности в целом, но имеют свои особенности. Выделяются разнообразные факторы, оказывающие влияние на совершение преступлений несовершеннолетним. В частности, недостаток финансовой устойчивости; семейный фактор (например, домашние конфликты, насилие, отсутствие

родительского внимания, нехватка общения с членами семьи и т. п.); отсутствие морального и социального воспитания ребенка и др.

Проведенный анализ статистических данных позволяет сделать вывод о том, что тренд снижения преступности несовершеннолетних характерен для обеих стран. Более того, последние годы сильное влияние на несовершеннолетних оказывают социально-экономические, политические, демографические и иные условия. Изложенное обуславливает необходимость проведения всесторонних исследований для выявления реальных причин снижения современной преступности несовершеннолетних, ее латентности и повышения эффективности мер ее предупреждения.

Виноградова Е. С.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ

*Виноградова Екатерина Сергеевна, студентка 4 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
ekatirina.vinogradova12@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шидловский А. В.

Национальный сегмент кибербезопасности является составным элементом международной безопасности. Устойчивое функционирование киберпространства является одним из условий обеспечения национальной безопасности, в том числе и Республики Беларусь. Значение развития международного взаимодействия для общего противодействия кибервызовам в последние годы возросло. Однако при построении эффективной системы обеспечения международной кибербезопасности возникает ряд проблем.

Международная кибербезопасность непосредственно связана с киберпространством. Стоит помнить, что если границы территории государства установлены, то границы киберпространства, относящегося к определенному государству, не определены, что существенно влияет на применение норм международного права к отношениям, возникающим в данной области. Осложняется это и тем, что одни государства считают, что каждое государство ответственно за обеспечение безопасности в киберпространстве, которое привязано к территории конкретного государства, а другие – что вопрос обеспечения кибербезопасности нужно решать сообща, посредством закрепления соответствующих положений в международном праве, т. е. в данном случае киберпространство рассматривается как единая среда, не подлежащая делению.

Обеспечение безопасности в киберпространстве осложняется отсутствием механизма понуждения к исполнению норм международного права, регулирующих общественные отношения в киберпространстве, а соответственно, их добровольностью и необязательностью применения.

В вопросах обеспечения международной кибербезопасности важно также обратить внимание на сотрудничество не только между развитыми

странами, но и между развитыми и развивающимися, поскольку, в противном случае, это может привести к появлению «безопасных зон» для киберпреступников. Ведь в большей части для развивающихся стран характерны пробелы в законодательстве и отсутствие надежных мер противодействия киберугрозам, что может повлиять на общую кибербезопасность. Необходимо понимать, что экономическое развитие государства напрямую влияет на его возможности обеспечения сотрудничества такого рода. Неравномерность экономического развития государств и, как следствие, большой разрыв в финансовых и технологических возможностях влияет на эффективность реализации каких-либо действенных мер на практике.

Еще одна проблема заключается в том, что меры, принимаемые на международном уровне, по большей части, носят не профилактический и не предупреждающий характер. Они направлены на уже совершенные преступления и представляют собой определенного рода контрмеры или же действия, которые направлены на пресечение подобного рода преступлений. Одна из первых попыток обеспечить кибербезопасность путем противодействия киберпреступлениям в рамках целой группы государств была сделана в 2001 г. путем подписания Конвенции о преступности в сфере компьютерной информации (Будапештская конвенция). Будапештская конвенция является первым многосторонним юридически обязательным инструментом для регулирования киберпреступности.

Следует понимать, что у каждого государства свой подход к определению того объема общественно опасных действий, которые входят в понятие «киберпреступление». Соответственно, определенные виды деяний могут преследоваться в одном государстве, а в другом – нет, что осложняет процесс взаимного сотрудничества в данном вопросе. Решению данного вопроса способствует принятие региональных нормативных правовых актов, которые и определяют тот объем общественно опасных действий, совершение которых будет уголовно наказуемым. Ярким примером выступает модельный закон «О противодействии киберпреступности» от 14.04.2023 № 55-20, который закрепляет определение киберпреступления и что относится к этим преступлениям. Перечень является открытым, что является положительным в силу динамического развития отношений в киберпространстве и постоянному появлению общественно опасных деяний в данной среде. В целом это определенный толчок к гармонизации законодательства в рамках регионального сотрудничества.

Таким образом, обеспечение кибербезопасности является задачей для каждого государства, которая может быть реализована только с помощью международного партнерства. Устойчивое функционирование и безопасное использование киберпространства возможно лишь на основе международного сотрудничества. Основной площадкой такого сотрудничества должна выступать ООН, объединяющая практически все государства. В этом направлении должны работать также региональные организации, такие как ОДКБ, ШОС, БРИКС и др.

Гаврилина Я. В.

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ НАСИЛИИ

*Гаврилина Яна Витальевна, студентка 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
gavrilinaana13@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Свило С. М.

Противодействие домашнему насилию является одним из приоритетных направлений деятельности любого современного государства, в том числе Республики Беларусь. Основопологающим актом в области противодействия является Закон Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» от 04.01.14 № 122-З (далее – Закон). Он закрепляет легальное определение исследуемого явления (ст. 1), из которого следует, что законодатель усматривает возможность выделения следующих его видов: физического, психического и сексуального. Вместе с тем на доктринальном уровне различаются и другие разновидности, в том числе экономическое домашнее насилие, которое обобщенно представляет собой лишение человека имущества, необходимых благ, денежных средств, иные действия, вызывающие негативные материальные последствия для жертвы (Т. И. Гаплинчик, В. И. Пенкрат, Л. И. Подгайская и др.) Следовательно, его сущность заключается в ограничении экономической самостоятельности жертвы в различных сферах жизни, преимущественно – при расходовании денег. Реализуется подобное ограничение посредством лишения средств на повседневные нужды; отказа в деньгах, необходимых для жизненно важных товаров или услуг (в том числе медикаментов, продуктов питания, одежды и обуви); отобрания средств, заработанных жертвой; контроля над расходами, шантажа, запретов, блокировки счетов и т. д.

По результатам исследования распространенности насилия в отношении женщин в Республике Беларусь, проведенного Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси в 2019 г., уровень распространенности экономического насилия, рассчитанный от общего количества женщин, составляет 15 %. При этом уточненный показатель – со стороны партнера, отражает еще большую величину: 16,3 %. Среди проявлений домашнего насилия отказ в предоставлении средств является преобладающим, подобное воздействие испытали на себе 13,4 % опрошенных женщин. У 4,7 % женщин агрессор забирал заработанные деньги против их воли.

Особое беспокойство вызывает тот факт, что экономическое насилие затрагивает сферу трудовых отношений и соответствующие права жертвы. Запрет самостоятельного выбора рода деятельности, ограничения при выборе места работы либо учебы, запрет трудовой деятельности и обучения в целом как проявления экономического насилия непосредственно нарушают права на образование и труд, закрепленные в ст. 41, 49 Конституции Республики Беларусь. Распространенность данного вида воздействия составляет 4,4 %.

Полагаем, формы и способы осуществления экономического насилия аккумулируют в себе проявления различных физических и психологических

мер, что свидетельствует о высокой опасности изучаемого вида домашнего насилия. Результатом подобного воздействия на жертву становится ее полное подавление, зависимость от абьюзера, что закономерно влечет за собой более агрессивные формы домашнего насилия. Учитывая специфику явления, необходимо также подчеркнуть: его ненасильственные формы (психическое и экономическое), при достижении определенного уровня влияния на жертву (ее моральной и (или) экономической дискредитации), неизбежно вызывают более опасные виды воздействия (физическое и сексуальное), что в совокупности порождает негативные изменения в состоянии жертвы и препятствует выявлению таких фактов.

Являясь самостоятельным видом домашнего насилия, экономическое насилие требует полного изучения, включения в законодательное определение и разработки методологии по его противодействию. В зарубежной законодательной практике уже реализованы попытки определения сущности явления. Так, например, Законом Республики Казахстан «О профилактике бытового насилия» оно определено в качестве умышленного лишения человека жилья, пищи, одежды, имущества, средств, на которые он имеет предусмотренное законом право (п. 5 ст. 4). Закон Украины «О предотвращении и противодействии домашнему насилию» толкует экономическое насилие как форму домашнего насилия, включая умышленное лишение жилья, еды, одежды, другого имущества, денежных средств и документов или возможности пользоваться ими, оставление без присмотра или попечительства, препятствование в получении необходимых услуг по лечению или реабилитации, запрет работать, принуждение к труду, запрет учиться и другие правонарушения экономического характера (п. 4 ч. 1 ст. 1).

Учитывая опыт отечественного законодателя, предлагаем дополнить определение домашнего насилия термином «действие экономического характера». Соответственно, абз. 5 ч. 1 ст. 1 Закона изложить в следующей редакции: «деяние экономического характера – действие или бездействие, направленное на ограничение экономической самостоятельности гражданина посредством лишения жилья, жизненно необходимых товаров или услуг, средств, на которые он имеет предусмотренное законом право, или препятствование его трудоустройству, образованию и получению заработка».

Демчук В. В.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖЕНЩИН, СОВЕРШИВШИХ УБИЙСТВО НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА

*Демчук Виктория Викторовна, студентка 4 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
vika25052003@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Свило С. М.

В настоящее время анализ механизмов преступного поведения, в частности, совершения матерью убийства новорожденного ребенка, требует углубленного изучения и оценки основных характеристик, свойств личности

женщины и причин, породивших такое поведение. В последующем на основе указанного анализа в современной криминологической науке разрабатывается теория и используется практика предупреждения рассматриваемого преступления.

С позиции уголовного законодательства субъектом убийства новорожденного является женщина, достигшая 16 лет, находящаяся в условиях психотравмирующей ситуации, вызванной родами. Однако для полного формирования криминологического портрета виновной необходим и анализ ее социально-психологических характеристик. К таковым можно отнести следующие особенности:

1. Достаточно зрелый возраст. Несмотря на распространенное мнение о том, что рассматриваемое преступление чаще совершается молодыми и даже несовершеннолетними девушками, необходимо отметить, что юным женщинам с их еще несформировавшимся характером морально значительно труднее решиться на лишение жизни только что родившегося человека. В то время как взрослые женщины, имеющие детей и даже находящиеся в браке, совершают убийство, мотивируя это материальными затруднениями, отсутствием жилья, работы и т. п.

2. Проживание женщины в сельской местности и малых городах. Данная характеристика объясняется низким уровнем жизни в этой местности, отсутствием работы и, как следствие, средств к существованию.

3. Невысокий интеллектуальный и образовательный уровень, неустойчивые представления о себе, недостаточная уверенность в своих силах, незрелость в суждениях и межличностных отношениях.

4. Негативные явления в родительской семье (ложь, ссоры, драки, оскорбления, пьянство и т. п.), которые становятся неотъемлемой частью повседневной жизни и переносятся взрослыми женщинами в свою семью.

5. Непрочный характер взаимоотношений женщины с отцом ребенка, что объясняет боязнь и нежелание женщины сообщить близким о наступившей беременности, а также страх перед трудностями бытового характера при воспитании ребенка. Исходя из этого, многие женщины скрывают или отрицают наличие беременности, поэтому отказываются от акушерско-гинекологической помощи, что, несомненно, свидетельствует о том, что мать не собирается оставлять своего ребенка.

6. Наличие психологических проблем, предшествующих психотравмирующей ситуации, которые включают в себя боязнь «позора» перед родными за нежелательную беременность. Такая ситуация вызывает у рожениц особое эмоциональное состояние, которое и провоцирует совершение агрессивных действий в отношении своего ребенка. Эмоциональная напряженность оказывает существенное влияние на поведение и сознание женщины.

7. Девиантное поведение. К данной характеристике следует отнести случаи совершения посягательств на жизнь новорожденных детей женщинами, которые состоят на учете в наркологических диспансерах, а

также совершение женщиной рассматриваемого преступления в состоянии алкогольного опьянения.

Возникновение трудной жизненной ситуации тесным образом связано с недостатком у женщин навыков и компетенций в сфере выстраивания собственной жизненной траектории. Низкий уровень самосознания, недостаток способности увидеть последствия собственных шагов формирует вокруг такой женщины «жесткие» социальные структуры, не позволяющие увидеть возможные ресурсы и способы преодоления трудностей.

Таким образом, личность женщины, совершившей убийство своего новорожденного ребенка, является важнейшим элементом криминологической характеристики данного вида преступления. Поэтому для обеспечения полноты и практической эффективности использования социально-психологических характеристик необходимо всестороннее и объективное изучение всех наиболее значимых признаков и свойств личности женщин.

Жулина А. А., Штильман Л. А.

КРИМИНАЛЬНАЯ МОЛОДЕЖНАЯ СУБКУЛЬТУРА «АУЕ»: ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЮ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

*Жулина Анна Алексеевна, Штильман Леонид Александрович, студенты
3 курса Московского городского педагогического университета, г. Москва,
Россия, zhulinaAA@mgpu.ru, shtilmanLA@mgpu.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук Данелян С.В.

Молодое поколение – это будущее нашего общества, а их становление в нем – особый период, который включает в себя поиск своей идентичности, что нередко происходит за счет вступления в различные субкультуры, не исключая криминальные движения. В Российской Федерации одним из таких движений является «АУЕ».

Движение «АУЕ» расшифровывается как «Арестантское уркаганское единство» или «Арестантский уклад един».

«Арестантское уркаганское единство» подразумевает под собой концепцию, которая закрепляет принцип существования в тюрьме – все разногласия в лагерях должны решаться мирным путем, так как заключенных объединяет общая проблема – нахождение под стражей. «Арестантский уклад един» говорит о молодежном движении, участники которого популяризируют криминальность, признают авторитетов преступного сообщества, силой навязывая свои взгляды другим молодым людям. Члены данной субкультуры популяризируют тюремные ценности и соблюдают «воровской» кодекс.

Выделяются следующие основные черты субкультуры «АУЕ»:

- 1) культ насилия и агрессивные действия в отношении представителей власти;
- 2) речь с использованием тюремного жаргона и ее романтизация;
- 3) противоправное и неконтролируемое поведение подростков;

4) безразличное отношение к старшему поколению с целью удовлетворения своих потребностей;

5) непризнание собственной ответственности за свои правонарушения и преступления;

6) употребление алкоголя и наркотических средств вызывающими способами.

В 1990-х гг. появилось первое упоминание «АУЕ», но оно не достигло сегодняшней популярности и распространения. Эта субкультура ограничивалась небольшими проявлениями, но и за них участники движения попадали в тюрьму. Пик популярности произошел в 2016 г., когда об «АУЕ» заговорили на федеральном уровне из-за инцидентов, произошедших в разных регионах – от Московской области до Дальнего Востока. Быстрый рост этого явления обусловлен также появлением социальных сетей, где представители «АУЕ» создавали группы, имеющие большое количество участников. В настоящее время подражатели этого движения проявляют себя в Беларуси и других странах.

Специалисты выделяют разные причины популярности субкультуры «АУЕ»: переходный возраст участников, проблемы в воспитании и трудности в самоутверждении. Ее распространение вызывает беспокойство и у самой молодежи, и у общества в целом. Чтобы снизить уровень напряженности и преступности, стоит разработать четкие методы борьбы. Для предотвращения распространения криминальной субкультуры «АУЕ» среди молодежи, важно:

1) уделять должное внимание воспитанию детей и подростков, особенно из неблагополучных и уязвимых семей;

2) направлять энергию молодежи в конструктивное и правильное русло;

3) создавать информационные ресурсы для выявления и дискредитации криминальных субкультур;

4) закреплять законодательно рамки работы СМИ, конкретизировать и ужесточать ответственность за распространение криминальной идеологии;

5) совершенствовать нормативно-правовую базу и четко разграничивать функции органов, ответственных за нейтрализацию влияния криминальных субкультур на подрастающее поколение.

Решение проблемы противодействия распространения субкультуры «АУЕ» требует комплекс мер со стороны государства и со стороны общества. Помимо предложенных мер, необходимо обновлять молодежную политику в стране, ее социальную направленность, уделять должное внимание решениям проблем молодежи.

Клипачева С. С., Кузина А. Р.

ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ЭКСТРЕМИСТСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОФИЛАКТИКИ

*Клипачева Светлана Сергеевна, Кузина Анастасия Романовна, студентки
3 курса Московского городского педагогического университета, г. Москва,
Россия, KlipachevaSS159@mgpu.ru, KuzinaAR@mgpu.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Данелян Р. С.

Распространение экстремизма – одна из основных проблем каждого государства, к тому же молодежь наиболее подвержена риску вступления в деструктивные организации и реализации их деятельности, поэтому первостепенная цель каждого государства состоит в минимизации распространения экстремизма в молодежной среде, в том числе посредством реализации мер профилактики вовлечения несовершеннолетних в экстремистские организации.

Анализ причин вовлечения несовершеннолетних в экстремистские организации позволяет выделить следующие аспекты:

- особые психологические характеристики данной группы населения. Несовершеннолетним присущи особые черты поведения из-за возрастных характеристик, например, любопытство, повышенная внушаемость, трудности самопонимания, неопределенность в выборе жизненных ориентиров, поэтому молодые люди чаще всего подвергаются вовлечению в преступную деятельность, по сравнению с взрослыми людьми, которые имеют уже устоявшееся психическое состояние;
- ухудшение семейных отношений. Семья – основной этап формирования личности человека. Недостаток внимания, также воспитания, как и непосредственно неблагоприятная атмосфера в семье, вынуждает молодых людей к девиантности, включая вступление в экстремистские организации, где они и получают понимание и признание, которое было им необходимо;
- падение жизненного уровня населения, рост безработицы среди молодежи, социальное неравенство – следствие экономической нестабильности общества и государства, что, помимо вышеперечисленных, также способствует вовлечению несовершеннолетних в экстремистскую деятельность. Подростки, находящиеся в тяжелом материальном положении, вступая в данные организации, фактически стремятся «заработать» деньги относительно легкими путями, например, выполняют поручения за определенную плату, чтобы материально обеспечить своих близких и повысить уровень своего благосостояния;
- доступность экстремистских материалов, которые распространяются в средствах массовой информации, что также способствует вовлечению несовершеннолетних в экстремистские организации. Современная молодежь проводит достаточно много времени в сети «Интернет». С помощью фото- и видеоматериалов преступники воздействуют на подсознание молодых людей,

которые склонны не задумываться о достоверности информации и легко принимать за истину.

Данные факторы существенно подчеркивают актуальность вопроса поиска эффективных мер по предотвращению экстремизма и профилактике его распространения среди молодого поколения, а также необходимость улучшения уже существующих подходов. Профилактика экстремизма в подростковой среде не может обходиться без активной деятельности государственных органов различных уровней, в первую очередь направленной на разработку и реализацию адекватных мер предотвращения формирования у подростков экстремистских взглядов. Важно отметить, что эти меры не должны основываться на применении силы и юридических методов, что стало характерным для профилактики в России, а наоборот, должны быть ориентированы на психологическую профилактику.

Необходимо создавать условия, способствующие улучшению жизненных возможностей молодых людей, включая образование, занятость и жилищное обеспечение. Поддерживать молодых людей, оказавшихся в сложной жизненной ситуации, чтобы они не искали помощи в решении своих проблем в организациях деструктивного толка.

Неблагополучные условия в семье могут способствовать повышению агрессии и формированию экстремистских настроений несовершеннолетнего, которые могут привести к экстремистским актам, поэтому необходимо проведение бесед специалистом, занимающимся предотвращением экстремизма среди молодежи, с родителями молодых людей с радикальными взглядами и предупреждение о неприемлемости нарушения закона.

Профилактика экстремистских проявлений среди несовершеннолетних, а также вовлечения их в экстремистские организации представляет собой сложный и многоплановый процесс, который требует активного взаимодействия всех заинтересованных лиц, органов и учреждений и надлежащей координации профилактической деятельности в данном направлении.

Коробейникова А. О., Митрохина С. М.

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРОЦЕССУ СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА-ЭКСТРЕМИСТА

*Коробейникова Анастасия Олеговна, Митрохина Светлана Михайловна,
студентки 3 курса Московского городского педагогического университета,
г. Москва, Россия, KorobeinikovaAO@mgpu.ru, MitrokhinaSM@mgpu.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Данелян Р. С.

Экстремизм как негативное социально-правовое явление, обозначая приверженность к крайним взглядам, затрагивает все сферы жизни общества и активно распространяется в различных средах, создавая значительную угрозу безопасности общества и государства. В России в начале 2023 г., согласно официальным данным, зафиксировало 134 преступления экстремистской направленности, что на 157,7 % больше, чем за аналогичный

период прошлого года, а значит, масштабы данного явления растут. Исходя из этих данных, следует понять сущность современного экстремизма через криминологическую характеристику личности, совершающей преступления экстремистской направленности, с целью эффективного противодействия процессу ее становления. Личности преступника-экстремиста свойственны определенные характеристики, которые отличают их от личности правонарушителя в целом – человека, который вступает в конфликт с законом. Именно особенности личности, мотивы и цели деятельности помогают проследить механизмы формирования экстремиста и осуществлять противодействие им. Преступник-экстремист – личность, которая придерживается воззрений и идей, в рамках которых насильственные и иные противоправные действия – основное средство разрешения политических, национальных, расовых, религиозных и социальных конфликтов. Из этого следует, что основные характеристики такого преступника заключаются в наличии радикальных убеждений, желании насаждать свою идеологию и готовности применять насилие для достижения своих целей.

Исходя из природы экстремизма, одной из основных характеристик личности преступника-экстремиста является радикализация, но сам по себе радикализм не выходит за рамки закона, имеет право на существование до тех пор, пока идеи радикала не станут реальностью. Радикализацию можно определить как процесс, в результате которого индивид облекает свои экстремистские убеждения и готовность к насилию в конкретные действия. В основе радикализации как ключевого момента в формировании личности преступника-экстремиста лежат идеологические убеждения, основанные на утверждении исключительности, превосходства, социальные факторы с неприятием многообразия мира и психологические особенности личности, создающие благоприятные условия для становления преступника и приводящие к применению насилия. Справедливость тезиса подтверждается нашедшим отражение в утвержденной Указом Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года положением о том, что от радикализма, от приверженности взглядам, идеям, оправдывающим применение насилия для достижения целей, личность переходит к экстремизму, а в современных социально-политических условиях крайним проявлением экстремизма является терроризм, который основывается на экстремистской идеологии. Опасность терроризма будет сохраняться до того момента, пока имеются источники и каналы распространения экстремистской идеологии.

Противодействие процессу перехода экстремистских убеждений и готовности к насилию в действия включает в себя два аспекта, благодаря которым появляются возможности контроля личности, подверженной к экстремизму: 1) профилактика (до совершения преступления); 2) борьба (после совершения преступления).

Среди причин, которые рассматриваются в необходимой мере при профилактике, можно выделить недостаточное просвещение населения в правовой культуре (правовой нигилизм), наличие подходящей окружающей

среды для развития радикализма, слабая работа правоохранительных органов по борьбе с такими преступлениями, как незаконное хранение оружия, изготовление взрывчатых веществ, боеприпасов, межконфессиональные, межэтнические и иные социальные противоречия, – все это отражает те аспекты, на которых необходимо фокусироваться при разработке и осуществлении мер по противодействию процессу становления личности в частности, так как становление личности преступника-экстремиста является сложным и многогранным процессом, и показывает возможность комплексного подхода в противодействии механизмам его формирования, а именно предотвращения радикализации через просвещение, превентивные меры, включающие в себя предупреждение экстремизма, переориентацию и реабилитацию потенциальных и активных преступников-экстремистов.

Таким образом, успешное противодействие процессу становления личности преступника-экстремиста требует учета многих факторов, таких как непосредственные причины экстремизма, идеологические убеждения, психологические особенности для совершенствования подходов и адаптации профилактики и борьбы с формированием экстремистской мотивации.

Коротцова А. С.

К ВОПРОСУ ДЕФИНИЦИИ ПОНЯТИЯ «КОРРУПЦИЯ»

Коротцова Ангелина Сергеевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, angatogilev17@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Свило С. М.

Анализ юридической техники, а также нормативного изложения понятия «коррупции» (абз. 2 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 15.07.2015 № 305-З «О борьбе с коррупцией» (далее – Закон)) показал несоответствие толкования данного термина в части использования оборота «для себя или для третьих лиц» и ст. 430 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), где одним из условий ответственности является получение взятки «для себя или для близких».

В отличие от «третьих лиц», понятие «близкие» нашло закрепление в п. 3 ч. 2 ст. 4 УК. Так, содержание данной нормы позволяет выделить три таких категории: 1) близкие родственники; 2) члены семьи; 3) иные лица, которых обоснованно признают своими близкими. Нормативное определение «близких родственников» предоставляет нам возможность оперировать такими понятиями, как: близкое родство, вытекающее из кровного родства между родителями и детьми, родными братьями и сестрами, дедом, бабушкой и внуками; усыновление; супружество; свойство. Вместе с тем абз. 10 ст. 1 Закона к числу близких родственников две последние категории (супружество и свойство) не относит. Однако, изучая положения Закона, их наличие было усмотрено (например, ст. 17 устанавливает определенные ограничения для супругов и свойственников). Закон также не определяет «членов семьи», тогда как п. 2 ч. 2 ст. 4 УК это предусматривает. Категория «иные лица, которых обоснованно признают своими близкими» четкой

конкретизации не получила ни в УК, ни в Законе. Вместе с тем авторы комментария к УК 2019 г. допускают признание в качестве таковых «друзей и друзей при наличии данных, свидетельствующих об исключительном взаимном доверии, тесной привязанности, общности интересов, взаимопомощи». Термин «третьи лица» в УК и Законе также не нашел своей интерпретации, однако к нему активно обращается цивилистика (В. П. Скобелев и др.). При этом лишь специальные законодательные акты предусмотрели его разъяснение: ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об исполнительном производстве», п. 3¹ ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об основах административных процедур».

Из содержательного момента понятия «коррупции» замечаем, что оборот в первую очередь «для себя» и далее – «для третьих лиц» предполагает наличие корысти как ведущего мотива. Несмотря на однозначность сказанного, рассматриваемый аспект все же является дискуссионным. Так, Н. А. Бабий, в частности, указывает на проблематичность дифференциации корысти на цель и мотив. Первый случай (корысть как цель) определяется получением имущественной выгоды: 1) для себя или для близких лиц (данный оборот содержит УК, литературой понимается узко); 2) должностным лицом или иными лицами (противоречит принципу строгого толкования норм УК, при этом позволяет широко интерпретировать последних). Данный подход присущ уголовному закону Республики Казахстан («для себя или других лиц») (ч. 1 ст. 366), а российский законодатель, устанавливая ответственность за получение взятки, подобный оборот не использует. Корысть как мотив, в свою очередь, также не исключает вышеназванные вариации.

Полагаем, обоснованно существенным моментом при выборе нормативного оборота выступает наличие у должностного лица материального интереса в процветании определенных лиц. В таком случае мы можем говорить исключительно о «близких лицах», поскольку фактически не представляется возможным усмотреть реализацию подобного интереса в отношении «третьих лиц». Обращаем внимание, что предшествующий Закон «О мерах борьбы с организованной преступностью и коррупцией» 1997 г. в термине «коррупция» использовал оборот «для себя или близких родственников» (абз. 6 ст. 1), а упоминание о «третьих лицах» отсутствовало. Сказанное свидетельствует о том, что законодатель в действующем Законе последовал расширительному подходу, что на сегодняшний день оставляет поле для дискуссий.

Резюмируя исследуемый вопрос, усматриваем следующее. Во-первых, следует принять во внимание наличие коллизионного содержания термина «коррупция», ведущее к недопустимой аналогии закона. Во-вторых, полагаем целесообразным привести в единообразный нормативный вид оборот «третьих лиц» в понятии «коррупция», поскольку концептуально «иные лица» не входят в круг лиц, в благополучии которых заинтересован виновный. В-третьих, введенный Законом расширительный подход не позволяет четко конкретизировать круг «третьих лиц».

Кулькова Е. Е.

**ПРОБЛЕМЫ ВОЗВРАЩЕНИЯ В РОССИЮ СМЕРТНОЙ КАЗНИ:
СМЕРТНАЯ КАЗНЬ КАК САНКЦИЯ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ**

Кулькова Екатерина Евгеньевна, студентка 3 курса Московского городского педагогического университета, г. Москва, Россия, KulkovaEE@mgpu.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Данелян Р. С.

Смертная казнь как разновидность наказания существует с самых древних времен и до сих пор сохранилась в законодательствах некоторых стран. Не является исключением и Россия. С появлением писаного права начали возникать дискуссии о том, можно ли применять смертную казнь? Не слишком ли это суровое наказание? И не противоречит ли ее применение правам человека на жизнь, личное достоинство и свободу, прописанным и гарантированным во Всеобщей Декларации прав человека и других международных актах, являющихся международными стандартами прав человека и основой для построения законодательства национального уровня, где в первую очередь и были имплементированы первостепенные права человека?

Принятый в 1996 г. Президентом Б. Ельциным Указ № 724 «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы» запустил процесс активного внедрения норм международного права в законодательство Российской Федерации. Этот документ стал неким правовым занавесом пережитков советской эпохи. Он не отменял смертную казнь, но замораживал этот институт на необходимый срок. В связи с вступлением в силу Указа возникла необходимость ускорить принятие нового Уголовного кодекса Российской Федерации.

Но означает ли введение моратория окончательный уход смертной казни из России как вида наказания? Смертная казнь называется исключительной мерой наказания и это единственная санкция, прописанная в Конституции РФ: *«Смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей»*. Но как указал Конституционный Суд Российской Федерации в постановлениях от 2 февраля 1999 г. № 3-П, от 19 апреля 2010 г. № 8-П и Определении от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р, в настоящее время сформировались устойчивые гарантии права не быть подвергнутым смертной казни и сложился легитимный конституционно-правовой режим, в рамках которого происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни, как исключительной меры наказания, носящей временный.

Следует отметить, что для преступника смертная казнь все-таки является фактором сдерживания. Однако в настоящее время растет число преступлений, отличающихся какой-то запредельной жестокостью. Преступность будто бы звереет. Так оправдан ли риск подвержения общества

такого рода испытаниям? Было бы гораздо проще освободить мирное население от существования создающих угрозу созданий? Еще профессор И. М. Рагимов писал, что «...не государству дано право применять смертную казнь, а преступник потерял право жить». Конечно, право на жизнь является высшей ценностью и потерять его – очень жестокая мера. Однако человек, совершая преступление, не задумывается над тем, что своими действиями он лишает жизни другого, он становится сам виноват в потере этого права. Он отдаляет себя от общества, закона, права и по сути подписывает себе приговор.

Так стоит ли возвращать столь жестокую расправу с преступниками? До сих пор учеными ведутся дискуссии о том, в каком виде будет существовать смертная казнь в уголовном законодательстве в случае отмены моратория. За какие преступления она будет предусмотрена? Об этих и других немаловажных вещах рассуждает доктор юридических наук, профессор Ю. В. Голик: *«Я давно пришел к выводу, что смертной казни не место в человеческом обществе».*

На данный момент смертная казнь возможна только при совершении убийства, предусмотренного ст. 105 УК РФ; посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277); посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295); посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317); геноцид (ст. 357). Почему законодателем были отсортированы только составы этих статей?

А как же более широкий спектр преступлений в сфере экстремизма и против половой неприкосновенности? Ведь впервые ожесточенная дискуссия о возвращении смертной казни поднялась в январе 2022 г., когда в Костроме была похищена, а затем жестоко изнасилована и убита пятилетняя Вероника. За отмену моратория на смертную казнь выступил и лидер ЛДПР Леонид Слуцкий после жестокого убийства военного журналиста Владлена Татарского в апреле 2023 г. Поднимались вопросы возвращения смертной казни в недавнее время и представителями органов публичной власти. 6 апреля депутат Госдумы Олег Морозов выдвинул позицию: *«С учётом изменившейся международной ситуации, деградации международной правовой системы позиция Конституционного суда от 2009 года может быть, на мой взгляд, уточнена».* Помимо того, сама Конституция РФ содержит лишь определение смертной казни, но не закрепляет прямого запрета ее применения или отмены.

Можно сделать вывод о том, что для отмены моратория на смертную казнь необходимо внести существенные поправки в Конституцию, и здесь не играет роли обстоятельства, при которых Россия вышла из Совета Европы. Помимо этого, ст. 20, регламентирующая смертную казнь в Конституции, находится в главе 2 «Права и свободы человека и гражданина», пересмотреть которую невозможно без принятия нового Основного закона. Стоит также отметить, что за период моратория сформировался особый конституционно-правовой режим, в рамках которого граждане Российской Федерации получили право даже не быть приговоренными к смертной казни.

Нагорнов К. И.

**О ПРЕДПОСЫЛКАХ РАСШИРЕНИЯ ПЕРЕЧНЯ КАТЕГОРИЙ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ЗА СОВЕРШЕНИЕ КОТОРЫХ
К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ПРИ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ НАКАЗАНИЯ
ВОЗМОЖНО ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР
ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ**

*Нагорнов Кирилл Игоревич, аспирант кафедры уголовного права
Волгоградского государственного университета, г. Волгоград, Россия,
nagornov_k@inbox.ru*

Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Лобанова Л. В.

В качестве одного из условий освобождения несовершеннолетних от наказания с применением к ним принудительных мер воспитательного воздействия (далее – ПМВВ) положения ч. 1 и ч. 2 ст. 92 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) предусматривают категорию преступления. Так, лицо может быть освобождено от наказания по ч. 1 ст. 92 УК РФ за совершение преступления небольшой или средней тяжести, а по ч. 2 ст. 92 УК РФ – за совершение преступления средней тяжести или тяжкого преступления. В юридической литературе неоднократно обращалось внимание на возможность и даже необходимость расширения данного перечня категорий преступлений. Например, Н. Ю. Скрипченко предлагала закрепить возможность применения ст. 92 УК РФ к лицам, вовлеченным впервые в совершение тяжких и особо тяжких преступлений и действующим по принуждению или по причине зависимости или выполнявшим второстепенные роли, впервые совершившим приготовление к тяжкому или особо тяжкому преступлению, впервые совершившим покушение на тяжкое преступление. В свою очередь, В. В. Мальцев указывал на то, что в ст. 92 УК РФ должны отсутствовать ограничения освобождения от наказания в зависимости от тяжести совершенных преступлений.

Поводы задуматься над вопросом о расширении перечня категории преступлений, за совершение которых возможно освобождение от наказания с применением ПМВВ, действительно имеются.

Во-первых, одним из них выступает предусмотренная в положениях п. 1 и 10 постановления высшего судебного органа РФ № 10 от 15.05.2018 возможность применения ПМВВ в случаях, когда лицо совершило более тяжкое преступление, чем предусмотрено в ч. 1 (тяжкое преступление) или в ч. 2 (особо тяжкое преступление) ст. 92 УК РФ, категория которых в порядке ч. 6 ст. 15 УК РФ впоследствии изменится на допустимую данными положениями (средней тяжести или тяжкую).

Во-вторых, одним из критериев градации преступлений на определенные категории, исходя из положений ст. 15 УК РФ, выступает вид и размер подлежащего назначению наказания. Для того чтобы решить вопрос о том, необходимо ли расширять перечень категорий преступлений, за совершение которых возможно освобождение от наказания с применением

ПМБВ, следует определиться с тем, являются ли последние адекватной и соразмерной реакцией со стороны государства на те категории преступлений, которые планируется включить в качестве одного из условий применения ч. 1 и ч. 2 ст. 92 УК РФ. Адекватность и соразмерность реакции может быть определена с учетом содержательного потенциала ПМБВ, который следует сравнить с содержательным потенциалом наказания. Пока сфера применения ч. 1 ст. 92 УК РФ ограничена нетяжкими преступлениями, что, думается, не в полной мере отражает содержательный потенциал ПМБВ, поскольку содержательно схожие с ними наказания (предусматривающие аналогичные лишения или ограничения прав и свобод) могут применяться за совершение тяжких преступлений. Так, в санкциях таких тяжких преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 158, ч. 3 ст. 159 и ч. 2 ст. 166 УК РФ, наряду с иными наказаниями указан штраф, который имеет содержательное сходство с ПМБВ в виде возложения обязанности загладить причиненный вред, также выражающейся в денежном взыскании.

Вместе с тем наличие содержательного сходства с наказаниями еще не дает оснований утверждать о распространении возможности применения ПМБВ в тех же случаях, когда применяется соответствующий вид наказания. Следует также учитывать пределы, в рамках которых меры подлежат применению. Например, помещение в спецучреждение закрытого типа имеет содержательное сходство с наказанием в виде лишения свободы, однако невозможность применения данной меры за совершение особо тяжких преступлений обусловлена тем, что максимальный срок лишения свободы для несовершеннолетних (до 10 лет) существенно превышает максимальный срок помещения в спецучреждение закрытого типа (до 3 лет).

В-третьих, ст. 64 УК РФ предоставляет судам возможность назначать более мягкий вид наказания, чем предусмотрен соответствующей статьей Особенной части УК РФ за совершенное преступление, при этом независимо от категории его тяжести. В случае применения ст. 64 УК РФ лицу за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, за которые не могут применяться ПМБВ по ч. 1 или ч. 2 ст. 92 УК РФ, могут быть назначены содержательно схожие и соразмерные с ними виды наказаний.

Перечисленные нами выше некоторые предпосылки подтверждают целесообразность и обоснованность постановки вопроса о расширении перечня категорий преступления, за совершение которых возможно освобождение несовершеннолетних от наказания с последующим применением ПМБВ, при этом в основу его разрешения должен быть положен содержательный потенциал конкретной ПМБВ, включая пределы, в рамках которых меры подлежат применению.

Паливода Е. В.

КРИМИНАЛЬНАЯ КАРЬЕРА: ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ

*Паливода Екатерина Владимировна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
katyapalivoda04@yandex.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Пухов А. А.

О карьере в различных сферах можно вести речь не только в позитивном, но и негативном плане. Так, в 1980-е гг. в западной криминологии сложилась парадигма криминальной карьеры, определившая дальнейшее направление развития зарубежной криминологической науки, а также оказавшее сильное воздействие на проводимую уголовную политику.

Основные положения парадигмы наиболее полно и систематизированно изложены в отчете «Криминальные карьеры и “карьерные преступники”», представленном Национальной академией наук США в 1986 г. В нем отмечалось, что криминальная карьера – это характеристика «лонгитюдной последовательности преступлений, совершенных индивидуальным преступником». Также подчеркивалось, что парадигма криминальной карьеры перестала использовать термин «карьера» в прежнем смысле – как профессию, а любой преступник может быть подвержен изучению посредством указанной парадигмы.

Таким образом, западные теоретики пришли к выводу о необходимости различать криминальную карьеру и карьерного преступника. Если первое понятие характеризует активный период совершения лицом преступлений, то второе – связано с идеей о существовании относительно немногих преступников, которые совершают серьезные преступления с высокой частотой в течение длительного периода времени.

Проведение научных исследований на постсоветском пространстве, посвященных криминальной карьере, активизировалось в 2019 г., когда государственная власть Российской Федерации продемонстрировала последовательность политики в сфере борьбы с организованной преступностью и коррупцией путем криминализации занятия высшего положения в преступной иерархии положениями ст. 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Так, криминальная карьера стала главным признаком в криминологической, уголовно-правовой и криминалистической характеристиках субъекта преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ. В связи с этим понятия «преступная карьера» и «криминальная карьера» стали достаточно активно использоваться в современных публикациях, но при этом чаще всего их содержание и признаки не раскрываются.

В имеющихся публикациях криминальную карьеру рассматривают в узком и широком смыслах. В первом случае ее определяют как последовательность правонарушений, совершенных одним человеком. Во втором – как род или качество постоянной противозаконной деятельности, а также путь к успеху и авторитетному положению в обществе профессиональных преступников.

Иногда криминальную карьеру пытаются описать в понятиях уголовного права, сравнивая ее со «структурой рецидива» (его содержанием), т. е. сколько и каких преступлений было совершено лицом повторно. Данная позиция верна лишь отчасти, поскольку криминальная карьера помимо формальных признаков включает в себя осознанную позицию и опыт, связанный с криминальной деятельностью, т. е. имеет личностное и мировоззренческое измерение. В свою очередь, развитие криминальной карьеры тесно связано с самоотношением, взглядами на окружающий мир и поисками своего места в нем. В этом смысле следует отметить, что криминальная карьера есть не только последовательность преступных актов, она, по сути, процесс (результат) социальной адаптации в рамках, установленных криминальной субкультурой.

Такой процесс может характеризоваться следующими признаками:

1) профессиональная карьера, предполагающая рост (специфических) знаний, алгоритмов решения преступных замыслов, умений и навыков совершения отдельных преступлений, иными словами, приобретение «криминального профессионализма»;

2) наличие различных статусов в криминальной иерархии, т. е. вертикальная карьера;

3) выбор определенной криминальной специализации – горизонтальная карьера;

4) выбор криминальных форм деятельности без соответствующей специализации и профессионализации, т. е. совершение разных преступлений по различным поводам.

Таким образом, криминальную карьеру можно определить как устойчивое и осознанное функционирование индивида в асоциальном плане, сопряженное с многократным совершением преступлений. В заключение подчеркнем, что парадигма криминальной карьеры, будучи важным и многообещающим теоретическим подходом к получению истинного знания о преступлениях и лицах, их совершивших, заслуживает того, чтобы использоваться в качестве компонента политики борьбы с преступностью.

Рубан А. А.

ПРОФИЛАКТИКА БУЛЛИНГА В ШКОЛЬНОЙ СРЕДЕ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Рубан Анна Александровна, студентка 4 курса Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь, annaruban@mail.ru

Научный руководитель: старший преподаватель Плетенева Д. А.

Тема виктимности несовершеннолетних на протяжении долгого времени была и остается актуальной. В силу своих психологических, социальных, возрастных и иных особенностей дети и подростки являются одной из самых уязвимых социальных групп, подверженных негативному воздействию окружения. В последнее время несовершеннолетние все чаще становятся жертвами преступлений против половой свободы и неприкосновенности,

преступлений в Интернет-пространстве, травли среди сверстников и т. д. Это обуславливает необходимость совершенствования не только карательных, но и предупредительных мер.

Как уже упоминалось, травля среди сверстников – проблема актуальная. По статистике до 10 % детей регулярно (раз в неделю и чаще) и 60,1 % эпизодически (время от времени) подвергаются тем или иным формам жестокого обращения со стороны одноклассников.

Меры, принимаемые странами для решения данной проблемы различны – от внедрения программ и инициатив в образовательных учреждениях до ужесточения ответственности виновных и принятия специальных нормативных правовых актов. Так, ответственность на законодательном уровне установлена рядом стран, среди которых США, Япония, Нидерланды, Швеция.

В США нет федерального закона о буллинге. Каждый штат устанавливает свои правила работы со случаями травли. Например, в Неваде установлена уголовная ответственность за устные или письменные угрозы и запугивания школьников. Кроме того, если травля связана с дискриминацией по любому признаку, то учебные заведения обязаны по закону рассматривать данную ситуацию, как нарушение гражданских прав и свобод. Полиция и суд принимают активное участие в борьбе с травлей в школьных кампусах, а специальная общественная организация – Bully Police USA оценивает качество законов в области буллинга и поддерживает учеников, которые подверглись травле.

Противодействие травле осуществляется также посредством внедрения антибуллинговых программ.

Одной из самых известных и эффективных признается – KiusaamistaVastaan (далее – программа KiVa). Эта программа направлена на защиту детей в возрасте от 5 до 11 лет. Особенность данной программы состоит в акценте на свидетелей, так как от реакции этих участников будет зависеть дальнейшее развитие конфликта.

Программа KiVa состоит из двух частей – общие действия и индивидуальные. Общие действия направлены на всех членов школы, и включают в себя – тематические уроки, онлайн-игры, брошюры для родителей и веб-ресурсы для учителей. Индивидуальные же направлены на проработку выявленных случаев травли – рассмотрение случаев буллинга, психологическая работа с жертвами травли и преследователями, беседа с родителями. Для индивидуальной работы создается команда KiVa.

Успех данной программы обусловлен ее системностью, параллельной работой на двух уровнях. Данная программа применяется более чем в 15 странах.

В Великобритании существует ряд эффективных практик, разработанных еще в 1980-е гг. Наиболее эффективным считается «метод разделенной тревоги». Цель этого метода – установление диалога между жертвой и агрессором для того, чтобы последний понял чувства и переживания пострадавшего. Зачастую такой диалог производит сильное впечатление на обидчиков, что дает положительный эффект.

В рамках профилактики действуют так называемые «скамейки дружбы» для младшеклассников. Принцип работы следующий – когда ребенок чувствует себя одиноко и хочет найти друга, то он садится на скамейку. Учителя, в свою очередь, следят за скамейками и способствуют тому, чтобы ребенок присоединился к другим детям.

На уроках «персонального и социального образования», которые проводятся еженедельно, обсуждаются коллективные проблемы. Чаще всего дети стараются решить проблему конкретного ученика, что способствует сплочению коллектива, ощущению вовлеченности класса в проблему ребенка, тем самым снижая риск травли.

В рамках антибуллинговых программ школы устраивают кружки взаимопомощи, на которых дети, ранее подвергшиеся буллингу, рассказывают о своем опыте преодоления травли.

Еще одним эффективным, на наш взгляд, примером являются широко распространенные в США «Команды связей». Члены таких команд на протяжении года берут под свой присмотр 3–5 учеников младших классов. Затем кураторы-старшеклассники ежедневно общаются с подконтрольными ребятами, интересуются их делами, наличием проблем. В школах, где есть шефство, затяжной травли практически не бывает. Курирует «Команду связей» школьный психолог. В США и Канаде участие в «Команде связей» рассматривается как полноценный школьный предмет, за который ученики, попавшие в нее, получают оценку.

Фотин П. А.

К ВОПРОСУ О ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ В СЕКТОРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ГЕРМАНИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

*Фотин Павел Алексеевич, студент 3 курса Балтийского федерального
университета имени Иммануила Канта, г. Калининград, Россия,
Fotin.paul@yandex.ru*

Научный руководитель: доктор юрид. наук, доцент Саленко А. В.

Термин «коррупция», безусловно, имеет значение для каждого. Однако чаще всего речь идет о взятках в строительной отрасли или в органах государственной власти, поэтому долгое время коррупция в сфере здравоохранения не имела четкого регулирования. После того как в середине 1990-х гг. стал известен так называемый скандал с сердечными клапанами, уже ни для кого не секрет, что взятки и мошеннические сделки могут заключаться и в сфере здравоохранения. В то время высокооплачиваемые кардиохирурги, по слухам, брали многомиллионные взятки. Совершенно непомерные цены запрашивались за сердечные клапаны, которые оплачивались больничными кассами. «Переплаченные» деньги перетекали в карман самих врачей.

Коррупция наносит ущерб всей рыночной экономике, поскольку обходит и манипулирует правилами свободной конкуренции и связанного с ней ценообразования. Медицинские решения должны основываться на

объективности и медицинской необходимости. Если лекарства и процедуры назначаются потому, что фармацевтические компании выплачивают бонусы, то в конечном итоге страдает пациент. Однако во многих случаях в центре внимания оказывается не охрана здоровья (в этой области серьезный ущерб наносится редко), а честная конкуренция между врачами, фармацевтическими компаниями и всеми другими производителями и поставщиками услуг в системе здравоохранения.

Почему для сектора здравоохранения было введено специальное уголовное законодательство?

Ранее коррупционные преступления в Германии регулировались таким образом, что к уголовной ответственности можно было привлечь только государственного чиновника или в рамках свободного предпринимательства. Уголовное преследование в связи с сектором здравоохранения, напротив, могло осуществляться только в отношении преступлений, связанных с мошенничеством, растратой или злоупотреблением доверием. Уже существующие нормы о коррумпированности и взяточничестве, с другой стороны, не распространяются на практикующих врачей. Верховный суд заявил, что медицинские работники не являются государственными служащими, а также агентами больничных касс. В случае если злоупотребление доверием (§ 266 StGB) или мошенничество (§ 263 StGB) не имеют отношения к делу, возникает правовая лазейка. Таким образом, безнаказанным останется тот, кто, будучи врачом, заключил «сделку» с фармацевтической компанией и получил выгоду за назначение определенных лекарств. После долгих обсуждений Бундестаг наконец принял новый закон о борьбе с коррупцией в сфере здравоохранения.

Кто может быть привлечен к ответственности за взяточничество?

В принципе, преследованию может быть подвергнут любой человек, работающий в сфере здравоохранения. В законе говорится о «представителях медицинской профессии». К ним относятся прежде всего врачи, стоматологи, ветеринары, фармацевты, психологи и психотерапевты, медицинские работники и медсестры, эрготерапевты, логопеды и физиотерапевты. Что именно регулирует новый закон? § 299a StGB регулирует пассивное взяточничество. Преследованию может быть подвергнуто любое лицо, которое, будучи представителем медицинской профессии, требует, позволяет пообещать или принимает преимущество в связи со своей профессиональной деятельностью и взамен оказывает кому-либо нечестную услугу. Преимущество не обязательно должно быть получено для себя, оно может быть предоставлено и третьему лицу, например, коллеге или члену семьи. Вознаграждение должно быть основано на противоправном соглашении и связано с профессиональной деятельностью. Это означает, например, что человек выписывает определенные лекарства, средства или приспособления, использует определенный медицинский препарат или приспособление и т. п.

§ 299b StGB регулирует зеркальное отражение, а именно активное взяточничество. В данном случае преследованию подлежит предложение преимущества с целью получения чего-либо взамен. Как и в случае со всеми

другими преступлениями, связанными со взяточничеством, в сфере здравоохранения уголовному преследованию могут подлежать три различных действия: требование, обещание или согласие. Если человек требует предоставления ему преимуществ, он должен сделать явное или скрытое заявление о том, что в обмен на это он предоставит какую-либо услугу. Другая сторона может и отказаться, но само требование уже является преступным действием. При обещании, предложении взятки взятка принимается явно или неявно. Преимущество может быть предоставлено и позже. Наконец, принятие преимущества – это фактическое получение с намерением использовать его самостоятельно или передать третьему лицу.

Какое наказание предусмотрено в случае вынесения обвинительного приговора? Новый закон предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет или штрафа. В особо тяжких случаях, предусмотренных ст. 300 Уголовного кодекса, может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок от трех месяцев до пяти лет.

На самом деле эффективный контроль за системой здравоохранения вообще невозможен. Даже в прошлом больничные кассы и ассоциации врачей-специалистов имели органы для борьбы с неправомерными действиями в системе здравоохранения. Затем они должны регулярно обмениваться опытом с профессиональными палатами и прокуратурами.

Таким образом, с одной стороны, различные ведомства должны получать одинаковый уровень знаний, а с другой – преступные деяния в сфере здравоохранения должны раскрываться в масштабах всей страны.

Харужик А. С.

ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФАЙЛИНГА И ЕГО РОЛЬ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

*Харужик Анастасия Сергеевна, студентка 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
nastya.kharuzhik@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Пухов А. А.

Профайлинг – технология предотвращения противоправных действий посредством выявления потенциально опасных лиц и ситуаций с использованием методов прикладной психологии. Сегодня в качестве равнозначных понятий используются следующие понятия: профайлинг правонарушителей, профайлинг личности преступника, криминологический профайлинг или анализ криминального расследования.

Технология профайлинга впервые была применена в 70-х гг. XX в. израильской авикомпанией «Эль-Аль». Она была ориентирована на снижение вероятности появления возможных рисков, связанных с авиаперевозками пассажиров, и применялась во время предполетного досмотра. Данная технология пользовалась небольшим набором базовых психологических паттернов (стереотипов поведения) и больше напоминала процедуру психологического тестирования.

Существует несколько направлений профайлинга: криминальный профайлинг; профайлинг в судебной экспертизе; профайлинг на транспорте; профайлинг в авиационной безопасности; профайлинг в управлении адаптацией и деятельностью персонала, мотивацией и эффективностью сотрудников; профайлинг в бизнесе; семейный профайлинг.

Наиболее точно, на наш взгляд, отображает сущность рассматриваемого метода понятие – криминологический профайлинг, который является собирательной категорией. Но в своем общем виде изначально его определяли как возможность понимания личности преступника через совершенное им преступление.

Профайлинг как один из способов по предотвращению противоправных действий может успешно применяться в целях оперативно-розыскной деятельности. Для успешного его функционирования необходимо применение психологических методов в их прикладном аспекте с целью анализа процессов межличностного восприятия, повышения наблюдательности и коммуникабельности.

На данный момент профайлинг успешно применяется в зарубежных странах, в том числе в специально созданном отделе бихевиористики (поведенческих исследований) в Федеральном Бюро Расследований. Основная цель отдела – анализ улик и составление психологических портретов преступников, совершающих убийства с особой жестокостью. Так, в вышеупомянутый отдел ежегодно поступает около трехсот дел, от 60 до 80 % которых удастся раскрыть.

Джон Эдвард Дуглас – специальный агент Федерального Бюро Расследований, который работал в Отделе поведенческих наук и занимался раскрытием тяжких насильственных преступлений. Работая с подобными делами, он пытался понять, что движет преступником и каковы его мотивы. Рассмотрим одно из дел, раскрытых благодаря помощи Дугласа. Это дело об убийстве Мэри Стоунер. Зайдя в тупик при расследовании жестокого изнасилования и убийства 12-летней девочки, полиция обратилась к Джону Дугласу, и тот предоставил схематический анализ личности преступника: белый мужчина, разведенный, ездит на черном или синем автомобиле, занимается работой, требующей грубой физической силы, был с позором уволен с военной службы, в прошлом уже совершал сексуальные преступления, был знаком жертве.

Едва Дуглас огласил составленный профиль, один из полицейских заявил: «Вы точно описали одного подозреваемого». Воспользовавшись этими подсказками, полиция вскоре арестовала виновника убийства Д. Девьера – разведенного белого мужчину, владельца черного «Форда-Пинто», садовника, уволенного из армии за самоволку, работавшего рядом с домом, где жила жертва, и ранее подозреваемого в изнасиловании. Преступник впоследствии сознался в еще одном убийстве и изнасиловании.

На сегодняшний день технология профайлинга используется правоохранительными органами при проведении культурно-массовых, политических и социально-экономических мероприятий с целью выявления

признаков угрозы совершения преступлений. Знание основ профайлинга помогает сотрудникам сузить круг лиц, способных на совершение противоправных действий, например, террористического акта. Однако в данном случае должны быть использованы только научно обоснованные методики профилирования по невербальной характеристике личности.

Направление профайлинга является новым для Республики Беларусь, вместе с тем оно обладает высоким потенциалом в сфере профилактики и прогнозирования преступного поведения, а также построения тактических основ следственных версий, анализа криминогенно значимой информации и т. д.

Исходя из вышеизложенного, акцентируем внимание на важности введения криминологического профайлинга в работу служб Министерства внутренних дел и Следственного комитета Республики Беларусь (составление психологического портрета предполагаемого преступника), в особенности при работе с тяжкими и особо тяжкими преступлениями. Как следствие, считаем необходимым создание правовой базы применения профайлинга, четкое определение субъектов и методики его осуществления для устранения неопределенности места криминологического профайлинга личности в системе отраслевых знаний. Считаем актуальным и введение в образовательный процесс дисциплины «Профайлинг», в качестве средства повышения профессиональной мобильности будущих работников правоохранительных органов. В дополнение, мы рассматриваем возможность создания специализированного отдела при органах внутренних дел, который будет ориентирован на работу с преступлениями, обладающими признаком серийности.

Хаткевич М. Е.

КВАЛИФИКАЦИЯ ДЕЯНИЙ, СВЯЗАННЫХ С КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬЮ

Хаткевич Михаил Евгеньевич, студент 4 курса Белорусского государственного университета г. Минск, Беларусь, crimlaw.bsu@yandex.ru

Научный руководитель: старший преподаватель Верховодко И. И.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что одним из вызовов для правоохранительной системы Республики Беларусь при переходе к постиндустриальному обществу стало стремительное увеличение числа преступлений, совершенных с использованием информационных технологий. По данным БелТА, с 2015 по 2020 г. произошел десятикратный рост их количества, который в 2020 г. составил 25 561. В настоящее время одним из самых вредоносных программных обеспечений являются программы-вымогатели. Данные программы поражают традиционные компьютерные устройства, в том числе серверы, стационарные компьютеры, ноутбуки, продолжая генерировать большие доходы для преступников. Более того, эти программы могут поразить мобильные телефоны, телевизоры с функцией smart-TV и буквально все устройства, которые работают на одной из наиболее популярных операционных систем (Mac, Windows, Linux).

Несмотря на то, что подобного рода преступления появились отнюдь не сегодня, их квалификация для национального законодательства остается проблематичной. Как правило, на практике, такие преступления квалифицируют по ст. 212 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК). Некоторые ученые-юристы и сотрудники правоохранительных органов полагают, что рассматриваемые деяния можно квалифицировать по совокупности ст. 212 УК и статей, предусмотренных главой 31 УК «Преступления против компьютерной информации».

Данная квалификация преступлений, связанных с использованием компьютерных программ-вымогателей, по нашему мнению, не совсем корректна, так как в первом случае нельзя сказать, что в рассматриваемом примере присутствуют только те признаки, которые предусмотрены ст. 212. Квалификация по совокупности ст. 208 и 212 УК также будет неправильной. Угроза уничтожения, завладения, блокирования либо модификации компьютерной информации в настоящее время является одним из способов совершения вымогательства, согласно диспозиции ст. 208 УК, что более точно описывает рассматриваемое деяние, чем ст. 212 УК. Правильным и обоснованным, с нашей точки зрения, будет квалифицировать такие деяния по ч. 1 ст. 208 УК. В том случае, если блокировка, модификация или завладение компьютерной информацией были осуществлены до предъявления имущественных требований, совмещенных с угрозами дальнейшей блокировки, модификации или завладения компьютерной информацией, предусмотренные деяния следует квалифицировать по совокупности ст. 208 и 354 УК.

Шкут Ю. В.

ПОНЯТИЕ «СЕКСУАЛЬНОЕ ДОМОГАТЕЛЬСТВО» В КОНТЕКСТЕ СОВЕРШЕНИЯ ОНЛАЙН-ГРУМИНГА

*Шкут Юлия Вячеславовна, студентка 4 курса Гродненского
государственного университета имени Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь,
us0611057@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Ключко Р. Н.

Сексуальное домогательство или харассмент можно определить как откровенный призыв любого лица к действиям сексуального характера, требования сексуальной благосклонности, вербальное или физическое поведение или жест сексуального характера, или любые другие циничные прикосновения сексуального характера, которые воспринимаются как оскорбительные или унижающие. В доктринальных подходах это понятие определяется как «запугивание, издевательство или принуждение сексуального характера, обещание вознаграждения в обмен на сексуальные услуги, иные устные или физические преследования сексуального характера». Этимология «харассмента» берет свое начало от французского *harasser* – «истощать, замучивать, загонять».

На данный момент сексуальное домогательство не закреплено ни в одной уголовно-правовой норме о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК). Однако наиболее приближенными к пониманию сексуального домогательства являются развратные действия (ст. 169 УК) и понуждение к действиям сексуального характера (ст. 170 УК). Сущностью понуждения к действиям сексуального характера является именно склонение выполнить определенные действия. В научной литературе говорится об использовании психического давления с целью заставить поступиться половой свободой и вступить в половую связь с виновным или другим лицом по его указанию.

Под развратными действиями стоит понимать любые действия лица, кроме полового сношения, мужеложства, лесбиянства, иных действий сексуального характера, направленные на удовлетворение половых потребностей виновного лица достигшего восемнадцатилетнего возраста, а также на возбуждение интереса к сексуальным аспектам жизни, полового влечения потерпевшего лица любого пола заведомо не достигшего шестнадцатилетнего возраста. В силу трансформации общественных отношений, большим взаимодействием с использованием информационных технологий растет число тяжких преступлений, совершаемых указанным способом, а прежде всего с использованием сети Интернет. С этим непосредственно связано явление «онлайн-груминга» либо «интернет-груминга» (от англ. grooming – уход, забота) – преступная активность по построению дружеских связей с ребенком, под которым понимается в особенности через Интернет для того, чтобы убедить его вступить в сексуальные отношения или иные формы сексуальной активности. Преступник, получая возможность дистанционно связываться с детьми, может осуществлять в их отношении развратные действия; создавать и распространять материалы эротического и порнографического содержания посредством мобильной связи и сети Интернет; удовлетворять себя; вести разговоры на эротические темы (намекы, манипуляции). Преступники могут прибегать к угрозам и шантажу с использованием фото и видео материалов эротического содержания у несовершеннолетних (сексуальное вымогательство). Повышенная общественная опасность способа совершения таких посягательств, отсутствие четкой его регламентации в белорусском уголовном законодательстве, легитимизации единообразной практики противодействию таким преступлениям не способствуют эффективному противодействию тяжким посягательствам.

Сексуальные домогательства в отношении несовершеннолетних с использованием сети Интернет в отдельных зарубежных государствах признаются самостоятельным уголовным преступлением: склонение несовершеннолетних к действиям сексуального характера или половым сношениям посредством использования информационных технологий. Под склонением понимается использование Интернета и других информационно-коммуникационных технологий для привлечения, приглашения или убеждения ребенка принять участие в половом акте.

Однако сексуальное домогательство по своей характеристике шире и само совершение онлайн-груминга предусматривает совершение различных преступных деяний как по продолжительности, так и по целям и мотивам (преступный замысел может быть направлен как на лишь личное удовлетворение от общения, так и на получение от несовершеннолетнего материалов эротического характера, на реальную встречу с жертвой с совершением более тяжких преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы). Неоднозначность формулировок понятий «развратные действия» и «понуждение к действиям сексуального понятия», отсутствие регламентации новых способов совершения данных преступлений остается проблемой, требующей решения и совершенствования белорусского уголовного законодательства, отвечающего криминогенным вызовам общества.

Эйсмонт Е. А.

ДЕЛО ТЬЮРИНГА: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ХИМИЧЕСКОЙ КАСТРАЦИИ

Эйсмонт Елизавета Андреевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, transversemint@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Плетенёва Д. А.

Многие страны постсоветского пространства все чаще возвращаются к вопросу о возможности внедрения химической кастрации в уголовное законодательство. Летом 2023 г. по инициативе Генеральной прокуратуры Республики Беларусь наряду с наказанием за преступление по приговору суда предлагается введение принудительного лечения педофилов. Несмотря на то, что изменение подхода к реабилитации правонарушителей в этой сфере необходимо, в истории применения подобных мер в отношении сексуальных преступников есть печальный опыт дискриминации и нарушения прав человека.

В 1885 г. в Великобритании была принята «Поправка Лабушера» – так называли раздел 11 английского Акта 1885 г. о поправках к уголовному законодательству. Она предусматривала уголовную ответственность за «грубую непристойность» – в том числе сексуальные действия между двумя мужчинами старше 21 года вне зависимости от воли сторон и места совершения (публично или приватно). Альтернативой тюремного заключения была так называемая «химическая кастрация». Лечение подразумевало использование анафродизиаков для понижения либидо и сексуальной активности. По примерным подсчетам, около 49 000 людей были осуждены по подобным устаревшим законам до того, как гомосексуальность была полностью декриминализована в Англии.

Внимание общественности эта негуманная практика привлекла из-за дела Алана Тьюринга – математического гения и великого криптографа XX в. В годы Второй мировой Тьюринг руководил группой ученых, математиков и криптографов, занимавшихся расшифровкой секретного фашистского

радиосообщения через машину Энигма. В 1952 г. Тьюринг был арестован за гомосексуальную связь с 19-летним Арнольдом Мюрреем. Позже в суде он сознался в актах грубой непристойности и перенес химическую кастрацию. Лечение подразумевало использование анафродизиаков для понижения либидо и сексуальной активности. Тьюринг принимал нестероидный эстрогенный препарат, известный как диэтилстилбестрол. Еще тогда отмечалось разрушающее воздействие диэтилстилбестрола на организм и психику, которое не обошло и ученого. На данный момент диэтилстилбестрол признан канцерогенным препаратом первой группы и его использование разрешено только в ветеринарии.

В связи с уголовным делом Тьюринг утратил статус благонадежности и был отстранен от работы консультанта по криптоанализу в Центре правительственной связи. В те годы существовали некоторые опасения вербовки гомосексуальных шпионов советскими агентами, связанные с раскрытием первых двух членов Кембриджской пятерки: Дональда Маклейна и Гая Бёрджесса. Тьюринг, тем не менее, продолжил свои исследования и к 1954 г. его наработки в математической биологии поражали его современников. Однако завершить их не удалось: 8 июня 1954 г. в его доме экономка Тьюринга нашла его мертвым. В тот вечер было проведено вскрытие, которое установило, что он умер накануне в возрасте 41 года от отравления цианидом. Дознание показало, что причиной смерти был суицид.

В 2013 г. Тьюринг получил посмертное королевское помилование, почти через 60 лет после постановления приговора. Помилование было предоставлено в соответствии с Королевской прерогативой милосердия по просьбе Министра юстиции Криса Грейлинга. Грейлинг отметил: «Доктор Алан Тьюринг был исключительным человеком с блестящим умом. Его последние годы жизни были омрачены осуждением за гомосексуальную активность, приговором, который мы сейчас считаем несправедливым и дискриминационным, и который теперь отменен». Нельзя не согласиться с тем, что приговор в отношении Тьюринга ударил по его здоровью и, впоследствии, научной работе. Спустя год химической кастрации у Тьюринга развились гинекомастия и импотенция. «Лечение» нанесло непоправимый вред здоровью ученого, подобное причинение мучений и страданий не может сопутствовать реализации мер уголовной ответственности.

Само применение химической кастрации достигает своей цели главным образом тогда, когда она используется на добровольной основе в сочетании с психотерапией, призванной помочь правонарушителю понять и контролировать свои действия, т. е. сами по себе медикаменты обычно не ведут к ограничению правовой дееспособности в совершении сексуальных преступлений. Химическая кастрация как средство реабилитации и коррекции сексуальных девиантов способствует снижению количества половых преступлений, но ее положение в уголовном законодательстве пока неясно и требует более углубленного изучения.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, СУДОУСТРОЙСТВО И ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

Веремьев Н. П.

ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ ВЫДАЧИ СПЕЦИАЛЬНЫХ СРЕДСТВ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ, СВЯЗИ И ОПОВЕЩЕНИЯ ОБ ОПАСНОСТИ КАК МЕРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

*Веремьев Никита Петрович, курсант 3 курса Академии Министерства
внутренних дел Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь,
veremyovnikita2003@gmail.com*

Научный руководитель: старший преподаватель Трикоза В. В.

В настоящий момент Уголовно-процессуальный кодекс (далее – УПК) Республики Беларусь предлагает неисчерпывающий список мер обеспечения безопасности участников уголовного процесса. Однако возникает вопрос: какие дополнительные меры можно применить для максимально эффективной защиты граждан, сотрудничающих с органами уголовного преследования, от возникающих в связи с этими обстоятельствами преступных посягательств? Давайте обсудим одну из мер, предусмотренную в законодательстве Российской Федерации, и рассмотрим возможность ее применения в уголовном процессе Беларуси.

В УПК РФ находит закрепление мера обеспечения безопасности, не предусмотренная белорусским законодательством, такая как «выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности». Под специальными средствами индивидуальной защиты российский законодатель понимает бронежилет, электрошоковое устройство, аэрозольный распылитель с раздражающим составом.

Почему же эта мера не предусмотрена в УПК Республики Беларусь?

Начнем с действующего в Беларуси законодательства. В соответствии с Законом Республики Беларусь «Об оружии» электрошоковые устройства и механические распылители, аэрозольные и другие устройства, снаряженные веществами слезоточивого или раздражающего действия, относятся к гражданскому оружию и могут быть выданы гражданам Республики Беларусь, при соблюдении определенных условий. Но существуют некоторые препятствия, затрудняющие их применение для обеспечения безопасности участников уголовного процесса.

Для получения специальных средств защищаемому лицу требуется получить так называемую «лицензию на оружие», процесс получения которой может занять некоторое время. Впрочем, есть возможность применения ускоренной выдачи разрешений в исключительных случаях для обеспечения безопасности участников уголовного процесса. Однако,

сокращая время на выдачу соответствующих разрешений, правоохранительные органы могут в спешке допустить ошибки и выдать специальные средства, которые могут нанести физический вред другим людям, лицам, не соответствующим установленным критериям, необходимым для получения оружия.

Кроме того, определен определенный порядок хранения. Служебное и гражданское оружие, а также боеприпасы должны храниться в условиях, которые обеспечивают их сохранность и безопасность, и исключают доступ к ним посторонних лиц. Это требует создания определенных условий: наличие у защищаемого лица сейфа и системы охраны в помещении, где будет храниться выданное оборудование. Однако не все граждане могут обеспечить такие условия.

Выдача бронежилета не подпадает под действие Закона Республики Беларусь «Об оружии» и поэтому реализуется в разы проще. Но порождает определенные трудности, связанные с дискомфортом защищаемого лица. В повседневной жизни постоянное передвижение в бронежилете весьма неудобно и привлекает излишнее внимание.

Несмотря на вышеперечисленные недостатки, в Республике Беларусь данная мера безопасности уже нашла свое отражение. Статьей 55 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» закреплено, что к гражданам, оказывающим или оказывавшим содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, может быть применена такая мера безопасности, как выдача специальных средств индивидуальной защиты и оповещения об опасности.

Стоит также отметить, что в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации, как и в Законе Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности», предусмотрена выдача защищаемому лицу средств связи и оповещения. Данная мера подразумевает нахождение у лица, находящегося под защитой, «тревожной кнопки», которую он может использовать для немедленного оповещения правоохранительных органов о возможной угрозе его жизни или здоровью.

Таким образом, применение данной меры безопасности в контексте отечественного уголовно-процессуального законодательства приводит к противоречивым результатам: неудобство и иногда невозможность полноценного использования специальных средств сосуществуют с возможностью пассивной защиты лица путем выдачи ему бронежилета и средств оповещения.

Для создания эффективной системы обеспечения безопасности участников уголовного процесса мы считаем возможным включить в ч. 2 ст. 66 УПК Республики Беларусь пункт 6 – «выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности».

Ершова В. Н.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

*Ершова Вероника Николаевна, студентка 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
veronika20112033@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Зайцева Л. Л.

Досудебное соглашение о сотрудничестве в рамках уголовного процесса получило распространение во многих странах мира. В США уже более полувека существует институт «сделок о признании вины», посредством которого обвинение и защита приходят к согласию в разрешении дела, включая пункты обвинения, по которым обвиняемый признает себя виновным. Концепция данного института заключается в договоре с прокуратурой, в соответствии с которым с обвиняемого снимается часть обвинения или изменяется квалификация преступления на менее тяжкое в обмен на признание им своей вины.

В Республике Беларусь возможность заключения досудебного соглашения о сотрудничестве была предусмотрена Законом Республики Беларусь от 5 января 2015 г. «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях».

Так, согласно ч. 5 ст. 468-6 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК), подозреваемый (обвиняемый) вправе заявить ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве после возбуждения уголовного дела и до объявления ему об окончании предварительного расследования. В данном ходатайстве на основании ч. 4 ст. 468-6 УПК подозреваемый (обвиняемый) заявляет о признании своей вины в совершении преступления, указывает действия, которые он обязуется совершить в целях оказания содействия предварительному следствию в расследовании преступления, изобличении других соучастников преступления, розыске имущества, приобретенного преступным путем, а также действия по возмещению имущественного ущерба, уплате дохода, полученного преступным путем, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного преступлением. Подозреваемый (обвиняемый) может также дополнительно взять на себя обязательство сообщить известные ему сведения о других преступлениях и лицах, их совершивших.

Суть досудебного соглашения о сотрудничестве, на первый взгляд, весьма ясна: в результате признания своей вины подозреваемым (обвиняемым) уголовное преследование завершается официальным провозглашением от имени государства виновности подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления. В ст. 69-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь предусмотрено существенное смягчение наказания в случае выполнения

лицом досудебного соглашения о сотрудничестве. Однако исходя из концепции этого соглашения возникает вопрос о соответствии его содержания общим принципам уголовного процесса.

Следует отметить, что в уголовно-процессуальном законодательстве ряда зарубежных стран весьма лаконично закреплена аналогичная с рассматриваемой нами норма. К примеру, особой разновидностью такого рода соглашений являются сделки о доказательствах (charge bargains), которые действуют в Шотландии. Концепция «доказательственных соглашений» основывается на том, что защита отказывается представлять имеющиеся определенные доказательства в суде и оспаривать обвинение при условии, что обвинитель «снимает» свои доказательства, обосновывающие более «жесткую» квалификацию. Еще одним примером таких сделок является законодательство Республики Молдова. Так, договор между государственным обвинением и обвиняемым в случае признания вины последним называется соглашением о признании вины.

На наш взгляд, такое название более корректно, нежели «соглашение о сотрудничестве». Ведь признание вины в этом соглашении вовсе не является доказательством того, что лицо признается государством виновным в совершении определенного уголовно-наказуемого деяния. Кроме того, не стоит забывать и о принципе презумпции невиновности, в соответствии с которым лицо признается виновным только по приговору суда. В случае же досудебного соглашения о сотрудничестве процесс доказывания виновности подозреваемого (обвиняемого) в соответствии с нормами УПК отсутствует. Однако выраженная на словах виновность вовсе не означает ее действительное наличие, а доказательственная база в данном случае будет основываться лишь на признании обвиняемого.

На наш взгляд, следует внести некоторые коррективы в концепцию досудебного соглашения о сотрудничестве. Так, предлагается заменить его название на «соглашение о признании вины», в соответствии с которым будет устранена коллизия между принципами презумпции невиновности и договором с государственным обвинением. Кроме того, считаем целесообразным исключить применение данного института к такому участнику, как подозреваемый. Ведь в отношении последнего еще не сформулировано обвинение и, соответственно, не очерчен круг деяний, в совершении которых лицо может признать себя виновным.

Жилук К. М.

ОКАЗАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В ПРОЦЕССЕ СОБИРАНИЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Жилук Кристина Михайловна, магистрант Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, zh.kristin@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Петрова О. В.

Одним из видов юридической помощи в уголовном процессе Республики Беларусь выступает деятельность адвоката, связанная с его

участием в качестве защитника обвиняемого, подозреваемого в производстве по уголовному делу. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК Республики Беларусь) закрепляет принцип состязательности и равенства сторон обвинения и защиты, предполагающий в том числе и их равные права в судебном разбирательстве по представлению и исследованию доказательств. Однако несмотря на закрепление достаточно широкого круга прав защитника, касающихся процесса доказывания, выявлены некоторые проблемы, заключающиеся в отсутствии надлежащих условий для реализации данных прав.

Уголовно-процессуальное законодательство устанавливает действие принципа состязательности лишь на стадии судебного разбирательства по уголовным делам, о чем свидетельствует норма ст. 24 УПК Республики Беларусь. Однако можно предположить, что принцип состязательности распространяет свое действие в том числе и на стадию предварительного расследования, как условие реализации в суде. Будучи неравными в возможностях, стороны защиты и обвинения с трудом могли бы обрести данное равенство на стадии судебного разбирательства.

В процессе оказания юридической помощи объемную часть работы, производимой защитником, составляет собирание сведений и документов, которые и представляются в суд в качестве источника доказательств. Принимая во внимание отсутствие непосредственной обязанности адвоката доказывать невиновность обвиняемого, нельзя не отметить, что без установления обстоятельств, свидетельствующих в его пользу, в полной мере не может быть реализована функция защиты.

Можно отметить некоторые особенности среди способов собирания адвокатом сведений, имеющих значение для производства по уголовному делу, которые теоретически могут в дальнейшем повлиять на реализацию принципа осуществления правосудия на основе состязательности и равенства сторон. Так, уголовно-процессуальное законодательство так же, как и законодательство об адвокатуре и адвокатской деятельности, наделяют защитника правами:

- запрашивать справки, характеристики и иные документы у государственных органов и иных организаций;
- запрашивать с согласия клиента мнение специалистов для решения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства и других сферах деятельности;
- собирать сведения путем опроса физических лиц.

При этом, закрепляя обязанность государственных органов и иных организаций в установленном порядке отвечать на запросы адвокатов, законодательство не обязывает физических лиц предоставлять адвокату документы и сведения. Следовательно, получение защитником информации от гражданина, который имеет в своем распоряжении документы или сведения, может быть значительно затруднено. В то же время орган уголовного преследования может беспрепятственно истребовать предметы и документы, имеющие значение для дела.

Более того, полученная защитником путем опроса физических лиц информация, относящаяся к обстоятельствам уголовного дела, не может быть рассмотрена в качестве показаний свидетеля, поскольку порядок ее получения не регламентирован УПК Республики Беларусь. По данной причине такие сведения могут рассматриваться только в качестве основания для вызова на допрос указанных лиц в качестве свидетелей или для производства следственных действий по собиранию доказательств.

Таким образом, защитник как участник уголовного процесса является субъектом собирания не доказательств, а скорее доказательственных материалов (или доказательственной информации), которые только после их «легализации» субъектом, имеющим властные полномочия (следователем, судом) приобретают статус доказательств по уголовному делу.

На основании вышесказанного полагаем, что для более эффективного использования защитником прав по собиранию доказательственной информации, следует предусмотреть надлежащие условия реализации этих прав путем устранения существующих препятствий и внесения необходимых изменений в уголовно-процессуальное законодательство, к примеру, путем закрепления обязанности физических лиц (включая специалистов, привлекаемых для решения вопросов, требующих специальных знаний) отвечать на запросы адвоката и содействовать получению им необходимых документов и сведений.

Кравцова Е. С.

ПРАВО СВИДЕТЕЛЯ НА ОТКАЗ ОТ ДАЧИ ПОКАЗАНИЙ

*Кравцова Елизавета Сергеевна, студентка 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
elizavetakravtsova28@icloud.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Зайцева Л. Л.

В сфере правосудия одной из важнейших гарантий прав личности является право свидетеля на отказ от дачи показаний. Это право основывается на признании значимости защиты частной жизни и личных интересов свидетелей, а также уважении их права на свободу выбора. Право на отказ от дачи показаний дает свидетелю сохранить конфиденциальность, избежать самообвинения или предотвратить возможные негативные последствия для себя или других близких ему лиц.

Освобождение лица от необходимости давать показания в литературе именуется «свидетельским иммунитетом». В Республике Беларусь данный термин не закреплён нормативно. Однако принципы, связанные с осуществлением свидетельского иммунитета, содержатся в действующем законодательстве. Так, ст. 27 Конституции Республики Беларусь гласит: «Никто не должен принуждаться к даче показаний и объяснений против самого себя, членов своей семьи, близких родственников».

Предоставление гражданам свидетельского иммунитета является свидетельством того, что государство стремится при осуществлении

уголовного преследования и правосудия обеспечить сохранение надлежащих морально-этических взаимоотношений между людьми. Кроме того, для самого государства предоставление данного права является в некоторой степени средством обезопасить себя от дачи заведомо ложных показаний со стороны граждан.

Важно установить оптимальный перечень субъектов, в отношении которых должен применяться свидетельский иммунитет, с целью минимизации вероятности его использования в личных целях. При этом необходимо сохранить баланс с нравственными нормами о недопустимости причинения вреда человеком самому себе либо своим близким.

Субъектов, обладающих свидетельским иммунитетом, условно разделяют на две группы. Для первой группы характерно предоставление гражданам право самим определять возможность дачи показаний, для второй – действует запрет органам, ведущим уголовный процесс, получать такие показания от определенных лиц.

В соответствии со ст. 60 Уголовного-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) свидетель имеет право не свидетельствовать против самого себя, членов своей семьи и близких родственников. К близким родственникам законодательство относит родителей, детей, усыновителей, усыновленных (удочеренных), родных братьев и сестер, деда, бабуку, внуков, а также супруга (супругу) (п. 1 ст. 6 УПК). К членам семьи относятся близкие родственники, другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы и иные лица, проживающие совместно с участником уголовного процесса и ведущие с ним общее хозяйство (п. 53 ст. 6 УПК). Под родственниками понимаются лица, находящиеся в родственной связи, имеющие общих предков до прадеда и прабабки, а также супруг (супруга), близкие родственники супруга (супруги) (п. 37 ст. 6 УПК). Однако законодательство не предусматривает права свидетеля не свидетельствовать против бывших супругов и сожителей.

С моральной точки зрения выполнение обязанности давать показания против бывших супругов является проблематичным, даже если преступление было совершено во время брака. Сожители также не попадают в круг лиц, обладающих свидетельским иммунитетом, в связи с тем, что такие обстоятельства, как длительное совместное проживание, наличие детей и ведение общего хозяйства, не порождают формальных супружеских отношений и не дают лицу права отказаться от дачи свидетельских показаний.

Полагаем, что в определенных случаях свидетелям может потребоваться подтверждение их осведомленности о праве на отказ от дачи показаний против себя путем подписи соответствующих документов во время предварительного расследования. Лица, которые еще не являются подозреваемыми, могут быть вызваны на допрос в качестве свидетелей и согласиться давать показания, а в последствии становятся обвиняемыми. Тогда их свидетельские показания могут быть использованы против указанных лиц для подтверждения их причастности к совершению преступления. В практике существуют также случаи, когда одно лицо,

являющееся осужденным, и его соучастник, который позднее подвергается судебному разбирательству, имеют разные правовые статусы, несмотря на то, что они совершили преступление совместно. В этой ситуации возникает вопрос о том, каков статус осужденного лица при его допросе в судебном заседании.

Таким образом, необходимо уточнение перечня субъектов, обладающих свидетельским иммунитетом. Во-первых, это относится к лицам, которые не могут быть вызваны в качестве свидетелей из-за запрета на их допрос. Во-вторых, это касается лиц, которые имеют право отказаться от дачи показаний. Такое уточнение позволит учесть различные ситуации, в которых граждане могут быть заинтересованы в защите своих прав и законных интересов. Запрет на привлечение определенных категорий лиц в качестве свидетелей не должен ограничивать их возможность добровольно давать показания. При этом им необходимо разъяснить, что эти показания могут быть использованы в качестве доказательств в уголовном деле. Предложенные меры помогут достичь баланса между защитой прав свидетелей и необходимостью получения доказательств в уголовном процессе.

Леута А. С.

ОБВИНИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ ПРОКУРОРА

*Леута Александра Сергеевна, студентка 4 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
alexandra_leuta@mail.ru*

Научный руководитель: старший преподаватель Бурак Р. В.

Основная цель выступления прокурора с судебной речью – убедить суд в законности и обоснованности позиции обвинения по вопросам, разрешаемым при постановлении приговора, а также сформировать выводы, к которым, по мнению прокурора, должен прийти суд. Структура речи государственного обвинителя законодательно не регламентирована. Основное требование закона, касающееся речи прокурора, предусмотрено ст. 345 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК), – *прокурор не вправе ссылаться на доказательства, которые не исследовались в судебном заседании.*

Структура обвинительной речи зависит от конкретных особенностей дела, процессуального порядка его рассмотрения и обычно состоит из вступления, главной части и заключения. Во вступлении необходимо привлечь внимание слушателей и психологически подготовить их к восприятию содержания главной части речи. Для этого могут быть использованы следующие приемы: 1) дать оценку общественной опасности преступления, характеристику общественного значения дела и судебного процесса; 2) процитировать философско-нравственный источник, в котором крайне отрицательно характеризуются такие преступления, как то, в котором обвиняется лицо; 3) дать краткое описание картины преступления, что

облегчит переход к главной части речи; 4) изложить программу выступления по сложному многоэпизодному или групповому делу.

Основная задача главной части обвинительной речи – обоснование позиции обвинителя по вопросам, разрешаемым судом при постановлении приговора, указанным в ст. 352 УПК. Для этого в главной части обвинительной речи должны быть *изложены фактические обстоятельства дела*, которые с точки зрения прокурора установлены в ходе судебного следствия. Обязательными элементами в структуре обвинительной речи также являются *анализ и оценка исследованных в суде доказательств и их источников*. В своей речи обвинитель систематизирует, группирует собранные по делу доказательства в определенную систему, дает оценку, указывает, почему одни доказательства являются существенными и бесспорными, а другие – не имеют значения для дела, какими доказательствами подтверждены установленные по делу обстоятельства и что необходимо исключить из обвинения как не нашедшее своего подтверждения. Для групповых дел со многими эпизодами преступной деятельности, в которой соучастники проявляли неодинаковую активность, характерен такой элемент, как *установление объема обвинения и роли в преступлении в отношении каждого из обвиняемых*. Обязательным элементом, входящим в структуру главной части обвинительной речи, также является вопрос о юридической оценке содеянного (*квалификации преступления*). Для назначения обвиняемому справедливого наказания суд также должен знать *характеристику его личности*, это помогает суду определить, является ли преступление закономерным результатом проявления личных качеств обвиняемого или совершено им под влиянием безнравственных и противоправных действий потерпевшего, других неблагоприятных внешних обстоятельств. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь относит *смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства* к числу обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам. Данные обстоятельства также должны быть включены в структуру речи государственного обвинителя. Далее государственный обвинитель должен высказать *предложение о мере наказания*, которую необходимо применить к обвиняемому, то есть о виде наказания (основного и дополнительного), его размере или сроке, а также условиях отбывания наказания. В случае, если был заявлен *гражданский иск* и доказанность его оснований и размера не вызывает сомнений, прокурор обязан поддержать его. При этом прокурору необходимо обосновать свое отношение к гражданскому иску, указать, в каком размере и с кого, в каком порядке (солидарном, долевом) необходимо производить взыскания. В необходимых случаях в речи высказываются соображения о том, как поступить с имуществом, на которое наложен арест, с вещественными доказательствами, и имеются ли основания для применения специальной конфискации.

В заключении своей речи государственный обвинитель должен убедить суд в правильности и справедливости своей позиции. При этом следует отметить, что необходимость в заключительной части речи как

самостоятельного элемента судебной речи возникает, как правило, по сложным делам, имеющим высокую общественную значимость.

Особое внимание следует уделить и речи государственного обвинителя при отказе от обвинения. Структура и содержание выступления прокурора с отказом от обвинения зависит от конкретных особенностей рассматриваемого уголовного дела, а также от правового основания прекращения уголовного дела или уголовного преследования в отношении определенного лица. Как следует из ч. 7¹ ст. 293 УПК, выступление прокурора с отказом от обвинения в любом случае должно содержать изложение мотивов полного или частичного отказа от обвинения, а также основание такого решения, предусмотренное ст. 357 УПК. Прокурор обязан аргументировать законность и обоснованность своей позиции путем анализа и оценки представленных стороной обвинения и стороной защиты и исследованных в суде доказательств, всех обстоятельств и материалов дела.

В заключительной части выступления с отказом от обвинения прокурор, принимая такое процессуальное решение, должен указать правовые нормы, которыми он руководствовался, при этом он обязан назвать конкретное правовое основание прекращения уголовного дела или уголовного преследования в отношении обвиняемого.

Митукевич Д. В.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА В ОРГАНАХ, ВЕДУЩИХ УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС: ЭЛЕКТРОННАЯ ЦИФРОВАЯ ПОДПИСЬ

Митукевич Дарья Витальевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, dmitukevich@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Бурак Р. В.

В современном информационном обществе процессы цифровизации затрагивают практически все сферы человеческой деятельности. Одной из важнейших областей, в которой применение современных информационных технологий способно существенно улучшить эффективность и прозрачность процессов, является производство по уголовным делам.

«Электронное правосудие» – это способ осуществления правосудия, основанный на использовании информационных технологий. Оно включает в себя целый ряд систем, обеспечивающих доступ к информации о деятельности органов, ведущих уголовный процесс, и систем автоматизации судопроизводства. В мировой практике в качестве примеров электронного правосудия выступают: подача исковых заявлений и документов в электронной форме, извещение через SMS-сообщения, использование систем видеоконференцсвязи для проведения судебных заседаний, использование систем электронного делопроизводства, института «электронной цифровой подписи».

Возможность применения электронного документооборота государственными органами и субъектами хозяйствования во всех сферах деятельности законодательно была закреплена еще в 2000 г. Законом

Республики Беларусь от 10.01.2000 № 357-З «Об электронном документообороте». При создании и использовании электронного документооборота большое значение имеет электронная цифровая подпись. Целью Закона является «установление правовых основ применения электронных документов, определение основных требований, предъявляемых к электронным документам, а также правовых условий использования электронной цифровой подписи в электронных документах, при соблюдении которых электронная цифровая подпись в электронном документе является равнозначной собственноручной подписи в документе на бумажном носителе». В Республике Беларусь созданы условия для использования ЭЦП. Система с течением времени становится повсеместной. ЭЦП выдают Министерство по налогам и сборам, Фонд социальной защиты населения, Белгосстрах и др. Стоит отметить, что основными владельцами ЭЦП являются юридические лица. Однако в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 16 марта 2021 г. № 107 «О биометрических документах» сотрудники подразделений по гражданству и миграции выдают физическим лицам ID-документ, который представляет собой пластиковую смарт-карту – аналог бумажного паспорта. В данной карте находится интегральная микросхема со вшитой ЭЦП. По состоянию на 2023-й год ID-карт выдано более 220 тыс.

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 28 декабря 2009 г. «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» (далее – Закон), подлинный электронный документ – это электронный документ, целостность и подлинность которого подтверждается с применением сертифицированного средства электронной цифровой подписи, использующего при проверке электронной цифровой подписи открытые ключи лица (лиц), подписавшего (подписавших) электронный документ. Электронная цифровая подпись – последовательность символов, являющаяся реквизитом электронного документа и предназначенная для подтверждения его целостности и подлинности. Согласно ст. 22 Закона, подлинный электронный документ приравнивается к документу на бумажном носителе, подписанному собственноручно, и имеет одинаковую с ним юридическую силу. Если в соответствии с законодательством Республики Беларусь требуется, чтобы документ был оформлен в письменной форме, то электронный документ и его копия считаются соответствующими этому требованию. В соответствии с назначением и применением электронной цифровой подписи она является аналогом собственноручной подписи, а также может применяться как аналог оттиска печати и штампа. В соответствии со ст. 15 Закона, «электронные документы могут применяться во всех сферах деятельности, где используются программные, программно-технические и технические средства, необходимые для создания, обработки, хранения, передачи и приема информации в электронном виде. Ограничения на применение электронных документов могут быть установлены в случаях, предусмотренных законодательными актами Республики Беларусь».

Нельзя оставить без внимания вопрос об оцифровке доказательств. Исходя из смысла действующего законодательства Республики Беларусь, источниками доказательств служат протоколы всех следственных действий, показания потерпевших, свидетелей, подозреваемых и обвиняемых, иные документы и др. Соответственно практически все материалы уголовного дела, так или иначе, будут составлять доказательственную базу, поэтому в целях недопущения фальсификации доказательств в УПК будет необходимо включить норму, согласно которой материалы уголовного дела могут быть преобразованы в бумажный или электронный формат при помощи научно-технических средств, позволяющих обеспечить соответствие преобразованного документа исходному документу визуально и по содержанию.

Таким образом, развитие «электронного правосудия» становится приоритетной задачей цифровизации системы государственных органов Республики Беларусь, в частности органов, ведущих уголовный процесс. Использование современных технологий в сфере уголовного судопроизводства обеспечивает большую открытость и доступность правовой помощи, способствует улучшению качества работы государственных органов и организаций, минимизирует бюрократические издержки.

Митькова Д. А.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕДИАЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

*Митькова Дарья Андреевна, студентка 4 курса Белорусского
государственного университета, г. Минска, Беларусь,
dariamitskova@inbox.ru*

Научный руководитель: кандидат юридических наук, доцент Петрова О. В.

В июне 2021 г. был принят Закон Республики Беларусь № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности», закрепляющий положение о возможности примирения обвиняемого с потерпевшим путем заключения медиативного соглашения. Вместе с тем в науке отмечается поле для дальнейшего совершенствования, поскольку не разрешены некоторые значимые для практической реализации института медиации по уголовным делам вопросы: статус медиатора, приостановление производства по делу для проведения медиации и т. п.

Согласно п. 14-3 ч. 1 ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) «медиация – переговоры обвиняемого и потерпевшего с участием медиатора в целях содействия их примирению». Круг участников медиации определен в п. 6 Правил проведения медиации, утвержденных постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 декабря 2013 г. № 1150 – стороны (или их представители) и медиаторы. В соответствии с п. 7 Правил сторонами медиации признаются физические лица, обладающие полной дееспособностью, и (или) юридические лица, заключившие соглашение о применении медиации. Вновь введенными в УПК нормами определяются стороны медиации: обвиняемый и

потерпевший. При производстве по уголовным делам частного обвинения примирение осуществляется между обвиняемым и частным обвинителем. На наш взгляд, необходимо закрепить указанных участников уголовного процесса в качестве сторон медиации.

Закон не закрепляет прав и обязанностей медиатора. На наш взгляд, медиатор может быть выделен в качестве отдельного участника уголовного процесса и наделен следующими правами: знать в чем подозревается (обвиняется) лицо, являющееся стороной медиации; знакомиться с данными об участниках уголовного процесса, являющихся сторонами медиации; знакомиться с информацией, предоставляемой сторонам медиации органом, ведущим уголовный процесс; отказаться от участия в медиации до ее назначения, а также на любом этапе процедуры медиации; по согласованию со сторонами переносить дату проведения медиации и место проведения медиации; беспрепятственно общаться с участниками уголовного процесса, являющимися сторонами медиации, наедине и конфиденциально без ограничения количества и продолжительности бесед; оказывать необходимую помощь сторонам в оформлении медиативного соглашения. Имеется вопрос о том, при каких обстоятельствах проводится медиация, когда стороной является обвиняемый, в отношении которого применена мера пресечения в виде домашнего ареста, заключения под стражу. От разрешения данного вопроса зависит определение права медиатора перенести дату, место проведения медиации и обязанности уведомить об этом орган, ведущий уголовный процесс. Среди обязанностей медиатора, на наш взгляд, имеет смысл предусмотреть: содействовать сторонам в заключении соглашения о проведении процедуры медиации; до начала медиации разъяснить сторонам цели и правила проведения медиации, а также разъяснить сторонам их права и обязанности; содействовать сторонам в заключении медиативного соглашения; при переносе даты проведения процедуры медиации уведомить об этом орган, ведущий уголовный процесс; представить органу, ведущему уголовный процесс, документы, подтверждающих его квалификацию медиатора; сообщать органу, ведущему уголовный процесс, о результатах примирительной процедуры; не разглашать сведений, ставших ему известными в связи с проведением процедуры медиации.

Обратим внимание на то, что в УПК не установлен порядок процессуального оформления начала медиации, которое может оформляться постановлением следователя, прокурора, судьи либо определением суда о проведении медиации. В качестве основы для указанных процессуальных документов мы предлагаем рассмотреть соглашение о проведении процедуры медиации, которое будет составлено совместно сторонами и медиатором, заключаться в письменной форме и приобщаться к материалам уголовного дела. Соглашение содержит сведения: об основаниях проведения медиации; о сторонах медиации; об уголовном деле, по которому проводится медиация; о медиаторе (медиаторах), осуществляющем деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации; о порядке проведения процедуры медиации; об условиях участия сторон в расходах, связанных с проведением процедуры медиации; о сроках проведения процедуры медиации.

Не решен вопрос об обстоятельствах, исключающих участие медиатора в медиации по уголовному делу. Такие обстоятельства можно сформулировать следующим образом: «Медиатор не может принимать участие в производстве по уголовному делу: 1) при наличии оснований, указанных в ч. 1 ст. 77 настоящего Кодекса. Предыдущее его участие в производстве по данному уголовному делу в качестве медиатора не является основанием для отвода; 2) если он находился или находится в служебной или иной зависимости от лица, производящего дознание, следователя, прокурора, судьи, защитника, подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, представителей. Вопрос об отводе медиатора при производстве предварительного расследования разрешает орган, ведущий уголовный процесс, а в судебном заседании – суд, рассматривающий уголовное дело».

В науке нет также единого мнения об этапе судебного разбирательства, до которого можно «уйти в медиацию». Если примирение при помощи медиации в соответствии с нормами УПК является частным случаем примирения, применима ли ч. 8 ст. 26 УПК: «Примирение по делам частного обвинения и делам частно-публичного обвинения допускается только до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора»? Исходя из точки зрения, что данное положение распространяется на медиацию, отвод медиатора в судебном заседании разрешает суд. Тем не менее необходимо дополнение нормативного регулирования указанного вопроса.

Таким образом, институт медиации в белорусском уголовном процессе нуждается в дальнейшем развитии и более подробной законодательной регламентации.

Пиришук А. И.

ПОЛУЧЕНИЕ ОБРАЗЦОВ ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ПРАВО ИЛИ ОБЯЗАННОСТЬ ОБВИНЯЕМОГО?

Пиришук Александра Игоревна, магистрант 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, PirshtukAI@bsu.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Зайцева Л. Л.

Неотъемлемым элементом процессуального положения обвиняемого, помимо предоставленных ему законом прав, являются и его обязанности. В соответствии с п. 3 ч. 4 ст. 43 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З (далее – УПК) обязанностью обвиняемого, наряду с иными, является участие в следственных и других процессуальных действиях, когда орган, ведущий уголовный процесс, признает это необходимым.

В обязанности обвиняемого также входит подчинение постановлению о проведении освидетельствования. В случае отказа обвиняемый может быть освидетельствован принудительно (ч. 2 ст. 206 УПК).

В связи с этим особый интерес представляет порядок участия обвиняемого в таком следственном действии, как получение образцов для сравнительного исследования. Согласно ч. 1 ст. 234 УПК следователь, лицо, производящее дознание, вправе получить образцы почерка или иные образцы для сравнительного исследования у подозреваемого или обвиняемого. О получении образцов для сравнительного исследования, так же как и о проведении освидетельствования, орган уголовного преследования выносит постановление (ч. 4 ст. 234 УПК). Анализ данных положений порождает закономерный вопрос: можно ли трактовать нормы, регулирующие порядок получения образцов для сравнительного исследования (ст. 234 УПК), по аналогии с нормами о проведении освидетельствования (ст. 206 УПК) и, следовательно, признать участие обвиняемого в этом следственном действии его обязанностью?

В теории существует подход, согласно которому признание обязанностью обвиняемого предоставлять образцы для сравнительного исследования можно трактовать как нарушение его конституционного права не свидетельствовать против себя самого (ст. 27 Конституции Республики Беларусь 1994 г.). Обосновывается это тем, что при даче образцов для сравнительного исследования обвиняемый совершает активные действия (например, предоставляет образцы почерка), чем самостоятельно формирует доказательства, которые могут указывать на его причастность к совершению преступления.

В противовес этой позиции отметим, что при освидетельствовании обвиняемый также совершает ряд активных действий. В частности, при взятии пробы для определения концентрации паров абсолютного этилового спирта в воздухе, который выдыхает обвиняемый. Однако в соответствии с ч. 2 ст. 206 УПК постановление о проведении такого освидетельствования обязательно для обвиняемого. Следовательно, ни теоретических, ни законодательных обоснований нарушения права обвиняемого не свидетельствовать против себя самого в процессе участия в указанных следственных действиях не имеется.

Обращение к судебной практике также не дает однозначного ответа на поставленный вопрос. Так, районным судом рассматривалось уголовное дело по обвинению А. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 328 Уголовного кодекса Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З. В ходе судебного разбирательства судом было вынесено постановление о назначении сравнительной генетической экспертизы, в связи с чем было признано необходимым отобрание у обвиняемого образцов эпителия. Обвиняемый А. отказался от предоставления образцов, подал письменное заявление с правовым обоснованием своей позиции. По мнению суда, отказ обвиняемого А. свидетельствовал о явном пренебрежении к суду, в связи с чем постановлением обвиняемый был подвергнут административному взысканию в виде штрафа за совершение административного правонарушения, предусмотренного ст. 24.1 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-З (в редакции 2019 г.). При этом

в мотивировочной части постановления указано, что отказ от сдачи образцов для проведения экспертизы не предусмотрен законом. Таким образом, судом на обвиняемого фактически возложена обязанность, не предусмотренная УПК. Однако постановление суда не содержит указания на норму, которая возлагает на А. обязанность по сдаче образцов против его воли.

Постановление о наложении административного взыскания было обжаловано обвиняемым. Судьей вышестоящего суда постановление было отменено, дело направлено на новое рассмотрение. Установлено, что отказ от сдачи биологического материала был продиктован реализацией права на защиту в уголовном процессе, а не намерением оказать неуважение к суду. Дело об административном правонарушении в отношении А. прекращено в связи с отсутствием в его деянии состава административного правонарушения.

На наш взгляд, отсутствие указания в ст. 234 УПК на обязанность участия обвиняемого в данном следственном действии существенно осложняет процесс отобрания образцов для сравнительного исследования. В связи с этим предлагаем предусмотреть в законе указанную обязанность, что позволит преодолеть трудности, возникающие на практике.

Пташник В. В.

СУДЕБНОЕ САНКЦИОНИРОВАНИЕ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ

*Пташник Владислав Вадимович, студент 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
vladptashnik03@gmail.com*

Научный руководитель: старший преподаватель Бурак Р. В.

Согласно ст. 23 Конституции ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц. Очевидно, что такое серьезное ограничение нуждается в эффективном и строго регламентированном порядке. Одним из механизмов такого ограничения является санкционирование мер государственного принуждения в уголовном процессе. Такое ограничение допускается с санкции прокурора – письменного решения прокурора, его заместителя о проведении процессуальных действий, а также в отдельных случаях Председателя Комитета государственной безопасности или лица, исполняющее его обязанности и Председателя Следственного комитета Республики Беларусь или лица, исполняющее его обязанности.

Вместе с тем стоит принять во внимание подход, заложенный Концепцией совершенствования законодательства Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента от 10 апреля 2002 г. № 205, согласно которому предполагался судебный порядок санкционирования отдельных мер пресечения. Аналогичный подход был закреплен в Модельном УПК для государств – участников СНГ.

Но возникает вопрос в целесообразности изменения такого фундаментального института, как применение мер пресечения. Однако данный вопрос решается легко. А именно, стоит напомнить, что за последние 20 лет данный институт не раз совершенствовался. В 2010 г. были расширены основания обжалования задержания и заключения под стражу, в частности, наряду с обжалованием законности добавилась возможность обжалование обоснованности; добавились также субъекты, осуществляющие применение указанной меры пресечения – Председатель Следственного комитета и Председатель Комитета государственной безопасности Республики Беларусь (лица, исполняющие их обязанности). Указанные нововведения свидетельствуют о стремлении законодателя придать такому важному институту уголовного процесса более детальный порядок регламентации. В связи с этим абсолютно неверно считать, что санкционирование прокурором применения мер пресечения является формальностью.

Ввиду вышесказанного считаем принятие судебной процедуры применения мер пресечения обоснованной. Используя указанный подход, меры пресечения будут применяться незаинтересованным и несвязанным ведомственной принадлежностью в исходе дела субъектом – судом. Но стоит указать, что мы ведем речь не просто о замене субъекта санкционирования и предлагаем введение отдельной процедуры принятия решения судом по каждому делу. В такой процедуре могут участвовать стороны обвинения и защиты. Участие защиты необходимо для реализации принципа обеспечения обвиняемому, подозреваемому права на защиту и неприкосновенности личности.

Стоит заметить, что судебное санкционирование мер пресечения в различных формах приняты в законодательстве зарубежных стран, в том числе и в странах постсоветского пространства. Такой парадигме последовал УПК Российской Федерации, УПК Киргизской Республики, УПК Украины, УПК Казахстана и иных государств. К примеру, УПК РФ закрепляет, что при необходимости избрания в качестве меры пресечения заключение под стражу перед судом возбуждается ходатайство, которое подлежит рассмотрению единолично судьей с обязательным участием подозреваемого или обвиняемого, прокурора, защитника.

Таким образом, необходимость совершенствования системы применения мер пресечения вызвана необходимостью в постоянном совершенствовании столь серьезной для личности процедуры, которая связана с ограничением основополагающих (конституционных) прав граждан. Об этом свидетельствуют и изменения в национальном законодательстве, и законодательство зарубежных государств. В связи с этим предлагается ввести судебную систему санкционирования мер пресечения, которая закрепит еще более жесткую гарантию защиты прав личности в уголовном процессе.

Шилец В. Ю.
ЗНАЧЕНИЕ И ПРАВОВОЙ СТАТУС СВЕДУЩЕГО ЛИЦА
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

*Шилец Владислав Юрьевич, курсант 3 курса Академии Министерства
внутренних дел Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, voinitskaia9@mail.ru*

Научный руководитель: старший преподаватель Трикоза В. В.

Данная исследовательская работа будет посвящена рассмотрению роли и важности сведущих лиц в уголовном процессе, их правовому статусу, а также влиянию на качество и надежность экспертных заключений.

В современном уголовном процессе, как и в любой правовой системе, играет ключевую роль соблюдение принципов справедливости, объективности, ценности представленных доказательств и др. Однако, для установления объективных фактов, требуется участие лиц, обладающих специальными знаниями и имеющих соответствующую компетенцию.

Согласно ч. 2 ст. 227 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК): «Экспертиза проводится специалистами судебно-экспертных организаций, иных государственных или негосударственных организаций либо другими сведущими лицами, назначенными следователем, лицом, производящим дознание».

В постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 31 марта 2016 г. № 1 «О выполнении судами постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29 марта 2001 г. № 1 “О судебной экспертизе по уголовным делам” и внесении в него изменений и дополнений», изложено, что экспертное исследование может быть проведено только лицом, назначенным в качестве эксперта в установленном законом порядке (ч. 1 ст. 61, ч. 1 ст. 227, ч. 1 ст. 334 УПК).

Это правило важно для обеспечения надежности и объективности экспертных исследований, проводимых в рамках уголовных дел. Путем назначения эксперта в соответствии с законом, государственные органы гарантируют, что эксперт обладает необходимой квалификацией и компетенцией в соответствующей области, и что его работа будет проведена с соблюдением процедурных норм и нормативов. Это обеспечивает справедливость и доверие к результатам экспертизы в уголовных делах.

В соответствии с ч. 1 ст. 61 УПК «экспертом является не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, обладающее специальными знаниями в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности, которому поручено проведение экспертизы».

Право на проведение экспертизы есть у лиц, которые имеют лицензию или свидетельство на осуществление этой деятельности. Это следует из ч. 1 ст. 16 Закона Республики Беларусь от 18 декабря 2019 г. № 281-3 «О судебно-экспертной деятельности». Проведение судебной экспертизы также может назначаться иному лицу в порядке, установленном процессуальным законодательством, согласно ст. 18 представленного выше

закона такие лица могут проводить экспертизу по назначению следователя, без свидетельства и лицензии. Согласно ст. 227 УПК такие лица будут являться «сведущими».

В УПК нет четко определенного понятия сведущего лица, примерное понятие изложено в приводимом ранее постановлении Верховного Суда: «В отдельных случаях (например, при отсутствии эксперта, обладающего специальными знаниями в конкретной сфере деятельности) допускается поручение проведения экспертизы сведущему лицу, не имеющему специального разрешения (лицензии)».

Из всей совокупности информации мы можем дать собственное определение понятию «сведущее лицо». Сведущее лицо – это не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, обладающее специальными знаниями в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности, которому поручено проведение экспертизы, но не имеющее лицензии или свидетельства.

Сведущее лицо, согласно данному определению, представляет собой специалиста, обладающего уникальными знаниями и навыками в определенной области, такой как наука, техника, искусство, ремесло и другие сферы человеческой деятельности. Этот специалист назначается для выполнения экспертизы, задачей которой является выявление фактов или анализ событий, связанных с уголовными делами. Важно отметить, что сведущее лицо не имеет официальной лицензии или свидетельства, которые часто требуются для осуществления определенных видов деятельности.

Проблема данного вопроса заключается в том, что гарантии объективности и полноты исследования нам дают специальные знания, подтверждаемые разрешением (лицензией) на проведение экспертизы, что также дает вотум доверия со стороны суда и других участников процесса. В отличие от сведущего лица, эксперты обязаны иметь соответствующую лицензию или свидетельство для проведения экспертных исследований, что подразумевает более формальный и регулированный статус, в то время как сведущие лица могут быть назначены следователем в порядке, установленном законодательством, даже без таких документов. Это позволяет гибко исследовать уголовные дела и обеспечивать справедливость в случаях, когда эксперт может отсутствовать или его участие нецелесообразно.

Багдасарова Е. Е.

МАТЕРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВА

Багдасарова Екатерина Евгеньевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, lawcrim@bsu.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Хлус А. М.

В целях познания преступления белорусские ученые (А. В. Дулов, А. Е. Гучок, Г. А. Шумак, А. М. Хлус и др.) предлагают последовательно изучать материальную структуру преступления. Для этого необходимо выявить совокупность материальных элементов, обязательно имеющих в наличии при совершении преступления, поскольку без них последнее не может быть совершено.

Анализ структуры фальшивомонетничества позволяет выделить в ней следующие структурные элементы: субъект, совершающий преступление; объект преступного посягательства; средство совершения преступления; предмет преступного посягательства. В качестве субъекта как элемента материальной структуры фальшивомонетничества всегда рассматривается человек. Участвуя в материальных процессах совершения преступления он оставляет в окружающей среде следы. При этом субъект не только сам оставляет следы, т. е. является следообразующим, но и на себе воспринимает следы других объектов, с которыми объединен сложной системой связей.

В качестве существенных свойств субъекта, совершающего преступление, исследователи рассматривают физические, социально-демографические, биологические, психофизиологические, психологические свойства.

Анализ свойств субъекта в большинстве случаев расследования фальшивомонетничества возможен на основе познания следов, оставленных им на объектах, относящимся к иным элементам преступной структуры.

Объектом преступного посягательства, в его криминалистическом понимании, является материальная система, на которую оказано непосредственное либо опосредованное воздействие в результате преступного посягательства.

Совершая фальшивомонетничество, преступник оказывает воздействие на денежно-кредитную систему государства, которую и следует рассматривать как объект преступного посягательства. При этом преступник оказывает на нее опосредованное воздействие. В связи с этим вполне обоснованно можно вести речь о непосредственном объекте фальшивомонетничества, в качестве которого могут выступать человек (например, в качестве платы за товар на рынке индивидуальному предпринимателю была передана поддельная денежная купюра), предприятие (например, в кассе магазина обнаружена фальшивая купюра) и т. д.

Средством совершения преступления являются материальные объекты, используемые для достижения преступного результата.

Познать свойства субъекта, совершившего данное преступление, возможно лишь при исследовании поддельной денежной купюры (ценной бумаги), являющейся средством совершения фальшивомонетничества. В этих целях определяется способ совершения фальшивомонетничества, знания о котором могут быть получены в процессе исследования признаков поддельных денежных знаков (ценных бумаг).

Распространенными группами способов подделки денег (ценных бумаг) являются способы: 1) полиграфической печати; 2) копирования; 3) фотографические.

Предметом преступного посягательства являются материальные объекты, которыми завладевает преступник в результате совершенного деяния. При совершении фальшивомонетничества в качестве предмета выступают подлинные денежные средства, а также иные материальные ценности. Предмет является связующим звеном между субъектом и объектом преступного посягательства.

На основании вышеизложенного можно констатировать, что выделение элементов материальной структуры фальшивомонетничества, а затем их анализ обеспечивают наиболее полное и объективное познание конкретного преступного события данного вида.

Бородич Е. И.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ ПРЕКУРСОРОВ И АНАЛОГОВ

*Бородич Елизавета Ивановна, студентка 4 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь, lawcrim@bsu.by*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Хлус А. М.

Наркомания и незаконное распространение наркотических средств, психотропных веществ, прекурсоров и их аналогов (далее – незаконный оборот наркотиков) является одной из угроз национальной безопасности.

Под незаконным оборотом наркотиков понимается их приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка, сбыт, посредничество в сбыте, а также незаконное выращивание растений, содержащих наркотические вещества.

В Республике Беларусь отмечается устойчивая тенденция роста уровня потребления наркотиков. За истекшие два десятилетия количество лиц, состоящих на наркологическом учете, увеличилось более чем в 20 раз.

На результативность борьбы с незаконным оборотом наркотиков влияет наличие научно разработанной методики расследования. Теоретической основой для ее построения является криминалистическая характеристика. Она представляет собой совокупность криминалистически значимых сведений об обстоятельствах совершенного преступления, образуя систему информации, используемой при расследовании преступления.

Элементами криминалистической характеристики преступлений связанных с незаконным оборотом наркотиков являются:

- сведения о личности лица, совершившего преступление;
- обстановка совершения преступления;
- предмет и объект преступного посягательства;
- способ совершения преступления.

Центральным элементом характеристики преступлений является субъект, т. е. лицо, непосредственно участвующее в незаконном обороте наркотиков.

Субъектами уголовной ответственности по ч. 1 ст. 328 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) являются, как правило, лица, употребляющие наркотики.

Преступления, связанные со сбытом наркотических средств часто носят групповой, организованный характер и совершаются в условиях строгой конспирации. Члены группы не знают всех ее участников, а также не знают организаторов и руководителей группы. Преступные сделки всячески маскируются. Организаторы, располагая большими денежными средствами, подкупают и запугивают неустойчивых, зависимых от них лиц, вовлекая их в преступные операции, подкупают должностных лиц государственных и иных организаций. Состав, структура, распределение ролей и другие элементы преступных групп сбытчиков, а также способ изготовления наркотиков в значительной мере определяется видом сбываемого наркотического средства и источником его получения.

- Выделяют следующие разновидности преступных групп, занимающихся:
- сбытом наркотиков растительного происхождения;
- изготовлением и сбытом синтетических наркотических средств;
- сбытом наркотических лекарственных средств.

На обстановку преступления влияют объективные и субъективные факторы, связанные с внешними условиями и психологическими особенностями лиц, причастных к преступлению.

Предметом преступного посягательства являются вещества, включенные в соответствующие списки веществ, оборот которых в Республике Беларусь запрещен или находится под особым контролем.

Криминалистическое представление объекта незаконного оборота наркотиков находится в прямой зависимости от способа совершения преступных действий. Совершение действий, связанных с изготовлением, переработкой, приобретением, хранением, перевозкой или пересылкой наркотиков при условии отсутствия цели их сбыта (ч. 1 ст. 328 УК), не направлено на какой либо объект преступного посягательства. В этом случае субъектом деяния выступает наркоман, совершающий указанные действия с целью удовлетворения собственной потребности в наркотике (например, при изготовлении наркотического средства для собственного потребления).

Криминалистическая характеристика преступления в своей сущности является чем-то вроде конкретизированной уголовно-правовой характеристики того же преступления, предлагая «более живую» модель криминального деяния.

Войницкий А. А.

К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ИЗОБРАЖЕНИЙ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА ЧЕЛОВЕКА, СОЗДАННЫХ НЕЙРОСЕТЬЮ

*Войницкий Андрей Александрович курсант 3 курса Академии Министерства
внутренних дел Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, voinitskaia9@mail.ru*

Научный руководитель: старший преподаватель Лужинская Е. Л.

Современное состояние экспертной практики в Республике Беларусь характеризуется значительным приростом количества проведенных судебных портретных экспертиз, объектами которых являются видеозаписи. Это обусловлено стремительным увеличением в интернет-ресурсах видео-роликов, фиксирующих как бытовые события из жизни людей, так и противоправные явления: массовые протесты, нарушения общественного порядка и даже совершение преступлений. Исследуя такие объекты, судебные эксперты все чаще сталкиваются с проблемой достоверности (аутентичности) изображений внешнего облика человека, поступающих в качестве объектов исследования. В настоящее время классический монтаж фотоизображений уходит на второй план. В последние годы высококачественный монтаж создает искусственный интеллект. Существует ряд программ, таких как «Face Swap», «Doublicat (Reface)» и др., способных изготавливать так называемые «deepfake».

Популярность «поддельного» медиаконтента, сгенерированного алгоритмами машинного обучения (нейросетью), в последние годы значительно выросла. Слово «Deepfake» имеет англоязычное происхождение и означает deep learning (глубинное обучение) и fake (подделка). Глубинное обучение – это сложный метод на базе искусственного интеллекта (далее – ИИ), который использует многоуровневые алгоритмы машинного обучения для извлечения все более сложных характеристик из необработанных входных данных, таких как изображение лиц. Например, ИИ на основе определенного количества фотографий может создать дипфейк-видео, используя генеративно-состязательную сеть. Суть данной сети заключается в том, что две нейросети состязаются друг с другом, изучая характеристики учебных наборов данных и создавая новые объекты на базе этих характеристик (новые «фотографии»).

Нейронные сети постоянно обучаются, совершенствуя свои «навыки» и создавая тем самым «поддельные» изображения все более и более правдоподобными. Помимо быстрой обучаемости, также увеличивается рост бесплатных приложений, находящихся в свободном доступе и направленных на создание «поддельного» фото и видеоконтента. Самые популярные открытые библиотеки – «faceswap» и «DeepFaceLab».

В частности, «DeepFaceLab» позволяет заменить лицо, голову и возраст человека на видео, а также синхронизировать движение губ под нужные слова, но для работы с данной программой необходимы компьютер с мощной видеокартой и большим объемом видеопамати, исходное видео с лицом-источником и целевое видео, на которое будет накладываться нужное лицо.

«Фэйковые» видео в настоящее время создают угрозу информационной безопасности во всем мире по таким направлениям, как дискредитация

личностей политиков, должностных лиц, звезд шоу-бизнеса, искажение фактов, новостей, заведомо ложные сообщения о преступлениях и др.

В Республике Беларусь имеются факты проведения комплексных исследований по изображениям, созданных нейросетью. Однако, поскольку такой вид объектов достаточно новый и специфичный, необходима детальная проработка методических рекомендаций по исследованию указанного вида объектов. Предлагается следующий алгоритм визуального анализа видеоизображений внешнего облика человека: первоначально «статический» просмотр, далее «динамический» просмотр. При «статическом» просмотре могут наблюдаться следующие признаки: неестественность композиции изображения, непропорциональность отдельных частей изображений, различие в условиях освещения, различие в степени резкости и др. При «динамическом» просмотре могут присутствовать плохая синхронизация звука с движением губ, неестественные движения, неестественное моргание. Частое моргание глаз связано с тем, что обычно в открытом доступе трудно найти фотографии человека в момент моргания, так что нейронной сети просто не на чем учиться генерировать подобные кадры. Однако выявление вышеуказанных признаков со временем станет затруднительным, так как технологии создания «дипфейков» не стоят на месте. В связи с этим, помимо визуальных методов исследования, необходимо использовать также инструментальные (программные) методы. Так, одним из эффективных инструментальных методов исследования является метод цифровой обработки данных. Цифровая обработка данных – метод исследования, реализуемый путем разделения полезного сигнала и фона на яркостные и цветностные составляющие в первоначальном массиве данных при помощи программного обеспечения и компьютерных алгоритмов для обработки цифровых изображений. Данный метод относится к сфере компьютерно-технических экспертиз, что и предопределяет возможность исследования изображений, созданных нейросетями только при комплексном подходе.

Таким образом, можно сказать, что технологии «deepfake» достигли такого уровня развития, что оставлять их без должного внимания становится опасным. По нашему мнению, при исследовании такого рода объектов необходимо комбинировать методы визуального и инструментального анализа, что позволит объективизировать процесс экспертного исследования.

Галко С. Ю.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ 3D-ТЕХНОЛОГИЙ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗАХ

Галко Сергей Юрьевич, курсант 4 курса Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, Galko.sereja@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Лосева В. Г.

3D-технологии или аддитивные технологии – обобщенный термин, описывающий процесс изготовления изделий на основе цифровой модели путем послойного добавления материала. Данный термин обобщает в себе два самостоятельных понятия – 3D-печать и 3D-сканирование.

3D-печать – это совокупность последовательных манипуляций для создания трехмерных объектов различной геометрической формы на основе цифровой модели. Данный процесс производства получил название «Аддитивный», за счет изготовления определенного изделия путем поэтапного добавления материала на основу в виде осевой заготовки либо плоской платформы. Фактически данный процесс является полной противоположностью традиционных способов механического производства и обработки, где создание формы изделия происходит за счет удаления лишнего материала, путем фрезеровки, резки, опиловки и др.

3D-сканирование – это процесс перевода физической модели в цифровую в виде трехмерного изображения. Данный процесс широко применяется с целью дальнейшего исследования материальных объектов в цифровом виде, их редактирования при помощи специальной техники и специального программного обеспечения, а также изготовления путем взаимодействия с 3D-принтерами.

Для криминалистики во все времена главной задачей являлось получение достоверной информации о совершенном преступлении. К одному из современных и перспективных направлений увеличения качества и количества исследуемой информации о преступлении можно отнести использование 3D-технологий. При этом в криминалистических исследованиях видится перспективным применение как 3D-печати, так и 3D-сканирования.

Так, например, 3D-сканер можно использовать при проведении судебных баллистических экспертиз. Остающиеся на пуле после выстрела желобки и бороздки являются важными идентификационными признаками, с помощью которых можно идентифицировать конкретное оружие, из которого была выстрелена пуля. При помощи 3D-модели возможно изучать не только плоское изображение пули, но ее целую 3D-модель. Система с помощью отражаемого света позволяет определить глубину отметин так, что точность получаемого результата варьируется от десятков до сотен микрон.

3D-сканеры (типа EinScan Pro HP) позиционируются как многофункциональные портативные приборы для сбора 3D-информации о вещественных доказательствах в ходе осмотра места происшествия. Они способны быстро сканировать участки земли без использования маркеров и получать высокоточные 3D-модели поверхностей и следов на них, например, обуви, с высокой детализацией.

Исследователи Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя последние годы много внимания уделяют вопросам использования 3D-сканера (в частности «Calibry») в исследовании изображений внешности человека при проведении судебных портретных экспертиз.

Заслуживают внимания технологии 3D-моделирования, имеющиеся во многих современных ателье Российской Федерации, где создается индивидуальный манекен человека в 3D при помощи 3D-сканирования фигуры и лица человека. Данные, получаемые при этом, могут быть крайне

полезными правоохранительным органам и, в частности, судебным экспертам при производстве судебных портретных и судебных фототехнических экспертиз в качестве образцов для сравнительного исследования.

Все вышеуказанное подтверждает тот факт, что 3D-технологии не только повсеместно внедряются в жизнь современного общества, но и могут быть успешно использованы криминалистами при различных исследованиях.

Геращенко Е. И.

СЛЕДЫ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ: ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ

Геращенко Екатерина Игоревна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, lawcrim@bsu.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Хлус А. М.

Информационно-коммуникационные процессы, активизировавшие цифровую трансформацию общества, способствовали увеличению числа посягательств со стороны криминального мира на различные сферы экономических отношений. Киберпреступность признается серьезной проблемой в мировом масштабе, посягающей на личное имущество граждан, наносящей вред как национальной, так и мировой экономике и безопасности.

Специфичность механизма образования следов при совершении киберпреступлений связана с особенностями киберпространства и осуществляемой в нем деятельности субъекта, т. е. человека – пользователя информационной системы. К настоящему времени среди ученых-криминалистов сложились различные подходы к пониманию отражаемых в киберпространстве следов. Их именуют виртуальными (В. Ю. Агибалов, П. Е. Борзенков и др.), электронно-цифровыми (В. Б. Вехов и др.), бинарными (В. А. Милашев), информационными (Н. Г. Шурухнов), компьютерно-техническими (Ю. В. Гаврилин, Н. Н. Лыткин).

В различных научных и иных литературных источниках широкое распространение получил термин «цифровые следы», которые далеко не всегда представляются результатом криминальной деятельности лиц в киберпространстве. В широком понимании цифровые следы рассматриваются как любые источники информации, которую можно получить о человеке, пользующимся различными информационными системами и в первую очередь глобальной сетью Интернет. Следствием использования информационных систем является отражение разнообразной информации о человеке, в том числе его персональных данных, интересах, потребностях.

Содержащаяся в системе Интернет информация о человеке часто используется в криминальных целях, что предполагает образование специфических цифровых следов, которые могут существовать, как на цифровых, так и иных физических носителях. В связи с вышеизложенным можно принять во внимание, что цифровой след – это структурированное изменение информационной среды в виде сигналов на электронных и иных физических носителях (Н. И. Долженко). Указание в данной формулировке

на информационную среду, а фактически на объект посягательства с точки зрения криминалистики, позволяет откорректировать наименование следов, формируемых в киберпространстве в связи с совершением преступлений.

Рост количества совершаемых в киберпространстве преступлений определяет потребность в активизации разработки мер противодействия преступности в данной области. Криминалистика, как наука, находящаяся на переднем крае борьбы с преступностью, должна адаптироваться к изменившимся условиям. Это предполагает не только совершенствование, но и постоянное обновление криминалистических знаний в процессе выявления, раскрытия и расследования преступлений. Противодействие киберпреступности – особое направление развития криминалистики на современном этапе. Основу эффективности деятельности по раскрытию и расследованию преступлений против компьютерной безопасности должны составить криминалистические знания о тактике производства следственных действий, направленных на обнаружение, фиксацию и изъятие информационно-цифровых следов. Порядок работы с данным видом следов имеет свою специфику, подлежит дальнейшей разработке и требует научного обоснования применяемых методов.

Забавская А. Е.

ОСОБЕННОСТИ НЕКОТОРЫХ ТАКТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ ДОПРОСА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УБИЙСТВА

*Забавская Арина Евгеньевна, студентка 4 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь, lawcrim@bsu.by*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Хлус А. М.

Допрос является одним из самых распространенных следственных действий, применяемых при расследовании убийства. В ходе его проведения могут использоваться различные тактические приемы, среди которых рассмотрим наиболее эффективные.

Первый тактический прием можно условно обозначить как «застигнуть врасплох». Его суть заключается в том, чтобы совершать действия, которых допрашиваемый не ожидает. Это может выразиться в постановке неожиданного, короткого и предельно ясного вопроса. Если данный прием достигнет цели, то у допрашиваемого не будет времени сосредоточиться и придумать вразумительный, правдоподобный ответ.

«Использование слабых сторон допрашиваемого лица» является следующим тактическим приемом. Данный прием предполагает хорошее знание психологических свойств и качеств личности допрашиваемого лица, а также тщательную подготовку к допросу. Изучив личность допрашиваемого, следователь может спланировать ход допроса, общие вопросы, которые окажут воздействие на те или иные качества допрашиваемого: вспыльчивость, меркантильность, трусость, в некоторых случаях и глупость. Необходимо формулировать вопросы таким образом, чтобы они оказали воздействие на допрашиваемое лицо. Потеряв контроль над собой,

допрашиваемый начнет сообщать необходимую информацию. Например, расчет на вспыльчивость допрашиваемого лица. В связи с этим следователь умышленно ведет допрос следующим образом: не соглашается с допрашиваемым, встречает в его пояснения, исправляет его и т. п. Такое поведение допрашивающего имеет цель вывести допрашиваемого из состояния душевного равновесия. Потеряв контроль над речью и ходом мыслей, допрашиваемое лицо может случайно проговориться («сболтнет лишнее»). Таким образом, можно использовать любое качество человека, подстроить под это допрос и получить необходимую информацию.

Следующий тактический прием включает в себя целый комплекс действий, которые в теории криминалистики представлены как «следственные ловушки». Цель данного приема заключается в том, чтобы создать у допрашиваемого преувеличенное представление об имеющейся доказательственной информации относительно того или иного обстоятельства. Как было сказано, данная тактика включает в себя целый ряд действий, объединяющихся в отдельные группы.

К первой группе относятся действия, которые непосредственно направлены на создание увеличенного впечатления у допрашиваемого лица, об осведомленности следователя относительно обстоятельств преступления. Для реализации данного приема, следователь должен вести себя соответствующим образом, т. е. так, чтобы у допрашиваемого сложилось впечатление, что следователю уже известны все обстоятельства по делу. Для этого следователь, при общении с допрашиваемым, должен вести себя уверенно и выглядеть соответствующим образом, вести допрос, используя лишь общие факты, которые ему известны, не заостряя на этом внимания. Совокупность всех этих факторов должна вызвать у допрашиваемого лица впечатление, что следователь уже владеет всей информацией, поэтому бессмысленно оказывать сопротивление. Считаем данный прием одним из самых сложных, с точки зрения реализации, поэтому его необходимо поручать лишь опытным следователям, которые специализируются на данной категории дел.

Кармазина А. С.

МОШЕННИЧЕСТВО: МОДЕЛЬ СКРЫТОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Кармазина Анастасия Сергеевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, lawcrim@bsu.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Хлус А. М.

Мошенничество, согласно ст. 209 Уголовного кодекса Республики Беларусь, это «завладение имуществом либо приобретение права па него путем обмана или злоупотребления доверием».

Практике расследования данного вида преступлений известно огромное количество способов совершения мошенничества.

Большое количество современных способов мошенничества связано с использованием сети Интернет. Так, например, группа мошенников, используя вредоносный код, блокировала браузеры пользователей Интернета. Затем демонстрировала пользователю страницу, где от имени правоохранительных органов (МВД, прокуратуры и других) требовали заплатить штраф за просмотр и хранение порнографии. Мошенники угрожали – если деньги не поступят на счет мобильного телефона в течение двух часов, к нарушителю отправится следственно-оперативная группа.

Среди современных способов мошенничества есть и такие, у которых признаки противоправности деяния не очевидны. Их сокрытию способствует поведение и внешние условия деятельности преступников, а также особенности личности жертв преступления.

Современные мошенники (как мужчины, так и женщины) обладают располагающей внешностью и незаурядным умом. Они умеют привлечь внимание и завоевать симпатию окружающих, легко находят слабые места в психике собеседника. В их арсенале набор различных психологических приемов. Например, они предлагают совершить какую-либо сделку на условиях, которые значительно выгоднее обычных либо заставляют жертву совершать какие-либо действия в спешке, мотивируя это различным способом.

Потерпевшими при мошенничестве являются излишне доверчивые люди. Нередко они простодушны, болтливы, что позволяет легко их обмануть. В ряде случаев они проявляют алчность, жадность, стремятся обойти существующие правила, сами нарушают закон (например, в связи приобретением автомобиля, жилья) и в результате становятся жертвами мошенников. Это всегда учитывается при оценке поведения потерпевших по делам о мошенничестве. Такие потерпевшие в процессе расследования уголовных дел стремятся всячески скрыть компрометирующие их факты, оправдать свое неблагоприятное поведение.

Универсальная схема мошенничества представляет собой управляющее воздействие субъекта на объект. Причем субъект скрывает истинную цель, афишируя объекту иную, привлекательную для него цель, т. е. оказываемое на объект воздействие основывается на обмане и носит скрытый характер.

Всякое скрытое управляющее воздействие на объект управления содержит следующие элементы, которые взаимосвязаны и образуют традиционную модель мошенничества.

Первый элемент в модели скрытого управляющего воздействия представляет собой сбор информации об объекте управления. Субъекта, оказывающего скрытое управление, интересуют потребности и желания объекта, его слабости и особенности личности. В своей совокупности они представляют собой следующий элемент в модели скрытого управления, на который непосредственно оказывается целенаправленное воздействие. На основе знания потребностей (слабостей, желаний и иного) объекта субъект определяет собственную линию поведения, облегчающую достижение его цели. Действия субъекта направлены на привлечение внимания объекта

воздействия к предложению, формирование у него чувства выгоды и преимуществ в связи с приобретением чего-либо. При этом субъект маскирует свою истинную цель, т. е. обманывает объект управляющего воздействия. Сущность действий, осуществляемых в рамках определенной линии поведения субъекта, можно выразить термином «приманки». Приманки представляют собой третий элемент модели скрытого управляющего воздействия. Четвертый элемент модели скрытого управляющего воздействия обеспечивает достижение цели создания условий для воздействия на объект в нужном для субъекта направлении. Достигается это посредством формирования у объекта чувства доверия и расположения к субъекту, усыпления бдительности и отвлечения внимания от истинной цели последнего. Данный элемент в модели воздействия на объект можно выразить формулировкой – «притяжение». Затем следует заключительный этап в управляющем воздействии на объект: понуждение его к действию в нужном для субъекта направлении. Он может наступить сам собой как результат предшествующих действий субъекта. Но может достигаться посредством использования различных средств, в числе которых внушение, сообщение ложной информации, убеждение, психологическое давление, запугивание и др.

Рассмотренная схема скрытого управления характерна для любого способа мошенничества. Отличие может состоять в различном количестве элементов представленной модели. В некоторых случаях отдельные элементы отсутствуют или их присутствие выражено неявно. Например, информация может быть заранее известна мошеннику либо им учитываются наиболее распространенные человеческие слабости, такие как алчность, любовь к подаркам и др. «Притяжение» может быть создано ранее сложившимися отношениями.

Козелецкая Е. В.

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ФАКТА
ИЗМЕНЕНИЯ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА ЧЕЛОВЕКА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ
ПОРТРЕТНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ**

*Козелецкая Елизавета Владимировна, курсант 3 курса Академии
Министерства внутренних дел Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь,
voinitskaia9@mail.ru*

Научный руководитель: старший преподаватель Лужинская Е. Л.

В современном мире фиксация информации происходит непрерывно и различными способами. Особенно такое явление распространено именно сейчас, когда технический прогресс, развитие программных продуктов, «цифровой среды» затронули все сферы жизнедеятельности человека. Но вместе с тем возникает множество вопросов о достоверности получаемой информации, напрямую влияющей на развитие общества и на деятельность правоохранительных органов.

В экспертной практике нередко встречаются случаи исследования изображений лиц, внешний облик которых изменен. В литературных источниках в области габитоскопии к основным видам изменений внешнего облика человека относят: возрастные изменения; посмертные изменения; косметико-хирургические изменения; использование макияжа и грима, а также изменения уже полученного изображения с запечатленным внешним обликом конкретного лица при помощи программных продуктов.

Пластические операции по изменению внешности приобрели массовый характер как во всем мире, так и в Республике Беларусь в частности. Согласно медицинским источникам, возможности изменения внешности при помощи хирургического вмешательства имеют разнообразные виды, среди которых: омоложение лица (ритидэктомия, фейслифтинг), различные пластики, реконструктивная пластика (при массивных внешних поражениях).

Все вышеуказанные операции оставляют так называемые «послеоперационные следы», т. е. изменение одного признака влечет за собой изменение другого признака внешности. Любое хирургическое воздействие на элементы внешности, расположенные в области лица и шеи, влечет за собой закономерные последствия. Чтобы ориентироваться в данных закономерностях, по нашему мнению, эксперту в области судебной портретной экспертизы, в случае установления факта изменения внешности при помощи пластической хирургии, необходимо инициировать привлечение к проведению портретной экспертизы пластического хирурга.

Вторым, часто встречающимся видом внесения изменений в изображения внешнего облика человека, либо создание изображения из нескольких компонентов являются «цифровая ретушь» и «цифровой монтаж». Под «цифровой ретушью» мы понимаем редактирование изображений. Под «цифровым фотомонтажом» – процесс и результат создания изображений путем «вырезания», «склеивания», перестановки и наложения двух или более фотографий в новое изображение. В настоящее время существует масса мобильных приложений, использующих в качестве основного функционала «цифровую ретушь» и «цифровой монтаж». К примеру, наиболее распространёнными являются программы создающие AR-маски и «морфинг» лица. Такие программы позволяют производить обработку изображений, изменять характеристики цвета, тона, улучшать или ухудшать качество. Многие приложения на исходное изображение накладывают эффекты изменения возраста, пола, изменения контуров элементов лица, добавление макияжа, родинок, рисунков на лицо и т. д. Возможно даже удаление каких-либо дефектов.

Подводя итог, хотелось бы акцентировать внимание на то, что экспертам, занимающимся проведением портретных экспертиз, необходимо ориентироваться в многообразии факторов, влияющих на изменение внешности человека, и иметь возможность исследовать данную область или находить необходимую информационную базу для формирования объективного вывода в процессе проведения экспертизы.

Кривицкая А. А.
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СРЕДСТВ ЗАЩИТЫ
ДЕНЕЖНЫХ БИЛЕТОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
ОБРАЗЦА 2009 г. И 2019, 2020, 2022 гг.

*Кривицкая Алеся Андреевна, курсант 4 курса Академии Министерства
внутренних дел Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь,
akrivicka254@gmail.com*

Научный руководитель: старший преподаватель Лосева В. Г.

Визуальный вид, повсеместно известный нашим гражданам, денежные билеты Республики Беларусь приобрели в 2009 г., когда был придуман их дизайн, а введены они были в обращение с данным дизайном только в 2016 г. Обновленные денежные билеты Национального банка Республики Беларусь образца 2009 г. номиналами 5 и 10 рублей были введены в обращение с 20 мая 2019 г., 20 и 50 рублей – с 23 марта 2020 г., а денежный билет номиналом 100 рублей – с 1 июля 2022 г. Несмотря на то, что визуально почти ничего в данных денежных билетах образцов 2019, 2020 и 2022 гг. выпуска ничего не изменилось, содержание средств защиты претерпело значительные изменения и для судебных экспертов, сотрудников правоохранительных органов и других организаций, осуществляющих проверку подлинности денежных билетов, крайне важно знать детально о всех примененных и (или) измененных средствах защиты в денежных билетах Республики Беларусь.

Проведем сравнительный анализ средств защиты, имеющих в денежных билетах Республики Беларусь. Так, денежные билеты образца 2019, 2020 и 2022 гг. выпуска отличаются от денежных билетов образца 2009 г. по следующим характеристикам:

1) изменение дизайна денежного билета:

- приведены в соответствие с актуальным внешним видом изображения архитектурных сооружений на лицевых сторонах денежных билетов и указаны их названия;

- удален реквизит «Старшыня Праўлення» и факсимиле его подписи, вместо «2009» указан год выпуска в обращение – «2020»;

- в денежном билете номиналом 50 рублей исправлена орфографическая ошибка (в слове «пяцьдзясят»);

2) удаление некоторых примененных средств защиты (в сравнении с денежными билетами образца 2009 года выпуска):

- графического элемента в виде изображения окна и защитного элемента – скрытого изображения «MASK»;

- скрытого изображения (кипп-эффект);

- угловых водяных знаков («Cornerstone»).

3) введение новых средств защиты (отсутствуют в денежных билетах образца 2009 г. выпуска):

- дополнительного филигранного водяного знака (в денежных билетах всех номиналов);

- увеличенной по ширине новой защитной нити (в денежных билетах номиналом 5, 10, 20 и 50 рублей);
- цветопеременной краски OVI (на денежных билетах номиналом 50 рублей);
- скрытого изображения «Br» (на денежном билете номиналом 100 рублей);
- защитного элемента «SPARK®Live» (на денежном билете номиналом 100 рублей);
- новой защитной нити с кинетическим эффектом «Mobile» (в денежном билете номиналом 100 рублей);
- новых защитных волокон с чередующимися участками красного и желтого цветов («защитные волокна с переменным сечением») (в денежном билете номиналом 100 рублей).

Несомненно, все вышеуказанные изменения средств защиты направлены на защиту денежных билетов Республики Беларусь от подделок; а знание примененных средств защиты во всех находящихся в обращении денежных билетах Республики Беларусь обязательно не только сотрудникам правоохранительных органов при осуществлении ими своих служебных обязанностей и судебным экспертам при проведении судебных технических экспертиз документов (реквизитов документов), но и всем гражданам Беларуси для повышения их финансовой грамотности и своевременного выявления фактов использования поддельных денежных билетов.

Кустова А. В.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГРАБЕЖЕЙ И РАЗБОЕВ

*Кустова Анастасия Вячеславовна, студентка 4 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
anastasiakustova1407@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Хлус А. М.

Грабежи и разбои относятся к группе преступлений корыстно-насильственной направленности. На результативность борьбы с грабежами и разбоями влияет наличие соответствующей времени методики расследования. В основе построения современных методик расследования криминалистическая характеристика преступлений.

Криминалистическая характеристика грабежей и разбоев, как результат анализа уголовных дел данного вида, не всегда обеспечивает выявление признаков, необходимых для уголовно-правовой квалификации расследуемого деяния. По нашему мнению, ее совершенствование будет способствовать процессу адекватного криминалистического представления данных видов преступлений. Для этого необходимо основываться на криминалистических знаниях о преступлении как системном образовании материального характера. Дело в том, что структуру любого вида криминальных деяний, в том числе и грабежей, составляет ряд элементов, представляющих собой

материальные образования. В материальной структуре грабежей и разбоев можно выделить ряд общих элементов. Теоретической основой для их познания служит учение о материальной структуре преступления.

Анализ уголовно-правовых составов, предусмотренных ст. 206 и 207 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) позволяет выделить типичные элементы их материальной структуры.

Грабеж и разбой представляются в виде материальной системы, содержащей три типичных структурных элемента: субъект совершающий грабеж, объект и предмет преступного посягательства.

Элементом, образующим систему рассматриваемого вида преступлений, является субъект их совершения. Сведения о нем в криминалистической характеристике преступлений представлены в виде наиболее общих криминологических свойств личности преступников. О субъекте совершения указанных деяний более значимой является информация о возможности формировать следовую картину преступления. Данный элемент в структуре преступления характеризуется как образующий следы, так и отражающий на себе следы в результате взаимосвязи с иными материальными элементами, образующими преступную систему.

В криминалистической характеристике грабежей не уделяется должного внимания объекту преступного посягательства и средствам совершения преступления.

Основным объектом посягательства в момент совершения указанных преступлений является человек. Воздействуя на потерпевшего, преступник завладевает имуществом и причиняет ему иной вред: физический и(или) моральный.

Объектом посягательства при совершении грабежей может выступать иная материальная система. В таком качестве следует рассматривать помещения различных форм собственности.

Средство совершения преступления не обязательный элемент в материальной структуре грабежей, но возможный для разбоев. Обнаружение в процессе расследования конкретного средства совершения преступления и доказательство особенностей его применения в преступной системе влияет на квалификацию деяния.

Элементом в структуре грабежей и разбоев является предмет преступного посягательства, который определяет их целевую направленность. Предметом посягательства при совершении грабежей и разбоев чаще всего являются деньги и другие материальные ценности (мобильные телефоны, ювелирные изделия, аудио- и видеотехника и др.). На предмете преступного посягательства отражаются различные следы субъекта совершения грабежа или разбоя. Некоторые предметы оставляют следы своего вещества на субъекте, например, в виде микрообъектов. Следы, оставленные субъектом на предмете и, взаимно, предметом на субъекте, могут быть выявлены только после задержания преступника и обнаружения похищенного предмета.

Разработанная криминалистическая характеристика грабежей и разбоев не дает полного криминалистического представления о данном виде

преступлений и не способствует выявлению признаков, необходимых для уголовно-правовой квалификации расследуемого деяния.

В целях совершенствования криминалистической характеристики грабежей необходимо основываться на криминалистических знаниях о данном виде преступлений как системном образовании материального характера.

Лукомский Н. С.

ПРОБЛЕМЫ ТАКТИКИ ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО

Лукомский Никита Сергеевич, курсант 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, nik.lukomskiy@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Орехова Е. П.

Основную проблему допроса при расследовании преступлений составляют выявление ложных показаний и преодоление установки на них допрашиваемого лица. В соответствии со ст. 40 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь подозреваемым является физическое лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления, либо лицо, в отношении которого органом уголовного преследования возбуждено уголовное дело или вынесено постановление о применении меры пресечения до вынесения постановления о привлечении его в качестве обвиняемого или признании подозреваемым.

Успех работы органов предварительного расследования в данном направлении напрямую зависит от способности допрашивающего проводить беседы и применять психологические и логические приемы допроса, не противоречащие нормам законодательства. Для следователей фундаментальной целью является получение правдивой и объективной информации, что является основой для правильного принятия решения о причастности либо не причастности лица к совершенному преступлению.

Для получения достоверной и полной информации от подозреваемого следователь выбирает и применяет тактические приемы, которые обеспечивают получение необходимой информации, невзирая на противодействие подозреваемого. При этом нужно помнить, что показания подозреваемого, это не только доказательство вины подозреваемого, но и средство его защиты. На допросе подозреваемый может быть растерян в связи с неожиданным задержанием либо возбужденным, агрессивным, может быть готовым дать показания либо настроенным отказаться от дачи показаний. Если подозреваемый готов давать правдивые показания, то допрос идет в бесконфликтной ситуации. Подозреваемый сообщает сведения, касающиеся совершения преступления, в объеме, в котором считает нужным. С помощью постановки вопросов следователь побуждает допрашиваемого описывать события в той последовательности, в какой они происходили. При этом нужно направлять подозреваемого на максимально объемное и детализированное изложение сведений об обстоятельствах совершенного преступления. Убедиться в достоверности полученных показаний можно путем постановки контрольных вопросов. Иногда подозреваемый охотно

сообщает об одних обстоятельствах, но умалчивает о других. Тогда рекомендуется, выяснив те обстоятельства, о которых подозреваемый сообщает охотно, сконцентрировать внимание на невыясненных. Для этого следователь может: а) побуждать допрашиваемого к отказу от противодействия и введения следствия в заблуждение; б) создавать впечатление о безнадежности таких попыток; в) использовать сомнения допрашиваемого в целесообразности придерживаться выбранной линии поведения; г) внезапно предъявить уличающие доказательства и т. д.

В бесконфликтной ситуации получению полных и правдивых показаний от подозреваемого способствует доброжелательность обстановки. В ходе допроса не рекомендуется подстраиваться под речь и манеры подозреваемого, проявлять к нему панибратское или снисходительное отношение, использовать в разговоре вульгарные и жаргонные выражения. Это может дать отрицательный результат.

Если подозреваемый отказывается от дачи показаний, отрицает свою причастность к совершенному преступлению, то необходимо решить вопрос, являются ли эти показания правдивыми. Если иные доказательства по делу указывают на то, что преступление совершено допрашиваемым, то образуется конфликтная ситуация. В этом случае следует выяснить движущие мотивы и разъяснить подозреваемому, что тем самым он лишает себя возможности защищаться от возникшего подозрения. С учетом имеющихся доказательств и личности допрашиваемого следователь может применить следующие приемы: а) спокойно отметить несоответствие показаний материалам дела и посоветовать рассказать правду; б) объяснить значение чистосердечного признания; в) задать допрашиваемому дополняющие и уточняющие вопросы об обстоятельствах, которые освещены наиболее достоверно.

Таким образом, от правильно выбранной тактики проведения допроса будет зависеть результат его проведения. Чтобы отличить ложные показания от правдивых, следователю необходимо тщательно подготовиться к допросу, изучить материалы и обстоятельства дела, личность допрашиваемого лица. Следователю будет легче идентифицировать ложные показания и выбрать тактические приемы допроса, если он в полной мере изучит индивидуально-психологические особенности подозреваемого.

Мкртычян А. И.

О ПОНЯТИИ «АФФЕКТ» В ПСИХОЛОГИИ, СУДЕБНОЙ ПСИХИАТРИИ И ПРАВЕ

Мкртычян Анна Игоревна, магистрант Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, lawyer.hanna@mail.ru

Научный руководитель: канд. мед. наук, доцент Кухарьков Ю. В.

В ходе проведения исследования по вопросам влияния эмоциональных состояний на поведение субъекта, когда таковой причиняет вред жизни и здоровью другим людям (совершает убийство, причиняет телесные

повреждения), нами было обращено внимание на тот факт, что понятие «аффект» имеет неоднозначную трактовку. В целом, с одной стороны, в работах по психологии и судебной психиатрии, с другой – по правовым наукам (уголовному праву, криминологии, криминалистике) признается:

- аффект является эмоциональным состоянием, другими словами, в уголовно-правовой терминологии – это «состояние сильного душевного волнения» (ст. 31 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК)); протекает интенсивно, в короткий период времени;

- аффект, как и все эмоции в целом, возникает у человека при воздействии каких-либо внутренних и внешних причин, создающих ситуацию, имеющую значение (положительное или отрицательное) для существования этого человека либо для существования других людей или других объектов, которых человек связывает с самим собой и которые имеют для него существенное значение. Значение таких причин может определяться биологическими потребностями человека, однако может быть связано (следует полагать чаще) с социальным значением и жизненной позицией личности;

- аффект как эмоции проявляются физиологическими (телесными) реакциями (изменениями сердечной деятельности, дыхания, покраснением или резкой бледностью кожи и т. п.), может значительно возрастать мышечная сила, отсутствовать болевая чувствительность.

При этом в психологии и судебной психиатрии аффект (синоним «аффективная реакция») подразделяют по различным признакам: основными в делении являются признаки нарушения сознания (патологический и физиологический аффект), а также длительность подготовительной стадии аффекта (внезапно-возникший и кумулятивный аффект). При аффекте патологическом возникает полное помрачение сознания и потеря памяти на время совершенных действий; субъект не руководит своими действиями, не понимает их содержание, отсутствует оценка окружающей действительности. Аффект физиологический определяется как нарушение сознания, однако частично сохраняется возможность сознавать свои действия, руководить ими, оценивать окружающую действительность; память на совершение каких-либо действий при аффекте в целом сохраняется. Следует отметить, что физиологический аффект может проявляться как негативные эмоции (злость, ярость), так и в виде позитивных эмоций, когда психотравмирующий фактор будет иметь для субъекта положительное значение (бурное проявление радости, экстаз на хорошую новость).

Аффект как патологический, так и физиологический, может возникать в короткие сроки (практически сразу) с минимальной подготовительной стадией на какие-либо обстоятельства, которые и будут являться психотравмирующим фактором (какое-либо известие, оскорбление, физическое насилие и т. п.). Однако, возможно, что психотравмирующие факторы повторяются на протяжении длительного периода времени (конфликты, регулярные оскорбления, т. п.), т. е. подготовительная стадия длительная; резкую эмоциональную реакцию вызывает стимул, который может представляться малозначительным; такой аффект определяется как кумулятивный.

Уголовно-правовое понятие аффекта (по формулировкам ст. 31 УК), признаки которого необходимо определять при расследовании преступлений, подразумевает:

1) вызван в каком-либо варианте: «насилием, издевательством, тяжким оскорблением или иными противозаконными или грубыми аморальными действиями потерпевшего», либо вызван «длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего»;

2) «лицо не могло в полной мере сознавать значение своих действий или руководить ими»;

3) аффект рассматривается только с позиции ответственности за причинение вреда жизни и здоровью: в случае умышленного причинения смерти, тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения.

Таким образом, психологическое, судебно-психиатрическое понятие аффекта в правовых науках используется с изъятиями: правовое понимание подразумевает под этим понятием только аффект физиологический, возникший только как негативные эмоции, возникший либо с минимальной подготовительной стадией, либо как кумулятивный.

Аффект в юридических науках к понятию в психологии и судебной психиатрии относится как частное к общему.

Пекарская К. Л.

**КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СУДЕБНОЙ
ПОРТРЕТНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ЛИЦ, ВНЕШНИЕ ПРИЗНАКИ КОТОРЫХ
ПОДВЕРГЛИСЬ МЕДИКО-КОСМЕТОЛОГИЧЕСКОМУ
ВМЕШАТЕЛЬСТВУ**

*Пекарская Ксения Людвиговна, курсант 4 курса Академии Министерства
внутренних дел Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь,
kseniyapek@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Чванкин В. А.

С недавнего времени активно обсуждаются вопросы изменения внешности посредством хирургических операций и эстетических манипуляций. Данная тема актуальна не только для пластических хирургов но и для специалистов в области габитоскопии. На данном этапе услуги эстетической медицины настолько разнообразны, что человек, не обладающий знаниями в данной сфере, при попытках разобраться в изменениях, произошедших в результате пластической операции либо косметологической манипуляции, сталкивается с трудностями. В своих работах А. И. Неробеев пишет: «Для восстановления утраченного носа пластический хирург может выбирать или метод *convers*, или филатовский стебель, или пересадку лоскутов из тканей щеки, или одномоментное восстановление за счет переноса тканей с использованием микрососудистой техники. Все эти операции – как по технике исполнения, затраченным силам

врача и пациента, так и по конечному результату – имеют значительные различия». Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что эксперт, обладающий специальными знаниями в области судебной портретной экспертизы, по объективным причинам не всегда способен объяснить причины различий, выявленных в процессе идентификации лиц, элементы внешности которых были изменены в результате пластической операции. Аналогичная ситуация складывается при производстве судебной портретной экспертизы по фотоизображениям трупа. В данном случае сложности связаны с тем, что изображения трупа не всегда обладают достаточным объемом информации, позволяющим выделить необходимый комплекс признаков внешности, достаточный для решения вопроса об идентификации личности. Это объясняется посмертными изменениями трупа, а также особенностями проведения опознавательной фотосъемки трупа. По этой причине для достоверного определения признаков внешности необходимо прибегнуть к специальным знаниям в области медицины.

Комплексный подход к проблемам отождествления лица, внешность которого изменена в результате пластической операции либо косметической манипуляции, является наиболее целесообразным. Однако в данное время в экспертных подразделениях отсутствуют специалисты, компетенция которых будет соответствовать современным тенденциям пластической хирургии.

Ученые России активно рассматривают тему комплексного подхода при проведении идентификации лиц, признаки внешности которых подверглись медицинскому или косметическому вмешательству. И в качестве решения вопроса о привлечении специалистов, обладающих специальными знаниями в области пластической хирургии, для проведения исследования ряд российских ученых предложили так называемую «комплексную консультацию», которая, во-первых, поможет значительно ускорить проведение судебной портретной экспертизы, во-вторых, избежать экспертных ошибок, а также увеличить вероятность дачи вывода в категорической форме.

Подводя итог, необходимо отметить, что особенности производства судебных портретных экспертиз, в рамках которых на данном этапе исследуется внешний облик лиц, подвергшихся медико-косметологическому вмешательству, в достаточной мере разработаны. Однако, разработка новых методов и средств пластической хирургии диктует необходимость дальнейшего совершенствования методических рекомендаций по судебно-экспертной идентификации лиц с измененным внешним обликом. Считаем важным еще раз акцентировать внимание не только на значимость, но и целесообразность комплексного подхода в процессе идентификации лиц, чьи признаки внешности были изменены в результате пластических операций и косметологических манипуляций.

Платун К. Ю.

СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ID-КАРТ

Платун Константин Юрьевич, курсант 4 курса Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, platunk@bk.ru

Научный руководитель: старший преподаватель Лосева В. Г.

В современном мире происходит непрерывное и бурное развитие технологий, использование которых направлено на оптимизацию и упрощение различных видов человеческой деятельности, а также на достижение максимального удобства в ее осуществлении. К таковым можно отнести создание биометрических документов. В Республике Беларусь биометрические документы, удостоверяющие личность, были введены в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 16 марта 2021 г. № 107. В соответствии с данным Указом в Республике Беларусь появились наравне с загранпаспортами, выполненными в виде бланк-книжек, внутренние паспорта в виде ID-карты.

ID-карта – официальный документ, удостоверяющий личность, в том числе в электронных системах различных уровней и назначений, обычно выполненный в формате пластиковой карты. На лицевой и оборотной сторонах данной карты может содержаться различная информация (Ф.И.О. владельца, личный номер, номер карты, номер органа, выдавшего документ, дата его выдачи и т. д.). Кроме этого, в RFIT-чип, содержащийся в ID-карте, повторно заносятся данные владельца документа, а также биометрические данные, к которым могут относиться отпечаток пальца, сканированная сетчатка глаза, антропологический рисунок лица и т. д.

На первый взгляд можно видеть лишь плюсы в использовании такой технологии, которая в разы упрощает различные процессы жизнедеятельности, позволяет совершать различные действия дистанционно, содержит большое количество информации на небольшом материальном носителе. В то же время в связи с такой наполненностью информацией ID-карта может становиться объектом преступного посягательства и, соответственно, поступать на исследование различным судебным экспертам.

Одним из таких видов исследований, проводимым по объекту – ID-карте, может стать судебная портретная экспертиза. Исследуются при этом фотография, напечатанная на поверхности ID-карты, и фотография, содержащаяся в чипе. ID-карта может являться объектом судебной технической экспертизы документов (реквизитов документов) с целью установления ее подлинности, способа подделки, первоначального содержания реквизитов и многого другого. Во многих ID-картах содержатся изображения отпечатков пальцев ее владельца, что может быть использовано при проведении судебной дактилоскопической экспертизы.

Несмотря на широкий спектр возможностей исследования ID-карт, некоторые вопросы относительно порядка ее исследования до сих пор не урегулированы. Так, при исследовании информации из ID-карты в рамках

судебной дактилоскопической или судебной портретной экспертиз информацию, содержащуюся в чипе, необходимо предварительно изъять на какой-либо носитель, что автоматически поднимает вопрос об процессуальных и организационных особенностях данных действий.

Таким образом, можно констатировать, что создание ID-карты в качестве документа, удостоверяющего личность граждан, является новым, технологически более усовершенствованным способом защиты персональной информации граждан. В то же время новый документ, отличающийся технологически и по средствам защиты от предыдущих, требует новых методологических подходов, а также оборудования для его исследования.

Полуносик В. А.
К ВОПРОСУ О ПРОВЕДЕНИИ ЭКСПЕРТИЗЫ
ВНЕ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Полуносик Вероника Александровна, аспирант Научно-практического центра Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, veronikapolynosik@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Орехова Е. П.

Порядок назначения и проведения экспертизы в рамках уголовного процесса регламентирован главой 26 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК). В соответствии со ст. 227 УПК экспертиза проводится специалистами судебно-экспертных организаций, иных государственных или негосударственных организаций либо другими сведущими лицами, назначенными следователем, лицом, производящим дознание.

Статьей 231 УПК установлено, что если экспертиза проводится вне судебно-экспертной организации, следователь, лицо, производящее дознание, до вынесения постановления о назначении экспертизы должны удостовериться в личности лица, которому они намерены поручить проведение экспертизы, его компетентности, выяснить его отношения с подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим и лицом, подвергаемым экспертизе, и проверить, нет ли оснований для отвода эксперта.

Следует отметить, что на основании ст. 16 Закона Республики Беларусь «О судебно-экспертной деятельности» (далее – Закон) судебным экспертом, кроме работников судебно-экспертной организации, также является индивидуальный предприниматель, имеющий свидетельство о присвоении квалификации судебного эксперта, осуществляющий деятельность по проведению судебных экспертиз на основании лицензии. В силу ст. 18 Закона проведение судебной экспертизы может назначаться иному лицу в порядке, установленном процессуальным законодательством.

Назначение экспертизы как судебному эксперту, являющемуся индивидуальным предпринимателем, так и иному лицу осуществляется в соответствии со ст. 231 УПК. При этом назначение экспертизы судебному

эксперту, являющемуся индивидуальным предпринимателем, имеет некоторые особенности, связанные с тем, что инициатор назначения экспертизы полагает, что он обязан каким-либо образом проверить наличие у лица специальных знаний в необходимой области науки, техники, искусства или ремесла.

В связи с наличием у судебного эксперта, являющегося индивидуальным предпринимателем, свидетельства о присвоении квалификации судебного эксперта процесс удостоверения в его компетенции органом, назначающим экспертизу, представляется формальным при условии, что поставленные перед экспертом вопросы решаются при проведении вида (подвида) экспертизы, указанного в таком свидетельстве. Согласно ст. 21 Закона для получения данного свидетельства помимо прочего необходимо иметь высшее образование по специальности, позволяющей претендовать на присвоение квалификации судебного эксперта по заявленному виду (подвиду) судебной экспертизы, и стаж работы по направлению профессиональной деятельности не менее пяти лет после окончания учреждения высшего образования, из них не менее двух лет стажа экспертной работы. Кроме того, одним из требований для получения лицензии для индивидуального предпринимателя является наличие стажа экспертной работы в судебно-экспертных организациях не менее двух лет.

Законом установлена обязанность индивидуального предпринимателя вернуть постановление (определение) о назначении судебной экспертизы без исполнения в течение пяти рабочих дней со дня его регистрации в случаях, если он не имеет лицензии на проведение соответствующего вида (подвида) судебной экспертизы, отсутствуют материально-техническая база или условия для проведения судебной экспертизы.

Таким образом, при условии назначения экспертизы по виду (подвиду) судебной экспертизы, указанной в свидетельстве, компетенция судебного эксперта, являющегося индивидуальным предпринимателем, в указанной области уже подтверждена комиссией по вопросам лицензирования деятельности по проведению судебных экспертиз Государственного комитета судебных экспертиз при выдаче соответствующего свидетельства и лицензии.

Стариков Е. В.

АНАЛИЗ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Стариков Егор Вячеславович, студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, lawcrim@bsu.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Орехова Е. П.

Цифровая эра несет с собой не только новые технологии и возможности, но и вызовы в сфере правоохранительной деятельности. Анализ цифровых следов и развитие искусственного интеллекта являются ключевыми факторами в эффективном расследовании преступлений в наше время.

С постоянным увеличением количества цифровых устройств и онлайн-активности мир сталкивается с неуправляемым потоком данных. Это открывает новые возможности для преступников, но также предоставляет правоохранительным органам богатый источник информации, которую можно использовать в расследовании преступлений. Анализ цифровых следов позволяет раскрывать скрытые взаимосвязи, идентифицировать подозреваемых и собрать улики, которые могут послужить в качестве доказательств в суде.

Современные методы анализа цифровых следов базируются на сочетании традиционных криминалистических методик с применением современных технологий. Компьютерная форензика позволяет извлекать информацию с компьютеров, мобильных устройств и других электронных носителей. Цифровое детективное искусство позволяет интерпретировать и анализировать полученные данные с использованием специализированного программного обеспечения.

Однако объем данных, которые необходимо обработать, становится все больше и больше, что приводит к сложностям в ручной обработке информации. В этом случае искусственный интеллект приходит на помощь. Развитие алгоритмов машинного обучения позволяет компьютерам анализировать большие объемы данных с высокой точностью и скоростью. Это значительно упрощает процесс анализа цифровых следов и позволяет выявлять скрытые закономерности, неочевидные для человеческого взгляда.

Одним из примеров работы искусственного интеллекта в расследовании преступлений является использование системы распознавания лиц. Автоматическое сопоставление изображений позволяет с высокой точностью определить преступника на основе видео- или фотоматериалов. Это существенно ускоряет процесс идентификации и позволяет оперативно реагировать на преступления.

Однако несмотря на все преимущества анализа цифровых следов и использование искусственного интеллекта, проблемы с защитой персональных данных и приватности остаются актуальными. Безопасность и этические вопросы играют важную роль в разработке и применении технологий расследования преступлений.

Таким образом, анализ цифровых следов и развитие искусственного интеллекта являются неотъемлемой частью современной криминалистики. Эти технологии позволяют эффективно бороться с угрозами, снижать уровень преступности и повышать безопасность общества. Для успешного применения этих технологий необходимо балансировать между использованием данных и сохранением персональных данных лица.

Фоменкова А. С.

ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ ПО КОПИЯМ ДОКУМЕНТОВ

*Фоменкова Алла Сергеевна, студентка 4 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
allafomenkova2002@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Орехова Е. П.

Относительно новым подвидом судебной почерковедческой экспертизы является возможность проведения ее по копиям документов. Назначение рассматриваемой экспертизы осуществляется по правилам главы 26 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь. От правильности выполнения процедуры назначения экспертизы зависит исход исследования и возможность использования заключения эксперта в качестве источника доказательств.

В настоящее время почерковедческая экспертиза по копиям документов является востребованной в судебной практике в связи с тем, что не всегда имеются оригиналы документов. Однако данное направление в судебной экспертизе имеет ряд проблемных вопросов, которые требуют научного осмысления.

При оценке результатов судебной почерковедческой экспертизы по копиям документов большое значение имеет научная обоснованность и однозначная интерпретация выводов, полученных экспертом.

Почерковедческая экспертиза по копиям документов имеет определенные сложности, связанные с предотвращением факта монтажа и технической подделки документов.

У эксперта есть лишь копия рукописи, а не оригинальная рукопись, в связи с чем ряд ученых считают, что имеются вопросы к определению объекта почерковедческой экспертизы. На наш взгляд, следует исходить из того, что копия – это материальное отражение первоначального рукописного текста и, соответственно, свойств почерка автора рукописного текста. Следовательно, копия документа с письменными знаками может быть объектом почерковедческой экспертизы. Однако лица, назначающие экспертизу почерка по копиям документов, должны решить вопрос о возможности предоставления эксперту оригинального документа, а в случае его отсутствия установить природу происхождения копии.

Сложность назначения экспертизы по копиям документов заключается в том, что отсутствуют единые требования к копиям документов, которые могут быть предоставлены эксперту для исследования, и соответствующим этим копиям образцам для сравнительного исследования. В настоящее время в Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь разрабатываются методические рекомендации, основная задача которых – выработка единых критериев оценки качества копий документов, представляемых на почерковедческую экспертизу, решение вопроса о

предварительном выявлении факта технической подделки, определение круга вопросов, входящих в компетенцию эксперта-почерковеда.

Почерковедческое исследование по копии документа проводится только в отношении непосредственно почеркового объекта, изображенного в копии, без учета способа (условий) ее изготовления в целом (например, без учета монтажа). Признаки монтажа устанавливаются экспертами в иных областях судебной экспертизы (например, в области технической экспертизы документов, фототехнической экспертизы). В связи с этим, назначая почерковедческую экспертизу, следователю, судье следует установить отсутствие признаков монтажа документа, что можно сделать путем проведения других следственных действий, например, допроса, осмотра, назначения иных видов экспертиз. При осмотре документа может быть выявлено, что копия является нотариально заверенной.

На почерковедческую экспертизу копии документов могут быть предоставлены в электронном или бумажном варианте, при этом некоторые вопросы экспертом-почерковедом могут быть разрешены только по электронной копии документа, поскольку в электронной копии наиболее полно отражаются признаки почерка.

Таким образом, в предмет судебной почерковедческой экспертизы не входит установление правдивости копии документа. Эксперт-почерковед исследует только почерковой материал. Установление доказательственного значения копии документа, по которой проводилась почерковедческая экспертиза, является задачей следователя, судьи. Назначая почерковедческую экспертизу, следователю, судье необходимо отобрать образцы почерка для сравнительного исследования, которые нужны эксперту для решения как идентификационных, так и ряда диагностических задач. От качества предоставленных на экспертизу объектов зависит возможность проведения исследования и его исход.

Чемоданова Е. Д.

ЗНАЧЕНИЕ НРАВСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА ПРЕСТУПНИКА В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

*Чемоданова Елизавета Денисовна, студентка 2 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
lizachemodanova20042004@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Лапина И. А.

«Человек есть, конечно, система (грубо говоря, машина), как и всякая другая природа, подчиняющаяся неизбежным и единым для всей природы законам, но система, в горизонте нашего современного научного видения высочайшая по саморегулированию. С этой точки зрения метод изучения системы – человека, тот же, как и всякой другой системы: разложение на части, изучение значения каждой части, изучение связи частей, изучение

соотношений с окружающей средой и, в конце концов, понимание на основании всего этого ее общей работы и управления ею»

И. В. Павлов

Личность преступника всегда интересовала ученых и правоведов-практиков. Польза и необходимость в разработке нравственно-психологического портрета преступника особенно актуальна при расследовании большого числа неочевидных преступлений. Основоположник криминалистики Ганс Гросс в своих научных исследованиях уделял большое внимание изучению личности преступника. Он считал, что эффективное расследование преступлений возможно только при тщательном изучении личности субъекта, совершившего преступление, и познания самого преступления. Ганс Гросс также сформулировал две разновидности методики расследования преступлений, где первая была ориентирована на объект и объективную сторону состава преступления, а вторая была основана на психологическом способе. Подобная двухзвенная методика и сводилась к формуле «следы преступления – личность преступника», исходя из которой Ганс Гросс стремился воссоздать «психологический портрет» личности преступника.

Начало научного изучения личности преступника можно также связать с работами Ч. Ламброзо, когда в ряде стран начали активно проводиться исследования и ученые пытались определить основную причину преступного поведения. Однако в тех исторических условиях сделать это в полном объеме не представлялось возможным в силу недостаточности (отсутствия) научных знаний о социализации и психофизиологии.

В современной научной литературе понятие «личность преступника» рассматривается в разных значениях. Например, Г. М. Резник полагает, что «...о личности преступника можно говорить лишь применительно к весьма узкому контингенту лиц, для которых совершение преступления стало основой, ведущей деятельностью». Ю. Д. Блувштейн отмечает, что личность преступника – это особое качество лиц, в отношении которых исследование установит решающую или весьма важную роль личностных особенностей при совершении преступления.

Особое значение также имеет нравственный климат в ближайшем социальном окружении и семье. Первичная социализация, когда ребенок бессознательно усваивает образцы и манеру поведения, типичные реакции старших на те или иные проблемы, играют важнейшую роль в формировании личности. Действуя таким образом по аналогии и осваивая различные виды социально полезной деятельности, личность приобретает качества, адекватные социальным эталонам.

Таким образом, считаем, что в наиболее общем виде личность преступника можно рассматривать как специфическую совокупность и своеобразие социальных качеств лица, виновно совершившего уголовно-наказуемое деяние. При этом важно изучать и учитывать в расследовании преступлений, помимо психологических особенностей, нравственно-социальные характеристики личности, отношение к основным нравственным

категориям и социальным ценностям – добру и злу, общественному благу, свободе, чести и достоинству человека. Поскольку именно пренебрежение ими, грубейшее их незнание и открытое нарушение составляет истинную картину правонарушения, позволяющую установить причины и юридически квалифицировать деяние.

Верная оценка деятельности подозреваемого лица, оперативное реагирование на ее этапы и последствия гарантирует успех предварительного расследования на каждом из его этапов.

Вопрос периодизации предварительного следствия встречается достаточно часто как в советских, так и в современных криминалистических работах. Например, И. Н. Якимов разделил весь процесс расследования (от возбуждения уголовного дела до предъявления обвинения) на три периода: установление вещественного состава преступления (оканчивается воссозданием картины преступления), собирание и использование улик (оканчивается выявлением личности предполагаемого виновника преступления) и обследование предполагаемого виновника преступления (оканчивается предъявлением обвинения заподозренному). В последующем в криминалистике наиболее распространенным стало мнение о двух этапах расследования: начальном и последующем. Окончание первого этапа обычно связывают с моментом предъявления обвинения, второго – с окончанием расследования. Можно выделить и третий этап – заключительный, связанный с окончательной оценкой собранных доказательств и подведением итогов следствия. При этом оценке подвергается и личность подозреваемого, окончательно соотносятся его нравственно-психологические особенности со следовой картиной деяния, отдельными элементами доказательственной базы, что способствует обеспечению реализации одних из главных нравственных и правовых задач правосудия – познание истины и достижение социальной справедливости.

Барсуков Р. А.
ГЕОЭКОНОМИЧЕСКАЯ ФРАГМЕНТАЦИЯ: КОНЕЦ ЭПОХИ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ

*Барсуков Роман Александрович, студент 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
barsukovroman820@gmail.com*

Научный руководитель: кандидат полит. наук, доцент Побережная О. Г.

Геоэкономическая фрагментация – управляемый государством процесс, направленный на разворот глобальной экономической интеграции, в его основе лежат стратегические соображения, а именно обеспечение национальной или экономической безопасности, а также усиление автономии за счет уменьшения зависимости от других стран и создания политико-экономических международных блоков.

В докладах МВФ и других источниках фигурируют следующие причины вышеупомянутого процесса: поверхностное и неравномерное восстановление после мирового финансового кризиса, Брексит, торговая напряженность между США и Китаем, пандемия Covid-19, увеличение количества войн. Но с нашей точки зрения, это лишь наблюдаемые последствия реальных причин, которые являются естественными противоречиями мировой капиталистической системы.

Можно выделить ряд факторов, позволяющих утверждать, что процесс геоэкономической фрагментации является центральным вектором развития современной мировой экономической системы.

1. Обостряется экономическая конкуренция и усиливаются торговые войны между геополитическими соперниками. Известными примерами являются торговая война США и Китая, ограничения со стороны Китая по вывозу полезных ископаемых, заявления со стороны ЕС о возможном введении тарифов и пошлин на китайские электромобили и др.

2. Переход к «френдшорингу», т. е. торговле только с «друзьями», союзниками по экономическому блоку. Поддержка союзников означает склонность к экономическому партнерству с теми, кто разделяет общие политические ценности и стратегические интересы, с которыми уже есть прочные сети производства и деловых услуг. За последнее десятилетие доля потоков прямых иностранных инвестиций между близкими в геополитическом отношении странами продолжала расти в большей степени, чем между государствами, более отдаленными географически. Страны Юго-Восточной Азии стали крупнейшим экспортным рынком Китая, вытеснив США и ЕС.

3. В условиях возрастающей военной активности и противостояния экономико-политических блоков государства стремятся иметь суверенную

экономику, в частности наладить производство наиболее важных технологий. Эти стремления выражаются в промышленной политике. Так, доля импорта «Большой двадцатки», на которую влияют торговые ограничительные меры, увеличилась примерно с 2 % в 2011 г. до почти 12 % в 2021. Только с января 2023 г. было зарегистрировано 1340 новых мер промышленной политики, большинство из которых представляли собой различные формы субсидий, реализуемых странами «G20». Яркими примерами являются: «Закон о снижении инфляции», «О чипах» в США, европейский «Закон о чипах», программа государственных субсидий «Сделано в Китае 2025».

4. Можно уверенно говорить об изменении мировой кредитной системы, так, с 1990-х гг. база иностранных кредиторов для развивающихся стран резко изменилась: доля официальных кредиторов Парижского клуба снизилась, в то время как доля Китая, Индии и других официальных кредиторов, не входящих в Парижский клуб, увеличилась.

5. Фрагментация международной финансовой системы. Геоэкономическая фрагментация подталкивает, страны стать менее зависимыми от международной финансовой инфраструктуры и стандартов. В результате появляются предложения о создании финансовых параллельных систем. Геоэкономическая фрагментация меняет статус доллара как мировой резервной валюты. Неоспоримым фактом является уменьшение расчетов в долларах и более широкое использование других национальных валют в трансграничных транзакциях.

Основные этапы глобализации с точки зрения мировой экономики можно проиллюстрировать с помощью показателя открытости торговли (1870–2021 гг.) – суммы экспорта и импорта всех стран по отношению к мировому ВВП. Из него следует, что кризис 2008 г. стал ключевым моментом в повороте тренда роста глобализации мировой экономики.

Процессы, вызванные геоэкономической фрагментацией находят отражение в усилении конкретных политико-экономических международных блоков. Центральными из них являются ШОС, БРИКС, а также инициатива «Один пояс, один путь». Сейчас с уверенностью можно говорить о расширении этих организаций. Так, в 2024 г. в БРИКС войдут Иран, Саудовская Аравия, Египет, Эфиопия и ОАЭ.

Центральную роль в них играет Китай, как крупнейшая экономика мира, противостоящая гегемонии США и его политико-экономическому блоку. Геоэкономическая фрагментация есть результат борьбы за улучшение положения государства в капиталистической мир-экономике, которая вступает в фазу открытого противостояния двух политико-экономических блоков. Формирование блока во главе с Китаем – это ответная мера на экономические ограничения, на формирование устойчивой политики Запада, направленной против изъятия технологической монополии и посягательства на неравноценный обмен между полупериферией и центром мировой капиталистической системы.

Газдалиев К. Р.

ГЕНЕЗИС ИДЕОЛОГИИ НЕОКОНСЕРВАТИЗМА

Газдалиев Камал Рафитович, студент 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, gazdalie@bsu.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Михайловский В. С.

Неоконсерватизм – политическое течение, объединяет традиционные ценности консерватизма и реалии постиндустриального общества. Основные идеи и признаки неоконсерватизма:

- сохранение и защита консервативных моральных и общественных ценностей наравне с принципами постиндустриального мира;
- традиционные институты семьи и религии, понятия нации и культуры сосуществуют с конкуренцией, рынком, свободным предпринимательством;
- духовность, культура и общепринятые моральные нормы являются базовыми факторами, необходимыми для освоения новых технологий и сохранения природы.

Основоположники неоконсерватизма придерживались либеральной идеи о невмешательстве государства в сферы экономической и общественной жизни. Неоконсерватизм основан на идее государственного невмешательства в общественную жизнь, экономическую сферу и вопросы бизнеса, которые должны регулироваться механизмами свободного рынка. По мнению неоконсерваторов, люди должны обеспечивать себя сами, а не ждать помощи от государства.

На возникновение и формирование неоконсерватизма повлияли: кризис механизмов государственного регулирования экономики; отказ от политики нового курса со стороны американских левых; уход либералов от традиционных ценностей и «кризис веры».

Центральное положение экономических идей неоконсерватизма – минимизация влияния государства на экономику и бизнес. Основные экономические идеи: экономическая политика регулируется только свободным рынком; приоритет свободы предпринимательства; борьба с инфляцией и структурными проблемами; поощрение конкуренции; государство прекращает поддержку бизнеса; защита частной собственности.

Неоконсерватизм возник в США в ответ на ряд важных событий: «холодная война» между США и СССР, социальные движения 1960-х гг., развитие капитализма и изменения экономики. В 1980-е гг. США столкнулись с проблемами экономической стагнации и инфляции, но экономическая политика президента Р. Рейгана – «рейганомика» позволила стране пережить кризис. Главная идея: свобода выбора и рыночная конкуренция способны максимально эффективно управлять экономикой и обеспечить экономический рост. Свободный рынок и частный сектор – движущая сила эффективного развития. Далее – снижение налогов, рост свободных средств предпринимателей для инвестиций и развития новых бизнесов.

Другая важная составляющая неоконсерватизма заключается в ограничении государственных расходов: сокращение бюрократии и урезание

программ социального обеспечения, что позволяет снизить дефицит бюджета и сократить государственный долг. Неоконсерваторами были сняты регулирования во многих отраслях экономики, особенно в финансовом секторе. Это позволило компаниям свободнее вести бизнес и принимать решения без вмешательства государства.

Снижение налогов содействовало росту экономики и увеличению производства. Благодаря сокращению государственных расходов и дерегулированию предпринимательская активность и инвестиции стали привлекательнее, что привело к созданию новых рабочих мест и увеличению доходов. Вместе с тем снижение налогов в основном было выгодно для богатых граждан и крупных корпораций, а низкооплачиваемым работникам и малому бизнесу это преимущество не принесло пользы.

Неоконсерватизм сегодня выступает защитником частной собственности, свободного рынка, личной свободы индивида в обществе, но всегда подчиняет их требованиям стабильности и преемственности. Права человека рассматриваются с точки зрения их естественного и социального обоснования. Неоконсерватизм предлагает совмещать рыночную экономику и традиционное общество. Понимание генезиса неоконсерватизма важно для оценки возможности появления этой идеологии в различных современных государствах.

Глушакова Е. А.

ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СФЕРЕ ПОЛИТИКИ

Глушакова Елизавета Александровна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, lizaveta0320@gmail.com

Научный руководитель: доктор полит. наук, профессор Антанович Н. А.

Специфика политических трендов в 20-е гг. XX в. во многом обусловлена метаморфозными следствиями повсеместной цифровизации и медиатизации, а также внедрением в общественно-политическое пространство технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ).

Развитие ИИ предполагало формирование новой системы знания и создание ряда технологий, предполагающих «сочетание большого объема данных с возможностями быстрой, итеративной обработки и интеллектуальными алгоритмами, что позволяет программам автоматически обучаться на базе закономерностей и признаков, содержащихся в данных».

На сегодняшний день неоспоримо использование достижений ИИ в разных сферах политики. Ярким событием, ставшим «драйвером» для исследовательских работ, является предвыборная кампания Дональда Трампа (2016), когда частная компания Cambridge Analytica незаконно получила данные 87 млн. пользователей. По итогу, такой ресурс стал объектом манипулирования электоральным поведением американских граждан. Технология манипулирования основывалась на поведенческой модели

анализа, использовании Big Data и таргетированной рекламы. Отмечается, что использование «больших данных» (Big Data) помогало политикам и раньше: в периоды предвыборных кампаний Барака Обамы и в проведенном референдуме по вопросу Брексита.

Новые возможности ИИ были продемонстрированы на Петербургском международном экономическом форуме. Либерально-демократическая партия России презентовала нейросеть В. Жириновского.

К сферам использования ИИ в политике можно отнести следующие: электоральная (предвыборная) политика / кампания; политический PR и политическая реклама; партийная деятельность; государственное управление; политическое прогнозирование; спичрайтинг; имиджмейкинг (позиционирование политического актора); зондирование общественного мнения; формирование повестки дня.

Возможность широкого использования ИИ на просторах политических полей формирует ряд проблем: угрозы и риски, которые несет в себе ИИ как политическая технология.

Отметим ряд негативных последствий как наступивших уже сейчас, так и перспективных:

1) упрощение процессов манипулирования политической волей граждан (ускорение и снижение ресурсных затрат при качественном скачке манипулирования), манипулирование общественным дискурсом;

2) расширение каналов наблюдения и контроля позволяет государственным структурам вовремя реагировать на вызовы и импульсы на «входе» в политическую систему, преобразуя их в выгодные для себя возможности или искусственно нивелируя общественные запросы и проблемы;

3) угроза информационной и, как следствие, национальной безопасности, так как суверенного Интернета нет ни у одного государства (облегчение иностранного влияния);

4) новый уровень симуляции/симулякров может использоваться для создания политической гиперреальности, не отражающей действительность (*например, искажение реальной расстановки политических сил*);

5) стимуляция снижения или потери управляемости политической системы, так как ИИ может имитировать когнитивные функции без заданных заранее алгоритмов – прогнозирование «поведения» ИИ затруднено, возможность точечной дестабилизации политической системы очевидна (также отсутствуют рычаги влияния на ИИ);

6) снижение уровня достигнутой политической транспарентности (отсутствие точного знания того, как ИИ генерирует решения);

7) наряду с «клубом ядерных держав» может сформироваться такой же клуб стран в области ИИ (усиление международной напряженности);

8) ИИ есть отличный генератор фейков; использование фейков в политической сфере особо опасно, так как даже случайный фейк может спровоцировать социально-политический конфликт;

9) использование ИИ размывает политическую субъектность (коррективы в политическую повестку дня может внести каждый желающий).

Противостояние негативным тенденциям должно осуществляться посредством создания нормативно-правовой базы, регулирующей ИИ, и осознанного отношения граждан и политической элиты к возможности использования ИИ.

Таким образом, технологии ИИ в политике, помимо продуктивного и созидającego начала, несут в себе ряд рисков и угроз, отрицательно сказывающихся на функционировании политической системы. Считаем, что использование ИИ должно ограничиваться двумя барьерами: формально-законодательным и морально-этическим.

Гребенчук М. А.
РЕАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

*Гребенчук Марина Анатольевна, магистрант Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь, law.grebench@bsu.by*

Научный руководитель: канд. полит. наук, доцент Паречина С. Г.

Сегодня официальная история государства во многом определяет формирование общественного мнения в политике, влияет на состояние политической культуры общества, его консолидацию и является важной составляющей политической системы.

Важным элементом государственного строительства является реализация исторической политики как механизма конструирования внешнеполитического имиджа страны, общенациональной консолидации на основе общепризнанной гражданско-политической идентичности.

Республика Беларусь в этом вопросе не стала исключением. В нашей стране на государственном уровне отмечаются памятные и знаковые даты в истории Великой Отечественной войны, увековечиваются события, личности белорусской истории, ведется постоянная работа по патриотическому воспитанию детей и молодежи с опорой на факты героических подвигов предков, укреплению историко-культурной и духовно-этической общности белорусов. Это приводит к тому, что белорусское общество с каждым годом проявляет все больший интерес к истории собственного государства.

В целях формирования объективного отношения нашего общества к историческому прошлому, сохранения и укрепления единства белорусского народа 2022 год в Беларуси был объявлен Годом исторической памяти. Немало сделано в плане сохранения исторического героического прошлого, выработки подходов оценки различных периодов истории, сохранения культуры и традиций белорусского народа.

Объем работ проведен по совершенствованию системы образования. К примеру, с сентября 2022 г. во всех белорусских вузах введена дисциплина

«История белорусской государственности». Внимание также уделялось теме музееведения, организации выставок.

Понимая важность формирования взгляда на политическую историю с позиции сегодняшнего времени, государство совершает действия по выработке единых подходов по оценке нашей истории. Они выразились в создании распоряжением Главы государства от 4 февраля 2022 г. № 22рп Республиканского совета по исторической политике при Администрации Президента Республики Беларусь – постоянно действующего межведомственного консультативного и координирующего органа по проведению единой государственной политики в сфере исторической памяти.

Совет определяет стратегии и задачи исторической политики; координирует деятельность в сфере исторической политики; изучает и отслеживает общественное мнение по социально-гуманитарным вопросам.

На сегодняшний день в Беларуси Советом вырабатываются рекомендации по проведению единой государственной политики в сфере исторической памяти, продолжается работа по укреплению национального самосознания, основанные на научных подходах и принципах истории белорусской государственности.

Реализация направлений государственной исторической политики способствует обеспечению сохранности и популяризации национального историко-культурного достояния и дальнейшему национально-государственному строительству.

Дмитриев С. В.

КПРФ: ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Дмитриев Сергей Вадимович, студент 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, s.v.dmitriev2003@mail.ru

Научный руководитель: канд. полит. наук, доцент Михайловский В. С.

Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ) – одна из старейших партий современной России. Путь ее политического становления связан с историей партии большевиков (коммунистов). В СССР в официальном идеологическом дискурсе долгое время сохранялись идеи революционности, диктатуры пролетариата, общественной собственности на средства производства, всеобщего равенства, борьбы с мелкобуржуазными отношениями, достижения социального равенства. Эти идеологемы заложены еще К. Марксом в труде «Манифест коммунистической партии», который стал настольной книгой последователей классического марксизма. Для всех марксистов крайне значимой книгой является «Принципы коммунизма» Ф. Энгельса, которую он написал в 1847 г. в качестве проекта программы первого международного союза коммунистов. В ней содержатся программные установки коммунистов: ликвидация частной собственности, национализация промышленных предприятий, государственное воспитание детей, экспроприация земельных собственников, централизация финансов и торговли,

необходимость исключительно революционной борьбы с классом угнетателей, постепенное отмирание государства. К. Маркс и Ф. Энгельс заложили основу для программ всех коммунистических партий мира. Коммунистическое движение до сих пор от них не отказалось. Однако можно проследить как современные коммунисты несколько меняют устои классиков марксизма.

Отход КПРФ от самой идеологии коммунизма является предметом споров. На возможное несоответствие программы партии с марксизмом наводит программный пункт о поддержке малого и среднего предпринимательства. Конкретики в пункте нет, но он действительно противоречит идеалам классического марксизма, так как бизнес сам по себе является продуктом капитализма и его стержнем. Даже индивидуальное предпринимательство без найма рабочей силы рассматривается как труд на себя, а не на общественные интересы. Мощная критика от оппонентов коммунистов идет также в адрес слов из программы о защите национально-государственных интересов России. Какие национальные интересы могут быть у социалистического государства, которое строят коммунисты? Этот пункт является предметом критики со стороны «новых левых». Сторонники современных течений социализма (политическая организация «Союз марксистов», информационный ресурс «Политштурм», незарегистрированная политическая партия «Революционная Рабочая партия») не разделяют взгляд КПРФ на Россию как на великое государство, государственность и национальные интересы которого необходимо поддерживать. Однако в самой КПРФ видят эту установку как продолжение борьбы коммунистов за социализм и советские формы народовластия.

Коммунисты по-прежнему ведут борьбу за политическую власть в России на выборах всех уровней. От революционной борьбы КПРФ отказалась, сведя борьбу в рамки участия в выборах. В соответствии с идеями К. Маркса КПРФ все же не отошла от своих главных идеологических устремлений. «КПРФ рассматривает социализм как свободное от эксплуатации человека человеком общество, базирующееся на общественной собственности и распределяющее жизненные блага по количеству, качеству и результатам труда. Это общество высокой производительности труда и эффективности производства, достигаемых на основе научного планирования и управления, применения наукоемких и ресурсосберегающих технологий», – говорится в программе партии. В программе партии нет ничего в корне противоречащего марксизму. Важно понимать, что программу пишут для людей, которые интересуются политикой и хотят видеть родную страну лучше. Борьба с бедностью, повышение качества образования и медицины с поддержанием ее бесплатности, увеличение льгот для граждан, обеспечение общедоступности культурных благ, проведение внешней политики на основе взаимного уважения народов – все это вписывается в классический марксизм. Нам же важно осознавать, что современная Россия живет уже с развивающимся капитализмом, а уровень жизни в ней продолжает расти даже в условиях мировой напряженности. Коммунистам просто нет смысла записывать в программу радикальные шаги. Тем более многие идеи большевиков воплотились в жизнь в эпоху СССР, а значит, второй революции ждать не

стоит. Вместо нее партия выбрала сторону легальной борьбы и реформ, позволяющих приблизить страну к социализму.

Делая вывод отметим, что КПРФ по сей день имеет довольно высокую поддержку среди избирателей, а ее пик после последних выборов в Государственную Думу Российской Федерации выразился в результате опроса ВЦИОМ и составил примерно 23 %, в то время как у «Единой России» он составил приблизительно 29 %. Партия продолжает занимать второе место на российской политической арене. Программа партии направлена на поддержку всех слоев населения, кроме представителей крупного бизнеса, тем самым набирая определенные политические очки, но не отходя от марксизма.

Ивашкина Д. А.

ГЛОБАЛЬНАЯ КОМПЬЮТЕРНАЯ СЕТЬ ИНТЕРНЕТ КАК ПРЕДМЕТ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

*Ивашкина Дарья Александровна, студентка 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
iwashkinadaria@gmail.com*

Научный руководитель: канд. полит. наук, доцент Ильина Е. М.

Глобальная компьютерная сеть Интернет представляет собой один из самых приоритетных и широко используемых инструментов не только для коммуникации, но и для создания, обмена и распространения информации. Однако всеобъемлющий характер использования Интернета в современном мире способствует возникновению множества глобальных вызовов и угроз, поскольку является по своей сущности открытым и во многом нерегулируемым и децентрализованным пространством. В связи с этим каждый пользователь сети Интернет может публиковать, распространять заведомо ложные данные или информацию незаконного характера, что непосредственно несет риски и угрозы как отдельным личностям, так и мировому сообществу в целом. Актуализируется необходимость обеспечения безопасности и защиты прав пользователей в глобальной компьютерной сети посредством регулирования функционирования Интернета с помощью применения политико-правовых механизмов, которыми на сегодняшний день пользуются многие страны, включая Республику Беларусь, Китайскую Народную Республику и Российскую Федерацию.

Существенный вклад в исследование проблематики глобальной компьютерной сети Интернет и ее политико-правового регулирования внесли как отечественные ученые, такие как М. С. Абламейко, Г. А. Василевич, Е. М. Ильина, В. В. Козловская, Ю. А. Лепешков, Д. В. Соболев, В. В. Фирсов и др., так и ряд зарубежных авторов: Тим Ву, Р. МакКеммиш, Дж. Реда и др.

В Республике Беларусь законодательные основы политико-правового регулирования компьютерной сети Интернет закреплены в Законе от 10 мая 2007 г. № 225-З «О рекламе» (определяет правила размещения рекламы в Интернете); в Законе от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информационных технологиях и защите информации» (регламентирует

правовой статус информации в сети Интернет); в Законе от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» (устанавливает правила сбора, хранения и использования персональных данных пользователей в Интернете); в Указе Президента Республики Беларусь от 1 февраля 2010 г. № 60 «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет» (направлен на повышение качества и удешевление интернет-услуг и обеспечение дальнейшего развития белорусского сегмента сети Интернет); в Указе Президента Республики Беларусь от 14 февраля 2023 г. № 40 «О кибербезопасности» (определяет правовую основу создания и функционирования национальной системы обеспечения кибербезопасности) и в иных правовых актах.

Определенный интерес представляет международный опыт политико-правового регулирования компьютерной сети Интернет. В Китае сеть Интернет контролируется государством в рамках проекта «Золотой щит» (или, неофициально, «Великий китайский файрвол») по фильтрации интернет-контента. Так, с 2012 г. Правительство Китая начало блокировку доступа к таким интернет-сервисам, как Google, YouTube, Instagram и Facebook. В России регулирование сети Интернет является не настолько централизованным как в Китае. При этом, согласно Федеральному закону от 31 июля 2023 г. № 406-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и Федеральный закон “О связи”» с 1 декабря 2023 г. авторизация на российских интернет-сайтах будет возможна только по номеру телефона российского оператора, через «Госуслуги» и Единую биометрическую систему. В России существует и реестр запрещенных сайтов, официально недоступных к использованию на территории Российской Федерации, например, с 11 марта 2022 г по требованию Генпрокуратуры ограничен доступ к социальной сети Instagram.

Таким образом, глобальная компьютерная сеть Интернет является предметом политико-правового регулирования как в Республике Беларусь, так и в зарубежных странах, что актуализирует разработку действенных механизмов защиты пользователей от противоправной и ложной информации в сети и обеспечения их безопасности в интернет-пространстве.

Клочкова А. С.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ «О ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ» 2003 И 2022 гг.

Клочкова Алина Сергеевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, klochkovaalinka2003@gmail.by

Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Антанович Н. А.

Государственный служащий в Республике Беларусь – это лицо, занимающее должность в государственных органах, органах местного самоуправления или государственных предприятиях, и осуществляющее

свою деятельность на основе трудового договора с этими организациями. Он может занимать различные должности в зависимости от области деятельности и уровня организации. Государственный служащий обладает важнейшими признаками: работа на благо государства, работа в государственной организации, профессиональная подготовка, государственные полномочия, выполнение государственных функций и получение заработной платы из бюджета. Между служащими государственного аппарата (государственных органов) и служащими иных государственных организаций имеется существенное различие. Государственные служащие государственных органов занимаются руководством обществом, в то время как служащие государственных предприятий, учреждений и организаций занимаются организацией процессов соответствующего производства и социально-культурной деятельностью.

В настоящее время правовой статус государственного служащего закреплён в Законе Республики Беларусь от 1 июня 2022 г. «О государственной службе в Республике Беларусь», в ст. 9 которого дано определение государственного служащего. Для более детального исследования государственной службы в нашем государстве можно произвести сравнительный анализ законов Республики Беларусь «О государственной службе» 2003 и 2022 гг. Для сравнения будем использовать следующие критерии: реестр должностей и классы госслужащих, терминология, ненормированный рабочий день, служебная дисциплина.

Реестр должностей и классы госслужащих: с 01.01.2023 все гражданские государственные должности в зависимости от характера, объема полномочий и обязанностей представлены в виде Реестра (п. 1 ст. 16 Закона 2022 г., Указ Президента Республики Беларусь № 195). В госорганах должны применяться наименования должностей государственных гражданских служащих, которым соответствуют классы государственных гражданских служащих, определенные в Реестре. Закон 2022 г. предусматривает обновленную систему классов для государственных гражданских служащих, согласно которой каждой гражданской должности соответствует один определенный класс гражданского служащего. Если согласно Закону 2003 г. высший класс присваивался лицам, занимавшим высшую государственную должность, затем высший класс и далее – с 1 по 12 класс, то согласно Закону 2022 г. самый высший – это высший класс 1-го ранга, затем высший класс 2-го и 3-го ранга, затем от 1 до 9.

Терминология: в Законе 2003 г. было дано только определение госслужбы. В Законе 2022 г. госслужба представлена в виде единой системы, которая включает три вида: государственную гражданскую службу, военную службу, службу в военизированных организациях, к которым относится, например, Следственный комитет, органы финансовых расследований КГК и др. Действие Закона 2022 г., как и ранее, в основном касается гражданских государственных служащих и, за исключением общих положений закона (гл. 1 Закона 2022 г.), не распространяется на лиц, проходящих военную службу и службу в военизированных организациях. Деятельность последних,

как и прежде, регулируется нормами специальных НПА, закрепляющих их правовой статус.

Ненормированный рабочий день: в Законе 2003 г. статьи о ненормированном рабочем дне не было. Закон 2022 г. о госслужбе устанавливает для всех гражданских служащих ненормированный рабочий день без предоставления дополнительного отпуска. Исключения из этой нормы нет. Ненормированный рабочий день позволяет госслужащим выполнять свои обязанности вне установленного рабочего времени по приказу или по своей инициативе. Возможная переработка в таком случае компенсируется дополнительным отпуском.

Служебная дисциплина: Закон 2003 г. за неисполнение или ненадлежащее исполнение трудовых обязанностей к госслужащим предусматривал шесть мер дисциплинарного взыскания: замечание; выговор; предупреждение о неполном служебном соответствии; лишение полностью или частично стимулирующих выплат на срок до 12 месяцев; понижение в классе госслужащего на срок до шести месяцев; увольнение с занимаемой должности в соответствии с Законом, Трудовым кодексом и иными законодательными актами. В Законе 2022 г. таких мер также шесть, но из него исключено в качестве меры ответственности понижение в классе госслужащего на срок до шести месяцев. Впрочем, ни прежний, ни новый законы перечисленными мерами дисциплинарного взыскания не ограничиваются, за нанимателем сохраняется право применить иные меры дисциплинарного взыскания, установленные законодательством.

С 01.09.2022 Закон о госслужбе предусматривает усиление требований к дисциплине и ответственности гражданских служащих. В Законе 2022 г. дается определение понятия служебной дисциплины. Закон 2003 г. определения понятия «служебная дисциплина» не содержал. Под служебной дисциплиной понимают исполнение гражданскими служащими своих служебных обязанностей, установленных законом, иными актами законодательства, должностной инструкцией, приказов руководителей, а также условий контрактов (срочных трудовых договоров).

Закон 2022 г. вводит новую меру дисциплинарного взыскания для госслужащих – строгий выговор. На практике она и ранее применялась к некоторым категориям госслужащих, например к сотрудникам Следственного комитета, сотрудникам Государственного комитета судебных экспертиз, а в отношении некоторых иных госслужащих применялась персонально.

Закон 2022 г. установил запрет на прием на гражданскую службу лиц, уволенных по любым дискредитирующим обстоятельствам, в течение двух лет после такого увольнения, а на гражданские должности, включенные в кадровые реестры, – в течение пяти лет после такого увольнения, если иное не установлено Президентом Республики Беларусь. Отметим, что ранее лиц, уволенных по такому основанию, были не вправе принимать на работу в течение пяти лет на госслужбу на должности, включенные в кадровые реестры Главы государства, Правительства, облисполкомов (Мингорисполкома),

рай(гор)исполкомов, местных администраций районов в городах. Закон 2022 г. исключает возможность нахождения на гражданской службе лиц, имеющих гражданство (подданство) другого государства, если иное не предусмотрено международными договорами. Ранее устанавливался запрет лишь для лиц, у которых отсутствовало гражданство Республики Беларусь.

Таким образом, с позиций политологии можно изучать роль государственных служащих в политическом процессе, их ответственность, влияние на политическую культуру и взаимодействие с другими государственными и политическими институтами. Изучение политологического аспекта государственной службы важно для разработки рекомендаций и реформ, направленных на улучшение работы государственной службы и повышение ее эффективности в Республике Беларусь.

Колмыков С. Е.

ВЛИЯНИЕ ТРАНСГРЕССИВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА

*Колмыков Степан Евгеньевич, студент 2 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
stepankolmykov62@gmail.com*

Научный руководитель: канд. полит. наук, доцент Паречина С. Г.

Трансгрессивная литература – жанр, который фокусируется на персонажах, чувствующих себя ограниченными нормами и ожиданиями общества, которые пытаются вырваться из этих рамок необычными и(или) незаконными способами.

Ставящее во краю угла поиск самоидентификации, представители жанра и их читатели утверждают, что трансгрессивная художественная литература способна к острому социальному комментарию.

Федеральный судья США Д. М. Вулси 6 декабря 1933 г. отменил федеральный запрет на книгу «Улисс» Д. Джойса. До этого момента книга была запрещена в США, так как правительство отметило ее неотчуждаемый похабный и непристойный характер. Random House Inc. оспорила иск о непристойности в федеральном суде и получила разрешение на печать книги в стране. Часто цитируется объяснение судьи Вулси по поводу снятия запрета: «Закон имеет отношение только к нормальному человеку».

Во второй половине 1950-х гг. американское издательство Grove Press, под руководством Б. Россета, начало выпускать романы десятилетней давности, которые в течение многих лет не публиковались в большинстве англоязычных стран по морально-этическим соображениям.

Две из этих работ: Д. Г. Лоуренса «Любовник леди Чаттерли» (рассказ о романе женщины из высшего общества с рядовым рабочим) и Г. Миллера «Тропик рака» (поток сознания главного героя, сопровождаемый

повествованием подробностей его сексуальной жизни), стали предметом знаковых судебных процессов по обвинению в непристойности. Обе книги были признаны непристойными и вынудили суды США взвесить достоинства литературы, после чего те были немедленно признаны порнографическими.

Grove Press опубликовал ряд и других произведений данного жанра, которые, привели к судебным разбирательствам вокруг них: стихотворение «Вопль» А. Гинзберга (1955), в котором прославлялась контркультура США и осуждалось «пустое лицемерие общества»; сатирический роман «Голый обед» У. С. Берроуз (1959). Обе работы содержали то, что считалось непристойными описаниями наготы и сексуальных актов. Издание выиграло оба судебных процесса, что стало началом пути к планомерной легализации подобных произведений.

Период наивысшей активности авторов данного жанра выпал на 1970–1980-е гг. Известными представителями данного поприща были Д. Баллард (Великобритания), К. Акер (США), Ч. Буковски (США), Э. Берджесс (Великобритания). Экранизация романа Берджесса «Заводной апельсин» (1971) содержала сцены сексуального насилия и яркого проявления «ультранационализма» со стороны главных героев – футуристической молодежной банды. Впоследствии фильм был отозван в Великобритании и подвергнут жесткой цензуре в США.

В 1990-х гг. расцвет альтернативного рока и его депрессивной субкультуры подогрел интерес к ранним трансгрессивным авторам и простимулировал становление новых, являвшихся более влиятельными и коммерчески успешными чем предыдущие. Примером этого влияния является романа Д. Коупленда (Канада) «Поколение Икс» (1990 год), в котором исследуется экономически мрачное и зацикленное на апокалипсисе мировоззрение поколения автора. Роман популяризировал термин «поколение икс» для описания данной возрастной группы. Среди других влиятельных авторов этого десятилетия: Б. И. Эллис («Американский психопат»), И. Уэлш («На игле») и Ч. Паланик («Бойцовский клуб»).

Начало XXI в. ознаменовалось появлением таких писателей, как Р. Томсон, Р. Д. Рональд и К. Браффет. В книгах данных авторов освещаются ранее озвучиваемые предыдущими авторами темы табу, однако, уже в принципиально другой позиции, выставляя их на передний план основной художественной литературы.

В меру собственного содержания и ярко выраженного антагонизма по отношению к устоявшимся нормам, можно проследить определенный идеологический окрас большинства данных работ. Читатели, как правило, не замечают его по причине броской обертки, однако, подвергаются процессу «переосмысления устоев».

Наивысший пик открытого влияния подобной литературы и ее представителей на политическую реальность, пришелся на конец 1960-х и начало 1970-х гг. Однако закрепиться на политическом поприще «новым левым» не удалось, что нельзя сказать про их влияние на социокультурную сферу.

И сейчас, транслируемое вышеперечисленными авторами, некогда являвшееся чем-то маргинальным и дегенеративным, воспринимается как естественный образ общественной и личной жизни человека. На данном этапе политического развития, в идеологемах и мероприятиях неолиберальных и социал-либеральных политических партий в США и Европе, можно проследить шадящее и лояльное отношение к подобным элементам поп-культуры.

Лапунова К. С.

ТРАДИЦИОННЫЕ ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Лапунова Каролина Сергеевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, carllup@mail.ru

Научный руководитель: канд. полит. наук, доцент Абраменко Е. Г.

Под гендером понимается воззрение, используемое для описания тех характеристик мужчин и женщин, которые являются социально приобретенными, например, норм, ролей и существующих между ними отношений. В сознании большинства людей биологический пол слит с социальной ролью человека: все вытекающие обстоятельства воспринимаются как данность, предопределенная природой. Биологический пол предоставляется нам от рождения. В свою очередь, гендер есть социальная роль, которую можно модифицировать: имеется возможность сделать более справедливым распределение ресурсов и доходов, прав и обязанностей, нагрузки и отдыха. Поскольку социальные роли мужчин и женщин взаимодополняемы, то модификация одних неминуемо ведет трансформацию других и наоборот.

Гендерные стереотипы являются распространенным мнением или предубеждением о свойствах и характеристиках, которыми обладают или должны обладать женщины и мужчины, а также какие роли они выполняют или должны выполнять. Появление гендерных стереотипов обусловлено тем, что модель гендерных отношений исторически выстраивалась таким образом, что половые различия располагались над индивидуальными, качественными различиями личности мужчины и женщины. В сущности, формирование гендерных стереотипов незаслуженно, поскольку является отправной точкой в нарушении прав человека и основных свобод.

Следует отметить, что проблематика гендерных стереотипов находится в центре внимания Управления Верховного комиссара ООН по правам человека (УВКПЧ), Организации объединенных наций в целом. В докладе УВКПЧ отмечалось, что именно стереотип есть основа дискриминации в отношении женщин и фактор, способствующий нарушениям прав женщин. Губительность гендерных стереотипов прослеживается в ситуациях ограничения способности мужчин и женщин в развитии своих личных способностей, стремления к профессиональному росту и в осуществлении

выбора и выстраивания планов. Пагубные стереотипы способствуют неравенству в обществе между мужчинами и женщинами.

Зафиксируем, что стереотипы берут истоки из древних времен, укореняются в сознании людей как норма. Стереотипизация находит отражение и в белорусской культуре: обычаях, традициях. Приведем пример стереотипа, который берет начало в белорусском традиционном празднике. Так, многие традиционные народные праздники сопровождались вечерними посиделками молодежи «вечерами», «вечорками», в особенности праздники зимнего периода. На таких встречах размежевание мужских и женских обязанностей, моделей поведения наиболее четко находили свое проявление: «Парни прыходили тольки...яны прыходили проста так...Ни с чем. Тольки таду уж, як вячэра, сядяцца вячэраць – ставяць па бутылке свае водки. Если ужо парень зная, шо яго етая нявеста тут гуляя, на игрыщи на етам и ён яе ужо пад...Девки ни сядяцца за стол, адны хлопцы сядяцца, а мы ужо, гуляки етые, стаим во в старонки. Ну, если ужош жаних ёсть, ён ужо падзывая яе, там: “Маня, Таня, падайди”».

Наличие традиционных гендерных стереотипов повлияло на укоренение стереотипов в современный период. Статистические данные свидетельствуют о их наличии в Республике Беларусь. Исследования проводились институтом социологии Национальной академией наук Беларуси в 2022 г. Согласно полученным данным, замужество не мешает женщине строить карьеру по мнению 45,7 % мужчин и 47 % женщин, в то время как большинство уверены в том, что брак не затрудняет построение карьеры мужчины: так ответили 76,3 % женщин и 69,2 % мужчин. По мнению 49,1 % женщин и 44,2 % мужчин, материнство затрудняет построение карьеры женщины. При этом отцовство затрудняет мужскую карьеру, по мнению только 11,6 % мужчин и 7,3 % женщин. Более половины опрошенных (54,4 %) согласны с тем, что женщине сложнее по сравнению с мужчиной сочетать профессиональные и семейные обязанности (в том числе так считают 49,3 % мужчин и 58,5 % женщин).

Таким образом, можно прийти к заключению, что истоками гендерного стереотипа являются традиционные воззрения, традиции и обычаи, которые модифицируются, оказывают влияние на уклад жизни.

По нашему мнению, базисом в ликвидации стереотипа является не только верная идентификация и определение позиции гендерного стереотипа, но и комплексная работа с различными слоями населения по отмеченному вопросу. Данный вид деятельности окажет содействие в решении одной из приоритетных задач Национального плана действий по обеспечению гендерного равенства: повышение осведомленности граждан по вопросам гендерного равенства и его влияния на жизнедеятельность общества и таким образом в достижении его основной цели – создания условий для равноценного развития человеческого потенциала женщин и мужчин.

Ожидаемый результат – наличие доступной, понятной для широкого круга лиц информации, социальной рекламы по вопросам обеспечения равных прав и возможностей мужчин и женщин в обществе.

Малиновский А. А.
ДЖЕРРИМЕНДЕРИНГ КАК ТЕХНОЛОГИЯ, ИСКАЖАЮЩАЯ
РЕЗУЛЬТАТЫ ВЫБОРОВ

Малиновский Андрей Александрович, студент 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, atakhoshow@mail.ru

Научный руководитель: канд. философ. наук, доцент Денисюк Н. П.

В словаре Кембриджского университета дается следующее определение – данному явлению: джерримендеринг – случай, когда кто-то, облеченный властью, изменяет границы района, чтобы увеличить число людей в пределах этого района, которые будут голосовать за определенную партию или человека.

Возник джерримендеринг в 1812 г. в штате Массачусетс, после чего в разные периоды времени оказывал существенное влияние на избирательный процесс не менее, чем в 29 государствах мира.

Огромный вклад в исследование проблематики данного явления внесли сотрудники Брукингского института. Старший научный сотрудник по исследованиям управления в Брукингском институте Томас Манн выделил следующие основные проблемы (URL: <https://www.brookings.edu/articles/redistricting-reform/>), которые возникают в ходе влияния джеппримандеринга на избирательный процесс в США:

1. Значительное ослабление политической конкуренции в ходе избирательного процесса, что, в свою очередь, приводит к нарушению принципа демократической подотчетности.

2. Высокая вероятность увеличения расходов на избирательную кампанию.

3. Искажение системы представительной демократии, которое приводит к тому, что партия, получившая меньшее количество голосов избирателей, получает возможность иметь представительное большинство в государственных органах, чьи члены избираются по мажоритарной системе.

Выделяются следующие способы достижения целей *джерримендеринга*:

1. «Взлом» – распределение избирателей определенного типа по многим округам с целью лишить их достаточно большого избирательного блока в каком-либо конкретном округе.

2. «Упаковка» – это концентрация множества избирателей одного типа в одном избирательном округе с целью снижения их влияния в других округах.

3. «Угон» – перекройка двух округов таким образом, чтобы вынудить двух действующих лиц соревноваться друг с другом в одном округе, гарантируя, что один из них будет устранен.

4. «Похищение» – перенос домашнего адреса действующего представителя в другой избирательный округ.

«Взлом» и «упаковка» основаны на увеличении количества «потерянных» голосов избирателей, а «Угон» и «Похищение» – на релокации кандидатов или действующих представителей.

В рамках джерримендеринга также используется такое явление, как «тюремное жульничество», которое нарушает работу принципа «один человек – один голос». Оно заключается в том, что увеличивается население избирательных округов, на территории которых находятся крупные тюрьмы, за счет населения, временно или пожизненно лишенного избирательного права.

В связи с тем, что джерримендеринг оказывает существенное негативное влияние на прозрачность и демократичность избирательного процесса, были выдвинуты следующие концепции решения данной проблемы:

- 1) изменение системы голосования;
- 2) использование фиксированных округов;
- 3) создание объективных и точных критериев, которым должна соответствовать любая карта районов;
- 4) создание независимых органов, занимающихся определением границ избирательных округов;
- 5) использование алгоритма кратчайшей линии разделения;
- 6) использование конкретного минимального изопериметрического коэффициента;
- 7) использование показателя «разрыва в эффективности»;
- 8) использование «географической информационной системы».

На настоящий момент проблема пагубного влияния джерримендеринга на избирательный процесс в большинстве государств, в которых она ранее существовала, не решена.

Машинская Я. Ю.

ПАНДЕМИЯ COVID-19 СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТЕОРИИ БИОПОЛИТИКИ

*Машинская Яна Юрьевна, студентка 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
yanamashinskaya@gmail.com*

Научный руководитель: канд. истор. наук, доцент Слуцкая Л. В.

2020 г. стал годом кардинальных изменений всех сфер жизни общества в мире. Эти изменения были связаны с пандемией COVID-19. Еще в декабре 2019 г. в китайском городе Ухань были зарегистрированы первые случаи заболевания неизвестной пневмонией, а через несколько месяцев было выявлено, что причиной этой пневмонии является новый коронавирус – COVID-19. Он начал молниеносно распространяться по всему миру, и 11 марта 2020 г. Всемирная организация здравоохранения объявила о пандемии COVID-19.

Национальные государства начали принимать различные меры для борьбы с коронавирусом, такие как введение масочного режима и карантина, ограничений на передвижение, цифровых форм контроля, вакцинирования населения и многих других. Политика против распространения COVID-19 применялась и на международном уровне: например, для того, чтобы

пересечь границу другой страны, нужно было предоставить сертификат о вакцинации либо отрицательный ПЦР-тест.

Все эти меры привели к значительным изменениям в повседневной жизни людей, что повлекло за собой рост недовольства населения. Так, в ответ на антиковидные ограничения в различных странах вспыхнули протесты, возросла популярность антивакцинаторов и всевозможных конспирологических теорий.

В связи с этими событиями в академических кругах начали возникать различные дискуссии, в ходе которых их участники все чаще стали обращаться к теории биополитики, а также к ее наиболее известному автору – французскому философу Мишелю Фуко.

В своей работе «Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы» Фуко описывает эволюцию защитных мер на примере трех эпидемий – проказы, чумы и оспы. Самая первая историческая мера – изоляция, которая в Средневековье проявлялась как полное исключение из общества прокаженных и помещение их в лепрозории. С появлением эпидемии чумы меры эволюционируют: теперь зараженные не исключаются полностью из общества. Вместо этого они должны находиться на определенной территории определенное количество времени, что по сути является карантином. Фуко писал: «речь идет о необходимости четкого разделения охваченных чумой регионов и городов на участки, однозначно определяется, когда, в какие часы и каким образом население может покидать их территорию, как должно вести себя дома, чем питаться, каких контактов избегать, и подчеркивается, что люди обязаны обеспечивать доступ в свои жилища инспекторам, контролирующим тот или иной участок». Появление и распространение оспы приносит качественно новую меру защиты против эпидемии – вакцинацию. Таким образом, как размышлял Фуко, «теперь в центре внимания уже не вопросы исключения, как в ситуации с проказой, и карантина, как в случае с чумой, но крайне сложная проблема медицинских мероприятий, посредством которых пытаются справиться с эпидемическими или эндемическими формами заболевания». Именно в этот период и зарождается биополитика.

Саму концепцию биополитики М. Фуко закрепляет в курсе лекций, прочитанных в 1978–1979 гг. в Коллеж де Франс. Появление биополитики означает переход от дисциплины индивидуального тела к дисциплине всего населения через локальные формы биовласти, такие как управление здравоохранением, деторождением, гигиеной, питанием и тому подобному. Само же население становится совокупностью «сосуществующих живых существ, которые наделены конкретными биологическими и патологическими чертами, а значит, относятся к сферам специфических знаний и техник». При таком подходе тело является биополитической реальностью, а медицина – биополитической стратегией. В учении М. Фуко биополитика – вершина политического модерна, поскольку она помещает жизнь в центр политического порядка.

Опираясь на идеи М. Фуко можно сделать вывод, что антиковидные меры, введенные правительствами практически всех государств мира,

являются яркими примерами проявления биополитики, на которых можно проследить ее эволюцию, от введения карантина и масочного режима до использования новейших цифровых систем контроля за населением. При этом важно понимать, что сама по себе биополитика является нейтральной, она выполняет функцию инструмента власти, а ее использование зависит от режима государства, его политики, общественного консенсуса и других факторов.

Таким образом, рассматривая пандемию COVID-19 сквозь призму теории биополитики можно сделать следующий вывод: эпидемия коронавируса и последующие методы борьбы с этим заболеванием стали образцовыми примерами биополитики и биовласти государств. И хоть труды М. Фуко носят более исторический и описательный характер, его концепции остаются значимыми инструментами для анализа и исследования современных событий.

Миканович В. А.

ВОЙНЫ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИКО-ИСТОРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

*Миканович Владислав Андреевич, студент 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
vladislavmikanovic@gmail.com*

Научный руководитель: канд. полит. наук, доцент Ильина Е. М.

В современном мире память является одним из главных факторов формирования политической идентичности индивида и общества в целом, а исторические события оказывают значительное влияние на политическую ситуацию и общественное сознание. Однако вместо конструктивного использования памяти для гражданского диалога и преодоления межнациональных конфликтов возникают войны памяти.

В Республике Беларусь по итогам республиканского референдума 27 февраля 2022 г. в Основной Закон страны были внесены изменения и дополнения, нацеленные на защиту и сохранение исторической правды и памяти о Великой Отечественной войне и героическом подвиге белорусского народа. 14 мая 2021 г. принят Закон «О недопущении реабилитации нацизма», а 5 января 2022 г. Закон «О геноциде белорусского народа». В Год исторической памяти Глава белорусского государства подписал распоряжение № 22рп, согласно которому создан Республиканский совет по исторической политике при Администрации Президента Республики Беларусь.

Существенный вклад в разработку избранной темы исследования внесли западные ученые: Д. Стоун, А. Ассман, О. Бердак, Б. Андерсон, Ж. Лакан и др. Ряд аспектов данной проблематики получил отражение в трудах белорусских и российских ученых и аналитиков, таких как Д. В. Белявцева, Г. А. Бордюгов, В. Ф. Гигин, В. В. Данилович, А. Г. Кохановский, Г. Г. Краско, В. Л. Лакиза, И. А. Марзалюк, В. А. Шнирельман и др.

В научной литературе не существует единого подхода к трактовке термина «война памяти», например, немецкая исследовательница С. Попп определяет его как: «публичные дебаты о том, что может служить подходящей или уместной памятью нации, международного сообщества, социальной подгруппы определенной гендерной, региональной, этнической или культурной принадлежности, или, наконец, религиозной идентичности». Она выделяет следующие уровни войн памяти:

- 1) конфликты внутри одной национальной культуры;
- 2) конфликты между двумя или более нациями/государствами, имеющими разные интерпретации общего прошлого;
- 3) противостояние между социальными группами, претендующими на преобладание их картины прошлого, и академическим сообществом.

По мнению ряда ученых, одной из основных причин возникновения войн памяти является неспособность общества принять историческую правду о событиях прошлого. При этом государства и нации часто стремятся представить исторические факты в выгодном для себя свете с целью сохранения исторической идентичности, а также в силу националистических устремлений политических элит и движений, что может привести к соперничеству, отрицанию или искажению исторических фактов и, как следствие, к противоборству.

Конфликты прошлого наиболее остро проявляется в странах, которые пережили гражданские войны, геноцид, авторитарные и тоталитарные правительства. Для государств Европы данное явление также может быть связано с их колониальным наследием, например, колониальная политика Франции в Алжире.

Современные государства стремятся противостоять войнам памяти, разрабатывая специальное законодательство, запрещающее героизацию людей (партий и организаций), совершавших преступления на территории страны, и создавая институты национальной памяти, музеи и специальные комиссии. Так, например, в Польше и Словакии функционирует Институт национальной памяти, на Украине действует закон «О Голодоморе 1932–1933 годов» и Украинский институт национальной памяти и др.

Нередко войны памяти используют во внешней политике против других государств. Так события Великой Отечественной и Второй мировой войн подвергаются наибольшему искажению фактов. Украина, Польша, Литва, Латвия, Эстония и другие страны проводят активную политику по дискредитации советской власти и ее роли в освобождении этих стран от немецко-фашистских захватчиков, переименовывают улицы в честь военных преступников, сносят памятники воинам-освободителям, искажая исторические факты в угоду политическим интересам. Основную роль в данной политике играют сами историки, которые своими руками, как пишет российский этнолог В. А. Шнирельман, конструируют «историческую истину».

Таким образом, войны памяти играют существенную роль в современном политико-историческом дискурсе, что связано с попытками стран создать общепринятую и однозначную версию собственной истории.

Актуальным для Беларуси видится активное применение таких инструментов политики памяти, как активная информационно-идеологическая работа с целевыми аудиториями, прежде всего с молодежью, так как войны памяти нацелены в первую очередь на молодое поколение.

Мясоедова П. А.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕРРОРИЗМА

Мясоедова Полина Андреевна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, mysoedovar@gmail.com

Научный руководитель: преподаватель Рыжий А. С.

Терроризм во всех его формах и проявлениях, по своим масштабам и интенсивности, по своей бесчеловечности и жестокости является одной из самых острых и злободневных проблем человечества. Сущность политического терроризма заключается в использовании физического, морального и психологического насилия, угроз, с целью изменения политической ситуации. Осуществление политического терроризма может выражаться в нападении на политических деятелей, саботаже, а также использовании психологического и информационного давления для достижения желаемых изменений в политической сфере.

Несмотря на то, что политический терроризм как насильственный метод политического противоборства известен еще с древних времен, современный терроризм нацелен на более массовые и значительно более жестокие способы достижения своих целей. Изменились его экономические и тактические основы. В частности, террористы широко используют возможности информационно-коммуникативных технологий для популяризации своих идей, аккумулируют существенные финансовые ресурсы, координируют действия террористических структур в региональном масштабе.

Причины политического терроризма разнятся от региона к региону и зависят от различных факторов. Политический терроризм может иметь место в рамках определенной региональной конфликтной ситуации или быть связан с политическими амбициями деятелей и идеологией внутри конкретного региона. Конкретные вызовы и угрозы также различаются в зависимости от территории того или иного государства и обусловлены определенной идеологией, ценностями локальной культуры, религиозными и историческими факторами.

Противодействие политическому терроризму является сложной задачей, решение которой связано с выявлением наиболее эффективных и безопасных методов, включая предотвращение «зеркальных реакций» – ответных мер со стороны правительства, которые впоследствии могут привести к еще большей эскалации конфликта и насилия. Искоренение политического терроризма представляется затруднительным, однако следует выделить несколько способов минимизации развития и распространения угроз терроризма в современном мире.

Одним из вариантов минимизации угроз терроризма является решение политических проблем, в том числе предотвращение развития внутренних конфликтов. Именно нерешенная проблема впоследствии вытекает в конфликт. Для минимизации развития и распространения угроз терроризма особое внимание уделяется обеспечению правопорядка в рамках международного сотрудничества. Совместная работа между странами и организациями в результате международного обмена информацией и мониторинга интернет-коммуникаций позволяет своевременно предотвращать террористические атаки. Действенными являются социальные и экономические меры, а именно улучшение условий жизни и уровня образования, уменьшение экономического и социального неравенства в регионах, подверженных политическому терроризму. Данная мера помогает снизить мотивацию присоединения лиц к террористическим организациям и группировкам.

Таким образом, политический терроризм представляет собой системное, организованное и насильственное применение террористических методов и средств, направленных на достижение политических целей. Новые технологии, изменения в геополитических отношениях, социокультурные факторы играют существенную роль в формировании новых вызовов и угроз политического терроризма. Трансформация вызовов и угроз требует постоянного внимания и адаптации методов противодействия.

Нищиценко Е. С.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ САНКЦИОННОМУ ДАВЛЕНИЮ СТРАН ЗАПАДА

*Нищиценко Евгений Сергеевич, магистрант 1 курса Белорусского
государственного факультета, г. Минск, Беларусь,
zhenya.nishimenko@yandex.ru*

Научный руководитель: доктор полит. наук, профессор Антанович Н. А.

Как и любая другая страна, Республика Беларусь считает санкционную политику негативным явлением, которые мешают свободному развитию экономики и нарушают международное право. Однако, санкции – это не только ущерб, но и возможности для укрепления сотрудничества с союзниками. Более слаженная деятельность Союзного государства, Евразийского экономического союза, СНГ помогает углубить кооперацию и нивелировать на внутреннем рынке риски перенасыщения однотипной продукцией и ужесточения конкуренции. Инструменты реализации – создание общего перечня товарных позиций для замещения импорта и выработка комплекса мер по содействию импортозамещению.

Для преодоления последствий санкций Республика Беларусь принимает ряд мер:

1) развитие экономических отношений с другими странами в рамках ЕАЭС, СНГ, Союзного государства Беларуси и России, а также других

международных организаций (ШОС, БРИКС). Республика Беларусь активно сотрудничает с Китаем, Турцией, Индией, Ираном, Арабскими Эмиратами и другими странами, которые не присоединились к западным санкциям;

2) разработка и реализация мер по укреплению экономической безопасности страны, включая развитие собственного производства, увеличение экспорта, поддержку малого и среднего бизнеса;

3) введение мер по снижению зависимости от импорта, в том числе по развитию аграрного сектора, увеличению доли отечественных производителей на рынке, сокращению импорта энергоносителей;

4) поиск новых рынков сбыта продукции, в том числе активное продвижение товаров на международных выставках, проведение переговоров с партнерами;

5) развитие финансовой системы страны, увеличение доли внутренних ресурсов в финансировании экономики;

6) обеспечение национальной безопасности, в том числе мер по укреплению обороноспособности и снижению уязвимости кибератак;

7) взаимодействие со странами, которые ввели санкции, о возможности их поэтапного снятия с учетом разрешения конфликта.

Одной из мер, которые Республика Беларусь принимает для борьбы с санкциями, является развитие международного туризма. Эта отрасль является важным источником доходов для экономики страны и позволяет привлекать инвестиции и развивать региональное экономическое взаимодействие. Республика Беларусь активно продвигает свой туристический потенциал на международном уровне, участвует в международных туристических выставках и проводит мероприятия для привлечения туристов.

Республика Беларусь развивает ИТ-сектор и высокотехнологичные отрасли экономики. Это позволяет увеличивать долю высокотехнологичных предприятий в экономике страны и наращивать экспорт высокотехнологичной продукции.

Следующей мерой для борьбы с санкциями является поиск новых дружественных государств и партнеров. Республика Беларусь активно развивает дипломатические и экономические отношения с другими странами, которые не вводят санкции против Республики Беларусь, такими как Китай, Российская Федерация, Индия, Иран, Зимбабве, Нигерия, Кения, ЮАР, Египет. Это позволяет Республике Беларусь расширять географию своих экономических связей и уменьшать зависимость от определенных групп стран.

Еще одной антисанкционной мерой является создание условий для привлечения инвестиций. С этой целью правительство страны упростило процедуру бизнес-регистрации, снизило налоговые ставки на определенные виды бизнеса, продолжает развивать зоны свободной экономической деятельности. Кроме того, Республика Беларусь продолжает активно работать над улучшением инфраструктуры, что позволяет увеличивать интерес со стороны иностранных инвесторов.

Важной мерой для борьбы с санкциями стало развитие локальных производств и замена импортной продукции на отечественную, что позволяет улучшить торговый баланс и увеличивать экспорт отечественной продукции на другие рынки. В рамках этой стратегии правительство Республики Беларусь поддерживает развитие малого и среднего бизнеса и местных производителей, которые могут заменить импортируемые товары на отечественные.

В целом Республика Беларусь принимает целый комплекс мер для борьбы с санкциями. Ответ этих мер на практике и уровень устойчивости экономики страны в условиях международной экономической войны требует постоянного совершенствования управленческих инструментов.

Парфёнова В. О.
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

*Парфёнова Варвара Олеговна, студентка 2 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
varvara.parfionava@gmail.com*

Научный руководитель: преподаватель Рыжый А. С.

В современном мире наблюдается смена социальных ценностей и изменение межличностных отношений. При переходе от традиционных ценностей к секулярно-рациональным (ценностям самовыражения) в обществе при принятии решений и в бытовой жизни осуществляется меньший акцент на религию, семью и власть. Наиболее всего данным изменениям подвержено молодое поколение. Для значительного числа молодых людей Республики Беларусь брак, семья и дети не являются приоритетными ценностями (только 49,5 % респондентов ставят создание семьи в приоритет), профессиональный и карьерный рост интересует 60,3 % современной молодежи, что говорит о приоритете карьеры над созданием семьи.

Смена системы ценностей является одной из главных причин низкого уровня заинтересованности молодежи в создании семьи. Из этого обстоятельства данная проблема носит культурно-идеологический характер. Отсюда берет свое начало пронаталисткая политика. Пронаталистская политика – вид демографической политики государства, которая направлена на увеличение численности населения посредством повышения рождаемости. Пронаталистская политика включает ряд мероприятий, направленных на стимулирование рождаемости: выплату денежных пособий, предоставление льгот, налоговых вычетов, введение налога на бездетность, социальную поддержку женщин в период беременности и родителей на законодательном уровне.

Для постсоветских стран, в том числе Республики Беларусь, на современном этапе актуально проведение именно пронаталистской политики, иными словами, создание финансовых и социальных стимулов для

населения. Беларусь позиционирует себя в группе стран, реализующих политику повышения рождаемости. При этом государство стремится брать на вооружение лучшие практики и учитывать чужие ошибки, предпринять эффективные меры, направленные на повышение рождаемости и снижение уровня естественной убыли населения.

Следует отметить, что пронаталистская политика не включает в себя меры, направленные на снижение смертности, на увеличение продолжительности жизни и другие аспекты демографической динамики, кроме увеличения показателей рождаемости. Для разрешения подобных проблем сегодня в Республике Беларусь действует Закон «О демографической безопасности в Республике Беларусь», преимущественно определяющий полномочия компетентных в данном вопросе государственных органов, а также действует Государственная программа «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2021–2025 годы, обозначившая цели, меры по исполнению плана и государственное финансирование.

Таким образом, семейные ценности – это основа белорусской государственности и белорусской идентичности. Существует множество мер (рост рождаемости, снижение уровня бедности семей с детьми), которые являются составными элементами семейной политики. Рассматривать эффективность семейной политики государства представляется возможным только комплексно. Социально-экономические условия жизнедеятельности семьи государство гарантирует с помощью программы «материнского капитала», повышающей рост рождаемости по стране. Однако уровень жизни семей с детьми нельзя повысить только мерами социальной поддержки. Здесь мы можем говорить о перспективах развития семейной политики Республики Беларусь преимущественно в улучшении системы оплаты труда, а именно – масштабные меры экономической поддержки семей, способствующие повышению их экономической самостоятельности. Необходимы системные изменения на рынке труда, долгосрочные программы по развитию гибкого рынка труда и семейного предпринимательства, создание социальной инфраструктуры, позволяющей совмещать потребности семей и профессиональную реализацию.

Сергейчик Д. В.

ИДЕОЛОГИЯ УЛЬТРАЛИБЕРАЛИЗМА: СУТЬ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ

Сергейчик Дмитрий Владимирович, студент 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минска, Беларусь, mderron@mail.ru

Научный руководителей: канд. полит. наук, доцент Михайловский В. С.

Ультралиберализм – политическая идеология, выступающая за ликвидацию государства и других принудительных социальных институтов в пользу индивидуального суверенитета в условиях свободного рынка.

Приверженцы ультралиберализма хотят не просто минимизировать вмешательство государства в жизнь народа, а отменить его; ликвидировать централизованные суды, полицию и медицину, приватизировать источники питьевой воды и нефти, создать индивидуалистическое общество. Свободный рынок – экономическое состояние, когда отсутствует любой экономический контроль государства – означает, что никакая регуляция не будет нарушать естественный порядок торговли, что никакая вышестоящая инстанция не будет использовать бизнес в своих целях.

Главный критерий для становления ультралиберализма и систематизации рыночных отношений – приватизация государственных предприятий. Для ультралибералов приватизация является не только шагом на пути к ультралиберализму, но и возможностью уверенного экономического роста страны в краткосрочной перспективе.

Ультралиберализм не был реализован на практике. В теоретическом измерении государственный аппарат, проводящий политику перехода к ультралиберализму, может обеспечить себя за счет добровольных взносов частных лиц, путем продажи промышленности, земли, оружия (например, армейского) и других ресурсов, еще находящихся в собственности государства. По мнению ультралибералов, необходимо распределить излишки бюджетных средств в пользу граждан, отдавая при этом государственные заводы и стратегически важные отрасли не бесплатно, а продавая за определенную рыночную цену. Ультралибералы убеждены, что свободно обладая оружием, граждане обретут не только способность защищаться от преступников, не обращаясь к услугам государства, но и отстаивать свои права и свободы, образуя новую политическую силу – вооруженное общество.

Чрезмерный радикализм определяет особое место ультралиберализма в идеологическом спектре. С нашей точки зрения, ультралиберализм не станет популярной идеологией, но может исследоваться как вектор развития либеральной мысли и ее радикализации. Идеи самоограничения публичной власти, бдительности гражданского общества и верховенства принципов конкуренции конструктивны для демократического развития, но требуют особого внимания.

Сухоцкий С. М.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

*Сухоцкий Семён Михайлович, студент 1 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
semensuhockij38@gmail.com*

Научный руководитель: кандидат полит. наук, доцент Михайловский В. С.

В данный момент идеология либерализма подвергается серьезной критике в большинстве источников. Она воспринимается как идеология крайнего эгоизма и утилитаризма. В обществе складывается предвзятое мнение

об идеологии либерализма в целом, обо всех ее направлениях и воззрениях. Критикуется сам образ либеральных стран, их уклад жизни. Слово «либерал» приобретает уничижительное значение. Из-за этого перспективные предложения этой идеологии не приветствуются обществом, хотя и обладают значительным потенциалом. Рассмотрим основные положительные стороны социального либерализма как одного из направлений либерализма.

Социальный либерализм зарождается именно как экономическая идеология. Изначально он не затрагивал аспекты политики, права, морали и т. д. Из-за этого в этой сфере его эффективность наиболее очевидна. Появляясь в США в первой половине XX в. как спасительный якорь для капиталистической экономики, основанной на принципах классического либерализма, социальный либерализм транслировал идеи, способные не только поддержать малоимущий класс, но и удовлетворить богатые слои населения. В экономике социальные либералы выступают за государственное регулирование и вмешательство в экономические процессы. В обоих случаях они берут под свой контроль общественно важные сферы: оружие, медицина и др. Они устанавливают государственное регулирование цен на товары первой необходимости, не давая тем самым малоимущим слоям населения окончательно скатиться в бедность. При этом в отличие от социалистических идеологий социальный либерализм не стремится взять экономику под свой полный контроль. Предприниматели все еще обладают достаточной свободой для осуществления собственного видения рынка, но не могут беспрепятственно наживаться на простых людях. Класс современной буржуазии обладает значительно большими возможностями в неценовой конкуренции, их им оставило правительство. Со стороны обычных граждан государство старается создать рабочие места для большинства, сократить безработицу.

В социальной сфере идеология социального либерализма выступает за определенное количество бесплатных учреждений здравоохранения и образования. Идеология готова бороться с проявлениями классов маргиналов и люмпенов, но оглядываясь на ограничения бюджета. В самом начале своей теоретизации представители этой идеологии выступали за прогрессивный налог, при котором чем больше зарабатываешь, тем больше платишь. Это позволяет правительству значительно увеличить государственный бюджет. При этом предприниматели остаются относительно довольными и ввиду того, что эта идеология выступает за развитие предприятий, помощь им. В большинстве случаев получаемые ими суммы в несколько раз больше, чем они отдают в виде налогов.

Сейчас наиболее остро стоит проблема возрождения фашистских идеологий в западных странах. В данном случае социальный либерализм может стать на их пути. В книге «Бегство от свобод» Э. Фромм анализирует причины «бегства» людей от свободы. Он приходит к выводу, что человеку дали лишь одну свободу, но при этом не дали средств ее сохранить. В классическом либерализме идея полной (негативной) свободы абсолютно не учитывает ситуации других людей. Социальные либералы взяли основные идеологемы классического либерализма и адаптировали их для широких масс

населения. Свобода – коллективная ценность, и ее защита – коллективная обязанность общества. Решая проблему «бегства», социальный либерализм не дает разрастаться идеологиям, направленным на подчинение человека: фашизму, нацизму и иным радикальным направлениям.

Таким образом, благодаря обдуманному вмешательству в экономику, сохранению свободы предпринимателей, освобождению политики от власти капитала социальный либерализм является достойной альтернативой другим идеологиям в современном идеологическом спектре.

Фарино К. В.

«ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ» КАК ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА КНР: ЦЕЛИ, ИДЕИ, ПРИНЦИПЫ

Фарино Константин Владимирович, студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, fariokostantin@gmail.com

Научный руководитель: канд. ист. наук, доцент Поддубская Е. Ф.

Китайская инициатива «Один пояс – один путь» – программа соединения Азии с Африкой и Европой через сухопутные и морские маршруты с целью углубления региональной интеграции, развития торговли и стимулирования экономического роста. Инициатива включает в себя Экономический пояс Шелкового пути – трансконтинентальный коридор, соединяющий Китай с Юго-Восточной Азией, Южной Азией, Центральной Азией, Россией и Европой по суше и Морской Шелковый путь XXI в.

Основная суть мегапроекта «Один пояс – один путь» – поиск, формирование и продвижение новой модели международного сотрудничества на богатой ресурсами территории, где проживает 63 % населения планеты; это поиск новой стратегической модели экономического развития, а также политического, интеграционного, военного и гуманитарного измерений КНР как будущего мирового лидера. В настоящее время в инициативе принимает участие 71 государство, которые вместе представляют более трети мирового ВВП и две трети населения планеты. Такой популярности инициативы способствует строгое соблюдение принципов и целей Устава ООН и мирного сосуществования: поддержание открытых дверей для сотрудничества со всеми странами и организациями, присоединившимися к замыслу; выступление за инклюзивность разных цивилизаций, уважение выбора пути и модели развития каждого государства; активизация межкультурных диалогов, стремление к общности при сохранении различий, заимствование всего полезного друг у друга и стремление к общему процветанию.

Приоритетным направлением является развитие инфраструктуры стран – участниц проекта, координирующих планы по строительству инфраструктуры и системы технологических стандартов, совместно содействующих строительству международных магистралей и постепенно формирующих сеть инфраструктуры, соединяющую Азию, Европу и Африку. Важным моментом в проекте является помощь в создании единого координационного механизма по всему маршруту; стимулирование органической состыковки международной

системы прохождения таможи, постепенное формирование общих правил транспортировки, что поможет облегчить международные грузоперевозки.

В октябре 2013 г. Председатель КНР Си Цзиньпин в своем обращении к парламенту Индонезии выдвинул концепцию «Морского шелкового пути XXI века» как возрождение древнего морского шелкового пути. Данная инициатива призвана дать новый импульс началу стратегического партнерства Китая со странами АСЕАН.

Важной составляющей данной стратегии является развитие морской портовой и береговой инфраструктуры с целью усиления экономического сотрудничества и торговли по морю. При этом не менее значимой целью для Китая остается создание и поддержание имиджа мирно развивающегося государства, усиление которого не провоцирует региональные конфликты, а наоборот, способствует конвергентному экономическому развитию всего региона. В связи с этим руководство КНР делает ставку на концепции соразвития и взаимовыгодной ситуации (win-win situation) для всех участников.

Инициатива «Один пояс – один путь» является одним из самых амбициозных инфраструктурных проектов из когда-либо задуманных. Она предоставляет возможность объединить и связать между собой весь евразийский континент, а также наладить и укрепить экономики большинства его стран. Это позволит сделать в том числе еще один большой шаг в направлении «китайской мечты», смысл которой состоит в «великом возрождении великой китайской нации».

Фицнер В. Д.

РОЛЬ МОЛОДЁЖНЫХ ПАРЛАМЕНТОВ В РЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ

*Фицнер Валерия Дмитриевна, студентка 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
valeriaficner342@gmail.com*

Научный руководитель: канд. полит. наук, доцент Абраменко Е. Г.

В современный период все более востребованными представляются задачи разработки механизмов по обеспечению взаимодействия государства и молодежи. Различные формы молодежного самоуправления способствуют становлению и развитию таких факторов, как гражданское самосознание и патриотизм, а также способствуют активизации политического участия молодежи в жизни общества и государства.

Воплощение в жизнь различных форм молодежного самоуправления должно основываться на реализации и гарантировании со стороны государства принципов молодежной политики, которые регламентированы законодательством Республики Беларусь. Основу правового регулирования молодежного самоуправления в Республике Беларусь представляет достаточно большой пласт нормативных правовых актов, главными из которых следует назвать: Конституцию Республики Беларусь; Закон Республики Беларусь от 7 декабря 2009 г. № 65-З «Об основах государственной

молодежной политики»; Стратегию развития государственной молодежной политики в Республике Беларусь до 2030 г. и др.

В соответствии со ст. 4 Закона Республики Беларусь «Об основах государственной молодежной политики» государственная молодежная политика основывается на принципах: защиты прав и законных интересов молодежи; сочетания государственных, общественных интересов, прав и свобод личности в формировании и реализации государственной молодежной политики; обеспечения молодежи правовых и социально-экономических гарантий, компенсирующих обусловленные возрастом ограничения ее социального статуса; научной обоснованности и комплексности; гласности; участия молодежи в формировании и реализации государственной молодежной политики; приоритета конкурсных механизмов при реализации программ в сфере государственной молодежной политики; межведомственного сотрудничества и взаимодействия.

Следует отметить, что в качестве одной из важнейших задач проведения государственной молодежной политики является обеспечение непосредственного участия молодежи в ее формировании. Перспективным механизмом ее реализации видится создание молодежных парламентов и развитие молодежного парламентаризма.

Первым молодежным парламентом в Республике Беларусь стала созданная в 2007 г. Молодежная палата при Минском городском Совете депутатов. На сегодняшний день молодежные парламенты созданы при областных Советах депутатов, а также в Новополоцке, Лиозно, Борисове, Слуцке, Лиде, Барановичах.

В 2017 г. по инициативе Президента Республики Беларусь началась работа по созданию Молодежного парламента при Совете Республики Национального собрания Республики Беларусь. Первый состав Молодежного парламента начал работу 2 июля 2020 г. Это молодежная консультативная структура при Совете Республики, которая выполняет совещательные и консультативные функции в процессе принятия законов, затрагивающих интересы молодежи. Молодежный парламент выполняет также такого рода задачи, как приобщение молодежи к парламентской деятельности; формирование правовой и политической культуры; участие в разработке проектов нормативных правовых актов, затрагивающих права и законные интересы молодых людей; изучение существующих проблем в молодежной среде и выработка предложений по их решению.

В 2019 г. постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 349 была принята Стратегия развития государственной молодежной политики в Республике Беларусь до 2030 года. Одной из ключевых целей является привлечение молодежи к участию в развитии страны, формированию и реализации государственной молодежной политики, в том числе и через поддержку молодежных консультативных и представительских структур и их обязательного участия в разработке проектов нормативных правовых актов, затрагивающих права и свободы молодежи. Реализация этого положения позволит обеспечить развитие гражданского общества в Республике Беларусь

на достаточно высоком уровне, поскольку вовлечение молодых граждан в процесс принятия значимых решений, затрагивающих их интересы, служит базой для построения демократического государства с привлечением самой активной социальной общности в данный процесс. Необходимо отметить, что молодежные парламенты способствуют созданию резерва молодых управленческих кадров как для регионов, так и для государства в целом.

Стоит отметить, что, по нашему мнению, Закон «Об основах государственной молодежной политики» следует дополнить положениями, закрепляющими функционирование молодежных парламентов, а также определением молодежного парламентаризма как системы особых представительных общественных молодежных структур, созданных при органах государственной власти в целях выполнения совещательной и консультативной роли в процессе принятия решений, затрагивающих права и законные интересы молодежи. Главная цель такого рода структур – максимальное обеспечение учета интересов молодых граждан при принятии общественно значимых решений путем активизации и реального вовлечения молодежи в общественно-государственный процесс.

Данные формы поспособствуют успешному развитию молодежной политики в Республике Беларусь.

Хильман С. И.

ОСОБЕННОСТИ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Хильман Софья Игоревна, студентка 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, sofya.khilman@icloud.com

Научный руководитель: канд. полит. наук, доцент Абраменко Е. Г.

История белорусского народа и государства, уходящая своими корнями в Полоцкое княжество, ВКЛ, Речь Посполитую, Российскую империю, СССР, напрямую содействовала развитию принципа разделения властей в современной Республике Беларусь. Полоцкое вече, Магдебургское право, получившее свое распространение на землях ВКЛ с 1387 г., Всебелорусский съезд 1917 г., Народное собрание Западной Беларуси – все эти исторические события способствовали возникновению законодательной и представительной власти на белорусских землях.

Согласно ст. 6 Конституции Республики Беларусь государственная власть осуществляется на основе разделения ее на законодательную, исполнительную и судебную. Государственные органы в пределах своих полномочий самостоятельны: они взаимодействуют между собой, сдерживают и уравновешивают друг друга. Из этого следует, что принцип разделения властей в Республике Беларусь полностью соответствует модели разделения властей, предложенной Ш. Л. Монтескье. Французский ученый считал, что основной целью разделения властей являлась политическая защита граждан, а также их защита от злоупотребления со стороны власти.

Процесс закрепления и развития принципа разделения властей в Республике Беларусь можно проследить через анализ изменений и

дополнений, вносившихся в Конституцию Республики Беларусь. Впервые принцип разделения властей был закреплён Декларацией о государственном суверенитете Республики Беларусь. До принятия Конституции 15 марта 1994 г. ключевую роль играл Верховный Совет, который был на тот момент господствующим органом государственной власти в стране. После принятия Конституции 1994 г. принцип разделения властей, хотя и закреплялся, но на практике прерогатива оставалась за законодательной властью в лице Верховного Совета Республики Беларусь.

Референдум 1996 г. Основным новшеством на референдуме 1996 г. стало закрепление принципа верховенства права (ст. 7 действующей Конституции), что обеспечило более полную реализацию принципа разделения властей, который наполнился реальным содержанием и создал основу для эффективного взаимодействия между исполнительной и законодательной властями. Согласно ст. 100 Парламент может не согласиться с предложенной Президентом редакцией закона и преодолеть его квалифицированным большинством, в соответствии со ст. 101 – вправе отменить большинством не менее двух третей голосов от полного состава каждой из палат временный декрет Президента. Право Правительства на обращение в Конституционный Суд в случае возникновения сомнения в конституционности закона, декрета или международного договора закрепляется ст. 116 и т. д. Конституция закрепила также эффективные механизмы разрешения конфликтов и споров между законодательной и исполнительной властями.

Референдум 2022 г. Важным результатом референдума 2022 г. стало учреждение нового государственного органа – Всебелорусского народного собрания (ВНС). Согласно ст. 89¹ Конституции «Всебелорусское народное собрание – высший представительный орган народовластия Республики Беларусь, определяющий стратегические направления развития общества и государства, обеспечивающий незыблемость конституционного строя, преемственность поколений и гражданское согласие». ВНС наделено широким объемом властных полномочий, которые позволяют ему играть серьезную роль в принятии важнейших государственных решений (ст. 89³). Изменения коснулись и полномочий Президента. Теперь право Президента издавать декреты исключено. Из этого следует, что законодательные полномочия Президента сузились, поскольку издаваемые им распоряжения и указы, в отличие от декретов, уступают закону по своей юридической силе. Вступили в силу также изменения, касающиеся Парламента. В частности, произошло некоторое расширение его контрольных полномочий. Так, согласно ст. 98 Конституции Республики Беларусь Совет Республики ежегодно заслушивает информацию Генерального прокурора, Председателя Комитета государственного контроля и Председателя Правления Национального банка о результатах их деятельности. До внесения изменений и дополнений в Конституцию не допускалась совместимость мандатов только членов Совета Республики. Теперь же согласно ч. 4 ст. 92 Конституции Республики Беларусь депутат Палаты представителей не может быть членом

Правительства, депутатом местного Совета депутатов. Изменения коснулись и Конституционного Суда. Конституционный Суд наделен рядом новых полномочий: по предложению Президиума ВНС дает заключения о толковании Конституции, о наличии фактов систематического или грубого нарушения Президентом Конституции; конституционности проведения выборов Президента, депутатов Палаты представителей и членов Совета Республики и т. д.

Внесенные в 2022 г. изменения и дополнения в Конституцию наполняют принцип разделения властей новым содержанием, благодаря деконцентрации государственной власти, произошедшей при образовании и наделении существенной компетенцией нового представительного государственного органа – ВНС, а также укреплению законодательной власти путем сужения законодательных полномочий Президента, повышению роли, авторитета судебной власти. Наделение Конституционного Суда рядом значимых полномочий, в частности, правом рассмотрения индивидуальных конституционных жалоб граждан, будет способствовать дальнейшему росту престижа судебной власти, призванной обеспечивать надлежащее функционирование принципа разделения властей.

Яворец Е. А.

РОЛЬ ДЕБАТ-КЛУБОВ В ПРЕОБРАЗОВАНИИ ИНСТИТУТА ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕБАТОВ

Яворец Егор Анатольевич, студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, yeavorets@mail.ru

Научный руководитель: доктор полит. наук, профессор Антанович Н. А.

Дебаты – это соревнование слов и аргументов; формальная дискуссия определенной темы в соответствии с выработанными правилами (Словарь Мерриам-Вебстер, 1998). Е. И. Шейгал называет дебаты политическими, если к сфере политики принадлежит хотя бы один из трех компонентов соответствующего дискурса: адресант, адресат или содержание речевого произведения. Политические дебаты имеют ряд характеристик.

Агональность (состязательность, конкурентность), которая согласно О. Л. Михалевой, реализуется при наличии трех участников политической коммуникации – адресанта (говорящего), прямого адресата (слушающего, в политическом дискурсе чаще, соперника) и адресата-наблюдателя («народа»).

Персуазивность (сила убеждающих аргументов) – это семантическая категория дискурса, включающая в себя стратегии и тактики, которые реализуются через вербальные средства намеренного воздействия на ментальную сферу адресата (реципиента) с целью изменения его поведения.

Особое развитие исследуемый феномен «соревнования слов и аргументов» получает в особых дебат-клубах. В Республике Беларусь развиваются школьные и университетские дебат-клубы. Значительную роль в развитии дебаторского движения играют студенческие организации, органы студенческого самоуправления при поддержке общественных организаций.

В рамках данных дебатов-клубов регулярно проводятся заседания (проводятся дебаты) по «Британскому формату парламентских дебатов» и «Формат дебатов Линкольна-Дугласа». Первый формат учит взаимодействовать в команде, оперативно искать информацию и придерживаться строго регламента. Второй формат дает раскрыться индивидуалистской сущности оратора в относительно длительном выступлении каждого из оппонентов.

Наиболее активно в Республике Беларусь развивается Лига дебатов под патронажем РОО «Белая Русь». Регулярно проводятся дебаты на базе БГЭУ, БГУ, Академии управления при Президенте Республики Беларусь. Дебаты, организованные «Белой Русью» часто приурочены к государственным праздникам (День народного единства, день единения народов России и Беларуси и т. д.), при этом все дебаты имеют характер отборочных для последующего выхода на Минский городской, областной, межуниверситетский, республиканский этапы. Финальный пункт – попадание в «Союзную лигу дебатов» как венец развития карьеры юного дебатёра из Союзного государства. Значительный вклад в развитие дебаторского движения внес и БГУ, в частности, юридический факультет и факультет международных отношений, представители которых стали победителями Белорусской республиканской Лиги дебатов в 2023 г.

Большую роль в становлении первичного институционального жанра дебатов в нашей стране играют и будут играть молодежные дебат-клубы. У суверенного белорусского государства присутствует интенция к делиберативной модели демократии. Либеральная демократия, господствующая в западных странах, далеко не всегда приживается в иных государствах. История хорошо продемонстрировала судьбу государств, принявших роковое решение идти в нерелевантном для них политико-идеологическом фарватере. Беларусь же постепенно интернализирует практику дискуссии в сферу политического пространства.

Генюш В. В.

НАСТАВНИЧЕСТВО (Тьюторство) КАК КЛЮЧЕВОЙ ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В РАБОТЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ КЛИНИКИ ГРГУ ИМЕНИ ЯНКИ КУПАЛЫ

*Генюш Вероника Викторовна, студентка 5 курса Гродненского
государственного университета имени Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь,
veronika.genyush@mail.ru*

Научный руководитель: старший преподаватель Рамульт Н. А.

В профессиональной деятельности юриста полезным и важным считается навык наставничества и профессионального воспитания молодых коллег. В юридическом клиническом обучении всегда присутствует элемент наставничества (тьюторства), который выражается в систематическом непрерывном обучении, воспитании, обмене практическим профессиональным опытом среди студентов-клиницистов (в том числе выпускников), кураторов, юридического клинического сообщества в целом.

В Юридической клинике Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (далее – ЮК ГрГУ) студенты-клиницисты и кураторы следуют принципу преемственности, передавая свои знания и опыт новому поколению клиницистов (*только вступивших или желающих попасть в ряды ЮК*) посредством:

1) разработки обучающих программ и проведения тематических тренингов (*например, курс «Юридическое клиническое обучение», «Осенняя правовая школа»*);

2) создания информационного контента в социальных сетях (*прямые эфиры, Reels, Stories в Инстаграмме ЮК ГрГУ*);

3) опубликования научно-методических, научно-практических разработок (*научные статьи кураторов и студентов-клиницистов, рекомендационные сообщения в тематических рабочих беседах в ВКонтакте*);

4) личного непосредственного взаимодействия (*при организации работы с клиентом, при анализе юридических кейсов, подготовке тренингов по правовому просвещению*);

5) организации и участия в проектах по юридическому клиническому обучению (*сотрудничество с Центром развития юридических клиник, г. Москва*).

Важно отметить, что в ЮК ГрГУ нет разделения среди студентов на обучающихся и обучающихся. Каждый клиницист, в зависимости от своего опыта и практических навыков, одновременно может стать для кого-то из студентов наставником (тьютором) и в то же время сам обучаться новым навыкам, взаимодействуя со студентами, кураторами ЮК ГрГУ. Следовательно, в ЮК ГрГУ формируется философский подход к обмену

знаниями (*идея постоянного непрерывного самообразования, «Каждый ученик есть учитель для другого ученика»*), который направлен на оптимальный и эффективный результат командной работы. Тьюторы, передавая свои знания, получают опыт выстраивания системы коммуникации, управленческие и лидерские навыки при организации деятельности команды, способность планирования, стимулирования команды, принятия решения в стрессовых ситуациях.

На наш взгляд, опыт такого студенческого наставничества (тьюторства) возможен только благодаря грамотной педагогической работе кураторов ЮК ГрГУ, которая годами выстраивалась по принципам доверия студенческим инициативам, веры в каждого студента-клинициста и поддержки, помощи в реализации командных креативных проектов и при непосредственном контроле итогов такого взаимодействия. Кураторы ЮК ГрГУ, как наставники (тьюторы), видят индивидуальный потенциал в каждом студенте и раскрывают этот потенциал, содействуя клиницистам в формировании и развитии профильных и междисциплинарных профессиональных навыков. Обучение в ЮК ГрГУ далеко от привычной модели «передачи большого объема готовых знаний». В ЮК ГрГУ студенты сами ищут необходимую для их профессионального становления информацию, задают много вопросов, а кураторы помогают им искать ответы (рефлексия, обратная связь, совместный анализ, подсказка новых информационных ресурсов). Кураторы ЮК ГрГУ создают также доверительную дружелюбную коммуникативную среду, где каждый студент, взаимодействуя с другими студентами, учится взаимному уважению, принятию рациональных совместных решений с учетом мнения каждого, самостоятельности и ответственности, выполняя конкретную задачу в команде. В ЮК ГрГУ культивируется идея высокой самодисциплины, профессиональной и личной мотивации друг друга. Кураторы ЮК ГрГУ ориентируют студентов-клиницистов ставить и достигать цели, развивать собственную эмоционально-ценностную сферу (культуру эмпатии, сострадание к чужой беде, самоотверженность, дружелюбность, готовность быть в команде и за команду и др.). Ярким примером успешного наставничества в ЮК ГрГУ можно назвать сильное профессиональное сообщество выпускников ЮК ГрГУ, которые, не изменяя традициям тьюторства, участвуют в мероприятиях ЮК ГрГУ как приглашенные гости, эксперты в различных правовых областях и помогают студентам-клиницистам в профессиональном становлении студентам-клиницистам.

Таким образом, наставничество (тьюторство) является одним из важнейших механизмов преемственности. В ЮК ГрГУ наставничество осуществляют не только кураторы, но и студенты, которые проходят этап своего профессионального становления. Наставничество проявляется не только в обучении, воспитании, обмене практическим опытом, но и в сплочении команды, в создании положительного личностно-профессионального образа социально ориентированного юриста, к которому должен стремиться каждый студент-клиницист.

Кузнецов Г. Д.

ОСНОВЫ КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ ПРИ ОКАЗАНИИ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В ЮРИДИЧЕСКОЙ КЛИНИКЕ

*Кузнецов Григорий Денисович, магистрант 1 курса Санкт-Петербургского
государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия,
st078679@student.spbu.ru*

Изучая основы консультирования при оказании бесплатной юридической помощи в юридической клинике необходимо описать действия студентов, так как именно от них зависит качество оказания юридической помощи.

Изначально клиент звонит диспетчеру и рассказывает свою проблему. Диспетчер информирует о правилах оказания помощи, категории дел, по которым оказывается юридическая помощь, категории лиц, которым оказывается помощь, предупреждает, что консультация проводится лично, и, если вместо клиента придет его представитель, необходима доверенность. После этого диспетчер назначает клиенту встречу через определенное время, просит принести документы, которые, по мнению клиента, необходимы, паспорт и оповещает консультанта о назначенном деле.

Данный этап важен тем, что диспетчер выделяет важные и маловажные аспекты обращения, фиксирует самую суть проблемы. У консультанта появляется примерное представление о появившемся деле, и он может составить план опроса клиента. После составления плана опроса консультант согласовывает его со специалистом по проблеме (преподавателем).

По прошествии определенного времени клиент приходит в юридическую клинику на консультацию. В этот момент происходит первое знакомство клиента и консультанта. Важно расположить клиента к себе, снять «зажатость» клиента. Для этого необходимо провести смарт-толк (*Small talk*), после чего выслушать проблему клиента. Следует отметить, что студент не должен заранее обещать клиенту разрешение спора.

После данной процедуры консультант резюмирует проблему клиента, для того чтобы понять, верно ли консультант понял проблему, задает уточняющие вопросы согласно плану опроса. Необходимо также уточнить, готов ли клиент обратиться в суд для разрешения его проблемы, предупредить об оплате государственной пошлины. После данной процедуры консультант назначает повторную встречу с клиентом для подготовки документов.

По окончании встречи консультанту необходимо составить резюме опроса, в котором оцениваются факты «за» и «против» позиции клиента, перспективы разрешения дела и ожидаемый итог от разрешения дела. В течение недели консультант изучает документы клиента, осуществляет поиск судебной практики, составляет меморандум, в котором подробно указывает, на каком основании, в соответствии с какими нормами клиент может разрешить свою проблему и предложения по дальнейшим действиям. Ценность данного документа выражается в том, что клиент, ориентируясь на

положения меморандума, может аргументировать свою позицию как в порядке досудебного урегулирования спора, так и в судебном порядке. При необходимости, консультанту также нужно составить претензию, в случае досудебного урегулирования спора, исковое заявление, если клиент намерен обратиться в суд, запрос в органы. После составления данных документов консультант согласует их со специалистом по проблеме и тьютором.

Спустя неделю консультант рассказывает клиенту о перспективах данного дела, необходимых действиях клиента и отвечает на вопросы клиента. Главная цель – помочь человеку, не знающему основ юриспруденции, понять суть его проблемы и пути ее разрешения.

Представляется интересным разобрать момент, связанный со «сложным» клиентом. Данный клиент может постоянно перебивать консультанта, настаивать на своей позиции и неправильно трактовать сущность дела. Консультант должен проявить спокойствие, вежливость, настойчивость и непоколебимость, объясняя клиенту в чем именно он заблуждается и почему необходимо действовать именно так, как ему было предложено.

Ломако В. А.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В ЮРИДИЧЕСКОЙ КЛИНИКЕ

*Ломако Валерия Александровна, магистрант 1 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
lerslomako20@gmail.com*

*Научный руководитель: заместитель начальника Центра образовательных
инноваций юридического факультета Белорусского государственного
университета Наумович Т. В.*

Правовое просвещение, иногда называемое правовой грамотностью, – это расширение прав и возможностей людей в вопросах, связанных с правом. Правовое просвещение способствует формированию правовой культуры, нормотворчества и развитию правового государства. Правовое просвещение населения включает в себя комплекс мероприятий, направленных на формирование у населения знаний и навыков, связанных с правом и системой правосудия.

В Законе Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» закрепляется легальное определение данного понятия: «Правовое просвещение граждан – формирование и повышение уровня правового сознания и правовой культуры граждан, осуществляемые субъектами профилактики правонарушений в пределах своей компетенции».

Правовое просвещение граждан осуществляется путем:

1) проведения конференций, круглых столов, семинаров, лекций и выступлений по вопросам профилактики правонарушений;

2) размещения в общественных местах, зданиях (помещениях) организаций, государственных средствах массовой информации, в том числе распространяемых с использованием глобальной компьютерной сети Интернет, на официальных сайтах субъектов профилактики правонарушений информации о формировании правопослушного поведения, здорового образа жизни, навыков по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан;

3) в иных формах в соответствии с актами законодательства.

Отдельно в рамках правового просвещения граждан хочется выделить просветительскую работу иных общественных организаций. К ним мы можем причислить и деятельность юридических клиник.

Юридическая клиника на юридическом факультете БГУ была создана 1 декабря 2000 г. в рамках проекта ПРООН в Республике Беларусь «Создание правовой клиники в Белорусском государственном университете».

В рамках работы Юридической клиники происходит уникальная модель правового просвещения, которая представляет многостороннее влияние на своих субъектов.

В настоящее время работа в отделе «Юридическая клиника» ведется по пяти основным направлениям:

1) устное консультирование малообеспеченных граждан;

2) ответы на письма граждан, в том числе находящихся в исправительных учреждениях;

3) социально-образовательный профориентационный проект Street Law («Право на каждый день») и Street Law Kids;

4) правовой просветительский YouTube-канал «Юридическая клиника» – «Поворот На право»;

5) консультирование Start Up проектов БГУ.

Традиционным направлением правового просвещения выступает устное консультирование граждан. В данной модели знания о праве получают как граждане, которые обращаются в Юридическую клинику для получения правовой консультации, так и студенты юридического факультета, которые получают знания при подготовке консультаций.

Правовое просвещение за 2022 г. за год охватывает более 1900 человек. Было проведено 89 консультаций, отвечено на 142 письма от граждан из исправительных учреждений по различным отраслям права: от уголовного до семейного права. Проведено более 20 просветительско-профориентационных мероприятий для образовательных учреждений для молодежи от 8 до 23 лет.

Конечно, правовое просвещение в Юридической клинике до недавнего времени сталкивалось с некоторыми ограничениями в деятельности: от локализации данного явления, ограничения количества консультаций в рамках общей загруженности студентов и преподавателей, до малой распространенности среди несовершеннолетних.

Сейчас Юридическая клиника БГУ уменьшила влияние данных проблем на правовое просвещение. Например, проблемы локализации и ограниченного количества консультаций помогло решить создание

направления правового просветительского YouTube-канала «Юридическая клиника» – «Поворот На право». Посредством использования информационных технологий правовые консультации по наиболее распространенным вопросам охватывают обширную аудиторию при минимальных затратах. А с созданием в 2021 г. социально-образовательного профорientационного проекта Street Law Kids, который направлен на правовое просвещение учащихся младшего школьного возраста, произошла популяризация права среди несовершеннолетних.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ	3
<i>Омельянюк К. В.</i> К вопросу о преюдициальной силе арбитражного решения.....	3
<i>Тишалоуич К. Д.</i> К вопросу о понятии и общественной опасности психологического насилия	4
<i>Томильчик Е. О.</i> Проблемы нарушения авторского права на наборы данных при обучении искусственного интеллекта	6
ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА	9
<i>Бабенко Н. А.</i> Особенности правового регулирования биометрических персональных данных	9
<i>Белкова Д. Г.</i> Морально-нравственные нормы в Законе Республики Беларусь «О здравоохранении»	10
<i>Гончарова С. В.</i> Ценностное содержание права	12
<i>Грачёва А. А.</i> Цифровизация и права человека.....	14
<i>Денисенко Н. В.</i> Различие вероисповеданий как препятствие к браку по законодательству Российской империи (XIX – начало XX в.)	15
<i>Долгопалец А. Н.</i> Об использовании LegalTech юридическими фирмами.....	17
<i>Дубровская Р. В.</i> Влияние судов на процесс правообразования в романо-германской правовой семье (на примере Республики Беларусь)	19
<i>Жоголь П. В.</i> Светский статус государства.....	21
<i>Карачун Ю. В.</i> Актуальные проблемы формирования правовой культуры в Республике Беларусь и пути их разрешения	22
<i>Козляковский В. Ю.</i> Понятие и признаки правового государства	24
<i>Костюков М. А.</i> Общечеловеческие ценности и их роль в развитии охранительного права	26
<i>Кохович А. А.</i> Право и справедливость.....	27
<i>Кулаженко Е. А.</i> Криптовалюта как объект правоотношений.....	28
<i>Лукашэня К. А.</i> Генэзіс мір-сістэмнага аналізу як метадалагічнага феномена тэарэтычнай юрыспрудэнцыі	29
<i>Макеев В. С., Мелешин Д. С.</i> Роль исторических социальных норм мордовского народа в регулировании современных общественных отношений.....	31
<i>Пархамович В. А.</i> О некоторых вопросах конституционно-правовой ответственности	33
<i>Редько К. Д.</i> Презумпция согласия как условие развития медицинских технологий	35
<i>Семашко Е. А.</i> Правовая природа соглашения между государством и религиозной организацией.....	36
<i>Сидоренко В. В.</i> Соотношение понятий «правовое положение» и «правовой статус» женщины в древневосточном праве	38
<i>Тарабонда А. С.</i> Теоретические аспекты института общественного контроля.....	39
<i>Тенюта Е. С.</i> К вопросу о техническом нормативном акте и техническом правовом акте.....	41

<i>Шидловский В. А.</i> О влиянии новых экономических вызовов на развитие правовой системы.....	43
ГІСТОРЫЯ ДЗЯРЖАВЫ І ПРАВА БЕЛАРУСІ.....	45
<i>Антоненко С. Б.</i> Религиозный фактор и роль Георгия Конисского в процессе территориальной экспансии Российской империи в XVIII в.	45
<i>Давыденко Я. Ю.</i> Историческая традиция народовластия в Беларуси.....	47
<i>Духнова К. А.</i> Георгій Каніскі: удзел у захаванні беларускай народнасці.....	49
<i>Наважэн К. Д.</i> Параўнальна-прававы аналіз аб’ектыўнага боку злачынства па Статуту ВКЛ 1588 г. і Саборнаму Ёлажэнню 1649 г.	50
<i>Станкевіч В. С.</i> Шляхта ў палітычным жыцці Вялікага Княства Літоўскага.....	52
ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН.....	54
<i>Александрова Е. В.</i> Институт президентства: история и перспективы в России и Беларуси.....	54
<i>Божовский И. А.</i> Внутригосударственные полномочия исполнительной власти в учении Джона Локка.....	55
<i>Борисовец М. Д.</i> Особенности функционирования института чрезвычайного положения в Израиле.....	57
<i>Борисовец Н. Д.</i> О проблеме введения мировых судов по судебной реформе 1864 г.	59
<i>Гоман А. Ю.</i> Гражданская война в России: события и итоги.....	61
<i>Ермолович К. С.</i> Право на аборт в европейских странах.....	62
<i>Казак Е. С.</i> Изменения в японской правовой системе после Второй мировой войны....	64
<i>Масюк Д. В.</i> Конкубинат в Древнем Риме.....	66
<i>Семыкин К. В.</i> Суперпрезидентская республика в странах Латинской Америки.....	68
<i>Топольчан М. А.</i> Практика монгольского налогообложения в XIII–XV вв.	70
КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО (Ч. 1).....	72
<i>Баженова К. А.</i> Некоторые проблемы регулирования обработки персональных данных детей в сети Интернет.....	72
<i>Браусов А. Д.</i> Функционирование интернет-порталов государственных органов: состояние, проблемы, пути их решения.....	73
<i>Буринская Я. Д.</i> Конституционно-правовое закрепление права на высшее образование в Республике Беларусь.....	75
<i>Гасянец А. В.</i> К вопросу о закреплении права на эвтаназию на законодательном уровне в Республике Беларусь.....	77
<i>Гончар Н. А.</i> Конституционные реформы в странах СНГ.....	78
<i>Гордеюк П. М.</i> Взаимоотношения Президента Республики Беларусь и Всебелорусского народного собрания: некоторые аспекты.....	80
<i>Демко П. А.</i> К вопросу о новациях в белорусском законодательстве о свободе совести и религиозных организациях.....	82
<i>Жилевич У. С.</i> Отдельные проблемы обеспечения конституционного права на благоприятную окружающую среду.....	84

<i>Захилько Е. С.</i> Законодательство о персональных данных как механизм обеспечения права на защиту от незаконного вмешательства в личную жизнь	85
<i>Ивашко Н. А.</i> Имплементация института индивидуальной конституционной жалобы	87
<i>Какора А. А.</i> Проблемные аспекты суррогатного материнства в Республике Беларусь	89
<i>Капшай А. С.</i> Экономические санкции Европейского Совета и противодействие им	90
<i>Кирик К. А.</i> Конституционная защита прав животных в современном мире	92
<i>Котяшев И. А.</i> Тайное голосование: за и против	94
<i>Кузьменок А. Н.</i> О реформе Концепции национальной безопасности	96
<i>Лабоцкая А. А.</i> Право на осуществление инновационной деятельности: конституционно-правовой аспект	98
<i>Лейчинская Т. И.</i> Идеология в конституционном праве и право на идеологию	100
<i>Лысенко В. С.</i> Понятие электронного правительства в Республике Беларусь	101
<i>Мисюля В. О.</i> Соматические права. право на смерть	102
<i>Попович Е. В.</i> Экстракорпоральное оплодотворение: за и против	104
<i>Прохоревич С. В.</i> Конституционная жалоба как особая форма защиты прав человека	106
<i>Саевич А. П.</i> Конституционно-правовые основы местного самоуправления Королевства Дания	107
<i>Штрапов Д. А.</i> К вопросу о создании Высшего Судебного совета Республики Беларусь	109
<i>Юневич В. С.</i> Право на счастье	111
КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО (Ч. 2)	113
<i>Адамич У. И.</i> Патриотизм – конституционный долг каждого	113
<i>Воложжанинов Д. А.</i> Социальные права граждан в условиях использования искусственного интеллекта	114
<i>Ермолаев В. О.</i> Взаимодействие государственной и местной властей в единой системе публичной власти Российской Федерации	116
<i>Марачева В. А.</i> Проблемы реформирования института гражданства в Российской Федерации	118
<i>Михеева П. Д.</i> Проблемы конституционно-правового регулирования молодежной политики в России	120
<i>Овсянкина А. П.</i> Нарушение чести и достоинства в СМИ: сущность способы защиты	121
<i>Осипенко Д. А.</i> О праве на доступ к информации в Российской Федерации	123
<i>Пашкевич М. С.</i> Конституционные изменения в Тунисе и Египте как результат «Арабской весны»	125
<i>Песоцкая М. Н.</i> Институт конституционной жалобы в Республике Беларусь	126
<i>Поболь В. А.</i> Новое поколение прав человека	128
<i>Расолько М. В.</i> Электронная демократия на современном этапе развития общества ...	130
<i>Русак Е. Д.</i> Об аспектах эвтаназии в Республике Беларусь	131

<i>Сенкевич А. Н.</i> Некоторые вопросы правового регулирования института согласия на медицинское вмешательство	133
<i>Сомова А. Ю.</i> Священный долг гражданина Республики Беларусь: содержательный аспект.....	134
<i>Хиревич И. А.</i> Некоторые проблемы правового регулирования административно-территориального деления в Республике Беларусь	136
<i>Хоменко Д. Э.</i> Право на смерть (эвтаназию) в Республике Беларусь, Республике Перу и Королевстве Испания	137
<i>Черногузова В. С.</i> Правовое регулирование и защита прав человека в условиях вооруженного конфликта	139
<i>Чорный Ф. В.</i> Некоторые проблемы конституционного закрепления обязанностей человека и гражданина в Республике Беларусь	141
<i>Чуманская А. В.</i> Проблемы правового регулирования биохакинга и бодихакинга.....	142
<i>Шумилов Г. Д.</i> Электронное правительство в Республике Беларусь: состояние и перспективы развития	144
АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО	147
<i>Багаева У. Р.</i> Роль административно-деликтного права в защите прав и свобод граждан	147
<i>Бань А. А.</i> Трансформация административно-деликтных норм в области природоохранного законодательства	148
<i>Вавило К. В.</i> Право пациента на доступ к информации о своем здоровье в условиях электронного здравоохранения	150
<i>Витко В. В.</i> Принцип справедливости административной ответственности.....	152
<i>Воложина Д. В.</i> Административная ответственность юридических лиц за нарушение законодательства о защите персональных данных	154
<i>Воскресенская М. А.</i> Право на отдых и досуг в Республике Беларусь.....	155
<i>Гавриленко А. И.</i> К вопросу о понятии персональных данных	157
<i>Гиголян Н. А.</i> Административная ответственность индивидуальных предпринимателей	159
<i>Головёнкина А. Е.</i> Молодежь в цифровом мире России и Беларуси	161
<i>Горун К. О.</i> Административная ответственность за нарушение законодательства о СМИ.....	164
<i>Елькина А. С.</i> Проблемы практической реализации положений нормы «Нарушение тишины и покоя граждан» в актах регионального законодательства Республики Крым	166
<i>Леонов И. В.</i> Малозначительность административного правонарушения: критерии и правовое значение	167
<i>Молодьянов В. А.</i> Проблемы исполнения административных взысканий в виде административного ареста и депортации	169
<i>Новик Ю. А.</i> К вопросу об отнесении cookie-файлов к персональным данным	171
<i>Прокурат Д. В.</i> К вопросу о понятии «общественное место» в законодательстве Республики Беларусь	172

<i>Снарова В. А.</i> Усиление роли семьи в профилактике правонарушений несовершеннолетних в Республике Беларусь	174
<i>Чичиков И. О.</i> Электронный медицинский рецепт: анализ применения и перспективы развития	176
<i>Шинкарук Д. А.</i> К вопросу о кодификации информационного законодательства Республики Беларусь	177
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ И ИНТЕГРАЦИОННОЕ ПРАВО	179
<i>Dilixiati D.</i> Circumvention of the law as a conflict of private and public interest (on the example of the Republic of Belarus)	179
<i>Александров Д. О.</i> Совместные проекты Российской Федерации, Республики Беларусь и Исламской Республики Иран в нефтегазовой промышленности. Проблемы и перспективы	181
<i>Бабиц А. А.</i> Интеграция Российской Федерации и Республики Беларусь в процессе освоения и использования космоса: результаты ретроспективного анализа как основа в определении перспектив	183
<i>Васько О. И., Богданович А. С.</i> Иски об аннулировании к институтам, органам и учреждениям Европейского союза	184
<i>Гайдукова Д. М.</i> Консультативное заключение Международного суда 1951 г.	186
<i>Глухотаренко Д. А.</i> Роль международных организаций в становлении защиты прав и свобод человека	188
<i>Гусева О. В.</i> О возможности использования миротворческих войск ОДКБ на территории Украины (опыт Казахстана)	189
<i>Загоровская Е. И.</i> Сравнительный анализ обеспечения национальной безопасности в Республике Беларусь и Китайской Народной Республике: правовые аспекты	191
<i>Зубрицкая У. И.</i> Проблема международно-правовой квалификации преступления геноцида. По материалам деятельности айнзатцкоманд в БССР 1941–1944 гг.	193
<i>Зыкова В. В.</i> Создание совместного СПГ-терминала в рамках Договора о Союзном государстве	195
<i>Исмайлова Л. М.</i> К вопросу о международно-правовой борьбе с киберпреступностью	196
<i>Казак Н. А.</i> Правовое регулирование отношений в сфере использования беспилотных летательных аппаратов в контексте обеспечения национальной и региональной безопасности	197
<i>Клепча А. И., Корсак Д. Д.</i> Двойное гражданство: проблемы и международно-правовые последствия	199
<i>Лаптёнок А. И.</i> Обязательства, вытекающие из договора международной автомобильной перевозки грузов по территории ЕАЭС	201
<i>Мазуркевич Д. В.</i> Международно-правовая защита детей в период вооруженных конфликтов	202
<i>Остапенко В. В.</i> Уголовная ответственность за нападение на лиц и учреждения, которые пользуются международной защитой по законодательству Республики Беларусь и зарубежных государств	204
<i>Прыгун В. Д.</i> Сексуальное насилие в период вооруженных конфликтов	205

<i>Ребицкая Е. В.</i> Перспективы международно-правового сотрудничества государств по вопросам привлечения к ответственности юридических лиц	207
<i>Сакута С. А.</i> Роль Международной морской организации в борьбе с пиратством.....	209
<i>Тарелко Е. С.</i> Причины возникновения вынужденной миграции в Европейском союзе	210
<i>Шелег А. А.</i> Актуальные вопросы миграции в современных условиях развития международных отношений.....	211
АДМИНИСТРАТИВНОЕ, ФИНАНСОВОЕ И НАЛОГОВОЕ ПРАВО	213
<i>Авдей С. А., Корж К. А.</i> Лицензия как правовой акт управленческой деятельности	213
<i>Бурак Н. И.</i> О понятии налоговой оптимизации в законодательстве Республики Беларусь	214
<i>Глотов И. А.</i> К вопросу о юридическом регулировании использования криптовалюты в правовом поле Германии	215
<i>Исакова В. А.</i> Комиссия по делам несовершеннолетних в Республике Беларусь	218
<i>Пахомская Т. О., Корнева К. В.</i> Медиация как средство урегулирования конфликтов в административных спорах на примере Республики Беларусь и Республики Франция	219
<i>Пыж А. С.</i> Классификация угроз информационной безопасности в сфере государственного управления	220
ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ, ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА	223
<i>Березко А. А.</i> Гражданская служба как конституционно-правовой институт.....	223
<i>Бицутко В. А.</i> Некоторые аспекты правового статуса безработных как специальных субъектов административного права.....	224
<i>Богданович В. А.</i> Правовое регулирование государственной службы в Республике Беларусь	226
<i>Голынец Т. А.</i> Государственные служащие как субъекты информационных правоотношений	228
<i>Колосовская А. А.</i> Сравнительный анализ административно-правового статуса уполномоченных органов по защите прав субъектов персональных данных в Российской Федерации и Республике Беларусь	229
<i>Короленко Р. А.</i> Сравнительный анализ законодательства Европейского союза и Республики Беларусь в сфере защиты персональных данных	231
<i>Яковлев К. С.</i> Административно-правовой аспект оказания электронных государственных услуг	232
ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ, ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ, АГРАРНОЕ ПРАВО	235
<i>Балашенко Н. С.</i> Нормирование и стандартизация как нормативно-техническая основа обеспечения экологической безопасности.....	235
<i>Булай А. С.</i> Право человека на благоприятную окружающую среду: национальные механизмы защиты	236
<i>Грицевич Н. С.</i> Понятие и цели контрольной (надзорной) деятельности в области охраны окружающей среды	238
<i>Жогло П. А.</i> Общество потребления: правовые аспекты обращения с отходами в рамках реализации концепции ответственного потребления	239

<i>Красуцкий Г. В.</i> Установление целевого назначения земельных участков для жилищного строительства в свете экологизации законодательства	241
<i>Крюков Е. В.</i> Гармонизация законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь в сфере природопользования	243
<i>Кулешова А. А.</i> К вопросу о регулировании деятельности по оказанию услуг в сфере агроэкотуризма	245
<i>Мироненко К. А.</i> Правовые основания изъятия земельных участков для государственных нужд	247
<i>Павловская Д. А.</i> Перспективы кодификации экологического законодательства Республики Беларусь.....	248
<i>Фоменко Е. Ю.</i> К вопросу об образовании двух и более самостоятельных земельных участков из одного: правовой аспект	250
<i>Хотенко П. Г.</i> К вопросу о правовом определении экологического аудита	251
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО (Ч. 1).....	253
<i>Алещенко М. А.</i> Виды опционных сделок	253
<i>Баранов Д. А.</i> Проблемы определения правового режима объектов недвижимого имущества, создаваемых при осуществлении строительной деятельности в контексте принятия Кодекса об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности ...	255
<i>Богатов Д. Ю.</i> Понятие и сущность юридического равенства в гражданско-правовых отношениях: актуальные вопросы	256
<i>Галкин Н. А.</i> Проблемы click-wгар-соглашений	258
<i>Грабинский В. Ю.</i> Смарт-контракт как гражданско-правовой договор	259
<i>Дек В. О.</i> Толкование гражданско-правовых норм	261
<i>Карпеко К. И.</i> Недвижимое имущество как объект гражданско-правовых отношений ...	262
<i>Кобак С. В.</i> Право суда на уменьшение договорной неустойки в контексте принципа свободы договора	264
<i>Костюк В. В.</i> Аналогия закона и права	266
<i>Кузурова Д. Д.</i> К вопросу о презумпции ничтожности сделки в гражданском праве	268
<i>Осмоловский С. В.</i> Электронная форма сделок: понятие и подходы к правовому регулированию.....	269
<i>Панасюк Д. А.</i> Правовые подходы к правовому регулированию криптовалюты	271
<i>Ползунова М. Ю.</i> Некоторые вопросы самовольного строительства: судебная практика	273
<i>Сергеева С. С.</i> Развитие информационных технологий в сфере государственной регистрации недвижимого имущества	275
<i>Станкевич М. А.</i> Отмена ограничения дееспособности граждан: некоторые вопросы	276
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО (Ч. 2).....	279
<i>Бертрам Э. А.</i> Корпоративные права ребенка.....	279
<i>Бухов Г. И.</i> Предоставление безвозмездной (спонсорской) помощи как способ осуществления благотворительной деятельности в Республике Беларусь	281
<i>Жвирбля К. А.</i> Дистрибьюторский договор как правовой инструмент организации сбыта товаров.....	283
<i>Карпович Д. М.</i> О форме компенсации морального вреда	285

<i>Костюк А. С.</i> Конфискация имущества, обремененного рентой	287
<i>Куровский Д. Г.</i> Основания освобождения от возмещения вреда, причиненного в результате дорожно-транспортных происшествий	288
<i>Мясоедов Г. Г.</i> О применимости норм о договоре займа к договорам лизинга и факторинга	290
<i>Наплёха А. А.</i> К вопросу о наследовании авторских прав	291
<i>Пахоменко А. И.</i> Понятие договора азартной игры	294
<i>Пиццало А. А.</i> К вопросу об использовании конструкции связанного договора в правовом регулировании потребительских отношений в Республике Беларусь	295
<i>Слабейко В. А.</i> Проблематика понимания предмета договора займа	297
<i>Филимонов Д. В.</i> К вопросу о страховании профессиональной ответственности нотариуса	299
ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПРАВО, ПРАВО ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ	301
<i>Dilixiati D.</i> Economic sovereignty as fundamental principles of international economic law ...	301
<i>Богдановский Е. Д.</i> Особенности юридической ответственности в хозяйственных правоотношениях	302
<i>Бодров К. А.</i> Уголовная ответственность юридических лиц как способ улучшения инвестиционного климата в стране	304
<i>Бондаренко М. С.</i> К вопросу о необходимости формирования правовой научной доктрины человеческого капитала	306
<i>Винник В. В.</i> Искусственный интеллект и проблемы его имплементации в систему общественных отношений	308
<i>Горбик В. С.</i> Правовое регулирование смарт-контрактов в хозяйственной деятельности ..	310
<i>Завало Е. Н.</i> Криминальное предпринимательство в хозяйственной деятельности	312
<i>Золотарев И. В.</i> Правовое регулирование цифровизации в сфере ЖКХ	314
<i>Койфман М. А.</i> К вопросу о правовом регулировании фармацевтической деятельности в Республике Беларусь	316
<i>Латицкий С. О.</i> Правовое регулирование деятельности индивидуальных предпринимателей	317
<i>Низовцов И. А.</i> Особенности правового регулирования логистической деятельности в Республике Беларусь	319
<i>Орловский Р. В.</i> К вопросу о правовом регулировании рекламной деятельности в Республике Беларусь	321
<i>Сасс А. В.</i> Истоки правового регулирования вертикальных монополистических соглашений в Республике Беларусь	322
<i>Сопот Г. К.</i> Факторы развития социального предпринимательства в странах Западной Европы	324
<i>Тхарёва М. Г.</i> Правовые аспекты государственно-частного партнерства и концессии в развитии сферы спорта	326
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО	328
<i>Аджиева А. В.</i> Установление происхождения детей, рожденных суррогатной матерью	328
<i>Березняцкая Т. С.</i> К вопросу о соотношении семейно-правовой и гражданско-правовой ответственности при нарушении условий брачного договора	329

<i>Дмитрук П. В.</i> Правовой статус эмбриона	331
<i>Каурова П. Д.</i> Реализация интеллектуальных прав детьми от 14 до 18 лет	333
<i>Кондратенкова К. А.</i> Понятие нетрудоспособности в алиментных обязательствах родителей и детей	334
<i>Кондрашова О. Д.</i> Проблемы правового регулирования имущественных отношений фактических супругов в Российской Федерации	336
<i>Костина А. А.</i> Раздел общего имущества супругов в судебном порядке: актуальные проблемы судебного процесса	338
<i>Кудинов Н. Е.</i> Права супругов на имущество, нажитое в период брака, по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь	340
<i>Лиценко Е. Я.</i> О вопросе ответственности суррогатной матери в рамках договора суррогатного материнства	342
<i>Панченко К. А.</i> Супруг генетической матери или женщины, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой, как сторона договора суррогатного материнства	343
<i>Рыбакова С. В.</i> Преемственность поколений как традиционная российская семейная ценность: актуальные проблемы и пути решения.....	345
<i>Столярова Е. М.</i> Некоторые проблемы раздела общего имущества супругов, в состав которого входит криптовалюта	346
<i>Стренькова Я. Л.</i> К вопросу о праве, применимом к брачному договору при наличии иностранного элемента	348
<i>Филянова М. И.</i> Значение и роль суда в сохранении и укреплении семейных ценностей.....	350
МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО	352
<i>Бурнашева А. А.</i> Добросовестность в принципах УНИДРУА: особенности закрепления и применения	352
<i>Бутакова Я. С.</i> Российские контрсанкции как институт международного частного права	354
<i>Зубкова П. А., Тарлыкова А. А.</i> Правовое регулирование международной электронной торговли.....	356
<i>Купрейчик А. А.</i> Право, применимое к основаниям недействительности сделок: постановка проблем	359
ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ	362
<i>Бойко Е. А.</i> Об условиях использования и правовой природе аккаунта	362
<i>Дубовик Н. А.</i> Музыкальные произведения, созданные с помощью искусственного интеллекта	363
<i>Едчик Ж. А.</i> Особенности нарушений авторских прав в сфере информационных технологий.....	365
<i>Ковалёва А. В.</i> Правовая квалификация роли искусственного интеллекта в создании объектов интеллектуальной собственности.....	367
<i>Коротченко А. А.</i> Вещание и стриминг: соотношение понятий.....	369
<i>Коротченя А. П.</i> К вопросу о соотношении исключительных прав на фирменные наименования и товарные знаки	371
<i>Кузьменкова К. Д.</i> Доменные имена как средства индивидуализации	373

<i>Стефаненко Д. О.</i> К вопросу о необходимости закрепления цифровых прав в сфере интеллектуальной собственности	375
<i>Табачникова П. В.</i> Договоры в издательской деятельности.....	376
<i>Трухова М. Н.</i> Правовая защита объектов, созданных искусственным интеллектом.....	378
ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС, ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ПРОЦЕСС	381
<i>Александрова А. И.</i> Особенности доказывания при рассмотрении дел в рамках упрощенного производства	381
<i>Антимоник А. А.</i> Перераспределение бремени доказывания в корпоративных спорах	383
<i>Буданов В. И.</i> Оптимизация нотариальной деятельности в условиях развития цифрового общества.....	384
<i>Бычковский П. С.</i> О необходимости обжалования судебных постановлений, выносимых судами в порядке приказного производства	386
<i>Глухотаренко А. А.</i> Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве	388
<i>Делибозоглова В. В.</i> Проблемы ознакомления сторон исполнительного производства с материалами, содержащими персональные данные.....	390
<i>Дякончук Е. А.</i> Третий не лишний: медиация при расторжении брака	392
<i>Рапаян Ю. Х.</i> Применение электронных доказательств по делам по жалобам на действия должностных лиц органов принудительного исполнения	394
<i>Филичкина В. А., Ухолова А. О.</i> Актуальность института алиментных обязательств в концепции их нецелевого использования	396
ТРУДОВОЕ ПРАВО, ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ	398
<i>Алехина Е. В.</i> Дискриминация в трудовых и тесно связанных с ними отношениях	398
<i>Антипова М. С.</i> Анализ мирового опыта в вопросе организации труда инвалидов.....	400
<i>Афанасьев А. О.</i> Международно-правовое регулирование пенсионных прав трудящихся государств – членов ЕАЭС.....	401
<i>Журова Ю. А.</i> Проблемные аспекты занятости лиц, освобожденных из мест лишения свободы.....	403
<i>Канюков Д. Ю.</i> Особенности рассмотрения трудовых споров: зарубежный опыт.....	405
<i>Кочемасов А. Н.</i> «Своих не бросаем»: правовая регламентация дополнительных гарантий для участников специальной военной операции	407
<i>Круглая Ю. Ю.</i> Право на забастовку и его ограничения в Республике Беларусь	408
<i>Куракина В. В.</i> Обеспечение реализации принципа недопущения дискриминации в области труда и занятий в Республике Беларусь.....	410
<i>Мамедова Ж. Р.</i> Некоторые проблемы прекращения трудового договора с работником, выполняющим дистанционную работу	412
<i>Рудаковская А. В.</i> Отдельные аспекты трудовой деятельности женщин в Республике Беларусь.....	413
<i>Соколовская Д. В.</i> Психосоциальные риски в трудовых отношениях	415
<i>Цадкина А. Д.</i> К вопросу о совершенствовании законодательства о социальной поддержке многодетных семей в России	417

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО (Ч. 1)	419
<i>Абрамчик А. А.</i> Вовлечение малолетнего в совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов	419
<i>Азаренко А. О.</i> Правовая природа и значение института соучастия	421
<i>Березовская Е. Р.</i> Проблемные вопросы квалификации преступлений за нарушение авторского права, смежных прав и права промышленной собственности	422
<i>Бражицкая Ю. А.</i> Особенности отбывания наказания в виде лишения свободы женщинами, имеющими детей до трех лет	424
<i>Винничек С-В. В.</i> Сравнительный анализ уголовно-правовых норм отрицания геноцида белорусского народа и отрицания холокоста в законодательстве зарубежных стран	426
<i>Горбачик А. С.</i> Квалификация хищения денежных средств с использованием платежной банковской карты	427
<i>Горенчук А. А.</i> К вопросу о предупреждении отрицания геноцида белорусского народа в молодежной среде	429
<i>Гуркова Д. А.</i> Проблемные вопросы установления ответственности за ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей медицинским работником	430
<i>Демидович К. В.</i> Освобождение от уголовной ответственности за поставление в опасность заражения и за заражение вирусом иммунодефицита человека	432
<i>Жогло К. В.</i> К вопросу о криминализации треш-стриминга из корыстных побуждений	434
<i>Згурская А. Д.</i> Вопрос отграничения незаконного вознаграждения от получения взятки	436
<i>Клиницкая А. А.</i> Проблемы установления причинной связи в составе преступления, предусмотренном ст. 2032 Уголовного кодекса Республики Беларусь	438
<i>Ковалёва М. В.</i> Определение предмета, используемого в качестве оружия, при совершении особо злостного хулиганства	440
<i>Комар А. Д.</i> К вопросу о понятии причинной связи в уголовном праве	441
<i>Кухарчик В. В.</i> Мемориальный вандализм как преступление против исторической памяти	443
<i>Луцник И. В.</i> Роль краудфандинга в Республике Беларусь и перспективы его совершенствования	445
<i>Макась Д. А.</i> Нормотворческая техника конструирования статей с административной преюдицией	447
<i>Милодовская В. С.</i> Правовая оценка жестокого обращения с животными в контексте перспектив развития законодательства	449
<i>Седельник Е. Д.</i> Квалифицирующие признаки ст. 203-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь	451
<i>Семенов А. А.</i> О некоторых вопросах разграничения хищения имущества путем модификации компьютерной информации и мошенничества	453
<i>Цейко Я. А.</i> Виды преступлений, совершаемых медицинским работником, по уголовному законодательству Республики Беларусь	455
<i>Шавлюкевич А. В.</i> О вопросе криминализации изнасилования мужчин	457

<i>Штемпель М. В.</i> Эволюция норм об уголовной ответственности за деяния, совершенные в состоянии аффекта	459
УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО (Ч. 2)	461
<i>Аршавский В. И.</i> Отграничение преступлений, предусмотренных ст. 328 Уголовного кодекса Республики Беларусь, совершаемых с целью сбыта и без цели сбыта	461
<i>Батина Э. А.</i> Криминализация искусственного прерывания беременности в Республике Польша.....	463
<i>Вертинский А. С.</i> Проблема определения субъекта преступления, совершенного нейросетью либо с ее помощью	465
<i>Головин К. Д.</i> Оптимизация уголовно-правовой защиты компьютерной информации в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 29 августа 2023 г. № 269.....	467
<i>Дементей А. И., Прудников Т. А.</i> Критерии определения ограниченной вменяемости лица, совершившего преступление.....	469
<i>Зенькович В. Д.</i> Преступления с двойной формой вины в соучастии	470
<i>Жуковец В. К.</i> Причины рассмотрения исполнения заведомо преступного приказа или распоряжения как смягчающего обстоятельства в рамках рассмотрения «дела о врачах» на Нюрнбергском военном трибунале	472
<i>Жураў М. С.</i> Прававыя наступствы вызвалення ад крымінальнай адказнасці і абгрунтаванне іх замацавання ў Крымінальным кодэксе Рэспублікі Беларусь	474
<i>Зразикова Д. В.</i> Понятие психического насилия в уголовном праве Республики Беларусь	476
<i>Зубель Д. Ю.</i> Уголовно-правовая охрана потерпевших от сексуальных домогательств.....	478
<i>Лысюк А. В.</i> Превышение пределов необходимой обороны в законодательстве стран романо-германской правовой семьи	480
<i>Мельникова В. А.</i> Криптовалюта как предмет отдельных преступлений	482
<i>Нагорная А. Д.</i> Доведение до самоубийства: проблемные аспекты объективной стороны состава преступления.....	483
<i>Павлович К. С.</i> Проблемы отграничения незаконного хранения от незаконной перевозки наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов без цели сбыта.....	485
<i>Рыбинская А. Е.</i> Квалификация торговли людьми, совершенной в отношении несовершеннолетнего лица	487
<i>Самусик А. А.</i> Склонение к самоубийству: проблемные вопросы конструирования уголовно-правовых норм.....	489
<i>Севрюк Е. В.</i> Специальная конфискация криптовалют	490
<i>Сидоренко К. С.</i> Цифровой суверенитет личности в уголовном праве	492
<i>Станилевич В. А.</i> Сравнительный анализ института соучастия в Республике Беларусь и Англии	494
<i>Харитонова А. А.</i> Коммерческий подкуп и получение взятки: проблемы разграничения составов	496
<i>Хайнюк А. А.</i> Понятие и признаки геноцида в законодательстве Республики Беларусь и зарубежных стран.....	498

<i>Червяк А. О.</i> Новый вид наказания за преступления против половой неприкосновенности	500
<i>Щедров Д. А.</i> Необходимая оборона и условия её правомерности. превышение пределов необходимой обороны	501
КРИМИНОЛОГИЯ	503
<i>Агафонов Т. А.</i> Сравнительно-правовой аспект противодействия наркопреступности уголовно-правовыми средствами	503
<i>Белогурова Д. В.</i> Детерминанты домашнего насилия	504
<i>Беляева А. К., Штыркова М. А.</i> Вовлечение несовершеннолетних в деструктивные организации	506
<i>Бережная Е. О.</i> Преступность несовершеннолетних в Российской Федерации и Республике Беларусь	508
<i>Виноградова Е. С.</i> Проблемные аспекты обеспечения международной кибербезопасности	509
<i>Гаврилина Я. В.</i> К вопросу об экономическом насилии	511
<i>Демчук В. В.</i> Социально-психологическая характеристика женщин, совершивших убийство новорожденного ребенка	512
<i>Жулина А. А., Штильман Л. А.</i> Криминальная молодежная субкультура «АУЕ»: противодействие распространению в молодежной среде	514
<i>Клипачева С. С., Кузина А. Р.</i> Вовлечение несовершеннолетних в экстремистские организации: актуальные вопросы профилактики	516
<i>Коробейникова А. О., Митрохина С. М.</i> Проблемы противодействия процессу становления личности преступника-экстремиста	517
<i>Коротцова А. С.</i> К вопросу дефиниции понятия «коррупция»	519
<i>Кулькова Е. Е.</i> Проблемы возвращения в Россию смертной казни: смертная казнь как санкция за преступления экстремистской направленности	521
<i>Нагорнов К. И.</i> О предпосылках расширения перечня категорий преступлений, за совершение которых к несовершеннолетним при освобождении от наказания возможно применение принудительных мер воспитательного воздействия	523
<i>Паливода Е. В.</i> Криминальная карьера: понятие и признаки	525
<i>Рубан А. А.</i> Профилактика буллинга в школьной среде: зарубежный опыт	526
<i>Фотин П. А.</i> К вопросу о взяточничестве в секторе здравоохранения Германии на современном этапе	528
<i>Харужик А. С.</i> Технология профайлинга и его роль в деятельности органов уголовного преследования	530
<i>Хаткевич М. Е.</i> Квалификация деяний, связанных с киберпреступностью	532
<i>Шкут Ю. В.</i> Понятие «сексуальное домогательство» в контексте совершения онлайн-груминга	533
<i>Эйсмонт Е. А.</i> Дело Тьюринга: исторический аспект химической кастрации	535
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, СУДОУСТРОЙСТВО И ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ...	537
<i>Веремьев Н. П.</i> Проблема реализации выдачи специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности как меры обеспечения безопасности участников уголовного процесса в уголовно-процессуальном законе Республики Беларусь	537

<i>Ершова В. Н.</i> Проблемы правового регулирования	539
<i>Жилук К. М.</i> Оказание юридической помощи в процессе собирания и представления доказательств по уголовному делу	540
<i>Кравцова Е. С.</i> Право свидетеля на отказ от дачи показаний	542
<i>Леута А. С.</i> Обвинительная речь прокурора	544
<i>Митukeвич Д. В.</i> Цифровизация делопроизводства в органах, ведущих уголовный процесс: электронная цифровая подпись	546
<i>Митькова Д. А.</i> Законодательное регулирование и совершенствование медиации в уголовном процессе Республики Беларусь	548
<i>Пириштук А. И.</i> Получение образцов для сравнительного исследования: право или обязанность обвиняемого?	550
<i>Пташник В. В.</i> Судебное санкционирование мер пресечения	552
<i>Шилец В. Ю.</i> Значение и правовой статус сведущего лица в уголовном процессе	554
КРИМИНАЛИСТИКА	556
<i>Багдасарова Е. Е.</i> Материальная структура фальшивомонетничества.....	556
<i>Бородич Е. И.</i> Криминалистическая характеристика незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов	557
<i>Войницкий А. А.</i> К вопросу об исследовании изображений внешнего облика человека, созданных нейросетью.....	559
<i>Галко С. Ю.</i> Использование 3D-технологий в криминалистических экспертизах	560
<i>Геращенко Е. И.</i> Следы в киберпространстве: понятие и особенности.....	562
<i>Забавская А. Е.</i> Особенности некоторых тактических приемов допроса при расследовании убийства	563
<i>Кармазина А. С.</i> Мошенничество: модель скрытого управляющего воздействия.....	564
<i>Козелецкая Е. В.</i> Актуальные вопросы установления факта изменения внешнего облика человека при проведении портретной экспертизы	566
<i>Кривицкая А. А.</i> Сравнительный анализ средств защиты денежных билетов Республики Беларусь образца 2009 г. и 2019, 2020, 2022 гг.	568
<i>Кустова А. В.</i> Тенденции развития криминалистической характеристики грабежей и разбоев	569
<i>Лукомский Н. С.</i> Проблемы тактики допроса подозреваемого	571
<i>Мкртычян А. И.</i> О понятии «аффект» в психологии, судебной психиатрии и праве ...	572
<i>Пекарская К. Л.</i> Комплексный подход при проведении судебной портретной экспертизы лиц, внешние признаки которых подверглись медико-косметологическому вмешательству	574
<i>Платун К. Ю.</i> Современные возможности исследования ID-карт	576
<i>Полуносик В. А.</i> К вопросу о проведении экспертизы вне судебно-экспертной организации	577
<i>Стариков Е. В.</i> Анализ цифровых следов и их значение для развития искусственного интеллекта.....	578
<i>Фоменкова А. С.</i> Особенности назначения почерковедческих экспертиз по копиям документов	580

<i>Чемоданова Е. Д.</i> Значение нравственно-психологического портрета преступника в расследовании преступлений	581
ПОЛИТОЛОГИЯ	584
<i>Барсуков Р. А.</i> Геоэкономическая фрагментация: конец эпохи глобализации	584
<i>Газдалиев К. Р.</i> Генезис идеологии неоконсерватизма	586
<i>Глушакова Е. А.</i> Последствия применения искусственного интеллекта в сфере политики	587
<i>Гребенчук М. А.</i> Реализация исторической политики в Республике Беларусь	589
<i>Дмитриев С. В.</i> КППРФ: особенности современного идеологического дискурса	590
<i>Ивашкина Д. А.</i> Глобальная компьютерная сеть Интернет как предмет политико-правового регулирования	592
<i>Клочкова А. С.</i> Сравнительный анализ законов Республики Беларусь «О государственной службе» 2003 и 2022 гг.	593
<i>Колмыков С. Е.</i> Влияние трансгрессивной литературы на трансформацию общественно-политического сознания современного социума	596
<i>Лапунова К. С.</i> Традиционные гендерные стереотипы в условиях современного общества.....	598
<i>Малиновский А. А.</i> Джерримендеринг как технология, искажающая результаты выборов	600
<i>Машинская Я. Ю.</i> Пандемия COVID-19 сквозь призму теории биополитики	601
<i>Миканович В. А.</i> Войны памяти в современном политико-историческом дискурсе.....	603
<i>Мясоедова П. А.</i> Трансформация вызовов и угроз политического терроризма	605
<i>Ницименко Е. С.</i> Противодействие Республики Беларусь санкционному давлению стран Запада	606
<i>Парфёнова В. О.</i> Перспективы развития семейной политики Республики Беларусь....	608
<i>Сергейчик Д. В.</i> Идеология ультралиберализма: суть и политические риски	609
<i>Сухоцкий С. М.</i> Социально-экономическая и политическая эффективность социального либерализма	610
<i>Фарино К. В.</i> «Один пояс – один путь» как внешнеполитическая доктрина КНР: цели, идеи, принципы	612
<i>Фицнер В. Д.</i> Роль молодёжных парламентов в реализации молодёжной политики.....	613
<i>Хильман С. И.</i> Особенности разделения властей в Республике Беларусь	615
<i>Яворец Е. А.</i> Роль дебат-клубов в преобразовании института политических дебатов ...	617
ЮРИДИЧЕСКОЕ КЛИНИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ	619
<i>Генюш В. В.</i> Наставничество (тьюторство) как ключевой инструмент обеспечения преемственности в работе Юридической клиники ГрГУ имени Янки Купалы	619
<i>Кузнецов Г. Д.</i> Основы консультирования при оказании бесплатной юридической помощи в юридической клинике	621
<i>Ломако В. А.</i> Теоретические и прикладные аспекты правового просвещения в юридической клинике	622